

Annotation

Жизнь – золотая ложь. Смерть – сплошная гниль.

Подобно фениксу, мне предстоит восстать из пепла и научиться владеть своей силой. Пускай с подрезанными крыльями, самое главное – что я больше не в клетке. Свободна и готова выпорхнуть из всех королевств, в которых меня удерживали!

Если ты бросаешь вызов королю, то все остальные отворачиваются от тебя.

Но у меня есть другой король. Мой.

Правда, несмотря на устрашающую силу Слейда Ревингера, другие монархи все равно придут за мной.

Поэтому мы с Ревингером будем сражаться друг за друга до последней минуты. И если нам придется стать злодеями, то так тому и быть.

* * *

Рейвен Кеннеди

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 28

Глава 29

Глава 30

Глава 31

Глава 32

Глава 33

Глава 34

Глава 35

Глава 36

Глава 37

Глава 38

Глава 39

Глава 40

Глава 41

Глава 42

Глава 43

Глава 44

Глава 45

Глава 46

Глава 47

Глава 48

Глава 49

Глава 50

Глава 51

Глава 52

Глава 53

Глава 54

Глава 55

Глава 56

Глава 57

Глава 58

Глава 59

Глава 60

Глава 61

Глава 62

Глава 63

Глава 64

Глава 65

Эпилог

Три Королевы

Благодарности

notes1

2

3

4

5

6

7

8

9

* * *

Рейвен Кеннеди

Свет

Посвящается всем, кто крепко стоит на ногах, несмотря на трудности.
Продолжайте идти.

Raven Kennedy

GLOW

Copyright © 2022 by Raven Kennedy

All Rights Reserved

© Конова В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Королева Кайла

Все вокруг наполнено голосами и криками.

Во внутренний двор замка Рэнхолд океаном хлынули люди. Они прибывают и убывают пенистой волной, крича и колыхаясь мелкой рябью.

За моей спиной стража Рэнхолда пытается вытолкать людей за ворота, яростно отдавая приказы, которые едва различимы в этом хаосе. Одни пытаются вернуться и узнать, что происходит, а другие спасаются бегством.

Ману и мои стражники вывели нас из замка – и только. От этой суматохи мое сердце грохочет в груди, дыхание учащается, а кровь стремительно несется по венам. Я измучена и уязвима, а потому чувствую себя загнанным в угол зверем – замерзшим в снегу и не имеющим возможности сдвинуться с места. Но на самом деле меня сдерживают доносящиеся из замка звуки. Хлюпанье. Всплеск. Звон. Удары. И снова крики.

Когда из парадного входа внезапно вырывается жидкое золото, раздается еще один крик. Все отшатываются, громко охнув, и начинают в панике распахивать друг друга, пытаясь отойти подальше.

Ману и Кеон стоят лицом к замку и, стремясь защитить, отталкивают меня назад вместе с окружившей нас стражей. Не всем моим стражникам удалось выбраться, но я не желаю смотреть по сторонам и видеть, скольких уже потеряла.

Золото выплескивается из дверного проема и, стекая по ступеням, закручивается вокруг стен замка. Оно хватается за мужчину, словно протягивая руки, но в самую последнюю секунду его успевают спасти стражники.

Из-за неудачной попытки схватить того человека, жидкий металл с шумом обрушивается на землю и разлетается брызгами, словно по нему ударили кулаком. На покрытых снегом ступенях появляются золотые полосы, повреждающие камень. С наружных подоконников тоже, подобно крови, стекает эта драгоценная жидкость, заляпывая стекло и просачиваясь из-под рам.

На внешних стенах замка висят факелы, и хотя свет должен давать ощущение защищенности, он только удерживает всех в этой западне. Я уже готова предложить брату уйти, страшась, что золото продолжит изливаться дальше, и что мы рискуем оказаться заточенными вместе с остальными людьми, – но осекаюсь, услышав еще один громкий треск.

Я неистово бросаю взгляд то на брата, то на Кеона и недоумеваю, что еще обрушилось в замке, кого еще убили. Но этот странный звук стал признаком конца, потому что золото, покрывающее стены, вдруг начало тускнеть и замедлять свое движение.

Когда в замке внезапно повисает тишина, золото застывает.

Вопли толпы тоже смолкают и, затаив дыхание, все задаются вопросом: все действительно кончено?

Толком не знаю, долго ли мы тут стоим, слушаем и наблюдаем, но золотые пятна на сером мерзлом камне больше не двигаются. Все вокруг, несмотря на свет от факелов, словно погружается в темноту, а воздух становится холоднее.

Возможно, звуки прекратились, но во мне все оживает. Тело начинает дрожать, а в голове кружит вихрь мыслей.

Что, во имя Богов, сейчас произошло?

Пока я стояла на снегу, туфли промокли насквозь, а кожа покрылась мурашками на морозном воздухе. Я не должна была стоять на ветру в этом платье. Я должна сейчас находиться в бальной зале. Должна праздновать свою помолвку и строить планы о том, как расширить власть над Шестым царством.

В любом случае, я не должна тут мерзнуть.

Опустив взгляд, вижу, что мое темно-синее платье усеяно блестящими пятнами. После увиденного в той бальной зале я не осмеливаюсь провести по ним пальцем.

– Оно остановилось? – спрашиваю я.

Слишком простой вопрос для того, что сейчас тут произошло. Оно остановилось. Обезумевшее золото, которое только что взвилось, неистово движимое свирепыми мотивами. Я прекрасно понимаю, что еще долго буду

держат в памяти события сегодняшнего вечера, буду прокручивать их снова и снова. Не смогу я забыть, с какой безумной скоростью лилось это золото. Как оно стекало по стенам. Как покрыло землю. Как оно разлеталось брызгами, нанося смертельные удары и поглощая все на своем пути.

– Оно остановилось? – повторяю я и тут же понимаю, что мне никогда еще не доводилось слышать у себя такого визгливого голоса.

Я ни разу не оказывалась в такой близости к смертельной опасности, и мое тело это понимает. Вот почему в ушах по-прежнему шумит от прилива крови. Вот почему я не могу остановить дрожь в теле.

– Думаю, да, – повернувшись ко мне, наконец отвечает Ману.

Кеон по-прежнему смотрит на замок, словно не может отвести от него взгляда. Словно ждет, что неистовый жидкий металл снова воспрянет духом.

– Да будьте вы прокляты, Боги, – слышу, как шепчет он.

Произнесенное им тихое ругательство будто вытаскивает пробку из закупоренной толпы, потому что во внутреннем дворе разносится поток голосов. Моя сила по привычке вырывается наружу, притягивая ко мне их слова. Магия устремляется вниз, подхватывает каждую фразу и выстраивает их у меня в голове.

– Что случилось?

– Это дар царя Мидаса, обращающий в золото.

– Где царь Мидас? Где король Рот?

– Наш принц мертв.

– Мидас сделал это нарочно?

– Но что случилось на самом деле?

Слова, изливающиеся из их уст, льнут ко мне, собираясь нитями, как в паутине, которую я должна сплести. Но вскоре сила становится не нужна мне, поскольку толпа начинает громко и лихорадочно требовать ответы.

– Черт, – сквозь зубы говорит Ману, повернувшись ко мне. – Может, тебе лучше...

Внезапно раздается чей-то крик:

– Я знаю, что случилось!

Все переводят внимание на женщину, которая, пошатываясь, выходит вперед. Она наводит дрожащий палец на двери, из-за которых ранее, словно из зияющей раны, вытекало золото.

- Царь Мидас ни при чем! - выплевывает она. У нее длинные черные волосы, а платье выглядит так, словно частично успело оплавиться. - Это его позолоченный питомец! Она украла у него силу!

От удивления я отшатываюсь, ее слова путаются у меня в голове.

- Кто это? - шепчет Ману.

Расталкивая толпу, вперед выходит мужчина.

- О чем ты толкуешь, женщина?

Она выпрямляется и окидывает толпу горделивым взглядом.

- Я одна из наложниц царя Мидаса и уверенно заявляю, что во всем виновата Аурен. Это ее вина! Когда он позолотил ее, эта шлюха украла у него силу и поняла, что может воспользоваться ею ради собственной выгоды. Она солгала ему, а теперь и напала. Я лично это видела, когда выбегала из замка!

Потрясение проносится по толпе, как весло, рассекающее волны.

- Какого хрена? - шипит Ману и поворачивается ко мне.

Когда женщина кладет руку на живот, до меня доходит, кто она.

Мист. Наложница, которую обрехатил Мидас.

Осмыслив ее слова, я сначала качаю головой, отвергая эту идею, но все же это должно быть правдой, потому что в той зале я видела... Видела, что золото словно не подчинялось Мидасу, словно им управлял кто-то другой...

Почему я раньше не раскрыла эту тайну?

- Смотрите! - кричит кто-то. - Тимбервинги! Кто-то улетает на тимбервингах!

- Это она! Позолоченная убийца!

Я поворачиваю голову в сторону кричащего мужчины и смотрю, куда он показывает. Замечаю мелькнувшие перья и когти, которые через мгновение исчезают в облаках, поглощенные ночной темнотой.

Это улетают король Рот и леди Аурен?

- Я же вам говорила! - кричит Мист. - Она обманщица. Мошенница. Она соблазнила Мидаса и забрала у него силу, а теперь проделает то же самое с королем Ротом!

Крики в толпе становятся громче, а через пару мгновений эта сплетня разносится настолько сильным потоком, что его уже невозможно остановить.

Как, во имя Богов, я это упустила? Почему не поняла?

– Тебя трясет, – говорит брат, вырвав меня из нахлынувших мыслей. Он бросает взгляд мне за плечо. – Ваша королева замерзла. Укройте ее чем-нибудь.

Слышу сзади движение, а потом мне на плечи накидывают тяжелую мантию.

– Держите, королева Кайла.

Стиснув пальцами меха, я плотно заворачиваюсь в них, хотя они ни капли не защищают от холода, поскольку тот пронизывает меня до самых костей. Я слишком надолго тут увязла и потому, чтобы почувствовать подобие тепла, мне нужно вернуться в Третье королевство.

Однако отправляться домой еще рано. Нет, ведь все, ради чего я так старалась, теперь утекает сквозь пальцы.

Я чувствую обращенные на меня взгляды людей, которые ждут повелений.

– Ману, пусть кто-нибудь подтвердит, что Ревингер только что сбежал с леди Аурен.

Получив от меня повеление, брат кивает и отходит, а я слышу, как он раздает кому-то приказы. Я оглядываю внутренний двор и замечаю, что здесь собралась только гвардия Рэнхолда. Не вижу ни одного стражника Мидаса. В поле зрения вообще нет позолоченных доспехов.

– Кеон, – зову я, и он незамедлительно поворачивается ко мне. – Пусть кто-нибудь из стражи Рэнхолда войдет в замок и подтвердит, что опасность миновала. Вдруг они смогут найти Мидаса и ему нужна помощь.

Кивнув, он уходит, указав на стражников Пятого королевства, которые собрались возле затвердевшей золотой лужи на снегу и осторожно ее пинают.

Я же смотрю на замок, когда вдруг поднимается ветер, а с неба начинает сыпать ледяной дождь, словно здесь и без того не слишком уныло.

Трое солдат Рэнхолда отходят от остальных и с мрачными лицами идут к сломанному дверному проему. Идущий впереди протягивает руки остальным, а потом опускается на колени у первого пятна пролившегося золота, которое застыло на ступенях. Он прижимает к нему палец, но ничего не происходит, и тогда солдат снова встает, кивнув остальным. Они подходят к дверям, стуча ботинками по застывшему золоту, и исчезают в замке.

Мы ждем.

Собравшаяся толпа снова молчит, от тревоги у них словно потерялся дар речи.

Несмотря на раздирающие меня мысли, я подхожу к замку и, встав лицом к остальным, смотрю на них спокойно, но решительно. Их принц мертв, Рот сбежал, а Мидаса здесь нет – выходит, я единственная, к кому они могут обратиться, и мне важно взрастить в них доверие. Сейчас мне нужно, чтобы меня увидели.

- Не бойтесь, - уверяю я. - Опасность миновала, и я выясню, что из заявленного правда.

Люди переговариваются шепотом, а я с помощью своих сил подмечаю их облегчение, восхищение и уважение ко мне.

- Так держать, сестра, - еле слышно говорит Ману.

Когда появляется один из стражников, я кивком велю Кеону составить отчет. Он подходит к солдату и, безучастно выслушав, отпускает, но я обвожу толпу взглядом, улавливая силой их бормотание.

Когда Кеон возвращается, я на время отпускаю свою магию.

- Ну? - с тревогой спрашивает Ману.

- Похоже, золото остановилось и застыло, - тихо говорит он.

- А Мидас? - требовательно интересуюсь я.

Он переводит на меня карие глаза.

- Они считают, что он мертв.

От потрясения я резко охаю. Воздух застревает в горле, а слова сплетаются в голове сами по себе, оборачиваясь вокруг черепа опутывающими цепями.

Мертв.

Я поджимаю губы и чувствую, как пытаюсь испепелить замок взглядом. Все мои труды... я столько времени потратила на эти козни, а теперь произошло это.

Если царь Мидас мертв, он совершенно бесполезен.

Я прибыла сюда, чтобы договориться о сделках, осуществить свои желания, использовав впечатлительного принца и богатого правителя. Ситуация несколько изменилась, но к лучшему. У меня был план. Я собиралась стать первым монархом в истории, объединившим два королевства посредством брака и запустившим руку в третье. Потому что сила - это самое главное, и, возможно, я не могу при помощи магии превращать предметы в золото и умерщвлять гниль, но у меня есть слова. А королева, сплетая паутину из людских тайн, способна на многое.

Заняв трон, я с тех самых пор неустанно трудилась, чтобы мой народ видел во мне такую же грозную силу, как и в любом другом монархе. И благодаря этим альянсам моя сила только бы увеличилась. А теперь все старания терпят крах.

И все из-за леди Аурен. Леди. Словно наложница имеет право на это звание.

Меня охватывают страх и гнев, хоть я этого и не показываю. Нельзя - за мной наблюдает слишком много людей. Я - женщина у власти и не могу

позволить им увидеть свои истинные чувства, потому что тогда их используют против меня.

- Я хочу посмотреть.

И пока никто не успел меня остановить, широким шагом иду к замку, чувствуя, как холодеют пальцы ног, когда мои шелковые туфли наполняются снегом.

- Сестра, - окликает Ману, но я продолжаю идти. Слышу торопливые шаги, а когда подхожу к лестнице, Ману и Кеон меня догоняют.

- Хотя бы позволь, я войду первым, - говорит Кеон и резво вырывается вперед.

- Будь осторожен, - предостерегает Ману.

Кивнув, Кеон поднимается по ступенькам, я тут же следую за ним.

- Кайла, - шипит Ману. - Хоть золото и остановилось, это не означает, что это надолго. Мы же не знаем, насколько оно изменчиво.

- Оно застыло, - возражаю я, шурша туфлями по скользкому золоту. Мы встаем на верхней ступеньке и видим, что двери свисают с петель, как выбитые и кривые зубы.

- Оно и до того застывало, - парирует он. - И смотри, чем это обернулось.

- Именно это и собираюсь сделать.

Когда я вхожу в замок, слышу вздох Ману, но, оказавшись внутри, замедляю шаг. Пламя в настенных бра гаснет и снова вспыхивает, словно тоже волнуется и приходит в себя после атаки.

В передней[1] раздается эхо наших шагов. Мы с Ману немного отстаем от Кеона, пока не подходим к бальной зале. И, встав в дверях, замираем.

Я моргаю, пытаюсь привыкнуть к окутавшей залу темноте. К темноте и к золоту, которое мерцает затаенным предупреждением. Прежде зала освещалась пламенем из канделябров и настенных бра, и здесь было светло, как днем. Но теперь все окутано тенью. Единственный источник света - еще горящие железные печи в углу, и заметны они стали только сейчас, когда бальная зала опустела. Она даже отдаленно не похожа на ту, что была раньше. Словно все помещение сделано из воска, и к нему кто-то поднес горящую свечу. Стены кажутся наполовину оплавленными, а золото, стекающее по стенам, застыло. С потолка тоже свисают капли, больше похожие на сосульки, концы которых направлены на нас. С позолоченных колонн слетела позолота, весь золотой орнамент оплавился.

Пол представляет собой покрытую рябью развалину: где-то превратился в глыбу, вздувшись недвижимыми фигурами, из-за которых я прихожу в крайнее недоумение. Справа от меня видно очертание поднятой вверх и застывшей в таком положении руки. Возле помоста лежит, свернувшись, позолоченное

тело. А под мезонином застыла волна, словно балкон оплавился и расплескался брызгами на пол – теперь там можно было увидеть чью-то ногу.

– Боги...

Слова Ману, произнесенные шепотом, побуждают к действию. Ноги сами несут меня через залу. Я настороженно перевожу взгляд с одного золотого пятна на другое. А когда прохожу дальше, от стен доносится жуткий стон. От пола. От потолка. Словно старое здание дает трещины и со скрипом проседает, но вот только этот звук намного страшнее. Он зловещий. Кажется, будто золото – это призрак, который сетует из-за нашего присутствия и грозит преследовать в кошмарах.

Я замираю, чувствуя, как кровь в висках стучит еще сильнее, чем до этого. Ману хватает меня за руку.

– Кайла, нужно убираться отсюда.

Стон со вздохом прекращается, и зала снова погружается в тишину.

Вырвав руку из его хватки, я продолжаю поиски.

– Я хочу посмотреть.

Кеон показывает вперед и говорит:

– Взгляните туда.

Посмотрев в ту сторону, куда он указал, я несусь вперед к самой дальней стене. К выпуклому пятну, которое теперь портит все убранство.

– О великие боги...

Это он.

Корона с его головы исчезла. Возможно, выплавилась в золото, которое теперь покрывает все его тело. Мидаса словно заточили в саму стену, словно она пыталась втянуть его в себя и поглотить сполна. На его лице отражено отчаяние. В широко раскрытых глазах застыли страх и потрясение.

Царь Мидас теперь всего лишь мертвец, заключенный в драгоценную гробницу.

Золото снова стонет, будто заявляя о своих правах.

– Нет...

Услышав женский голос, мы оборачиваемся и видим, как Мист, пошатываясь, идет вперед и с ужасом смотрит на Мидаса.

– Мой царь... – Она падает на колени, схватившись за живот, и в желтоватой, раскуроченной зале ее плач разносится эхом. – Это она. Она с ним это сделала.

– Но как? – шепчет Кеон, пока мы смотрим, как она рыдает. – Как такое возможно?

Я вспоминаю все слухи и толки, что до меня доходили. Смотрю на лицо Мидаса и размышляю. Прислушиваюсь. Перебираю нити давней паутины из слов, что я собрала – теперь они маятником раскачиваются в моих воспоминаниях.

Монархи не распространяются о своей магии. Это важно. Они знают, когда нужно продемонстрировать силу, и знают, когда ее нужно скрыть. Порой лучше обставить все так, чтобы люди вас недооценили. А иногда правители становятся известными благодаря такой неограниченной силе, и подданные либо почитают их, либо страшатся. А иногда и то и другое.

Мидас позолотил обеденный стол – впервые это произошло у меня на глазах. А еще для сегодняшнего праздника позолотил этот бальный зал. Два совершенных зрелища.

И все же сегодня золото вело себя так, словно вовсе не Мидас им управлял. Потому что так и было.

У меня нет ни тени сомнений, что сила золотого прикосновения была настоящей. И Мидас ни одного живого человека, кроме Аурен, не превращал в золото. Наверняка как раз по этой причине.

Я полагала, что главная ее тайна – это связь с командиром вражеской армии. Думала, что позолоченная фаворитка была для Мидаса всего лишь любимой наложницей для постельных утех.

И ошиблась во всем.

А я не выносила, когда допускала промахи.

Мидас превратил ее в яркий трофей, которым так часто кичился. У мужчин частенько бывают навязчивые идеи – особенно когда дело касается женщин. И азарт, который они демонстрируют по отношению к объектам своей одержимости, всегда балансирует на грани безрассудной страсти и ненависти. Один проступок – и господин ополчится на своего драгоценного питомца.

Однако, возможно, в этом случае... именно питомец ополчился на своего господина.

Страх, окутавший сознание, медленно оседает в желудке. Если Аурен и впрямь может украсть силу, тогда что случится, если она попытается украсть мою? Что, если ей это удалось?

Я клацаю и скрежещу зубами. Но впадать в панику не собираюсь – нужно понять, как обернуть ситуацию в свою пользу. Потому как если леди Аурен попытается украсть мою силу, то я ее уничтожу.

При виде затвердевшего металла я подкрепляю и свои безостановочно кружащие суждения. Мидас заключен в золото так, словно кузнец специально отлил для этого форму.

Я решила, что он бесполезен мне мертвым, однако, быть может, ошиблась. Возможно, мне остается лишь воспользоваться тем, во что его выковали.

Как оружием.

- Когда он ее позолотил, видимо, часть его силы перешла к ней, - тихо говорю я. - И он бы не хотел, чтобы кто-нибудь об этом узнал.

Мидас был скрытным во всем, но такое? Это совсем иной вид опаснейших тайн на свете. Поэтому он держал ее при себе? Потому что натаскал воровать чужую силу, чтобы пользоваться ею в своих интересах?

- Это плохо, - замечает Кеон.

- Кайла, - начинает брат. - А если это не случайность? Вдруг это и есть ее магия? Вдруг она отнимала силу, когда ее применяли на ней? Ты?..

- Применяла, - резко кивнув, говорю я, чувствуя, как меня снова охватывает гнев.

- А если она украдет и твою силу?

Мне не нравится слышать, когда озвучивают то, что и так вызывает у меня беспокойство. Я выпрямляюсь и прижимаю язык к стиснутым зубам. Перемещаю взгляд на свое нечеткое отражение на позолоченной груди Мидаса.

Сегодняшний вечер должен был закончиться совсем не так. Я не рассчитывала, что окажусь в опасности, а кто-то, возможно, заберет мою силу и воспользуется ею против меня.

- Как нам пустить это в ход? - говорит Ману, потому что, как и я, всегда выворачивает ситуацию так, чтобы получить политическую выгоду. И случившееся сегодня ничем от того не отличается.

Я оглядываю бальную залу, но мы по-прежнему одни, если не считать Мист, которая рыдает, закрыв лицо руками.

- Мы скажем людям правду, - говорю я. - Что фаворитка Мидаса его предала. Что она завела интрижку с королем Ротом, пытаясь вызвать у Мидаса ревность. Что она завидовала из-за моей помолвки с Мидасом.

- Пусть все знают, что она злодейка.

Я киваю.

- Ее возненавидит вся Орея.

- А Шестое царство? - спрашивает Ману. - Ведь брак теперь по понятным причинам не случится.

- Но мы при всех объявили о нашей помолвке, - отвечаю я. - Будет трудно, но если я правильно все разыграю, то все равно смогу установить над ним контроль.

- Народ в Шестом царстве еще бунтует, - напоминает Кеон. - А еще они убили свою прежнюю царицу. С чего ты решила, что после смерти Мидаса они примут тебя без церемонии бракосочетания?

Я улыбаюсь ему.

- Потому что я не их Холодная царица. Я приветливая, обаятельная, красивая Кайла Иоана. Я заставлю их полюбить меня так, как любят подданные Третьего королевства.

- Мы знаем, как наш народ любит Кайлу. У нее получится, - решительно кивнув, подтверждает мой брат.

- Придется действовать быстро, - говорит Кеон. - Нужно как можно скорее посетить Шестое царство, провести какую-нибудь церемонию, почтив память Мидаса. И при этом необходимо выставить тебя горющей невестой, чтобы вызвать у них сочувствие.

Уж если я что-то и умею, так это вызывать любовь у целого королевства.

- Это мне по силам.

От пронзительных, судорожных причитаний за спиной я стискиваю зубы и бросаю на Мист еще один взгляд.

А вот с ней все равно придется разобраться.

Если я планирую занять трон Шестого царства, то, разумеется, не могу допустить, чтобы она родила незаконнорожденного наследника. Но с этой проблемой мы разберемся позже.

- Сейчас слишком много всего происходит, - тихо продолжаю я. - Как только остальные правители узнают о том, что леди Аурен может украсть силу, они захотят вмешаться. Да и остается проблема с Пятым королевством...

- На самом деле на этот счет у меня есть идея, - говорит Ману, и я тут же обращаю внимание на него.

Брат не просто так служит моим советником. У него блестящий ум, он знает, как играть на публику, он умеет видеть людей насквозь, и - что важнее всего - предан мне.

- Раз уж первым делом мы должны закрепиться в Шестом царстве и разобраться с леди Аурен, то и здесь, в Пятом королевстве, не должны лишиться влияния. Предлагаю немедленно начать поиски ближайших родственников Фулька, потому что теперь, когда принц мертв, Рэнхолду нужен наследник. Мы разыщем всех, кто наделен силой, и отберем лучших претендентов на трон. А потом сами выберем, кто из них его займет. Именно мы определим, кому отойдет власть. А в обмен на нашу поддержку... они поддержат нас и только нас.

Я улыбаюсь.

- Брат, ты истинное совершенство.

Он отвечает мне точно такой же улыбкой.

- А если кто-нибудь попытается выступить против нас, заявив права на Шестое царство или помешав назначить наследника Пятого королевства? - взволнованно спрашивает Кеон.

Моя улыбка тут же меняется и становится беспощадной.

- Любой, кто проголосует против меня, лишится права голоса.

А если леди Аурен думает, что может отнять у меня все, ради чего я так упорно трудилась, то вскоре поймет, что не только она знает, как украсть желанное.

Может, я и не обладаю даром превращать предметы в золото и убивать гнилью, но слова - самое могущественное оружие на свете, и я умело им воспользуюсь.

Глава 2

Слейд

Небо сотрясает шторм, а я держу на руках безжизненное тело.

Надвигающаяся буря приближается, оскалив ледяные зубы и злобно клацнув по воздуху, а холодный пронизывающий ветер, завывая, бьет мне в лицо.

Я мысленно отсчитываю секунды. Когда я свистнул, моему тимбервингу понадобилось шестьдесят секунд, чтобы до меня добраться. Еще сорок секунд я забирался на спину Арго, и, пока держал Аурен на руках, Лу пристегивала меня,

А через шестьдесят секунд мы оказались здесь, в тисках стущающихся облаков. Погода ночью решила восстать против меня: признаки надвигающегося шторма закрывают горизонт, словно ватные пучки, забившие сток.

Мой тимбервинг мчит вперед, и лед острыми когтями царапает мне щеки. Я накрываю Аурен плащом, а затем подтягиваю ближе к себе и крепко обнимаю.

Она очень холодная и такая беззащитная...

Ее сердце не бьется, грудь не двигается, кожа стала землистой. И все из-за меня. Из-за того, что я натворил.

Быстро оглянувшись назад, вижу замок Рэнхолд, который освещают факелы. Теперь его внутренний двор испачкан гневливым твердым золотом, которое, будто магма, изверглось из дверей и вымазало серый камень, а потом застыло, не успев нанести большой урон.

Золото словно пыталось прогрызть себе путь в этом клятом замке. Вобрать воздуха из неумолимого рта и с гневом его поглотить. Вот что происходит, когда сила, которую слишком долго подавляют, накапливается и захлестывает того, кто ее сдерживает: она пробивает трещинки и наконец прорывается на свободу, подобно рухнувшей плотине.

Я отворачиваюсь и еще крепче обнимаю Аурен.

Мне нужно как можно скорее покинуть замок и золото, но какой предстоит преодолеть путь – еще не ясно, потому что каждая секунда подвергает Аурен еще большей опасности.

Это палка о двух концах, и жизнь Аурен балансирует на ее острие.

Я должен увезти ее отсюда как можно скорее, пока она не провела в этом гнилом стазисе [2] слишком много времени. Не зная, как глубоко может распространиться ее сила, я пытаюсь угадать, сколько еще нам нужно пролететь.

Мне хочется только вытащить из нее эту гниль. И я должен сделать это где-то на земле, – если я попробую удалить свою магию в воздухе, есть вероятность, что Аурен призовет золото, а мне бы точно сейчас этого не хотелось.

Ее аура в эту секунду являет собой лишь тусклый стусток света, напоминающий развеивающийся туман. Если буду медлить, то сила, которой я ее заразил, причинит столько вреда, что я не смогу уже этому воспрепятствовать. Нет, я не позволю этому произойти. Не позволю, чтобы такое случилось. Потому буду держаться до самой последней секунды.

Время и расстояние – мои враги и мои союзники.

Встревоженно я слегка ударяю ногой тимбервинга. Он издает крик: либо выражая недовольство, либо подав сигнал стае. Я знаю, что остальные летят за нами.

– Быстрее, Арго, – тороплю я пернатого зверя, но голос мой дрожит, как руки у неопытного воришки.

И хотя ветер дует нам навстречу, Арго набирает скорость, и я не сжимаю руками поводья, давая зверю волю. Он расправляет свои огромные крылья, рассекая ночное небо, освещенное лишь затененной тучами луной. Меня дергает назад, и если бы не кожаный ремень от седла, привязанный к пряжке у меня на поясе, то я бы точно свалился.

Такое уже бывало.

И все же сейчас я лечу верхом не ради забавы и не ради дозора. Это вопрос жизни и смерти.

Вопрос ее жизни.

Мы как можно быстрее улетаем от Рэнхолда прочь, а небо Пятого королевства будто нас за это наказывает. Возможно, покойные король Фульк и принц Нивен хотят, чтобы в их кончине кого-то обвинили.

Из-под капюшона моего плаща выбивается прядь волос Аурен и развеивается на ветру. Одной рукой я плотнее укутываю ее, пытаюсь уберечь от холода, хотя и знаю, что она этого не чувствует.

Проходит еще тридцать секунд.

Страх скапливается в груди, как грузные кирпичи непреодолимой стены. Я будто чувствую, как постепенно ускользает душа Аурен.

Находясь в ожидании момента, когда смогу обратить гниль вспять, я все больше осознаю, какой опасности ее подверг. Меня терзает чувство вины за то, что я наслал на нее магию, которая сейчас держит ее в своих тисках, и тут же уверяюсь в решении, что лишь так мог ее спасти. Оглядываясь еще раз назад, но Рэнхолд уже скрылся из виду, королевство полностью накрыли облака.

Краем глаза замечаю, как тучи прорезает темная тень, и вовсе не удивляюсь появившемуся тимбервингу и его наезднику. На фоне этого громадного зверя даже Озрик кажется мелким. Он молча наблюдает за мной, крепко сжимая поводья. Я киваю ему.

Надеюсь, я отлетел на приличное расстояние, потому что ждать больше не могу ни секунды. Натянув поводья, я приказываю Арго снижаться. Тимбервинг издает клич, и я укрываю собой Аурен, готовясь к спуску.

Заметив, что лечу к земле, Озрик резко свистит и следует моему примеру. Я слышу вдали ответный крик остальных тимбервингов.

Мой Гнев следует за мной, куда бы я ни направился.

Глаза жжет от силы налетевшего ветра, но мы продолжаем снижаться, пробиваясь сквозь плотные облака надвигающейся бури.

Я наблюдаю за петлями моей силы, которая теперь засела в Аурен, а линии, обвивающие мой подбородок, скручиваются и подрагивают. Гниль. Коррозия. Смерть. Всему этому не место рядом с Аурен, и все же именно я ее отравил.

Мне это чертовски претит.

Я сжимаю колени, наклонившись вперед, и хватаюсь за ремешок тимбервинга.

– Быстрее... – шепчу я.

Наверное, Арго чувствует мой ужас, потому что ему каким-то образом удастся спускаться еще быстрее. В уголках прищуренных глаз собирается влага, а сердце в груди стучит так громко, что может посоперничать со свистом ветра.

- Почти, - говорю я, уткнувшись лицом в ее волосы. - Ты только подожди еще несколько секунд.

Наконец мы пробиваемся сквозь туман и облака, но внизу нас встречает замерзшая земля, окутывающая мир серой пеленой. Когда кажется, что мы вот-вот врежемся в землю, в самую последнюю секунду Арго взмывает вверх и облетает по кругу тимбервинга Озрика. После этого они оба приземляются на лапы, и из-под их когтей разлетается снег, словно море, бьющееся об обшивку корабля.

Замерзшими пальцами я тут же расстегиваю пряжку и осторожно выскользываю из нее, чтобы не слишком сильно трясти Аурен. Не успеваю и шага сделать, как рядом оказывается Оз, срывает с себя плащ и кладет его на землю, и в ту же минуту остальные тимбервинги приземляются рядом, подобно затененным зрителям.

- Не подходите, - кричу я через плечо.

Я кладу Аурен на плащ и вижу, как по венам у нее на шее тянутся едва заметные полосы гнили. Волосы Аурен ореолом ложатся вокруг нее и блестят даже в темноте. Завернутая в мой плащ, она выглядит такой хрупкой и такой безжизненной...

Встав рядом с ней на колени, я сосредотачиваюсь и закрываю глаза. Чувствую, как моя магия, словно яд, цепляется за распростертое на земле тело. По венам Аурен продирается чудовищная гниль, а ее сердце от того увядает. Она подкрадывается к ее горлу, обступает неподвижные губы.

Я чувствую, как по моему телу проходит волна напряжения. По наитию хочу вытащить из нее эту магию как можно скорее, но понимаю, что это будет подобно вырыванию клинка из раны. Я не хочу нанести больше вреда, чем уже причинил, поэтому осторожно призываю силу обратно, чтобы не сотрясать ее тело. Слышу, как за спиной тихонько переговаривается Гнев, кто-то неуверенно шагает по снегу, тимбервинги посвистывают друг другу, а гром среди облаков, которые мы только что покинули, оповещает о приближении холода.

Я отгоняю прочь все ненужные мысли и сосредотачиваюсь на магии, текущей по венам Аурен, после чего со всей осторожностью выдергиваю ее, как сорняк. Дальше пальцы погружаются в почву, и я расслабляюсь, отпуская в нее гниль. Параллельно с этим даю телу Аурен время на то, чтобы восстановиться. Затем немного жду и начинаю методично удалять каждое гнилое пятно, похожее на куски застывшей глины.

Несмотря на сильный холод, у меня на висках проступают капли пота. Я сжимаю зубы, притягивая силу к себе и возвращаю в свои вены, чтобы она бурлила в благодатной для нее почве. Полностью вытягиваю силу из Аурен, пока не остается только один фрагмент - в ее груди. Однако, когда я призываю оставшуюся силу, пытаюсь извлечь его, то наталкиваюсь на сопротивление. Вместо того чтобы, как остальные, покинуть ее тело, этот фрагмент запускает в нее шипы, словно пытается удержаться.

Словно пытается удержать Аурен в своих когтях.

Я хмурюсь, руки трясутся, и по ним распускаются гнилые корни. Сила скользит по моим ладоням и забивается под кончики пальцев, а темные линии раздирают меня изнутри, стремясь пробить кожу.

От замешательства и страха я вновь стискиваю челюсти.

Моя сила никогда еще так не упрямылась. Никогда не пыталась так упорно остаться. Уже много лет я не сражался с ней – во всяком случае, с детства. Мне очень рано пришлось научиться обращаться с этой зловонной магией, пока она не уничтожила все, включая меня.

Так что, черт возьми, происходит?

Я лихорадочно осматриваю Аурен, но больше не вижу в ней гнилой скверны, остальные части ее тела не замараны ею. Она снова стала такой же, как раньше, но почему тогда не уходит этот последний фрагмент?

– Отпусти. – От неослабевающего вкуса яда язык еле шевелится. – Отпусти ее.

В ответ он извивается, как терновник, скручивающийся вокруг ее груди и пускающий в нее корни. Ужас пронзает меня, как самый острый из клинков.

– Отпусти ее, черт тебя подери!

Магия и сила вырываются на волю, став сильнее той бури, что пытается обрушиться с неба. Клацнув зубами, я делаю один мощный рывок, рассекающий воздух. И сила моего же яростного рывка отбрасывает меня назад, а Аурен в это время выгибается на земле дугой.

– Рип!

Я лежу, опешив и задыхаясь, и не отвожу взгляда с темных облаков, застилающих ночное небо. Лу падает на землю рядом со мной и смотрит на меня круглыми от волнения глазами.

– Ты живой?

– Черт возьми, что это сейчас было? – спрашивает Озрик.

Я слышу, как свистит Джадд:

– Твои корни...

Опускаю взгляд на руки, где вены извиваются и рассерженно шелкают. Чувствую, как все осматривают мои лицо и шею, но надеюсь, что никто ничего не скажет, потому что я и сам ощущаю, как эти злосчастные корни шевелятся под кожей. Везде, черт возьми. Словно я несколько месяцев не пользовался силой, словно она скопилась во мне.

Но все это неважно, ведь я только что вырвал из Аурен последний кусочек гнили, а значит, все будет хорошо.

Лу порывается помочь мне сесть, но я отталкиваю ее мельтешащие руки, и у меня вырывается мучительный стон. Снова быстро наклоняюсь над Аурен, но, увидев ее лицо, понимаю, что она по-прежнему не очнулась.

Она все равно не двигается.

Моя паника разрастается.

Гниль просачивается в землю, а мое сердце уходит в пятки.

Что я натворил?

Я зарываюсь пальцами в снег, и от моего прикосновения гниль расплзается по земле разлагающимися полосами. Я не просто чувствую, как она растекается по снегу, а чувствую, как она обволакивает мое сердце, сжимает его, дробит на мелкие осколки и приказывает увядать у меня в груди.

Я резко зажмуриваюсь, а корни впиваются в кожу шеи. Они обвиваются вокруг вен, как разъяренные змеи, которые сжимают и кусают, причиняя невыносимую боль, но я не обращаю на нее внимания.

Потому что я убил Аурен. Твою мать, я ее убил...

Внезапно она приоткрывает рот. Когда с ее губ срывается прерывистый вздох, я распахиваю глаза. У нее изо рта вырывается черное облачко, которое спустя мгновение развеивается между нами.

От облегчения в висках начинает стучать.

– Аурен?

Но она не открывает глаза, и страх сжимает мне сердце.

Я закрываю глаза, стараясь снова сосредоточиться на ней, и чувствую, как холодею. Потому что этот кусочек, единственный фрагмент гнили, который я только что вырвал у нее, еще в ее теле.

По-прежнему, черт возьми, там.

Остолбенев, мысленно пытаюсь снова и снова схватить его и выдернуть, но он не поддается.

Она вздыхает, и из ее рта снова вырывается мутная черная дымка.

Сердце стучит по ребрам, желая вырваться из клетки и сразиться с кем-то. Но сколько бы я ни призывал свою силу, этот последний фрагмент не покидает ее грудь. Он въелся, как чернильное пятно на золотистой ткани, которое я не смогу вывести.

И все же ее грудь поднимается и опускается. Ее сердце бьется чаще. Она жива.

Черт, я не могу вытащить из нее последнюю каплю гнили, но Аурен жива, а это самое главное.

- Аурен, очнись.

Проходят секунды. Пять, десять, двадцать. Я считаю каждую.

- С ней все в порядке?

Я застываю от хриплого вопроса, заданного Дигби. Голос у него такой из-за нанесенных ему увечий, а еще, потому что он давно им не пользовался. Я молчу и не знаю, осмелится ли кто-нибудь ему ответить. Просто продолжаю за ней наблюдать, желая, чтобы она открыла глаза.

- Ну же, Золотая пташка... - шепчу я. Тревога врезается мне в шею как удавка.

Слышу рядом шарканье, а потом Дигби вырывается вперед и встает рядом со мной на колени.

- Она жива? - снова спрашивает он.

Я по-прежнему молчу, и тогда он хватает меня за рубашку и, к моему удивлению, учитывая, сколько на его теле ушибов, с силой тянет на себя.

- Что ты натворил? - гаркает он, шевеля опухшими и потрескавшимися от крови и мороза губами.

Озрик тут же оказывается рядом, поднимает Дигби и оттаскивает его.

- Что ты натворил? - раздается обвиняющий хриплый крик Дигби, который сразу же сливается с воплями охватившего меня ужаса. Озрик и Дигби о чем-то яро спорят, но от страха так сильно шумит в ушах, что я не слышу, о чем они толкуют.

Что я натворил?

Руки начинают дрожать от паники и страха, которые захватили меня с той секунды, как я применил к Аурен силу.

- Почему она не приходит в себя? - спрашивает Лу, но я не знаю. Черт, я не знаю, так что и ответить мне, мать его, нечего.

Я обхватываю руками холодные щеки Аурен и издаю шипение от боли в пальцах. Даже сейчас моя сила словно хочет отделиться от кожи и вернуться к ней.

Ее аура потускнела. Вокруг ее тела скользят лишь тусклые золотистые всполохи. Аура должна сиять ярко даже в ночи, но сейчас она совсем не похожа на вспышку мощной силы и жизни, которая обычно от нее исходит.

Я прождал слишком долго.

Я должен был отравить ее гнилью раньше – до того, как у нее почти закончились силы. И приземлиться должен был быстрее, должен был раньше вырвать из нее свою магию.

– Не поступай так, – взываю я к ней. К богам.

Не сейчас.

Не после всего, что произошло. Я ведь только обрел ее...

– Мне нужно, чтобы ты пришла в себя, – приказываю я, но на самом деле эта мольба вырвана из глубин моей души. А если Аурен вообще не очнется? А если это цепкое семя гнили пустило в ней корни и теперь не отпустит ее?

Я применил к ней силу только для того, чтобы она не упала замертво от усталости. Проклятие, я только все испортил. Испортил, и теперь моя же сила набрасывается на меня как тысяча кусающихся змей, а Аурен до сих пор заражена моей магией.

Я опускаю голову, прижавшись своим лбом к ее голове, и держу руки на ее холодных щеках.

– Не поступай так, – зажмурившись, умоляю я. – Золотая пташка, ты намного сильнее. Ты сильная. Так что очнись.

Но она не приходит в себя.

– Черт! – Резко вскинувшись, я ударяю кулаком по снегу, и острый лед, укрывающий землю, рвет кожу. – Черт, черт, черт!

Я слышу, как Дигби в отчаянии пытается противостоять остальным и вместе с тем проклинает меня. Его угрозы и бранные слова хлещут меня по спине, как кнут. Бьют меня осознанием...

– Это я виноват, – вырывается у меня искреннее признание вины.

Лу поджимает губы в ответ на мое заявление.

– Так исправь.

– Так я, черт возьми, пытался! – огрызаюсь я и в отчаянии провожу рукой по волосам. – Я пытаюсь...

Не могу ясно мыслить. В висках стучит кровь, земля под ногами сотрясается, в ушах что-то ревет. Магия во мне издает скорбный звук, растекаясь перед глазами и вынуждая видеть линии, которых там нет. Теперь я слишком часто, слишком быстро распространяю гниль, и она впитывается в землю, ослабляя ее и нанося ущерб.

Я слышу крики, а может, это ветер или сила, брыкающаяся у меня в костях.

– Рип, твоя сила...

Я трясусь всем телом, чувствуя, как покалывает и растягивает кожу, а гниль начинает с шипением растекаться по земле, желая прорасти в нее и разорвать...

БАМ!

Я отлетаю назад и снова, уже второй раз, падаю на снег, на мгновение опешив.

– Возьми себя в руки, – со злостью говорит брат и встает на колени, подняв меня с земли, на которую же сам, кретин, меня и уронил, дав по лицу. Я, будучи разъяренным, смотрю ему в глаза. – Ты отравляешь гнилью это проклятое богами место. Сейчас же соберись! Ты не в том положении, чтобы терять над собой контроль.

Я хлопаю глазами и чувствую, что резкие слова Райатта отчасти возвращают меня в настоящее. Опустив взгляд, вижу, что снег под нами стал коричневым и тусклым, а прожилки, похожие на отравленные нити, распространяют свой яд. Он расходится идеальным кругом, портя землю, и высасывает из снега влагу, превращая его в кучу осколков.

Я делаю глубокий вдох и сжимаю руки в кулаки. Мне удается втянуть силу обратно, пока она не разошлась дальше.

– Ты понял? – спрашивает Райатт.

– Понял, – гаркаю я в ответ.

– Вот и ладно. – Он отпускает меня, и мне в равной степени хочется и врезать ему, и поблагодарить за то, что он вырвал меня из этой силовой ловушки.

Отвернувшись, я вижу, что весь мой Гнев и Дигби сгрудились вокруг Аурен. Джадд настороженно глядит на меня.

– Она дышит, это хороший знак, – говорит он так, словно это должно меня успокоить.

– Но она не приходит в себя.

– А ты всю силу из нее вытащил? – спрашивает Лу, водя руками над рукавами Аурен, но на всякий случай не прикасаясь к ней.

– Что-то не так. Я не смог вытащить последний фрагмент.

Лу округляет глаза, и я слышу, как кто-то рядом втягивает воздух.

– Может быть, я прождал слишком долго.

– Что это значит? – спрашивает Дигби.

Растерявшись, я качаю головой.

– Так, нам нужен план, – встав и отряхнувшись, говорит Лу, а потом смотрит на небо. – Надвигается буря, и довольно быстро. Как ты хочешь поступить?

Воспользовавшись моментом, я расправляю плечи и усмиряю деспотичное притяжение магии, сжимая и разжимая пальцы. Одолев их, я прохожу мимо всех и осторожно беру Аурен на руки. Затем прижимаю ее к груди, испытывая внутреннее страдание от ее безжизненного вида.

Уже хочу было пойти, но Дигби, прихрамывая, с кровожадным выражением загораживает мне дорогу.

– Я же говорил, чтобы ты вернул ее к жизни.

– Ей просто нужно отдохнуть, – отвечаю я, но все равно слышу в своем голосе неуверенность. – Мне нужно укрыть ее от непогоды.

На лице стражника появляется возмущение и ненависть, но, пока он ничего не сказал, я поворачиваюсь к Озрику.

– Вы все летите обратно к войску. Хочу, чтобы сегодня же вечером все наши солдаты покинули Рэнхолд. Я не доверяю королеве Кайле. Пусть они возвращаются как можно скорее в Четвертое королевство. – Я угрюмо поджимаю губы. – Они нам понадобятся.

Озрик кивает, а Джадд спрашивает:

– А как же ты?

Я бросаю сердитый взгляд на небо.

– А я как можно быстрее полечу, опережая бурю, чтобы доставить Аурен в безопасное место.

– Лететь одному нельзя, – возражает Лу. – И тебе не добраться так просто до Четвертого королевства, пока она без сознания. Слишком далеко. Вдруг она проснется и позолотит тебя до смерти?

Когда я подхожу к Арго, тимбервинг складывает крылья цвета коры и опускается на колени, воткнув когти в снег.

– Я лечу не в Четвертое королевство, – бросаю я через плечо.

– Тогда куда ты ее везешь? – спрашивает Дигби.

Схватившись за ремешок седла и забравшись с Аурен на спину Арго, я перевожу взгляд на сердитого брата, и он отвечает за меня:

– Он везет ее в Дэдвелл.

Глава 3

Слейд 8 лет

- Слейд!

Мое имя выкрикивают так громко, что птицы перестают петь, а некоторые из них упархивают.

Повернувшись, я смотрю сквозь ветки деревьев на наше поместье, а когда опускаю одну из них, из бутона, к которому я прикоснулся, вырывается голубое облачко. Передо мной здание из черного камня с белыми полосами от безостановочно льющего дождя. Крыша плоская, и из нее, как столбы, торчат квадратные дымоходы.

Я смотрю на холм со скошенной травой, по которому она ко мне поднимается. Вздыхаю и отпускаю ветку, но уже осторожнее, чтобы мне в лицо не ударило еще одно вырвавшееся из древесной почки облако. Они, конечно, вкусно пахнут, но жутко пачкают.

Снова поворачиваюсь к воркующей птичке размером с булавку, которая сидит у меня на пальце. Она еще совсем птенец, ее тонкое тельце покрыто пушком, но глаза открыты.

- Ничего, скоро ты оперишься, - говорю я ей. Через несколько недель у нее на хвосте будет целый шлейф перьев, которыми она сможет щеголять. Каждое перо будет тонкое, как булавка, и с такими же острыми кончиками. - И тогда ты сможешь улететь с остальными.

Снова слышу, как выкрикивают мое имя, потому аккуратно возвращаю птичку в гнездо, перекидываю ногу через ветку и спускаюсь.

Ступив на траву босыми ногами, я смотрю на маму, которая стоит надо мной, уперев руки в бока. Она одета в ту же красную одежду, что и я, только на ней платье, а ее черные длинные волосы заплетены в немного распутившуюся косу.

- И что ты там делал на дереве?

- Ничего, - пожимаю я плечами.

- Угу, - говорит мама и стряхивает с моего плеча синюю пыль. - Значит, ты не сидел на дереве и не играл опять с птицами?

Я хмуро смотрю на маму.

- Я не играл. Это детские забавы. Я наблюдал.

У мамы подергиваются губы.

- Разумеется, - говорит она и смотрит вниз зелеными глазами. - А где твои ботинки?

Снова пожимаю плечами.

- С ними сложнее забираться на дерево. Я не надел их, потому что не хотел упасть.

Она качает головой и опускается передо мной на колени, на ее лице уже нет того сурового выражения.

- Что ж, я бы не пережила, если бы ты упал. Как поживают птицы?

- Хорошо, - заверяю ее я, снова стораю от нетерпения понаблюдать за пернатыми друзьями, поскольку мама уже не сердится. - Там в гнезде сидит птенец, но, думаю, его мама уже улетела, поэтому я хочу научить его летать.

Мама улыбается, и вокруг ее зеленых глаз появляются морщинки.

- Если кому-то это и по силам, то только тебе. Ты всегда умел находить с ними общий язык.

Мама поднимает руку и проводит пальцами по моим волосам, но я отдергиваю голову и приглаживаю их.

- Я их уже расчесал.

Она смеется и поправляет мой поднятый воротник.

- Хорошо. Время ужина.

Я отдергиваю руку, когда мама снова тянется к моей руке.

- Я больше не могу держаться за руки. Мне же восемь, - напоминаю я.

- О, верно. Конечно, - говорит мама и еле заметно ухмыляется. - Наверное, мне просто грустно, что я давно не держала за руку сына.

Я не хочу ее расстраивать. И речь не о том, что мне не хочется держать ее за руку - просто так делают только маленькие дети.

- Ты можешь держать за руку Райатта, - говорю я. - Ему всего три года, так что он не будет против.

Она нежно похлопывает меня по щеке.

- Замечательная мысль.

Мы уходим из роши деревьев, идем мимо поилки для птиц и остроконечных кустарников. Я смотрю на поместье у подножия склона, но не хочу заходить в дом. Лучше бы я остался здесь, с травой и птицами.

На самом деле с самим домом-то все в порядке. У нас сорок три комнаты, целая куча дорогих украшений и много слуг. Ни у одной другой семьи в городе нет такого большого дома, как у нас, и такого количества лошадей.

Но я его ненавижу. Лучше бы я жил в небольшом домике, как в центре города. Потому что тогда мне бы не пришлось жить здесь. С ним.

Мы почти миновали сад и дошли до черного хода, когда в дверном проеме вдруг появляется фигура. Я резко останавливаюсь, и моя мать тоже замирает. В дверях стоит отец, его красная рубашка без единой складочки застегнута на пуговицы до самой шеи. Голова у него лысая, а на лице густая каштановая борода. Он уже раздраженно поджимает губы. Привычная картинка, когда рядом я.

Он переводит взгляд черных глаз с матери на меня, и я еле сдерживаюсь, чтобы не сглотнуть подступивший к горлу ком. Он не должен заметить мой страх, ведь я, по его словам, всегда должен держаться мужественно. Думается, это то же самое, что перестать испытывать чувства.

Мама наклоняется и берет меня за руку, и на сей раз я не вырываюсь, а наоборот, крепко хватаюсь мокрой ладошкой за нее. Дойдя до двери, мы встаем напротив моего отца.

- Я не знала, что сегодня вечером ты вернешься домой, Стэнтон.

- Смог быстрее решить дела с королем, - отвечает он.

Отец замечает, что на мне нет обуви, и мне хочется сжать пальцы и зарыться ими в траву. Сердце гулко стучит в груди, когда он бросает на мои ноги испепеляющий взгляд, а потом снова обращается к моей матери:

- Похоже, пока меня не было, ты стала отлынивать от своих материнских обязанностей, Элора.

Я тут же опускаю голову и смотрю на свои испачканные в грязи ступни, чувствуя, как от стыда на плечи ложится груз. Если бы я знал, что отец вернется домой, то ни за что бы не вышел из дома, не надел обувь. Да я бы вообще не вышел на улицу. Прошлая неделя, пока отец находился в отъезде, оказалась лучшей за долгое время. Мама каждый день разрешала мне гулять возле дома, а вчера мне даже удалось пропустить урок оружия и истории. Но теперь я меньше всего хочу, чтобы отец злился на маму.

- Он просто бегал в саду, - говорит она спокойным и вежливым голосом. Мама всегда общается с ним таким тоном, даже когда Райатт капризничает, а капризничает он часто. - Свежий воздух на пользу подрастающему мальчику.

- Ему на пользу учеба, - гаркает отец. - А теперь отведи его в дом и умой. У нас гости, и я уже распорядился, чтобы через двадцать минут подали ужин.

Отец круто разворачивается и уходит, и мама загоняет меня в дом. Она идет в мою комнату, где помогает мне собраться. Я не жалуясь, даже когда она проводит по моим волосам влажной расческой.

Я успеваю лишь переодеться в чистую одежду, а мама забрать Райатта из детской, когда отведенные нам двадцать минут истекают.

Отец сидит в столовой во главе стола, а слева от него расположились еще три человека. Один из них – мой дядя Иберик. Он старше моего отца, и его земли граничат с нашими. Они часто ведут дела вместе, но я не знаю, какие именно. Знаю только, что моему отцу принадлежат в гавани корабли, и часто слышу, как они обсуждают кузнецов, но больше ничего. А еще, в отличие от моего отца, Иберик живет один и у него никогда не было наследников.

Оставшиеся два человека, что сидят за столом, мне незнакомы. Это мужчина и женщина, и я никогда не видел таких блестящих волос, как у них. Женщина рыжая, и ее глаза по цвету напоминают кирпичи. У мужчины каштановая борода, как у моего отца, но немного кривые зубы. У этих людей проколоты заостренные кончики ушей, и с них свисают украшения, напоминающие сосульки и цепи.

Моя мать садится справа от отца, а я усаживаю Райатта в его кресло и потом сажусь между ними. Посреди стола стоит букет красных цветов, и он немного загораживает гостей, потому я рад, что слуги поставили сюда эту вазу. Так я менее заметен.

Пока мы рассаживаемся, разговоры за столом не стихают, и этому я тоже рад, поскольку, когда в последний раз дядя Иберик приезжал к нам на ужин, он только и болтал о том, что мне уже пора бы самому отправляться на охоту.

Дядя Иберик, как обычно, хмуро смотрит на меня и моего брата. Я хочу нахмуриться в ответ, но чувствую между лопатками покалывание. Оно отвлекает меня от попытки проявить непочтение, из-за которой я могу попасть в неприятности.

Как только мы садимся за стол, к нам подходит слуга и ставит тарелки, но я вижу, как морщится Райатт. Я протягиваю руку и, положив ему на колени салфетку, смотрю брату в глаза. Заметив выражение моего лица, он тут же перестает кукситься и берет вилку. Брат привередлив в еде, и когда отец в отъезде, мама разрешает нам выбирать еду. Но сейчас ему нельзя быть таким разборчивым.

Райатт спокойно берет в рот кусочек вареного шпината, поэтому я с облегчением выдыхаю и тоже беру вилку. Я так волновался, что брат навлечет на свою голову неприятности, что не заметил, о чем говорят взрослые, – до того момента, пока мама не замирла рядом со мной.

– Безусловно, я понимаю, – говорит незнакомый мужчина, держа вилку и нож в каждой руке. Он ест и говорит одновременно. – Это убедительный довод.

– Конечно, Тобир, – отвечает ему дядя Иберик. – Сторонники поддерживали это мнение годами, поэтому в конечном счете мы и выиграли войну. Я сам рад, что мы помешали ореанцам бесконечно гулять в Эннвин и обратно, и поддержали прежнего короля в разрушении моста. Это было необходимо.

Не удержавшись, я смотрю на мать, чтобы увидеть, как она ведет себя во время этого разговора. Она устремила взгляд на тарелку и сжимает рукой вилку.

У меня были уроки истории, где рассказывали про войну и разрушение моста, но на них было скучно, а учитель постоянно говорил, какие плохие эти ореанцы. Он говорил, что они пользовались благами Эннвина и затевали бои, а еще хотели захватить здесь землю, чтобы жить на них долго и припеваючи.

Мне больше нравится, когда об Орее мне рассказывает мама. Ведь она, в конце концов, ореанка. Она одной из последних прошла по тому мосту. Иногда, когда она укладывает нас с Райаттом спать, мы просим ее рассказать истории об этом. Когда мама рассказывает про свой мир, то всегда выглядит иначе. Нежнее и печальнее.

Я знаю, как она скучает по дому.

– Тут не поспоришь, – говорит рыжеволосая женщина. – И, как по мне, ореанцам, которые еще здесь живут, очень повезло. На них не распространяется закон, им разрешено остаться и дарована долгая жизнь. Не говоря уж о том, что некоторые из них обладают магией, потому что на протяжении нескольких веков наши народы рожали совместное потомство. Они должны быть нам благодарны.

– Совершенно верно, Нетала, – говорит сидящий рядом с ней Тобир, а потом запикивает в рот огромный кусок мяса, стукнув вилкой о зубы.

Нетала наклоняет голову и проводит колким взглядом по сидящим за столом. Я вижу, как она останавливает взор на круглых ушах моей матери. У Райатта тоже такие от нее. Раньше я радовался, что мои уши заостренные, как у отца. На один повод меньше для придирок.

– Вы обладаете магией, – говорит Нетала.

Я вижу, что мать смотрит на моего отца. Обычно ему не нравится, когда она говорит о своей магии. Не знаю почему. У мамы самая лучшая магия.

– Да, – отвечает отец, устроившись в кресле поудобнее. – Моя Элора удивительна.

– Что она умеет? – с интересом поглядывая на нее, спрашивает Тобир.

Отец смотрит на мою мать.

– Покажи им, Элора.

Я вижу, как мама под столом сжимает колени.

– Сомневаюсь, что сейчас чувствую зов...

Под взглядом, который отец бросает на нее, моя мать увядает, как роза в пустыне. Она снова смотрит на Тобира, и мы с братом с восторгом глядим, как она закрывает глаза. Когда мама снова их открывает, то зелень в ее глазах исчезает, и вместо нее показывается белая радужка, покрытая

какими-то древними письменами. Буквы такие мелкие, что прочитать их невозможно.

Сидящая напротив Нетала охает:

- Ее глаза...

- Элора - прорицательница, - самодовольно говорит отец. - Она предсказывает послания богов и богинь.

От удивления глаза у Неталы и Тобира ползут на лоб. За эти годы я и сам не часто видел, как мама пользуется магией, но знаю, что отец заставляет ее это делать, когда нас рядом нет.

Я внимательно смотрю, как в ее глазах кружат каракули, каким спокойным и расслабленным стало ее лицо. Райатт смотрит на нее так же пристально, и я начинаю волноваться. Мне нравится смотреть, как мама пользуется магией, но я знаю, как она от этого устает.

Вскоре слова перестают виться, и она устремляет причудливый взгляд на Тобира. Я слышу, как мужчина-фейри втягивает воздух.

- Проводник в красном плаще скажет тебе две правды и одну ложь. Ты поверишь в неправду. - Ее голос, непохожий на привычный, звучит таинственно, и руки у меня покрываются мурашками, как и всегда, когда она озвучивает предсказание.

А потом мама быстро моргает, и странные слова пропадают из ее глаз, радужка которых снова становится зеленой.

Между каштановыми бровями Тобира залегает глубокая складка. Мгновение он пристально смотрит на мою мать и словно мысленно прокручивает слова.

- И как это понимать? - спрашивает он.

- В момент речи предсказания Элоры не всегда нам понятны, - поясняет отец.

- Так вот почему ты принял у себя ореанку, Стэнтон, - говорит Нетала. - Она могла предсказать итог войны?

Отец качает головой.

- Магия Элоры действует только на людей, но не на события. Некоторые предсказания, вроде покупки испорченных яблок, не имеют значения, а другие... знаменательны.

- О, интересно, что она предсказала тебе, - говорит Нетала моему отцу, и в ее глазах мелькает любопытство.

Мама рядом со мной напрягается.

На лице отца скользит гнев, как слизь под слизняком, но он быстро его прячет.

- Она еще не делала мне предсказаний, - не раздумывая, отвечает он, но меня не проведешь. Голос у отца спокойный, но в нем таится что-то резкое, отчего мне становится не по себе.

Нетала кивает и снова принимается за еду. Проглотив, она смотрит на мою мать.

- Элора, это очень впечатляющий дар. Наверное, твои предки имели потомство от очень могущественных фейри. Скажи, ты ведь одной из последних ореанцев пришла в Эннвин?

Мать склоняет голову.

- Да, верно.

- Частью моего соглашения в поддержке войны была возможность привезти последнюю партию ореанцев, - поясняет отец. - Они все стали моими садовниками и слугами. Они очень умелые. И получают долгую жизнь, а я - вековую службу.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не поморщиться. Ненавижу, когда он так отзывается о матери и остальных людях. Я чешу предплечье и всячески стараюсь скрыть злость.

Моя мать поджимает губы, поэтому под столом я кладу руку на ее ногу и похлопываю, - как делает она, когда меня расстраивает отец. Мама смотрит на меня, и ее лицо на мгновение становится мягче.

- Стэнтон, твои сыновья очень похожи на Элору, - говорит Нетала, но ее улыбка не кажется милой.

Мне не по душе, что все обсуждают мою мать, но с ней не разговаривают. Хотя это не ново. Большинство фейри, которых принимает у себя отец, грубо обходятся с моей матерью. Она не виновата в том, что отец заметил ее в Орее и привез сюда. Не виновата в том, что она ореанка. И вообще, почему это так всех задевает? И почему всех так волнует тот факт, что мы с Райаттом фейри лишь наполовину? Моя мать только что доказала, что и сама по себе обладает большой силой. Ее магия значимее, чем у большинства фейри в городе, так что им не стоит быть с ней такими жестокими.

Я запикиваю в рот кусок мяса и со злостью его пережевываю, но тут же морщусь, как Райатт, когда брат ест то, что терпеть не может. У еды неприятный привкус, словно она очень долго пролежала на воздухе. Потому я пробую вареные яблоки, но они чересчур сладкие и рыхлые, будто тоже начали портиться. Гадость.

- Похожи, - говорит отец. - Но это не так уж и плохо. Элора очень красива, а ее магия поражает. Поэтому я ее и выбрал.

Мама вздрагивает. У меня снова чешется рука.

- Надеюсь, они не совсем на нее похожи, - смеясь, говорит дядя Иберик и вертит в руках кубок с вином.

Тобир снова принимается жевать.

– Ммм, да. Я повидал союзы фейри и ореанцев, в которых у детей не развивается магия. Какой ужас!

– У обоих моих сыновей будут магические силы, – говорит отец, и его голос напоминает удар кнута, которым он покарает любого, кто осмелится возразить обратное.

– Разумеется, – улыбается Нетала. – Уверена, в их жилах течет больше фейрской крови, чем ореанской. Элора сама была благословлена фейри как прорицательница. А ты.. – ты Разрушитель. Самый могущественный фейри в королевстве, не считая короля.

Я смотрю на Райатта и вижу, как он ерзает на стуле, и хочу сделать точно так же.

Разрушитель. Так все и называют моего отца – и это неспроста. Потому что именно это его магия и делает – разрушает. Я видел, как он рушит скалы, ломает пальцы, шею хромой лошади. Видел, как он разрушает крышу здания.

Его магия пугает.

До того, как уйти в отставку, отец рушил целые города ради короля. Вот почему он получил это поместье. Вот почему у нас сорок три комнаты и ореанские слуги. Вот почему ему разрешили отправиться в Орею и привести людей, после чего они с королем обрушили мост и разорвали связь между нашими мирами. Вот почему ему позволили выбрать мою ореанскую мать.

Но несмотря на то, что она живет здесь, родила двоих сыновей-полукровок и обладает восхитительной силой, остальные фейри все равно никогда не примут ее как свою.

Мы втроем продолжаем есть ужин, пока остальные разговаривают, но каждый кусок на вкус омерзителен. Однако я все равно ем, потому что никто больше не говорит, а я не хочу привлекать внимание отца.

Наконец, приходят слуги, чтобы убрать со стола, и я кладу вилку, чувствуя тошноту, но радуясь, что все доел. Все слуги – ореанцы, как и моя мать. Думаю, порой она чувствует себя виноватой из-за того, что они ей прислуживают.

Один из слуг, мужчина по имени Джак, подходит к ней, чтобы забрать тарелку, и моя мать, подняв голову, тепло ему улыбается, а он улыбается в ответ. Все слуги любят мою маму. Не знаю, в чем причина: потому что она тоже из Ореи, или потому что она очень добрая. Однако, когда отца нет дома, кажется, что они не слуги, а наша семья.

К счастью, взрослые решают уйти в кабинет, чтобы выкурить трубку и выпить, потому что отец дает матери разрешение уложить нас в постель. И хотя нас освобождают от общения с гостями, я все равно чувствую злость и уныние. Моя мать хмурится, а Райатт мрачнеет.

Однако, когда мать приводит нас в нашу спальню, мы ложимся, а мама садится в кресло между нашими кроватями и рассказывает историю об Орее. О земле, поделенной между семью королевствами. О земле, где у людей не было магической силы, пока туда не пришли фейри. И неважно, что Орея сама по себе не обладает магией, потому что это место все равно кажется волшебным.

Когда у меня начинают слипаться глаза, я устраиваюсь на подушках и зеваю.

– Если бы мост Лемурии не был разрушен, я бы отвел тебя обратно в Орею, мама.

Я очень хочу спать и не могу открыть глаза, но, кажется, слышу в ее голосе печаль и грусть:

– Я знаю, Слейд. Знаю.

Глава 4

Слейд

Я и раньше мчал наперегонки с бурей.

По правде говоря, довольно часто.

В прошлом шторм неоднократно меня настигал. Заливал прохладной водой, от которой портилось настроение, и проникал сквозь одежду ласковым теплом. Или обрушивался таким острым ледяным дождем, что резал мне кожу.

Но теперь эти состязания с бурей кажутся предательством со стороны богов и богинь. Неужели они столь жестоки, что дополнили безотрадные события еще и этим немилосердным испытанием?

Потому на сей раз я ни за что не позволю буре победить. Она не настигнет Аурен.

Арго – самый быстрый тимбервинг в Четвертом королевстве. Наверное, самый быстрый зверь из себе подобных, и с одной его выносливостью и сноровкой у нас есть надежда на успех. Я требую от него самой высокой скорости, с которой он может лететь, подгоняю сильнее, чем раньше, и он удовлетворяет моим требованиям.

Мы стремительно летим наперегонки с бурей, которая спускает облака, воеет, бьет нас в спину и, разозлившись, пытается нагнать. Но Арго не уступит этой заразе, не уступлю и я. Ни один шторм больше не коснется Аурен. Ее

терзали бури, оставив на шквалистом ветру без укрытия. Но пока я рядом, то сам стану ее укрытием.

Мы летим, как молния, пронесшаяся по небу и дугой раскинувшаяся над землей.

Укрытая двумя мантиями, Аурен дышит у моей груди. Дышит, но не приходит в себя, не шевелится.

Мы летим, а горькие минуты утекают сквозь пальцы. Каждую секунду на нас обрушивается холод, воздух напичкан захлестывающей влагой, скопившейся от догоняющей нас бури. Лицо у меня уже давно онемело, задница в седле промокла, а пальцы не чувствуют кожаных поводьев. Если бы мои глаза еще могли слезиться, то каждая капля превратилась бы в льдинку.

Вокруг меня лишь жуткий холод и удушливая темнота, но я верю, что Арго доставит нас в нужное место. Я так плотно завернул Аурен в мантии, что не вижу ее тела, но чувствую на шее ее горячее дыхание. И этого хватает, чтобы удерживать свою необузданную фейрскую натуру: я не отравляю гнилью облака и не проливаю яд своей злости. Я считаю вдохи Аурен, как и стук своего сердца, и умиряю с помощью этого ритма бурлящую силу.

Время и расстояние мучительно тянутся.

А потом на нас внезапно налетает порыв ветра, и Арго разъяренно кричит, сотрясаясь всем телом. От резкого движения скользкое седло съезжает, и мы с Аурен переворачиваемся в воздухе.

Я наклоняюсь вперед, судорожно хватаясь за поводья, но руки оцепенели от холода. Сердце подскакивает к горлу, когда мы снова соскальзываем.

Упираясь коленями, я всем телом накренаюсь в сторону, а Арго делает вираж, крылом поймав мое колено. Понимая, что происходит, он поправляет нас в седле, и из его горла вырывается еще один возмущенный рык, когда я переваливаюсь через седло и пытаюсь отдышаться от того, что был на волосок от гибели.

В седле нас удерживает только кожаный ремень, которым я пристегнул нас обоих. Если бы Арго не спохватился...

Арго становится необузданным, словно нападающий на нас ветер лично его оскорбляет.

Он снова рычит в небо, напористо продолжая полет, будто битва с ветром стала его личной миссией. Арго не обращает внимания на усталость и неистово сражается с ней.

Через час руки у меня перестают дрожать, сердце замедляется, и я не сжимаю поводья до боли в руках. Силы утекают из меня, как кровь из раны.

Мне нужно доставить Аурен в безопасное и теплое место, и ближе всего сейчас Дэдвелл. И все же темные равнины словно издеваются надо мной: миля за милей, но заснеженные миры Пятого королевства все не заканчиваются. Мы

словно приклеены к небу над ним, а сумрак потешается над нами, поскольку бесконечная даль никак не хочет уступать дорогу.

Но сила воли Арго и его озлобленная решимость не имеют себе равных.

В погоне мы приближаемся к рассвету, хотя я думал, что утро не наступит вовсе. Небо уже не такое хмурое и сердитое. Я смотрю на светлеющий горизонт и не знаю, радоваться или ужасаться появлению солнца.

Но даже с первыми лучами дневного света, пробивающимися сквозь кучные облака, Аурен не приходит в себя. Я проверяю, что она по-прежнему завернута в мантию. Не знаю, сможет ли Аурен в нынешнем состоянии пролить золото, если солнечные лучи коснутся ее кожи, но все равно волнуясь. Ей нельзя пользоваться магией, а если сила начнет неудержимо выплескиваться из нее, то Арго не сможет лететь дальше.

Чувствую бедрами, как Арго тяжело дышит. Дыхание у него прерывистое, мускулы дрожат от напряжения. Вижу в сером свете, что под сильными порывами налетевшего на нас ветра из его крыльев цвета древесной коры выдернуты перья. С его взмыленной морды свисают ледяные сталактиты[3], напоминающие дополнительные клыки, но Арго не перестает рычать и продолжает лететь вперед.

- Не останавливайся, - тороплю его я, но не знаю, слышит ли он на ветру мой голос.

Когда он опускается в еще один воздушный карман, чтобы лететь было проще, меня пронзает чувство вины. Арго устал даже в приступе гнева. Я давлю на него: заставляю лететь слишком быстро и слишком долго, но выбора у меня нет.

Рассвет наконец прогоняет ночь. Небо сияет как маяк, освещая путь бушующему шторму. Я оглядываюсь назад и смотрю на облака, которые будто скачут на нас, желая раздавить оледенелыми копытами.

Аурен дрожит у меня на руках, и я стискиваю замерзшие зубы, скрежеща застрявшим между ними льдом. Грохочет гром, издавая утробный смех и угрожающе фыркая, но Арго отвечает ему гортанным рыком, хриплым от усталости.

В мыслях у меня мелькают тысячи вариантов. Что у нас ничего не выйдет. Что Арго придется приземлиться. Что Аурен станет еще уязвимее. Что буря наконец нас сломит.

Но вот передо мной предстают знакомые очертания потрескавшихся гор.

Дэдвелл.

Мы успели.

При виде них в груди расцветает надежда.

С земли видны лишь стгнивший снег и потрескавшиеся вершины. А с воздуха – защищенная от света мерзлая долина между горами, напоминающими ряд кривых зубов. Она кажется неприветливой. Уродливой. Зброшенной.

Но только если не знать, куда глядеть.

Я по привычке издаю свист, подав Арго знак, – но зверю, даже если он меня слышит, не нужно напоминать. У него острое зрение, а верное направление он чует лучше меня. Если уж на то пошло, он привозил меня сюда много лет. Наверняка Арго сможет найти путь даже с закрытыми глазами.

Когда мы приближаемся к Дэдвеллу, дышать становится легче. Я прижимаю к груди накрытую мантией голову Аурен.

– Уже почти. Мы почти добрались, – шепчу я.

Наклонившись вместе с Арго, я крепко держу Аурен, когда зверь устремляется вниз к скалистым горным вершинам. Их форма напоминает зазубренный нож, а трещины образуют некую линию, предотвращающую опасный камнепад. Самая большая гора, что посередине, легонько наклонена, словно ветер долго на нее напирал, и ей пришлось подчиниться его воле.

Но горы никогда не склоняются перед ветром.

Однако этот горный хребет не единственное неприятное глазу зрелище. В действительности земля испорчена моей магией.

Когда-то пустынная и унылая равнина на границе с Пятым королевством теперь представляет собой пораженную гнилью землю. Зловонные корни тянутся от границы Четвертого королевства, погружаясь в снег, и обвиваются вокруг подножия здешних гор, как безжизненные ползучие лианы.

Моя магия откликается на силу, огромное количество которой я уже обрушил на эту землю. Кожу покалывает, словно эта сила меня приветствует. Я чувствую, как она впитывается в покрытую снегом почву, чувствую кровожадный зов, отзывающийся в венах. Но моя сила может обождать.

И хотя горы потрескались и изогнулись, а огромные корни гнили испортили и изуродовали эту землю, для меня лучше вида не сыскать. Когда Арго делает нырок и мы с головокружительной скоростью спускаемся с неба, к горлу почти подкатывает тошнота, но я беру себя в руки.

Много лет мне не удавалось установить контроль над этой небольшой полоской земли. Но теперь я наконец-то могу назвать ее своей. Благодаря заключенной с Мидасом сделке, мы официально покинули Пятое королевство и находимся на своей территории.

Арго накреняется и летит к самой высокой горе, основание которой состоит из гнилых очертаний каменных обломков.

На самом деле сочетание этих склонившихся гор, груды снега, камней и мерзкой гнили, помогает скрыться из виду. Тому, кто просто летит мимо этой части света, нет необходимости или желания здесь задерживаться.

Арго облетает потрескавшийся пик, напоминающий клык, и направляется к самой низкой горе. С одной стороны над ней нависает скалистый выступ, укрывая притулившуюся внизу деревушку. Этот почти незаметный край не привлекает внимания, но взывает ко мне так же сильно, как и моя гниль.

Это небольшое поселение можно заметить, только если намеренно прилететь сюда, чтобы разведать окрестности, или знать, где искать. Здания построены из песчаного камня и сливаются с горным склоном, скрывшись под снежным покровом.

Здесь, в деревушке, окутанной запретным холодом, скрывается мой величайший секрет.

Деревня Дролллард.

В ту же секунду налетает преследующий нас шторм, словно наказывая за то, что мы достигли цели. Облака разворачиваются и льет ледяной дождь, в один миг намочивший мою одежду.

Арго летит напрямик к деревне. Капли дождя стекают с его распростертых крыльев и замерзают на перьях. Он делает один круг, а потом его измученное тело с такой силой падает на землю, что я клацаю зубами. Арго покачивается, но пытается устоять, в поисках опоры вонзив когти в снег, а из его пасти стекает мерзлая пена.

– Хороший зверь, – хвалю я его. Он поворачивает ко мне голову и, хоть и выглядит уставшим, в его зорких глазах тоже виден самодовольный блеск. – Да, черт возьми, ты заслужил столько мяса, сколько хочешь.

Пришурившись под ливнем, я оглядываюсь, но еще стоит раннее утро и вокруг царит тишина. В двадцати футах от меня выстроились каменные дома, из труб под горным выступом неспешно поднимается дым, а на навесе, как листья черепицы, собрался лед.

Я протягиваю замерзшую руку к пряжке и никак не могу ее расстегнуть – пальцы онемели и почти не слушаются, а из-за мокрого снега стало так скользко, что можно легко упасть.

К тому же льет как из ведра. Если не поспешу, Аурен рискует еще сильнее намочнуть.

С губ срывается разочарованный рык:

– Ну же, мать твою.

– Сир?

Услышав голос, я резко поворачиваю голову и вижу, как из небольшого шатра, втиснутого в треснувшую пещеру на склоне горы, выходит один из жителей деревни. Он быстро идет к нам, натянув на лицо капюшон и оставив видным только нос картошкой.

– Позвольте мне.

Он ловко и быстро расстегивает ремень, и я спрыгиваю вместе с Аурен.

- Спасибо, Тео, - говорю я.

Он относится ко мне не с такой опаской, как остальные, но все равно боится смотреть в глаза.

- Мне предупредить дозор?

Я качаю головой.

- В этом нет необходимости. Просто проследи, чтобы Арго накормили в Вольере. Передай Шелби, пусть даст Арго все, что тот захочет и сколько захочет, а еще положит ему на насест дополнительные одеяла. Он сегодня точно их заслужил.

Тео наклоняет голову и тут же идет к Арго, схватив его ремень. Надо отметить, что при виде тимбервинга Тео лишь слегка отклоняется, а потом ведет его к Вольеру, где за ним присмотрят.

Когда они уходят, я быстро удаляюсь по дорожке из белого камня, который сливается с хлюпающим под ногами снегом. На саму деревню моя сила не распространяется, а лишь окружает ее границы, как колючий бастион, сдерживающий врагов. И хотя моя гниль сюда не проникает, деревня все равно погрязла в унынии.

По всеобщему мнению, деревни Дролллард не существует. Может, поэтому здесь всегда так мрачно. А оттого, что я храню деревню в тайне, она кажется еще более пустынной.

Это место отнюдь не красочное. Эти края суровые, холодные и запущенные. Одинокостоящие дома врезаны в горный склон, который вечно отбрасывает тень. У живущих здесь людей нет таких удобств, как в городах, кишаших торговцами и путниками. Жители деревни трудятся на этой мрачной земле не покладая рук, чтобы прокормиться, поэтому иногда я тоже снабжаю их припасами. Но вместе с тем никто из них не покинет это место.

Они не могут.

Кроме деревенского дозора, в столь раннее время еще все спят, закрыв окна ставнями в ожидании бури. Я быстро прохожу мимо домов с накрененными стенами, облицованными шифером. От двери до двери буквально два шага. И все же размеры этих домов обманчивы, потому что они простираются до глубины горы. Из скалистых расщелин в камне тянутся колючие извилистые лозы и оплетают двери и окна паутиной, а со стеблей еще гроздьями свисают их белые ягоды.

Из-за дождя камень под ногами скользкий, поэтому я стараюсь не спешить. Не хочу поскользнуться, держа на руках Аурен, но все равно стараюсь идти как можно быстрее, стуча сапогами.

Вдоль тропинки растут выносливые вечнозеленые деревья, цепляющиеся за жизнь: их обледеневшие ветви выдерживают бремя бесконечного холода и немного укрывают меня от дождя, пока я прижимаю Аурен к своей груди.

Подойдя к повороту, я огибаю гору, и дома здесь заканчиваются, а гора остается неприкрытой, если не считать примерзшего к ней снега. Склон вверху загибается волной, создавая огромный защитный навес. С него тонким водопадом стекает ледяной дождь, и я, усомнившись, пытаюсь придумать, как лучше донести Аурен, не намочив ее полностью.

– Позволь мне.

Я непроизвольно прижимаю Аурен еще крепче и резко поворачиваюсь, услышав голос брата.

– Что ты здесь делаешь?

Райатт осторожно идет под дождем и, молча сняв плащ, набрасывает его нам на головы, чтобы укрыть от ливня. Есть у меня ощущение, что делает это он скорее ради Аурен, чем ради меня. Пригнув головы, мы как можно скорее ныряем под дождь и, миновав скалистый выступ, оказываемся в пещере.

– Спасибо, – бормочу я.

Райатт опускает руки и отпускает плащ, но не утруждается тем, чтобы снова его надеть.

Мы стоим в полной тени пещеры, и если бы не мягкое голубое свечение, исходящее от светящихся прожилок в недрах горы, здесь было бы темно, хоть глаз выколи. Эти лазурные полосы разветвляются во все стороны, распространившись на стены, пол, свод, а бесцветные жучки цепляются за них, пытаюсь откусить осадочные отложения. Со свода свисают сталактиты, словно указывая на нас в обвинительном жесте.

– И что? Ответишь, как ты тут оказался? – спрашиваю я на ходу, и мой голос отдается глухим эхом.

– Ты всерьез решил, что я не приду? – Райатт от обиды сжимает кулаками ткань плаща. – Я хотел прилететь сюда, как только Мидас изрек угрозы, и ты это знаешь, так что оставь свои чертовы приказы при себе, – огрызается он и скрежест зубами.

Я чувствую, как и сам стискиваю челюсти. Нет, наверное, я не имею права раздражаться на брата, потому что прекрасно понимаю, почему он гневается, и все же я бешусь. Как и он частенько это делает.

– Ладно, – уступаю я. Я слишком замерз и устал, чтобы спорить. – Обсудим завтра. Мне нужно согреть ее и высушить.

Он краем глаза косится на Аурен.

– И именно сегодня разразилась эта чертова буря.

Мы с братом в напряженном молчании идем по пещере шаг в шаг. Наши плечи на одном уровне, одежда почти одинакова. Когда не проявляется моя фейринская сущность, нас можно принять за близнецов, чем я много-много раз не преминул воспользоваться.

Несмотря на то что мы непринужденно идем нога в ногу, кажется, что всегда наступаем друг другу на пятки.

Ради Райатта я бы пошел на смерть, а он от многого отказался, чтобы быть со мной рядом, но чаще всего мы бы с радостью просто поколотили друг друга.

Сегодняшний вечер ничем не отличается.

Мы преодолеваем оставшееся расстояние, а затем оказываемся в нашем доме в пещере. Мы спускаемся в синие тени, где сталагмиты[4] напоминают извечных стражей.

Грот.

- Дом, милый дом, - бормочет Райатт.

Внутри появляется неприятное ощущение.

- Да. Дом, милый дом.

Глава 5

Слейд 8 лет

- Слейд!

Я смотрю на Райатта, который пухленькими ножками пытается безуспешно забраться на дерево. Я знал, что он сюда за мной отправится. Но каждый раз у брата ничего не выходит, и он принимается канючить, распугивая птиц, пока я наконец не спускаюсь.

- Слейд!

Поняв, что не обращать внимания на него больше не выйдет, я закатываю рукава рубашки и чешу руки.

- Скоро вернусь, - сообщаю птенцу.

Тот щебечет мне в ответ.

Услышав, как Райатт снова пытается вскарабкаться, я свешиваюсь над веткой и раздвигаю коричневые засохшие листья.

- Тебе сюда нельзя. Ты слишком маленький.

Брат гневно смотрит на меня.

– Ничего я не маленький!

– Маленький, – возражаю я. – К тому же тебе еще нельзя лазать по деревьям.

Он снова опускается на землю и в приступе ярости топает ногами. Носки у него закатаны неровно и все в пятнах от травы. Когда мы приходим домой в испачканных травой носках, мама всегда недовольно цокает, а потом говорит, что глаза у нас точно такого же цвета.

Я вытираю пот со лба и вздыхаю, а потом, отпустив ветку, спрыгиваю, встав рядом с братом.

– Доволен?

Он кивает.

– Умираю от голода.

– Да ты всегда голодный. – Вот только теперь, когда он об этом упомянул, я понимаю, что тоже проголодался. – Ладно, пойдем. Уверен, Кук нам что-нибудь оставил.

– Жарко, – ноет Райатт.

– Потому что лето, дурачок, – приснув со смеху, говорю я ему.

Он сердито глядит на меня.

– Я расскажу.

– А вот и не расскажешь. – Я улыбаюсь Райатту, потому что мы никогда не ябедничаем друг на друга. Такое у нас правило.

Он пожимает плечами.

Мы идем к поместью. Теперь, когда меня больше не закрывает тень от дерева, я понимаю, какая в самом деле стоит жаркая погода. Ясно, почему у Райатта такое красное лицо, а черные волосы намочили от пота и стоят торчком. Наверное, я выгляжу ничем не лучше.

Уроки у меня закончились раньше, и нянька разрешила Райатту выйти на свежий воздух. Не знаю, долго ли мы гуляем – рассматривая птичьи гнезда, я часто теряю счет времени.

– Пойдем к пруду! – внезапно говорит Райатт, когда мы уже почти доходим до сада.

Я внимательно смотрю на него.

– Ты же говорил, что умираешь с голоду.

– Хочу к пруду!

– Ладно, – простонав, иду я на уступку. – Но ненадолго. А потом пойдём есть.

Райатт кивает и скатывается со склона. Я бегу за ним, делая вид, что не могу догнать, и он заливисто смеется. Мы оббегаем поместье примерно наполовину, но Райатт устает и останавливается.

– Пить хочу, – ноет он.

– Тогда окуну тебя головой в пруд.

Райатт хмуро смотрит на меня, а я смеюсь и толкаю его локтем в ребра, зная, как брат боится щекотки. С мгновение он борется с собой, а потом принимается хихикать, извиваясь всем телом.

За домом находятся стойла, а сразу за ними – пруд. Мы проходим мимо загона, где стоит пара отцовских лошадей и щиплет траву.

Я стою и ни о чем не думаю.

Хлесть!

Звук такой же, когда старший конюх бьет хлыстом наших лошадей. Я слышу удар по задним конечностям, а следом еще один резвый шлепок в качестве наказания.

Хлесть!

Райатт ничего не замечает.

Но я почему-то замираю и, схватив брата за руку, тоже его останавливаю.

– Замри.

– Почему? – хныкает он.

Я чешу руку.

– Просто постой тут.

Райатт хмурится и явно собирается возразить, но, к счастью, к забору подходит лошадь, и брат отвлекается. Он забирается на забор и гладит ее, и я тут же спешу на звук. Однако, проходя мимо конюшни, замечаю, что там никого нет.

Хлесть!

Резко поворачиваю голову направо, и ноги сами несут меня вперед.

А потом резко останавливаюсь.

Это не старший конюх. И не хлыст. И лошади тоже нет.

Отец нависает над моей матерью. Родители стоят у внешней стены конюшни. Я толком не пойму, что за картина передо мной предстала, потому просто стою и наблюдаю за ними.

А потом отец опускает руку и дает такую сильную пощечину матери, что она падает на землю. Он шевелит ртом, процедив что-то злое, но мне не слышно.

От потрясения я замираю как вкопанный.

Этот громкий звук эхом разносится в ушах. Или, быть может, он отзывается у меня в крови, потому что я и слышу и чувствую его одновременно. Спина зудит. По рукам как будто ползут муравьи. Кровь в венах стынет. Даже в голове странное ощущение.

С мгновение я просто стою, как статуя, – чувствую и слушаю. Кровь шумит так громко, что кажется, я вот-вот свалюсь в обморок.

Но тут отец снова поднимает руку. Мама опускает голову. А я так зол, что мой гнев соединяется с шумом, и все вокруг просто.. взрывается.

Мой отец заносит руку, и я кричу на него:

– Перестань!

Очертя голову несусь на него и со всех сил толкаю. Отец поражен тем, что я напал на него, ну а я смотрю на него с ненавистью. Наверное, ненависть сильнее потрясения, и потому мне и удалось толкнуть отца так, что он влетел в стену конюшни.

Но... я не думал, что ненависть настолько сильна, что может обрушить стену. Деревянная конюшня построена надежно и прочно, однако, как только отец ударяется о стену, она тут же обрушивается.

Вместе с ней на землю кучей падает и отец, и я вижу, как дерево разлетается в щепки, которые взмывают в воздух как пыль. Теперь шум, что я слышу, – это грохот рухнувшей постройки, которая накрывает отца.

– Слейд! – кричит мать и испуганно отползает.

Я направляюсь к ней, но отец раздвигает кулаком деревянные обломки и щелкает пальцами, исторгнув свою силу, отчего накрывшая его древесина с треском ломается. Отец встает, и обломки слетают с него. Когда я вижу лицо отца, тут же холодею.

– Да как ты посмел!

Он в ярости. Черные глаза обрамлены сеткой налитых кровью вен, отчего он кажется еще более злым. Понимаю, что следующий его удар будет предназначаться мне, но мне плевать. Плевать, лишь бы он больше не трогал маму.

Отец делает ко мне шаг, и я готовлюсь к неизбежному, чувствуя, как холод отливает по венам к ногам. Отец резко останавливается и оглядывает землю вокруг меня.

- Какого...

Я тоже смотрю вниз. Трава вокруг моих ног уже не зеленая, а мертвенного цвета бледной пшеницы. Я вижу на ней грязные пятна со странными линиями, которые уродливыми корнями расползаются по обломкам покосившейся конюшни. А древесина выглядит так, словно не один год была подвержена жестоким погодным условиям и вот-вот рухнет от одного дуновения.

- Слейд...

Услышав мамин голос, я смотрю на нее. Она сидит, припав к земле, но эти линии ее не тронули. Мама оказалась на единственном клочке земли, где трава еще живая и зеленая. Она оглядывает меня круглыми глазами, рассматривая мои шею, руки и спину.

А потом я понимаю, что мне больно. Болит все тело.

Отец поворачивается к матери, но я, подскочив, закрываю ее собой. Я задыхаюсь и чувствую себя слишком мелким, но с места не сдвинусь. Не позволю отцу снова ее ударить.

- Нет! - говорю я, и мой голос - единственное, что звучит громко, ведь то, что я слышал в своем теле, затихло. Внезапно усталость накрывает меня с головой, а затем я чувствую, как мама обхватывает рукой мою ногу и пытается оттолкнуть, но я не обращаю внимания.

Отец и прежде меня бил, но я это пережил. Справлюсь и теперь, потому что я уже не ребенок. Я хочу убедить в этом маму, но вдруг ко мне подходит отец и, смотря широко раскрытыми глазами, хватая за плечи.

Сперва мне кажется это уловкой, но в глазах его видно все то же потрясение. Отец не замахивается, чтобы меня ударить, и тогда я наконец опускаю взгляд и вижу, куда он смотрит. Вижу, куда минутами ранее смотрела моя мать.

Мои руки истекают кровью - наверное, поэтому они так сильно болят. Но глаза у меня лезут на лоб не при виде крови. Нет, я удивлен, увидев торчащие из рук черные шпательные кончики с острыми кончиками, которые словно пронзают мою кожу насквозь.

Сначала я думаю, что мне в руки вонзились щепки от развалившихся стен конюшни. Но чем дольше смотрю на них, тем сильнее понимаю, что ошибся. Эти шпательные кончики кажутся одинаковыми на обеих руках, и они не прокалывают кожу, а торчат из моего тела.

Я цепенею от шока, когда отец протягивает руку и касается черного шпателя. От боли мы оба издаем крик. Я смотрю на отца и вижу, что большой палец у него весь в крови, будто он порезался об этот острый черный шпатель.

Ярость слетает с его лица, сменившись ухмылкой. Он смотрит на кровь, а потом переключает внимание на меня.

– Мой сын.

Отец хватается меня за плечи и заставляет наклониться. Я снова чувствую боль, когда он нажимает на какую-то точку на спине, отчего я резко выгибаюсь и быстро выпрямляюсь.

– Ой!

Отец смеется и отпускает меня.

– Только взгляни на себя! – говорит он. Никогда не видел у него такой радостной улыбки. – Тебе еще только восемь, но взгляните-ка!

– Что это? – взволнованно спрашиваю я, смотря на капли крови, что стекают с острых черных шипов. От них по рукам расползаются черные вены, будто Райатт очертил эти линии гусиным пером. Я пытаюсь их стереть, но ничего не выходит.

– Ты изменился! – оживленно говорит отец. – Проявилась твоя сила!

Я чувствую холод по коже.

– Что?

Он ухмыляется, а затем дергает меня за руку, чтобы показать.

– Смотри! Вот твоя сила!

Я провожу взглядом по венам на руках, по венам, тянущимся по земле, по прогнутым стенам конюшни. Они не отличаются друг от друга.

– Я знал, что у меня будет сильный сын.

Я не чувствую себя сильным. Я чувствую усталость, и болит все тело, а еще я зол и очень напуган...

Заплакав, я понимаю, что совершил ошибку, но ничего не могу с собой поделать.

С лица отца тут же слетает гордость, и он брезгливо на меня смотрит.

– А ну-ка перестал! Мне не нужен сын-хлюпик, – холодно говорит он, а потом устремляет черный взгляд на мою мать. – Приведи его в порядок, а потом отправь в сад. Хочу проверить, на что он способен, – приказывает он матери и добавляет: – А ты сиди в своей комнате и до ночи не попадайся мне на глаза.

Мама еще крепче обхватывает мою ногу.

Он поворачивается и уходит, а по моим щекам стекает столько слез, что я даже не утруждаюсь их стереть. Однако радуюсь, что отец ушел и не видит.

Я пытаюсь перестать плакать – правда, пытаюсь, но болит все тело, и я ничего не понимаю, а мама...

В ту же минуту она встает передо мной на колени, и я вижу, что ее губа рассечена, глаза такие же красные, как и пятно на щеке.

– Я... Разрушитель? – спрашиваю я и плачу еще горше, потому что не хочу быть похожим на отца. Но я почему-то сломал стену конюшни, землю, а эти шипы пробились через мою кожу... Чувствую себя монстром.

Мама качает головой и ласково приподнимает мой подбородок.

– Нет, Слейд. Ты не Разрушитель. Ты ничего не рушишь. Ты защищаешь.

Вот только когда я оглядываю двор, то не похоже, будто я его защищал. Скорее, я его разрушил. Как мой отец. И мамино лицо лишний раз об этом напоминает.

Мне больно двигать рукой, но я все равно поднимаю ее и нежно касаюсь маминой щеки.

– Ты в порядке?

Мамино лицо становится мрачным, и по ее щекам текут слезы. Я осторожно беру ее за руку и сжимаю, стараясь не обращать внимания на черные линии, которые растекаются по кончикам моих пальцев.

– Не плачь, мама. Я буду тебя защищать.

Но легче ей от этого не становится, потому что она плачет еще сильнее. Я опускаю взгляд и жалею, что не могу стать старше и как-нибудь ей помочь.

Посмотрев вниз, замечаю на подоле ее белого платья пятна от травы, которые остались на ткани после того, как ее ударил отец и мама упала на землю.

– Слейд?

Мы оборачиваемся и видим, что за мной стоит Райатт, который, нахмурившись, держит в рубашке горсть клубники. Наверное, он забрел перекусить в сад. Я совсем про него забыл, и теперь радуюсь, что он не видел случившегося.

– Райатт, смотри, – говорю я и показываю на себя. У брата отвисает челюсть, и он показывает на меня пальцем, уронив на землю все свои запасы ягод.

– Что это?

– Моя магия проявилась, – отвечаю я, пытаюсь казаться счастливым, и шмыгаю носом, чтобы перестать плакать.

От радости он вспыхивает.

- Можно потрогать?

- Конечно.

Он бежит ко мне и гладит красным пальцем черный шип.

- Больно?

Я пожимаю плечами.

- Немного.

Он улыбается и поворачивается к маме, но хмурится и тут же забывает, что хотел сказать.

- Мам?

У нее на губах застыла улыбка, а щеки она уже вытерла, но все равно выглядит по-другому.

- Райатт, какая красивая клубника.

Но брата не проведешь.

- Ты плачешь?

- Все хорошо, дорогой. Я просто споткнулась. Видишь? - говорит она и показывает на подол платья.

Он кивает, а потом берет ее за руку своей красной и липкой ладошкой.

- Ничего, я тоже упал, - говорит Райатт и показывает на свои испачканные носки. - И знаешь, что? - спрашивает он.

- Что?

- Пятна от травы по цвету к твоим глазам подходят.

Сомневаюсь, что видел в жизни улыбку грустнее, чем мамина.

Глава 6

Слейд

Помимо сталагмитов, тянущихся вверх со дна пещеры, со свода свисают крупные сталактиты. Они, подобно острым пикам, украшают вход в Грот,

образуя своеобразную арку. Как только мы проходим под ней, тонкие витки света, окутывающие пространство, отбрасывают голубые тени на наши лица,

Когда мы оказываемся в новом месте, меня начинают раздражать противоречивые чувства. С одной стороны, здесь царит покой. А с другой, пребывание тут кажется наказанием. Кому-то может показаться странным, что внутри пещеры есть дом, но он уединенный и незримый, и я нахожу его довольно уютным, несмотря на унылые серые стены.

Передо мной встает Райатт и толкает входную дверь, петли которой скрипят от извечной сырости. Я влетаю в темный дом и даже без света четко помню, где что находится.

Быстро прохожу в гостиную и вижу скудную тень от мебели. Задеваю сапогами белый меховой ковер под стоящим в центре комнаты круглым столом. На его деревянной поверхности еще видны пятна от стаканов с выпивкой, которые мы ставили сюда с моим Гневом. Чертов конденсат.

Наткнувшись голенью на мягкий диван, останавливаюсь, а когда кладу на него Аурен и принимаюсь стаскивать с нее мокрую обувь, Райатт уже стоит у меня за спиной и разжигает огонь.

Осторожно приподнимаю Аурен, подложив ей под спину подушки. Потому что ее спина...

Мне невыносимо даже думать об этом.

О том, что он с ней сотворил.

Меня охватывает ярость, и я желаю оказаться в Рэнхолде, повернуть время вспять и вернуть Мидаса к жизни, чтобы лично его умертвить. Я бы не торопился. Отрезал бы конечность за конечностью. Отравлял бы гнилью вену за веной. Смял бы кулаком его сердце.

Заставил бы его страдать.

Сзади слышу искры, которые высекают от кремния, и усмиряю гнев, чтобы сосредоточиться на главном. Если я сейчас же не согрею Аурен, то она попросту умрет от переохлаждения, – а тогда даже это проклятая гниль внутри нее больше не будет иметь значения.

Я снимаю с Аурен оба мокрых плаща. Бросаю их на пол, и прилипшие к ткани кусочки льда ломаются, растекаясь лужицей. Увидев, что платье Аурен влажное, но не промокло насквозь, я радуюсь. К подолу прилипло лишь несколько комочков снега. Быстро сдергиваю одеяла с дивана и накрываю Аурен, плотно ее закутав.

Дом освещает мягкий оранжевый свет, и я, не теряя времени даром,двигаю диван вперед. Когда я тащу его по полу и ставлю напротив камина, ножки протестующе скрипят. Слышу, как Райатт ходит по комнате и зажигает настенные бра, пытаюсь прогнать холод.

Я подношу руку к приоткрытым губам Аурен, чувствуя, что ее дыхание становится медленным и ровным.

- Аурен?

Ответа я не жду, но все равно разочаровываюсь. Чтобы подавить страх, единственное, что мне остается – это действовать, потому я снимаю с Аурен промокшие чулки. Потом ощупываю пальцы на руках и ногах, обхватываю их ладонями в перчатках и дышу на них, пытаюсь согреть. Плевать, если сейчас, с наступлением утра, на меня воздействует ее сила. Мне лишь нужно согреть Аурен. И как только мне это удастся, я снова укрываю одеялами и нежно стряхиваю с ее волос снежинки.

- Почему она не просыпается?

Я не слышал, как Райатт подошел ко мне сзади, но от его вопроса в плечах появляется напряжение. Я бросаю взгляд на ее лицо, чувствуя, как внутри свивается что-то холодное.

- Не знаю.

Мы смотрим на нее: она мерно дышит, а в свете потрескивающего пламени ее кожа приобретает оранжевый оттенок.

- Аурен.

Мой оклик остается без ответа.

Я слышу, как отходит Райатт, а потом мое внимание привлекает брнчание на кухне. Я заглядываю за арку и вижу, что брат стоит перед железной печью. Передняя решетка уже закрыта, и в ней полыхает огонь, а Райатт занимается стоящим на ней котелком. Буря на улице становится еще свирепее, а в пустотах пещеры завывания ветра отражаются эхом.

Вернувшись к Аурен, я снова обращаюсь к своей силе, когда вновь замечаю ту последнюю крупичку гнили. Но она все равно не поддается мне. Теперь я даже не могу за нее ухватиться. Она застряла в Аурен, как пустившее корни зернышко. И тем не менее ее сила так же чиста, тело функционирует, как прежде. Аурен ничуть не изменилась, если не считать этой одной-единственной крупички.

Так почему же она не просыпается?

Я хмуро смотрю на ее умиротворенное лицо, и меня со всех сторон охватывает беспокойство. С ее шеи исчезли еле заметные вены гнили, а кожа вернула свой привычный цвет. Аурен как будто погружена в глубокий сон.

- Аурен, ты должна проснуться.

Но она, разумеется, не слышит. Она никогда меня не слушает. Только постоянно спорит, и в ней всегда виден тот задор, что я чертовски люблю.

- Проснись и поспорь со мной, Золотая пташка.

Еще минуту смотрю на ее спокойное лицо, а потом поворачиваюсь и опускаюсь рядом с ней на пол. Прислонившись спиной к дивану, подтягиваю колени к

груди и опираюсь на них локтями. Тру лицо рукой, чувствуя, как от усталости подрагивают ноги.

Наклонившись, я стаскиваю мокрые сапоги, бросаю их к камину, а после стягиваю перчатки и подношу ладони к огню. Но тепла не чувствую.

Страх заморозил меня.

Я продолжаю смотреть на пламя, все равно ничего не чувствуя, как вдруг внезапно с грохотом распаивается входная дверь. В мгновение ока вскакиваю, готовый к нападению, но увидев, как в дом быстро заходят две насквозь промокшие фигуры, замираю.

Не веря своим глазам, смотрю на Лу и Дигби.

- А вы что тут делаете?

Лу скидывает капюшон. Тяжело дыша, она держит Дигби, закинувшего руку ей на плечо. С них обоих стекает ледяной дождь.

- Он уперся, что хочет остаться со Златовласой. Истерил, пока я не согласилась пойти за тобой, а заодно взять и его.

Я смотрю на угрюмого мужчину, но он только хмурится. От стекающей с него воды на полу образуется лужа. Несмотря на свирепый взгляд, он выглядит так, словно вот-вот рухнет оземь.

- Я останусь с ней.

- Хорошо, - вздохнув, говорю я.

Дигби недоуменно смотрит, словно удивлен, что я так легко уступил. Но я хочу для Аурен только лучшего и знаю, что она была бы не против, если бы рядом с ней находился Дигби.

При помощи Лу Дигби ковыляет к нам и смотрит на Аурен. У него на лбу залегает складка печали.

- Она так и не проснулась?

- Нет.

Похоже, зимний шторм не охладил пыл Дигби, потому что он так же сердито сверкает глазами, что и раньше.

- Этого вообще не должно было случиться, - гаркает он. - Ты якобы защищаешь ее? Якобы печешься о ней?

Я сжимаю руки в кулаки.

- Черт возьми, ну конечно, пекусь!

– Тогда почему ты позволил этому случиться? – возражает он, но эти вопросы я и сам не устаю себе задавать. – Разве ты не самый могущественный король в мире? Так сделай что-нибудь!

Если бы только мог, будь я проклят.

– Ей просто нужно отдохнуть, – снова говорю я без тени гнева в голосе.

Дигби, мокрый и негодующий, стоит напротив меня: щеки у него обветрились, а нос покраснел от холода.

– Ну же, успокойся. Ты ее видел, и Слейд прав. Ей нужно отдохнуть. – Лу решает увести Дигби. Всего секунду он противится, не сводя с Аурен взора. А потом поворачивается и послушно идет с Лу к коридору, ведущему в заднюю часть дома, где находятся несколько спален. – Давай-ка сделаем набег на комнату Озрика. Там точно что-нибудь подберем тебе из одежды.

Когда их шаги стихают, я снова смотрю на Аурен, но она все так же лежит недвижимая как труп. Единственное, что не дает мне сойти с ума от страха – золотая аура, которая парит вокруг ее тела. Она все еще слабая. Тусклая. Но я ее вижу, а потому хватаюсь за нее, как за единственную нить, которая удерживает камень.

Ей просто нужно отдохнуть.

Эта мантра непрерывно звучит у меня в голове.

Аурен использовала слишком много своей магии. Она выкачала из нее все силы, чуть не доведя до смертельного исхода. Но сильнее всего меня беспокоит, что Аурен воспользовалась иной стороной своей силы, которую раньше никогда не применяла. Кто знает, какой урон ей это нанесло?

– Держи.

Ко мне подходит Райатт и встает справа, протянув кружку с дымящимся варевом. Взяв, я заглядываю в нее и вижу водянистый бульон с несколькими кусочками лука и сельдерея.

– Больше ничего раздобыть так быстро не смог, – пожав плечами, говорит он. – Завтра нужно сходить в Погреб.

Я залпом выпиваю жидкость, не распробовав ее на вкус. Чувствую только, как горячий бульон обжигает язык и стекает в пустой желудок.

Райатт пьет из своей кружки гораздо медленнее, и я чувствую на себе его пристальный взгляд темно-зеленых глаз.

– Что? – спрашиваю я.

– Такого прежде не бывало.

Я смотрю на лицо Аурен.

– Да, не бывало.

- Не хочу показаться идиотом, поскольку уверен, что ты уже это сделал, но разве нельзя просто... вытащить из нее оставшуюся гниль?

- К несчастью, ты идиот, потому что я, черт возьми, пытался.

- Что изменилось?

Поставив пустую чашку на деревянную каминную доску, я опираюсь рукой на темное дерево, опускаю голову и смотрю на пламя.

- Не знаю. Может быть, я слишком резко применил к ней силу. А может, слишком надолго ее там оставил.

- То есть... А раньше ты оставлял в ком-нибудь гниль?

Я многозначительно смотрю на него.

- Разумеется, оставлял. Когда хотел кого-нибудь убить.

Он отмахивается.

- Нет, если как раз не пытался убить?

- Нет, - огрызаюсь я, с такой силой сжав каминную доску, что дерево протестующе скрипит. - Обычно гниль мне подчиняется. Она никогда так не поступала.

Я не понимаю, что случилось. Даже сейчас чувствую в Аурен это гнилое зернышко, но не могу за него ухватиться. Оно мне не поддается.

- Она проснется?

От ярости я ошетиливаюсь.

- Конечно, проснется! - кричу я. Кожа на руках вздувается, когда шипы стремятся прорваться сквозь нее. - Иди нахрен, раз вообще об этом спрашиваешь!

- Ну и ты иди, черт тебя подери. Вопрос-то обоснованный.

Я сжимаю руку, уже почти готовый хорошенько его ударить, но тут возвращается Лу.

- Уже шалите, мальчики? - Она переоделась, сняв мокрую одежду, и надела огромные меховые тапочки больше медвежьих лап. Здесь это самая любимая ее вещь, хотя тапки выглядят на ней нелепо. Дигби с ней нет.

- Он отдыхает. Пытается делать вид, что это не так, но состояние у него ужасное. Отдала ему кровать Озрика, - говорит Лу, и мне даже спрашивать не пришлось. Она подходит к нам и встает, уперев руки в боки. - Ну так что? В чем проблема?

- Я просто пытаюсь, мать его, поговорить, - бурчит Райатт.

- По поводу Златовласой? - догадывается Лу, фыркает и подходит к Аурен. - А может, лучше не дразнить гнилого медведя?

Брат закатывает глаза.

- Ты что делаешь? - спрашиваю я, когда она снимает с Аурен одеяла.

Она показывает мне сверток с одеждой.

- К ней можно прикасаться?

Меня охватывают сомнения.

- Не уверен. Вообще сейчас день, поэтому ее дар уже проснулся, но... - Я осекаюсь.

- Но она просто обезумела и ночью, когда это было невозможно, превратила замок в огромную золотую пасть, которая все поглотила? - отпускает Лу остроту.

- Но она не позолотила ни одеяла, ни диван.

- Какая жалость. Ненавижу этот зеленый цвет, - говорит она, окинув взглядом подушки, а потом передает пару толстых меховых чулок и носков. - Это для нее.

- Спасибо.

Лу поворачивается к Райатту и шлепает его по руке.

- Пойдем займемся чем-нибудь полезным: например, разожем камин в спальнях и наберем побольше дров. Вряд ли в ближайшее время буря прекратится.

Они исчезают в коридоре, и их голоса постепенно стихают. Снова на всякий случай, надев перчатки, я осторожно поочередно поднимаю ступни Аурен и натягиваю на нее мягкие чулки. Осторожно двигаю ее, когда мне нужно ухитриться натянуть их до конца. Закончив, я снова аккуратно переворачиваю ее на бок, чтобы Аурен не лежала на спине.

Потом надеваю на нее носки и укрываю одеялами. Ее хрупкая рука свисает с дивана, и тут я подмечаю надорванные клочки отрезанной ленты, которая еще привязана к ее запястью.

От прилива удушающих чувств кружится голова, а печаль давит на меня, заполняя без остатка.

Едва касаясь, я поднимаю ее руку и вожу пальцами по обрубленному концу. Он лежит неподвижно и грузно отрезанным шелковистым трупом.

«Воспользуйся лентами».

«Я не могу».

«О, она тебе не сказала? Она потеряла эту привилегию».

От злости сводит скулы, гниль сдавливают шею карающими путами.

Я осторожно развязываю ленту и кладу ее в карман – единственное сухое место в одежде. Потом укладываю руку Аурен под одеяло и опускаюсь на пол. Когда Лу возвращается в комнату, не знаю, сколько прошло времени. От нее пахнет дровами и дымом, и она выглядит уставшей, но все равно садится на пол рядом со мной.

Если она сейчас спросит, почему я не могу помочь Аурен, боюсь, попросту сорвусь.

Однако она молчит. Мы просто смотрим на пламя, слушая его потрескивание, а снаружи завывает буря.

Когда Лу заговаривает, я настолько погружен в свои мысли, что почти вздрагиваю, позабыв, что она рядом.

– Помнишь, как я примкнула к твоей армии?

Я замираю и кошусь на нее краем глаза, заметив ее задумчивый вид. Лу никогда не обсуждает это, никогда не обсуждает себя в те времена. Мы всегда с уважением относились к ее пожеланиям, потому что у каждого есть мгновения прошлого, которые мы не хотели бы обсуждать. Когда кто-то из нас поднимал эту тему, Лу всегда ее пресекала, поэтому я потрясен тем, что она сейчас об этом заговорила.

Чувствуя, словно ступаю по льду, который может в любое мгновение треснуть, я осторожно киваю.

– Помню.

Положив запястья на колени, она качает головой.

– Я была как дикая кошка, которая не могла закончить ни один разговор, не затеяв драку.

Я улыбаюсь, вспомнив дерзкую злобную девчонку, которая изрыгала самые пошлые и грубые ругательства, что я слышал, а ведь ей было всего четырнадцать лет.

– Удивительно, как у тебя не выросли когти.

Лу хмыкает и щелкает по торчащему из губы деревянному пирсингу, рубин в котором блестит в свете камина.

– Я прямиком направилась к тебе, посмотрела в глаза и сказала, что твой капитан – костлявый нытик, который даже от плевка увернуться не может, а тебе нужны солдаты с трезвым расчетом.

От этого воспоминания у меня вырывается смешок.

- А он тем временем держал тебя за шкуру, пока ты не пнула его по коленям.

- Напрасно этот ублюдок обвинил меня в воровстве.

- Ты права. Поэтому я выдал тебе форму и велел тащиться в казарму.

Уголки ее губ приподнимаются.

- Ты сказал, если я хочу заменить одного из твоих капитанов, мне хотя бы нужно научиться владеть мечом.

- И посмотри, кем ты стала, - отвечаю я, - капитаном правого фланга.

Лу проводит рукой по своим коротко стриженным волосам и останавливает палец на вырезанном рисунке в форме лезвия.

- Давай по-честному: в тот день ты увидел на улице заморенную голодом, бездомную девчонку и пожалел ее. - В ее голосе звучат ностальгические нотки, приправленные какой-то горькой радостью.

- Напротив, - искренне отвечаю я. - Я увидел свирепого компаньона и человека, не боящегося вступить в бой. Человека, который мог бы стать прекрасным лидером, если бы ей только дали шанс обучиться.

Лу поворачивается ко мне, и впервые за много лет я словно снова смотрю на ту четырнадцатилетнюю девчонку. Она выросла в недостойной семье, угодила в ловушку их пороков. Лу была испорченной брошенной девочкой, вынужденной самой о себе заботиться. Ее воинственный настрой вовсе не был недостатком. Он был ее храбростью.

- Знаешь, в тот день я тебя ненавидела. Ты завербовал меня в свою армию и превратил в одного из твоих гребаных солдат. Я не хотела перед тобой отчитываться. Вообще ни перед кем не хотела.

- О, я в курсе. Ты не раз проклинала меня за это. Если не ошибаюсь, ты целых девять месяцев несла службу у отхожего места.

- Двенадцать, - почти гордо возражает она. - И втайне ненавидела тебя еще сильнее, потому что испытывала жуткую благодарность. - Когда я приподнимаю бровь в ответ на ее искренность, она качает головой и вздыхает. - Давай посмотрим правде в глаза. Если бы ты не забрал меня с той улицы, дав меч, я бы умерла, Рип.

Я качаю головой.

- Ни на секунду в это не поверю. Уже тогда ты была сильной.

Лу смотрит карими глазами на обугленные дрова, горящие на каминной решетке.

- Я не про физическую смерть, а моральную. Эмоциональную. Духовную. - Она прижимает руку к груди и дважды по ней ударяет. - Когда существуешь в таких условиях, невозможно мыслить или жить припеваючи. Я была мертва и

бежала, просто пытаюсь выжить. Просто пытаюсь прожить еще один день. Один день. Люди этого не понимают, если никогда не жили в таких условиях. Я всегда бежала, не ожидая ничего иного. Кроме этого бега, борьбы и попыток выжить, у меня не было никого и ничего.

- Ты уже не та девчонка, что была раньше. Твоя жизнь изменилась.

- Ты прав, - отвечает она. - Как и Озрик больше не наемник, а Джадд не вор. Потому что ты выбрал нас, дав возможность сражаться на твоей стороне, и показал, что одним днем все не заканчивается. Жизнь - это не только бегство и попытки выжить. - Лу пристально смотрит на меня. - Я стала такой, потому что ты принял меня в свою армию и позволил служить тебе капитаном.

От неожиданно нахлынувших чувств сжимается сердце.

- Ты целиком и полностью это заслужила, Талула Галлерин.

Лу морщит носик и наклоняется, ударив меня по руке, но удар едва заметный и близко не сопоставим с ее реальной силой.

- Не называй меня так.

Я ухмыляюсь и потираю руку.

- Все такая же злобная.

- Всегда, - смеется она, а затем кивает на Аурен. - Ты же знаешь, что она проснется.

Я глотаю подступивший к горлу ком, и хороший настрой как рукой снимает.

- Так уверенно говоришь.

- Потому что я и правда уверена, - говорит Лу, а потом отворачивается и вскакивает на ноги. - Ты принял мою воинственность и швырнул мне в лицо форму. Ты познакомился с кровожадностью Озрика и решил отдать ему свой меч. Ты видел тюремные камеры, которые не смогли сдержать Джадда, и отдал ему ключи, не бросив в другую темницу. А теперь ты нашел свою золотую пташку и увидел, как она покидает клетку. Она откроет глаза, как и остальные - благодаря тебе.

- Как прозаично. Я, черт возьми, отравил ее гнилью.

В ответ Лу лишь пожимает плечами.

- В каждом из нас есть немного гнили, и я бы ни за что этого не изменила. Так мы и выживаем.

Слейд 8 лет

Я жутко устал. У меня болит все тело, но сильнее всего руки и спина, откуда видны шипы. Они торчат даже сейчас, отчего кожа натягивается и становится серого цвета.

- Еще!

Я вздрагиваю, услышав приказ отца, но поднимаю меч и пытаюсь его удержать, хотя он тяжелый, и у меня сильно дрожит рука.

Боевому искусству меня обучает фейри по имени Кадо. Он лысый, как мой отец, но темнокожий и без бороды, и умеет доставать из пальцев клинки. И когда Кадо их достает, день редко бывает хорошим.

Раньше я упражнялся с Кадо три дня в неделю примерно по часу, но после того, как несколько недель назад у меня проявилась сила, отец заставляет меня тренироваться каждый день на протяжении нескольких часов. Он говорит, что я должен нарастить физическую силу, чтобы уметь обращаться со своей магией. Остальные мои уроки пока временно приостановили. Но я еще не умею пользоваться своими шипами или силой по команде.

Я стараюсь. Правда стараюсь. Я устал каждый день торчать на этом поле под палящим солнцем, истекая потом, но отец заставляет меня упражняться не с деревянным мечом, а с настоящим. Меня все это бесит. Однако отец утверждает, что, только преодолевая себя, можно пробудить свою магию.

Я едва успеваю поднять меч, как Кадо обрушивает на него свой клинок. Я должен отрабатывать блок, но он бьет так сильно, что лязг металла проходит по рукам, отчего возникает неприятное ощущение в зубах.

Пошатнувшись, я отступаю назад и увязаю ногами в шелестящей траве.

- Совсем не похоже на блок! - гаркает мой отец.

Оглянувшись, вижу его в нескольких футах от меня, а рядом с ним стоит дядя Иберик. Ненавижу, когда они наблюдают за мной, обращая внимание на любой промах.

- Я устал, - пыхчу я. Мне приходится вытирать со лба пот, потому что он попадает мне в глаза, вызывая дискомфорт.

- Ты до сих пор слаб, - возражает он, скрестив руки на груди, обтянутой красной рубашкой в тон моей. Цветом она напоминает кровь. Такого же цвета была вчера у меня губа, когда я пропустил блок, и Кадо засунул мне в рот рукоять своего меча. Такого же цвета стекает по моим рукам кровь, когда из них вырываются шипы.

- Заставляй себя, Слейд. Воспользуйся силой и призови свою магию.

Стиснув зубы, я разворачиваюсь и, едва успеваю пригнуться, замечаю, как уже замахивается Кадо. Я пытаюсь взмахнуть мечом, но не успеваю поднять его для второго выпада. В последнюю секунду Кадо отступает, и мне в бок врезается не клинок, а его рука, но все равно больно.

Я валюсь на землю, уткнувшись в нее лицом, и дышу так тяжело, что колышутся стебли сухой травы. По медному привкусу во рту понимаю, что, похоже, у меня рассечена губа.

– Вставай! – приказывает отец.

Я пытаюсь, но дрожу всем телом, а еще я уронил меч. Даже не знаю, куда он упал.

– Вставай!

– Стэнтон!

Услышав материнский голос, я сажусь. Она подходит к отцу с перекошенным лицом. Мне неприятно видеть, что она за меня волнуется, поэтому снова пытаюсь подняться. Это нелегко, и у меня чуть-чуть кружится голова, но я справляюсь. Вот только меч найти не могу.

– Ему нужен перерыв, – слышу я ее слова.

Дядя Иберик качает головой.

– Ай, да все с ним в порядке.

Черные волосы матери слегка развеваются на ветру, которого я не чувствую. Но хотел бы, потому что сейчас так жарко, что я ощущаю себя буханкой хлеба, выпекаемой в духовке Кука.

– Ты здесь уже несколько часов, и он устал.

Отец даже не смотрит на меня, но я вижу, как темнеет его взгляд, обращенный на мать. Я вновь покрываюсь потом, но вовсе не от жары.

– Он фейри, – парирует дядя Иберик. – Мы устроены совсем иначе, чем вы, ореанцы. Мы сильнее.

Интересно, еще кто-нибудь видит, как моя мать сжимает кулаки?

– Да, а еще он наполовину ореанец. И ему всего восемь. Даже мальчишки-фейри не могут тренироваться на мечах по несколько часов под палящим солнцем. Ему нужен перерыв, иначе он перегреется на солнце и не сможет завтра тренироваться. У большинства фейри сила проявляется только в пятнадцать лет! Ты слишком на него давишь. – Мать говорит решительно, не сводя взгляда с отца.

Но я знаю, что произойдет. Позже, когда никого не окажется рядом, отец будет с ней груб. Может, даже причинит боль. Я этого не хочу.

Последние несколько недель я ходил за мамой как приклеенный. Если отец рядом, я отвлекаю его от нее. Пока это легко, учитывая, как он был взволнован тем, что моя сила проявилась так рано. Не хочу, чтобы он снова обратил внимание на мою мать.

Мне приснилось, как он ее бил, и я проснулся, увидев, что матрас был в клочья порван торчащими шипами на спине, с шипов на руке свисали лоскуты простыни. Линии на моей коже раскинулись и на мою кровать, отчего дерево прогнуло и обрушился каркас. Потому что эти линии и есть гниль. Может, я и не Разрушитель, но все равно разрушаю.

- Я в порядке, - говорю я, но у меня першит в горле, и как было бы приятно с головой окунуться в пруд. А еще хотелось бы бросить в него этот дурацкий меч, чтобы больше не пришлось практиковаться.

Кадо молчит, переводя взгляд между взрослыми, но беспокойства я в нем не наблюдаю. Он с радостью втоптал бы меня в землю, если бы того захотел мой отец.

- Видишь? - показав на меня, говорит отец. - С мальчишкой все в порядке.

- Стенто...

- Возвращайся в дом, Элора, - приказывает он.

Мама, кажется, разозлилась, как и мой отец, вот только эта эмоция немного отличается от его. Она всегда улыбается мне и Райатту. Смеется со слугами-ореанцами, она добра и спокойна по отношению к лошадям. А рядом с отцом лицо у нее меняется. На нем либо застенчивое, либо злое, либо испуганное, либо грустное выражение. И все они ей не подходят. Так не должно быть.

Хочу, чтобы она была такой же, как в моменты, когда смотрит на нас с братом.

- Я пойду в дом вместе со своим сыном, - упрямо говорит она.

Сердце у меня гулко бьется, пока я наблюдаю за родителями.

Дядя Иберик изумленно смотрит на нее.

- Как ты смеешь проявлять такое неуважение к своему господину и мужу! Он - фейри. Он привел тебя в наш мир, позволил тебе тут остаться, даровал долгую жизнь, детей и возможность жить в нашем мире.

Мать даже не обращает на него внимания, в отличие от отца. Когда к нам приезжает дядя Иберик, характер у отца всегда становится хуже. Ему не нравится, если кто-то перечит или плохо себя ведет - особенно когда рядом посторонние.

Гнев на лице моего отца вызывает у меня прилив эмоций. Когда он делает шаг к маме, трава у моих ног внезапно становится коричневого цвета. По моим рукам пробегают черные линии. Шипы, каждый разной длины, пронзают кожу.

Когда по траве растекается гниль, отец поворачивается ко мне. Вместо радости, как в первый раз, он крепко сжимает губы.

- Так вот когда проявляется твоя сила? - рычит он. - Ты должен был воспользоваться ею во время тренировки. Вот еще одно доказательство, что ты не прикладываешь никаких усилий.

- Клянусь, я стараюсь, - говорю я ему. Я пытаюсь дотянуться до ноги и стереть кровь, стекающую из порезов на руках, но только рву штаны одним из шипов.

- Тебе нужно учиться, - говорит мне отец и идет вперед. Он проводит взглядом по коротким и длинным шипам, по испачканной порезанной коже. - Ты не имеешь права поддаваться своей магии или дурацким эмоциям, - выплевывает он. - Ты мой сын, и тебе придется научиться использовать свою магию, чтобы я гордился тобой.

А не то пеняй на себя.

Эти слова - негласная угроза.

Я склоняю голову.

- Да, отец.

Он вздергивает подбородок.

- Уводи его в дом.

Не теряя времени даром, мама спешит ко мне. Она хватается за плечо, не изрешеченное шипами, и мы бредем к поместью.

Всю дорогу мы молчим, но в голове громко звучат отцовские слова.

«Тебе придется научиться использовать свою магию, чтобы я гордился тобой».

Потому что сейчас он мной не гордится. Я снова и снова разочаровываю, и он возненавидит меня до конца жизни.

Глаза жжет, но я продолжаю шмыгать носом и силюсь не плакать. Слишком часто я плачу в последнее время. Но все равно слышу в голове слова отца. Я ужасно хотел, чтобы он перестал во мне разочаровываться, и полагал, что как только покажу свою силу, так и произойдет. Но все вышло совсем иначе.

Вернувшись в свою комнату, я молчу, пока меня купают и помогают подготовиться ко сну. Позже мама приносит еду и какие-то флаконы с лекарствами, чтобы очистить мою раздраженную, разодранную кожу. Я снова молчу, хотя когда она поливает меня жгучей жидкостью, становится больно. Но шипы хотя бы исчезли, потому спать с ними мне не придется.

Вытерев последние капли крови, мама обхватывает мои щеки руками и заставляет на нее посмотреть.

- Слейд, я хочу, чтобы ты выслушал меня, и хочу, чтобы ты запомнил мои слова. Хорошо?

Я медленно киваю.

В ее взгляде сквозит неистовая любовь.

- Ты мой сын, и я уже горжусь тобой. Каждый день.

Кажется, будто я сейчас разревусь, как младенец, но с трудом глотаю подступивший к горлу ком.

- Но я слабый. Моя сила проявляется только, когда я испытываю эмоции, а отец говорит, что так не должно быть.

- Ты не слабый, - уверенно возражает мама. Когда я принимаюсь спорить, она продолжает: - Необязательно проявлять жестокость, чтобы быть сильным. Необязательно становиться злым, чтобы казаться храбрым. Необязательно смотреть на других свысока, чтобы казаться выше. Если ты испытываешь чувства, это не означает, что ты слабый. Наоборот, ты настолько умен, что позволяешь себе чувствовать.

Когда в глазах щиплет так сильно, что сдержаться уже невозможно, мама вытирает мне щеки большими пальцами.

- Я не хочу быть похожим на него, - шепчу я и смотрю на дверь, боясь, что отец меня услышит, хотя в комнате только мы с мамой. - Я не хочу ломать, заражать гнилью или портить. Я хочу быть хорошим.

На лице матери отражается печаль.

- Ты очень хороший, Слейд. Я каждый божий день тобой горжусь. И не потому, что на руках у тебя шипы, а по венам течет магическая сила. Не из-за крови или статуса, который ты однажды получишь. - Мама кладет руку мне на грудь, накрывая гулко бьющееся сердце. - Я горжусь тобой благодаря этому. Не из-за того, на что ты способен, а за то, кем ты однажды станешь.

- И кем я стану?

Она наклоняется и, убрав влажные волосы с моего лба, целует меня.

- Ты станешь собой. И будешь этим гордиться.

Слейд

Толком не помню, когда и как я заснул. Прихожу в себя, только когда входная дверь с грохотом распаивается, и я, лежа на диване, резко поднимаю голову, изогнув шею. Вижу, Райатт тоже здесь уснул, однако не ведаю, когда он вернулся. Брат подпрыгивает со стула, на котором сидел, согнувшись, а я вскакиваю на ноги, чувствуя, как заходится сердце от столь внезапного пробуждения.

В пещере завывает ветер, и я понимаю, что уже снова стемнело: либо я проспал дольше положенного, либо буря полностью застлала солнце. Заметив копну желтых волос, я замираю.

– Джадд?

– Соскучился? – Стоя в дверях, он трясет головой, как мокрый пес, и в стороны летят капли воды.

Я вздыхаю и тру лицо рукой.

– Мои приказы и впрямь никто не слушает?

Райатт бросает на меня хмурый взгляд и отправляется на кухню.

– Нет, если приказы у тебя дурацкие, – живо отвечает Джадд.

Хочется что-нибудь ударить. Жуть как хочется.

Но потом Джадд отступает, и в комнату заходит худощавый мужчина, одетый в длинное пальто с нашитыми на плечах красными полосами, и закрывает за собой дверь.

Ходжат.

Меня переполняет облегчение, и, вытаращив глаза, я обращаюсь к Джадду:

– Ты проделал такой путь до лагеря, чтобы найти Ходжата и привезти его сюда?

– Ага.

Меня разрывает от удивления, благодарности и раздражения, что сам я до этого не додумался.

– Не за что, – улыбнувшись, говорит Джадд, снимает с плеча сумку и ставит ее на пол.

– Спасибо. – Присутствие Ходжата, который может осмотреть Аурен, немного развеивает сковавшую меня тревогу.

Они заходят в гостиную, а потом Джадд помогает нашему армейскому лекарю снять насквозь промокший плащ, пока Ходжат роется в висящей у него на плече сумке. Я слышу, как звякают флаконы.

- Хорошо, что ничего не намочило.

- Боюсь, другой твоей сумке повезло меньше, - говорит Джадд и показывает на мешок, который мокрой кучей валяется у входной двери.

- Ничего, капитан Джадд, - говорит Ходжат, стряхнув с каштановых волос воду.

Из коридора появляется уставшая Лу.

- Что-то ты долго, - зевая, произносит она.

- Ты же знаешь, как я ненавижу летать, - отвечает Джадд, сняв плащ и повесив его на крючок возле камина, где уже висит наша одежда. - Да еще и сквозь бурю прорваться пришлось. Дождь стал мокрым снегом, а мокрый снег обернулся градом. Ты была когда-нибудь под градом, пытаешься удержаться в обледеневшем седле вместе с лекарем, который боится высоты? - стаскивая сапоги, спрашивает он.

- За последнее время нет.

Он снова трясет волосами.

- Так вот это трудно.

Ходжат хмурится.

- Капитан Джадд, я впервые летал на тимбервинге, - говорит он и легонько вздрагивает, снимая мокрые сапоги. - И летать с вами... не очень приятно.

Лу фыркает. Райатт возвращается с парой оловянных кружек, от которых поднимается пар. Он протягивает их Джадду и Ходжату, которые с благодарностью берут их и хлеблют бульон.

Из-за этой шуточной перепалки терпение у меня рвется, как бумага.

- Никто не хочет объяснить, почему вы не вернулись к войску, как я приказал?

Они вчетвером смотрят на меня, как на капризного ребенка, бросая на меня взгляд, так и говорящий «ну ты и устроил».

- Успокойся, - говорит Джадд и, подойдя, хлопает меня холодной рукой по спине. - С войском Оз, и они по его приказу уже выдвинулись. У него все в порядке. К тому же мы с Лу сошлись на том, что тебе понадобится Ходжат. Ради Дигби и ради... - Он замолкает и смотрит на еще лежащую на диване Аурен. - Она до сих пор не проснулась?

Я резко качаю головой.

- Извините, капитан Лу, - шепчет Ходжат и обходит ее, встав перед Аурен. Он внимательно смотрит, и левая сторона его обожженного лица от

беспокойства морщится. – Капитан Джадд сказал, что нам нельзя прикасаться к ней в светлое время суток, это правда?

– Правда, – отвечаю ему я. Ходжат – единственный, помимо моего Гнева, кому я безоговорочно доверяю. Лекарь знает немало тайн, и теперь, когда он рядом, мне становится гораздо легче от того, что он может помочь Аурен. – Но она так и не позолотила подушки или чулки Лу. Не знаю, хорошо это или плохо. Возможно, она просто истощила силы.

Ходжат задумчиво хмыкает.

– Ну, уже ночь. Могу я?..

Кивнув, я отхожу, чтобы он внимательно ее осмотрел. Для начала Ходжат щупает ее лоб, проверив температуру, подносит пальцы к губам, чтобы подсчитать вдохи, ощупывает руки и ноги, а после прижимается ухом к груди.

– Ну что?

– Кажется, будто она просто отдыхает. Возможно, и правда потратила слишком много сил, как вы и сказали. Кажется, припоминаю, Ваше Величество, что и вы не раз теряли сознание, когда чересчур злоупотребляли своей силой, – с обнадеживающей улыбкой замечает Ходжат.

– Я оставил в ней частичку гнили, – выпаливаю я. – И не могу ее вытащить.

Он смотрит на меня карими глазами, окруженными морщинками.

– По-вашему, это наносит какой-то урон?

На всякий случай проверяю еще разок и качаю головой.

– Ничего такого не чувствую. Гниль просто не покидает ее тело.

Он хмыкает еще раз.

– Вы за этим понаблюдаете?

– Да.

Кивнув, он смотрит на Джадда, а потом снова на меня.

– Капитан Джадд сказал, на спине у нее могут быть раны.

Я каменею.

Джадд поднимает руки.

– Да-да, я многое ему рассказал, но, чтобы помочь ей, он должен это знать.

Я качаю головой, потому что не сержусь на него за то, что он рассказал Ходжату. Я бы тоже так поступил. Я злюсь, что просто лишь перевернул ее на бок.

– Я не мог... – Я прочищаю горло, пытаюсь казаться сильнее, чем чувствую. – Я не проверял.

Потому что я трус.

Потому что я не мог этого вынести.

Ходжат не бранит меня, хотя я того заслуживаю. Он просто наклоняет голову, показав на Аурен.

– Лучше, если я сделаю это сам. Наклоните ее вперед, чтобы я осмотрел ее и, если понадобится, обработал раны.

Кивнув, я обхожу диван с другой стороны. Аккуратно беру Аурен за плечи и переворачиваю ее на живот. Ходжат тем временем роется в висящей поперек его груди сумке и достает ножницы. Не теряя времени даром, он осторожно разрезает платье.

Когда ее спина обнажается, с моих губ срывается судорожный вдох. Я слышу, как мой Гнев громко охает, и все подходят поближе, желая рассмотреть. А я не могу. Я словно прирос к полу.

Спина у нее в ужасном состоянии.

Атласные золотые ленты, которые прежде росли вдоль ее позвоночника, как оперившиеся крылья, полностью уничтожены. У нее вырвали все двадцать четыре тонкие полоски, которые ранее шлейфом тянулись за ней. Теперь же на ее окровавленной спине торчали обрубленные лоскуты около одного-двух дюймов.

Ленты Аурен были прекрасны. Бесподобны. Они показывали ее истинную натуру фейри. Они были такими же яркими и живыми, как она. А теперь их срезали, как ветку дерева, отрубили и измельчили.

«Воспользуйся лентами».

«Я не могу».

Я смотрю на обрубки, на запекшуюся на кончиках кровь и замазанную по коже золотистыми брызгами, и глаза наполняются слезами. Кончики лент искорежены и истрепаны, а кожа усеяна синяками. И даже сейчас из некоторых лоскутов сочатся золотые капли крови. Я снова проклиная себя за то, что слишком сильно потрянул ее, за то, что сразу не осмотрел ее. За то, что был трусом.

– Черт... – слышу от Джадда.

– Будь проклят этот монстр, – отвернувшись, выплевывает Лу.

У меня же в горле стоит такой ком, что я не могу выдавить ни слова.

– Ладно. – Ходжат, единственный, на чьем лице не отражается злость, ужас и жалость. Он ничего не сказал и не прокомментировал. Нет, он просто непринужденно, методично и без сомнений вошел в роль лекаря.

– Командир Райатт? – говорит он, обратившись к моему брату. Он один из немногих, помимо моего Гнева, знает, что у меня есть брат, который берет на себя командование войском, когда я принимаю облик короля. – Нужно, чтобы вы вскипятили немного чистой воды. – Затем он поворачивается к Лу. – Еще мне понадобится большая рубашка, которую можно завязать или застегнуть на пуговицы. Желательно такого же размера, как у капитана Озрика.

Лу и Райатт тут же расходятся в разных направлениях.

– Вы, – говорит Ходжат, показав на нас с Джаддом, – ей нужна кровать, чтобы ей было удобнее, пока я ею занимаюсь.

– Я уже развел огонь в твоей комнате, – кричит из кухни Райатт.

Кивнув, я осторожно беру Аурен на руки. Джадд идет по коридору впереди меня. Мы проходим в мерцающем свете от висящих на стенах канделябров. Джадд открывает дверь в самом конце коридора и быстро идет к кровати, стаскивает с нее меха и одеяла. В комнате тепло, камин потрескивает и излучает тепло, заливая все успокаивающим оранжевым светом, но запах плесени не уходит, поскольку комнатой давно не пользовались. Прошло немало времени с тех пор, как я останавливался здесь в последний раз.

Не теряя времени, Джадд зажигает фонарь, стоящий на тумбе, и раздвигает плотные коричневые шторы. Мы не утруждали себя установкой окон в Гротте, пожелав скрыть все происходящее внутри от внешнего мира. Тем не менее комната не кажется очень замкнутой из-за светящегося флуоресцентного камня пещеры, который отбрасывает успокаивающий синий цвет, почти напоминающий сияние звезд.

– Пожалуйста, положите ее на живот, сир, – входя в комнату, говорит мне Ходжат.

Я как можно осторожнее опускаю Аурен на постель, повернув ее голову на бок, чтобы ей было удобнее. В последний момент Ходжат почти отталкивает меня, ставит сумку у изножья кровати и начинает рыться в ней и вытаскивать предметы.

Мы с Джаддом просто стоим и наблюдаем за ним, и тогда он бросает взгляд через плечо.

– Нельзя терять времени. Капитан Джадд, вам нужно снять мокрую одежду. И, боюсь, мне тоже придется что-нибудь позаимствовать, пока не высохнет моя одежда.

– Я этим займусь. – Джадд поворачивается и уходит, а Ходжат смотрит на меня, и между его каштановыми бровями залегает морщинка. – Сир, вы не переодевались из-за шторма?

Я оглядываю себя, гадая, как же он это понял, но моя одежда из черной кожи сморщилась и огрубела, а на материале виден иней.

- Нет.

- Советую переодеться.

С мгновение я нерешительно стою и наблюдаю, как он возится с Аурен.

- Ходжат, все, что с ней..

Он поднимает руку.

- Сир, вы спасли мне жизнь. Храня ваши секреты - это меньше, чем я могу вам отплатить. Я всегда буду оберегать то, что касается вас и остальных.

Я и так это знаю. Ходжат уже давно заслужил мое доверие. И все же, когда дело касается Аурен, мне нужно успокоиться, потому что моя фейринская сущность вся на нервах. Мне трудно смириться с тем, что, пока она в таком уязвимом состоянии, рядом с ней находится кто-то еще. Слышу поднимающийся по горлу рык и ловлю себя на том, что меня тянет к ней так, словно я хочу отгородить ее от всех.

Мне приходится убедить себя, что это Ходжат. Я доверяю ему свою жизнь и ее жизнь. Поэтому, хоть от желания защитить сердце неистово колотится, я все же заставляю себя кивнуть и отвернуться.

Направившись к двери справа, я вхожу в умывальную комнату, к которой примыкает гардеробная, и замечаю, что в канделябрах уже тлеет масло. Если, по моему мнению, в спальне пахло плесенью, то в шкафу, несмотря на висящие на вешалках сосновые веточки, пахнет еще хуже. Я быстро раздеваюсь и кучей бросаю на пол жесткую одежду.

Натянув чистую пару брюк, мимоходом смотрю в зеркало. Вен гнилой силы стало больше, и они растянулись от груди к животу. Они обвивают руки и спину, раздраженно извиваются вокруг челюсти. Они становятся такими неумными, только когда я слишком долго подавляю гниль. Но сейчас это никоим образом не связано со сдерживаемой мной силой, а связано с женщиной, без сознания лежащей на моей кровати. Это на нее реагирует моя магия, это моя фейская сущность разгоняет силу по венам, как сердце разгоняет кровь.

Словно понимая, куда следуют мои мысли, корни на руках покалывают и дергаются, пока я не сжимаю их в кулаки. Стиснув зубы, я одеваюсь, спрятав эти линии под одеждой.

Когда я, умывшись, возвращаюсь в спальню, то замечаю, что Ходжат уже успел переодеться и теперь усердно трудится. Он заканчивает смывать кровь с лент Аурен осторожными и заученными движениями. Дымящаяся чаша, из которой он черпает воду, полна перемолотых листьев, а вся комната пропахла травами.

В комнату заходит Джадд, неся чистую миску и еще один набор тряпок, и ставит их на тумбу.

– Спасибо, капитан Джадд, – шепчет Ходжат, направив все внимание на Аурен. Мы с Джаддом смотрим, как он наносит на поврежденные края какую-то мазь, а потом осторожно накладывает вдоль спины полоски ткани, прикрывая обрубленные концы. Его нисколько не беспокоят и не смущают ее отличительные черты, его нисколько не беспокоят похожие на ткань полоски, которые он сейчас обрабатывает. Ходжат многое повидал за то время, что провел со мной.

Закончив, он моет руки в чистой миске и поворачивается ко мне.

– Я все очистил. Нужно присматривать за ранами, чтобы избежать заражения. Она должна лежать на животе или на боку. – Ходжат начинает собирать вещи в сумку, сворачивая кусочки сушеных трав и закупоривая флаконы.

– Могу я что-нибудь сделать? – спрашиваю я, презирая себя за беспомощность. Я не привык сидеть сложа руки.

– Дайте ей отдохнуть. Как вам известно, истощение магической силы тяжело может отразиться на организме. – Он снова роется в сумке, вытаскивает сушеный пион и засовывает его под подушку, а потом берет в руки сумку и обе миски. – Если позволите, я пойду к мастеру Дигби и начну его лечить.

– Да, спасибо, Ходжат.

Он отвешивает легкий поклон.

– Всегда рад вам помочь, сир.

Когда он уходит, я выдыхаю и засовываю руки в карманы.

– И тебе спасибо, – говорю я Джадду, когда он прислоняется к стене возле камина. – За то, что привез Ходжата. Я должен был сам догадаться.

– Ты был немного занят, – говорит он и зевает во весь рот.

– Иди спать, Джадд. Хреново выглядишь.

Он посмеивается, проводит рукой по загорелому лицу и чешет подбородок.

– Да уж, ты знаешь, как подбодрить мужика. Но ты прав. В нашей компании я самый красивый, поэтому важно хорошенько выспаться. Крикни, если тебе что-нибудь понадобится, мы все расположились дальше по коридору.

– Хорошо.

Кивнув, Джадд выходит, закрыв за собой дверь, а я, хоть и подремал немного, все равно чувствую себя разбитым. Я гашу огонь и, взяв стул возле небольшого стола, придвигаю его как можно ближе к кровати. Устраиваюсь поудобнее, подперев голову рукой и смотря на Аурен. Она лежит лицом ко мне, и я вожу взглядом по ее расслабленным чертам, по щекам, мягким губам. В свете камина ее кожа сияет, и я, не удержавшись, протягиваю руку и убираю прядь ее волос.

– Отдыхай, Золотая пташка, – шепчу я. – Отдыхай, а потом просыпайся ради меня.

Я засыпаю, сидя рядом с ней и слушая мелодию ее ровных вдохов и выдохов. Это единственное мое утешение. Потому что даже сейчас, когда ее аура еще слабо мерцает, а глаза закрыты, я чувствую, как в ее груди, словно в почве, поселилось семя гнили, пустившее корни.

И оно по-прежнему мне не откликается.

Глава 9

Озрик

Как только я прибыл в Рэнхолд, то сразу же стал уводить войско.

Все происходило в спешке и сумбурно, но терять нельзя было ни минуты. Надеюсь, солдаты отдохнули и в них бурлит энергия, потому что нам пора убираться из Пятого королевства.

Я скачу вдоль строя, сидя на лошади, пока остальные заканчивают сборы. Вокруг слышны крики и лязг, вещи беспардонно кидают в телеги и бочки, палатки сворачивают, а лошадей седлают.

Через десять минут авангард уже в пути. Еще десять – и готова середина. Сейчас я в арьергарде. Конечно, как только последние солдаты начинают движение, колкий зимний буран принимается бахвалиться, заваливая нас снегом и словно пытаясь доказать, что он сильнее.

К черту.

Может, вояки немного и не готовы к скоропалительному уходу, но они сильные. Мы с Лу, Джаддом, Райаттом и Рипом в этом убедились.

Обходя на лошади шеренгу, я побуждаю их поторопиться, и они немедля ускоряются. Меж тем я проверяю, чтобы отставшие от строя тоже успели.

– Кег, все хорошо?! – кричу я.

Он бросает кучку снега на костер для приготовления пищи и тушит его в клубках пара и дыма, а потом кидает котел в поварскую повозку.

– Хорошо, капитан, – откликается он. – Но мне придется ускориться в приготовлении завтрака.

– Уверен, завтрак у тебя выйдет отменным.

Он кладет руку на грудь.

- О, капитан, хотите сказать, что я самый лучший, самый одаренный армейский повар?

Я закатываю глаза.

- Приглядишь тут за обстановкой, ладно? Если понадобится, свистни.

Весь следующий час я скачу на лошади взад-вперед, выкрикивая приказы и подбадривая солдат быстрее покинуть Пятое королевство. При иных обстоятельствах я бы дождался, когда утихнет буря, но я не доверяю королеве Кайле. А учитывая случившееся сегодня в бальной зале, нельзя сидеть сложа руки, пока остальные правители решают, стоит ли на нас нападать.

Раз Рип хочет, чтобы войско вернулось в Четвертое королевство, значит я верну его в Четвертое королевство.

Но небо та еще сволочь. Холодный воздух хлещет в лицо, изливаясь потоками мокрого снега. Земля превратилась в хлюпающее нечто, а пронизывающий ветер продолжает стонать и рыдать, как мелкая сучка.

Ненавижу это проклятое богами королевство.

Думаю, этой ночью все солдаты единодушны со мной в этом мнении, пока мы строим удаляемся от Пятого королевства, а погодные явления только побуждают нас обратиться отсюда как можно скорее.

Когда я даю войску приказ остановиться, уже близится рассвет, но по-прежнему бушует буря, безудержно обрушиваясь на нас ледяным потоком.

Вот же зараза.

Горный перевал, где я повелел остановиться, дает возможность хотя бы немного укрыться от ненастья. Солдаты разбивают палатки, чиркают кремнем, чтобы побыстрее развести костер, пока мы все не перемерзли до смерти. Горный склон неплохо защищает от ветра, а если поставить палатки под верным углом, то нас и снегом не засыплет.

Я обхожу периметр, чем невероятно злю своего коня, пока не получаю от лейтенантов отчет о полной численности, а первый патруль не заступает на дозор. Только после того, как большая часть солдат спешно расходится по палаткам или усаживается вокруг костров, я наконец заканчиваю и веду лошадь в укрытие к остальным.

Как только я слезаю с лошади, ко мне подбегает солдат по имени Химинн.

- Я установил вашу палатку, капитан, - пытается он перекричать ветер, пока снег хлещет его по обветренному лицу.

- А я продолжаю настаивать, что ты не обязан для меня этого делать, - говорю ему я.

Мальчишка буквально недавно получил звание, вступив в армию только прошлым летом, и с тех пор без устали благодарит за то, что я его принял. Однажды я даже застукал его в момент, когда он начищал мои сапоги.

Он пожимает плечами и улыбается, показав сколотый передний зуб, а потом сразу же хватается за узды.

- Я отведу вашу лошадь к остальным и пригляжу за ней.

- Химинн, - завожу я, но меня прерывает резкий свист.

Солдат пользуется возможностью, чтобы улизнуть с моим скакуном, а я оборачиваюсь и вижу, как ко мне неспешной походкой направляется Кег, в длинные, перекрученные волосы которого вплетены веточки.

- Помнишь, ты сказал свистнуть, если понадобится?

- Да?

- Что ж, капитан, предложение было дерьмовым, потому что в такую бурю свиста, черт возьми, не слышно.

Я окидываю взглядом обстановку, но на этом узком горном перевале люди и палатки расположились так тесно друг к другу, что даже если проблема и есть, то я ее не вижу.

- Что случилось?

- Лучше сам взгляни.

Прекрасно!

Я иду за ним по извилистой дорожке, и мы с трудом пробираемся через густой снежный покров к лагерю. Я и Кег останавливаемся у костра, где солдаты черпают еду из огромного котла, подвешенного на железных спицах.

- Ты притащил меня сюда, чтобы накормить? - спрашиваю я.

Кег фыркает.

- Нет, но, знаешь, едой я тебя обеспечу.

Он расталкивает солдат, накладывает в две жестяные миски густую похлебку и протягивает их мне.

Я приподнимаю бровь.

- Две-то зачем?

- Скоро сам поймешь, - загадочно говорит он и рукой показывает мне идти вперед.

Вздыхнув, я следую за ним, но горячий бульон выплескивается из миски, обжигая пальцы даже через перчатки. Я шиплю от боли.

- Обязательно было наливать так много? - бурчу я.

- Тебе бы отработать навыки легкой поступи, - жизнерадостно откликается Кег. - В лагере нет лучше ужина, чем это тушеное мясо. Остальные повара, как обычно, чертовски завидуют.

Издав смешок, который больше напоминает рык, я продолжаю идти за Кегом, пока он не останавливается перед палаткой. Он выжидательно приоткрывает полог, и я, замерев перед ним, наклоняю голову.

- Если так ты пытаешься сделать мне предложение, то паршиво у тебя выходит.

Кег запрокидывает голову и громко хохочет.

- Капитан, обижаете! Я тот еще романтик, черт возьми. Если бы я делал тебе предложение, то с ног бы им тебя сбил.

- Тогда тебе стоит знать, что уж скорее я тебя собью с ног своими дурно пахнущими носками.

Он кивает в сторону палатки.

- Заходи, а то из-за тебя дует, и мясо остынет.

Закатив глаза, я быстро вхожу в палатку. Кег опускает за мной полог и уходит, кинув напоследок: «Повеселись».

Нахмурившись, я выпрямляюсь и, как только привыкаю к темноте и теплomu воздуху, замечаю женщину, одетую в какое-то парадное платье, которое не стоит надевать при такой погоде. Легкое пальто, что накинуто поверх платья, ни хрена не помогает согреться.

Блондинка встает передо мной и в возмущении скрещивает на груди руки.

- А ты кто такой? - спрашивает она.

Я с недоумением смотрю на нее, а потом на другую женщину, которая спит рядом с ней на паллете. Она белая, как простыня.

- Вообще-то я - капитан этого клятого войска. А ты, нахрен, кто такая? - парирую я, хотя женщина кажется знакомой.

Она поджимает пухлые губы.

- Я Рисса. Сбежав из Рэнхолда, я столкнулась с женщиной по имени Лу. Она сказала, что, если я примкну к войску, ты заберешь меня с собой из Пятого королевства. Лу сказала, что Аурен обсуждала это с тобой - что я могу уйти с вами.

Мысленно возвращаюсь к той ночи, когда Аурен рассказала нам о Риссе. О том, как эта стерва практически ее шантажировала. Я тогда еще предложил ее убить.

Я часто предлагаю убивать.

- Да, обсуждала. Златовласая чересчур добра, мать ее, - бурчу я себе под нос.

- Не поняла? - говорит она тем же нахальным тоном.

- Да ты и с первого раза расслышала, - едко отвечаю я и с отвращением гляжу на нее. - Ты ей угрожала, заставила дать обещание в обмен на твое молчание, а Златовласая все равно хотела тебе помочь. Я тогда ответил, что нам стоит попросту тебя убить. Потому что если я что-то и ненавижу, так это предательство.

В ее голубых глазах вспыхивает возмущение.

- Предательство? - Она подлетает ко мне и тычет ухоженным пальчиком в грудь. - Слушай меня, волосатый огромный дикарь. Я наложница, и я женщина. Полагаешь, я обладаю роскошью жить, храня высокие моральные принципы? - выплевывает она. - Что ж, так вот нет. Наложницы дарят необходимое удовольствие, а мы что получаем взамен? Нами повелевают, нас осуждают - и это еще в лучшем случае. Можешь презирать меня, сколько влезет, но я просто пытаюсь выжить. И если для этого мне придется воспользоваться кое-какой информацией, то я не задумываясь это сделаю.

Она шумно и тяжело дышит, ее щеки розовеют. Внезапно мое раздражение трещит по швам, и меня осеняет, что эта женщина действительно чертовски красива.

Боги, будьте вы прокляты.

Как от предложения убить я дошел до такого?

Она выдала такую смелую речь, что я понял: женщина не шутит. Отчасти я даже уважаю ее за это. Я не понаслышке знаю, каково это - когда ты готов на все, чтобы выжить. Почти всю мою жизнь меня ставили перед выбором: быть убитым или убивать самому, и я выбрал жизнь.

Думаю, и она тоже.

Но, пытаясь выжить, нужно выбирать мудро, кому хранить верность. И когда вопрос стоит о моей верности, то я тот еще свирепый ублюдок.

Я провожу языком по деревянному пирсингу в нижней губе.

- Аурен верна тебе, но ты не верна ей. Все просто. Тем, кто не хранит верность, я не разрешаю шествовать с моим войском.

Блондинка напрягается.

– Отлично. – Она поворачивается и начинает запихивать вещи в сумку. Женщину освещает кучка углей, тлеющих посреди палатки. – Мы уйдем. Надеюсь, ты будешь отлично спать, зная, что выгнал двух беспомощных женщин в Пустошь и спас драгоценную совесть, отстаивая свою великую и могучую верность.

Я запрокидываю голову и смиренно вздыхаю.

– Завязывай с этой мученической хренью, – отгрызаюсь я. – На меня это не действует. Ты можешь остаться, потому что мы дали Аурен обещание, а я всегда держу слово.

Рисса прекращает собирать вещи, прищурившись, а я стою, как идиот, и держу две миски с горячим тушеным мясом. Я решаюсь протянуть одну из них Риссе.

– Держи.

С мгновение она мешкает, но голод оказывается сильнее неприязни ко мне, потому Рисса встает и быстро забирает у меня еду. Когда она обхватывает губами жестяную миску и начинает аккуратно отхлебывать, я опускаю взгляд на ее рот, и в мыслях у меня всплывают всякие непристойные образы.

Это плохо.

Заставив себя отвести взгляд, я допиваю рагу, громко чавкая и пережевывая, а под конец выдаю громкую отрыжку. Тыльной стороной руки вытерев с бороды капли бульона, я поднимаю глаза и вижу, как Рисса смотрит на меня, наморщив нос от отвращения.

– Тебя что, не обучали хорошим манерам? – ехидничает она.

Я улыбаюсь во весь рот.

– Скоро забудешь об утонченной манере есть, когда познаешь голод и холод. Здесь не нужно производить впечатление на королей и знать. Только на меня.

– Можно подумать, я хотела тебя впечатлить, – парирует она и еще раз деликатно отпивает. – Ты даже в конец моего списка не попадешь. Я выбираю только богатых и чистых.

На сей раз я подлетаю к ней, сократив расстояние между нами парой широких шагов. Она изгибает красивую шею, смотря на меня... Никогда не думал, что чья-то чертова шея меня так заведет.

Черт подери, я слишком долго пробыл в Пятом королевстве. Похоже, от такой погоды я начал сходиться с ума.

– Тогда обрадую тебя, Желтый колокольчик.

Она хмурится.

– Желтый колокольчик?

Я пожимаю плечами.

- А ведь подходит. Цветок желтый, как и твои волосы, и так же обманчив, потому что снаружи прекрасен, тогда как на деле является чистым ядом.

Ее взгляд мрачнеет.

- У меня светлые волосы, а не желтые, дремучий дикарь!

Я ухмыляюсь.

- О, значит, отрывок про яд тебя не так возмущает? Интересно.

Она пихает мне миску.

- А теперь уходи.

- Поскольку капитан тут я, то я и буду отдавать приказы.

- Отлично, - бормочет она под нос и, повернувшись ко мне спиной, садится рядом со спящей женщиной.

Вынужден признать: не всякий мужчина осмелится повернуться ко мне спиной, потому меня еще сильнее возбуждает, что это не раздумывая сделала женщина.

Да. Определенно, я чертовски долго пробыл в Пятом королевстве.

- Что это за дамочка?

- Ее зовут Полли, - выпаливает Рисса, взяв тряпку и промокнув лоб женщины.

- Она больна?

- А тебя это волнует?

Я пожимаю плечами.

- Думаю, нет. Но если она будет пользоваться армейским провиантом и услугами лекаря, то мне нужно знать.

Она бросает на меня взгляд холоднее, чем буря, бушующая за палаткой.

- Она не заразна, и мне ничего не нужно - ни от тебя, ни от твоего войска.

- Кроме нашего крова, пищи, защиты..

Я почти слышу, как Рисса скрежешет зубами. Не понимаю, почему меня так возбуждает ее злость, но это так. В ней есть сила характера, и до сей минуты я не знал, что мне нравится это в женщинах.

Снова встав, Рисса поворачивается ко мне с какой-то яростной решимостью в голубых глазах. Упрямо не сводя взора, она снимает пальто, а потом сапоги. Но когда стягивает рукава платья и спускает их с плеч, я отшатываюсь в сторону.

– Какого хрена ты удумала?

– А что? – с беззаботным безразличием спрашивает она. – Разве не этого ты хочешь? Чтобы я заплатила за твои услуги, капитан? Я всего лишь вероломная наложница, потому стоит вознаградить тебя за твою щедрость.

Я стою, как чертов придурок, пока она стягивает рукава и оголяет совершенную грудь, стянутую элегантным корсетом, который так крепко сжимает ее прелести, что они буквально умоляют о свободе и ласке.

Я охренеть как возбужден. Так сильно, что кровь, которая чертовски нужна мне для того, чтобы лучше соображать, отливает в неверном направлении. Мне нужно несколько секунд, чтобы осознать то, что сказала Рисса.

Как только до меня доходит, я становлюсь чертовски злым.

– А ну-ка живо оделась! – рявкаю я.

– Почему? – спрашивает она. – Разве не этого хотят мужчины взамен? Я просто делаю то, что должна.

Рисса стоит в возмущенном потрясении. Тогда я бросаю миски на пол и негодуя иду к ней. Но когда хочу снять с себя пальто, она вздрагивает.

Черт возьми, она вздрагивает.

Как будто ждала, что я ее ударю.

И это злит меня еще сильнее, потому что она реагирует привычным способом, и теперь я понимаю, что ее и раньше били. Наверное, одному из тех развлекающихся с наложницами ублюдков нравилось издеваться над женщинами. Возможно, это был даже сам Мидас.

Зыркнув глазами, я как можно медленнее снимаю пальто и накидываю его на Риссу. Она смотрит на меня, не двигаясь и даже не дыша.

– Может, я и ублюдок, но никогда не воспользуюсь женщиной, – сухо говорю я.

И хотя это Рисса всячески пыталась меня удивить, похоже, теперь ее удивил я. До девушки даже не сразу доходит, что я не раздеваю ее, а наоборот – укутываю в одежду.

Она стискивает пальто изящными пальцами.

– Ты.. отдаешь мне свое пальто? – спрашивает Рисса, и теперь ее голос звучит совсем иначе. Он тише. В нем слышится недоумение. Намек на уязвимость за этой колючей наружностью.

- Да, - киваю я и, не удержавшись, бросаю взгляд на ее губы. Чертовски красивые губы. - Я распорядюсь, чтобы вам обеим дали одежду. Нельзя разгуливать по Пятому королевству в чертовом платье и корсете.

Рисса с сомнением смотрит на меня.

- Ты и правда дашь мне одежду?

- Я же так и сказал, нет?

- И... ты не хочешь со мной переспать? - без обиняков спрашивает она, словно не в силах поверить.

У меня вырывается хриплый смешок.

- Этого я не говорил. Я сказал, что не буду пользоваться тобой, - отвечаю я, отчего Рисса хмурится еще сильнее. На секунду я поддаюсь искушению и наклоняюсь к ней. Как и подозревал, она пахнет цветами. - Мы переспим, потому что ты сама этого захочешь.

В ее глазах вспыхивает страстная искра, а потом она тускнеет, и Рисса снова становится раздраженной, надув губы.

- С чего ты решил, что я захочу?

Я ухмыляюсь, а потом отворачиваюсь и поднимаю миски.

- Потому что, Желтый колокольчик, может, ты и ядовита, но тоже уязвима. Что-то в тебе зреет.

- Да, отвращение.

Ухмыляясь, я иду к выходу из палатки и, откинув край, останавливаюсь, чтобы еще разок взглянуть на нее.

- Разве было бы весело, если бы мы ни капли друг друга не ненавидели?

Я выхожу, оставив возмущенную Риссу, но перед уходом замечаю, как она заливается краской.

Долгое возвращение в Четвертое королевство только что стало оправданным.

Глава 10

Слейд

Прошло четыре дня.

Четыре дня, а Аурен даже не пошевелилась. Она тихонько лежит на моей кровати и двигается, только когда Ходжат меняет повязки и переворачивает ее, позволяя телу принять наиболее удобное положение. И хотя солнце поднималось и заходило не один раз, ни одна нитка не стала золотой от ее прикосновения. Ни подушка под ее щекой, ни новые перчатки или чулки. Она не исторгла ни капли силы, и я уже не знаю, что и думать.

Буря продолжала свирепствовать, словно пытаясь отомстить за то, что мы избежали ее гнева. В качестве возмездия шторм теперь решил не покидать эти места вовсе.

Я резко перевожу взгляд на дверь, когда в спальню без предупреждения заходит Райатт. У него сердитое лицо, а зеленые глаза мечут молнии в мою сторону.

- Стучаться не пробовал? - говорю я, хотя спорить у меня совершенно нет сил.

Он проходит мимо разбросанных вокруг меня книг, забытых и откинутых в сторону, потому что сосредоточиться на чтении я не могу. Не могу, когда Аурен продолжает недвижимо лежать на моей постели.

- Тебе нужно покинуть эту комнату.

Я фыркаю:

- Теперь ты отдаешь мне приказы, брат?

- Нет, брат. Я бы не осмелился отдавать приказы великому королю Роту, - отгрызается он. - Но ты не ешь, почти не спишь, и от тебя хреново пахнет.

Я закатываю глаза, готовый выпихнуть его из комнаты. С каждым днем мое настроение становится все хуже и хуже, поскольку Аурен не приходит в себя. Я ни на секунду не отходил от нее, держа ухо остро от беспокойства и страха, потому что чувствовать, слышать и думать я могу только о ней.

- Выметайся, Райатт.

Он разочарованно вздыхает.

- Тебе нужно взять себя в руки.

Я с гневом смотрю на него.

- Взять себя в руки? - В ту же секунду вскакиваю на ноги и оказываюсь лицом к лицу с братом. - Думаешь, я не стараюсь держать себя в руках каждую секунду каждого дня? Да это все, что мне остается! - Я стою, вытянувшись в струнку и говоря грубым тоном. - Я готов был сорваться с той же секунды, как мне пришлось применить к ней магию, ты это понимаешь? Я постоянно должен сдерживать свою силу. Я не могу уступить ей. Так что мне нет нужды держать себя в руках. Потому что я не могу ослабить свою магию с тех пор, как прилетел сюда и понял, что Аурен не просыпается.

Райатт замечает мое негодование, но мы частенько вступали в противоборство, и, хотя многие струсил бы, увидев мой гнев, мой брат не из таких.

– Как раз поэтому ты и должен покинуть эту комнату.

Я качаю головой, а шипы пытаются прорваться через рукава рубашки. Даже сейчас чувствую, как самые мелкие из них пробиваются над бровями.

– Взгляни на себя, – с ноткой отвращения говорит Райатт. – Дай посмотрю, насколько все плохо.

Усмехнувшись, я отворачиваюсь и встаю перед камином.

– Кто тебя прислал? Лу? Передай ей, что за меня не нужно волноваться.

– Никто меня не прислал, но мы все устали от твоего дерьмового настроения, – отвечает Райатт. – Теперь дай мне посмотреть.

– Отстань.

– Думаешь, мне самому хочется с тобой нянчиться? У меня и так дел по горло. Посему закатывай эти клятые рукава и дай посмотреть. Я не уйду, пока ты мне не уступишь.

Закипая от злости, я разворачиваюсь и засучиваю оба рукава, лишь бы он только уже ушел. Как только я оголяю руки, Райатт поджимает губы в тонкую линию.

– Вот черт.

Я опускаю рукава.

– Все нормально.

– Ничего тут нормального нет, – возражает он. – Тебе нужно исторгнуть немного силы, пока она не сожрала тебя заживо.

– А как же разведчики?

– Хватит увиливать! Не волнуйся, я разберусь с разведчиками Мидаса. А ты разберись со своей чертовщиной.

– Я не оставляю ее одну.

Райатт подходит к стулу, на котором я сидел, и плюхается на него. В ответ я одариваю его скептическим взглядом. Он даже закидывает лодыжку на колено, подхватывает с пола одну из книг и начинает читать.

– Какого хрена ты удумал?

Он пожимает плечами.

- Я составлю компанию золотой девочке. А теперь проваливай и отрави что-нибудь гнилью, пока не взорвался и не уничтожил весь Дэдвелл.

Я сжимаю руки в кулаки, корни вдоль пальцев извиваются и впиваются в кожу, пытаюсь пронзить ее насквозь, как шипы.

- Не могу. - Пока я остаюсь с ней и смотрю на нее, это единственное, что удерживает меня от срыва. Потому что Аурен еще не пришла в себя. Она еще не оправилась.

Райатт смотрит на меня, и впервые с тех пор, как вошел в комнату, его лицо принимает серьезное выражение.

- Чем быстрее ты усмиришь свою магическую силу, тем скорее вернешься сюда, к ней, - говорит он уже не таким язвительным тоном. - Ступай. Я останусь с ней. Клянусь.

Я принимаюсь было качать головой, но брат меня перебивает:

- Слейд, еще секунда - и ты сорвешься. Если будешь и дальше сидеть тут и наблюдать за ней, тебе это ничем не поможет, поскольку, как только она проснется, тебе немедля придется покинуть дом и усмирить свою силу. Так что уходи сейчас, пока не взорвался, черт тебя подери!

Я стою, мучаясь от нерешительности. Теперь, когда Райатт так беззастенчиво напомнил о моем напряжении, я больше не могу закрывать на это глаза и делать вид, что все в порядке. Моя сила извивается под кожей, покалывает спину и грудь, цепляется за руки, отчего пальцы пульсируют.

- Ладно, - сдаюсь я и понимаю, что даже полной грудью вдохнуть не могу. - Вернусь, как только смогу.

- Не торопись. Вытолкни как можно больше силы, чтобы через два часа мне не пришлось снова тащить тебя на шторм.

- Там так холодно?

- Снег уже четыре дня идет без остановок, а ветер такой холодный, что задницу за пару секунд можно отморозить.

Я издаю стон.

- Идеально, твою мать. - Подхожу к шкафу и, выхватив первое попавшееся пальто, надеваю его и перчатки, а потом сапоги. - Присматривай за ней, - строго говорю Райатту. - И если она хотя бы пошевелинется, пусть кто-нибудь подаст мне сигнал.

Он в насмешку отвечает мне поклон, сидя на стуле.

- Слушаюсь, сир.

- Заткнись.

Он смеется мне вслед, а я впервые за три дня выхожу из спальни и вижу, как в коридоре к стене привалились Лу и Джадд. Заметив их, останавливаюсь, но потом закатываю глаза и продолжаю идти.

- Каким будет следующий приказ?

Лу неслышно идет за мной.

- Если бы Райатту не удалось убедить тебя братской любовью, то следующим по очереди должен был стать Джадд, - хитро ухмыляясь, отвечает она. - Джадд-то умеет подбодрить тебя так, чтобы ты перестал быть козлом и выслушал. А если бы и у него не вышло, тогда вошла бы я и выдала бы парочку старых добрых угроз.

Несмотря на уныние, чувствую, как подергиваются губы.

- Какие угрозы?

- Стану я портить сюрприз. Может, в будущем пригодятся.

Я останавливаюсь у входной двери и, обернувшись, смотрю на них.

- Хотите полетать?

- В такую-то бурю? - Лу поднимает ногу и покачивает пушистой тапочкой. - Только их испорчу.

- Точно. Джадд?

Он морщится и показывает большим пальцем за плечо.

- Мне нужно переложить несколько дров.

- Какая преданность, - сухо замечаю я.

Лу машет рукой, а потом уходит в гостиную.

- Приятного похода, желаю поскорее стравить гниль, - кричит она вслед.

Я фыркаю, а потом резко распахиваю дверь и выхожу. Я быстро привыкаю к темноте пещеры, воздух в которой такой студень, что кажется, будто подрагивает даже голубое свечение.

Чем ближе я подхожу ко входу в пещеру, тем громче бушует шторм. Я останавливаюсь, смотря, как он неистовствует. Ветер заваливает меня снегом, скапливающимся выше колен замерзшими валунами, предупреждающими о царящей на улице битве. Уже далеко за полдень, но из-за туч, которые плотно закрывают солнечный свет, так и не скажешь.

- Ну точно, мне приходится заниматься этим в такую погоду, - бурчу я под нос, натягиваю капюшон и, засунув руки в карманы, выхожу из пещеры.

На меня в тот же миг вновь налетает ветер, поэтому я слегка наклоняю голову вперед. Я не решаюсь вернуться в центр деревни, – вместо этого поворачиваю направо и огибаю гору.

Снежные хлопья падают неиссякаемым потоком, но, к счастью, кто-то убрал снег с тропинки, пока он не успел завалить ее полностью.

Я иду, опустив голову. Капюшон срывает ветром на каждом шагу, а я тем временем проклиная перепады настроения у своей магии.

Путь к Вольеру лежит через гору, но в такую погоду эту дорогу можно считать самой неудобной. Чтобы добраться туда, мне нужно чуть больше времени, чем обычно.

В конечном счете, я дохожу до зубчатого входа в пещеру поменьше. Он напоминает открытую пасть с клыками, готовыми вонзиться в плоть, – но вот только по-настоящему кусачие звери скрываются внутри.

Как только я прорываюсь ко входу, натиск ветра прекращается, тогда как натиск моей силы словно становится в два раза мощнее. Я стучу сапогами по камню, а потом с хрустом наступаю на лежащую на земле солому. Я оглядываю свод пещеры, расположенный так высоко, что с трудом удастся разглядеть зверей, которые сидят на самом верху.

Струйки голубого света текут ярким и размеренным потоком, а на деревянных насестах спит дюжина тимбервингов. Их гнезда вдоль стен пещеры выполнены в виде огороженных балконов, а сами звери спрятали головы под своими крыльями.

Я иду по пещере, и несколько зверей раздраженно пыхтят, когда я прохожу мимо них. Арго любит устроиться на насесте, что находится на высоте тридцати футов, поэтому я останавливаюсь прямо под ним, скрестив руки на груди в ожидании, когда он проснется. Но он даже не шевелится.

– Я знаю: ты в курсе, что я здесь! – кричу ему я. – Нам нужно прокатиться.

Он не двигается.

Гниль начинает сочиться с моих ног, отчего на соломе появляются темные пятна.

– Арго.

Он, наоборот, еще глубже прячет голову под крыло.

– Слушай, ты спишь уже несколько дней. Хватит с тебя угощений и отдыха.

Наконец Арго высовывает морду и достаивает меня взглядом переливающихся глаз, а потом отрывисто чирикает через острые, как бритва, зубы.

– Да-да, после этого полета ты получишь еще больше угощений. А теперь слезай, пока я не отравил гнилью весь Вольер.

Арго встает с ленивым энтузиазмом кошки, которую прервали во время принятия солнечных ванн. Наконец он соскакивает с насеста и, ловко приземлившись, расправляет крылья, хорошенько потянувшись.

– Приятно вздремнул? – цежу я.

В ответ он проходится языком по острым зубам.

Фыркнув, я иду направо, где хранятся седла и поводья, и начинаю его пристегивать. Закончив, я перекидываю ногу и пристегиваюсь ремнем. Едва я успеваю затянуть его, как Арго стремительно вылетает из пещеры. Как только над нами появляется небо, он раскидывает крылья и взмывает в воздух.

Я хватаюсь за ремень, держась что есть сил и стараясь не сорваться вниз, пока Арго несется навстречу шторму. Капюшон слетает с головы, и в лицо бьет снег. Холодный воздух проходит сквозь одежду и даже кожу. Мне лишь остается держаться за Арго, закрыв глаза и стиснув зубы. Я промок до нитки, и мне жутко холодно на бушующем ветре, который выражает мне протест.

Когда мы все же прорываемся сквозь облака и Арго выпрямляется, я перевожу дыхание и бросаю сердитый взгляд на покрытую перьями голову зверя.

– Гордишься собой?

В ответ он фыркает, но я-то знаю, что в глазах его появляется самодовольный блеск.

Теперь, когда мы миновали самую свирепую бурю, я натягиваю поводья, указывая путь. Но гниль впивается в пальцы и руки, и я почти теряю хватку, зашипев от боли.

Арго несется по небу, а я тем временем делаю слабые, никчемные вдохи. Ощущение, будто корни удавкой обвиваются вокруг груди, не позволяя сделать полный вдох. Линии хлещут по шее, сдавливают челюсть и бьют по ключице.

Чувствуя на лбу испарину, я стучу каблуком и велю Арго приземляться. Не хочу улетать слишком далеко, но и освободить свою магию близко к деревне тоже не хочу. Мне лишь нужно побыстрее покончить со всем этим и вернуться к Аурен.

Арго приземляется в неизвестном месте, и снежный буран здесь такой же сильный. Я спрыгиваю со зверя и хлопаю его по заду. Он снова взмывает в небо и кружит под облаками.

Я осматриваю унылую белую местность, но область видимости сейчас не более тридцати футов. Расправив плечи, быстро снимаю перчатки, засовываю их в карман, а потом трясу руками и закрываю глаза, сосредоточившись на силе. Затаенная и возбужденная, она раздражительно давит на меня.

Принуждая себя делать вдох-выдох, я убеждаюсь, что достаточно собран, чтобы усмирить пульсирующую по моим венам колоссальную силу.

А потом я выпускаю ее.

Гниль вырывается из меня, как лава извергающегося вулкана.

Я грузно падаю на колени, когда неистовая лавина несется по снегу дьявольскими корнями, которые вот-вот отравят землю. Именно это они и делают.

Сила волнами вытекает из меня, и я чувствую ее всем своим телом.

Выпущенная на волю, она с грохотом вырывается из моих ног и рук, а затем проникает в землю и разлагает ее гнилью.

Разрушает.

Буквально за считанные секунды не остается нетронутой белоснежной равнины. Яд растекается во все стороны, а я стою и отсчитываю секунды, когда моя сила перестанет давить и наказывать меня.

Тело дрожит от того количества магии, что исходит из моего тела, а когда оно наконец останавливает свои бесконечные мучения, я чувствую, что снова могу дышать, поэтому останавливаю поток. Я ломаю его, как соломинку кулаком, пока не вытекает последняя капля гнили.

Усталость охватывает руки и ноги и стекает по спине. Я выдохся. Мутным взглядом осматриваюсь и вижу, как корни в земле застывают и перестают двигаться.

Пытаюсь согнуть дрожащие пальцы и замечаю, что корни силы на моей коже отступили, и я уже не чувствую, как они ползут по моей шее или спускаются по спине. Дорого же мне это обошлось, учитывая, что я стою на зловонной и мерзкой земле, которая отныне мертва и осквернена тошнотворным смрадом.

Вдохнув пару раз, я набираюсь достаточно сил, поднимаю голову и издаю резкий свист. Через несколько секунд спускается Арго, чьи перья покрыты льдом, а пасть испачкана снегом. Он опускается на колени ниже привычного, чтобы я смог забраться ему на спину. Я пристегиваюсь, и зверь тут же взмывает в воздух, даже не клацнув на меня зубами, когда я наваливаюсь на него всем телом. Он таскал меня и в более невыгодных позах.

Уже вечереет, и я смотрю на землю, заметив, что ее оскверняют полосы гнили – по ней будто растекся яд. Арго летит над облаками, закрывая мне обзор. Я хоть и устал, но чувствую невероятное облегчение от того, что высвободил столь долго сдерживаемую силу. Наконец-то я могу вдохнуть полной грудью. Теперь корни на коже вновь превратились в тонкие, безболезненные линии, которые я едва чувствую.

Арго летит обратно в деревню, а я почти не ощущаю ни ветра, ни снега. Когда он приземляется и возвращается в Вольер, я чувствую, что окончательно замерз. Соскользнув с седла и встав рядом с Арго, я чешу ему морду, и он довольно толкает мою руку.

– Хороший зверь, – шепчу я.

Я не чувствую себя плотиной, которая вот-вот рухнет, но соглашусь, что исторжение из себя столько силы зараз – очень изнурительное занятие.

Расседывая Арго, я всячески стараюсь не показывать, каким опустошенным себя чувствую. Когда я расстегиваю пряжку, к нам бежит смотритель Шелби, которого я сперва не заметил.

– Сир, я сам. Только что принес им чем поживиться. Арго сегодня хорошенько отужинает.

Кивнув с благодарностью, я только собираюсь уйти, но замираю, услышав его вопрос:

– Значит, капитан Лу или капитан Джадд вас нашли?

Я медленно поворачиваюсь к смотрителю.

– Нашли?

Шелби выглядит растерянным.

– О, сир, прошу прощения. Пару минут назад они оседлали пару тимбервингов. Я решил, что они полетели за вами.

Меня переполняет страх, и, не удостоив его ответом, я разворачиваюсь и выбегаю из пещеры. Будь все в порядке, они не отправились бы искать меня в такой шторм. Я скольжу по земле, сбегая со склона, но не останавливаюсь, пока не оказываюсь у Грота. В эту секунду меня подгоняют беспокойство и тревога.

Стоит мне переступить порог, как Ходжат чуть не влетает в меня. Лицо, покрытое шрамами, побледнело, а карие глаза испуганы.

– Хвала богам, вы вернулись.

Меня захлестывает такой страх, что из спины вот-вот вырвутся шипы.

– Что случилось?

– Это леди Аурен.

Сердце раскалывается от паники.

Черт побери, я знал, знал, что нельзя было уходить!

– Она пришла в себя? – спрашиваю я, уже шагая по коридору.

– Не она, – кричит он мне вслед, и я, остановившись, пронзаю его свирепым взглядом, – а ее золото.

Глава 11

Королева Кайла

В самом сердце столицы Рэнхолда белеет здание с портиком[5] высотой в два этажа. Его подпирают крепкие и претенциозные колонны, однако само строение не выглядит внушительным. Здесь и проводят траурные процессии, когда умирают правители Пятого королевства, – вот почему я стою вместе с братом на втором ярусе и наблюдаю за теми, кто собрался внизу.

Отсюда открывается поразительный вид на город и на башни за стеной. Советники Пятого королевства ярусом ниже проводят обряд прощания с почившим принцем Нивеном.

Жители всего города собрались понаблюдать за процессией, хотя большинству все равно ничего не видно. И все же они явились и стоят под натянутыми над улицами пурпурными гобеленами, на которых вышит символ Пятого королевства – зазубренные сосульки. Как иронично – этот королевский герб теперь во всех смыслах отбрасывает тень на своих людей.

Я чувствую, как рядом дрожит мой брат Ману.

– Почему жителям Пятого королевства обязательно нужно проводить прощальный обряд на улице? – стиснув зубы, шепчет он.

– Думается, мы просто не привыкли к здешней погоде.

Он косится на меня.

– То-то ты даже не дрожишь.

Напротив, даже под плотной тканью платья и плаща у меня бегут мурашки по коже, но я никогда не покажу этого на публике. Даже такой невинный жест может быть воспринят как признак слабости, когда речь идет об овдовевшей королеве.

Посмотрев влево, я замечаю на себе взгляды нескольких дворянок Пятого королевства, одна из которых демонстративно вытирает глаза платком, как только слышит звон колокола. Внизу в шесть рядов стоят скамьи: они полностью заполнены – дворяне сидят с прямой спиной и пытаются уловить происходящее на аллее, где покоится в саркофаге тело принца Нивена.

Но в первом ряду, совсем рядом с нами сидит Хаган Фульк. Ему еще только двадцать лет, но этот мужчина с пухлым лицом и выцветшими светлыми волосами, явно не привыкший к формальной одежде, не перестает дергать высокий воротничок. Он, конечно, не очень приятной наружности, но первый родственник покойного короля и наследник престола.

Ну, во всяком случае теперь.

Сначала нам пришлось избавиться от его отца – кузена короля, – но это было несложно. Судя по докладам Ману, он был чопорным, упрямым стариком. Не самый выгодный для нас вариант.

А вот его сын впечатлителен. Застенчив. Без денег и перспектив, он был готов припасть на колени и сделать все, что мы предложим, если получит от нас поддержку, как король. Из него можно вылепить идеального наследника, который будет действовать как в интересах Пятого королевства, так и Третьего, а еще он обладает достаточным количеством магических сил, чем подтверждает право на корону.

Его магическая особенность – непробиваемая кожа, которая в будущем хорошо ему послужит, поскольку некоторые считают, что от него можно легко избавиться. Когда он станет королем, магия наверняка не раз спасет ему жизнь.

Бледное лицо Хагана слегка зеленеет, и я с неохотой тоже обращаю взгляд на принца Нивена. От омерзения при виде тела принца у меня сжимается желудок. Прошло пять дней с тех пор, как он, захлебнувшись ядом, рухнул в бальной зале своего же дворца. Его тело и тогда выглядело плохо, а сейчас выглядит еще хуже.

– Если после того, как я умру, ты выставишь мое тело на всеобщее обозрение, я буду преследовать тебя в кошмарах, – тихо шепчу я.

Словно я ничего не говорила, Ману все так же смотрит вперед с тем же вежливо-сострадательным выражением, с которым мы оба невозмутимо наблюдаем за обрядом.

– Дорогая сестра, знай, что я никогда не устрою тебе таких безвкусных похорон. Я бы выставил тебя напоказ разряженной и блистательной, чтобы ты и после смерти обрела еще больше поклонников и любви.

У меня приподнимается уголок рта, ведь я знаю, что он говорит чистую правду.

– Вот почему тебе я доверяю сильнее всех.

Мы единственные на портике, у кого нет фиолетовой заплаты. Я, Ману и Кеон одеты в традиционную официальную одежду Третьего королевства в кремово-синих тонах. Мои черные волосы подняты серебряными спиралями, а волосы брата, такие же густые и блестящие, как мои, лежат на спине гладкой полночной рекой.

– Бедный принц Нивен, – говорю я громко, чтобы услышали сидящие сзади люди. Некоторые кивают и шепотом вторят мне.

Удивительно, что те же самые люди, которые шептались и посмеивались над избалованным юным принцем, теперь притворяются, будто скорбят по нему. С другой стороны, смерти всегда удается создать неуместное обожание и лояльность. Но убийство? Это совершенной иной уровень фанатизма.

Здесь, в Пятом королевстве, я узнала две истины. Во-первых, тут всегда холодно. Во-вторых, жителям Рэнхолда больше по душе согреться, разводя пламя сплетен. Нет лучше способа поднять дух.

Мне, как Королеве шепота, это на руку.

Слухи о той роковой ночи разлетелись по всему королевству. Позолоченный питомец обманом завладела сердцем Мидаса и украла его силу, а когда он объявил о помолвке, она обезумела от ярости и воспользовалась его магией против него же. Кроме того, девушка заморочила голову королю Роту и уговорила его помочь ей сбежать.

К несчастью для бедного Нивена, его смерть была омрачена более заманчивыми известиями. Например тем, что правитель Шестого царства мертв, а его позолоченный труп приклеен к стене бальной залы в замке Рэнхолд.

Должна признать, все это несколько отдаёт скандалом.

А еще эти сплетни о Хагане Фульке. Незаметный родственник, который и не помышлял когда-нибудь занять трон. Родовитый холостяк, в ком никто не был заинтересован, почти стал королем. Он до сих пор не может поверить своему счастью и, кажется, ни разу не показал чувств из-за кончины своего отца и принца.

Зачем ему это, если благодаря мне он станет новым королем.

Но не только о них судачит народ. Мое имя тоже обросло слухами.

Для них я – убитая горем королева, которая потеряла жениха и теперь желает объединить раздираемый мятежом Хайбелл, вернув Шестому царству стабильность.

Сплетни пожаром разнеслись по городу. Не сомневаюсь, что уже по всей Орее разлетелись тысячи ястребов с посланиями. Мы с Ману подтвердили, как все было, и теперь, когда прощальный обряд почти завершен, я могу стонать это жаркое пламя сплетен куда захочу. Пока я у жителей на хорошем счету, могу заполучить желаемое в Шестом царстве и укрепить с ним союз.

По всей аллее гудит певческий голос, ударяя по ушам нежелательной волной. Кеон переминается с ноги на ногу, явно злясь, что нам приходится здесь сидеть, – и мы с Ману разделяем его чувства.

Наконец, раздаётся последний удар колокола, и советники Пятого королевства заворачивают тело принца в тот же пурпурный гобелен, что развешан на улицах. После этого они уносят его под ужасное песнопение, чтобы упокоить в усыпальнице рядом с отцом. На этом обряд заканчивается.

Зеваки на улицах не собираются расходиться. Им хочется посмотреть эту чудовищную процессию, потому что большинство вряд ли когда-то еще увидит членов королевской семьи, не говоря уже о тех, что прибыли из соседних королевств. Они смотрят, как меня ведут с портика и через площадь. Зовут,

когда я прохожу мимо пустого саркофага к своей карете, голубое знамя – единственное, что нарушает цветовую гамму Пятого королевства.

Ману и Кеон идут за мной, и мы возвращаемся к замку долгим и ухабистым путем. Я стараюсь казаться спокойной, когда поворачиваюсь к окну, машу рукой людям, которые выкрикивают мое имя. Они хотят взглянуть на меня. Большинство вспоминают моего почившего мужа, который внезапно скончался. И это довольно забавно, поскольку я не думала о нем с тех пор, как увидела его тело, дрейфующее в море.

Когда мы подъезжаем к замку, я прощаюсь с этим бесстрастным выражением лица, опускаю занавеску на окне и, вздохнув, откидываюсь на спинку.

– Как ужасно они почитают усопших. Не понимаю, почему жители Пятого королевства придумали такой бестолковый и нелепый обряд. Их традиции сильно уступают нашим.

– Ничего скучнее в жизни не видел, – говорит Ману, расставляя ноги шире, насколько позволяет тесное пространство. – Только представь: умираешь мучительной смертью у всех на глазах, а потом королевство выставляет твоё разлагающееся тело напоказ. Все, умирая от скуки, пытаются взглянуть на твой труп и слушают, как кучка стариканов звонит в колокола и три часа подряд воет. – Его передергивает. – Истинная трагедия – это их пение.

Кеон бросает на него косой взгляд, но я хрипло смеюсь.

– Итак, сестра, – говорит Ману, обращая внимание на меня. – Собрала что-нибудь интересное?

Он говорит о моей магии. Ману хорошо известно, что я всегда пользуюсь своей силой, будь то на публике или в уединении. Моя магия извлекает шепот, как пчела, собирающая пыльцу. У меня в голове постоянно звучат голоса, и я выбираю нужные, чтобы позже использовать их во благо для себя.

– Ничего, что не было бы нам известно, – признаюсь я. – Нивена любили только потому, что он от рождения был принцем и был молод. Но теперь все изменилось. Они ведут себя так, словно он их любимый юный принц, а еще с готовностью признали, что леди Аурен обманом заставила Ревингера убить Нивену или же отравила его сама.

– Хорошо, – грохочет Кеон, его голос всегда звучит на октаву ниже, чем у моего брата. – Хотя, подозреваю, теперь мы никогда не узнаем, был он отравлен или сгнил. Состояние его тела...

Я невольно морщу нос, вспоминая испещрявшие его тело чудовищные вены, выпученные глаза и рот, из которого шла пена...

– Да, его труп был не самой приятной картиной, – говорит Ману, теребя серебристые пуговицы на жилете. На кремовой ткани вышиты элегантные волны, а единственный яркий акцент в наряде – лазурно-синий галстук на шее.

Если бы мне только удалось заполучить тайные записи Мидаса. Мы обыскали его покои, у меня наготове даже был личный расшифровщик, но его записную книгу нам так и не удалось найти. Наверное, он спрятал ее под рубашку, и теперь она превратилась в слиток золота, как и все его тело.

Все напрасно.

Какое-то время мы едем в тишине, но даже тогда я прислушиваюсь к чужому шепоту, который надежно хранит в памяти моя сила.

– Ты подготовил Хагана? – спрашиваю я Ману.

– Конечно. Мы были на многих коронациях. Он знает, что делать.

– Идеально.

Все встает на круги своя.

Все наши планы успешно воплотятся в жизнь. Мы передаем информацию, я отслеживаю слухи, мы выбрали наследника, и вскоре Пятое королевство будет в надежных руках, а я смогу сосредоточить свои силы на Шестом царстве. Там царит бунт, и нет монарха, который бы его подавил. Столица Хайбелла разграблена, дворяне сбежали. Мне нужно оказаться там гораздо скорее, пока трон не попытались захватить те, кто обладает магической силой. Удивительно, как до сих пор этого не произошло.

Когда карета останавливается, я поправляю юбки, а лакей открывает нам дверь. Встав напротив замка, я обвожу взглядом брызги затвердевшего золота на его фасаде. Плотники трудились днями и ночами, когда снимали потяжелевшие старые двери. Они их разрубили на щепки и установили новые – легкие и неуместные в сравнении с древней каменной кладкой серого цвета. И все это еще дополнено вырвавшимся золотом, завитки которого прилипли к стенам и к лестнице.

Оказавшись в замке, я поднимаюсь в свои покои, и служанки быстро облачают меня в шелковое платье с низким квадратным вырезом на груди и с рукавами, расшитыми алмазами. Подготовившись к церемониальному ужину, я встречаюсь в холле с Ману и Кеоном, которые тоже успели переодеться.

– Готова? – тихо спрашивает Ману.

– Да.

С нежной улыбкой я устремляюсь вперед, расправив плечи. Прохожу мимо пурпурных флагов, свисающих со стропил, и сверкающей на потолке десятиконечной звезды. Когда я подхожу к обеденному залу, меня встречают запах сладкой еды и гнусавые голоса.

Мы заходим – разговоры тут же стихают, и все низко кланяются мне. Поскольку в Рэнхолде теперь я самая главная персона до коронации Хагана, то занимаю место во главе стола. Ману и Кеон садятся слева от меня, а Хаган – справа.

Весь следующий час я одобрительно киваю будущему королю и слушаю, как советники рассказывают о сегодняшних обрядах, проведенных в честь принца. А также внимаю бесконечным историям о Нивене, когда он был мальчишкой и устраивал в конюшне скандалы. Вместе с тем пью приторное вино и ем чересчур сладкую пищу – и все с любезностями или с улыбкой.

Наконец, когда тарелки убирают, я встаю.

Советники поочередно замечают это, и вскоре в зале повисает тишина. Даже слуги, убирающие со столов посуду, замирают. Сложив перед собой руки, я оглядываю каждого мужчину, сидящего за столом. В совете Пятого королевства нет ни одной женщины.

– Я хотела бы воспользоваться моментом, чтобы выразить благодарность за то, что смогла присутствовать на поминальной процессии покойного принца. Верю, что вы все по праву почтили его дух.

Они склоняют головы в знак согласия и раздуваются от гордости.

– Теперь, когда его проводили в последний путь с таким почетом, завтра мы можем короновать нового наследника, Хагана Фулька, – говорю я, показав на него и увидев, как его щеки покрываются красными пятнами. – Я знаю, что вы вернете незыблемость Пятого королевства. Пока я правлю, Третье королевство всегда будет вашим союзником.

За столом разносятся тихие хлопки, мои речи одобряют, а Хагана уже начинают умасливать.

– В этом зале, где сидел принц, царь Мидас позолотил этот стол. – Я провожу пальцами по блестящей поверхности, вспомнив, что золото растеклось по ней, а потом затвердело. Но это золото, как и все остальное в замке, в тот же день растворилось в той бальной зале, мстительно перекинувшись на стены.

Я смотрю на остальных печальным взором.

– Два монарха были жестоко убиты, – продолжаю я, получив удовольствие от того, как некоторые вздрагивают от столь резких слов. – Обоих убили те, кому, как они считали, можно было доверять. Дражайшего принца и царя Мидаса, которого предала его фаворитка. Той ночью я потеряла жениха.

Я заставляю свои губы задрожать, а глаза заблестеть. Все в зале внимают мне. В комнате так тихо, что можно было бы услышать даже падение булавки.

– Сейчас как никогда важно, чтобы мы объединились. Чтобы мы поддержали Хагана, а остальная Орея выступила против золотой предательницы. – Вижу, как Хаган решительно кивает, пытаюсь вести себя, как подобает королю. Однако получается это слишком неестественно. – Леди Аурен сбежала из королевства и пытается обмануть короля Рота так же, как обманула царя Мидаса. Потому я хочу созвать королевское Слияние.

В ответ на мое заявление по зале проносятся удивленные возгласы.

Я опираюсь руками о стол и смотрю на каждого.

- Леди Аурен пора ответить за свои преступления.

Глава 12

Слейд

Порой, когда в теле ключом бьет энергия, двигаешься, не отдавая отчета в своих действиях. Эта сила берет верх, и не остается ничего иного, кроме как действовать.

Так что я ведать не ведаю, отвечу ли я хоть что-то Ходжату, когда он говорит, что золото Аурен пришло в себя. Даже не помню, как добегаю по коридору до своей комнаты.

Но стоит мне переступить порог и лицом к лицу встретиться с тем, что там происходит, как я вздрагиваю всем телом.

Одеяла теперь не черного цвета, а меха не коричневые. Вообще-то я их совсем не вижу. Кровать покрыта лужей блестящего жидкого золота, а в центре лежит неподвижное тело Аурен, которое плавает в нем, как лист кувшинки в пруду. Из ее кожи струйками медленно вырывается сила, стекая с тела и покрывая его золотыми каплями росы. Из каждой поры сочится пот, пропитывая ее чулки и рубашку.

Райатт стоит в стороне, а услышав вырвавшийся из моего горла рык, лихо поднимает руки.

- Что случилось? - спрашиваю я.

- Понятия не имею. Я присматривал за ней, как ты и сказал, и вдруг из нее стало вытекать золото, но я не смог ее разбудить.

Через мгновение оказываюсь подле нее и окидываю взором ее фигуру.

- Аурен. - Мой зов к ней пронзает меня насквозь, но она не просыпается. - Аурен, ты меня слышишь? - Золото продолжает вытекать из нее в таком же спокойном темпе, каким кажется и ее лицо.

Кровать медленно, но неизменно поднимается, когда жидкий металл начинает переливаться и капать на пол. Золото ничего не золотит - только собирается лужицами, словно вода, капающая с крыши. Я вожу руками над Аурен, снова и снова окликая ее по имени.

- Вам нельзя к ней прикасаться, сир, - с порога говорит Ходжат, не решаясь войти в комнату. Похоже, даже мой невозмутимый армейский лекарь понимает, что стоит опасаться ее магии.

- Черт!

Из-за того, что я не могу к ней прикоснуться, меня пронзает разочарование.

Развернувшись, я кидаюсь к двери и несусь по коридору, и Ходжат отпрыгивает в сторону. Я врываюсь в первую спальню рядом со своей, которая принадлежит Райатту, и стаскиваю с кровати все одеяла, а потом бегу обратно к Аурен.

- Что ты задумал? - спрашивает Райатт.

- Я должен вытащить ее отсюда, увести подальше, если вдруг она начнет покрывать золотом всю чертову деревню, - отвечаю ему я, бросив одеяла на пол, а потом накинув на руки два самых толстых из них. Это рискованно даже в перчатках, но золото, похоже, не собирается останавливаться. Оно не превращает предметы в твердое золото, не золотит ткани на кровати. Нет, золото просто вытекает из Аурен и держит ее на плаву.

Но в любой момент все может измениться. Золото может начать движение, наброситься, атаковать.

- Райатт, - обращаюсь я, и брат тут же оказывается рядом.

- Понял, - мрачно кивнув, говорит он, а потом, словно прочитав мои мысли, хватает одеяло и так же накрывает им свои руки. - Готов? - спрашивает Райатт.

Я киваю ему, и он подходит к Аурен.

- Соблюдай осторожность даже с перчатками и рукавами, - предостерегаю я. - Не знаю, как поступит золото.

Райатт с абсолютной уверенностью осторожно перекачивает Аурен, воспользовавшись одеялом как барьером. Как только он передвигает ее, скопившаяся жидкость ручьем стекает с края кровати.

- Осторожно! - кричит Дигби и подбегает еще с одним одеялом, чтобы набросить его на растекшуюся по полу жидкость.

Райатта не пугается, даже когда тягучая субстанция выплескивается ему на сапоги. Он поворачивает Аурен, вытаскивая ее из глубин растекшегося золота, и я сразу же устремляюсь ему на помощь. Накрыв Аурен не одним слоем одеял, я подхватываю ее на руки. Но кажется, будто золото, не желая разлучаться с ней, пытается пристать к ее недвижному телу, как мед к пальцам.

- Сир... - взволнованно начинает Ходжат, но осекается, когда Дигби для надежности накрывает Аурен еще одним одеялом, и теперь видно только ее лицо, покрытое золотыми капельками пота.

Не мешкая, чтобы золото не успело отреагировать на то, что я взял ее на руки, я выбегаю из спальни и несусь по коридору, а Дигби, прихрамывая, пытается не отстать от меня.

– Куда ты ее несешь?

– Как можно дальше. – Когда я оказываюсь у входной двери, Ходжат уже распахивает ее передо мной.

– А нам что делать?! – кричит мне в спину Райатт.

– Следите за золотом. Если оно начнет растекаться, валите из Грота нахрен и эвакуируйте селян, – кричу я. – Если она не сможет его остановить, здесь будет опасно.

– Но ты тоже окажешься в опасности, – говорит Райатт, но мне некогда отвечать. Я выбегаю из дома и слышу, как за мной закрывается дверь.

Очертя голову, я выбегаю на бурю и на долю секунды задумываюсь, куда пойти, а потом сворачиваю направо. Вот только теперь я иду не к Вольеру. Золото уже начало впиваться в одеяла, потому я не смогу уложить ее на Арго. Золото может напасть на него, а если это произойдет в небе, мы все погибнем

– Аурен, проснись, – говорю я ей.

Полутьма хватается за небо так же крепко, как и я обхватываю ее. Я изо всех сил стараюсь как можно безопаснее прижимать ее к груди, принимая на себя удар ветра и снега. У нее на лбу выступает еще одна струйка золотистого пота, и от паники к горлу подступает ком.

– Слушай мой голос. Ты должна слушать меня и проснуться.

Может, это ветер завывает, но, клянусь, я слышу стон.

– Аурен?

И теперь я точно знаю, что мне не послышалось – я буквально чувствую, как из ее груди вырывается стон. Он звучит страдальчески и измученно, и Аурен легонько хмурится.

Сердце подскакивает к горлу, и дышать становится все труднее. После потери сознания Аурен не издала ни единого звука, не поменялась в лице.

Я бегу в крутую гору мимо насеста тимбервингов. Миную ряд покореженных деревьев, где обрывается дорожка, выложенная камнем, и заканчивается расчищенный участок. С трудом пробираясь через снег высотой в три фута, я иду вдоль подножия горы.

– Постарайся проснуться, Аурен.

Каждый фут расстояния, который я проложу между нами и деревней, может стать вопросом жизни и смерти. Понятия не имею, что случится, если ее

золото проснется полностью, но есть у меня предчувствие, что это только начало.

Я с трудом дышу, пытаюсь бежать по глубокому снегу, и пару раз чудом не падаю. Только благодаря исключительному упорству я крепко держу Аурен, карабкаюсь в гору. С каждой секундой одеяла становятся тяжелее, и я чувствую, как ткань все больше пропитывается золотом и тяжелеет.

От порыва ветра мерзнут уши, а из-за карающего снега почти ничего не видно. Но наконец я добираюсь до поворота, и в то же мгновение золото, уже не сдерживаемое слоями ткани, начинает капать на землю. Струйки вырываются из-под одеял, приземляясь брызгами на снег, а Аурен начинает дрожать. Теперь у нее постоянно вырываются болезненные стоны, а по телу пробегает дрожь, но, кажется, причина не в холоде.

Когда хватаюсь за нее покрепче, руки в перчатках становятся липкими. Золото уже не просто капает, как масло, а пропитывает ткань, позолотив каждую ниточку и продолжая стекать с кожи Аурен. Не знаю, сколько еще до наступления темноты, но небо темнеет, хоть и не очень-то быстро.

- Черт!

Добравшись до излома в склоне горы, я почти ныряю в расщелину. Как только мы оказываемся в ее светящихся глубинах, укрывшись от бури, я встаю на колени на каменистую землю и опускаю Аурен.

Испачканными золотом перчатками я разворачиваю одеяла, и ее тело тут же начинает трястись. Из нее изливается густое, как сироп, золото, и собирается на земле. Оно уже не капает так медленно и ровно, а льется потоками, хватая и ощупывая все вокруг, - будто ища, кого бы можно изувечить.

Оно впитывается в ткань моих брюк, пока я стою на коленях, и начинает ползти ко входу в пещеру. Когда Аурен бьется в конвульсиях, я пытаюсь ее удержать, но от страха в груди заходится сердце, а в ушах стоит звон. Если она не проснется, если ночь ее не остановит, то ее золото доберется до деревни...

Когда я обхватываю лицо Аурен рукой, моя перчатка липнет к ее щеке.

- Золотая пташка, просыпайся. Ты должна проснуться!

Ее сила бьет ключом, аура становится переменчивой, а меня захлестывает такая сильная паника, что, похоже, я и сам начинаю дрожать.

- Я больше не буду травить тебя гнилью, слышишь? Проклятие, я больше не стану этого делать. Так что просыпайся!

Аурен приоткрывает рот и издает крик, который эхом разносится по пещере. Золото словно отгрызается в ответ, взбирается на стены и проникает в их голубые прожилки, лишая нас слабого свечения.

И все же от громкого крика Аурен и потока силы ее аура внезапно возвращается к жизни, становясь ярче, чем за последние дни. Мне

приходится прищуриться, но потом она снова почти гаснет, и в груди у меня замирает сердце, не давая сделать столь нужный вдох.

Золото извивается, устремившись к Аурен, словно желая поглотить ее полностью, пока до нее не добралось что-то еще.

- Аурен! - кричу я и трясую ее за плечи. - Просыпайся!

А потом я пячусь назад, потому что Аурен слишком резко распахивает глаза.

Я с изумлением выдыхаю:

- Аурен...

Вижу, как расширяются у нее зрачки. Вижу, как мерцают золотистые глубины ее радужек. Золото вокруг Аурен полностью застывает и перестает капать. Перестает растекаться. Возможно, наступила ночь, и теперь золото наблюдает за мной так же пристально, как и она сама.

В виске стучит кровь, но я даже пальцем пошевелить не осмеливаюсь. Я сижу как вкопанный, прислушиваясь к интуиции.

- Золотая пташка? - спрашиваю я.

Но я быстро нахожу ответ сам - в ее глазах.

На меня смотрит не совсем Аурен.

Я успеваю лишь вдохнуть воздуха, потому что в следующую же секунду она нападает.

Глава 13

Слейд

Огромные завитки жидкого золота вырываются, обвиваются вокруг меня веревками, а потом откидывают прочь. Они с такой силой вбивают меня в зазубренную стену, что в глазах темнеет. Я падаю на бок, охнув от боли, но только благодаря бесконечным тренировкам снова вскакиваю.

Меня охватывает чувство дежавю, потому что в двадцати футах от меня стоит Аурен, а за ее спиной позолоченным гребнем вздымается волна. Аурен часто дышит, сжимая кулаки, из которых сочится золото, и внимательно следит за мной прищуренным взглядом.

- Аурен.

Я пытаюсь осторожно шагнуть к ней, но из ее горла вырывается рык. Я провожу оценивающим взглядом по ее телу. Когда делаю шаг, она вытягивает руку и хлыстом бросает в мою сторону веревку клейкого золота. Но оно меня не трогает, потому что пока это всего лишь предупреждение.

Я ухмыляюсь, а она подозрительно прищуривается.

О, Золотая пташка, я тебя вижу.

– Итак, ты наконец-то проснулась, – будничным тоном говорю я, мельком посмотрев на зависший в воздухе золотой хлыст, готовый в любой момент нанести удар. – А ты вовсе не жаворонок, да?

Сквозь стиснутые зубы у нее вырывается еще один рык.

– Я так и думал. Все нормально, Райатт ведет себя еще хуже. Хотя, – задумчиво произношу я, бросив взгляд на темнеющий вход в пещеру, – сейчас все равно ночь.

Медленно и неспешно я делаю шаг влево, обходя ее. Я сохраняю между нами ту же дистанцию, но Аурен двигается вместе со мной. С ее тела больше не сочится золото, но оно собралось вокруг нее.

За ней простирается золото, в котором отражаются ее движения, и оно колышется, как морская волна. Но мое внимание приковано к Аурен и ее ауре, мерцающей вокруг ее силуэта.

– Ты знаешь, сколько дней проспала? – спрашиваю я тем же убеждающим тоном. – Лежала на кровати, не просыпалась, не ела. Готов поспорить, ты, наверное, чувствуешь небольшую слабость.

Как только я произношу «слабость», гнев прорывается сквозь золото, и она с силой швыряет его в меня. Но теперь я готов и успеваю увернуться от липкого хлыста до того, как он наносит удар. Золото ударяется о камень и разлетается брызгами.

Я цокаю языком:

– Не очень-то вежливо.

Ее лицо искажается в злобном оскале.

– А, понимаю, – беззаботно говорю я и стаскиваю испачканное пальто, уронив его на землю, а потом медленно закатываю рукава. – Вежливой ты быть не хочешь. Ты хочешь драться.

От одной этой мысли тело мое меняется: кожу предплечья и позвоночник пронзают черные шипы. Они обрамляют мои брови, и я касаюсь языком клыков, которые теперь торчат изо рта. Аурен пристально следит за моим изменением, как зверь, оценивающий другого хищника. Я с заостренными ушами и полоской серой чешуи на скулах дарю ей улыбку истинного фейри.

Аурен тяжело дышит, а тело ее так напряжено, что кажется, будто она – туго натянутая струна. Аурен не станет слушать мои увещания вновь стать собой. Нет, она только и ищет повода сорваться.

Вот почему я поднимаю руку и жестом приглашаю ее подойти ближе.

– Если хочешь драться, то дерись со мной.

Большого приглашения ей и не нужно.

Аурен разводит руки в стороны, и золотая волна за ее спиной раскалывается. Потом она хлопает в ладоши, и золото повторяет ее движения, но я падаю на колени и откатываюсь в сторону до того, как оно врезается в меня. Аурен отлично фокусируется на битве. Она не истощает свои силы, как в замке Рэнхолд, и ее аура держится плавно, хотя Аурен не совсем в себе.

Но мне тоже кое-что известно о двойственности характера.

– Это все, на что ты способна? – отскочив назад, провоцирую я.

Она разворачивается ко мне, испепеляя взглядом. Золото двигается вместе с ней, отбрасывая ее волосы назад, закручиваясь перекошенными волнами, и встает рядом в позицию нападающего хищника. Сжав кулак, Аурен направляет его в мою сторону, пытаюсь меня изувечить. Я отпрыгиваю, но не слишком быстро, и от силы удара оно брызжет на меня. Вижу, как горят ее глаза, как напряжена челюсть, и в ответ ухмыляюсь.

Аурен снова и снова направляет на меня волны. Но я не только проворен, но и прекрасно ее знаю. У меня получается предугадывать каждое ее движение. Я успеваю понять, что она сделает в следующую секунду, и увернуться от золота до того, как оно в меня врежется.

Каждый раз, как Аурен пытается уложить меня на лопатки, я выскальзываю из ее золотых объятий и, посмеиваясь, кружу вокруг нее. Золото держится наравне, одновременно со мной ударяя о землю и выгибаясь дугой. Аурен явно злится, судя по тому, как она хмурит брови и почти не моргает. Но она так непринужденно владеет своей силой, что выглядит, черт возьми, великолепно.

Увернувшись от еще одного летящего в мою сторону всплеска, я с улыбкой вытираю с щеки брызги.

– Если хочешь нанести удар, нужно быть быстрее, – издеваюсь я.

Она с досадой кричит и меняет тактику. Теперь Аурен разделяет переливающуюся волну на сотню гнущихся канатов и обрушивает их на меня, как хлысты. Я пригибаюсь, но одним хлыстом она попадает мне в живот и впечатывает в камни.

От удара я кряхчу и, сверкая глазами, замечаю ее реакцию. Она довольно приподнимает уголки губ, но, заметив, что я тоже одариваю ее быстрой ухмылкой и вскакиваю на ноги, тут же перестает улыбаться.

– Уже лучше, Золотая пташка. Но, может, оставишь золото и ударишь меня как следует? – вкрадчивым тоном произношу я.

Растерявшись, она недоуменно смотрит, а потом в гневе поджимает губы. Золото по одному щелчку ее пальцев тут же теряет форму и падает на землю, растекаясь под подошвами моих сапог. Золото мгновенно затвердевает, и хотя толщиной оно всего около дюйма, этого хватает, чтобы пригвоздить меня к земле.

Умная девочка.

Теперь, когда я увяз в золоте, Аурен подходит ко мне, довольно покачивая бедрами. Когда она останавливается напротив меня, в ее глазах появляется блеск. Любой, кто оказался бы на моем месте, в штаны бы наделал от страха. Или хотя бы попытался вылезти из сапог и убежать. Ну а я? Я только завелся. И не схожу с места.

– Ты великолепна, когда слетаешь с катушек, – говорю я ей.

И прижимаюсь ртом к ее губам.

Ее рот теплый и податливый, а еще покрыт золотыми каплями, и я, не сдержавшись, пробую их языком. Всего секунду мы касаемся губами, а потом Аурен отпихивает меня, и затвердевшее золото снова становится жидким. От ее силы я отшатываюсь, чувствуя, как золото плещется вокруг моих голеней.

Аурен шумно дышит и кажется еще более сердитой. Она подносит пальцы к губам, и ее золотистые глаза вспыхивают. Мгновение она просто злобно смотрит на меня, пока золото колышется у наших ног.

Ну же, Золотая пташка.

Готовясь к следующему удару, я собран, но держу себя непринужденно. Аурен опускает руку, и я устремляю взгляд вниз, на золото, в ожидании, что оно снова атакует.

Вот почему я совершенно застигнут врасплох, когда Аурен набрасывается на меня. Я напрягаюсь, почувствовав, как с силой она врывается в меня, вынудив сделать шаг назад, чтобы устоять.

Спустя мгновение я понимаю, что это совсем иное нападение. Аурен больше не пытается меня ударить. Она пытается меня поглотить.

Когда она набрасывается на мои губы, я приоткрываю рот и обхватываю ее за бедра, которыми она обвивает мою талию. Но теперь Аурен не отталкивает меня, а запускает руки мне в волосы и, требуя большего, с силой притягивает к себе. Когда я сплетаюсь с ней языком, Аурен стонет, но теперь не от боли или досады, а от истинного восторга и наслаждения.

Черт возьми, как сексуально.

Когда она с такой силой кусает меня за нижнюю губу так, что та трескается, я отстраняюсь и встречаюсь с ее вызывающим взглядом. Аурен снова пытается прикинуть ко мне с поцелуем, но я поднимаю руку и,

запустив пальцы в ее волосы, слегка дергаю, удерживая ее на месте. Она рычит в ответ, и я ухмыляюсь.

- Давай поиграем, Золотая пташка, а потом я буду целовать тебя сколько захочешь.

В глазах Аурен вспыхивает предупреждение, и спустя миг она вскакивает на ноги, а я оказываюсь прижатым к стене пещеры ее золотом. Оно не настолько жидкое, чтобы проникнуть под мою одежду, но настолько твердое, что удерживает меня на месте. Аурен стоит напротив, горделиво выражая торжество. Я же будто насекомое, что запуталось в нитях паутины.

- Очень хорошо, - хвалю я.

Она довольно ухмыляется и проводит рукой по моей шее, размазывая золотые полосы по коже. Аурен словно помечает меня, что чертовски нравится моей феирской сущности.

Проведя пальцем по заостренным шипам над моими бровями, Аурен наклоняется и прижимается губами к моей шее. Я с трудом сдерживаю стон.

- Появись, Золотая пташка.

Она касается моей щеки нежной и теплой рукой и поворачивает мою голову, чтобы я на нее посмотрел.

- Вернись, детка, - мягко говорю я, а потом протягиваю руку и обхватываю пальцами ее подбородок, проводя большим пальцем по щеке. - Вернись ко мне.

В ее глазах что-то мелькает. Будто искорки мерцающего света. А потом Аурен моргает, и внезапно выражение ее лица меняется.

На меня, словно удар кулаком в грудь, обрушивается несомненное и подлинное облегчение.

- А вот и ты.

У нее перехватывает дыхание. Аурен приоткрывает губы, сосредоточив на мне взгляд, а потом шепчет:

- Слейд.

- Я здесь. И ты здесь.

Она неторопливо вдыхает, а затем прижимается своим ртом к моему. В один миг ее хватка над магией как будто разлетается, и золото выплескивается на землю, забрызгав нас обоих.

Но она словно этого не осознает. Аурен пытается залезть на меня, будто не может вынести, что между нами есть сколько-нибудь расстояния. Я прячу шипы под кожу, но все во мне буквально вспыхивает. Волнение и смертельный страх растворяются в скопившемся у наших ног золоте, и их сменяет грубое желание.

Потому что она проснулась. Она жива. Она теплая, извивается и прижимается ко мне телом.

Слава, нахрен, богам.

Аурен отрывается от моих губ и судорожно вздыхает:

- Мне нужно...

- Что тебе нужно, Аурен? - спрашиваю я, царапнув клыком ее шею. Она хватает меня за горло, обвив ногами талию, а я придерживаю ее под бедра, сжимая ягодицы.

- Ты, пожалуйста. Мне нужно. Сейчас мне нужен ты.

Аурен опускает руки к завязкам моих брюк и тут же их развязывает. Эта картина так отличается от нашего первого раза, когда она вела себя смущенно и неуверенно. Однако из головы вылетают все мысли, когда Аурен запускает руку в штаны и сжимает мой член.

- Черт.

Она быстро и исступленно водит по нему ладонью, словно отчаянно нуждается во мне и отчаянно хочет сбежать.

- Мне нужно, чтобы ты заставил меня чувствовать.

От ее прикосновений в паху появляется напряжение, и в голове только мысли о том, как бы побыстрее войти в Аурен и дать ей то, что нужно.

Я ставлю ее на землю, и золото брызжет вокруг нас.

- Что ты делаешь? - протестующе рычит она.

Я хватаю ее за подбородок и заставляю посмотреть на меня. Без слов протягиваю другую руку и стягиваю с нее чулки, оставляя рубашку, что едва прикрывает нижнюю часть.

Она ахает, но, когда я обхватываю ее рукой между ног, вздох сменяется стоном.

- Пожалуйста...

- Ты умоляешь, детка.

- Знаю! - кричит Аурен, запрокинув голову, когда я провожу большим пальцем по ее клитору.

Я наклоняюсь вперед и провожу языком по ее шее, вызывая у нее дрожь.

- Мне нравится.

Положив руки на ее попку, я снова приподнимаю Аурен, и от ощущения ее тепла на члене стискиваю в удовольствии зубы.

- Прижмись ко мне, - приказываю я. - Сядь мокрой киской на мой член.

Она делает в точности, как я приказываю, и покачивает бедрами, покрывая меня своей влагой.

- Вот так, - вкрадчиво произношу я. - Именно так..

- Слейд..

Из-за ее голоса дергается член, и я больше ни секунды не могу ждать, желая побыстрее погрузиться в ее ожидающий жар. Я двигаю бедрами, и Аурен опускается на меня.

Я замираю и смотрю ей прямо в глаза, чувствуя, как она дрожит.

- Поспеш, - умоляет она.

Я вскидываю бедра и вхожу в нее до упора.

Аурен прижимается ко мне всем естеством, обхватив руками шею и сжимая своим лоном.

Я хватаю Аурен за попку и приподнимаю ее, а потом с силой опускаю обратно - из нее тут же вырывается страстный крик.

- Это тебе было нужно, Аурен? - говорю я, приподняв ее, а потом снова опустив на себя. Руки напряжены от каждого движения, а шипы снова хотят прорваться сквозь кожу.

- Сильнее.

Ее запыхавшаяся мольба подавляет мое самообладание, и больше всего на свете сейчас мне хочется ей услужить. Я начинаю насаживать ее на член с такой силой, что она напрягается всем телом, оказавшись полностью в моей власти.

- Сильнее, - кричит Аурен и опускает голову мне на плечо. Она впивается зубами мне в кожу, отчего кровь еще сильнее приливает к члену.

Я вхожу сильнее, быстрее, вонзаюсь в нее с чувственным пылом.

- Сильнее, - снова просит она. И снова. И снова.

И снова.

Я запрокидываю голову и вижу, как по ее лицу стекает пот, а губы приоткрыты от участившегося дыхания.

Но замечаю в ее безумных глазах проблеск чего-то еще. Что-то, что вынуждает меня замедлиться.

– Нет! Продолжай, – говорит Аурен и впивается мне в шею ногтями, дергает за волосы. – Давай сильнее. Так сильно, чтобы стало больно. Мне нужна боль.

Я перестаю двигать бедрами и, подняв руку, стискиваю кулаком ее волосы, повернув лицом в сторону. Аурен шипит сквозь зубы, а потом у нее вырывается стон.

– Это тебе нужно? – спрашиваю я, прижимаясь к ней бедрами и запустив в ее волосы пальцы, чтобы она смотрела мне в глаза. – Тебе нужно наказание?

Она сглатывает, и я вижу, как в ее позолоченных омутах что-то мелькает.

– Да...

Я медленно вхожу в нее, и она закатывает глаза.

– А знаешь что? – говорю я напротив ее губ и считаю ее выдохи. – Ты не заслуживаешь наказания, Аурен.

Она замирает в моих объятиях и смотрит круглыми глазами.

– Я тебя вижу. – Начинаю трахать ее в медленном и ровном темпе, а еще отпускаю волосы, чтобы освободившейся рукой нырнуть в маленькое пространство между нами и погладить ее клитор. – Тебе нужно сбежать? Нужно, чтобы я доставил тебе удовольствие? Черт меня подери, это я могу.

В подтверждение своих слов я глажу пальцами, вызывая у нее дрожь, и Аурен прикусывает блестящую губу.

– Послушай меня, – приказываю я, заставляя ее посмотреть на меня. – Ты совершенно точно не заслуживаешь наказания. Ты заслуживаешь награды. – У нее вырывается всхлип, и мне не нужны ее слова, потому что я все вижу в ее взгляде. – Я войду в тебя так глубоко, что ты почувствуешь лишь удовольствие от того, насколько ты великолепна. Но наказания не будет.

По ее щеке стекает золотая слеза и падает мне на грудь, впитавшись в ткань рубашки.

Пока она не успела возразить, я сажусь с ней на землю. Ложусь под ней и вхожу так глубоко, что Аурен стонет. Но теперь за главную она.

– Я коснусь пальцем твоего клитора и заставлю кричать, доказывая, что ты богиня, которая принимает удовольствие, поскольку именно этого ты и заслуживаешь, – рычу я. – А теперь скажи на мне.

Она прижимает ладони к моей груди и, сердито глядя, приподнимается, а потом снова быстро и сильно опускается. Ее темп неумолим, а на лице решительное выражение. Я просто медленно и плавно ласкаю ее клитор, возбуждая и выжидая.

Выжидая.

От расстройства по ее щеке стекает еще одна слеза, и Аурен смотрит на меня, ее щеки пылают от гнева.

- Трахни меня, - говорит она.

- Так я и сделаю, - отвечаю я. - Как только речь пойдет о твоём удовольствии, а не о наказании.

Она с силой хлопает меня по груди.

- Меня нужно наказать! - рычит Аурен, тяжело дыша, и аура вспыхивает.

- Почему?

Это не вопрос, а требование.

Она меняется в лице.

- Потому что я... я...

Я сажусь так быстро, что она удивленно вздыхает, и мой член входит еще глубже.

- Я скажу тебе, что ты сделала. Ты наконец-то вырвалась на свободу и победила.

Она смотрит на меня так, словно я ее спасательный круг. Словно я - единственная надежда на то, что ее не разорвут в клочья. Но я всегда буду придавать ей уверенности в себе. Всегда буду напоминать о том, кто она на самом деле.

Потому что я вижу ее. Черт возьми, я всегда ее видел.

Схватив ее за горло рукой, другой я поглаживаю клитор, чувствуя влажное желание. Я сжимаю ее так крепко, что ей становится труднее дышать. Аурен шумно дышит, а из ее лона сочится еще больше влаги, зрачки расширяются.

- Единственное, за что я могу тебя наказать, - за то, как ты пыталась от меня отказаться.

Кровь бешено стучит в ее венах, и у Аурен вырывается тихий судорожный стон. Я еще крепче сжимаю ее, уткнувшись в нее бедрами, отчего она начинает дрожать и стонать.

- Ты больше никогда так не сдашься, правда, детка? Никогда не позволишь своей силе тебя подавить. - Я снова приподнимаю бедра, заставляя ее выдохнуть мое имя. - Ты вспомнишь, кем являешься, вспомнишь, какая ты, твою мать, могущественная, и больше... никогда... не... сдашься. - Каждое слово я подчеркиваю движением бедер, а каждую букву - более быстрым поглаживанием ее клитора.

- Повтори, - требую я, издав рык у ее уха. Я хочу ее поглотить. Войти в Аурен так глубоко, что она будет чувствовать меня вечно, хочу выжечь свои слова у нее в мыслях.

- Я больше никогда не сдамся, - кричит она. - Слейд, пожалуйста.

Услада для моих ушей.

Я неистово тру пальцами ее клитор. Снова и снова вскидываю бедра, и Аурен приоткрывает рот и издает крик, который эхом разносится по пещере.

- Ну же, детка. Прими удовольствие от моего члена и утопи меня в нем, черт возьми.

Кажется, она вот-вот подойдет к пику.

Чувствую, как Аурен сжимает мышцами мой член, и замедляю движения. Она выкрикивает мое имя, дрожа всем телом, и ее лоно наполняется влажным жаром, который доводит меня до края вместе с ней.

- Чертовски хорошая девочка.

Я кончаю с такой силой, что удивительно, как не потерял сознание, выплескивая в нее горячее семя. Но руку с клитора я не убираю, - а жду, когда ее тела коснется вторая волна удовольствия. Еще мгновение, и Аурен, дрожа, прижимается к моей груди.

Только тогда я глажу ее по руке. Медленно, нежно, вода кончиками пальцев вверх-вниз. Мы сидим так несколько долгих минут, и я ее не тороплю. Не давя на нее. У моего члена нет причин для недовольства, и у меня тоже. Хотел бы я остаться с ней в этой пещере, хотел бы оберегать, пока она сидит у меня на коленях. Но, несмотря на мои желания, к нам подступает реальность.

Ее податливое теплое тело каменеет, и я буквально слышу, как быстро кружат у нее в голове мысли. Я смотрю, как Аурен приподнимает с моего плеча голову и осматривается в темной пещере, заметив золотую лужицу, растекшуюся по земле в футе от нас.

- Слейд... - говорит она, но на этот раз в ее голосе нет мольбы о наслаждении. Это зов страха.

- Ты в порядке, Аурен, - говорю я, но она уже слезает с меня и поднимает с земли чулки.

Я встаю и, натянув брюки, завязываю их. Смотрю, как она кружит вокруг меня, диким взглядом осматривая пещеру, как хватается себя за волосы, качая головой. Не знаю, может, это изумление от пребывания в незнакомом месте, но от боли в глазах Аурен, когда на нее обрушивается реальность, мне хочется рычать, хочется защищать.

Она спотыкается и вытаращенными глазами поднимает руку, схватив себя за горло над едва заметным шрамом. Аурен смотрит на золото так, словно

смотрит на свой истинный крах. Когда золото начинает двигаться, начинает к ней приближаться, она с криком отшатывается:

- Нет, нет, нет, нет, нет!

- Аурен.

Она начинает паниковать и безостановочно тряссти головой. Впервые с тех пор, как Аурен пришла в себя, меня охватывает волнение. Раньше, когда она нападала на меня, я был совершенно уверен, что Аурен вырвется из этого состояния и вернется ко мне, был совершенно уверен, что она контролирует свою магию.

Но сейчас...

Она дышит часто и поверхностно, словно ей все равно не хватает воздуха.

- Аурен, взгляни на меня.

Она крутится и озирается по сторонам.

- Я не... Где я? Я не могу отпустить золото. Мне нужно, чтобы оно покинуло меня! Мне нужно, чтобы оно остановилось!

Я делаю шаг вперед, но от стука подошв по расплавленному золоту Аурен вздрагивает.

- Все хорошо, - говорю ей, но она меня не слышит.

- Что я натворила, Слейд? - Она задевает рукой стену пещеры, и золотые брызги прилипают к рукаву, как сироп. Аурен вырывается из объятий золота и съезживается, дрожа всем телом. - О богиня, - выдыхает она, в ужасе зажав рот рукой. - Что я натворила? - Аурен задает этот вопрос шепотом. В своем озарении она напоминает загнанного в угол зверя.

Сделав шаг в сторону, я оказываюсь перед ней и беру ее за руки.

- Посмотри на меня. - Она пытается вырваться, но я крепко держу ее. - Аурен, посмотри на меня.

Она резко переводит на меня взгляд, и я вижу, как расширились от страха ее зрачки, чувствую, как бешено стучит кровь.

- Что я натворила...

- Дыши вместе со мной.

Я делаю глубокий вдох, слегка поджав губы, а потом выдыхаю. Снова и снова повторяю, пока Аурен не начинает мне подражать. Сначала она дышит часто, смотрит обезумевшим взглядом, но постепенно дыхание выравнивается, и она перестает задыхаться.

Как только ее паника начинает стихать, золото перестает двигаться. Я замечаю, в какой момент она ослабляет свою хватку, потому что оно больше не кажется живым. Теперь это просто жидкость, высыхающая на земле.

- Все хорошо, - успокаиваю ее я, гладя ее по рукам. - Ты отлично справляешься. Дыши.

Она прерывисто вздыхает и смотрит на меня полными слез глазами, словно впервые видит.

- Слейд.

- Я с тобой, малышка.

В груди спирает дыхание. Я вне себя от радости, что Аурен проснулась, что стала самой собой, но не хочу, чтобы она испытывала страх и отчаяние.

Она водит взглядом по золотым брызгам на стенах пещеры, по лужице, застывающей на полу.

- Великие боги.

Я наблюдаю за ней - за воспоминаниями, - когда они будто встают на свои места. На ее лице сменяется сотни эмоций, но мне лишь остается взять себя в руки и ждать атаки. Осуждения. Ненависти. Чувства вины.

Думаю, это ранит меня сильнее всего. Она не винит и даже не презирает меня за то, что я отравил ее гнилью, а я этого заслуживаю.

Но чувство вины? Теперь меня удивляет ее чувство вины за то, что она убила Мидаса.

Не знаю, сколько минуло времени, когда Аурен наконец вспоминает случившееся, но вот она встречается со мной взглядом, и у меня чуть не останавливается сердце от скопившихся в ее глазах слез.

- Как? - шепчет она. - Я чувствовала, как на закате меня покидает сила. Это было невозможно, но я... - Аурен останавливается. - Во мне как будто что-то надломилось.

- И, проклятие, это было великолепно.

Она вздрагивает.

- Как ты можешь так говорить? - дрожащим голосом спрашивает она. - Я стала чудовищем.

Но я качаю головой и провожу большими пальцами по ее мокрым щекам.

- Нет, детка. Не чудовищем. Фейри.

Глава 14

Аурен

Фейри.

Как только Слейд произносит это слово, я осознаю правду. Я понимаю, что это за зверь у меня в груди, который даже сейчас подстерегает, вцепившись когтями мне в ребра.

Я оглядываюсь в затененной незнакомой пещере, и зверь только усиливает хватку. Золото расплескалось беспорядочными кляксами, по большей части затвердев на земле лужами. Когда я смотрю на все это, в голове мысли лишь о том, что моя фейская сущность одержала верх. Что она прорвалась во мне, вцепилась в бразды правления и вырвала их прямо у меня из рук.

И вместе с тем..

Великий Боги, что за шум.

Каждый отблеск золота в пещере – это блеск замка, когда он дрожал и таял. В каждом отражении я вижу ту свою необузданную версию, которая рвала людей на части и убивала их беспощадными ударами золота.

Я слышала оглушающие брызги и треск, но главным образом в ушах звенит от криков.

Только единожды мое золото вело себя подобным образом. Такое в моей жизни уже бывало, и я дала себе клятву, что этого больше не повторится.

Но это случилось.

Я делаю шаг назад и вязну в клейкой жидкости. Вздвогнув, я вырываюсь из ее хватки. Она пытается заползти на мою ногу, снова пытается ожить, реагируя на мои эмоции и движения, но я брыкаюсь. Сжав в кулаки, я захопываю стены и отсекаю золото. Отсекаю фейского зверя. Отгораживаюсь от всего, чтобы эта тварь больше мной не овладела.

Я этого не допущу.

По телу пробегает дрожь, и внезапно я чувствую непреодолимую тяжесть, словно стены, которые я только что воздвигла в груди, давят на меня, сжимая кости и склеивая ступни.

– Аурен?

Повернувшись, я смотрю на Слейда, чувствуя это бремя.

– Где мои перчатки? – спрашиваю я. – Мне нужно закрыть руки.

Он раздумывает, а затем снимает свои перчатки и подходит, протянув их мне. Я морщусь, заметив на них пятна золота и услышав хлюпанье под его ботинками, когда Слейд наступает в одну из застывающих луж.

- Спасибо, - бормочу я.

Не могу даже взглянуть на Слейда. Я стораю от стыда из-за того, как набросилась на него, призналась, что хотела понести наказание за содеянное. Я, по сути, просто воспользовалась им, чтобы выкинуть из головы все мысли и прочувствовать ту боль, которой подвергла остальных.

- Аурен, - уверенно произносит Слейд, и, как бы ни было тяжело, я перевожу на него взгляд. - Нет ничего постыдного в том, что чем мы только что занимались. Не смущайся.

Я хмыкаю и качаю головой. Надев перчатки, чувствую себя немного лучше, когда мои руки закрыты.

- Это правда, - решительно настаивает он, заставляя меня посмотреть на него. - Ты, как и я, фейри, а это значит, что мы не раз испытаем такую необузданную, неистовую потребность. Мы будем драться и трахаться. Это два неразделимых действия.

От его прямолинейности у меня пылают щеки, а когда Слейд осторожно проводит рукой по моей шее, вся заливаюсь краской. Волосы у него растрепаны из-за того, как я хваталась за них пальцами, а несколько прядей испачканы золотом. Еще несколько пятен украшает его щеки и блестят на губах. Увидев на нем все свои метки, я почему-то хочу замурчать от удовольствия.

- Это совершенно естественно, - продолжает он, и его голос отзывается во мне порочным жаром. - Мне, например, чертовски нравится, когда я вижу, как проявляется твоя фейская сущность.

Я неуверенно улыбаюсь.

- Наверное, не настолько уж я и фейри, если считать это, - говорю я, постукав по округлым кончикам ушей.

- У меня тоже такие, - напоминает Слейд, и, в доказательство своего довода, меняет облик. Его шипы снова прячутся под кожу, забирая с собой остатки его ауры и блеск чешуи на щеках. Когда его глаза становятся зелеными, а кончики ушей - круглыми, он стучит по ним пальцем. - Хотя у меня округлые уши только в этой форме, потому что я фейри лишь наполовину.

- Правда? - с удивлением переспрашиваю я. - Может, тогда я тоже только наполовину фейри. Я плохо помню родителей и точно не знаю.

- Вполне может быть.

Я рада, что мы сменили тему, но теперь, когда я осваиваюсь в реальном мире, в мыслях всплывают сотни других вопросов и тем, о которых думать

пока не хочу. Я обхватываю себя руками, внезапно почувствовав невероятную усталость.

Как только Слейд замечает, что я дрожу, он сразу же берет меня за руку.

- Давай отведу тебя обратно в Грот, чтобы ты отдохнула.

У меня даже сил не хватает, чтобы спросить, что это за Грот. Я просто стою, пока Слейд заворачивает меня в испачканные золотом одеяла. Укутав меня как следует, он выносит меня из пещеры, где на нас обрушивается снежная буря.

От холода я немного падаю духом, съездившись под унылым ледяным небом. Ветер завывает и пронизывает с такой силой, что я удивляюсь, как он не сбивает Слейда с ног.

Похоже, наступила ночь, и вокруг нас кружат хлопья снега. Это ни в коем случае не похоже на тихий и мягкий снегопад. К счастью, Слейд закутал меня так, что открыта лишь часть моего лица. И все же буквально через минуту чувствую, как замерзаю до костей.

И даже в таких далеко не идеальных условиях я ловлю себя на мысли, что почти погружаюсь в сон. Я прижимаюсь к Слейду, который обнимает меня руками и уверенно шагает вперед, а с моих губ срывается вздох. Я закрываю глаза и от всего отключаюсь, заглушаю все воспоминания.

Потому что я не хочу об этом думать. Не хочу встречаться с ними.

Пока рано.

Сейчас я просто хочу чувствовать, как Слейд обнимает меня, и забыть об остальном.

Похоже, я задремала сильнее, чем рассчитывала, потому как меня снова будят голоса. Я тут же понимаю, что уже не на холоде – меня окружает тепло, а шум ветра стих.

- ...пусть поспит. Уже поздно. – Голос Слейда. Я понимаю, что мы в доме и он не несет меня сквозь снежную бурю, но продолжает держать на руках. Словно не хочет отпускать вовсе.

От этой мысли в сердце появляется новая трещинка.

Слышу, как кто-то фыркает.

- Мне плевать, что уже поздно, ей нужно поесть. Она проспала четыре дня. Ей конец. Златовласая, тебе конец. Просыпайся!

Я открываю глаза, узнав голос Лу, и моргаю, глядя на гладкий деревянный потолок, а потом перевожу взор на Слейда. Заметив, что я проснулась, он вздыхает.

- Получилось? – спрашивает Лу, а через секунду я вижу над собой ее лицо.

- Конечно, получилось, ты ведь так заорала, - отвечает он.

Она улыбается, когда я перевожу взгляд на нее.

- То-то же. Хватит лениться.

Слейд в предупреждение шикает, но мои губы растягиваются в улыбке.

- Черт подери, я в доме одна с пятью мужиками, и они сводят меня с ума, - говорит она. - Мне нужен тот, кто мог бы мне посочувствовать.

- Это мне должна посочувствовать Золотце, - слышу из другого конца комнаты голос Джадда. - Ты та еще подлюка.

Лу оборачивается.

- Если я каждый день надираю тебе задницу в карты, это еще не означает, что я подлюка. Я просто круче.

- Да, но вот только подлюка может воровать вино.

Она хмыкает.

- Не понимаю, о чем ты.

Слейд помогает мне приподняться, но он удерживает меня у себя на коленях, сидя на огромном стуле.

Я с интересом оглядываюсь в незнакомом помещении. Здесь темно, если не считать кирпичного камина с очагом, огонь в котором отбрасывает свет. Не считая открытого дымохода, стены здесь отделаны отшлифованными деревянными панелями темного цвета. Помимо травянисто-зеленого кресла, в котором мы сидим со Слейдом, справа от нас диван такого же цвета, а напротив еще одно кресло. В центре комнаты деревянный стол, под которым расстелен белый ковер из толстого меха.

В целом, в комнате довольно уютно благодаря мелким штрихам: например, пальто, висящие на крючках возле камина, и пять пар сапог, выстроенные у очага в ряд. Из открытой двери, ведущей на кухню, доносится аппетитный аромат, и, повернув голову, я вижу входную дверь. Здесь царит домашняя атмосфера, и я по привычке перестаю волноваться, заметив, что в комнате только Лу с Джаддом да мы со Слейдом.

Снова повернувшись к Лу, я подмечаю напротив одно-единственное окно. Нахмурившись, наклоняю голову и выглядываю наружу. Сперва кажется, что голубая дымка - это звезды, однако таких я еще никогда не видела. Но чем дольше я смотрю на них, тем отчетливее понимаю, что это вовсе не звезды. Я вижу поблизости тени, словно по соседству находится дом с точно таким же странным свечением, но это тоже не совсем вяжется с увиденным.

- Где мы? - спрашиваю я слегка дрогнувшим голосом. Сидящий рядом Слейд вольно кладет руку мне на бедро, поглаживая через ткань большим пальцем, а я прижимаюсь боком к его груди.

- Добро пожаловать в Грот, - говорит Джадд, сидя справа от меня на диване, и машет рукой. Лу садится рядом с ним, поджав под себя ноги, но не понимаю, как ей это удастся, учитывая, что она в огромных тапочках.

- Что за Грот?

Лу и Джадд смотрят на Слейда, словно не зная, что ответить. Я думала, вопрос простой, но, учитывая воцарившуюся в комнате нерешительность, похоже, ошиблась. Внутри зарождаются первые признаки тревоги, а этого я хочу меньше всего. Повернув голову, смотрю на Слейда.

Наконец-то у меня появляется возможность хорошенько его разглядеть, и от увиденного тревога становится еще сильнее. Под глазами у него залегли круги, а щетина стала густой бородой. На его лбу застыло напряжение, которое он не может от меня скрыть, а сам он еще не успел сменить мягкую одежду, покрытую золотыми пятнами.

Когда он смотрит на меня, его взгляд становится мягче.

- Грот - это наш дом в деревне Дроллард.

- Ладно... а где находится эта деревня Дроллард? Мы еще в Пятом королевстве?

Джадд ухмыляется и скрещивает пальцы рук за головой, вытянув вперед ноги.

- Отличный вопрос! Видишь ли, она входила в состав Пятого королевства, но уже им не является. И формально деревни Дроллард не существует. Как и людей, которые здесь живут.

У меня голова кружится от такой новости.

- Эээ, что?

Слейд бросает на него раздраженный взгляд, а потом снова переводит все внимание на меня.

- Позже все тебе объясним. Как ты себя чувствуешь?

Это бы я не хотела обсуждать. Совсем.

Оставив его вопрос без внимания, я откидываю одеяла. Теперь, проснувшись, я задыхаюсь от жары под таким теплым слоем. Слейд немного ослабляет хватку, и я, воспользовавшись возможностью, встаю. Ступив босыми ногами на мягкий меховой ковер, я иду к окну. Выглядываю из него и шурюсь от пылающего голубого света.

- Что это? Мы как будто...

- В доме, построенном внутри пещеры? Да, именно так, - говорит Лу.

- И он светится, - вставляет Джадд.

Я с удивлением приподнимаю брови.

- Ух ты, красиво.

- Аурен? - с опаской зовет меня Слейд, но я в ответ шурюсь.

Не удостоив его ответом, я снова смотрю на Джадда. Он кажется удачной ставкой.

- В какие карточные игры вы играли?

Я понимаю, что он видит меня насквозь, особенно когда на долю секунды устремляет взгляд на Слейда, а потом отвечает мне. И все же Джадд решил мне подыграть.

- О, лучше тебе не знать, Золотце. Лу жульничает.

- Ничего я не жульничаю! - возмущенно восклицает она. - Я не виновата в том, что ты, выпив вина во время игры, быстро хмелеешь и делаешь ужасные ставки.

Он закатывает глаза.

- Видишь? Подлюка.

У меня вырывается смешок, но он быстро улечивается, когда я слышу:

- Аурен.

Я натягиваю улыбку на лицо и поворачиваюсь к Слейду, но, когда он встает, у меня внутри все сжимается.

- Да?

- Я спросил, как ты себя чувствуешь, - осторожно говорит он, смотря на меня глазами цвета летнего луга.

Я чувствую на себя взгляды Джадда и Лу и заливаюсь краской.

- Хорошо.

Проходят секунды. Маятник незримых часов качается, как наблюдатель, переводящий взгляд то на Слейда, то на меня, пока мы смотрим друг на друга.

Он хочет поговорить. Я вижу, с каким трудом ему удастся сдерживаться. Вижу, с какими эмоциями он готов столкнуться. Но когда я пришла в себя в той, иной пещере, эти самые эмоции подавлялись. Воспоминания еще слишком болезненны. Я возводила стены не только из-за магии и своей фейской сущности. От остального я тоже себя оградила.

- Я не готова.

Защищаясь, я поджимаю губы, храня правду. Я не готова. Не могу снова окупнуться в те воспоминания. Потому что, если отправлюсь туда, мне

придется все заново пропускать через себя. А я этого не хочу. Может, прошло уже немало лет, но сдаваться я пока не намерена.

Видимо, Слейд тоже сдаваться не хочет, но ко мне неожиданно приходит спасение, когда в дом входит мужчина. Мужчина, который выглядит как копия Слейда.

Фальшивый Рип.

Глава 15

Аурен

Только второй раз я вижу его без маскирующих доспехов и шлема, который он носил, прикидываясь Рипом. Это немного обескураживает. Он так похож на Слейда, что я, не удержавшись, тарашусь на него во все глаза и пытаюсь подметить хотя бы незначительные различия.

Он заходит, неся деревянный ящик, который доверху набит мешками, бутылками и торчащими сверху корнеплодами. Фальшивый Рип останавливается в комнате, внимая тишине, а потом останавливает взгляд на мне.

– Рад видеть, что под тобой нет лужи.

Я хлопаю глазами.

Он только что сказал, что я обмочилась?

Я оглядываюсь на Джадда, чтобы посмотреть, ухмыляется ли он. Думается, он бы расхохотался, если бы я обмочилась. Вот только улыбки у него на лице нет. Надеюсь, это хороший признак.

– Не поняла? – спрашиваю я.

– Твое золото, – протяжно произносит он. – Оно лилось из тебя рекой, когда ты стала приходить в себя.

О.

В комнате повисает неловкость, потому как приходится осознать, что он без утайки ото всех упоминает золото, которое до этого лилось из меня. Он видел мою силу и теперь говорит об этом как о чем-то естественном и обычном. У меня уже вошло в привычку скрывать свою силу, уворачиваться от прикосновений, потому это кажется почти... недопустимым.

- Извини, - смущенно говорю я. А потом, поерзав, встаю. - Раз уж мы затронули эту тему, где здесь умывальная?

Он хмурится.

- А какую мы тему затронули?

Я чувствую, как щеки заливает жар.

- Ой, нет, ничего мы не затрагивали, - выпаливаю я и смотрю на Лу в надежде, что она сжалится надо мной. - Умывальная комната?

- Пойдем, Золотце, - говорит она и, встав, ведет меня из комнаты. Тапочки на ней и впрямь огромные и пушистые. Поразительно, как ей удается сохранять в них ту легкость походки.

Я иду за Лу, которая подводит меня к двери в конце коридора.

- Это моя комната, сразу за ней умывальная, а еще возьми из моего шкафа чистую одежду - я приготовила для тебя отдельную стопку.

С благодарностью кивнув, я забегая в комнату, а затем быстро делаю нужные дела и умываюсь. Потом начинаю снимать испорченную, испачканную золотом одежду, которая немного затвердела, будто на нее пролили краску. Однако стоит мне стащить рубашку, как я замираю от острой боли, пронзившей спину.

Я останавливаюсь.

Делаю глубокий вдох.

А потом снова так быстро возвожу стены, что у самой голова идет кругом.

Я не окунусь в те воспоминания. Ни за что.

С решимостью, твердой, как сталь, осторожно беру широкую рубашку и надеваю ее, а затем натягиваю новую пару чулок. Между делом напряженно дышу, собираясь с духом.

Сделав последний вдох, заставляю себя разжать зубы и опустить руки. Взяв себя под контроль, выхожу и возвращаюсь в гостиную. Как только вхожу в нее, все перестают шептаться и поворачиваются ко мне.

- Лучше? - спрашивает Лу, сидя рядом с Джадом.

- Намного, - стоя в дверях, отвечаю я. Все в комнате напряженно молчат, и я замечаю вопросительные взгляды, которые они бросают на Слейда.

- Ладно... - растягивает его брат, переминаясь с ноги на ногу, а потом смотрит на остальных. - Что ж, повторюсь: зная, что никто из вас не ужинал, я спустился в погреб за припасами. Но сегодня не моя очередь готовить, так что оставляю это на вас, говнюков.

Джадд встает с дивана, чтобы взять на себя эти полномочия, но я опережаю его, бросившись к ним.

- Я приготовлю!

Все переводят взгляды на меня, но я делаю вид, будто не замечаю их, и иду к открытой двери.

- Я не про тебя говорил, - произносит Фальшивый Рип.

- Я проголодалась и хочу помочь, - бросаю я через плечо.

- Аурен... - начинает Слейд, но я обхожу его прежде, чем он успевает дотронуться до меня.

Заходя на кухню, я слышу, как у меня за спиной тихонько перешептываются, но решаю не обращать внимания и оглядываю помещение. Здесь так же уютно, как в гостиной, но вместо деревянных панелей присутствуют три гладкие стены белого цвета, а четвертая сложена из того же кирпича, что и камин. Как раз возле последней стоит железная печь, решетка которой слегка светится от тлеющих внутри углей, а над ней находится горелка. Справа расположился круглый черный стол с изогнутыми скамейками, а вдоль остальных стен висят полки с посудой, под которыми громоздятся кухонные стойки из дерева.

Через несколько секунд слышу шаги и оборачиваюсь, увидев, как на кухню заходит брат Слейда. Он направляется к небольшой дверце у обеденного стола, за которой, как мне кажется, и располагается кладовая. Именно там он и ставит ящик. Слышу, как он там шарит, а через несколько секунд снова появляется на кухне.

Мы сконфуженно стоим напротив друг друга, а потом он говорит:

- Думаю, мне не довелось представиться должным образом. Я Райатт. Приятно официально с тобой познакомиться. - Он чешет затылок с такими же черными волосами, как и у Слейда.

- А вы очень похожи, - вырывается у меня.

Он фыркает.

- Да, слышал такое пару раз.

Мне чуется в его ответе нотка горечи, но я плохо его знаю и потому не могу быть уверена.

- Я как раз хотела заняться ужином, - говорю я и иду к кладовой. Она больше, чем я думала, и уставлена шкафчиками и увешана полками. Здесь множество всяких продуктов, которые расфасованы по бутылкам и мешкам, а на сушилке висят полоски, похожие на вяленое мясо.

Я глазами описываю по комнате круги, пытаюсь придумать, что приготовить. А потом вспоминаю, что готовить-то я на самом деле и не умею.

- Проклятие, - бурчу под нос. Я так хотела избежать разговора, что не подумала о том, как доведу дело до конца. Но трудно ли вообще готовить?

Прищурившись, рассматриваю этикетки на емкостях и наконец нахожу рис и сушеный горошек, а еще немного яиц. Из этого можно приготовить что-то стоящее, верно?

Верно.

Беру найденные продукты, но на выходе, в шкафчике возле двери, замечаю бутылку вина и тоже решаю ее прихватить.

Вино мне точно понадобится.

Когда я возвращаюсь на кухню, Райатта там уже нет, и я вздыхаю, радуясь, что могу немного побыть одна и ни с кем не разговаривать.

Разместив все на столе, я разглядываю специи на полках, но ни на одной бутылочке нет этикетки.

- Тебе помочь?

Я вздрагиваю, услышав голос Джадда, и поворачиваюсь, наклеив улыбку на лицо.

- Нет, спасибо. У меня все есть.

С мгновение он смотрит на меня карими глазами, а потом кивает и уходит прочь из комнаты. В гостиной снова раздается шепот, и я слышу громыхающий голос Слейда, после чего Лу говорит более мягким тоном:

- Просто дай ей немного времени.

Да. Время. Именно это мне и нужно. Чем больше мне предоставят времени, тем лучше.

Следующий час я бегаю по кухне и пытаюсь приготовить что-нибудь, пригодное к употреблению в пищу.

К сожалению, дело не спорится.

Но светлая сторона: вино замечательное! Оно не только имеет приятный вкус, но еще и снимает напряжение. А когда я уже на грани и готова взорваться от одной шальной мысли, мне не мешает притупить чувства.

Я немного пьяна, когда ставлю миски на стол, а кухня наполняется паром и дымом.

Все просто чудесно.

- Ужин готов! - кричу я.

Ребята заходят. Быстро. Будто стояли сразу за дверью. Все, садятся, кроме Слейда, который выдвигает одну из скамеек на двоих и ждет, пока я сяду.

Улыбнувшись ему, я сажусь, и тогда он опускается рядом. Наши бедра соприкасаются, на чем, кажется, глупо заострять внимание, учитывая, что между нами происходили гораздо более интимные моменты. Но в животе все равно щекотно.

– Итак, – потирая руки, говорит Джадд, – что у нас на ужин?

Я улыбаюсь и, протянув руку, снимаю крышку с сервировочной миски.

– Рис!

На содержимое миски смотрят четыре пары глаз. Спустя минуту молчания Лу спрашивает:

– Почему он зеленый?

– А, это горошек. Он немного расплавился.

Когда я помешиваю его ложкой, он слипается и становится тягучим как мед. Я зачерпываю рис и принимаюсь раскладывать его по тарелкам, но, когда намереваюсь положить Райатту третью порцию, он поднимает руку.

– Мне хватит.

Кивнув, я достаю полдюжины яиц, но они странно пахнут.

Джадд морщит нос.

– Какими специями ты их сдобрила?

– Понятия не имею, – честно отвечаю я и кладу ему на тарелку.

Обслужив всех, включая себя, я беру вилку, но замечаю, что больше никто не принимается за еду. Когда все видят, что я выжидающе осматриваюсь, Слейд многозначительно откашливается, и все резво хватают вилки. Затем, поскольку Слейд был первым, каждый зачерпывает немного риса и пережевывает.

Улыбнувшись, я тоже зачерпываю рис и кладу в рот.

Сожаление. Незамедлительное, мгновенное, незыблемое – нет, бесформенное, – бесформенное сожаление.

– О, богиня, – говорю я, пережевывая огромный кусок липкой кашицы, потому что это ужасно. Правда, ужасно.

По вкусу на рис это даже не похоже. Скорее, напоминает переваренную кашу. Специи, которыми я сдобрила рис, совсем между собой не сочетаются, а еще какие-то комки получились горячими, а какие-то – холодными как лед, с мелкими жесткими зернышками, словно их и вовсе не варили. Мне чудом удается проглотить кусок.

Нужно заметить, зеленый цвет риса – меньшее из зол.

От стыда щеки заливают румянец, а остальные за столом гримасничают.

- Ужасно, - говорю я.

- Это и правда... - Райатт прерывается на полуслове и хмуро смотрит на сидящего напротив Слейда. - Вкусно, - довершает он и смотрит на меня. - Правда вкусно.

- Правда?

Джадд и Лу согласно кивают, но я замечаю, что жевать они пока не перестали.

Я слышу, как сидящий рядом Слейд проглатывает кусок. Вот и доказательство того, что я приготовила ту еще липкую смесь, потому что слышу, с каким трудом ему удастся проглотить рис.

- А яйца попробуешь? - услужливо предлагаю я.

- Угу, - отвечает он, и все смотрят, как он зачерпывает огромной ложкой яйца и запихивает в рот. Сидящие за столом округляют глаза, словно он совершил какой-то невероятный подвиг.

Я вздыхаю и кладу вилку.

- Ладно уже, перестаньте притворяться. Не бойтесь ранить мои чувства.

- Ух ты черт, спасибо, - говорит Джадд и сплевывает кусок на тканевую салфетку возле его тарелки. - У меня сейчас язык слипнется.

Лу ухмыляется.

- Слыхала, как тебя за это отчитывали женщины.

Джадд швыряет в нее салфеткой, но Лу как-то удается отбить ее вилкой.

Я прочищаю горло.

- Наверное, мне стоит признаться, что на самом деле я не умею готовить...

Райатт фыркает.

- Ты так думаешь?

- Точно. Кто-нибудь хочет вина?

Все тут же начинают болтать, а я вскакиваю, чтобы взять с кухонной стойки бутылку вина, и чувствую болезненный спазм в спине.

Застываю на месте.

Дыхание перехватывает.

И жаркая агония, раскаленная добела, затапливает мой разум и обжигает спину.

«Мне намного больнее, чем тебе».

«Ты сама меня к этому подтолкнула».

«Ты сама это с собой сотворила».

Я не могу, не могу, не могу...

Богиня, умоляю...

Я крепко зажмуриваюсь, вынуждая себя дышать через боль. Не буду об этом думать. Не буду. Я возвожу еще одну стену. Отгораживаюсь ею, блокировав даже самую мельчайшую частичку мук, вонзившихся в спину.

- Аурен? - тихонько зовет Слейд.

Я резко открываю глаза, понимая, что остановилась, перекинув через скамейку только одну ногу, поэтому снова нацепляю на лицо ту ужасную улыбку.

- Палец ушибла, - вру я и перекидываю вторую ногу, уже осторожнее.

Повернувшись спиной к столу, я судорожно выдыхаю, радуясь, что никто не видит моего лица. Боль рвет на части и колет, словно пытаюсь проникнуть в самое сердце, но там я точно не хочу ее чувствовать.

Я позволяю себе еще один вымученный вдох, а потом поворачиваюсь, держа бутылку в руке. Лу уже поставила кубки на стол, и я откупориваю бутылку, начав разливать вино. Его, конечно, не хватит на всех, тем более что перед ужином я уже угостилась, но лучше так, чем ничего.

И все же, пытаюсь отвлечься при помощи готовки, я чувствовала, как моя сдержанность начинала трещать по швам.

Я все время стою на острие клинка, пытаюсь не упасть и не порезаться. Я знаю, что не смогу сохранять выдержку, какой бы закаленной ни была.

Сидящий рядом Слейд тоже напряжен, а остальные наблюдают за мной, хотя стараются этого не показывать. Я беру кубок, стиснув его, и смотрю на жидкость темно-красного цвета.

- Аурен.

- Не сегодня, - не глядя на Слейда, отвечаю я и делаю глоток.

Я не готова. Мне нужно время. Не сегодня.

Я прижимаю эти слова к груди, как монеты, поданные попрошайке. Хватаюсь за них, поскольку знаю, что на какое-то время они дадут мне крохотную отсрочку, пока я снова не окажусь обездоленной.

- Сегодня я хочу только этого.

Когда я перевожу взгляд на притихших друзей: они не прикидываются, будто не смотрят на меня. Я сижу, затаив дыхание в тревоге, и тут вскакивает Джадд.

- Так, ладно, - кивнув, говорит он. - Нам нужно больше вина.

Он идет размашистым шагом к кладовой и выходит оттуда с двумя бутылками, хлебом и джемом.

- Это посъедобнее будет, - подмигнув, говорит он и ставит найденное на стол.

Я тихонько посмеиваюсь, расслабившись. Когда все принимаются пить, есть и болтать, я присоединяюсь к ним, благодаря чему окончательно успокаиваюсь.

И на какое-то время этого хватает. Это самое важное. Я хватаюсь за слова и сохраняю равновесие на острие, и пока у меня получается. Пока мне не приходится вспоминать, размышлять или рассказывать. Не приходится сталкиваться с неизбежным.

Пока.

Глава 16

Аурен

Я еще проснуться не успеваю, как по черепу с такой силой ударяют молотком, что я против воли прихожу в сознание. Я лежу, прижавшись грудью к матрацу, и чувствую, как щеку щекочет мех. Когда я открываю глаза, то не ощущаю боли, так как в комнате темно, - у дома, расположенного внутри пещеры, все же есть некоторые плюсы.

Я переворачиваюсь, но от болезненного ощущения в спине кривлюсь и стону. В тишине комнаты мой тихий возглас звучит особенно громко, и когда я перевожу взгляд, сердце замирает.

На стуле рядом с кроватью сидит Слейд и смотрит на меня. Его ноги широко расставлены, а сам он рукой опирается на подлокотник, прижимая к подбородку указательный и большой пальцы. На коленях у него лежит книга, листы которой распались веером, словно он и вовсе ее не читал.

Я сажусь и стараюсь стереть с лица это мученическое выражение. Вместе с тем замечаю, что, к счастью, ничего не позолотила. Ни одеяла, ни подушку, ни свою одежду. Еще ночь?

- Долго я спала?

- Толком не знаю, - отвечает он. - Но тебе нужно было отоспаться после выпитого вина. К тому же твое тело еще не оправилось после того, как ты исчерпала силы, помимо прочего.

Я уклончиво хмыкаю, потому как «исчерпала силы» и всякое «прочее» точно не входят в список тем, которые я готова обсуждать.

- Я надеялась, что сегодня ты покажешь мне пещеру, - говорю я ему, встав и оглядев комнату. Единственным источником света служит еле теплящееся пламя в камине да голубое свечение прямо за окном. - Можно позаимствовать чью-нибудь обувь? Как думаешь, Лу поделится?

Не услышав от Слейда ответа, я украдкой смотрю на него и вижу, как он глядит на меня тем же внимательным взором, а в его зеленых глазах таится какая-то настороженность. От повисшей в комнате тишины у меня бегут мурашки. Слейду, хоть мы знакомы и недолго, всегда как-то удавалось заглянуть в мою душу и узнать правду, которую, как мне казалось, я неплохо скрываю.

- Значит, обуви лишней не найдется?

Он осторожно кидает книгу на пол и встает, а я понимаю, что неосознанно сделала шаг назад. Это импульсивная реакция, потому как мне не хочется, чтобы он приближался. Не хочу, чтобы он проник в глубины моей души.

Увидев, что я отступаю, Слейд резко останавливается, и у него на лице мелькает тревога, которая через мгновение испаряется.

Мне неприятно стоять напротив него и чувствовать отдаленность между нами. Но дистанция - это избегание, и я должна ее держать, чтобы не сойти с ума. Если Слейд подойдет ближе, то увидит правду. Увидит, что земля у моих ног испещрена ямами. Увидит неприкрытый страх в моих дрожащих губах и заметит в глазах вину за мои попытки отступить. Увидит истинность краха, который меня окружает, пока я упорно стараюсь не упасть. Отдаление - единственное, что поможет мне смириться с пролившейся кровью.

Но оставим это Слейду, потому что он тоже все замечает.

- Нам нужно поговорить.

Всего три слова, - а в моем носу и на затылке уже начало неприятно жечь. Подавив эти ощущения, я качаю головой и пытаюсь выпрямиться. Но не могу. Не могу, потому что мне больно, потому что...

Горло сжимается, и я резко выпаливаю:

- Нет!

Слейд плотно сжимает губы, и я вижу, как под воротником его рубахи шевелятся корни.

- Я хочу увидеть пещеру, - говорю я на сей раз тверже.

Но какова ценность силы, если она всего лишь видимость?

После долгого молчания Слейд наклоняет голову.

- Ладно, Золотая пташка. Покажу тебе пещеру.

Среди скопившихся тревог пробивается облегчение.

- У меня в шкафу есть пара сапог, поэтому сначала нам нужно зайти в мою комнату.

Я удивленно оглядываюсь по сторонам.

- Разве не это твоя комната?

Он качает головой.

- Твое золото временно там обосновалось, поэтому мы останемся здесь.

Что сделало мое золото?! Но затем мое внимание привлекает продолжение. Мы останемся здесь. Мы.

- Ты спал со мной здесь?

Мягко говоря, я обескуражена. При мысли о том, что Слейд останется со мной, я чувствую себя на удивление уязвимой.

Он склоняет голову.

- Где же еще мне быть, как не с тобой?

У меня перехватывает дыхание, сердце сжимается.

- Но днем...

- Я встал до рассвета, - заверяет меня Слейд. Из-за теней в комнате острые углы его покрытого бородой подбородка кажутся более выраженными. - Тебе от этого не по себе?

Я смотрю вниз, провожу взглядом по своим грубым толстым носкам. Они тоже не позолочены, и в груди у меня сжимается сердце от какой-то подспудной тревоги.

- Нет. Да. Не знаю.

Услышав, как он делает шаг вперед, я напрягаюсь. Тело хочет броситься ему навстречу, потому что его близость всегда придавала мне сил. Она же надо мной и властвовала.

Я чувствую жар его тела перед собой, чувствую, как сливаются наши тени.

– Той ночью в Рэнхолде я заявил на тебя права, – говорит он голосом, полным решительности, и я перевожу взгляд на него. Мое лицо заливается краской, словно Слейд пылает, а его слова растапливают утрамбованный снег в моей душе. – А потом ты во всеуслышание заявила права и на меня. Прямо посреди бальной залы. Или ты не помнишь?

Перед глазами проносятся воспоминания.

Толпа лиц.

Вооруженные стражники.

Жестокий, злой взгляд под золотой короной.

Жар чьего-то тела у меня за спиной.

А затем мой четкий, непоколебимый голос: «Он мой».

То было не просто заявление – это был вызов. Словно я была готова уничтожить любого, кто попытается опровергнуть мои слова или отнять у меня Слейда.

Помню ли я? Безусловно. Помню каждую встречу с ним. Я сошла с пиратского корабля и упала на снег к его ногам, и с тех пор кажется, что я не прекращаю падать.

– Я хочу увидеть пещеру.

– Ты хочешь и дальше избегать разговоров, – возражает Слейд.

С губ срывается едкий смешок.

– Что, если так? Это мое право. Мной распоряжались и обладали больше двадцати лет моей жизни, – говорю я, сверкая глазами. – Потому если я хочу уклоняться от разговоров и посмотреть чертову пещеру, то именно это я и сделаю.

У него на подбородке дергается мускул, но Слейд не возражает, не пытается меня отговорить, и я ему за это благодарна, потому что у меня раскалывается голова, болит спина. И я хочу поскорее отсюда выбраться.

Развернувшись, я иду к двери, но стоит протянуть руку, как резко останавливаюсь и в нерешительности отдергиваю ладонь.

Секундная пауза, а потом Слейд произносит:

– Ночь на дворе.

Он все понимает и без моих слов. Слейд отчего-то почувствовал вспышку моего беспокойства из-за того, что я могу позолотить эту клятвую дверь.

Я не решаюсь.

- Значит, я проспала всего несколько часов или?.. - Наступает пауза из-за еще одного вопроса, который я пока не решаюсь задать.

- Нет, ты проспала целый день.

Я провожу взглядом по своему черно-коричневому одеянию и резко киваю.

С трудом сплотив ком в горле, я поворачиваю ручку и выхожу в коридор. Здесь так же темно, как и в спальне, а на стенах, обшитых деревянными панелями, висят канделябры. Они сделаны из необтесанных, прозрачных кристаллов, которые добыли в шахтах, а мерцающее пламя в чашах подпитывается маслом.

Я иду, отбрасывая тень на стены, но Слейд останавливает меня, заговорив:

- Аурен, тебе все же понадобятся сапоги.

Остановившись, я оборачиваюсь и вижу, что он идет в противоположную сторону. Слейд исчезает за последней дверью и через пару секунд возвращается, держа пару сапог и кожаный плащ.

Когда он подходит ко мне, я жду, что он передаст их мне, но нет.

Слейд опускается передо мной на одно колено, и я округляю глаза. Завороженно смотрю, как он поднимает мою левую ногу и надевает на нее сапог, зашнуровывая его... Каждое ловкое движение его пальцев приводит меня в восторг, а сердце бьется так сильно, что становится волнительно. Чувствует ли Слейд, как пульсирует моя кожа?

Опустив ногу, он берется за другую и, решительно сжимая икру, проделывает то же самое. От его прикосновения по телу разливается жар, а кожу покалывает, несмотря на то что мы толком и не соприкасаемся.

Закончив, он встает и оказывается так близко ко мне, что я вижу каждую искорку в его глазах: от пятнышек сочной зелени летнего луга до таящихся за ними черных теней.

Не говоря ни слова, Слейд обходит меня и с невыносимой нежностью помогает мне надеть плащ. Он немного великоват, но свободно облегает плечи, а ткань теплая, но не угнетает своей тяжестью.

Чувствую на шее его дыхание, чувствую, как он нежно ведет руками по воротнику, чтобы укрыть меня от холода. Его действия преисполнены благоговения, и эти мгновения поразительной нежности согревают мне сердце.

Раньше со мной обращались как с дорогим сокровищем, но Слейд мной попросту дорожит.

Я утыкаюсь носом в плащ, вдыхая его аромат. Запах влажной земли, высушенной на солнце коры и сладость шоколада, приправленная насыщенной горечью.

Слейд словно поневоле отпускает руки, и я скорее чувствую, чем слышу, как он делает шаг назад.

- Готова?

Молча кивнув, я иду за ним к входной двери. В гостиной пусто, а Слейд открывает дверь и, отступив в сторону, пропускает меня первой.

Сделав первый шаг из дома, я поднимаю голову и открываю рот при виде гигантских сталактитов, свисающих со свода. Сама пещера огромная, намного больше, чем я могла себе представить: здесь столько углублений, расщелин и разломов, что нужен далеко не один год, чтобы всех их изучить. Но сильнее всего завораживают голубые прожилки, высеченные в камне, как застывшие волны сияющего моря.

Я прохожу под аркой из сталактитов, острые концы которых влажные от скопившейся воды. Всюду на мокрой земле отражается лазурное свечение. Здесь даже моргнуть трудно, потому как не хочется что-нибудь упустить из виду. Я верчу головой, кружусь и стараюсь вести себя как можно тише, потому что пещера на вид древняя и обособленная – священная диковинка посреди деревни, которой не должно существовать.

- Как красиво, – шепчу я.

Слейд бесшумно подходит ко мне, хотя я даже головы к нему не поворачиваю.

- То, чего Гроту недостает при белом свете, здесь возмещается в десятикратном размере.

Согласно кивнув, я вдыхаю воздух, который отчего-то кажется и свежим, и побитым временем.

- Здесь так безмятежно.

Не знаю, сколько Слейд бродит со мной по пещере, но я с удовольствием внимаю всему. Темнота пещеры и пронизывающие ее прожилки, таинственность бесконечных трещин и резко свисающие концы сталактитов – все здесь напоминает мне его. Этой пещере присуща глубина, которая кажется бездонной и неприкасаемой, и мне попросту хочется остаться здесь, под ее затененным сиянием.

Но потом Слейд ступает под одну из самых светящихся трещин, где дно горы сияет так ярко, что озаряет его лицо и глаза.

- Нам нужно поговорить, Золотая пташка.

Сердце сжимается в груди.

- Нет.

Я хочу было отвернуться, но Слейд останавливает меня, взяв за руку.

- Нам нужно это обсудить.

Я отдергиваю ладонь.

- Я хочу вернуться в дом.

Он расстроено качает головой.

- Ты хочешь приготовить ужин, хочешь посмотреть пещеру, хочешь вернуться в дом... Аурен, у тебя не получится бежать вечность.

- Я вовсе и не убегая.

- Убегаешь, но ты сильнее этого, - уверенно заявляет он, и под сияющей синевой мне не видны его темно-зеленые глаза.

- О, то есть теперь ты считаешь меня слабой?

Он проводит рукой по лицу.

- Нет, я хочу сказать совсем не это, но я...

- Пока я не готова это обсуждать.

Он скрежещет зубами.

- А вот и нет, мы обсудим случившееся.

Мой гнев настолько силен, что я чувствую, как он обжигает кончик моего языка.

- Тогда вперед, говори, а я пойду в дом. - Я круто разворачиваюсь и начинаю уходить, бросив напоследок следующее: - Можешь считать меня трусихой, но я не буду обсуждать здесь, как я все основательно испортила.

Я не могу.

Еще нет.

Я уже дрожу всем телом, но не от гнева, а от страха. От страха предстать перед содеянным, смириться с тем, как я с позором потеряла над собой контроль. Это как напиться и забыть обо всем, что натворил, помня лишь отдельные фрагменты, которые всплывают в памяти в самый неподходящий момент. И ни одно из этих воспоминаний не таит в себе ничего хорошего.

- Ты ничего не испортила, - кричит мне в спину Слейд. - Испортил все я.

Я разворачиваюсь, остановившись под голубой прожилкой.

- Если попытаешься сделать мужланское заявление, будто все, что я сделала, на самом деле твоих рук дело, то можешь его приберечь, потому как во всем виновата я сама. Мне плевать, из благородных чувств ты хочешь это сказать или потому что это каким-то образом нивелирует мою вину, но...

Слейд бросает на меня измученный взгляд и выпаливает:

– Черт побери, да я отравил тебя гнилью, ясно?

Его слова не просто меня перебивают – они проникают прямо в сердце, и я отшатываюсь. Я открываю и закрываю рот, пытаюсь примириться с тем, что он только что сказал.

– Что?

Слейд выходит вперед, и его шаги эхом разносятся по каменной пещере, а по моей спине пробегает холодок. Когда Слейд снова оказывается передо мной, половину его лица подсвечивает голубой свет, а на другую ложится тень.

– Я отравил тебя гнилью, – повторяет он, но я все равно ничего не понимаю. – Что ты помнишь?

Я хмурюсь и качаю головой, отведя взгляд в сторону и смотря на расщелины в пещере.

– Я...

А что я помню? Трудно сказать, учитывая, что я намеренно стараюсь все забыть.

Я помню, как сорвалась. Помню, что меня внезапно пронзила эта неудержимая сила. Помню, как убивала. Убивала невероятно легко – наверное, именно это больше всего и тревожит меня. Как и ощущение, будто я была не совсем собой. Будто во мне притаился зверь, голодный и разъяренный, готовый поглотить весь мир.

Но кто-то помешал мне учинить бесчинство.

Теперь я вижу все фрагментами, похожими на клочки бумаги, которые недолго держали под светом. Вижу, как Слейд умолял меня отпустить силу, вцепившуюся удушающей хваткой.

Я не смогла этого сделать. Не смогла, потому как без зверя, контролирующего магию, я была не в состоянии этого сделать. Я не знала, как усмирить силу. Мне оставалось лишь хвататься за нее в надежде, что Слейд успеет выбраться до того, как она набросится на него. Но он, безусловно, не ушел. Конечно, ведь он бы ни за что меня не оставил.

Я почувствовала, как он запечатлел на моих позолоченных губах пепельный поцелуй, а потом по моей шее прошелся ветерок. А следом раздался шепот, разнесшийся эхом: «Прости меня».

Я снова перевожу взгляд на Слейда, а он, похоже, чувствует, что я вспомнила, и потому кивает.

– Ты отравил меня гнилью?

В мыслях мелькают образы, и все до единого ужасают. Гнилые трупы солдат, оставленные на границе Шестого царства, их тела раздулись и источают смрад на снегу. А потом стражники Мидаса, которые преграждают мне выход из комнаты. Слейд, который отравляет их гнилью, пока их лица не

иссушаются, а сердца не увядают. И еще одно воспоминание: как он идет к Рэнхолду, оставляя за собой гнилые корни, отравляющие покрытую снегом землю.

Я была как те иссушенные трупы? Гнила изнутри с потрескавшимися губами? Я осматриваю свою кожу, словно хочу увидеть определенные признаки, но все выглядит как обычно.

- Гниль так не видна, - сообщает Слейд, словно всегда предугадывает, о чем я подумаю.

У него на лице появляется мученическое выражение.

- Ты.. умирала, - сдавленно произносит он, виновато опустив плечи. - И, черт, я не знал, как поступить, но не мог просто ждать, когда ты опустошишь себя полностью. Потому что применил против тебя силу.

Я обдумываю его слова и медленно качаю головой.

- Нет. Ты применил силу на мне, а не против меня. Потому что ты прав: я умирала.

Он вздрагивает - так неуловимо, что я едва это замечаю.

- Я.. Ты не злишься?

У меня между бровями залегает складка.

- С чего мне злиться?

Слейд озадаченно смотрит.

- Аурен, я отравил тебя гнилью, черт подери. Проник в твоё тело и остановил силу, погрузив в состояние разложения.

Я морщу нос.

- Ну, я могла бы обойтись без описания, как выглядит это состояние разложения, - бурчу я.

- Я рисковал твоей жизнью, - продолжает Слейд, и я понимаю, что эти слова и вина мучили его с тех пор, как он применил ко мне свою силу. - Я использовал против тебя магию, а потом забрал и увез далеко от твоего золота, держа в таком состоянии. - В отчаянии он хватается себя за волосы и озирается по сторонам, словно пытаюсь заглянуть на глубину своей вины. - А если бы я прождал слишком долго? Если бы не смог ее выкорчевать?

- Все это время ты себя ненавидел. - Это не вопрос - я вижу и слышу правду в том, как он произносит эти слова. Я нежно беру Слейда за руку и сжимаю его пальцы. - Ты меня спас, - тихо говорю я, и он смотрит на меня так, словно отчаянно хочет увидеть. Словно не может отвести взгляд, иначе его поглотят эти тени вины.

Он слегка сутулится и запрокидывает голову, вздохнув.

- Есть кое-что еще.

Внутри у меня что-то сжимается.

- Что?

Слейд снова выпрямляется и смотрит на меня.

- Когда я обратил вспять действие гнили и удалил из твоего тела свою силу... один фрагмент остался.

Остался фрагмент.

Я округляю глаза, чувствуя, как внутри все переворачивается.

- Что значит остался? - Я прижимаю руку к груди, будто пытаюсь прочувствовать. - Ты уверен?

Он резко кивает.

- Абсолютно. Я даже сейчас его чувствую, но этот фрагмент прочно в тебе укоренился. Сколько бы раз я ни пытался его вытащить, не выходит.

От волнения по спине ползут мурашки, и я с трудом сглатываю.

- Я должна волноваться?

- Нет, - говорит он с такой решительной уверенностью, что я начинаю сомневаться, так ли это на самом деле или Слейд просто хочет, чтобы оно так и было. - Не пересчитывать, сколько я проверял, иногда несколько часов кряду, но гниль тебе не вредит. Она просто... там.

- Такое раньше случалось?

- Никогда.

Я по-прежнему прижимаю руку к груди, поэтому опускаю ее.

- Ты и дальше будешь проверять? - спрашиваю я, не в силах скрыть сквозящее в голосе беспокойство. - Скажешь, если что-нибудь изменится?

- Клянусь.

Я неспешно киваю, пытаюсь свыкнуться с этим открытием, хотя есть у меня подозрение, что еще не скоро мне это удастся.

- Я хочу вернуться в дом.

Слейд как будто хочет сказать что-то еще, но сдерживается.

- Хорошо, Золотая пташка.

Я почти бесшумно иду за ним в Грот, минуя каменные стены пещеры и продолжая восхищаться этим затененным пристанищем. Всеми его тайными расщелинами и укромными уголками, потому как чувствую, что и во мне самой сокрыто столько же закоулков.

Но даже пристанище однажды перестает таковым быть.

Потому, когда мы возвращаемся в Грот и дверь за мной закрывается, я не должна удивляться внезапно пронесшемуся по моему телу холоду. Холод – это предупреждение, что развязался первый узел на веревочке, которую я пыталась не замечать, и теперь я чувствую себя развязнее. Неустойчивее.

И есть у меня ощущение, что как бы я ни пыталась собрать все это воедино, ничего не изменится.

Глава 17

Аурен

Этому стьлому предвестию не требуется много времени, чтобы вступить в силу.

Едва успеваю снять сапоги возле камина, как слышу, что сзади ко мне кто-то подходит, и непроизвольно настораживаюсь.

– Леди Аурен.

Я оборачиваюсь, в удивлении приподняв брови.

– Ходжат?

Армейский лекарь одет в чужую одежду, которая ему немного велика, а его каштановые волосы стали длиннее, чем в нашу последнюю встречу. Из-за пылающего в камине огня затянувшийся шрам над глазом выступает чуть сильнее, а кожа покрыта красными и белыми пятнами.

– Рад видеть вас проснувшейся, – говорит лекарь, тепло улыбаясь. – Как вы себя чувствуете?

Ответ вырывается сам по себе:

– Хорошо.

Ходжат охает и подходит ко мне, на ходу кивнув Слейду.

– Зайдите, пожалуйста, в спальню, чтобы я мог вас осмотреть.

Я напрягаюсь всем телом.

- Нет, спасибо, все правда хорошо.

Он поджимает обожженные губы.

- Миледи, я понимаю, что это болезненно, но ради вашего здоровья я должен...

- Я же сказала, что в порядке. - Я протягиваю руки к своему плащу и начинаю судорожно складывать его, отгораживаясь этим действием как щитом. Даже для меня фраза «я в порядке» звучит как одна большая ложь. Банальное отрицание, предназначенное для того, чтобы страстно затягивать время и вынужденно игнорировать все вопросы.

Ходжат переводит взгляд на Слейда, и они молча ведут между собой беседу. В комнате повисает нерешительность, надвигаясь на меня бурной волной, которая вот-вот собьет с ног.

- Леди Аурен, это крайне важно, - осторожно говорит Ходжат, и меня бесит жалость, которую я вижу в его глазах, потому что она точно не сулит ничего хорошего. - Вы же не хотите, чтобы началось заражение, - протяжно произносит он, словно хочет забрать эти слова обратно.

В этот момент паника начинает утягивать меня в свои недра.

Не могу допустить, чтобы он посмотрел на меня.

Просто не могу.

Потому что если Ходжат на меня посмотрит, то я не смогу продолжать делать вид... будто все нормально.

Внезапно, словно зная, вокруг чего крутятся мои мысли, спину пронзает острая боль. Я втягиваю воздух, и от самого вдоха тоже колет в груди.

- Аурен, Ходжат будет аккуратен, - говорит Слейд, но он не понимает. В том нет ничего аккуратного. То, с чем он просит меня столкнуться, - это грубая ненависть и неприкрытое насилие. Он просит меня принять эту проникшую до глубин души травму, о которой я хочу попросту забыть.

Он хочет выдернуть пробку моих мук. Ту, к которой я сама протягиваю руки и сильнее прижимаю.

Слейд только что сообщил, что внутри меня гниль, но, возможно, это вовсе не его вина. Возможно, вина только на мне. Может, случившееся со мной и есть причина того, что гниль во мне укоренилась.

- Меня не волнует, будет ли он аккуратен, - говорю я и поворачиваюсь, снова просунув ноги в сапоги. Даже не утруждаюсь завязыванием шнурков, потому что мне нужно уйти отсюда. Оказаться в пещере, где тайны остаются скрытыми, а глубины - нетронутыми. - Я выйду.

- Аурен..

- Он не станет меня осматривать, а я вернусь в чертову пещеру! - кричу я, тяжело дыша и чувствуя, как пылают от злости щеки. За этот оборонительный жар я и держусь, потому как не выдержу погружения в ледяную реальность потери.

Почему они просто не оставят все как есть? Почему они такие ужасные и назойливые? Мне просто нужно остаться в пещере. Потому что я не могу, не могу..

- Миледи, - раздается голос едва ли громче шепота.

Но этот хриплый, тихий голос вынуждает меня резко остановиться.

Я медленно поворачиваюсь, и весь мой мир сводится к человеку, который, сторбившись, стоит в дверном проеме.

- Дигби.

Он не двигается. Молчит.

Секунду мы просто смотрим друг на друга.

От мыслей о нем сердце свернулось тугой спиралью, образовав дыру, которую заткнули вместе с остальными. Я даже осознать не могу, что он здесь, стоит напротив. В расщелинах пещеры моего разума он был спрятан в очень темной тени, чтобы было проще смириться с горем потери. Но он здесь. Ему каким-то образом удалось выйти целым и невредимым.

Мне плохо его видно из-за слез, застилающих глаза, поэтому я яростно моргаю, заставляя себя не расплакаться, потому что мне нужно разглядеть его, нужно убедиться, что с ним все в порядке.

Но это не так.

Может, он и стоит здесь в целостности и сохранности, но он не невредим.

Его лицо состоит из изуродованных пятен. Все синяки разных цветов и указывают на серьезность припухлости. В карих глазах Дигби теперь затравленное выражение, которого раньше там не было, его седая борода и волосы растрепаны, и он совсем не похож на моего опрятного, стойкого стража. Я замечаю, как он прислоняется к дверному косяку, с опаской положив руку на пояс, а под рубашкой виднеются бинты.

- Ты здесь, - говорю я, и мой голос звучит так, словно я стою на дрожащей земле. - Я думала... в той комнате. Ты был там, а я просто... Я так боялась, что я... Разве?.. - Этот порывистый вопрос повисает в воздухе, балансируя на грани, за которую я очень боюсь заглянуть.

Я навредила ему?

Навредила ли я еще кому-нибудь, кто мне дорог?

Спираль в груди стягивается и сжимается, обвиваясь вокруг ребер, и дышать становится почти невозможно.

На мой вопрос Дигби хмурится, словно не понимая, о чем я, но Слейд отвечает за него:

- Нет, Аурен. Ты ни ему, ни кому-либо из нас не навредила.

Меня охватывает облегчение, но я подмечаю, как Слейд сказал, что я не навредила никому из нас. Он не сказал, что я вообще никому не навредила, потому как это было бы ложью.

- Миледи, - говорит Дигби, и я тут же перевожу взгляд на него. - Позвольте лекарю позаботиться о ваших ранах.

Я замираю, качая головой.

Дигби, прихрамывая, делает шаг вперед, и его лицо искажается. Ходжат бросается к нему на помощь.

- Сир Дигби, вам и правда стоило бы лечь в постель.

Мой несговорчивый стражник поднимает руку, отмахнувшись от лекаря, и, хромя, осторожно идет ко мне. Когда он останавливается напротив, то просто стоит и смотрит на меня.

Без слов. Без возражений или аргументов. Они ему не нужны. В его взгляде кроется гораздо больше.

Я только смотрю на него, и сердце у меня сжимается, в ушах стоит звон от криков.

«Мисс Аурен».

«Я спасу вас».

«Держите ее».

«Ты сама это на себя навлекла, Аурен».

А потом раздаются крики.

Везде. В самых глубоких, самых острых расщелинах. В самой устрашающей затаенной пропасти. Звук меча, рассекающего воздух. Вспышка боли. Кружащаяся перед глазами комната. Меня удерживают грубые, сильные руки. Перед глазами все расплывается. Из горла вырываются вопли. Тот свистящий в воздухе клинок опускается снова, и снова, и снова.

И мужчина, стоящий напротив, смотрит на все это вместе со мной. Эта терзаемая тень в его глазах порождена тем же самым мраком, потому что он тоже там находился. Он видел все собственными глазами. Мы - единственные, кто находился в той комнате, и, откровенно говоря, я не уверена, что хотя бы один из нас однажды сможет ее покинуть.

Так и происходит с травмами тела – они проявляются сразу. Переломами и ушибами, ожогами и кровью. Но душевную травму заметить сложнее. Она пролезает в ваш разум, отравляет дурным предчувствием. Она может ударить исподтишка, ослабив и разрушив. Душевные травмы не видны. Они отражаются лишь тенью в ваших глазах.

Наконец, в глубинах наших совместных теней Дигби заговаривает:

– Вы должны на это взглянуть, миледи.

Никто, кроме него, не смог бы этого сделать. Не смог бы разрушить единственную стену, которую я возвела вокруг самого болезненного осколка. Наверное, эта стена меня и поддерживала, потому что как только она рухнет, то же происходит и со мной. Мне становится больно, когда возложенные кирпичики отрицания сыплются к моим ногам, показав, какая же я на самом деле слабая. Подумать только, и это только одна стена.

На мое молчание Дигби бросает на меня суровый взгляд.

– Без этого никак.

Теперь, когда рассыпавшиеся обломки непригодны, мне нечем держаться за свое решение. Особенно когда вижу в глазах Дигби понимание. Потому глотаю ком в горле и говорю:

– Хорошо.

Потому что я не могу ему отказать. Не могу смотреть ему в глаза и говорить, что со мной все в порядке. С другими могла бы, но не с ним, ведь мы оба были в той комнате.

Дигби отходит в сторону, уступая место Ходжату.

– Сюда, миледи, – говорит мне лекарь.

Я иду по коридору, чувствуя, как оцепенение спадает слоями. Кажется, будто отслаивается омертвевшая кожа, оставляя за собой дорожку.

Когда я подхожу к спальне, в которой проснулась, боль становится просто невыносимой. Ходжат прикрывает меня простыней, чтобы я могла снять рубашку, и тело начинает предательски дрожать. После этого лекарь укладывает меня лицом на кровать, пока я чувствую, как кожа покрывается холодным потом.

Слейд стоит рядом, взяв меня за руку, и я сжимаю его ладонь, потому что его прикосновение – единственное, что удерживает меня от дрожи. Мне становится невыносимо от того, что он может там увидеть.

– Не смотри, – тихо говорю я, и в моем голосе слышится мольба.

Не знаю, может, он уже видел мои раны, но я не выдержу, если он посмотрит на них сейчас. Не выдержу, когда он поймет, что лент больше нет. Посмотрит на оставшиеся раны.

На скулах у него ходят желваки, но он кивает, не отрывая от меня взгляда и не смотря на мою спину.

Я поворачиваю голову и вижу, что Дигби стоит у двери на страже, словно делал это всю мою жизнь. Он молчит, на лице мрачное выражение.

Один мужчина сторожит меня, другой видит насквозь, куда бы я ни велела ему смотреть.

– Ладно, леди Аурен, я начинаю, – тихо говорит Ходжат.

Я приготавливаюсь, но к такому невозможно быть готовой. Боль острая и жаркая, почти горькая от того, что я пыталась ее не замечать. Кажется, будто в наказание она готова наброситься на меня.

От первых прикосновений нежных рук Ходжата, когда он начинает промывать раны, я выгибаюсь дугой в невыносимой боли и с шумом втягиваю воздух.

Я четко ощущаю каждое прикосновение повязки, каждую струйку воды и травяной запах. Но вместе с тем чувствую и фантомные боли случившегося в той комнате. Ощущаю молниеносные вспышки агонии, которые раздирают меня на части, а также оставляют лежать на полу и истекать кровью среди отрезанных золотых лоскутов.

Это аромат трав, смешанный с воспоминанием о запахе крови того дня.

Это капли микстуры, которые он выжимает через тряпку в миску. И этот звук так похож на капающую кровь, что собирается в лужу...

Это взмах его рук, слившийся со взмахом меча.

Дигби, который сейчас наблюдает за мной, как тогда.

Но, по правде, манит меня то окно. В темном стекле так хорошо все отражается, что с тем же успехом оно может стать зеркалом. И когда я поворачиваюсь к нему лицом, мне не спрятаться от вида моей обнаженной спины.

Она выглядит пустой. Лишенной чего-то важного. Когда я вижу ее в этом состоянии, на меня обрушивается истина моей потери, да с такой силой, какой раньше я не испытывала. Потому что не позволяла себе об этом думать. Но сейчас я не могу от нее абстрагироваться. Потому что вот они, зубчатые края ран на моей спине, за которые я больше не могу ухватиться.

Их больше нет.

Они больше не обхватят меня вокруг живота в утешении и не будут изящно кружить по полу. Я не прочувствую на коже шелковистого прикосновения или их поддержки. Ленты забрали, срезали, как прядь волос, вынудив меня горевать от потери. Осталось лишь два ряда зазубренных, пульсирующих, кровоточащих, истерзанных обрубок.

И именно в этот миг с моих губ наконец срывается сдерживаемый всхлип. Пробку выдернули, и больше нет никаких отрицаний «я в порядке». Нет в мире такой глубокой пещеры, в которой можно было укрыться от этого.

Потому что теперь я пересекла роковую черту, и дело не только в том, что пути назад нет – дело в том, что больше не существует моей опоры.

Чувства выплескиваются из меня бурным потоком, да так громко, что, наверное, эхом разлетаются по пещере. Словно она плачет вместе со мной.

Из меня выплескивается все, абсолютно все, что я пережила. Словно из разбитой бутылки сквозь трещинки просачивается ее содержимое.

По правде говоря, не знаю, смогу ли я снова почувствовать себя цельной.

Я рыдаю и скорблю, и это не подспудная, тихая скорбь, а яростное разрушительное горе, которое вырывается из меня беспорядочной, болезненной волной. Но все это время Слейд сжимает мою руку, а Дигби стоит на страже.

Может, я и опустошена, но я не одинока.

А это уже хотя бы что-то.

Глава 18

Аурен

Когда падаешь на дно, это ощутимо.

Внутри происходит надлом, стены рушатся, и ты отправляешься в свободное падение. Чувства, от которых пытался убежать, внезапно обрушиваются с неукротимой силой, а мысли настолько тягостны, что становятся падением, которое тебя истязает.

Когда падаешь на дно, приземление потрясает до глубины души. Происходит сильный удар, дающий трещину основе мироздания. Земля раскалывается, и широкие трещины простираются далеко-далеко.

И тогда остаешься в грудe обломков.

Но лежа здесь, в окружении обломков, я кое-что понимаю. Трещины, что разошлись от моего разрушительного приземления, не являются подтверждением моего краха.

Это тропинки.

Каждая изломанная линия, что идет от меня, а потом направляется в иную сторону, показывает мне путь, куда я могла бы отправиться.

Я лежу на кровати, пока Ходжат заботится о моей израненной спине. По лицу текут слезы, и больно даже дышать. Но я в сознании и смотрю на окружающие меня трещины, смотрю, куда ведет каждая. Потому что теперь, когда я вынуждена чувствовать то, чего не хотела, мне нужно принять решение.

Я могу выбрать бездеятельное существование здесь, у подножия утеса, остаться сломленной и недвижимой. Я могу метаться, могу барахтаться, могу обвинять, могу прятаться. Могу позволить своим разорванным фрагментам уничтожить все остальное.

Или могу встать, отряхнуться и снова посмотреть наверх. Могу найти путь, подтверждающий, что я больше ни разу не упаду; подтверждающий, что я больше не потеряю ни одной своей частички. Мне лишь нужно повернуться и шаг за шагом следовать по этой тропе.

Потому так я и сделаю.

Я дам себе выплакаться, пока не высохнут слезы. Они уже не стекают в неудержимом, прерывистом крике. Нет, они проливаются тихо. Медленно. Такие слезы льются без лишней помпы. Я не задыхаюсь от них и не морщусь нос. Не поджимаю губы и не хмурюсь. Это безмолвное страдание. Боль так глубока, что не отражается на лице. Слезы текут по моему каменному лицу, пока я, медленно моргая, смотрю на свое отражение в окне. Пока скорблю о двадцати четырех своих частицах, которые вырвали у меня, как лепестки у цветка.

Закончив, Ходжат обрабатывает раны. Я уже привыкла к резкому травянистому запаху. Не знаю, притупил он как-то мою боль или я просто онемела, но сейчас почти ничего не чувствую.

Еще он дал мне новую широкую рубашку и заставил меня надеть ее задом наперед, чтобы пуговицы были на спине – так легче обрабатывать мои раны.

– Все, леди Аурен, – тихо говорит он. – Я закончил.

Все кончено, говорю я себе, вытираю последние слезы и делаю глубокий вдох.

– Спасибо, Ходжат, – звучит мой хриплый шепот, но лекарь слышит и потому нежно похлопывает по плечу.

– Пока не ускорится процесс заживления, я должен буду осматривать вас каждый день.

Я киваю, чувствуя себя выжатой, как лимон. Меня клонит в сон.

– Сир Дигби? – говорит Ходжат. – Вы не против, если теперь я осмотрю вас?

Дигби не отвечает, и тогда я поворачиваюсь к нему. Он все так же стоит в дверном проеме на страже, и кажется, что ни на секунду не отрывал от меня

взгляда. Я замечаю, с какой силой он прислоняется к стене, как крепко обхватывает ребра рукой, как подрагивает у него нога. Он с места не двинется, если его не попросить – совсем как раньше, когда ему доводилось охранять меня. Тогда Дигби ни разу не покинул свой пост раньше времени.

Я киваю ему.

– Диг, твоя очередь.

С минуту он мешкает, потом проводит по мне взглядом и останавливает его на Слейде. Не знаю, как контактируют эти двое мужчин, но Дигби оглядывается на меня, наклонив голову, а затем они с Ходжатом выходят, закрыв за собой дверь.

Я начинаю садиться, и Слейд тут же оказывается рядом, готовый мне помочь. Я, хоть и долго спала, все равно чувствую себя измотанной, но в голове столько мыслей, что заснуть все равно не удастся.

Я прижимаю к груди рубашку, которая осталась на спине незастегнутой.

– Могу я немного обмыться?

– Конечно. – Слейд помогает мне встать и ведет в умывальную комнату. Она маленькая, но чистая, с круглой ванной, умывальником, туалетом и деревянным туалетным столиком.

– Я могу набрать воду в ванну, но немного, чтобы не намочить твою повязку.

– Нет, так тоже пойдет. Я обмоюсь пока, как получится, а завтра приму ванну перед тем, как Ходжат сменит повязку.

Кивнув, Слейд подходит к туалетному столику и выдвигает табурет. Я понимаю намек и, подойдя к нему, осторожно сажусь. Смотрю, как Слейд методично, тихо передвигается по комнате, и задаюсь вопросом, о чем же он думает. Но я никогда не умела читать его мысли так хорошо, как он читает мои.

Слейд берет со столика стеклянный флакон и подходит к умывальнику. Чаша в нем темно-синяя, а деревянная столешница вокруг нее такого же цвета, что и пол. Он наливает немного микстуры в миску, а затем протягивает руку и выкачивает воду из серебряного крана в стене. Вода брызжет в умывальник, наполняя его мелкими пузырьками, а Слейд берет тканевую салфетку и окунает ее в воду.

Я смотрю, как он отжимает салфетку. Рукава рубашки закатаны, и видны его предплечья. Меня завораживают скручивающие движения его рук, особенно в слабом свете. С этого ракурса мне виден его профиль, и от одного взгляда на Слейда внутри что-то начинает ныть.

Когда он поворачивается и подходит ко мне, я протягиваю руку за салфеткой, но он спрашивает:

– Можно мне?

Опешив, я медлю. Мыть кого-то – это совсем иной вид интима, чем секс. Я прижимаю к груди рубашку, пытаюсь понять, чего хочу, но Слейд меня не торопит. Просто ждет, и я знаю: если откажусь, он протянет мне салфетку, и на этом все закончится.

Но я не хочу, чтобы он передавал мне салфетку.

Тяжело сглотнув, я встаю и, потянувшись назад, расстегиваю две верхние пуговицы. Рубашка очень большая, и потому я поочередно вылезая из рукавов, уронив ее на пол. Я чувствую себя обнаженной, даже будучи обмотанной бинтами. Я вздрагиваю, уже собираясь поднять руки, чтобы прикрыться, но Слейд всегда на шаг впереди.

Он обхватывает мозолистой ладонью мое запястье и осторожно помогает сесть. Как только я делаю это, Слейд начинает нежно водить тканью по моей руке. Я глубоко вдыхаю, чуть подскочив от того, какая ткань холодная.

Слейд издает смешок.

– Извини, нужно было предупредить.

И все же каждое его прикосновение недолго кажется холодным. Разве может такое быть, если он ко мне прикасается?

Слейд водит салфеткой осторожно и тщательно, обмывает мою руку водой с мылом, а другой переплетает наши пальцы, мягко стибая и разгибая запястье. Потом Слейд стибает мои пальцы, унимая в них напряжение, и принимается медленно поглаживать другую мою руку.

Когда он заканчивает, мое тело становится податливым и покладистым. Слейд окутывает заботой мои плечи, массируя напряженные мышцы, но стараясь притом не касаться спины. Он так педантичен в своей заботе, что не причиняет ни капли боли.

В его движениях нет ничего, намекающего на секс, хотя соски у меня напрягаются, а дыхание несколько раз перехватывает. Слейд просто продолжает ухаживать за мной, снимая тревогу и напряжение, массируя мускулы.

Следом я помогаю ему снять с меня чулки. Он опускается на колени, и от его медленных движений я становлюсь такой же вялой, как до этого. Однако, когда он обхватывает пальцами мои стопы, от удовольствия я закатываю глаза.

Его молчаливая забота усмирила гул у меня в голове, помогла мне увидеть все яснее, пока он всецело не покорило мое тело.

Но он всегда так делает.

Когда он поднимает руку, чтобы провести салфеткой по лбу и щекам, я смотрю на него. Мы встречаемся взглядами, и он ласкает большим пальцем мой подбородок. Слейд бросает салфетку в миску, а потом, не сводя с меня взора, тянется к карману и протягивает руку.

У него на ладони лежит обрывок моей ленты. Тот, которым Мидас обвязал мое запястье.

Глаза наполняются слезами, и я осторожно беру ленту. Когда касаюсь ее шелка, с губ срывается всхлип, а по щекам текут слезы.

У позвоночника пульсирует жгучая боль, словно тело знает, где росла эта лента. Словно хочет вернуть ее на место.

Я долго сижу, слегка склонившись, и смотрю на потускневшее золото недвижимой ленты, вожу большим пальцем по оборванному концу, на котором еще видна кровь.

А потом поднимаю голову и смотрю на Слейда, прислонившегося к стене.

– Я больше не хочу быть слабой.

Мое признание на напряженной грани между тем, где я нахожусь и куда хочу отправиться. Равновесие шаткое, но я выпрямляюсь, слыша шепот Слейда.

Не падай.

Лети.

Мысленно мы снова оказываемся в той библиотеке. Вот только теперь не хватает частички меня. Ее забрали. Раны на спине ноют, но это только придает мне решимости. Я кручу ленту в руке.

– Я больше не хочу быть слабой.

Молча изучая меня, Слейд принимает мое решительное заявление. Я вижу, как его темно-зеленые глаза вспыхивают, словно он смотрит на мою ауру. Его аура скрыта, черный пар, окутывающий его фигуру, спрятан вместе с шипами и чешуей.

– Я хочу владеть своей силой – и физической, и магической, – говорю я, слегка запыхавшись от того, что ждет меня впереди. И хотя лента больше не чувствует, не двигается и не живет, она по-прежнему придает мне стойкости.

Я жду, часто дыша, и чувствую нутром биение сердца. Толком не понимаю, чего я от него жду. Может, заверений, что мне не о чем беспокоиться. Что теперь он с остальными всегда меня поддержат.

Но ничто не изменит моего решения.

Я должна стать сильной ради себя. Потому что я никогда не забуду то чувство, когда меня прижимали к стене, когда меня изувечили. Никогда не забуду ощущение совершенной беспомощности.

Возможно, причиной всему становится травма – гнев. Ясность.

Зверь.

Он меня пугает. Меня чертовски пугает то, что я сделала той ночью. Потому что я не знакома со своей силой. Но это и было проблемой с самого начала.

Может быть, вообще никто не знает своей силы. Во всяком случае, пока мир не искромсает вас на части. Но дело в том, что мы сильны не из-за наших травм. Сильными мы были всегда. Просто для начала нужно это осознать самостоятельно.

Вот почему я встречаюсь взглядом со Слейдом и уверенно заявляю:

– Я хочу стать настолько сильной, чтобы мне больше никогда не пришлось бояться. Чтобы, если понадобится, заставить остальных бояться меня. И я хочу, чтобы ты меня этому научил.

Тишина господствует, как несговорчивый правитель.

На мгновение я задумываюсь, не переступила ли черту. Не слишком ли сильно его поразила. От беспокойства хочется прикусить нижнюю губу.

Но после Слейд улыбается.

Я вижу у него на лице гордость. Радость. Есть в ней, поистине фейской, что-то животное. Словно его жаждущий мести зверь готов взвиться и зарычать вместе со мной. Его радость заразительна, может, немного сбивает с толку, и я чувствую, как тоже начинаю улыбаться.

Слейд подходит и, протянув руку, обхватывает мой подбородок, а потом наклоняется к моим губам, и я буквально чувствую, как он шепчет:

– О, Золотая пташка, я думал, ты никогда об этом не попросишь.

Глава 19

Рисса

Когда я впервые держала путь через Пятое королевство вместе с войском, то была пленницей.

Королевских наложниц держат в тесноте, как свиней в загоне, и все время сторожат. Нам приходилось ютиться в одной палатке, ощущая холод, страх и тревогу.

Я полагала, что, когда мы доберемся до Рэнхолда, какая-нибудь наложница выдерет волосы другой или надает пощечин. Мне постоянно приходилось

вмешиваться, пытаться сладить с их вспыльчивыми характерами и помогать разрешать проблемы, чтобы они не выцарапали друг другу глаза.

Теперь же впечатления совершенно иные. Я не пленница, а скорее нежеланная гостья, и мне не приходится делить палатку с дюжиной наложниц – только с Полли. Но я по-прежнему пытаюсь сладить с ее вспыльчивым характером. И если теперь кому-то и выцарапают глаза, то мне.

Прошло несколько недель с тех пор, как мы покинули Рэнхолд, и безумно трудно поддерживать такой суровый темп. Несмотря на то, что мы с Полли целый день едем в карете, к вечеру, когда наступает время разбить лагерь, силы у меня на исходе.

Однако причина моей усталости кроется не только в этом путешествии.

Я смотрю на Полли, которая сидит, сторбившись, на паллете, и дрожит над тлеющими в котелке углями. Пройдет десять минут, а потом она отгрызнется на меня за то, что ей снова жарко. А после потребует льда, обливаясь потом.

Прошло столько времени, а ее по-прежнему ломает.

Первые дни Полли была в ярости. Орала на меня за то, что я увела ее из Рэнхолда, плакала над известием о кончине Мидаса, угрожала уйти и вернуться в королевство самостоятельно. Только потому, что ее прилив сил длился недолго, мне удавалось дотащить ее обратно в палатку, пока она не успела далеко уйти.

Полли меня ненавидит.

Мне ненавистно, что она меня ненавидит.

И все же я забочусь о ней, потому что подруги ближе у меня не было. Или, возможно, не было так долго.

Мы с Полли вместе по договору стали наложницами царя Мидаса. Мы начали одновременно – наверное, нас приняли из-за сильного сходства. Вскоре мы решили стать союзницами, чтобы укрепить наше положение в замке Хайбелл. Мы стали самой востребованной парой, превосходящей остальных наложниц из гарема Мидаса, пользовались сильными сторонами друг друга, сплетничали и прикрывали. В Хайбелле наша дружба была крепкой.

Пока мы не покинули Шестое царство.

Похоже, все изменилось, как только мы отправились в путь.

Возможно, все изменилось в ту ночь на корабле Красных бандитов. Возможно, это я изменилась в ту ночь на корабле Красных бандитов.

Смысл в том, что я сама решила стать наложницей. Я решила податься в профессиональные любовницы, поскольку была красива, но не имела ни знатной семьи, ни денег, которые могли бы меня защитить. Мужчины и без того уже ко мне приставали, так почему бы не обернуть то, что вынуждало

меня чувствовать себя беспомощной, в силу? Сделав секс своим занятием, я взяла его под контроль.

И выходило отлично.

Но многие работницы в борделе мечтают стать королевской наложницей. Договор всегда хорошо оплачивается, клиенты богаты и влиятельны, и большинство наложниц по завершении контракта могут покончить с этой деятельностью, заплатив за себя.

Загвоздка в том, что в какой-то момент я расхотела этим заниматься.

Обольщение, заигрывание, вызывающий макияж, прически и обтягивающие платья. Я устала от необходимости улыбаться и хлопать глазами, сосать член и раздвигать ноги, когда была не в настроении для этого.

Я хотела чего-то иного. Потому стала копить деньги, которые зарабатывала, когда в замок наведывались дворяне и заскочившие мимоходом гости царя. Начала работать еще усерднее, чтобы понравиться, быть любимой, чтобы пополнить свой потайной кошелек, не растрачивая его на пустяки.

Когда мы покинули Хайбелл, я решила, что обрету в Рэнхолде новое начало.

А потом мы встретили Красных бандитов.

И капитана Фейна.

И Аурен.

Каждую ночь, унимая лихорадочные припадки Полли, я прокручиваю в мыслях те события, что произошли с той минуты, как мы покинули Хайбелл, и до случившегося в бальной зале, когда я схватила Полли и бросилась наутек. Я почти не разбирала дороги. В холле нас остановили стражники, но женщина с гладкой темной кожей и выбритыми на голове кинжалами, одетая в военную кожаную форму, заметив меня, сказала, что Аурен упоминала обо мне и мне нужно отправиться к войску Четвертого королевства. Потом она каким-то образом отвлекла стражников, и нам с Полли удалось ускользнуть.

Возникло ощущение, будто я перед Аурен в долгу, хотя прежде я была уверена, что это она мне должна. Вот только теперь я не уверена, что она снова мне поможет. Если ей это вообще по силам. Потому как она украла силу Мидаса на глазах у всех и убила его в той бальной зале, из которой я сбежала.

Мужчины. Почему всегда кажется, что события в моей жизни вертятся вокруг смертей мужчин? Сначала мой отец, потеря которого оставила меня в долгах и уязвимом положении. Теперь Мидас, смерть которого знаменует мой побег.

Но с полной уверенностью смею заявить, что смерть капитана Фейна стала переломным моментом в моей жизни. Потому что там, на корабле Красных бандитов, я поняла, что покончила с прежней жизнью.

Меня и раньше насильовали и били. С наложницами такое частенько случается, хоть это и не оправдание. На протяжении многих лет мне приходилось

придумывать, как управлять чужими эмоциями, как заставлять мужчин вести себя так, как могла бы вести себя я. С капитаном Фейном такой трюк бы не удался.

И тогда я решила, что с меня точно хватит.

Мне осточертело быть наложницей. Осточертело управлять мужчинами. Осточертело пытаться соблюдать эту тонкую грань между бессилием и властью, когда дело касалось секса.

Снился ли он мне в кошмарах? Нет. Если не считать тех ночей, когда я заботилась о Полли, то я вообще не думала о нем или об иных встречах с жестокостью. Потому я ни за что не отдам им себя больше, чем они уже отобрали, чем я уже отдала.

Они обладали моим телом, ну и что с того? Сотни других наложниц могли бы заявить то же самое. Однако моим разумом им не овладеть, им я его не отдам.

Включая капитана Фейна, чей позолоченный член, наверное, покоится под сотней футов снега где-то посреди Пустоши.

Вынуждена признать, от того хочется улыбнуться.

– Мне жарко!

Как по часам, Полли отодвигается от углей и начинает обмахивать лицо руками. Глаза у меня щиплет от усталости, и я встаю с паллета, потащившись к пологу палатки.

Я не собираюсь покидать палатку, тем более что ступаю по расстеленному на земле меху. Я лишь беру ведро с тряпкой и зачерпываю немного снега. Снега здесь много, хотя я обратила внимание, что каждую ночь кто-то расчищает место перед входом в палатку.

Даже гадать не стану, кто бы это мог быть.

В этой армии есть только один мужчина с этим огромным затененным силуэтом, который я вижу, когда он приходит расправиться с этой задачей. Капитан зачерпывает огромные кучи снега и откидывает его в сторону палатки, чтобы она стала устойчивее.

Он делает это каждую ночь. А еще приносит нам еду и следит за тем, чтобы не заканчивался уголь. И он ни разу меня не домогался. Ни о чем не просил взамен.

Толком и не знаю, что с этим делать.

Я закрываю полог палатки и возвращаюсь к Полли, на ходу завязывая концы тряпки. Опустившись перед Полли на колени, я аккуратно прижимаю тряпку к ее покрасневшему лбу.

Она стонет, схватившись за живот и облизывая губы.

- Ты меня убиваешь, - с претензией говорит она.

Я делаю паузу. Если откровенно, Полли почти не говорила с самых первых дней, когда кричала и злилась на меня. Если не брать в расчет ее криков о том, как она ужасно себя чувствует, то Полли чаще молчит. Отношения между нами стали натянутыми и резкими, но я знаю, что, как только ее тело восстановится, как только перестанет нуждаться в дозе росы, Полли станет гораздо лучше. Она снова будет прежней. Мы вернемся к нашей старой дружбе.

Хотя я не совсем понимаю, почему это занимает так много времени. Я не ожидала, что Полли будет так долго болеть. Ее рвет почти всякий раз, как я пытаюсь ее покормить, и все, что ей удастся проглотить - пара самых маленьких кусочков хлеба, вода и травы, которые приносит армейский лекарь. Полли похудела, лицо стало серым, а под глазами залегли синяки, темнеющие с каждым днем все сильнее. И в придачу к этому она все время беспокойно спит.

Я ужасно хочу, чтобы она поправилась и поняла: я забрала ее из Рэнхолда, чтобы помочь. В этих натянутых отношениях между нами виноват только дурман. Как только Полли станет лучше, она поймет, что я просто пытаюсь ее спасти.

- Из-за тебя мне на платье капает снег, - шикает она.

- Извини. - Я осторожно вожу снегом по ее шее, но она вырывается, потому я снова его убираю. Потянувшись за маленьким котелком, который висит над углями, я переворачиваю его над небольшой жестяной чаркой. - Может, попробуешь снова сесть и глотнуть бульона?

- Не хочу, - говорит она с закрытыми глазами, непрерывно кусая нижнюю губу. Теперь это стало ее нервной привычкой из-за росы, которую она вожделеет. Полли кусает губы так часто, что начала слезать кожа, и рот опух и покрылся ранками. С кутикулой то же самое. Лекарь принес крем, но Полли не разрешает его нанести, и мне удается это проверить, только когда она засыпает.

- Ну хоть немного...

Полли отворачивается и снова ложится на паллет.

- Уходи.

Меня пронзает обида, но я ее подавляю. Полли не виновата.

- Хорошо, я вылью ночной горшок. Скоро вернусь.

Она не отвечает, а когда снова начинает дрожать, я аккуратно накрываю ее мехом, и глаза у нее закрываются. Я заправляю огромную рубашку, которую мне выдали ранее, влезая в сапоги, а потом, надев пальто капитана и перчатки, беру горшок и выхожу из палатки.

Стоит мне оказаться на улице, как надо мной нависает гигантская гора, и я чудом в нее не врезаюсь.

- Осторожнее! - гаркаю, пытаюсь удержать горшок, чтобы его содержимое не выплеснулось на меня. Мне выдали только один комплект одежды, и мне нравится эта рубашка. Даже спрашивать не стану, из его ли она гардероба. Я и так это знаю.

Я поднимаю голову, бросив свирепый взгляд на незваного гостя.

- Чего тебе?

Капитан Озрик приподнимает густую каштановую бровь. Если откровенно, ему не мешало бы постричься. Борода у него такая длинная, что из нее можно плести косы, волосы всегда свисают на плечи, а судя по запястьям, под рукавами все его тело покрыто волосами. Нутром чую, он один из этих мужчин, у которых на груди растут волосы. Мужчинам в гареме приходилось пользоваться сахарным воском. Я бы отвалила немалую сумму, если бы кто-нибудь привязал капитана и выдернул бы ему волосы, причиняя боль.

- Ты снова пялишься, Желтый колокольчик.

Я отрываю взгляд от его рук и смотрю в лицо. Разволновавшись, переминаюсь с ноги на ногу.

- Я не пялюсь, а просто впервые вижу такого волосатого великана, - говорю я, с отвращением скривив губы.

- Если хочешь увидеть волосы на моем теле, тебе нужно просто попросить.

С чего я вдруг представила волосы у него в паху, мне не понять. Не хочу даже думать об этом. Все, что имеет отношение к его паху, меня не интересует.

Я закатываю глаза и пытаюсь отвязаться от него, но этот надоедливый болван идет за мной.

- Да что тебе надо?

- Я принес тебе еще немного еды, - говорит он, пытаюсь передать мне что-то, завернутое в кусок ткани.

- Ты уже оставлял суп, а сейчас у меня немного заняты руки.

- Что это?

Я чувствую, как шею заливают румянец.

- А ты как думаешь? Наш... - Я замолкаю, отказываясь произносить это вслух.

К моему большому ужасу, этот мужлан наклоняется и заглядывает внутрь.

- О, так чего ж ты сразу не сказала? - Он оглядывается назад. - Химинн, - кричит он, и откуда-то вдруг материализуется худошавый солдат.

- Да, капитан?

Не успеваю я даже возразить, как капитан Озрик вырывает у меня из рук ночной горшок и пихает его молодому мужчине.

- Иди и вымой это. А потом верни в палатку леди Риссы.

Солдат тут же оживляется, словно для него это огромная честь.

- Будет сделано, капитан!

Как только он убегает, я бросаю взгляд на капитана.

- Так нельзя! Теперь какой-то странный солдат занимается нашими... испражнениями.

Он смеется, а потом снова пытается пихнуть мне еду.

- Ничего постыдного в моче и дерьме нет. Поверь, Химинн будет счастлив такой работе. А теперь возьми еду, женщина.

- Меня зовут Рисса, - язвительно говорю я, но затем срываю перчатки, засовываю их в карман и беру еду, потому что сегодня еще не ела и умираю с голоду. Откинув ткань, вижу хлеб с мясом.

- Пойдем, Рисса, - говорит он и показывает вперед. - Посиди у костра, съешь бутерброд и выпей немного вина.

Я качаю головой.

- Поем в своей палатке. Мне нужно приглядывать за Полли.

- Разве она не спит?

Я слишком долго медлю с ответом, потому что он ухмыляется.

- Так я и думал. Подыши свежим воздухом и посиди со мной, женщина. Успеешь еще послушать истерику Полли.

Чаше всего я сторонилась капитана, всячески его игнорируя, но отчего-то кажется, что он всегда рядом. Я вижу его верхом на лошади возле нашей кареты, где на него обрушиваются снег и ветер, но он как будто их не замечает. Вижу его у костра, вижу, как он болтает с солдатами, обходит лагерь. Вижу, как он заботится о наших нуждах, но никогда не врывается без предупреждения. И хотя я стараюсь его избегать, все равно... наблюдаю.

И почему, не знаю. Это даже глупо. Он грубый, бестактный, дикий гигант. Точно не в моем вкусе. Во-первых, он мужчина, а я пока зареклась с ними связываться. Возможно, даже навсегда. Я не встречала еще мужчины, который стоил бы моего внимания.

Посему понятия не имею, почему иду за ним к костру. Возможно, мне и правда нужно отдохнуть от назревающей в палатке враждебной атмосферы.

Когда капитан ведет меня к палатке, стоящей напротив моей, я останавливаюсь и смотрю на него.

- Ты... Почему твоя палатка так близко к моей?

Шмыгнув в нее, он выходит, держа в руках мех, а потом берет два ведра. Капитан переворачивает их, ставит перед костром и накидывает на одно ведро мех.

- Садись.

Я слушаюсь и виню в этом теплый огонь. Не то, как внутри у меня все сжимается от его резкого приказа. И даже не его кожаные штаны, облегающие эти мощные бедра. Все это тут ни при чем.

Ни капли.

Тем не менее, стоит мне сесть, как я почти поникаю напротив теплого огня, и изо рта вырывается вздох. Я кусаю бутерброд, и хотя он холодный, а корочка слишком жесткая, мне так вкусно, что съела бы целую тарелку таких бутербродов.

Я доедаю и облизываю пальцы, а потом осознаю, что только что сделала. Конечно же, осознает и он.

- Рад, что ты нормально поела, Желтый колокольчик.

- Когда ты перестанешь называть меня этим оскорбительным прозвищем?

Он протягивает мне бурдюк.

- О, оно теперь прочно к тебе прилипло.

Фыркнув, я делаю большой глоток, но тут же сплевываю и кашляю, чуть не уронив бурдюк.

- Что... это?

- Пряное вино, - пожав плечами, отвечает капитан. - Немного согреешься.

- Я думала, тут вода.

- Это лучше. - Он забирает у меня бурдюк и сам делает глоток. Не знаю, почему мне неловко из-за того, что он пьет после меня, но так оно и есть. А еще и из-за того, как он проводит языком по деревянному проколу в нижней губе.

- Итак, - начинает он, вытянув вперед ноги так, что его сапоги оказываются в опасной близости к костру. Я рада, что сегодня вечером в кои-то веки не идет снег. Как только мы покинем Пятое королевство, я больше ни за что не вернусь в холод. - Как поживает твоя подруга?

- У нее все нормально, - выпаливаю я, ответив ровно так же, как и все три раза, что он уже спрашивал. Сдается мне, это из-за него лекарь столь

часто нас посещает – потому что мои ответы не содержат полезной информации. – Будет все нормально, – уточняю я.

Капитан кивает.

– Я видел немало солдат, которые подсаживались на эту дурь. Нелегко с ними нянчиться.

– Она моя подруга.

– Правда?

Я напрягаюсь.

– Что ты хочешь этим сказать?

Он передергивает мощным плечом, а я стараюсь не глазеть на капитана, когда он скрещивает на груди руки. Зря я позволила ему отдать мне пальто. Тогда его физические данные были бы не так заметны.

– Просто спрашиваю.

– Спрашиваешь из-за тех разговоров о неверности по отношению к Аурен? – заняв оборонительную позицию, спрашиваю я. – Опять будешь меня критиковать?

Озрик приподнимает брови.

– Спрячь-ка свой яд, Желтый колокольчик, никого я не критикую. Просто мне кажется, что эта твоя подруга настроена к тебе не очень дружелюбно.

– Тебе-то откуда знать?

Он безразлично смотрит на меня.

– Стены в палатке очень тонкие.

Я краснею от стыда.

– Она просто плохо себя чувствует.

– Хм.

Я тут же встаю.

– Если и дальше будешь вести себя, как ко...

Он постукивает ногой по моей голени, отчего я замираю.

– Сядь, Рисса.

Я плюхаюсь на ведро. По спине у меня ползут странные мурашки от того, как он произносит мое имя хриплым голосом.

Черт возьми, что со мной творится? Я совершенно не собираюсь испытывать влечение к этому мужчине. Нет уж! Я спала с большим количеством красивых мужчин – мужчин, которые были такими красивыми, что напоминали скульптуры. Мужчины, которые регулярно... мылись. Так почему каждый раз, когда я выхожу из палатки, то ищу его взглядом?

Ерунда какая-то.

Он приводит в бешенство, он грубый, и я вообще не должна о нем думать. Но все равно думаю. В первую ночь он сказал, что немного презрения не помешает, и с тех пор я не могу выкинуть из головы его слова.

Не могу отрицать, что между нами летают какие-то искры, как молния, попавшая в облако. И мне... интересно. Интересно, что случится, если мы столкнемся. Может, тогда разразится идеальная неистовая буря.

Пусть прозвучит немного пафосно, если принимать во внимание, сколько гнева и волнения бурлит во мне, и как было бы чудесно выместить их на нем. Как мы могли бы схлестнуться в свирепой вспышке, где мне не придется сдерживаться. Где я не буду совершенной, красивой соблазнительницей. Но истинное удовольствие мне приносит мысль, что я могла бы брать, а не делиться. Как мне кажется, Озрик – единственный мужчина, который может справиться со мной настоящей, потому-то я и не могу выкинуть из головы мысли о нем. Он не мой клиент.

– Как поступишь? – спрашивает он, вырвав меня из моих мыслей. – Когда мы доберемся до Четвертого королевства.

– Уеду, – быстро отвечаю я, потому что мне нужно помнить о своей цели. Не позволю ему или любому другому мужчине мне помешать. – Я заполучу золото, которое мне пообещала Аурен, а потом уеду на первом же корабле далеко-далеко. Может, в пустыни Второго королевства, ведь, насколько я понимаю, все там совсем не похоже на Пятое королевство.

Озрик кивает.

– Чем займешься потом?

– Всем, чем захочу. Да вообще ничем.

– Ты больше не хочешь быть наложницей?

Я прищуриваюсь.

– Нет.

На мгновение между нами наступает затишье, единственное, что я слышу – шипение огня да то, как Озрик делает глоток.

– Ты могла бы остаться.

Я хмуро смотрю на него.

– Что?

- Думаешь, это побудит меня остаться? - резко спрашиваю я.

Он лишь пожимает плечами.

- Вполне возможно. Если ты не станешь противиться.

Я открываю рот, чтобы бросить в ответ какую-нибудь грубость, но решаю этого не делать. Вместо этого просто качаю головой.

- Ты сам отметил, что я шантажировала и использовала Аурен. Так почему предлагаешь остаться?

- Ты из кожи вон лезешь ради женщины, которая не хочет иметь с тобой ничего общего... А о другую женщину, которая пытается тебя поддерживать, только рада вытереть ноги. Подумалось, что, возможно, ты захочешь избрать иной путь.

Гнев - естественный спонтанный ответ, но сейчас он тлеет под пластом печали. Эта грусть напоминает сильную пощечину, от которой начинает жечь в глазах, и я прихожу в ужас, понимая, что это ощущение возникло не от усталости, а от чувств.

Я пытаюсь их подавить, заглушить, потому что плакать я ненавижу.

- Эй.

Отвернувшись, я нарочито не смотрю на него, презирая себя за эту уязвимость. Но дикарь, безусловно, не может оставить все как есть. Я чувствую, как он встает передо мной, обхватывает большим и указательным пальцем мой подбородок и заставляет взглянуть на него. Капитан хмурится и сердито смотрит на меня карими глазами.

- Что случилось?

- Ничего.

- Хрень собачья. Что случилось?

Я должна вырваться из его хватки. Должна встать и оттолкнуть его. Однако ловлю себя на том, что льну к его руке, замечаю, как по моей щеке скатывается слеза, а он смахивает ее большим пальцем. От этого прикосновения на коже остаются мурашки, словно я невинная дева. Какой абсурд!

- Кого волнует, если я уйду? - говорю я, и мне не нравится, как тонко звучит мой голос. Почему рядом с этим мужчиной я чувствую себя не в своей тарелке?

Его сердитый взгляд становится мягче. Я и не подозревала, что он может так смотреть. Что может смотреть так на меня.

- Это волнует меня, Желтый колокольчик.

Я глотаю подступивший к горлу ком.

- Почему?

Почему это тебя волнует? Почему я постоянно ищу тебя взглядом? Почему ты пытаешься мне помочь? Почему всякий раз, когда ты рядом, мое сердце бьется быстрее?

- Мне нравится твой решительный настрой, - ухмыльнувшись, говорит он с ухмылкой. - И всегда любил тех, кто кусается.

При мысли, как он кусает меня, покусывает мою плоть, в мыслях вспыхивают чересчур реалистичные образы.

- У меня есть план, и тебе в нем места нет, - говорю я и, набравшись сил, отстраняюсь и встаю. Озрик, разумеется, не отходит, не пропускает меня. Теперь мы стоим так близко друг к другу, что он касается меня телом, и мне приходится запрокинуть голову от того, насколько он высок ростом. И даже через толстый мех, накинутый на мои плечи, я чувствую исходящее от него тепло.

- Так измени план, - бормочет он, опустив взгляд на мои губы.

У меня перехватывает дыхание, но я подавляю эти чувства и ухмыляюсь.

- Мужчинам нужна только победа. Я не разыгрываю из себя недотрогу, чтобы ты прикладывал усилия. Я просто тебя не хочу, капитан.

Он не злится, а бросает в мою сторону ухмылку, от которой у меня почти поджимаются пальчики на ногах.

- Ты не хочешь меня?

Я шмыгаю носом и вздергиваю подбородок.

- Именно так.

- Значит, тогда... ты не сидела ночью на паллете и не думала о том, что спор со мной распалил твою кровь, не думала, как будешь обхватывать мои бедра своими длинными ногами и трахаться со мной так, что перед глазами вспыхнут звезды?

Сердце гулко бьется. Все его слова отзываются яркими картинками перед глазами.

Отрицать не стану. Бессмысленно, потому как дышу с трудом и знаю, что залилась краской. Внезапно я понимаю, что и не хотела бы отвергнуть его слова.

Черт подери, почему я так быстро сдалась?

А потом я совершаю огромнейшую глупость в своей жизни.

Я целую его.

Я прижимаюсь к его рту так, словно в нем таится божественный нектар. Сначала Озрик замирает от удивления, а потом опускает огромные руки на мою талию, отчего она кажется еще уже, чем есть на самом деле. Он царапает мои горячие щеки косматой бородой, но вместо злости или отвращения я чувствую, что мне это нравится. Я кусаю дерево в его губе, провожу по нему языком, целую так, как не целовала никого в жизни.

Потому что я делаю это не ради заработка. Не за монеты. Я не пытаюсь соблазнить его или устроить представление, а просто целую, потому что хотела узнать... хотела понять.

Я отстраняюсь, шумно дыша и округлив глаза. Черт побери, почему я совершила эту глупость?

- Это была ошибка, - выпаливаю я.

Он смеется, но рук с талии не спускает. Держит меня прикосновением более нежным, чем я от него ожидала. Я ненароком задумываюсь, каким он был бы любовником: грубым или нежным?

- Это была охренительно хорошая ошибка. Надо обязательно ее повторить.

Вырвавшись, я в спешке спотыкаюсь о ведро, но Озрик с легкостью хватается меня за руку, прежде чем я успеваю упасть.

- Так быстро решила уйти от костра? - окликает он, и я слышу в его хриплом голосе поддразнивание.

- Я и так уже согрелась.

Он смеется. Я еще сильнее краснею.

Быстро направившись к своей палатке, я мысленно распинаю себя, и тут он говорит:

- Если будешь готова совершить еще одну ошибку, то знаешь, где моя палатка. Напротив твоей.

Глупый неотесанный мужлан.

Глупая я.

Ворвавшись в палатку, я падаю на паллет и прижимаю руки к щекам, чувствуя, как покалывает губы. Сердце продолжает безудержно биться о грудную клетку. Между ног тоже пульсирует.

Какая глупая, ужасная, нелепая ошибка.

Но думаю только о том, что однажды мы обязаны ее повторить.

Глава 20

Аурен

В пещере Грота больше потайных щелей, чем мне сперва показалось.

Потому что мы как раз в одной из таких расщелин, которую Джадд с любовью называет Пасть. Мы с ним протиснулись через зубчатую трещину в стенах главной пещеры и, пройдя по короткому и тесному проходу, оказались в еще одной комнате, куда Гнев приходит на тренировки.

Помещение не очень большое, но места тут хватает, а от светящихся в стенах и в потолке прожилок возникает ощущение, что оно все светится. На земле лежит толстый слой наполовину замороженного сена, которое хрустит под ногами, а сбоку стоят три деревянных сундука, в которых, по словам Джадда, хранится тренировочное оружие.

Мне пока не разрешили им пользоваться.

Когда мы только пришли сюда, Джадд ухмыльнулся и, подняв руки, покружился. Его привычные желтые волосы стали тут ярко-синими, как и загорелое худощавое тело, обтянутое кожаной формой.

- Добро пожаловать в Пасть - устье горы, где тебя разжуют и выплюнут, - в его голосе слышится восторг.

Над головой свисают сталактиты, напоминающие острые, как бритва, зубы, которые не преминут выполнить ровно то, что он и обещал.

Я надеялась, что он преувеличивает.

Увы.

У меня и правда возникает ощущение, будто меня здесь перемелют, хотя Джадд тут ни при чем.

В течение получаса он показывал мне разные стойки. Объяснял, как держать вес, как сохранить выдержку, как стоять и зачем.

Он начал с простого.

С простых, базовых знаний, чтобы я училась с нуля.

Впервые я отметила, что есть некоторая проблема, когда Джадд не раз указывал, что я наклонялась не в ту сторону и мне надо поправить стойку. Сначала я проигнорировала его замечания. Решила, что, проведя столько дней в постели, еще немного слаба и просто не в форме. Мне просто нужно подготовиться.

Но сейчас, когда бросаюсь влево, реальность снова и снова обрушивается на меня, как кирпичи. Я смотрю на Джадда, вытаращив глаза, и мне кажется, что холодею внутри, а лед заполняет сужающиеся вены.

– Золотце?

Он шевелит губами, но я не могу сосредоточиться на его словах. Да и все равно бы я ничего не расслышала из-за того, как громко стучит мое сердце.

Приподняв светлые брови, Джадд делает ко мне шаг.

– Воды, – хриплю я и ковыляю к ящикам. Я беру принесенный им бурдюк, подношу к губам и делаю большой глоток, словно ледяная жидкость поможет смыть эти мысли.

Не помогает.

Я глотаю воду и чувствую, как она льется в желудок. Я будто нырнула в озеро, и в рот хлынуло слишком много воды.

Джадд подходит и тоже делает глоток.

– Знаю, что это кажется элементарным, но важно изучить базу. Прочное, устойчивое положение – основа основ.

Я кошусь на него. Неужто Джадд решил, что затруднения и запинки возникли из-за рассеянности, потому как я не считаю это важным?

– Я тебя доверяю, – честно признаюсь я. – Я понимаю, что мне нужно знать все, чему научишь меня ты и остальные.

Он кивает, но затем, будто передумав, наклоняет голову.

– Может, кроме Райатта. Если он чему-то тебя и научит, то только чтобы поиздеваться.

Губы у меня приподнимаются в улыбке.

– Приятно знать.

– Так почему ты хочешь этим заняться?

– Тренировкой? – нахмурившись, спрашиваю я.

– Да. Рип сказал, что ты хочешь тренироваться, но мне интересна причина.

Причина.

Сама причина изводила меня с тех пор, как я проснулась. Возможно, и до того. Вероятно, эта причина стала еще более весомой, когда я познакомилась с Джаддом и остальными, когда стояла с ними в том боевом круге и осознала, что способна на большее.

Я решительно смотрю на Джадда.

- Всю жизнь я была для остальных вещью, которой они могли обладать, пользоваться, - произношу я уверенным голосом абсолютную правду. - Но я не вещь.

Его обычно веселое лицо становится серьезным.

- Нет, ты не вещь.

- Я хочу быть готовой, когда в следующий раз кто-то захочет воспользоваться мной, контролировать. Хочу сокрушить всех, кто захочет меня прижать.

В его карих глазах сверкает что-то, напоминающее гордость.

- По мне, звучит неплохо, Золотце.

По мне, тоже.

Он еще раз отпивает воду, и я понимаю, что делает он это из вежливости, потому что пью я. Вряд ли Джадд сильно устал, когда я еще даже не разучила предыдущие стойки.

- Вернемся к тренировке?

Я киваю и кладу бурдюк в карман, а потом иду за Джаддом на середину комнаты. На один короткий миг прикасаюсь к спрятанной в кармане атласной ленте, а потом вытаскиваю руку.

- Итак, базовая защитная стойка. Левая нога перед собой. Плечо немного назад. Локоть надо выдвинуть вперед, чтобы защитить живот.

Я стараюсь следовать его указаниям, вставая в самые разные стойки, и какое-то время у меня получается, - словно наш разговор и моя решимость помогли мне успокоиться. Но когда приходится двигаться быстрее, я снова спотыкаюсь.

От смущения шею заливают жар, но я делаю вид, будто все нормально.

- Левая нога вперед, правая назад, - инструктирует Джадд, обходя меня по кругу и рассматривая мое тело. - Отлично. Теперь повернись, словно сзади к тебе кто-то приближается.

Я стараюсь. Действительно стараюсь.

Когда я поворачиваюсь, вес тела смещается, спина дергается, и я пытаюсь скорректировать движение, упираясь ногами, чтобы удержаться в вертикальном положении.

- Извини, - расстроившись, выпаливаю я. - Можно попробую еще раз?

Джадд не мешкает и не смеется надо мной.

- Все равно стойка неправильная, - говорит он и, подойдя, хлопает меня по правому плечу. - Выпрямись и опусти ногу.

Я ударяю каблуком о землю, и под ногами раздается треск сена. В сотый раз расправляю плечи, молча ругая свое тело.

- Расслабь руки, - говорит Джадд, заметив, что я сжала их в кулак.

Я нехотя разжимаю пальцы и легонько встряхиваю руками.

Джадд наклоняет голову.

- Готова? Если твои раны..

- Раны уже не кровоточат, а Ходжат сделал мне перевязку и сказал, что я могу тренироваться, - перебиваю я его. - Просто нужно привыкнуть к этим сапогам. Кажется, они немного большие.

Толком не уверена, понимает ли он, какую чушь я несу, но Джадд кивает.

- Ладно, поставь ноги прямо. Хорошо. Теперь сдвинься влево и подними руку в защитном блоке. Готова? Три, два, двигайся.

Неважно, что я пытаюсь с силой упираться ногами в землю. Даже пытаюсь выполнить самый простой маневр, я понимаю, что совершенно не контролирую свое тело. Я снова теряю равновесие, подняв одну ногу и пошатнувшись.

Джадд хмурится и смотрит на мои ноги.

- Может, попробуем без сапог?

Во мне закипает разочарование, и от его жара жжет глаза.

- Нет. Еще разок попробую.

Он с сомнением смотрит на меня.

- Что-то случилось?

- Отнюдь, - с притворным оживлением отвечаю я. - Наверное, я у тебя самая худшая ученица, потому что раньше меня не обучали.

- В боевом круге ты справлялась плохо, но не была настолько ужасна.

Я резко смотрю на него.

- Спасибо огромное.

- Ты меня поняла, - говорит он, отмахнувшись от меня. - Может, сделаем передышку?

- Нет, расскажи еще раз, как двигаться.

Мною повелевает упорство. Оно направляет мои движения, побуждает пробовать снова и снова, но не помогает даже твердая решимость. И с ней не получится держать равновесие.

Я начинаю пошатываться еще сильнее, и ни скрыть, ни оправдать ее не сможет даже глупая ложь.

Я терплю неудачу.

Первый день, а я уже терплю неудачу.

И все же я должна. Должна научиться быть сильной. Но, черт побери, не могу даже повернуться, не покачнувшись...

Мое недовольство собой растет, когда я слишком быстро пытаюсь развернуться. Я лечу кубарем, как вращающийся волчок, который не может удержаться на месте, и теперь даже ногами затормозить не успеваю.

Я падаю на бок, жестко приземлившись на землю, и кожу покалывает замерзшее сено. Оно колет мою уверенность, пока она не сдувается.

Я встаю на четвереньки, но замираю. Перед глазами стоит пелена, пока я смотрю на примятое грязное сено, насыщенный запах которого бьет в нос. Все вокруг светится синим.

- Черт, - слышен мой резкий, злой шепот; разум негодует из-за неспособности тела сохранять равновесие.

- Ничего, Золотце, бывает. Все падают, - говорит Джадд, и от его дружелюбного оптимизма почему-то становится только хуже.

- Это плохо, - огрызаюсь я. - Я не смогу подготовиться, если даже в гребаную стойку встать не могу.

- Аурен.

Услышав голос Слейда, я резко поднимаю голову и вижу, что он стоит у входа. Тело от смущения заливают жаром, а сердце падает в пятки. Отведя взор, я встаю, но даже сейчас легонько пошатываюсь вправо. Я дезориентирована. Выведена из равновесия. Чувствую себя слабой и вялой, как новорожденный жеребенок.

Ненавижу эту слабость.

Сено хрустит под сапогами Слейда. Он встает передо мной.

- Я думал, ты отдохнешь, пока Ходжат не одобрит тренировки. - обращается он ко мне, но смотрит на Джадда.

- Мы... - Но Джадд не успевает договорить.

- Он не заставляет меня делать ничего сложного, - в расстройстве скрежеща зубами, признаюсь я. - Просто у меня не получается.

Я произношу это с некоторым отвращением и провожу рукой по волосам, запутавшись пальцами в золотых прядях, что выбились из косы.

– Это моя первая тренировка, а я уже не справилась. Разве я не жалко выгляжу?

– Нет.

У меня вырывается презрительный смешок.

– Я даже стоять не могу, – выпаливаю я, но моя злость направлена только на меня, а не на Слейда или Джадда. – Потому что постоянно теряю равновесие. Потому что позволила ему... позволила ему...

Дыхание перехватывает, словно горло обхватил чей-то кулак.

Я ему позволила.

Десять лет, будь они прокляты, я ему позволяла.

Позволяла ему подавлять меня. Направлять меня. Позволяла сажать меня в клетку. Причинять мне боль.

Я позволила ему накачать меня дурманом и прижать к той холодной стене, позволила ему лишиться меня того, что я больше никогда не смогу вернуть.

В глазах Слейда всплывает понимание, как туман над темным полем.

– Твои ленты.

Они переглядываются, и я понимаю, о чем они думают, потому что и сама думаю о том же. Осознаю, что именно я потеряла.

Прежде я не обращала внимания, как мое тело зависит от лент. Мне приходится разучивать все заново, и они не могут теперь утешить меня своим присутствием.

Но дело не только в этом.

Да, я больше не ощущаю их, но ленты были не просто шелковыми полосками, свисающими с моей спины. Мне не хватает того, как они волочились за мной. Не хватает возможности поднять их, чтобы расчесать волосы или обернуть ими талию в качестве защиты. Не хватает того, как они обвивались вокруг ноги Слейда.

Они меня ловили. Защищали. Они были моим инстинктом. Моим неосознанным импульсом и показывали мое настроение. Они делали меня чем-то большим. А без них я ничто. Не такая устойчивая, не такая уверенная, не такая свободная.

Сложно заметить, что удерживает в равновесии, пока не потеряешь опору под ногами.

Я воспринимала свои ленты как должное. Много лет ненавидела их, скрывала, притворялась, что они не являются частью меня. Только оказавшись среди войска Четвертого королевства, я позволила им дышать по-настоящему, позволила дышать себе. Всего один вдох – и я стала жадно глотать воздух.

Интересно, когда птице подрезают крылья, она испытывает те же чувства?

Я не понимала, насколько важны для меня ленты, пока их не стало. Они были моим продолжением, были моим способом выразить чувства. И теперь их вырвали у меня. И я никак не могла предвидеть такого исхода.

Я потеряла не только равновесие.

– Я позволила ему втянуть меня в это и не осознавала, пока не стало слишком поздно, – говорю я, сверкая от ярости глазами и чувствуя, как по щеке, будто кислота, ползет раскаленный жар. Лента в кармане становится тяжелой как кирпич. – Как мне тренироваться и стать сильной, если я даже стоять не могу?

Слейд сжимает кулаки, словно представив, как душит Мидаса.

– Аурен, ты десять лет обладала лентами. Понятно, что тебе нужно привыкнуть жить без них.

Я свирепо смотрю на него.

– Не надо.

– Что не надо?

– Не надо меня успокаивать. Не надо вселять в меня уверенность и надежды.

– Лучше, если бы я сомневался и пренебрегал тобой?

Гнев поднимается волной, но я подавляю его и отхожу. Делаю всего пару шагов, и передо мной тут же появляется Джадд.

– Золотце, чего это ты решила все бросить?

– Я не бросаю, – цежу сквозь зубы. – Просто хочу сделать перерыв, а потом врежу как следует твоему королю и командиру.

Он фыркает.

– Зрелище было бы занятным, но Ходжат строго-настроено приказал, чтобы ты пока никого не била. Отложим это на потом. К тому же ты сказала, что хочешь тренироваться, вот я тебя и тренирую. Божь, тебе придется остаться в Пасти, пока я тебя не отпущу.

– Ты же сам спросил, не хочу ли я остановиться.

– Да, и ты отказалась.

С губ срывается разочарованный вздох.

- Джадд, я даже повернуться не могу, не потеряв равновесия. Как ты будешь меня тренировать?

Он проводит по мне оценивающим взглядом.

- Если бы ты рассказала, что происходит, то я бы все тебе объяснил и пересмотрел стратегию, - отвечает он. - Теперь, когда знаю, что тебе приходится привыкнуть к потере лент, мы будем проводить тренировки иначе.

- Считаешь, это поможет? - с сомнением спрашиваю я.

- Золотце, не рань мою гордость, - говорит Джадд, прижав руку к груди. - Я превосходный тренер.

- Кто тебе это сказал?

Он хмурится.

- Кто-то да точно сказал.

Я издаю смешок, чуть опешив от этого. Всего пара слов - и моя злость тут же сменилась разочарованием.

- Почему ты сама не призналась? - спрашивает Джадд, но в его голосе нет осуждения, только интерес.

Я передергиваю плечом.

- В слабостях не признаются, верно? Даже я это знаю.

- Это не слабость, Золотце, - покачав головой, говорит он. - И не вздумай врать своему тренеру. Если я спрашиваю, что случилось, то жду от тебя правду.

Я оглядываюсь, думая, что Слейд стоит сзади, но вижу его возле деревянных ящиков. Он стоит, прислонившись к ящику бедром, и смотрит на нас. Сердце в груди сжимается от одной только мысли, что он рядом и наблюдает за мной. Он был так горд, когда я призналась, что хочу тренироваться. Меньше всего мне бы хотелось, чтобы он увидел, как я пытаюсь найти опору.

- Ладно, садись на задницу.

Я резко поворачиваюсь к Джадду.

- Что?

- Ты и с первого раза услышала, - говорит он и плюхается на землю.

Я тоже сажусь и чувствую, как в штаны впиваются острые палочки сена.

- Начнем сначала с небольшой растяжки. Будешь двигаться медленно и скажешь, если вдруг станет больно или не по себе. А потом попробуем несколько позиций.

– Сидя?

– Ага. Тебе придется заново научиться равновесию и двигаться без помощи лент. Так что пока посиди, чтобы перестать психовать и падать. Да и Рип разозлится, если ты вернешься вся в синяках. А теперь умолкни, забудь, что терпишь неудачу. Давай разбираться с этой хренью поочередно.

Я улыбаюсь. И сразу же чувствую, как с плеч слетают остатки накопившегося напряжения.

– Уверен, что тебя считают отличным тренером?

Он пожимает плечами.

– Я немного перефразировал.

Я качаю головой и смеюсь.

– Ладно. Давай разбираться с этой хренью.

Джадд ухмыляется.

– Молодчина!

Глава 21

Аурен

Перед глазами блеснул золотой клинок. Тот, который я собственноручно позолотила. Все остальное потускнело, даже король Фульк, который прижимает меня к себе этим клинком и вонзает его в шею.

Я кричу и сопротивляюсь, но острое лезвие погружается глубже, разрезая кожу и проливая мне на грудь кровь. Но когда король наклоняется к моему уху, я слышу не его голос. За моей спиной стоит вовсе не он

Я вижу чисто выбритое лицо, позолоченные рукава и глаза, цветом напоминающие стручки рожкового дерева. Он держит в руках обман, насилие и золотые поводья. Поводья, которые этот мужчина обвязал вокруг моего запястья и которыми теперь удерживает меня.

«Если она не будет моей, то не будет ничьей. Разве не так, Драгоценная?» – его мерзкий голос и слова атакуют мой слух, пытаюсь обвить тело колючими лозами.

Мы снова в Рэнхолде, и в зале столько золота, что слепит глаза. Оно сверкает и, кажется, свирепо переводит свой взор то на меня, то на него. Мы увязли посреди бального зала, вновь проживая этот миг.

Слейд стоит напротив вместе со своим Гневом, а во мне бурлит мой гнев. Бурлит, как магма, готовая извергнуться.

«Аурен, воспользуйся лентами».

«О, она тебе не сказала? Она потеряла эту привилегию».

Кинжал меняется, и теперь я оказываюсь прижатой не к Мидасу, а к стене. Вокруг моего запястья повязаны не позолоченные поводья, а моя лента.

А потом раздается звук, знаменующий, что опускается меч. Не шелест, не свистящий шепот, а звук крушения, какой бывает, когда из окна выбрасывают тело или в зеркало врезается кулак.

Моя душа разлетается вдребезги.

А после наступает боль.

Боль, боль, снова боль. Боль, когда я разбиваюсь на миллион осколков. Эти частички, словно полоски шелка, падают окровавленными обрывками на пол.

«Меня это ранит сильнее, чем тебя».

Я не слышу своих криков. Не слышу, как плачу, умоляю или скорблю. Слышу только нескончаемый треск хрупкого стекла.

А потом внезапно все заканчивается. Я дрожу в звенящей тишине, истерзанная мечами, лентами и осколками.

Сломленная. Я чувствую себя поистине сломленной.

«Ты сама виновата».

В разбитых кусочках я вижу свое лицо. Вижу свои ленты, поделенные на сотни частей.

Вижу его.

Слышу его.

Снова и снова.

«Не смей послушаться, Драгоценная».

«Если она не будет моей, то не будет ничьей».

«Меня это ранит сильнее, чем тебя».

«Ты сама виновата».

В зеркалах видны самые разные эмоции: осуждение, разочарование, жалость, гнев, оцепенение, тоска. Я падаю на пол, продолжая смотреть на свое отражение, и в отчаянии начинаю копать в этих бликующих кусочках.

Я хватаюсь за ленты, но зеркала сбивают с толку, и в попытке поймать шелковистые полоски я ударяюсь руками об острые края. Режу ладони, пальцы, колени.

Но все равно отчаянно роюсь в них. Слезы и кровь стекают на пол, а отрезанные ленты ускользают от меня. Но я не сдамся.

Мне нужно их вернуть.

Нужно их вернуть, нужно их вернуть, нужно их вернуть.

Мои руки запачканы кровью, изранены, им не удастся схватить ни одного обрывка ленты. А потом я начинаю тонуть. Я чувствую, что мои ноги связаны, а стекло режет живот, руки, грудь.

Как бы я ни пыталась вырваться, меня утаскивают вниз мои же осколки, запутавшиеся в лентах.

И в горло вонзается один-единственный позолоченный клинок, что оказался острее других.

«Ты сама виновата».

Я резко открываю глаза и чувствую, как веки слиплись от слез. Я поднимаю руку к шее и лихорадочно проверяю, нет ли там крови. Сев на пустой кровати, несколько раз судорожно вдыхаю. Я дрожу в испарине и скидываю одеяло, потому что появляется ощущение, будто вокруг меня смыкаются стены.

Я принимаюсь ходить по комнате – быстро и шурша носками. Спина ноет, словно по ней долго били, словно сон вселил в нее фантомную боль. Почувствовав еще один приступ неприятных ощущений, я хватаю фонарь с тумбы и иду через умывальную в гардеробную. Вешаю фонарь на дверную ручку и, встав перед зеркалом, задираю рубашку.

Когда в поясице простреливает, я поворачиваюсь и осторожно приподнимаю наложенную Ходжатом повязку.

Я рвано дышу, и из горла в отверженном протесте вырываются хрипы. А когда, обернувшись, смотрю в зеркало на спину, с губ срывается вскрик. Там, в самом низу, еле держится пара лент, напоминающая сухую и жесткую кожу, которая начинает сильно отшелушиваться. Я едва провожу по лентам пальцам, и они тут же отваливаются.

Раз – и их не стало.

Подобно пожухлой листве, эти две сморщенные и лишившиеся блеска частички приземляются на ковер.

В глазах появляется жжение, а затем они наполняются слезами, когда я прижимаю пальцы к впадинам на спине. Теперь там красуются лишь пара тонких царапин, тянущихся вдоль позвоночника.

Словно моих лент и вовсе не бывало.

С губ срывается всхлип, но я заглушаю его, прижав руку ко рту. Прислонившись к стенке шкафа и уткнувшись лицом к висящему пальто, всхлипываю еще сильнее.

Мои ленты продолжали осыпаться одна за другой.

Думаю, отчасти я верила, что они исцелятся. Снова отрастут. Но надежды на это увяли у моих ног вместе с осколками.

Вот и все. Теперь все кончено.

Я больше не смогу их вернуть, и остается с этим только смириться.

Я дышу, уткнувшись носом в ладони, и пытаюсь выдохнуть эту скорбь, хотя она врезалась так глубоко, что избавиться от нее не получится. Потому, снова придя в себя, стираю с щек слезы, а потом методично сменяю повязку и рубашку.

Я подбираю высохшие, рассыпающиеся обрывки. Осторожно держу их на ладони. Горе, подогреваемое искрами, сливается с гневом.

Сдержанно вздохнув, я беру фонарь и выхожу из гардеробной. А затем, вернувшись в спальню, оставляю обрывки и фонарь на тумбе.

Теперь я точно не усну.

Проходя мимо потушенного камина, я выхожу из спальни и иду по темному коридору. С каждым шагом я ступаю быстрее, словно желая сорваться на бег. Я дохожу до гостиной: пламя здесь горит немного ярче. Глянув на часы, стоящие на каминной полке, понимаю, что уже вечер, однако в доме тихо.

Внимание привлекает мельтешение на кухне, и я останавливаю взгляд на одинокой фигуре, сидящей за столом с кубком и бутылкой. На мгновение замираю, а потом подхожу и сажусь напротив.

Дигби смотрит на меня стойким взглядом цвета древесной коры. Какое-то мгновение мы просто глядим друг на друга. Между нами нет решеток. Нет короля, который не имел права носить корону. Нет правил и предубеждений. Мы смотрим друг на друга как два человека, которые еще не оправились от потрясения.

Не знаю, что Дигби видит в моих глазах, но в его радужках я вижу бесчисленные часы пыток. Тюремное заключение. Наказание. Мучительное чувство вины, глубокие травмы и искреннее сожаление. Думаю, это сильнее всего причиняет мне боль. Ему столько всего пришлось пережить из-за меня, сколько увидеть тогда...

- Выходит, все это время силой обладали вы.

Я силюсь улыбнуться в ответ.

- Представляю, какое ты испытал потрясение, увидев меня в Рэнхолде. Наверное, узнав, что я столько лет позволяла ему использовать меня, я показалась тебе круглой душой. Ты наверняка считаешь меня невыразимо глупой и слабой.

Он яростно качает головой.

- Даже самых могущественных людей можно вынудить чувствовать себя слабыми. Но поистине настоящей силой вас наделяет стремление ее найти, даже если вы думаете, что ею не обладаете. Вы всегда были сильной, миледи. Просто вы должны были доказать себе это.

Я с трудом сглатываю, пытаюсь забыть тот ужасный сон. До сих пор чувствую, как, подобно цветочным лепесткам, опадают те золотые обрывки.

- Жаль, что я ждала так долго.

- А мне жаль, что позволил этому ублюдку причинить вам боль. Я должен был находиться рядом с вами. Должен был оградить от того, что произошло.

Я протягиваю через стол дрожащую руку и сжимаю его пальцы, держащие кубок.

- Диг, ты не виноват. - Мои слова звучат хриплым шепотом, но в них сквозит кристально чистая правда.

И тогда он просто... морщится.

Неотступная усталость и мучительные раны похожи на руку, что сжимает пергамент, на котором высечены все выражения его лица.

А потом мой стойкий, верный, невозмутимый стражник начинает плакать.

Здесь, за этим столом, боль выплескивается из него волнами. Другой рукой он прикрывает лицо, словно хочет заглушить эту печаль. Его пальцы покрыты синяками, а почерневший мизинец неестественно оттопырен. Похоже, ранее он проиграл битву с холодом так же, как сейчас проиграл бой со своим невозмутимым нравом.

Я поражена тем, что он так открыто проявляет чувства. Из-за этого к моим глазам тоже подступают слезы, поскольку крайне неожиданно видеть, как такой стойкий человек внезапно ломается. Теперь мои эмоции тоже ощущаются острее.

Когда Дигби опускает руку, я провожу взглядом по его опухшему лицу, пятнам на нем и потрескавшимся губам, а следом по измотанному телу.

- Мне очень жаль, - прерывисто произносит он, пытаюсь сохранять спокойствие. - Мне очень жаль.

- Посмотри на меня, Дигби, - говорю я, и он смотрит на меня слезящимися глазами. - Ты совершенно не виноват. Ни в чем.

- Я должен был вас защитить.

Я сжимаю его пальцы.

- Ты и защитил, - заверяю его я. - Ты всегда меня защищал.

Он опять судорожно вздыхает и вытирает глаза.

- Я горжусь вами. Всем, что вы сделали.

В этих словах он тоже искренен.

Я убираю руку.

- Ты долгое время служил в Хайбелле стражником.

Дигби пренебрежительно отмахивается.

- Я мог уйти в отставку уже давным-давно, - признается он, и я в удивлении приподнимаю брови. - Остался только ради вас.

Удивление проникает в мою грудь, плещется теплыми волнами у сердца.

- Правда?

Он кивает и проводит рукой по густой седой бороде.

- Кто-то должен был за вами приглядывать. Я никому бы не смог это доверить. - Он в отвращении кривит губы. - Нужно было просто выпустить вас из той чертовой клетки. Я часто думал об этом. Проклятие, я должен был это сделать!

- Если ты пошел бы на это, тебя бы подвергли пыткам и казнили. Насадил бы на острие твою голову, а я была бы вынуждена ее позолотить.

- Или я мог вас вытащить, - упрямо возражает он. - Мог вас освободить. А это важнее.

Тот факт, что он вообще об этом размышлял, о многом говорит.

Он поднимает кубок, делает большой глоток, а затем говорит:

- Знаете, Мидас хотел отправиться с вами в Пятое королевство.

Я хмурюсь.

- Правда?

Дигби кивает и опускает взгляд на кубок.

– Это я предположил, что будет разумнее отправить вас отдельной процессией, если с царской что-нибудь случится. Я убедил его, что нужно сначала разведать обстановку в Рэнхолде, а потом послать за вами. Нужно было удостовериться, что вам ничто не будет там угрожать. Я поклялся ему, что буду защищать вас на пути в Пятое королевство. Поклялся, что вы будете в безопасности вместе с остальными наложницами.

На его лице снова появляется беспокойство. Дигби задумчиво морщит лоб, а я откидываюсь на спинку стула и раздумываю над услышанным.

– Однако на самом деле я знал, что после случившегося с королем Фульком вам просто нужно побыть вдали от этого ублюдка. Он всегда держал вас при себе. – Дигби сжимает кулак, словно представляя, как в ней находится голова Мидаса. – А из-за меня вас чуть не похитили снежные пираты.

Голова кружится от таких новостей. Я даже не подозревала, как глубоко пустила корни вина Дигби.

– Если бы не ты, я бы, возможно, никогда и не выбралась из той клетки. То путешествие привело ко всему остальному, – говорю я. – И ты прав, мне действительно нужно было побыть вдали от него. Впервые за долгое время я вкусила свободы, а если бы нападения не случилось той ночью, то я бы не встретила Рипа. Я бы не стала во всем.. сомневаться. – Я качаю головой, чувствуя, как сжимается в груди сердце. – Дигби, перестань себя винить. Потому что весь случившийся со мной ужас привел меня сюда.

Дигби пристально смотрит на меня, и я позволяю ему услышать правду. Пусть поймет, что я говорю совершенно серьезно.

– А я рада тут быть, Диг, – вполголоса признаюсь я. – Несмотря на все, я рада быть здесь с тобой.

Я вижу, как он сглатывает, смотря остекленевшими глазами. Мы оба понимаем, чего достигли, оба были свидетелями того, что нас сюда привело. Потому я делаю глубокий вдох, а затем скидываю цепкую боль. Потому что мы уже не там. Мы здесь.

Я хочу воспользоваться этим по максимуму.

Я беру бутылку и подливаю ему в кубок еще вина.

– Итак, что скажешь: мы наконец сыграем в пьяную игру?

Он с недоумением смотрит на меня, издав хриплый смешок, и подвигает к себе кубок.

– Хорошо, леди Аурен. Можете продолжать.

Я улыбаюсь и поднимаю бутылку, произнося тост:

– Да не здравствует чертов царь!

На губах Дигби появляется редкая улыбка, которую, возможно, я никогда и не видела.

- Да не здравствует чертов царь! И за то, чтобы вы надрали задницу любому, кто осмелится снова причинить вам боль.

Думается, способа лучше начать нашу игру не бывает.

Я чокаюсь с ним бутылкой.

- Я бы не могла сказать лучше.

Глава 22

Царица Малина

Мужчина, что сидит напротив, лощеный и собранный, словно всю жизнь рос при королевском дворе. В действительности же он был безродным кочевником. Он странствовал по всей Орее, занимаясь случайной работой, помогал бедным, прогонял прочь воров и мародеров.

Мне неведомо, для чего он решил приехать на этот мерзлый край света. Но он прибыл в Хайбелл с визитом, и, впервые увидев его при дворе, я не смогла отвести глаз. С того момента он здесь, хотя я до сих пор не могу понять, зачем. Он как будто взял и попросту свалился с неба.

- Вы очень красивы.

Я улыбаюсь на комплимент.

- Знаю.

Мой ответ, без сомнений, застает его врасплох, потому что он чуть округляет карие глаза и издает тихий смешок.

Но это правда. Я знаю, что красива. Любой красивый человек, что утверждает обратное, лукавит. Иногда так напрашиваются на комплименты. Но чаще всего общество – в особенности мужчины – научило женщин приуменьшать нашу красоту, позволяя мужчинам определять, так ли это на самом деле. Или чтобы казаться скромнее. Но мне нет нужды быть скромной.

Я принцесса.

Конечно, у этого титула тоже есть минусы. Как, например, сейчас. Мы могли бы вести эту беседу наедине, но нас окружает публика. У окна сидят три моих фрейлины и вышивают. Однако они, скорее, подслушивают, чем занимаются вышивками. Меня так и манит подойти к камину, притулившемуся в углу чайной комнаты, и бросить в пламя их пальцы. Вот только мать всегда

учила меня не давать волю своему пылкому нраву. Опрометчивость, вспышки гнева, выплеск эмоций – все это обычно плохо заканчивается.

Месть – это блюдо, которое надлежит подавать хо- лодным.

– Вы рассказывали, что во время странствия по другим королевствам часто бывали в театрах, – переводя взгляд на него, отвечаю я. – Уверена, вы встречали немало красивых женщин.

Он склоняет голову, словно раздумывая, и проводит рукой по золотой нити на воротнике.

– Никто не сравнится с вами.

Это мне тоже известно. Нет ни одного семейного рода, наследники которого рождались бы с белыми, как снег, волосами – это отличительная черта Кольеров. Художники, изображавшие меня на портретах, пели мне сонеты, утверждая, что я похожа на белую розу, растущую в снегах Хайбелла. С самого раннего детства меня восхваляли за неповторимую красоту.

А еще я получала множество предложений руки и сердца, но на сей раз все иначе.

На сей раз мужчина, сидящий напротив, очаровал моего отца. А моего отца можно очаровать лишь богатством и властью.

Так уж вышло, что Тиндалл Мидас обладает обоими этими качествами.

Наклонившись вперед, я беру со стола чайник и, налив еще чая, делаю глоток. Напиток еще теплый, хотя мы сидим здесь и разговариваем уже целый час.

– Так вот чем вам нравится здесь заниматься? Посещать городской театр? – спрашивает Тиндалл.

Сделав еще глоток, я ставлю чашку на стеклянный столик. Вижу под ним, что мои ноги прикрыты юбками белого платья, а он одет в коричневые брюки, и пряжки на его сапогах выполнены из чистого золота.

– Возможно, театр нравится мне не так сильно, как следовало бы, – признаюсь я.

Он слегка наклоняет голову, отчего пламя в камине отбрасывает оранжевую тень на его золотистые волосы.

– И почему же? Я полагал, большинство молодых женщин любят смотреть пьесы.

– Но в том-то все и дело, не так ли? – отвечаю я, поглаживая рукой волосы, лежащие у меня на плече. – Они играют. Мне хватает притворщиков и при дворе.

– Тогда не стану просить вас посетить со мной театр. – Лицо Тиндалла озаряет широкая, радостная улыбка. Вынуждена признать, от его улыбки у

меня трепещет внутри. Меня не так-то легко очаровать. Еще одно последствие придворного подхалимства. И все же сейчас все совсем иначе. Мне не противно его внимание. Во-первых, Тиндалл из другого королевства, и потому он воспринимается как нечто новое. Во-вторых, когда Тиндалл на меня смотрит, кажется, что он действительно испытывает ко мне интерес.

В отличие от других возможных женихов он не часто встречается с моим отцом. Наоборот, все его внимание обращено ко мне.

– Напротив, – говорю я. – Думается, с вами театр не будет вызывать у меня такого раздражения.

Когда он снова улыбается, я понимаю, что мои губы тоже превращаются в улыбку. От этого у меня болят щеки. Я улыбаюсь не так часто. Не умею притворно изображать радость или жеманничать. Я улыбаюсь лишь тогда, когда человек и ситуация действительно того требуют.

Разве не от любви возникает такое ощущение?

Желание улыбнуться, томление внутри? Спросить мне не у кого. Моя мать умерла и давно лежит в могиле, а с отцом-то такого уж точно не обсудишь, ведь он разговаривает со мной только во время официальных трапез или царских приемов. А что до моих манерных фрейлин – я лучше вырву себе зубы, чем спрошу их о таком.

Полагаю, театр все-таки не так плох. Романтические пьесы, разыгрывавшиеся на той сцене, – единственные примеры, на которые я могу сослаться.

– Из вас бы вышел неплохой ведущий актер, – говорю я ему, окинув его фигуру взглядом.

– Судя по вашим объяснениям, при дворе у меня будет масса возможностей попробовать свои силы.

У меня вырывается смешок.

– С нетерпением жду возможности посмотреть ваше выступление. Вы и правда выступите?

– Да, – отвечает Тиндалл. – Если ничто не помешает, я выступлю перед королевским двором, продемонстрировав свою силу.

– Должна признать, я с радостью посмотрю ваше выступление. Судя по рассказам отца, ваша магия завораживает.

– Я позолочу что-нибудь исключительно ради вас, – подмигнув, говорит он.

Сердце на миг замирает.

– Мне бы очень этого хотелось.

Его улыбка становится мягче, а когда я снова тянусь за чашкой, Тиндалл хватается меня за руку. От столь смелого поступка с моих губ срывается

вдох, и я резко смотрю направо, чтобы узнать, заметили ли фрейлины, – но, к счастью, сейчас их и впрямь занимает только рукоделие.

– У вас немного холодная рука, – тихо говорит он, большим пальцем поглаживая руку.

– Они всегда такие. – Я смущена из-за дрожи в голосе. – В этом королевстве все холодное. Даже принцесса.

Он что-то хмыкает под нос, не сводя взгляда с моей бледной кожи, а я пользуюсь моментом и внимательно его разглядываю. Тиндалл красив, в том нет сомнений. У него гладко выбритое лицо, изогнутые брови и к тому же он кажется невероятно обаятельным. Неудивительно, что у меня снова перехватывает дыхание, когда он смотрит мне в глаза.

На мгновение я теряюсь в глубине его радужек, и мне интересно, теряется ли он в моих. Слышала, как некоторые мужчины говорили, что мои светло-голубые глаза их заставляют волноваться. И все же, когда он так на меня смотрит... не думаю, что он нервничает.

Нет, он смотрит на меня так, будто раздумывает, не совершить ли нечто слишком фривольное для чаепития.

– Принцесса, могу я задать вам вопрос? – вкрадчиво произносит он, отчего по спине пробегают мурашки.

– Да.

– Если бы я попросил вашей руки, вы бы согласились?

Я округляю глаза. Разумеется, я знаю, что Тиндалл обсуждал это с моим отцом. И все же обычно решение остается за мужчинами, тем более если речь идет о королевских особах. И тем более, если речь идет о принцессе, не наделенной магической силой.

– Вас интересует мое мнение? – Сама эта идея вызывает смех. Другие потенциальные женихи не спрашивали, хочу ли я выйти за них замуж. Меня обескураживает, что он вообще решил спросить.

– Да, – отвечает Тиндалл.

– Мнение моего отца – единственное, что имеет значение. – В моих словах звучит нотка горечи, ползущая по словам, как кусачие муравьи. – Вы обладаете невероятной силой и богатством, которые могли бы восстановить славу и незыблемость Шестого царства.

– Да, – растягивает он. – Но я не спрашиваю о вашем отце или царстве. Я спрашиваю вас.

Опешив, я смотрю на него, вытянувшись в струнку и прижавшись к спинке стула.

– Если не хотите, скажите мне сразу, – говорит он, глядя в глаза и с непривычной теплотой продолжая держать меня за руку. – Я бы не хотел

выдвигать предложение, которого бы вы не желали. Вас бы это осчастливило, принцесса?

Из его тона сочится искренность, как мед с ложки. Медленно и сладко, отчего хочется наклониться вперед и проглотить его.

Должно быть, так оно и есть. Должно быть, об этом и рассказывают все эти глупые романтические пьесы.

- Я была бы счастлива, - наконец тихо отвечаю я, несмотря на то, что я не совсем понимаю, каково это. Я не была счастлива с тех пор, как умерла моя мать. Но я хотела бы снова стать счастливой.

Я хотела бы иметь мужа, который бы мне действительно нравился. Которому нравилась бы я. Хотела бы стать хозяйкой своей жизни и не быть отвергнутой отцом, для которого я - наказание, потому что родилась девочкой без магии. Смею подозревать, если бы не белые волосы рода Кольер, отец, возможно, еще много лет назад отказался бы передавать мне престол.

Я даже не осознаю, что по моей щеке скатилась слеза, пока Тиндалл не смахивает ее рукой.

Ни разу мужчина не касался моей щеки. Отец никогда даже не целовал меня, когда я была маленькой. Наверное, поэтому прикосновение Тиндалла кажется таким чувственным. Возможно, я слишком изголодалась по прикосновениям и поражена им, потому и замираю под его рукой.

- Не нужно, - тихо говорит Тиндалл, и не знаю, хочу ли я плакать или улыбаться. Ему каким-то образом удалось заставить меня и плакать, и улыбаться за один час, тогда как я много лет без этого обходилась.

Я восхищаюсь ощущением его руки, обхватывающей мою щеку. Поражена тем, что впервые в жизни действительно этого хочу.

И все же момент прерывает резкое покашливание. Вдруг вспомнив, что мы не одни, я отстраняюсь от Тиндалла и перевожу взгляд на своих фрейлин. Теперь они смотрят на меня, неодобрительно приподняв брови. И все же их порицание кажется не совсем правдоподобным, судя по возбужденному блеску в глазах - теперь у них есть небольшой повод посплетничать и позже разнести весть по всему замку.

Как же я их презираю.

Прочистив горло, я собираюсь с духом и провожу руками по юбке. И все равно чувствую не ткань, а его прикосновение, чувствую, как его пальцы обхватывали мою ладонь. Тепло, передавшееся от его кожи к моей. След от слезы, которую он стер кончиком пальца.

- Принцесса... - начинает Тиндалл, но его тоже обрывают.

Дверь в чайную комнату внезапно распахивается, и входит главный стражник, поклонившись.

– Ваше Высочество, простите, но ваш отец попросил о встрече с этим господином.

Я стараюсь не выказывать разочарования, когда мы оба встаем.

– Конечно, – говорю я по пути к двери. – Я пойду с вами.

Но стражник качает головой.

– Король Кольер выказал пожелание встретиться только с господином.

Я вытягиваюсь в струнку и в гневе поджимаю губы. Тиндалл, проходя мимо, легко, но успокаивающе касается моей спины.

– Ничего, принцесса. Я поговорю с вашим отцом, а потом мы обсудим поездку в театр, хорошо?

Я киваю.

– Мне бы этого хотелось.

Он изящно кланяется, а затем поворачивается и выходит из комнаты. Стражник снова удаляется, а я возвращаюсь к столу и пью чай, который уже остыл, хотя на самом деле этого не замечаю.

Отец по-прежнему считает меня аксессуаром, и притом неполноценным. И все же каждая его попытка выдать меня замуж не имела успеха, потому как он не соглашался поступиться непомерной ценой за мою руку.

Он прекрасно осознает, что, выдавая меня замуж, отдает и свое царство. А его царство находится в отчаянном положении, настолько погрязнув в долгах, что потребуются немало монет, чтобы это исправить. К счастью для него, у Тиндалла они, по-видимому, из чистого золота.

Услышав перешептывание фрейлин, я резко перевожу на них взгляд, а волосы на затылке встают дыбом, как у кошки, которую погладили против шерсти.

«Убирайтесь. Прочь. Остановите свою бессмысленную, глупую болтовню», – вот что хочется мне сказать. Вот как бы я поступила, будучи царицей.

Если этот брачный контракт действительно будет заключен, у меня появится муж, который сможет меня полюбить. У меня действительно появится некоторая власть здесь, в моем же царстве, хотя я не обладаю магической силой.

Я могу быть хозяйкой своей жизни. Могу стать счастливой. Могу родить дитя и воспитать достойного наследника престола, обладающего магией, с помощью которого он сохранит трон.

Кажется, Тиндалл Мидас – ответ на мою неозвученную надежду. Потому я закрываю глаза, решив, что пришла пора их высказать.

Великие Боги, услышите мои молитвы..

* * *

Я резко просыпаюсь.

Вытаращив глаза, слышу, как в голове непрекращающимся эхом отзывается моя мольба. Даже щека будто пылает от давнего прикосновения Тиндалла – будто это происходило не много лет, а несколько минут назад.

Дура.

Я была наивной, невежественной дурой.

На языке появляется острая горечь, напоминающая осколки льда, и я пытаюсь их проглотить. Сон был точной копией, словно это воспоминание вырвали из моего сознания и проиграли заново перед уставшими глазами.

Не понимаю, для чего разум сейчас так меня мучает.

Наверное, потому что я застряла в деревянной повозке, накрывшись пальто, как одеялом, а единственное укрытие – горбатый холм. Почему, когда становишься уязвимым физически, разум тоже решает стать таковым?

Я сажусь, чувствуя, как от досады скованы движения. Укрытие за заснеженной вершиной холма ничтожно и смешно, но оно немного сдерживает ветер. Но не сдерживает воспоминаний, которые выскакивают в голове, как лопнувшие пружины в матрасе, выстреливающие в меня без предупреждения.

Пока я сплю, то вижу мгновения, проведенные с Тиндаллом. А когда просыпаюсь, вижу Джео и то, как он падает замертво на снег, залитый такой же красной кровью, как и блеск его волос. Вижу окруженного тенью человека, который, искажая свет и мрак, смотрит на меня из-под капюшона и надвигается, как выследившая свою жертву смерть.

Мое тело непроизвольно дрожит, но не от холода. Кажется, что холод ко мне даже не прикасается.

– Моя царица?

Пошевелившись, я прогоняю эти воспоминания и наклоняюсь над повозкой. Вижу распростертого на земле сэра Пруинна возле лошадей.

Несмотря на трудный путь, он не выглядит помятым. На его пошитой на заказ одежде ни единой складочки, сапоги сверкают, а подбородок гладко выбрит, хотя понятия не имею, когда он нашел на это время. От стылого ветра, дующего в лицо, его кожа даже не потрескалась.

– Сэр Пруинн, хочу сегодня же отправиться в путь.

Он садится, прислонившись к животному в поисках тепла, и запрокидывает голову, чтобы убедиться, что на улице еще темно.

- Еще не рассвело.

- Скоро рассветет, - отвечаю я, поворачиваюсь и натягиваю пальто. Из него вываливается бурдюк, который дал мне Пруинн, и со стуком ударяется о деревянные доски повозки. - Вода замерзла.

Я слышу, как он вздыхает, но затем встает, слегка потянувшись, и подходит, чтобы его забрать. Он касается моих пальцев и слегка приподнимает темные брови.

- Моя царица, может, передумаете и не станете спать в повозке? Возле лошадей тепло..

- И дурно пахнет, - перебиваю я.

- Да, но...

- Мне прекрасно спится в повозке, сэръ Пруинн, - чопорно говорю я. - А вот пустая трата времени меня совершенно не устраивает.

Не дождавшись ответа, я выхожу из повозки и плетусь по снегу, чтобы справить утреннюю нужду. Сидеть на корточках, как животное, справлять нужду на улице и умываться снегом - это какое-то варварство.

Закончив, я возвращаюсь к Пруинну, который уже накормил и запряг лошадей. К счастью, на дне телеги лежат тюки сена и пара мешков с провизией. Мы ограничиваем себя буквально во всем, но даже так наши запасы сократились уже вдвое.

Мы не обсуждали, как поступим, если у лошадей кончится сено и они больше не смогут нас везти. Или как поступим, когда иссякнут и наши запасы. Не знаю, хочу ли я знать об этом.

Я подхожу, когда он управляет с животными. Небо становится тусклым, словно его затянули серой вуалью - даже облака сегодня утром кажутся уставшими.

- Сколько еще ночей я проведу под ударами стихии Шестого царства?

Он роется в наплечной сумке и вытаскивает знакомый мешочек. Покопавшись в нем, Пруинн протягивает мне овсяный батончик и чашу с талым снегом. Батончик, вяленое мясо и сухофрукты - вот и все, чем мы питаемся.

- Если выдвинемся пораньше, к завтрашнему дню уже будет лучше.

Я опускаю руку, позабыв про жажду и овсяный батончик.

- Уже завтра? - спрашиваю я, и в моем голосе появляется надежда. В этом направлении нет городов или деревень, но возможно, странствующему торговцу вроде него известно о какой-нибудь одиноко стоящей усадьбе, где

мы могли бы переночевать в укрытии, где нас могли бы накормить не только дорожными припасами?

Но сэр Пруинн качает головой и, когда начинает идти снег, натягивает капюшон на коротко стриженные светлые волосы.

– Не со стихией. Мы покинем Шестое царство.

Я осекаюсь.

– Уже?

– Помните карту? – улыбаясь, говорит он, его серые глаза почти мерцают. Я напрягаюсь, потому что он говорит о карте, которая указала, как достичь величайшего желания моего сердца. – Она указала мне короткий путь.

– Конечно, именно так и было.

– Я думал, вас это осчастливит, моя царица.

Вас бы это осчастливило, принцесса?

Я скрежещу зубами, чтобы заглушить воспоминание о словах Тиндалла, а затем поворачиваюсь к повозке и устраиваюсь в ней на еще один долгий день бесконечного путешествия. Куда? Понятия не имею. Возможно, все это ложь, а сэр Лот Пруинн, пусть и выглядит как притягательный странствующий торговец, на деле является всего лишь пройдохой. Возможно, он приведет меня в уничтоженное Седьмое королевство и сбросит там с края света.

Дура.

Наивная невежественная дура.

Глава 23

Аурен

Прошла целая неделя. Семь дней тренировок. Я сплю до заката, но к тому моменту Слейд уже куда-то исчезает. Поэтому после пробуждения я одеваюсь и иду на сложные тренировки с Джаддом. А к вечеру омываюсь, стараясь не намочить бинты, и присоединяюсь ко всем за ужином.

Я не готовлю. Думаю, все согласны, что так будет лучше.

После трапезы обычно я играю с остальными в карты, пока Ходжат читает или смешивает очередную новую настойку, чтобы испробовать ее на Дигби или мне.

Буря так и не прекратилась. Я слышу, как задувает ветер у входа в пещеру, словно беснуясь, что мы укрылись в Гроде.

Что до меня, то после того, как остальные идут спать, я не ложусь еще очень долго и бодрствую до рассвета. Я не доверяю себе в светлое время суток. Но... до сих пор я ничего не позолотила. Ни разу. Даже когда сплю в своей постели. Одежда, которой со мной поделились, по-прежнему тех же черных и коричневых цветов, а одеяла и меха остались невосприимчивы к моей силе.

Не понимаю, что это значит, но молча терзаюсь беспокойством, всячески избегая разговоров на эту тему.

Проснувшись в той пещере и почувствовав, как во мне бурлит сила, я просто должна была остановиться. Должна была скрыть свою магию. Потому что моему золоту нельзя доверять. Особенно зная, каких масштабов, как оказалось, оно может достичь.

Теперь... теперь же кажется, что моя магия полностью ослабла. Словно все, что я натворила той ночью в Рэнхолде, непоправимо изменило мою силу золотого прикосновения. Но сейчас я просто хочу сосредоточиться на том, как бы окрепнуть физически. Потому сплю целыми днями вместо того, чтобы одержимо волноваться о том, почему моя сила как будто иссякла.

- Ты снова смотришь на ноги.

Услышав голос Джадда, я резко поднимаю голову.

- Извини.

- Нельзя все время смотреть в землю, - говорит он. - Или на балку. Теперь сделай три шага вперед. Не глядя.

Я прикусываю губу, преодолевая инстинкт посмотреть вниз. Деревянная балка под ногами не менее десяти футов в длину. Когда вчера я пришла в Пасть, балка уже ждала меня посреди комнаты. Даже представить не могу, какая она, наверное, тяжелая. Когда я задала Джадду этот вопрос, он ответил, что Слейд и Райатт принесли это специально для меня. Я немного расстроилась, потому что мне не удалось лицезреть то, как они ее тащат.

Последние два дня я упражнялась только с этой балкой. С ее помощью я заново учусь держать равновесие. Не сосчитать, сколько раз я падала. У меня болят ноги, тянет стопы, и даже пальцы на ногах ноют. Но я не сдаюсь.

- Один, - считает Джадд, когда я ставлю одну ногу перед другой. - Два, три... Хорошо.

Он идет передо мной по балке, а синий свет в Пасте отбрасывает за ним длинную тень.

- Теперь я хочу, чтобы ты развернулась и сделала три шага в обратную сторону.

Я издаю стон.

- А это обязательно?

Джадд смеется.

- Давай, Золотце.

Он все время заставляет меня это делать, но я всегда теряю чертово равновесие. Тело еще хочет полагаться на ленты, которых больше нет. И все же я заставляю себя развернуться... только для того, чтобы покачнуться с перекладины и приземлиться задницей на колючее сено. А оно, между прочим, очень колючее - ощущения не из приятных.

С досады я рычу, ударив по балке, а когда в руку вонзаются щепки, раздражаюсь еще сильнее. Я срываю перчатку и бросаю ее на пол.

- Еще раз.

Я свирепо смотрю на Джадда.

- Ненавижу тебя.

- Перед тем, как побежать, нужно научиться ходить, Золотце. А в твоем случае нужно научиться держать равновесие, чтобы перестать шлепаться на задницу.

- Спасибо за столь мудрые слова.

Он делает вид, что стряхивает пыль со своего плеча.

- Всегда пожалуйста.

Я снова встаю на балку, пытаюсь не обращать внимания на болезненные ощущения в стопах и лодыжках, и машинально поднимаю руки, пытаюсь сохранить равновесие. Когда я пытаюсь устоять, мышцы ног напрягаются.

- Пройди до конца.

Я киваю и медленно шагаю по балке, но в какой-то момент снова опускаю взгляд, чтобы не сорваться.

- Я все видел. Не подглядывай.

Клянусь, этот человек обладает невероятной способностью понимать, куда я смотрю. Снова подняв взгляд, я устремляю взгляд в конец пещеры.

- Не заикливайся на этом. Вот... теперь остановись и повернись.

Не раздумывая, я следую его указаниям, поэтому разворачиваюсь на пальцах ног. И, что удивительно, не падаю, а продолжаю стоять. После этого выставляю вторую ногу перед собой и, не успев осознать, успешно поворачиваюсь в другую сторону.

Я округляю глаза и расплываюсь в улыбке.

– У меня получилось!

– Очень хорошо, – хлопнув в ладоши, говорит Джадд. – А теперь повторим еще десять раз.

Улыбка тут же слетает с моего лица.

– Мы разве не должны закончить на этой высокой ноте?

– Хорошая попытка, – говорит он и идет параллельно со мной. – Теперь, когда мы знаем, что тебе это под силу, ты должна отработать этот навык.

Джадд не шутил, сказав про десять раз. Вот только на самом деле мне пришлось повторить все это раз сорок, потому как при малейшем спотыкании он не засчитывал попытку.

Подонки.

В итоге я падаю на землю, подтягиваю колени к груди и, опустив голову, тяжело дышу. Я вся в поту и занозах, а ноги у меня просто гудят от неприятных ощущений.

– Лодыжки болят так, что кости, кажется, кожу прорвут.

– Ты отлично справилась, – говорит Джадд, подойдя ко мне и протянув флягу.

Я глотаю воду, не стесняясь того, что она капает с губ и стекает по подбородку. Вернув воду Джадду, я говорю:

– Джадд, спасибо, что подстегнул меня.

– Всегда рад. А теперь приложи немного снега к ступням и голням. Потому что завтра будем еще больше упражняться с балкой.

Я стону и тру икру, которую сводит судорога.

– Ненавижу прикладывать холод.

– Но он помогает.

– Да, – уступаю я. Ходжат не только помогает прикладывать лед к воспаленным мышцам, но и кладет мне на спину снежные компрессы. Мне это жутко не нравится, но лед действительно помогает.

– Готова?

Я киваю и даже не вздрагиваю, когда беру Джадда за руку, чтобы он помог мне подняться. Уже начинаю привыкать к прикосновениям. Странно, сколько произошло изменений за столь короткое время.

Мы выходим из потрескавшегося входа в Пасть и оказываемся в главной пещере Грота. Я тут же вижу, как к нам шагает фигура. И хотя глаза еще не привыкли к темноте, тело точно понимает, кто это.

Когда Слейд оказывается так близко, что я вижу его покрытое тенью лицо, под его пристальным взглядом сердце пускается вскачь.

– Ты хромаешь, – остановившись перед нами, говорит он вместо приветствия.

– Все хорошо, просто ноги болят.

– Я сказал приложить лед, – говорит ему Джадд. – Но она сегодня хорошо потрудилась. Стала лучше держать равновесие. Как только спина немного заживет, Аурен может продолжить тренировки.

Слейд кивает, и я вижу на его лице одобрение.

– Если ты не против, я бы хотел кое-куда тебя отвести.

Я в удивлении приподнимаю брови и чувствую, как пульс учащается. Казалось, будто Слейд меня избегал. Мы ужинаем вместе со всеми, но он всегда уходит по делам, пока я засыпаю в одиночестве, а когда просыпаюсь, его уже нет. Единственный намек на то, что он действительно оставался со мной – горящий в камине огонь да вмятина на его подушке. Но винить его не в чем. Это я сплю целыми днями.

– Это поможет расслабиться, – видимо, заметив мои сомнения, обещает Слейд.

– Ладно, – говорю я, кивнув. Я чувствую себя виноватой за то, что ему пришлось меня убеждать. Но Слейду сейчас куда хуже, ведь он до сих пор винит себя за то, что отравил мое тело гнилью. – С радостью.

В его глазах мелькает облегчение, и Джадд хлопает нас обоих по плечам.

– Вы развлекайтесь, а я пойду и попробую уговорить Лу сыграть со мной в карты. А то вчера вечером она у меня все деньги забрала. – Он поворачивается и уходит.

Я смотрю на Слейда, осознав, что мы наконец остались одни с тех пор, как я проснулась в пещере и фактически набросилась на него.

Прочистив горло, я спрашиваю:

– Куда мы идем?

– Увидишь.

Он поворачивается и опускается передо мной на колени.

- Запрыгивай.

Я с удивлением смотрю на него.

- Что?

- Я видел, как ты морщишься при ходьбе. Я хочу тебя отнести, но не хочу навредить твоей спине. Потому запрыгивай.

Я мнусь, но даже так стопы простреливает боль.

- Уверен?

Он бросает на меня взгляд.

- Уверен ли в том, что хочу чувствовать твое тело, пока несу тебя и облегчаю этим твою боль? Да.

В его взгляде я чувствую нервное возбуждение.

- Хорошо, - тихо говорю я.

Осторожно обхватываю его шею руками, а ногами - бедра, и он тут же встает. В голове всплывают воспоминания, как я обвивала его ногами, прижималась к нему. Как отчаянно пыталась все забыть, как желала, чтобы меня наказали, пока вокруг рушился привычный мир.

Выпрямившись, Слейд устраивает меня у себя на спине и сжимает своими сильными руками мои бедра. Толстые чулки не создают между нами никакого барьера, потому что я чувствую, как от его прикосновений становится жарко ногам и их начинает покалывать.

- Тебе точно удобно? - спрашиваю я, потому как мою фигуру нельзя было назвать худенькой и хрупкой.

Он впивается пальцами в мои бедра, и я чувствую грудь его мрачный смешок.

- Более чем в порядке, и, по-моему, я доказал это несколько дней назад.

Я и без помощи зеркала знаю, что на щеках у меня вспыхивает золотистый румянец.

Слейд идет в противоположную сторону от дома, куда ушел Джадд. Он шагает уверенно, прикосновения у него сильные, но я не могу унять беспокойство, стремительно несущееся по венам.

- Расслабься, Аурен.

Мое тело будто ждало этого приказа, потому что, как только Слейд его произносит, мне удается ослабить тиски нервозности. Я медленно даю телу расслабиться, прижимаясь грудью к мускулистой спине и положив щеку ему на плечо. Молча наслаждаюсь этим ощущением, которое до сих пор кажется слишком непривычным.

Я никогда не чувствовала себя такой защищенной, как сейчас, когда он держит меня и мое тело прижимается к нему. Это не то чувство надежности, утешения, которое сопровождается какими-то условиями. Слейд обнимает меня так, словно ничего не хочет взамен, и это чувство настолько мне чуждо, что я до сих пор испытываю благоговейный трепет из-за того, что это происходит со мной.

- Ты там ужасно громко думаешь, - говорит Слейд.

Я смотрю на тоненькие голубые линии на своде пещеры.

- Постараюсь думать потише.

- Напротив, я хочу, чтобы ты озвучила свои мысли.

- Я думала... что все это пока очень непривычно. Что мы многого друг о друге не знаем.

Он отвечает не сразу, и его мысли так и витают в воздухе.

- Ты права, - наконец отвечает Слейд. - Думаю, мы оба умеем неплохо хранить секреты.

Я посмеиваюсь.

- Это еще мягко сказано.

- Но, думаю, этого я хочу больше всего, - признается он низким, чувственным голосом. - Снять с тебя слой за слоем. Изучить вдоль и поперек. - Слейд сжимает руками мои бедра, и, хотя в его словах нет интимного подтекста, мое тело откликается именно так, а разум представляет, как он снимает с меня одежду и обнажает совсем иным способом. - Я с предвкушением жду, когда ты раскроешь все свои грани.

Я глотаю, безуспешно пытаюсь удержать тепло, собирающееся внизу живота.

- Я тоже этого жду.

Он поворачивает голову и смотрит на меня через плечо.

- Хорошо.

От мысли, как я обнажаюсь перед ним, сердце начинает биться чаще. Она бодрит, делает меня уязвимой, пугает и волнует.

Не знаю, он ли меня избегал или я его, с тех пор как проснулась (а может, мы оба), но все кажется намного сложнее в сравнении с этим тихим мгновением в темноте.

- Куда мы направляемся? - снова спрашиваю я.

- Какая нетерпеливая.

Я закатываю глаза.

- Будто ты позволишь мне отвести тебя куда-нибудь, не сказав, куда.

- О, Золотая пташка, я бы последовал за тобой на край света и даже за этот край, если бы ты только поманила пальчиком.

Желудок делает кульбит.

- О.

- И в самом деле.

Он продолжает спускаться по пещере и резко сворачивает налево.

- Почти пришли.

Затем я вижу что-то, похожее на тупик, но на самом деле это уголок, огороженный короткой каменной стеной. Как только Слейд обходит его, я чувствую... запах.

Наморщив нос, говорю:

- Ты только что...

- Что я только что?

Великие боги. Как сильно пахнет. С трудом борюсь с желанием заткнуть нос.

Я прочищаю горло.

- Просто не могу не отметить, как сильно пахнет. Очень неожиданно.

Слейд в изумлении смеется.

- Уверяю тебя, этот запах исходит не от меня. Но меня несколько беспокоят твои мысли о том, что я мог исторгнуть что-то настолько... едкое.

- Поверь мне, я тоже разволновалась. - Воздух весь пропитан этим запахом, а потом я понимаю, что здесь слишком влажно, а еще слышно бульканье, которое становится все громче и громче.

- Вот и источник запаха, - говорит Слейд, снова завернув за угол, где небольшая пещера переходит в комнату, наполненную паром. Влага тут липнет к моей коже и одежде, а взгляд смещается к бассейну с водой. - Я построил Грот в этой пещере, потому что она довольно большая и вмещает в себя дом, тренировочную площадку, а личный горячий источник является дополнительным преимуществом.

- Он только один?

- Здесь да. Но есть и другие. У жителей деревни, которые живут здесь, за павильоном, внутри горы есть пара источников. Один побольше, а еще пара поменьше, и они отдельные, чтобы можно было уединиться.

- Потрясающе, - говорю я, потому что бассейн с водой, наверное, такой же длины, что кровать Слейда, в этом уголке довольно уютно и комфортно. Я так привыкла к холодному воздуху, что почти так от этого теплого пара.

Как только Слейд опускает меня на землю, я оглядываюсь, любуюсь мягким светом.

- Здесь так красиво. - По немного выпуклым стенам и потолку ползут светящиеся прожилки, отражаясь в воде, и туман тоже светится синим.

Я подхожу ближе, камень под ногами скользкий от скопившейся влаги. Горячий источник находится в самом центре, а вокруг него возвышается камень, образующий полку. Вода находится в постоянном движении из-за пузырьков в центре. Встав на колени, я погружаю в воду палец и почти начинаю урчать от жара.

Услышав сзади шум, я оборачиваюсь и вижу, как Слейд снимает пальто и кладет его на выступающий из земли камень.

Увидев, как он срывает с себя рубашку, тарашусь на Слейда. Смотри на его тело, я всегда чувствую прилив тепла. Эти идеально очерченные мускулы, корни, переплетающиеся под бледной кожей и изгибающиеся вокруг грудных мышц, ползущие вверх по ключице и спускающиеся по плечам. Он невероятно прекрасный феяри.

- Я решил, ты заслужила награду за усердную тренировку, - говорит Слейд, и я с трудом поднимаю взгляд на его лицо, увидев, как он ухмыляется.

Я моргаю, переводя взор на горячий источник, волнение бурлит так же сильно, как и теплая вода.

- Мы залезем в него?

В темной комнате мелькает его улыбка.

- Я же не дразнить тебя сюда привел. Знаю, что у тебя уже сняли повязку, но Ходжат сказал, что ты еще не готова к купанию. Однако я подумал, что мы могли бы помочить ноги.

- Великие боги, да! - Я могла бы разрыдаться от радости. Это то, что моим ногам как раз нужно сейчас. - Но... зачем ты снял рубашку, если мы окунем только ноги?

- Не волнуйся, ты не будешь погружаться в воду - во всяком случае, пока у тебя не заживет спина. Но даже так нужно раздеться, иначе возле горячего источника одежда намочнет - пар очень густой.

Я перевожу взгляд на бурлящую воду: Слейд прав, я и сама вижу, какой поднимается густой пар, но это не уменьшает моей тревоги.

- Обещаю, пар будет приятным.

Сердце гулко бьется о ребра.

- Мне больно, - выпаливаю я.

Слейд вновь улыбается.

- Я буду вести себя идеально, - уверяет он меня. - Просто хочу поужаивать за тобой, помочь расслабиться. И только. Голой я тебя уже видел. И нет ни одного дюйма на твоём теле, к которому бы я не прикасался.

Между ног бурлит тепло, которое никак не связано с горячими источниками. Но его заглушают другие переживания.

Вокруг моей спины уже не повязаны бинты. Если я сниму рубашку, он все увидит. Увидит уродливые, оставшиеся синяки. Сморщенные, истертые обрубки. Увидит, в каком ужасном состоянии моя спина.

И я до сих пор не могу это пережить.

Не замечаю, как Слейд передвигается за моей спиной, но вздрагиваю от его мягкого голоса:

- Позволь мне.

Его пальцы скользят по моей шее там, где находится первая пуговица, и я чувствую жар его дыхания, опаляющего мою кожу сильнее пара.

Я замираю, сжав воротник спереди, а эмоции перемешиваются и путаются, как кусочки головоломки.

- Нет, - говорю я ему и делаю шаг в сторону. - Я ее оставлю.

Он обходит меня, но я не встречаюсь с ним взглядом. Между нами повисает сбивающая с толку тишина. Но даже в ней я знаю, что он слышит все то, чего я не произношу вслух.

Не смотри. Я не хочу, чтобы ты видел.

- Хорошо, - наконец тихо говорит Слейд.

Я слышу, как он идет к горячему источнику, а потом по шороху одежды понимаю, что он снял брюки. Чувствую, как мои и без того разгоряченные щеки заливают румянец.

Рип стоит ко мне спиной совершенно голый - раньше мне не доводилось рассматривать его с такого ракурса.

Он заходит в источник, и пар почти полностью окутывает его. В эту секунду я продолжаю смотреть на него, пока нижняя половина тела не исчезает под водой.

Он обходит источник по краю, избегая бурлящего центра, а потом на мгновение исчезает, нырнув с головой. Поднявшись, Слейд откидывает с лица мокрые волосы, и это движение такое сексуальное, что, несмотря на

влажность воздуха, у меня пересыхает во рту. Слейд – это сплошные твердые мускулы, бесконечная сила и мужественная красота.

Сейчас я чувствую себя уродливой. Вспотела от тренировки, волосы спутаны, кожа, наверное, вся в пятнах от жара, а спина...

Слейд сильнее остальных обожал мои ленты. А теперь их больше нет, и я чувствую себя... неполноценной. Ущербной. И не знаю, смогу ли когда-нибудь этого не чувствовать.

– Залезешь? – спрашивает он.

Кивнув, я скидываю сапоги, а затем снимаю чулки и носки, оставив их на выступающем камне. Рубашка закрывает мои бедра, и я подхожу ближе, окутанная паром, а затем смотрю на воду и розовеющую кожу Рипа.

– И как ты еще не сварился заживо?

– Пузырьки образуются из-за того, что горячая вода циркулирует, постоянно поднимая уровень, но течение довольно медленное. Здесь не очень жарко, честное слово.

Должно быть, в источнике есть небольшой выступ, потому что Слейд садится лицом ко мне. Он разводит руки и опирается ладонями о пол пещеры. Так его мускулы видны еще отчетливее, а магические линии, проступающие на плечах, едва заметны.

– Иди сюда, – зовет Слейд, похлопав по камню. – Садись и опусти ноги в воду.

Кивнув, я ступаю босыми ногами по скользким нагретым камням. А после останавливаюсь рядом со Слейдом и осторожно сажусь на край. Пар окутывает нас так сильно, что кажется, будто остальной пещеры не существует. Мы греемся в тумане голубого света.

Я опускаю в теплую воду сперва одну ногу, а затем вторую – эти действия сопровождаются стоном. Подаюсь вперед и теперь горячая жидкость доходит до самых икр.

– Великие боги, – выдыхаю я, наслаждаясь ощущениями. – Как приятно.

– Так и знал, что тебе понравится.

Я опираюсь на руки.

– Это восполняет тот смрад.

Слейд посмеивается, и от этого звука мои пальчики поджимаются в воде. Я постепенно расслабляюсь, тихонько теребя край рубашки, который закрывает верхнюю часть бедер. Ткань уже намочила и липнет к груди, как и густой пар – к коже.

– Ты уверен, что пар не сделает хуже? – боязливо спрашиваю я, когда спина начинает немного чесаться.

- Ходжат сказал, что недолго можно тут посидеть, - кивает Слейд.

Вздыхнув, я наслаждаюсь ощущением бурлящей воды под ноющими ногами и обвожу взглядом тело Слейда.

- Твои линии... обычно они простираются по всему телу.

Он смотрит на свою грудь, словно желая увидеть то, что вижу я.

- После того, как я изгоняю магию, они не так сильно выражены.

Сейчас эти магические линии напоминают черные травинки, легонько колышущиеся на ветру.

- Тебе часто приходится это делать?

- Я научился сдерживать силу на долгий период.

Я хмурюсь.

- Наверное, это очень больно.

- Да, - признает Слейд. - Но я давным-давно научился себя контролировать, и отчасти это связано с тем, что я знаю, когда нужно сдерживаться... а когда давать себе волю.

Он сверлит меня взглядом, и я понимаю: Слейд пытается завязать со мной разговор на эту тему, обсудить меня. Но я этого не хочу.

Еще нет.

- Слейд.

- Нам нужно это обсудить, - непоколебимо говорит он.

Воспоминания о той ночи в Рэнхолде начинают кружить вокруг меня, как надоедливый пар. Невозможно описать, какую силу я тогда чувствовала. Казалось, во мне зародилось нечто темное, и оно множилось, росло. Ощущение, что внезапно магия может стать такой неудержимой и чуждой, могло пугать само по себе, но это была не просто магия. Это была я. Я потеряла контроль.

В точности как тогда, в Карните.

Я поклялась, что буду сдерживать свою силу, но опять дала осечку. Казалось, будто мне снова пятнадцать, а из моих дрожащих пальцев простекает неизведанная магическая сила, и я знать не знаю, как с ней управиться.

- Так вот для чего все это? - спрашиваю я, чуть повысив голос и впившись в Слейда взглядом. - Ты привел меня сюда только для того, чтобы принудить к разговору?

В плечах Слейда появляется напряжение, и он медленно опускает руки в воду.

– Я бы никогда не стал тебя к чему-то принуждать, – говорит он мрачным голосом, который будто доносится из глубин леса. – И уж ты-то должна это понимать.

– Но это не совсем так, правда? – говорю я. Слова слетают с моих губ прежде, чем я успеваю себя остановить. – Не помню, чтобы я просила тебя травить меня гнилью.

Между нами витает что-то напряженное и безжалостное. В моих висках раздается стук, и я сдерживаюсь, чтобы не прижать руку к груди в попытке от всего огородиться. Я словно боюсь, что гниль пробудится во мне только потому, что я заговорила о ней.

Слейд слегка наклоняется вперед, пока пар клубится между нами извилистыми тенями.

Я жалею о своих словах. Жалею, что не могу запихнуть их себе в глотку и проглотить. Потому что я не виню Слейда, не держу на него зла. Напротив, я ему благодарна, и не понимаю, зачем я вообще это сказала. Разве что я выплеснула на него гнев, чтобы мне не пришлось разбираться со всем одной.

– Ты права, – говорит он, и, несмотря на жару, по моей спине пробегает холодок. – Но запомни кое-что раз и навсегда, Золотая пташка. Когда вновь предстанет выбор между твоей жизнью и смертью, я всегда приду на помощь. Я сделаю все ради твоей безопасности.

Я резко вдыхаю, и мой вдох цепляется за ребра, вихрем налетев на них.

– Меня убивает, что пришлось использовать против тебя свою силу, но не путай мою вину с сожалением, потому что тут ты глубоко заблуждаешься. Я бы не моргнув глазом снова это сделал.

Слейд смотрит на меня пронзительным взглядом, а его слова ошеломляют. Я опускаю взгляд, чувствуя, что вина во мне бурлит столь же сильно, как кипяток.

– Мне очень жаль. Не знаю, почему я так сказала, – признаюсь я. – Я вовсе не сержусь на тебя. На твоём месте я бы поступила точно так же. Я благодарна за то, что ты сумел меня остановить. Если бы ты не вмешался, я бы здесь сейчас не находилась. Я навеки у тебя в долгу.

Слейд ничего не сказал. И я даже начала беспокоиться, что расстроила его, пока он внезапно не приподнял мою ногу и не начал массировать ее своими сильными пальцами. От такой неожиданности я вздрогнула, ибо не успела понять, как и когда он ко мне приблизился.

Мы встречаемся взглядами, пока он двигает руками по моей ноге и нажимает на все болезненные точки.

– Ты никому ничем не обязана, Золотая пташка, и меньше всего мне, – шепчет Слейд, продолжая снимать напряжение и боль, будто в его

прикосновениях заключена настоящая магия. – Ты бесценна. Ты стоишь дороже всего золота в мире. И мир обязан тебе гораздо большим, чем то, что тебе было дано.

Кажется, на щеку мне падает слеза, но я делаю вид, будто это капля от пара.

Потом мы со Слейдом молчим. Он массирует мне ноги до тех пор, пока я с трудом сдерживаю стоны и пока в стопах не проходит болезненное, тянущее ощущение. Потом Слейд кладет умелые руки на мои икры, разминая уверенными движениями суставы и растирая чувствительные мускулы. Потому что так он всегда и поступает. Слейд находит мои болевые точки и помогает мне унять эту боль.

Даже когда я не хочу.

Глава 24

Слейд

Буря наконец-то отступила.

Небо покрыто черно-синими облаками, цепляющимися за горизонт, а ночь постепенно уступает место рассвету.

Ветер тоже перестал задувать, и от снежной бури, длящейся последние несколько дней, осталось лишь то, что она сбросила на землю. Дроллард до самых границ усыпан шестью футами снега, но трудолюбивые селяне расчистили дорожки и участки перед домами, а благодаря пологим горным склонам снег в павильоне не скопился. Теперь Дроллард кажется еще более защищенным от внешнего мира.

Я иду по деревне, засунув руки в карманы, и не поскользываюсь на обледенелых дорожках лишь потому, что по ним рассыпали крупинки соли и песка.

Я прохожу мимо домов с покатыми крышами; еще не рассвело, и вокруг стоит тишина. Из труб вырывается дым и, поднимаясь к горному выступу, рассеивается в небе.

В павильоне пусто, если не считать телег, которыми селяне собирают продовольствие, когда им его доставляют. Несколько изогнутых деревьев хватаются за землю, а на их узловатых, гнутых ветвях, усыпанных иголками, лежит снег.

Павильон скрыт под выступом горы, и здесь, за грудками дров, за каменным углублением для костра, находится дверь в Погреб. Сперва я осматриваюсь, но помимо большой комнаты, набитой припасами, и замученного холодом стражника, здесь больше никого. Он кивает, когда я прохожу мимо, а потом исчезаю в расщелине горы, где стены гладкие и проход между ними такой узкий, что может пройти только один человек.

Растрескавшаяся дорожка длинная и неровная, и какое-то время я иду совсем вслепую, поскольку в этой расщелине темно. Когда я прохожу до конца и протискиваюсь, гора становится чуть просторнее. По бледным стенам пещеры проходит несколько голубых линий, отбрасывающих тонкий свет.

И хотя я укрыт от стихии, внутри намного холоднее. Холод тут застойный и держится вечно. И все же, приближаясь к железной двери, установленной в горе, я чувствую, как мне становится жарко. Когда я подхожу к зарешеченному окну и заглядываю в него, из моего рта вылетает пар – единственный признак того, что здесь минусовая температура.

– Давно ты вернулся? – Я задаю вопрос, даже не повернувшись – это ни к чему. Я почувствовал его, как только вошел.

Райатт сидит, вытянув ноги. Его затененная фигура загоразивает свет фонаря, висящего рядом, оранжевое пламя которого подпитывает масло, добываемое из принадлежащих нам шахт.

– Пару часов, – небрежно отвечает он, и я наконец поворачиваюсь к нему.

– Здесь только один. – В моем тоне слышится вопрос.

Райатт чешет затылок, отчего черные волосы местами становятся взъерошенными. Обычно он отпускает локоны длиннее, чем я, и всегда ворчит, когда ему приходится стричься.

– Ты сказал, что для допроса тебе нужен один.

– Я сказал, что для допроса мне нужен хотя бы один, – поправляю я.

На его лице ни тени раскаяния.

– Если бы ты хотел, чтобы они все остались в живых, то стоило прислать Джадда. Я же сказал, что не позволю сюда вернуться крысам Мидаса. Напомню, этого желал и ты, и я, – говорит он и кивает на камеру. – От остальных я тоже получил, что хотел. Тем более учитывая, как их чертовски трудно оказалось найти.

– Сколько их было?

– Четверо. Повезло, что их засек мой тимбервинг. Так-то я и обнаружил их укрытие на холме недалеко отсюда. Услышав, что ты вернулся, они бросились врассыпную, как истинные крысы, но буря застала их врасплох, и им пришлось приземлиться.

Ладно, буря хотя бы на что-то содидлась. Мы с Райаттом искали их несколько дней, и я уже начал волноваться, что поиски не увенчаются успехом.

- Я так понимаю, ты получил удовольствие, убив остальных трех?

Райатт коварно ухмыляется.

- Мертвецы прекрасно украшают замерзшую пустошь.

Кивнув, я снова смотрю через зарешеченную дверь и вижу жалкое подобие человека, распростершегося на полу и дрожащего в отделанном золотом пальто. Интересно, сколько дней Аурен потратила на то, чтобы позолотить эту падаль? Сколько энергии, времени и сил потратила на поддержание репутации и самолюбия Мидаса? От одной только мысли об этом по спине пробегает жаркая волна гнева.

- Ты рано встал, - говорит Райатт, повернув ко мне лицо, наполовину скрытое тенью, а наполовину освещенное синим цветом.

Я молчу и сажусь напротив него на бочку. Если откровенно, я почти не сплю, как и Аурен. Проворочавшись всю ночь, перед рассветом мне удастся задремать на пару часов, но ровно до тех пор, пока она не возвращается в спальню.

Брат низким голосом спрашивает:

- Она по-прежнему не встает днем?

Я бросаю на него взгляд.

- Она привыкает.

- Правда?

- Что, черт возьми, это значит?

Райатт пожимает плечом.

- Я вижу, каким становится ее лицо всякий раз, когда кто-то упоминает о золоте. Она в ужасе.

- Ничего подобного, - отрываюсь я, стиснув зубы от злости.

- Как скажешь.

- А чего ты так беспокоишься?

- А почему не беспокоишься сам? - парирует Райатт. - Той ночью мы все ее видели. Может, внешне Аурен и кажется горой, но в действительности она вулкан, который скоро извергнется. А когда она так делает, это не какой-то пустяк.

- Она справится.

Однако Райатт не сдаётся. Но иного я от него и не ждал. Половина его личности всегда мне противоречит.

– Она боится своей силы, и небеспричинно. Но когда вопрос стоит о магии, страх представляет опасность. Кому, как не тебе, это знать.

Мы смотрим друг на друга, стоя по разные стороны узкой дорожки. У него за спиной сияют синие полосы пещеры, а мерцающие лампы словно противодействуют этому свету.

– Это займет время.

– И сколько времени ты можешь себе позволить?

Я провожу рукой по волосам, дергая за кончики.

– Столько, сколько ей, черт возьми, понадобится.

Он недовольно и несогласно качает головой.

– Может, ты и король, но даже тебе не под силу это выдержать. К тому же тебе претит тут находиться.

– Вовсе нет.

Райатт закатывает глаза.

– Конечно, нет. Вот почему ты приходишь сюда, только когда это позарез нужно.

Кажется, что зубы вот-вот треснут от того, насколько сильно я их стискиваю.

– Мне нужно править королевством.

Он усмехается.

– Ага, именно. Но до этого тебе нужно было защищать эту деревню.

Я резко подаюсь вперед, упираясь локтями в колени.

– Я и защищаю деревню. Ты и половины не знаешь, на что мне приходится идти, чтобы ее защитить, и чем я пожертвовал.

Райатт смеряет меня взглядом, который, наверное, в точности отражает мой взгляд.

– Ты и правда хочешь обсудить жертвенность, брат? Потому что я отказался от своей личности, чтобы тебе служить.

Иногда пропасть между нами кажется непреодолимой. Например, сейчас, когда мы ссоримся.

- Ты вообще там бывал? - спрашивает он.

Я резко выпрямляюсь.

- Не задавай вопросов, ответы на которые тебе и так известны. У тебя не настолько утешающий голос.

Он не обращает внимания на мою остроту.

- Стоило бы знать.

- Райатт, я был немного занят.

- Именно. - Его голос сочится презрением, и он встает. - Что ж, попробуйте вписать это в свой график, Ваше Величество. - Брат насмешливо отвешивает поклон и уходит.

Я смотрю ему вслед с омерзительным ощущением в груди. Спина Райатта напряжена, а в походке заметна злость.

Трудно представить его таким, когда перед глазами мелькает иное воспоминание - когда он был щуплым мальчишкой ниже меня более чем на фут, с растрепанными черными волосами и губами, испачканными джемом.

Тогда он никуда не уходил. Всегда следовал за мной или пытался схватить за руку, опутывая озорной улыбкой. Мы играли и искали приключений, а не избегали друг друга, как сейчас. И он никогда не смотрел так сердито в мою сторону.

Мой гнев улетучивается вместе с выдохом, рассеиваясь в холодном воздухе.

Я прислоняюсь спиной к стене пещеры, чувствуя, как шипы впиваются в руки.

В голове снова всплывают воспоминания, и я отчетливо слышу старый осуждающий голос.

«Держи себя в руках, Слейд. Ты что, обычный фейри, раз так легко теряешь контроль? Или станешь достойным крови, текущей в твоих гнилых венах? Спрячь шипы или я приколочу тебя за них к стене поместья и оставлю висеть, пока ты не научишься контролировать себя».

Возможно, дело в воспоминаниях о тех днях, что я провел, слушая такие приказы, но шипы наконец прячутся под кожу.

Контроль.

Это первое, что пришло мне в голову с того момента, как я начал меняться. У большинства фейри магия проявляется в пятнадцать-шестнадцать лет.

Мне не предоставили столько времени.

Я по-прежнему помню тот зуд. Помню, как царапал тыльную поверхность предплечий или пытался дотянуться до позвоночника. Я чувствовал себя медведем в лесу, которому нужно потереться о кору дерева. Каждый раз,

когда мои шипы появлялись, они разрывали мою кожу в клочья, и из ран хлестала кровь.

На протяжении года они резали всякий раз, когда прорывали кожу. Рукава и спина рубашки покрывались алой кровью, а несколько капель стекало на брови.

Еще больший ужас внушал мой взгляд и резкий голос. Я научился прятать шипы, научился извлекать их, когда того хотел. Я даже перестал вздрагивать, когда они прорывали кожу. И вскоре перестал истекать кровью. Словно кровь и сама боялась предстать перед моим отцом.

- Вот ты где.

Я смотрю на Лу, которая влетает сюда не одна. На ее плече сидит почтовый ястреб, и они оба кажутся не очень-то довольными.

- Только что заявила. Подлетела к входной двери и начала стучать в нее так, будто у нее молоток вместо клюва. - Лу наклоняется к ней, но когда ястреб клюет ее в макушку, отпихивает птицу. - Она никому не дает забрать послание. Даже в обмен, - говорит Лу и протягивает ладошку, на которой лежит горсточка вяленого мяса. Ястреб издает презрительный звук и резко вонзает когти в плечо Лу.

Она морщится и свирепо смотрит на птицу.

- Теперь понимаешь?

Я встаю и подхожу к ним, а птица тут же спрыгивает с ее плеча, садится мне на руку и протягивает ногу.

- Хорошая девочка, - напеваю я, проводя пальцем по ее шее. Она щелкает клювом, глядя на меня, и я забираю прикрепленный к ее лапке серебряный пузырек, достав из него свернутый пергамент.

Пробежав по посланию взглядом, я дочитываю лишь до половины и, сжав пальцами бумагу, сминаю послание. Все мое тело напрягается.

- Что-то случилось?

Вместо ответа я передаю Лу послание и смотрю, как на ее лице отражаются те же эмоции, что и на моем.

- Сукин сын.

Лу опускает руку, сжимая смятое послание, и смотрит на меня.

- Королева Кайла не теряла времени даром.

- Да, это точно.

Лу молча смотрит на меня.

- Как поступим?

Для меня это не стало неожиданностью, но я полагал, что времени у нас будет больше. Потому как Аурен именно это и нужно. Время.

Время встать на ноги. Привыкнуть к потере лент. Набраться уверенности. Быть готовой противостоять миру и ее магии. Она только что убила коварного пленителя, познала новую грань своей силы, попутно чуть не погибла и бросила все, к чему привыкла. Ей просто нужно, черт возьми, выдохнуть.

- Ничего, - наконец отвечаю я.

Лу приподнимает черную бровь.

- Ничего?

Я качаю головой.

- Это тактика направлена на то, чтобы запугать нас. У них ничего не выйдет.

- Ну а если они заявятся в Четвертое королевство?

- Королеве Кайле приходится иметь дело с двумя королевствами, оставшимися без правителя, а нас разделяет замерзшая пустошь.

- Но другие правители...

- Пусть отсосут.

Она закатывает глаза.

- Уверена, приглашение пришлось бы им по нраву, но они все равно сулят проблемы.

- И нас разделяет океан, - напоминаю я. - У нас есть время.

- Как скажешь.

Кожу покалывает, и не из-за когтей ястреба, сжимающих мою руку.

- У меня все под контролем.

Как и всегда.

- Хорошо, - кивает Лу и бросает взгляд мне за спину на дверь камеры. - Правильно понимаю: Райатт наконец-то их нашел?

- Да. - Протянув руку, я беру вяленое мясо и скармливаю его ястребу. Птица прижимает голову к моей шее в знак благодарности, а потом поворачивается и улетает из пещеры, издав вдалеке клич.

Лу качает головой.

- Ты околдовал всех чертовых птиц и тимбервингов.

- Что тут скажешь? Я привлекателен.

Она фыркает, и наше внимание привлекает кашель из камеры.

- Похоже, он пришел в себя, - говорит Лу, и предвкушение обвивается вокруг рук шелковыми путами. - Мне остаться?

Я качаю головой, сняв пальто и закатав рукава.

- Нет. Я сам проведу небольшую милую беседу со шпионом Мидаса.

Лу кивает и оставляет меня с ним наедине. Как только она уходит, я подхожу к двери и заглядываю внутрь. Там жалким мешком лежит мужчина. Как только он видит мое лицо, то широко раскрывает глаза от страха.

Вставив в железный замок ключ, я открываю дверь и захлопываю ее за собой так громко, что мужчина вздрагивает.

И все: усталость, ссора с Райаттом, беспокойство за Аурен, новости из послания - все сливается в какое-то густое, кислое ощущение, которое закипает внутри и обжигает. К счастью, мне есть на ком выместить все это.

Я мрачно ухмыляюсь мужчине, чувствуя, как в груди свивается гниль и спускается по рукам. Он дрожит всем телом, лицо у него изможденное, а взгляд затравленный.

- Вряд ли нас представили должным образом. Я король Рот, и ты в моих владениях.

Когда я покончу с ним, запах мочи будет не самой худшей вонью.

Я подхожу ближе, а гниль расползается от моих ног по стенам, как нити, которые вот-вот затянут петлю.

- А теперь я хочу знать обо всем, что ты докладывал Мидасу, обо всех его приказах.

Мужчина громко сглатывает, и от волнения и страха у него дергается кадык.

- И... если я расскажу, ты о-отпустишь меня?

Я смеюсь. Он вздрагивает, а потом в потрясении открывает рот, когда я набрасываюсь на него магией, стравив гнилью нижний ряд зубов. Эмаль становится коричневой и крошится, пока зубы не рассыпаются по земле.

- О нет. Живым ты отсюда не выйдешь. Но тебе решать, как моя гниль с тобой позабавится.

Смешно, как быстро он запеваёт. Или, скорее, шепелявит.

Он не рассказывает ничего, что я бы еще не знал, но заранее вынося наказание, чувствую, как мой мрачный настрой немного развеивается. Совсем чуть-чуть. И это помогает.

Когда пару часов спустя я выхожу, в небе стоит солнце, а в горле – сладковатый привкус гнили и холодного пепла. Мне должно было стать легче от того, что нам удалось поймать всех шпионов Мидаса и отправить их в мерзлую могилу, но это чувство не приходит ко мне. Потому что теперь мне нужно беспокоиться за остальную Орею.

Глава 25

Слейд 15 лет

Сегодня в городе проходит фестиваль – празднуют День зимнего солнцестояния. Мне известно об этом, потому что нам пришлось миновать его по пути в горы. На улицах города уже всю танцевали, а в воздухе при помощи магии парили голубые огни. Сегодня вечером, после захода солнца, жители принесут жертвы холодным звездам и сыграют музыку луне.

Я ехал верхом на лошади, понимая, что еще не оказывался так близко к городскому фестивалю. Отец всю жизнь повторял, как важно держаться особняком от остальных, быть выше их.

– Хватит витать в облаках, – злится отец, и я резко поворачиваю к нему голову.

– Я не в облаках, – отвечаю я. Я прочно стою на земле... и снова оказываюсь мыслями в городе.

Он приподнимает густую каштановую бровь, а его лысина блестит так сильно, что может ослепить, если под определенным углом на нее падет луч солнца.

– Ты сорвался. Повторяю, спрячь гниль.

Я смотрю на землю и морщусь, поняв, что он прав: гниль распространилась за пределы круга, которым он меня очертил.

Когда мы стали тут практиковаться, сначала круга не было. Отец просто приводил меня сюда, и моя гниль вырывалась наружу, убивая все подряд. Она была неудержима. Разрушительна.

Постепенно я научился ее прятать. Только чтобы сгноить землю, вытянуть ее из дерева и озера.

Мне понадобилось немало времени и бесчисленные часы тренировок, но теперь вокруг меня нарисован крошечный круг, верхняя линия которого касается носка сапога. Нужна большая сила воли, чтобы удержать гниль на такой маленькой площади.

Некоторым фейри стоит немалых трудов увеличение своей силы. Но не мне. Моя сила всегда хотела вырваться из меня. И, чтобы научиться сдерживаться и контролировать себя, потребовались многолетние практики.

Когда стало ясно, какой магией я обладаю, меня это напугало. Я был опасен для всех и вся и жутко боялся своей силы. Когда отец понял, что я напуган, то выволок меня из дома. Протащил через весь город, кишущий фейри. Сказал мне, что либо я научусь владеть своей силой, либо на моей совести будет жизнь жителей. Во время этого упражнения меня вырвало дважды, и я отравил гнилью целую улицу, но никого не убил. В тот раз нет.

Отцу нравятся тренировки с последствиями. Говорит, что иначе не выйдет. Потому приходится учиться очень быстро, натываясь на последствия.

Люди на празднике не захотели бы моего присутствия, даже если бы мне разрешили пойти. Вот как бывает, когда разлагаешь кого-то у всех на глазах. И хотя я сумел подавить силу и убедился, что тот фейри жив, город этого не забыл.

Может, мой отец и известен как Разрушитель, но я известен как Гниль.

Не помогает и то, что я не смогу скрыть свою сущность. Может, мне бы и удалось спрятать шипы, но гнилые линии, тянущиеся по рукам и шее, служат извечным напоминанием, на что я способен.

– Сосредоточься, – приказывает отец, заложив руки за спину и выходя за пределы круга.

– Я сосредоточен. – Я стискиваю зубы, а под ногами извиваются полосы гнили. Трава пожухла, земля стала сухой и твердой, словно все живое в почве погибло.

Природа меняется к зиме, но на холмах еще растет трава, а на деревьях сохранились листья. Если бы моя гниль распространилась дальше, то в этой картине не осталось бы ничего приятного. Не станет естественного перехода от жизни к смерти или круга природного перерождения.

Все начнет увядать.

Отец чертит ногой еще один внешний круг.

– Помести между ними гниль.

Кивнув, я концентрируюсь и смотрю под ноги, передвигая от себя магию. Я проталкиваю ее дальше, на другую сторону линии, и на лбу выступают капельки пота, пока я изо всех сил пытаюсь оставить ее внутри.

Отец одобрительно кивает. Раньше я бы пришел в восторг. Но это уже давно в прошлом.

Я его ненавижу.

Хотя с того дня, семь лет назад, я больше не видел, чтобы он бил мою мать.

А я за ним слежу.

Моя красивая, добрая, сильная мать, которую вырвали из привычного мира, на которую остальные фейри смотрят свысока, вынуждена мириться с тираном и находить причины улыбаться.

Я учусь ради нее. Не ради него.

Я учусь, чтобы однажды стать сильным и увезти мать. Отвезти ее куда-нибудь в Эннвин, где никто не слышал о Разрушителе. Где никто не ненавидит ореанцев. Где мы можем быть счастливы и свободны. Но для этого я должен научиться быть сильным. А кто научит меня лучше мужчины, которого я хочу одолеть?

- Подтяни ее сзади, Слейд.

Я оглядываюсь через плечо, чтобы посмотреть, куда соскользнула гниль, но отец щелкает пальцами.

- Взгляд вперед. Тебе не нужно смотреть на нее, ты и так должен знать, где она находится.

Я скрежещу зубами. Но вместо того, чтобы открыть рот и ляпнуть то, что его разозлит, закрываю глаза и пытаюсь прочувствовать силу. И хотя свою магию я направляю на внешний мир, как-то мне довелось узнать, что могу ощущать ее и телом. Вены гнили внутри меня ничем не отличаются от тех, которые я вонзаю в землю. И, хотя я ее чувствую, сила все равно не хочет ко мне прислушиваться.

Отец рисует еще один круг, а потом еще один и еще. Он заставляет меня выполнять то, чего я раньше не пробовал: например, сделать так, чтобы половина гнили попадала в одну секцию, а другая тянулась в другом направлении. Оттого некогда пышная трава становится сухой и мертвой, и в земле виднеются трещинки. Несмотря на холодную погоду, с меня капает пот, а тело дрожит от физической и умственной нагрузки.

- Ты ленишься, - вздохнув, говорит он. - Контролируй ее, Слейд. Ты что, обычный фейри, раз так легко теряешь контроль?

- Мы занимаемся уже несколько часов, - отвечаю я, стараясь говорить безучастным тоном. Солнце садится, а без него почему-то становится сложнее. - Я устал.

Отец в ответ презрительно усмехается. Ему уже сотни лет, он старше моей матери, но единственные морщинки у него на лице - это те, что залегли между его бровями или в уголках опущенного рта.

- Ты устал, - глумится он, почти выплевывая это слово.

У меня сводит все внутри, потому как я знаю, что будет дальше. В следующее мгновение он щелкнет пальцем, и земля начнет дрожать, раскалываться, ломаться.

Я спотыкаюсь, чуть не упав, когда тряска ослабевает. Земля расходится кругами там, где он нарисовал линии. Меня окружают щели в земле, и кажется, что они могут проникнуть до самого ядра мира, рассыпавшись у меня под ногами.

Но он еще не закончил выставлять напоказ свою силу.

Щелкнув пальцем, отец ломает пополам целое дерево за нами, и часть широкого ствола с грохотом падает на траву.

Земля едва перестает дрожать, когда он снова поднимает руку.

Щелчок.

Жутко громкий, но я замечаю, что он исходит не только от него, но и от меня. Он с легкостью сломал кость в моем пальце, как только что поступил с деревом.

У меня вырывается крик, я падаю на колени в облаке пыли, прижимая к себе руку, которая теперь горит от боли. Отец равнодушно смотрит на меня сверху вниз, пока я пытаюсь подавить тошноту.

Все шипы вырываются из моего тела, порвав рубашку, но теперь хотя бы не льется кровь. Я смотрю на отца, сидя на земле и дрожа от боли, но ничего не говорю. Потому что не стану просить. Не стану умолять.

Он оставляет меня в этом мучительном чистилище на несколько долгих секунд. Затем снова щелкает пальцем, и я вздрагиваю. Но шум стихает так же быстро, как и исчезает перелом в кости. Как и разлом в дереве. В земле.

Смотря на отца, я тяжело дышу, а он наклоняет голову и обводит взглядом мое лицо, хватая за подбородок пальцами, еще более холодными, чем сила, текущая по моим венам. Отец грубо поворачивает мою голову в сторону. Царапает щеку.

– Интересно, – бормочет он и отпускает меня. Отец с довольным выражением лица смотрит на меня. Мне это совсем не нравится.

– Что? – спрашиваю я и чешу то место, которое странно зудит. Стараюсь это делать не тем пальцем, который минуту назад пострадал, – потому что хоть он больше и не сломан, но все же пульсирует от неприятных ощущений.

Не удостоив меня ответом, отец говорит:

– Контроль. Меня учил мой отец, а я научу тебя и не потерплю провала.

Я с трудом плотаю ком, но гниль в моих венах иссякла, а линии на земле превратились в ничто.

– Спрячь шипы или я приколочу тебя за них к стене поместья и оставлю висеть, пока ты не научишься контролировать себя.

Я стискиваю зубы.

Сжимаю в кулак большую руку.

Чувствую, как с брови стекает струйка крови.

Я смотрю на Разрушителя и ненавижу его.

«Однажды, – думаю я. – Однажды я сам тебя сломаю».

Но до тех пор научусь себя контролировать.

Глава 26

Аурен

Меня толкают в плечо, пока я пытаюсь заснуть. А я не хочу, чтобы меня толкали, пока я пытаюсь заснуть. Именно так я и говорю, но выходит лишь сдавленное ворчание, поскольку лежу, уткнувшись лицом в подушку.

В ответ слышу смехок и приоткрываю глаза. Возле кровати стоит Слейд, но он и виду не подает, что только что меня толкал. Умный мужчина.

– Неужели уже ночь? – сонно спрашиваю я, вытянув ноги и садясь.

– Нет, сейчас почти полдень.

Поставив ноги на пол, я провожу взглядом по Слейду.

– О, хорошо, значит, у меня еще есть время. – Я начинаю обратно опускаться на кровать.

Но меня снова останавливают чертовым толчком.

– Вообще-то я бы хотел, чтобы ты встала.

Я останавливаюсь и смотрю на него.

– Зачем?

– Чтобы потренироваться.

Я хмурюсь.

– Но я тренируюсь с Джаддом по ночам.

У него на лице нечитаемое выражение.

– Сегодня ты тренируешься не с Джаддом.

Его слова привлекают мое внимание, и мы встречаемся взглядами. А затем я начинаю трясти головой.

– Я еще не могу.

Слейд выгибает бровь и склоняет голову.

– Почему?

В горле застревают отговорки, словно им мешает плотина. И тут я иссякаю. Я сопротивляюсь, тревога бьется о выстроенный мной барьер. Но потом сквозь трещинки просачиваются мои же решительно сказанные слова.

«Я хочу быть готовой, когда в следующий раз кто-то захочет воспользоваться мной, контролировать».

Именно так я и сказала Джадду.

«Я хочу владеть своей силой – и физической, и магической».

А так я сказала Слейду.

У меня не получится, если я не научусь контролировать свою магию. Поэтому с трудом глотаю ком, пытаюсь подавить нахлынувший страх.

– Ладно.

На его лице вспыхивает гордость.

– Собирайся, и выдвигаемся.

* * *

Каждый шаг из Грота дается с трудом. Тревога обвивается вокруг костей, охватывает грудь и насквозь вплетается в тело. Каждый мой шаг сопровождается дурным предчувствием.

Я впервые покидаю Грот. Глаза щиплет, когда мы выходим из пещеры на приглушенный дневной свет. Я прикрываюсь рукой, разглядывая зимний пейзаж. Вход в пещеру расчистили лопатой, а под слоем песка и соли виднеется участок каменной дорожки.

- Сюда.

Я поворачиваю вслед за Слейдом направо, и мы тащимся по еще одной расчищенной дорожке. И хотя шторм уже кончился, небо еще затянуто облаками, а легкий ветерок дует в лицо. По одну сторону тропинки находится заснеженный Дэдвелл, а по другую – поднимается горная цепь. Одна из них слегка наклонена в сторону и напоминает волну. Из ее чрева выступает навес, благодаря которому мы оказываемся в тени.

Пока мы поднимаемся по небольшому склону у подножия горы, я обхватываю себя руками, засунув их в карманы,

- Почти пришли, – говорит он, заметив, как я запыхалась.

Это немного утешает, но даже так я очень переживаю из-за тренировки и потому вряд ли могу почувствовать хотя бы какое-то утешение. Мы можем пройти до самой вершины этой горы, но вряд ли мне хватит времени, чтобы успокоиться.

Он подталкивает меня плечом.

- Аурен, все будет хорошо.

Я ценю его заверение, но не чувствую той же уверенности.

- Ты видел меня в бальной зале, – говорю я более резким тоном.

- Видел, – отвечает он. – И понял, какая ты сильная и могущественная. А значит, ты сможешь совладать со своей силой.

Поджав губы, я не отрываю взгляда от земли, а беспокойство становится только сильнее.

- Смотри под ноги. Дальше тропинка будет немного круче.

Тропинки не видно, потому как снега здесь выпало тоже немало, но все же не столько, как слева от нас. Мы делаем еще всего несколько шагов, когда кто-то окликает нас сзади:

- Ваше Величество!

Мы останавливаемся и, обернувшись, видим спешащего к нам мужчину. На нем толстое пальто с меховым воротником до самого горла, а на руке сидит большой посыльный ястреб, грудь которого усеяна коричневыми и белыми крапинками.

- По-моему, послание для вас.

Мужчина переводит взгляд на меня и легонько тарашит глаза. Я пытаюсь ему улыбнуться, но он быстро отводит взор.

Как только Слейд протягивает руку, птица издает пронзительный крик и протягивает ему ногу. Слейд гладит ее по шее и снимает пузырек, а затем

разворачивает свиток и пробегается по нему взглядом. Он стоит немного боком, но, глядя на его профиль, вижу, как на лбу появляется морщинка. Я подхожу, чувствуя, как внутри у меня нарастает беспокойство.

- Что-то случилось? - спрашиваю я, встав за ним.

Его плечи напряжены, но всего на мгновение.

- Нет, - говорит он и засовывает свиток в карман, а после смотрит на мужчину, еще раз погладив птицу. - Спасибо, Шелби.

- Рад служить, Ваше Величество. Как мне с ним поступить?

- Пусть отдохнет в Вольере. Он мне не нужен.

Мужчина кивает, отворачивается и начинает спускаться со склона, держа птицу.

- Все хорошо? - спрашиваю я у Слейда.

- Конечно, - тут же отвечает он. - Пойдем?

Не успеваю я сказать что-нибудь еще, как он снова продолжает путь. Я мешкаю, на языке так и вертится желание удовлетворить любопытство и спросить, о чем говорилось в послании, но я одергиваю себя. Имею ли я вообще право спрашивать его о таком? Слейд, безусловно, поделился бы со мной, если бы захотел. Я не должна обижаться на него из-за того, что он этого не сделал.

Наверное, он каждый день получает и отправляет много писем - в конце концов, Слейд - король. Я не должна так болезненно реагировать. Мы уже обсуждали, что нам предстоит еще долго узнавать друг друга.

Я иду за ним, не сводя взгляда с его спины и пытаюсь избавиться от этих безостановочно кружащих угрызений совести. Все же Слейд - король, а я все время об этом забываю. Он король, а я...

А я вот-вот сяду в лужу, когда попробую воспользоваться своей магией.

В том и заключается моя тревога. Я никому ничего не рассказывала, даже себе не позволяла взглянуть правде в глаза. Но дело в том, что мое золото ведет себя не так, как должно. Не говоря уже о том, что с его помощью я бездумно убивала людей.

А если я снова это сделаю?

Когда Слейд уводит меня с тропинки в пещеру, я настолько погружена в свои мысли, что ничего не замечаю, пока чуть не наступаю на покрытый золотыми пятнами пол.

Я втягиваю воздух и, осмотревшись, сразу же ее узнаю. Здесь я впервые проснулась. Здесь начала двигаться и здесь по моим венам потекла сила.

Я не сразу понимаю, что слишком долго смотрю на затвердевшее золото, которое забрызгало стены и пол. Пока я теряюсь в глубинах мыслей, все это время Слейд за мной наблюдает.

Моргнув, я прихожу в себя и принимаю невозмутимый вид.

– Мы будем тренироваться здесь? – спрашиваю я и, хотя стараюсь говорить спокойно, голос кажется гулким от осознания того, какие последствия нас могут ждать.

С минуту Слейд внимательно смотрит на меня и потом наклоняет голову.

– Да, – отвечает он, и в его тоне слышится то, что я не совсем улавливаю.

Это опасение, это скручивающая и опутывающая тревога сжимает мне горло, и я не могу даже глотнуть.

Он отходит на несколько футов, опускается на колени, где застыла золотая волна, и проводит пальцем по затвердевшему гребню.

Не знаю почему, но меня сотрясает дрожь.

Он приподнимает бровь.

– Замерзла?

– Нет.

Слейд снова встает и снимает пальто, но только я начинаю спорить о том, что мне не холодно, он кладет его на землю.

– Сядь сюда.

Сначала я нерешительно мнусь, но потом ноги сами несут меня к Слейду, и я сажусь на его пальто, поджав под себя ноги.

Он тоже садится, и, хотя нас разделяет два фута, расстояние кажется несущественным. Пространство между нами всегда заполнялось вниманием Слейда ко мне.

– Сейчас день, – говорит он, показав на вход в пещеру, куда еще проникает дневной свет. – Днем твоя сила всегда была неуправляемой, верно?

– Верно. Обычно, если днем что-то касалось моей кожи, то из меня тут же выплескивалось золото. – Я смотрю на черные чулки и перчатки. – Но с тех пор как я проснулась, все изменилось. Я ничего не золочу.

– А что чувствуешь?

Меня накрывает беспокойством, и я смотрю на ладонь, – словно могу увидеть в ней воспоминания из Рэнхолда.

Я быстро прячу руку под ногу.

- Ничего. Я ничего не чувствую.

- Попробуй позолотить камень.

Осторожно снимаю перчатку и прижимаю ладонь к выступающему камню слева. Это должно произойти немедленно – золото должно сразу выплеснуться из меня.

Но ничего не происходит.

Слейд наклоняет голову.

- Ты пытаешься?

Я с гневом смотрю на него.

- На что ты намекаешь? Да, пытаюсь.

- Точно? Потому как сама сказала, что золото днем неуправляемо, но каким-то образом ты можешь его контролировать.

- О чем ты? Конечно, не могу.

- Но ты это сделала, – возражает он. – Ты могла просто позолотить предметы, сохранив текстуры и материалы, а могла полностью превратить их в драгоценный металл. Помнишь пальто, что было на тебе? Тебе удалось удержать магию, позолотив только подкладку. Всем этим управляла ты.

Я недоуменно смотрю на него.

- Я... я никогда не думала об этом в таком ключе.

- Ты всегда могла контролировать себя. Думаю, ты просто боишься. Думаю, ты сдерживаешься, и потому твое золото не проявляется. Ты его просто блокируешь.

Гнев разливается по венам, и мысли путаются.

- Ты ошибаешься.

- Аурен... – Меня не волнует, что он до сих пор такой спокойный, поскольку этот тон пробирает меня до самых костей. – Я тебя знаю.

- Может, и не знаешь, – злобно выплевываю я, хотя вовсе не хотела так отвечать. Я стала такой же жесткой и холодной, как застывшее золото. Я настраиваюсь на недовольство, готовлюсь к ответной реакции, к ссоре.

Но обманываюсь в ожиданиях.

Слейд бросает на меня тот же непогрешимый зеленый взгляд зеленых глаз, и на его лице ни тени эмоций.

- Может, ты ошибаешься, – продолжаю я, желая пробиться сквозь эту маску, желая расколоть его мнение обо мне и показать скрывающуюся внутри гниль. Доказать, что она была там до того, как Слейд ее во мне породил. – У нас

есть лишь осколки воспоминаний и оставшиеся без ответа вопросы. Так что не сиди тут, строя из себя главного, и не веди себя так, будто все знаешь.

Я даже себя-то полностью не знаю.

И это занозой застряло у меня в груди.

Моя магия изменилась – так сильно, что я в ужасе. Моих лент больше нет. Их сорвали, как листья с виноградной лозы. И я...

– Я изменилась с тех пор, как вошла в Рэнхолд.

– Это правда, – признает Слейд. – Но я все равно тебя знаю..

У меня вырывается сдавленный смешок.

– Ты..

– Давай поговорим о той ночи.

Я обрываюсь на полуслове. Как и мое сердце. Я чувствую, как оно сжимает мне горло.

– Нам нет нужды говорить о той ночи. Мы были там вдвоем.

На его лице появляется разочарование и грусть.

– Поговори со мной, Аурен.

– Что ты хочешь от меня услышать? – спрашиваю я и неосознанно вскакиваю на ноги. – Это. – Я обвожу рукой комнату, показав на золото, которое на меня не похоже. – В этом нет никакого смысла. Та ночь в Рэнхолде не имеет смысла. Мое золото ведет себя неправильно, а то, что я тогда натворила.. Я вообще не должна была так поступать...

– А что ты натворила? – напирает он, и я сжимаю руки в кулаки, потому что я...

– Я убивала.

Вот что другие не обсуждают. Вот, с чем я не могу примириться.

– Как я вообще это сделала? С заходом солнца я чувствовала, как меня покинула сила, – говорю я и принимаюсь расхаживать по пещере, обходя затвердевшие пятна. – Я вообще не должна была бы воспользоваться силой, но это... – Я замолкаю и упираюсь взглядом в землю. – Во мне как будто что-то надломилось.

– Так и должно было случиться.

Я качаю головой, голос мой дрожит, гнев развеивается.

Потому что я не сержусь на него. Я злюсь на себя. И легче сдерживать этот гнев, чем испытывать иные чувства, потому что я не умею в них ориентироваться. Они представляют собой темные, устрашающие и скалистые просторы, и, пересекая их, я чувствую себя потерянной.

Ненавижу свой резкий тон. Ненавижу, что сразу же пытаюсь оттолкнуть Слейда из-за предчувствия, что все равно его потеряю.

- Извини, - говорю я с раскаянием в голосе, отказываясь от резкого тона, который он не заслужил. Теперь я решаюсь сказать правду: - Я стала зверем. Той ночью я убила много людей и могла бы снова это сделать. Вдруг я стану настоящей феями? - спрашиваю я. - Вдруг я потеряю контроль и позолочу весь Дэдвелл, а ты не сможешь меня остановить? Я помню, как сделала это в ту ночь, и помню, что к этому привело. Как оказалась на том мезонине. Какой растерянной и беспомощной себя чувствовала. Я злилась, и мне было одиноко, а потом, когда наконец тебя нашла...

Глаза Слейда - пустая, беззвездная ночь.

- Я хочу, чтобы ты спросила меня, Аурен.

Я в замешательстве приподнимаю брови.

- О чем спросила?

- Хочу, чтобы задала мне те вопросы, что кружились у тебя в голове с тех пор, как ты проснулась. Я заслуживаю того, чтобы их услышать. Ты заслуживаешь того, чтобы их озвучить. В особенности один важный вопрос. Так задай его мне. - Его взгляд - мрачный, а голос - жесткий. Но не из-за ссоры, которую я пыталась разжечь. Не от гнева. От боли.

Я делаю глубокий вдох. Потому что сразу же понимаю, о чем он толкует.

В глубине моего сознания засел всего один вопрос. Я ощущала его пепельный вкус на языке, чувствовала, как он оседает в горле.

Между нами как будто повисает какое-то гнетущее чувство. словно мы оказались на опасной точке, откуда падать будет больно. Чем дольше я молчу, тем больше горя появляется на лице Слейда. Но вопрос тлеет. Затуманивает мне разум, разжигает мой дух.

- Спроси. Меня.

Одна слеза. По щеке стекает одна слеза, и такая горячая, что я не удивлюсь, если она испарится.

Но я спрашиваю.

Глядя ему в глаза, чувствуя такие же муки, я задаю единственный вопрос, который не хотела задавать.

- Где ты был?

Когда меня опоили дурманом.

Когда меня запихнули в ту комнату к Дигби.

Когда мне отрезали ленты вместе с моей душой.

Когда я сидела на том балконе, сбита с толку и потерянная.

– Я думала, ты придешь. Но ты не пришел, – произношу я сдавленным, дрожащим голосом, и каждым словом наношу ему пощечину. – Так где же ты был?

Глава 27

Слейд

Где ты был?

То, как она произносит эти слова – еле уловимая трель, такая незначительная, что любой другой пропустил бы ее мимо ушей. Но не я.

В отношении Аурен я стараюсь подмечать все.

Потому я слышу ее, эту боль. И знаю, что, побудив Аурен задать этот вопрос, подвожу ее к той ночи. К ночи, о которой она точно не хочет вспоминать и – уж тем более – говорить. Но нам это нужно.

Она смотрит на меня, и ее золотистые глаза сияют почти так же сильно, как голубые прожилки, испещряющие стены пещеры.

– Я думала, ты придешь, – говорит она, и признание стекает с ее языка, как кровь из раны. – Но ты не пришел.

В прошлом меня били. Пронзали кинжалом. Мою голову держали под водой до тех пор, пока не стало гореть в груди. Ярость моей силы разрывала меня на части до такой степени, что казалось, будто с моего тела содрали кожу.

Но все это не причиняет такой боли, как слова Аурен.

Эта вина ощущается физически. Вина – недостаточно сильное слово, чтобы описать, что я чувствую и какую ношу держу.

Словно мало того, что я, черт возьми, ее подвел и отравил гнилью. И почему-то ее слова причиняют еще большую боль.

Аурен всю ее чертову жизнь все подводили. Снова и снова она верила людям, а они ее подводили. И потом, в ту ночь, когда я был ей нужен, я поступил точно так же.

Подвел ее.

В мыслях мелькают воспоминания о той ночи. О ночи до того, когда все полетело в тартарары. Аурен вышла из моей палатки, на ее пухлых губах сияла загадочная улыбка, а мне просто хотелось затащить ее обратно и снова доставить удовольствие.

Жаль, что я этого не сделал.

Если бы я только взял ее за руку и попросил остаться. Если бы только не позволил вернуться в замок.

Когда Ходжат осматривал ее, и я увидел, в каком состоянии ее спина...

Грудь сковывает напряжение. Ее ленты. Ее очаровательные, бесподобные, красивые ленты. Их нет. Их отрубили. Оставили потрепанными и окровавленными обрывками.

Вряд ли я когда-нибудь смогу это забыть.

Неудивительно, что она не может смотреть мне в глаза.

- Так где ты был? - спрашивает Аурен, и хотя я сам попросил задать этот вопрос, все равно вздрагиваю.

- Я все испортил. Как только мог.

В голове продолжает прокручиваться иной расклад. Если бы я все сделал иначе, может, мне удалось бы это предотвратить.

- Лу сказала, что ваш разговор подслушала Кайла. Она вернулась после ухода королевы, и ей пришлось идти обходными путями, чтобы не натолкнуться на стражников. Когда она добралась до твоей комнаты, ты уже спала. Она прождала в коридоре до рассвета, а потом увидела, что ты спустилась позолотить что-то для Мидаса. Она убедилась, что все в порядке, а потом вернулась в лагерь и рассказала мне о случившемся. Я приказал ей сначала немного поспать и набраться сил. А тем временем отправил Джадда на поиски Дигби, но он вернулся ни с чем.

Аурен внимательно слушает, и я вижу, как она мысленно выстраивает одно событие за другим.

- Я пыталась предупредить Мист - женщину, которая зачала от Мидаса, - говорит она. - Пыталась предупредить ее насчет королевы Кайлы, но она не захотела меня слушать. А потом я хотела улизнуть и рассказать тебе о случившемся, но пришел Мидас, пожелав, чтобы я воспользовалась своей силой. Потому я заключила с ним сделку.

Я сразу же догадываюсь:

- Дигби.

Она кивает.

- Я такая глупая.

- Нет, просто Мидас чертово чудовище.

Она опускает взгляд.

- Я весь день пользовалась силой. Думала, он действительно вернет мне Дигби. Так что да, меня вполне можно назвать дурой.

Мне больно от горечи, которая звучит в ее голосе.

- Аурен...

- Продолжай, - говорит она мне.

Я проглатываю остальные слова и киваю. Если она хочет, чтобы я продолжал, то так я и сделаю.

- В ту ночь, когда мы должны были встретиться с тобой в библиотеке, я прошел через ворота Рэнхолда. Лу была со мной, готовая отправиться на поиски Дигби.

Я заставляю себя говорить четко - без интонаций, без пауз. Потому что, хоть и не произносил этого вслух, мысленно не раз прокручивал события, которые привели к тому, что Аурен пришлось искать.

- Райатт должен был нас там ждать, но так и не появился. Мы не придали этому особого значения, потому что опаздывать ему было несвойственно. Мы вошли в замок, но не успели разойтись, так как у входа нас остановил Мидас.

Я скрежещу зубами.

- Он заставил меня провести собрание. Тянул время. Просто тогда я этого не осознавал. А еще не знал, что жители деревни подошли слишком близко к нашему лагерю, и Озрику с Джаддом пришлось с этим разбираться. Лу тем временем не удавалось найти Дигби, а потом я узнал, что Мидас удерживал Райатта.

- Чего он хотел?

От удивления брови у нее взлетают на лоб.

- Он его арестовал?

- Об этом я узнал позже.

В ее глазах появляется понимание.

- Райатта задержали из-за меня. Потому что Мидас думал, что мы с ним...

- Он сказал Райатту, что тот не имел права прикасаться к тому, что ему не принадлежало, - рассказываю я, скрипя зубами. - Когда мы покончили с этим бессмысленным собранием по поводу гребаного фальшивого союза и торговых сделок, было уже очень поздно, а поскольку на следующий день должен был состояться бал, в замке было многолюдно. Повсюду сновали слуги и стражники. Понадобилось время, и для начала пришлось подняться в мою комнату. В то время Лу наконец ушла на поиски Дигби, а я поднялся в библиотеку. Я знал, что не встречу тебя там, поскольку было уже слишком поздно, но упорно искал записку или намек на то, что ты туда приходила.

Слышу, как она стлывается.

- Я ничего не увидел, - говорю я и с тревогой жду, потому что осознал наконец, что тогда случилось.

- Я так и не добралась до библиотеки, - тихо говорит Аурен, и, когда снова поднимает голову, ее взгляд устремлен куда-то вдаль, в Рэнхолд.

- Я пытался подняться в твою комнату, но там было слишком много стражников. Я не хотел вызвать подозрения у Мидаса. Я знал, что и королева Кайла непредсказуема, - добавляю я.

- Меня там все равно не было, - говорит Аурен. - Или, может, тогда уже и была, не знаю. Если я правильно сопоставляю временную шкалу, Мидас уже... - Она задыхается от чувств, и ей приходится откашляться, чтобы продолжить. - Это уже случилось. Может, тогда меня уже запихнули в мою комнату, не знаю. Я плохо понимала, что происходит.

Мне как будто ребра сковали цепью, не оставив ни одного звена, чтобы свободно вдохнуть.

- Я не прислушался к своему чертову чутью, - говорю я, почти выплевывая злость на свои поступки. - Я снова пытался с тобой увидеться. Я чувствовал: что-то не так, но Мидас продолжал меня отвлекать. Перед тем, как я добрался до твоей комнаты, он созвал нас всех на еще одно клятвое собрание перед балом. Я так увяз в нем, что даже не осознавал, какая чертовщина творится. Только когда пришла Лу и подала знак, я понял, что она его нашла.

- Дигби? - спрашивает Аурен.

- Нет. Райатта, - говорю я. - Лу искала Дигби, но нашла моего брата в камере. Райатт видел, как Дигби передавали другой группе стражников. Нам пришлось дожидаться бала, чтобы Лу спустилась и вытащила Райатта, а потом, пока она бы отвлекала стражу, Райатт забрал бы Дигби.

Медленно покачивая головой, Аурен обдумывает мои слова.

- Ты расскажешь мне, что произошло? - спрашиваю я, хотя ненавижу, какую боль причиняют ей эти воспоминания.

- Он меня опоил.

От ее заявления я вспыхиваю. Грудь как будто раскалывается надвое, будь прокляты эти цепи.

- Что, черт возьми, он сделал?

Аурен замирает, услышав бурлящий в моем голосе ужас, и смотрит на мои шипы, которые разорвали рубашку, как черные клыки рычащего зверя.

- Повторюсь: я была такой глупой, - продолжает она, передернув плечом. - Я позволила ему увести меня в темницу - и да, он действительно привел меня к Дигби. Это его единственный честный поступок. - По ее щекам стекают слезы, а брови хмурятся от боли. - Его избивали. Сначала я решила, что он мертв. И жутко разозлилась. Я хотела ранить Мидаса. Причинить ему такую же боль, какую испытывал Дигби. А потом он прижал меня к стене, и... он...

У меня разрывается грудь.

- Аурен...

- Они отрубили мне ленты. Одну за другой. Я чувствовала каждый удар. - Аурен силится не плакать, но от всхлипов начинает задыхаться, и у меня тоже сжимается горло. - Больно. Как же это больно.

Где ты был?

Я не просто подвел ее. Я позволил ее уничтожить, будь я проклят.

- Потом я потеряла сознание - от боли или от росы, не знаю. Я приходила в себя, но ненадолго, а когда очнулась, мне снова дали росу. Не помню ничего, что было потом. Только отрывками.

Зубы ноют от вырвавшихся острых клыков, щеки чешутся от чешуи, которая теперь точно украшает мою кожу. Весь тот день перед балом я чувствовал, будто внутри меня скребут когтями. А потом наконец увидел ее, словно меня притянуло магнитом. Она стояла там, на балконе. И хотя тогда я еще ни о чем не подозревал, хотя нас разделяли сотни людей, я все прочувствовал. Я видел это по ее неустойчивой, прерывистой ауре.

Я думала, ты придешь. Но ты не пришел.

Я должен был стноить всю ту чертову бальную залу.

Ненависть, которую я к себе чувствую, столь сильна, что шипы на спине пульсируют, словно желая разорвать меня на части.

Аурен втягивает воздух, как будто просто переводит дыхание, но, увидев, как она опускает глаза, перевожу взгляд на свою руку - туда, где пульсируют шипы, а через разорванную кожу сочатся капельки крови.

Думаю, теперь понятно, почему кажется, будто мне грызут спину, хотя эта боль не идет ни в какое сравнение с той, что разрывает грудь.

- Я еще не видела тебя в таком состоянии.

Я рассеянно качаю головой.

- Такого и не происходило. Уже очень-очень долго.

Когда я понимаю голову и снова смотрю на нее, на ее щеках блестят высохшие дорожки слез. Слез, которых там вообще не должно было быть, если бы я исполнил свой чертов долг и защитил ее, как обещал.

Меня охватывает отвращение к себе, и я свиваю руки в кулаки.

- Где я был? - вздохнув, спрашиваю я, на что она снова смотрит мне в глаза. - Меня там, черт возьми, не было.

Меня не было там.

Пока она до изнеможения использовала свою силу.

Пока она находилась под действием дурмана.

Пока смотрела на избитого и окровавленного Дигби.

Пока ее прижимали к стене и калечили.

И все же она спустилась с балкона, прорвалась через толпу и встала рядом со мной, чтобы противостоять Мидасу. Она заявила на меня права на глазах у всех, и выглядела при этом так, будто готова сразиться с целым миром, чтобы меня защитить

А я...

А меня там, черт возьми, не было.

Глава 28

Аурен

Я сижу на плотном пальто на фоне упрямого дневного света, но могу лишь смотреть на оказавшегося передо мной мужчину.

Он был живым воплощением боли.

Слейд запускает руку в волосы, потягивая за черные пряди, а его лицо искажается в мученической гримасе.

А меня там, черт возьми, не было.

По тому, как он произнес эту фразу, я поняла, что мысль об этом изводила его, нанося удары по черепу, а затем снова и снова отзываясь в сознании злодейским эхом.

Я ненароком опускаю взгляд на шипы, вырвавшиеся из его рук и залившие их кровью. Никогда не видела такого в иные мгновения его преобразования. Но еще понимаю, что это не совсем обычное перевоплощение. Когда Слейд слушал мой рассказ, шипы вырвались из него внезапно и жестоко. Какая бы магическая сила ни сопутствовала его обычно неопасной метаморфозе, сейчас она не смогла совладать с этими свирепыми чувствами.

Но при виде его облика, при виде Рипа, я судорожно вздыхаю. Это все равно он, в каком бы обличье ни находился, но я по нему скучаю. По воплощению, с которым познакомилась первым. По облику, которому я доверяла и желала увидеть.

Он бросает на меня измученный взгляд, и я вздрагиваю, увидев, как пульсирует вокруг его тела аура. Она двигается, как плотные тени, покрывая его густыми страданиями. Но это не фикция. Не маневр или тактический прием. Он делает это ненароком и не для того, чтобы манипулировать моими чувствами. Он на самом деле очень старается не показывать чувств вовсе.

Смотря на него, я задаюсь вопросом, как вообще могла обращать внимание на Мидаса и верить хотя бы одному его чертову слову. Если Мидас и проявлял какие-то эмоции, помимо гнева, то делал это преднамеренно.

– Просьба о прощении – это оскорбительное, пустое слово, – выдавливает Слейд. – Мне претит, что я могу лишь произнести это ничтожное слово. Извинений мало. – Он качает головой, а его плечи напряжены, хотя сомневаюсь, что это как-то связано с шипами, торчащими у него из спины. – Я тебя подвел. Ты должна презирать меня за это. И не должна прощать. Но я эгоистичный подонок, потому что все равно попытаюсь добиться твоего прощения.

Он хочет его добиться. А не просить меня о нем.

Это так чуждо и невероятно.

– Рип...

– Если бы я поступил иначе, всего этого можно было бы избежать. Я должен был догадаться, что Мидас что-то задумал, когда он меня остановил. Должен был сразу же отправиться в твою комнату. Я вообще не должен был отпускать тебя из лагеря. Должен был найти в той клетке и спасти из заточения до того, как он тебя ранил.

– Но, Рип...

– Я должен был отравить гнилью всех в той чертовой бальной зале, невзирая на последствия, потому что позволил ему причинить тебе боль. А вместо того просто стоял. Стоял, пока он угрожал тебе убить. Ты должна вечно меня ненавидеть, винить, потому что я подвел...

- Рип! - Мой голос бьет хлыстом, оборвав его на полуслове. Слейд вздрагивает и устремляет на меня черный взгляд. Удостоверившись, что он меня слышит, говорю:

- Я этого не хочу.

Он качает головой.

- Я знаю, ты бы не хотела, чтобы я всех убил. Даже после всех страданий ты все равно спустилась, чтобы меня защитить, - фыркает он, пылая отворачиванием к самому себе, словно он его заслуживал.

- Я не о том. Я рада, что ты не вмешался.

Он отшатывается, словно я потрясла его до глубины души.

- Что?

Я киваю неспешно, но решительно.

- Я рада, что ты этого не сделал.

На его лице отражается недоумение.

- Почему? Я подвел тебя...

- Нет, неужели ты не понимаешь? Проблема в том, что я сама себя подвела.

Он поджимает губы, и между нами повисает тяжелое молчание. Я провожу пальцем по полу пещеры.

- Не стану врать, что не хотела, чтобы ты ворвался и спас меня тогда, - признаюсь я. - Но, вспоминая случившееся, понимаю: я рада, что ты этого не сделал.

Он втягивает воздух, словно ждал совсем не этого.

- Ты не подводил меня. Это я себя подводила. На протяжении долгих лет. Стало бы легче и не так болезненно, если бы ты пришел? Да. Но правда заключается в том, что мне нужна была эта последняя капля. Я не жалею об этом, потому что мне нужен был повод сорваться. Мне нужно было найти свой предел.

Всю свою жизнь я избегала этого предела, но каким бы неровным, болезненным и крутым он ни был, я его нашла.

- Но я должен был...

- Нет, - перебиваю его я. - Я должна была это сделать ради себя. Никто меня не спасет. Никто не сразится в моей битве. Это должна была стать я, понимаешь?

Он борется с чувствами. Я вижу: он по-прежнему считает, что подвел меня, по-прежнему злится, что его там не оказалось. И я понимаю. Правда. Но...

Я встречаюсь с ним взглядом, чтобы он увидел в моих глазах правду.

- Это я должна была себя спасти.

Его взгляд становится задумчивым.

- И ты спасла. Черт возьми, ты спаслась, - говорит он, и в каждой букве сквозит гордость. - Но мне претит, что ты чувствуешь себя виноватой. Мидас получил по заслугам. Он и правда был гадким монстром. Не ты. Если хочешь винить кого-то в его смерти, то вини меня, потому что я должен был убить мерзавца до того, как он тебя ранил. Но я не могу, черт возьми, смириться с тем, что ты сожалеешь...

- погоди минуту, - перебиваю я, взмахнув рукой в воздухе.

Рип останавливается, не сводя с меня взгляда.

И внезапно я понимаю, с чем еще он сражался, о чем все это время думал. То были сведения, которые напели ему на ухо. Я сражалась с воспоминаниями о той ночи, сражалась с тем фактом, что моих лент больше нет, а также со своей своенравной магией. Но и он также сражался с этим в одиночку, не меньше моего.

Я смотрю ему прямо в глаза.

- Хочу, чтобы ты выслушал меня очень внимательно.

Он собирается с силами, будто человек, оставшийся без крова под проливным дождем.

- К черту Мидаса.

Он удивленно смотрит на меня.

- Что?

- Ты слышал. К черту. Мидаса.

Великие Боги, как это приятно произносить.

Он трясет головой, словно пытается прочистить ее и не может поверить в услышанное.

- Моя вина заключается в том, что я втянула в свой приступ ярости невинных людей. В моих сомнениях относительно моей силы. Но Мидас? Нет. Я рада, что убила его, - решительно и твердо произношу я. - И жалею лишь о том, что не сделала этого раньше.

Он смотрит на меня, словно в ожидании, что в этой лжи вот-вот появится трещина. Но я говорю совершенно всерьез.

- Ты правда рада? - осторожно спрашивает он.

Я киваю.

- И чувствую облегчение. Никогда не испытывала такого облегчения. Она просто... ушла.

- Что?

- Клетка.

Рип не просит меня пояснить, потому как по выражению его лица вижу, что он понимает.

- Я пока пытаюсь уложить это в голове.

- Его смерть? - спрашивает он.

Я качаю головой.

- Нет. С тем, как он контролировал мои мысли. Мои решения. Мою жизнь. Даже сейчас я понимаю, что сторонюсь людей не только из-за своей силы, но и потому, что он не желал, чтобы ко мне прикасались. Я смотрела на все однобоко: он убедил меня, что мое мнение неверно. Если я что-то чувствовала, он убеждал, что я безумна или слишком бурно реагирую.

Все воспоминания накатывают стремительно. Столько незначительных мгновений. Порой я была слишком слепа, чтобы их распознать. Слишком запугана сладкозвучными словами в позолоченном замке.

- Вот в чем дело, - объясняю я. - В мелочах. В том, какой я стала покорной. Притесненной. Я была для него всего лишь дорогой игрушкой. Средством добиться того, куда он хотел попасть. И я вымостила ему этот путь золотом. Даже сейчас я волнуюсь, что он будет вечно меня преследовать. Волнуюсь, что мной все равно будут помыкать. А если я никогда не исцелюсь от его манипуляций? Если никогда не возьму урон, который он причинил моей личности?

Наступает долгое молчание, а потом Слейд говорит:

- Ты пережила серьезную эмоциональную травму, и потребуется время, чтобы от нее исцелиться. Но ты должна знать, когда нужно быть снисходительной к себе, а когда взять себя в руки. И если начнешь сомневаться, просто остановись и прислушайся к голосу разума. Если слышишь свой голос, а не Мидаса, то знай: ты одолеешь этого подонка.

Одолеешь этого подонка.

Мне нравится, как это звучит.

- Если честно, я была готова к тому, что меня накроет чувство вины, что одолеет сожаление. Мидас так долго манипулировал моими чувствами, что я ни секунды не сомневалась в том, что последствия не заставят себя долго ждать. Но то, что он со мной сделал...

Я прочищаю горло и отвожу взгляд, засунув руку в карман пальто. Кручу пальцами обрывок ленты, и атласная ткань обвивается вокруг моей руки, придавая сил.

– Я не чувствую сожаления или вины, – признаюсь я. – Я просто чертовски злюсь. Злюсь, что так долго это терпела, что позволила ему столь многого меня лишить. Я злюсь на всех, кто причинял мне зло или использовал. И злюсь, что не подумала спасти себя раньше. Не знаю, как совладаю со всеми этими чувствами, но я больше не боюсь. Я не испытываю вины или сожаления. Во мне бурлит только непреодолимый гнев.

Рип улыбается.

– Хорошо. Воспользуйся яростью, чтобы набраться смелости.

Я втягиваю воздух, и тот фейский зверь во мне почти мурлычет от его заявления.

– Гнев может многое, – продолжает Рип, проводя большим пальцем по острым кончикам шипов. – Может утащить тебя на дно, ожесточить. Но если воспользуешься им иначе, то гнев может стать опорой для твоей решимости.

– Говоришь так, словно знаешь на личном опыте.

– Знаю. Я научился использовать гнев в своих интересах.

У меня вызывает интерес мысль о том, что можно воспользоваться гневом, высеченным в глубине моей души.

– Выходит, ты не станешь говорить мне о том, чтобы я спокойно жила дальше и дала это делать другим? И о том, что я должна преодолеть свой гнев и забыть о нем?

– Черта с два. Я научу тебя им пользоваться.

Глава 29

Аурен

Раньше я захлебывалась в своем гневе, вязла в нем, становилась озлобленной и несчастной. Но теперь знаю, что могу использовать его иным способом – для обретения силы. Разве можно отказаться от такого шанса?

Я всегда была чересчур покорной. Думаю, покорность часто по ошибке принимают за слабость, но на самом деле это просто еще один способ

бороться. И выжить. Я усвоила, что терпение – это значит угождать кому-то и ждать момента, когда утихнет буря. И все для того, чтобы сохранить мир. Приходилось постоянно оттачивать свои реакции, мысли и чувства ради усмирения тирана и смягчения наказания.

Сперва я поняла, что мой гнев небезопасен, затем, что он иррационален. А в итоге пришла к тому, что он ошибочен. Я всегда была не права.

Да к черту все!

Будь проклят мой разум, который извратили по чужому представлению.

Насилие окрашено в серые тона. Некоторые из них темнее и сильнее бросаются в глаза. А какие-то я, вероятно, просто еще не заметила. Мое исцеление не случится за одну ночь.

Но... теперь я свободна. Поистине свободна. Впервые за двадцать лет мне представилась возможность решать, кем я хочу стать и как к этому прийти. И я не желаю тратить свое время на него. Я хочу раз и навсегда порвать с его влиянием.

Если я научусь использовать свой гнев, и он подстегнет меня идти дальше, а не оборачиваться на прошлое, то я крепко схвачусь за эту эмоцию.

Когда я смотрю на Слейда, то вижу, что он, похоже, разделяет мою решимость.

– Я правда хочу, чтобы ты научил меня пользоваться своим гневом, – говорю я. – Но истина заключается в том, что мое золото по-прежнему ведет себя неправильно. – Пожав плечами, я смотрю на свои руки. – Я могу представить, как пользуюсь золотом, поддавшись своей фейской сущности, но не могу так к ней взывать. В этой форме я не владею своей силой. А теперь у меня вообще не получается.

Когда приходилось пользоваться магией, я не прикладывала особых усилий. Вообще-то все было с точностью до наоборот. Мне как раз нужно было вести себя осторожнее и стараться, чтобы золото не изливалось потоком.

Когда я дала себе волю в той бальной зале, могла случиться настоящая катастрофа. Повезло, что меня остановил Слейд. Иначе я могла погубить его, Гнев или Дигби. Золото могло захватить замок и город, убить невинных.

– Моей магии нельзя доверять. И мне тоже, – наконец я произношу вслух слова, что вертелись у меня на языке, вынуждая снова и снова их проглатывать.

Слейд хмурится.

– Ты даешь себе волю, защищаясь, а твоя магия раскрывается с другой стороны, которую раньше ты не могла применять. В том нет ничего плохого, Аурен.

Не понимаю, как он может говорить такие слова. С другой стороны, Слейд и сам травит людей гнилью. Наверное, не мне судить, чем добро отличается от зла.

- И все равно я ничего не позолотила, - говорю я, теребя ниточку на чулках. - Ни одного предмета с тех пор, как проснулась. Моя сила всегда проявлялась невольно. Всегда. С восходом солнца золото просыпается, хочу я того или нет. Но с тех пор, как я пришла в себя... ничего не происходит.

Он на миг задумывается, обводя меня взглядом.

- Твоя аура кажется сильной. Но физическая магия, как у нас, может быть капризной. Вот почему так важны тренировки.

- Мне кажется, моя магия сломалась, - с трудом признаюсь я. - Думаю, той ночью, когда я сорвалась и моя фейская суть вышла на передний план, я каким-то образом призвала золото и сделала что-то не так. Я ее испортила, и теперь она проявляется иначе. Во всяком случае, если не обращаюсь к своей фейской сути, - а я не могу больше так срываться. Ведь то, что я натворила...

У меня срывается голос. Язык пересыхает от мучающих меня воспоминаний.

Я вижу обрывки воспоминаний: силу, которую призвала; то, что уничтожила, и людей, которых убила. Я все еще слышу их крики. И все из-за меня, из-за моей потери контроля.

Посмотри, что ты натворила.

В голове внезапно звучит голос, напоминающий пронзительный свист. Его зубы вгрызаются в меня, а по ушам бьет оглушительный рев.

Посмотри, что ты натворила.

Я отшатываюсь от него так, словно говорящий это человек стоит напротив, а не звучит у меня в голове.

- Аурен? - Я устремляю взгляд на Слейда, на морщинку между его бровями. - Что сейчас произошло? Где ты была?

- Ничего. Нигде.

Он прищуривает глаза. Смотрит. Наблюдает за мной и заглядывает в мою душу и голову, где кружатся эти воспоминания.

- Понимаю.

Мои плечи напрягаются.

- Что ты понимаешь?

Рип наклоняется вперед.

- Знаешь, что я думаю? - говорит он вместо ответа. - Я думаю, ты уже объяснила, почему твое золото проявляется иначе.

- О чем ты?

- Ты сказала, что ни тебе, ни твоему золоту нельзя доверять.

- Это так.

Он поднимает палец и показывает на меня.

- И это все объясняет. Потому что наши эмоции связаны с нашей силой, Аурен. В том числе и страх перед нашей магией.

Пульс становится чаще. Может, мне кажется, но клянусь, он опускает взгляд на пульсирующую вену у меня на шее и тем самым подмечает мое волнение.

- Ты боишься того, что натворила в Рэнхолде, - говорит Слейд. Мое сердце бьется о ребра, и я забываю моргать.

- Конечно, боюсь.

Он наклоняется ближе, и мне хочется отодвинуться, хочется поднести руку к лицу и закрыться от его пронизательности.

Внезапной волной во мне вздымается желание защититься.

- Я не должна была использовать золото подобным образом, но я это сделала и из-за этого убила людей. Я потеряла контроль.

- Ты не просто боишься того, что сделала той ночью. Ты боишься своего золота, не так ли?

Этот вопрос бьет наотмашь. Слейду даже не нужен мой ответ.

- Ты не можешь бояться своей силы, Аурен. Я знаю, тебе приходилось прятаться и подавлять ее всю жизнь, но...

- Раньше я вообще собой не управляла, а теперь должна беспокоиться о том, что превращусь в фейского зверя? Чтобы потерять возможность передохнуть ночью? - Я насмешливо хмыкаю и вздыхаю. - Я должна ее бояться, Рип. Потому что, когда теряю контроль, как тогда, в Рэнхолде, и как в...

Я захлопываю рот, широко раскрыв глаза.

Слейд наклоняет голову.

- Как где?

Нет.

Не хочу об этом думать.

Я всегда запрещала себе думать об этом.

- Аурен, ты уже теряла раньше контроль? - тихо спрашивает он.

Я сжимаю челюсть. В глаза бьет безудержный жар.

- Не хочу об этом говорить, - говорю я и вскакиваю на ноги. - Он не имеет к этому никакого отношения.

Я и трех шагов сделать не успеваю, как Слейд оказывается рядом. Он хватается меня за руку и поворачивает к себе. И я ненавижу волнение в его лице, потому что от этого мне становится только хуже.

- Моя магия просто сломалась. Вот и все, - упрямо говорю я.

Меня охватывает странное чувство, конечности покалывает, дыхание учащается, инстинкты повелевают бежать. Но Слейд не отпускает моей руки. Я застряла здесь и не могу уйти от этого разговора.

- Нет. Твоя магия не сломана, Аурен. У тебя появилось больше возможностей ее проявить, но ты просто это блокируешь.

Я чувствую, как напрягаются мои плечи.

- С тобой что-то случилось, да? - тихо спрашивает он. - Ты и раньше теряла контроль над магией, и случилось что-то плохое. А случившееся в Рэнхолде всколыхнуло эти воспоминания из прошлого.

Я дышу часто-часто, но все равно кажется, что воздуха не хватает.

- Дыши, детка, - мягко говорит Слейд, растирая мне руки успокаивающими движениями. - Расскажи, что случилось.

Я трясую головой, по щеке стекает влажная струйка.

- Нет.

Я не упрямлюсь. Просто умоляю его забыть об этом. На его лице появляется сочувствие, но он не сдается. Этот ублюдок никогда не сдается.

- Расскажи.

Я уползаю, продолжая слышать эти крики и видеть, как теряю контроль. Тогда и сейчас, здесь и там.

Посмотри, что ты натворила.

Я крепко зажмуриваюсь. Но одно-единственное слово, которое я пыталась предать забвению, просто вырывается у меня. Как кусок треснувшего потолка, который все же прогибается и падает вниз.

- Карнит.

Это слово звоном разносится вокруг нас. Прорывается непрошено, без моего согласия. Хотела бы я скрыть его снова в потайных закоулках души,

заглушить звук, эхом разлетевшийся между нами. Я не должна была произносить его вслух. Должна была спрятать его и случившееся в Рэнхолде.

– Аурен, что произошло в Карните?

Я замираю. Будто внезапно зажимают пальцами струны арфы, заглушая ее пение.

– Я не хочу говорить о Карните.

– Думаю, нам придется, – говорит он. – Думаю, случившееся в Рэнхолде всколыхнуло воспоминание об эмоциональной травме, которую ты пережила в Карните, и думаю, именно это сейчас и подавляет твою магию.

– Моей магии просто нельзя доверять.

– Это была новая сторона твоей силы, которой ты раньше не пользовалась. Нужна тренировка. Ты справишься.

– Или всех убью. Как чуть не убила в Рэнхолде. Как чуть не убила в...

– В Карните, – заканчивает за меня Слейд.

Мое сердце бьется так сильно, что удивительно, как оно не разбило еще вены.

– Расскажи мне, – тихо призывает он, смотря нежным понимающим взглядом. Словно, что бы я ему ни поведала, Слейд меня за это не осудит.

А он должен осудить.

– Я никогда об этом не говорила, – признаюсь я сдавленным шепотом.

Он касается моих щек большими пальцами.

– Мне нужно твое прошлое, помнишь? Твои воспоминания, твои мысли. Скажи мне, Аурен. Я хочу помочь.

Как я могу отказать ему? Он здесь. Он не уйдет, как бы сильно я ни настаивала. Неважно, что я его недостойна. Слейд с самого начала видел меня настоящую.

Наверное, пришла пора показать ему ту свою сторону, о которой он не догадывался.

Аурен

Мне повезло.

Я снова и снова думала об этом. Я сбежала из гавани Дерфорт. От Закира. От Бардена Иста. От прозвищ «раскрашенная девчонка» и звания самой дорогой наложницы в гавани.

Я сбежала, опрометчиво запрыгнув на неизвестное мне судно, которым заправляла строгая женщина. Капитан Мара была верна своему слову. Она взяла меня на борт, а я каждый день отработывала свое путешествие, оттирая побитые солью доски, наматывая веревку, выливая ночные горшки и нарезаая овощи.

Но я ничуть не возражала. Потому что это означало свободу. Побег.

Мне повезло.

Засыпая в качающемся гамаке с руками, покрытыми волдырями, и страдая морской болезнью, я была счастливее, чем за всю свою жизнь в гавани Дерфорт. А после нескольких недель плавания, когда волдыри стали мозолями, а желудок привык к качке и шторму, корабль прибыл во Второе королевство.

Капитан Мара усадила меня в лодку и довезла до пристани, а еще дала монету, которую я положила в мешочек, пришитый к платью. Стоя передо мной на той пристани, где крики чаек перемешались с разговорами матросов, она в какой-то момент сказала:

– У тебя ужасная морская болезнь. Постарайся стоять на твердой земле, ладно, золотая девочка?

И ушла, засунув трубку в рот и перекрикивая своих товарищей.

А я... я оказалась во Втором королевстве, где был белый песок, где вовсю припекало солнце, а на небе не было ни единого облачка, сулившего обрушиться на город пахнущим рыбой ливнем. Все здесь было не похоже на Дерфорт, но все же это была гавань, а я не имела ни малейшего желания оставаться поблизости с ними.

Потому я нашла первую же безопасную на вид переправу с одной семьей в повозке, и мне повезло, что они были рады взять меня с собой, заработав лишнюю монетку. У них было двое детишек, с которыми я нянчилась. И, самое главное, когда я закрывала ночью глаза, то чувствовала себя умиротворенно.

Оставив их, я нашла трех сестер, с которыми продолжила путь, и так удача сопутствовала мне из города в город, где я всегда находила компаньонку по путешествию. На меня тарасились, обо мне сплетничали, кое-кто даже подходил и спрашивал, для чего я разукрасила кожу, но чаще всего меня оставляли в покое. Тем не менее при первой же возможности я купила плащ с широким капюшоном.

Чем дальше я уходила в пустыню, тем суше становился пейзаж, пляжи и пальмы сменялись песчаными змеями и кактусами. Но я продолжала путь, стараясь оказаться как можно дальше от моря. Когда я находилась возле океана, то буквально ощущала присутствие Закира Уэста и Бардена Иста.

Моя удача начала иссякать вместе с монетами. Чем дальше я уходила от гавани, тем подозрительнее относились люди к странной золотой девушке. Чтобы они согласились взять меня с собой, приходилось платить больше – и это если вообще они соглашались со мной заговорить.

Пейзажи в пути становились все более суровыми и пустынными.

Я и до того думала, что здесь жарко, но раньше с берега хотя бы дул холодный ветер с океана. А здесь безжалостно палило солнце, и ветер был горячим. Несмотря на то, что дюны казались шелковистыми и мягкими, песок прожигал подошвы обуви. Вода стоила так дорого, что один-единственный цветок, срезанный с опунции, пополнил мои запасы как воды, так и пищи.

Несмотря на все это, мне нравилось солнце. Нравилось, что я могла запрокинуть голову и почувствовать, как кожа насыщается теплом, смывая все пропитанные дождем годы, что я провела в Дерфорте.

Но в пустыне днем светило солнце, а ночью температура резко падала. Даже закутавшись во всю свою одежду, согреться мне не удавалось. Мой наряд не шел ни в какое сравнение с холодом, наступавшим с заходом солнца.

Здесь нечем было удержать жару, негде было укрыться от пронизывающего ветра, и, когда заходило солнце, казалось, что это место становилось совсем иным. Не раз я просыпалась от того, что по мне ползали скорпионы или песчаные змеи. Я пробуждалась от неистового воя койотов, отправившихся на охоту, или от криков иных путников, от которых хотелось держаться подальше.

А проблема заключалась в моей спине.

Сперва я решила, что ее опалил солнечный ожог, что мощные лучи солнца прожгли рубашку насквозь. Спина зудела, а кожа отслаивалась, доставляя болезненные ощущения.

А после этого наступила боль. Какое-то время она иногда пульсировала между лопатками, периодически спускаясь до поясницы, а затем стала сопровождать меня в путешествии постоянно. Она казалась такой сильной, что я не могла ни лечь на спину, ни даже ходить. И хотя спина шелушилась, чесалась и болела, я должна была продолжать путь. Я старалась не обращать внимания на боль, хотя, останавливаясь на ночлег каждый день, чувствовала себя выжатой как лимон.

Когда садилось солнце, я с облегчением выдыхала. Ночное небо было ясным, а его темный лик усыпан звездами. В те ночи мне удавалось забыть о боли и думать лишь о том, что я свободна.

Свободна от гавани Дерфорт. Свободна от Закира. От того, что происходило в «Уединении».

Но я не знала, как мне поступить дальше. Единственное, что занимало мои мысли – желание бежать. Я ушла как можно дальше. Пересекла море, оставила берег ради песчаных дюн цвета пепла и чувствовала, как под жестокими солнечными лучами шелушится моя кожа.

Я знала, что нужно где-то остановиться, но в каждой деревне люди относились ко мне настороженно, мне были не рады. Потому я продолжала свое путешествие. Серьезность ситуации проявилась, когда я спала, прижавшись к задворкам торговой лавки и дрожа всем телом. В животе у меня урчало, во рту пересохло, а кожа и волосы были покрыты песком.

Я никого не знала, у меня ничего не было. Я истратила последнюю монету, чтобы наполнить бурдюк водой и набить орехами и финиками мешок. Я устала. Была напугана. И одинока – никогда еще я не чувствовала себя такой одинокой.

И вот тогда я нашла Милли. Или на самом деле это Милли меня нашла.

Она ткнула меня в бок тростью. Посмотрела сверху вниз одним мутным глазом и велела идти за ней.

Я хотела сбежать. Я знала, что людям нельзя доверять – особенно если у тебя нет денег или вещей, на которые можно было бы выменять свою безопасность. Но, хотя Милли и была слепа на один глаз, она заметила это по выражению моего лица и сказала:

– Убегай, если хочешь, но на кухне у меня кролик, а в колодце вода. А еще я могу предоставить тебе кровать – на ней спать куда удобнее.

Удивленная, я сидела перед этой женщиной и любовалась серебристым блеском ее волос, а также смотрела на ее сторбившиеся плечи и тело в форме чайника: согнутым локтем она опиралась на трость, как на ручку.

– Что? – спросила я, откинув с лица спутанные волосы и глядя на нее. Я сидела, согнув коленки и спрятав под платьем поношенную обувь.

– Сколько тебе лет, девочка?

– Пятнадцать.

– Хм. – Она еще сильнее оперлась на трость, и морщины на ее щеках стали более четкими. – Ты нарушила закон? Что-то украла?

Я покачала головой под ее пристальным взглядом.

– Тогда ладно. Пойдем.

Я уставилась на нее, пытаюсь прикинуть, в чем она могла меня обмануть. Не успев сообразить, что к чему, я увидела, как она развернулась и заковыляла прочь. Ее юбки длиной до икр шуршали, а серебристые волосы были заплетены в тугую косу.

Когда я не сдвинулась с места, она бросила на меня взгляд через плечо.

– Ну что? Будешь всю ночь торчать на улице и дашь себя заклевать стервятникам? Или пойдешь со мной? Потому что у меня болит бедро, а терпение на исходе.

Хотела бы я сказать, что внутреннее чутье велело мне довериться Милли и что пошла я за ней исключительно по этой причине, однако правда заключалась в том, что мне просто ужасно хотелось кролика и воды.

На темной улице Милли подвела меня к мулу, запряженному в повозку. Я села с ней рядом, а она взяла поводья и повезла нас из мрачного проулка. В конце улицы деревянные здания заканчивались, но она везла нас дальше. Мул устало брел по песку, пока наш путь освещал лишь полумесяц.

Через полчаса, когда я уже готова была свалиться от усталости, а спина ныла от зудящей боли, показался Карнит.

В большинстве деревень и городов, которые я проезжала, были оазисы или реки, и Карнит не исключение. Это была живописная деревушка, раскинувшаяся вокруг крошечного оазиса, а у воды росли финиковые пальмы.

Дом Милли находился прямо посреди остальных зданий. Они располагались между песчаными дюнами, а вдали в тени виднелась гора. Дома были кривыми и невысокими, их словно вылепили из глины и оставили жариться на солнце. Ее дом стоял чуть дальше остальных, и вокруг него был выстроен невысокий глиняный забор. Слегка покосившаяся железная крыша отливала серебром. Милли подвела мула к маленькой конюшне, где земля была усыпана соломой, а через проход были видны корыто и стойло.

Держась настороже, я ждала у входа в дом и смотрела, как она спускается с повозки.

– Хватит тарашиться, девочка. Подойди. Научу тебя распрягать Сэла, кормить его, поить и расчесывать. Завтра, когда отправлюсь доставлять провизию, ты научишься его запрягать. – Она посмотрела на меня, одна бровь была приподнята. – А еще научишься ездить верхом.

Но я тарашилась во все глаза на эту странную женщину.

Уже позже я научилась распрягать Сэла. Расчесывать его. Кормить и поить.

Когда я закончила, Милли напоила меня свежей прохладной водой из колодца, отдававшей на вкус землей. Я бы пила ее без передышки, если бы Милли снова не ударила меня клюкой и не сказала, что с меня довольно, потому как она не хотела, чтобы меня вырвало прямо у нее во дворе.

Потом я помогла ей разделать кролика, который сушился у нее над камином, и ела его, истекая слюнями. Она посмотрела на меня с прищуром и сказала:

– Хм, да ты же вся блестяшь.

И на этом все. Кажется, ей было все равно на мою золотую кожу. Эта женщина выглядела так, будто к своим годам повидала очень многое, и теперь ее ничем нельзя было удивить.

Накормив меня досыта, она отодвинула занавеску, висящую в дверном проеме, и показала комнату с небольшой соломенной кроватью и маленьким квадратным окошком, велев отдохнуть.

Той ночью я вообще не спала, потому что опасалась и тревожилась за свою жизнь. А еще задавалась вопросом, как она поступит, потому что, судя по моему опыту, люди не помогают и не раздают еду просто так.

Но не Милли.

Милли так и поступила.

Потому я осталась у нее на ту ночь, и на следующую, и еще на одну, пока не стала спать крепким сном, а моя настороженность не обернулась благодарностью.

Несмотря на ее преклонный возраст и слепоту на один глаз, я быстро поняла, что за Милли трудно угнаться. Она работала с рассвета до заката, а иногда и дольше, если нужно было сделать доставку или сходить на рынок.

Задний двор у нее был засажен пустынными дикими цветами и уставлен деревянными поддонами, на которых стояли ульи. Она научила меня собирать пчелиные соты, готовить желе из опунций, шить одежду, ставить силки на мелкую дичь, разводить костер и ездить на Сэле.

Со временем моя благодарность превратилась в теплые чувства. Милли была крепкой, как камень, и острой на язык, но еще была доброй. Она научила меня быть самодостаточной, дала мне крышу над головой, еду и воду, а я взамен старалась помогать ей, чем могла.

Какое-то время все было замечательно. Мы жили вместе в этом небольшом глиняном домике, и я была сыта. Милли – первая, кого я полюбила в Орее. Она походила на бабушку, которой у меня никогда не было. Проворная, опытная и внимательная, когда дело требовало верного решения.

Но была в ней и нежность. Например, в то первое утро, когда она посмотрела на темные круги у меня под глазами и сказала, что у нас будет день отдыха. В том, как она узловатыми негнушимися пальцами расчесывала мои мокрые и безнадежно спутанные волосы. В том, как она заметила, что я вздрогнула, и спросила, что случилось с моей спиной.

Она нашла меня спящей на улице и отвела к себе домой. Увидела мою золотую кожу и просто отмахнулась от этого. А потом, обрабатывая мою больную шелушащуюся спину, она увидела ленты на ней – и даже глазом не моргнула.

– Из тебя растут ленты, – просто сказала она. Совсем безразлично, без тени эмоции в голосе.

Я запаниковала.

А она была прагматична.

– Лучше их не выдергивать. Думаю, они и должны там расти.

Как всегда деятельная, она каждый вечер обрабатывала воспаленную кожу и велела оставить их в покое, сказав, что не стоит забивать этим голову. Потому что у людей по всему телу растут волосы, так что и в лентах нет ничего странного. Сказала, что у нее самой волосы на подбородке длиннее, чем ленты у меня на спине, хотя это недолго было правдой.

Именно ее невозмутимое отношение удержало меня от срыва. Именно ее тихая забота, с которой она каждую ночь ухаживала за лентами, вызвала у меня слезы на глазах.

Поэтому я продолжала помогать ей по саду, скрести кирпичи в колодце, заботиться о Сэле, чинить, стирать или готовить. И я была сыта, а еще в безопасности. Мне казалось, что, живя с Милли здесь, на окраинах деревушки посреди пустыни, я наконец-то обрела безопасность.

Пока однажды ночью все не изменилось.

Я как обычно уснула. Свернувшись калачиком на боку, смотрела на тонкую ткань в дверном проеме, кольшущуюся от ветерка, что проник через открытое окно. В комнате струился лунный свет того же мягкого молочного цвета, что и глаз Милли, и я слушала ее скрипучее пение, пока она занималась шитьем.

Ее голос напоминал мне о матери.

Всего спустя несколько часов, когда едва забрезжил рассвет, я резко проснулась. Наверное, меня разбудил звук хлопнувшей двери, а, может, просто какое-то волнение в воздухе. Я вздрогнула и села на кровати, чувствуя, как бешено колотится сердце, а потом и разум опознал опасность, о которой предупреждало тело.

А затем я услышала их. Шаги. Шаги, слишком грузные и уверенные против прихрамывающей Милли. Что-то упало на пол, послышалось громкое сопение, шарканье, кашель. И тогда я примерзла к кровати. Потому что тут был мужчина. Мужчина, который, похоже, сюда вломился. Этот мужчина ранит Милли, ранит меня, украдет чужое имущество, потому что он сильнее.

Потому что так мужчины и поступают. Они забирают, причиняют боль, и никто не может их остановить.

Спина зачесалась. Кончики пальцев заныли. Сердце все так же бешено колотилось в груди.

Я не могла допустить, чтобы с Милли что-нибудь произошло. Она слишком старая, слишком хрупкая, а ее колкий язычок только все испортит.

Это должна быть я. Она защитила меня, а я должна защитить ее. Меня захватило это непреодолимое желание ее уберечь. Я огляделась в скудно обставленной комнатке, пытаюсь найти то, что могла бы использовать в качестве оружия, и отползла, чтобы поднять с пола ботинок.

Прижимаясь к стене и смотря на развевающуюся в дверном проеме занавеску, я чувствовала, как меня охватывает решимость. Не позволю причинить боль Милли. Не позволю причинить боль мне.

Но когда тяжелая поступь стала ближе, у меня закололо кончики пальцев. Словно внезапно в них вонзились маленькие иголки.

Как только занавеску грубо сдвинули в сторону, я прыгнула и ударила вошедшего ногой по лицу. Он чертыхнулся и повернулся ко мне с разъяренным обветренным лицом, освещенным лунным светом. Мужчина толкнул меня с такой силой, что я ударилась боковой спиной о стену, а перед глазами заплескали звездочки. И теперь в тусклом свете раздался только мой крик.

– Попробуешь напасть на меня? – злобно выкрикнул мужчина, и мне на щеку попала его слюна. От него разило алкоголем. – Я покажу тебе, что будет после, девчонка!

Он даже не руками меня ударил. Мужчина стащил со спины тяжелый мешок и замахнулся им на меня. Сильно. Не знаю, что было в нем, но показалось, что на голову мне обрушилась наковальня. На плечо. На ребра.

Прижавшись к стене, я мечтала провалиться сквозь нее, попыталась поднять руки, чтобы защитить голову, а мужчина зарычал и снова замахнулся.

А потом я услышала Милли.

Чаще всего она была довольно медлительной, но от лежания в постели на протяжении нескольких часов боль в ее ноющих суставах становилась еще сильнее. И все же я услышала, как она торопливо шаркает и скребет клюкой по плиточному полу.

Меня захлестнула паника. Милли не выдержит таких ударов, в отличие от меня. Мужчина переломает ее хрупкие кости. Я услышала, как она зовет меня по имени скрипучим голосом. Услышала в нем страх, который меня подстегнул, сделал сильнее и заставил встряхнуться. От ее страха кончики пальцев заныли, стали гореть, а потом кровоточить.

Я почувствовала, как по моим ладоням течет жидкость, но почти не обратила внимания на горячую кровь, сочащуюся из пальцев.

В этот момент Милли подбиралась все ближе, а мужчина замахнулся ногой, чтобы нанести мне сокрушительный удар. Но я оказалась быстрее, поэтому, зарывав как зверь, бросилась на него и вцепилась окровавленными пальцами в его лицо.

Милли он не обидит. Я не позволю ему заявляться к ней в дом, воровать заработанные усердным трудом монеты и причинять нам боль.

Когда я набросилась на него, мужчина споткнулся, попытался меня скинуть, но я ударила его по голове и толкнула. Кровь на моих ладонях размазалась и хлынула потоком, но я так обезумела, что даже не поразилась этому.

А затем его рык стал клокочущим звуком. Он убрал рыскающие пальцы с моего тела и вцепился себе в лицо.

Скользкая кровь, льющаяся с моих рук, заставила меня ослабить хватку, и я упала на пол, но ноги тоже были мокрыми, словно я вдруг оказалась в луже собственной крови. Или его крови? Но мы лишь обменялись несколькими

ударами и царапинами – тогда откуда здесь столько крови? Пошел дождь? Крыша стала протекать? Но почему так тепло? Почему так жжет?

В исступлении я не смогла придумать объяснений, но в воздухе стоял металлический запах крови, а жидкость была теплой. Очень теплой.

Милли влетела в комнату с широко открытыми глазами, судорожно сжимая трость в качестве оружия. Она подняла ее, собираясь нанести удар, но резко остановилась, окинув мужчину внимательным взглядом.

– Фелтон?

– Ты его знаешь? – спросила я, но мой голос звучал как-то странно. Я почувствовала себя странно.

– Это мой брат. Приходит каждые несколько месяцев. Что..

Мужчина издал сдавленный звук, а затем упал коленями на пол. От удара послышался всплеск. Я отпрянула, когда что-то брызнуло мне на лицо.

– Фелтон! – вскрикнула Милли, и я поняла. Поняла, что совершила ошибку. Поняла по тому, как она повернулась, поспешила прочь, прихрамывая, а затем вернулась, держа в руке фонарь, чтобы осветить в комнате.

Когда свет проник в комнату, я не могла осмыслить случившееся.

Все вокруг было пропитано янтарным оттенком. Сияние фонаря. Мужчина стоял на коленях, хватаясь за горло и издавая самые тревожащие звуки. Но на нем не было красных пятен. На полу не было луж от дождя. Кончики моих пальцев не кровоточили. Я чувствовала не металлическое тепло крови.

Это было... золото.

Милли закрыла рот рукой и уронила трость на пол. У нее на лице был ужас.

– Фелтон!

Когда он издал еще один булькающий звук, у нее вырвался крик, а я вытаращила глаза, увидев, как она поднесла фонарь к его лицу, по которому стекало жидкое золото к самому рту. Он пытался откашляться, когда жидкость добралась до горла, попытался стащить с шеи вязкую жидкость, которая его душила и сдавливала.

– Что ты натворила? – крикнула Милли и перевела взгляд с меня на него. – Что ты натворила?

Еще минуту он боролся с золотом, а потом рухнул на пол.

Милли взвыла.

Она поползла вперед, но упала на скользком полу. Я наклонилась к ней, чтобы перехватить.

Не стоило этого делать, потому что, как только я схватила ее за плечи, золото побежало и по ее телу. Оно намеренно и сознательно захватывало тело Милли, пачкало ее одежду, покрывало пятнами кожу и скапливалось во рту.

Она даже не смогла бороться с ним, как этот мужчина. А я стояла и в потрясении смотрела, как это ужасное золото так жестоко напало на единственного человека, которого я любила.

Я попыталась оттолкнуть его. Попыталась вцепиться в золото там, где оно попадало ей в рот и стекало по шее, но от этого становилось только хуже. С моих ладоней потекло еще больше золота, обрушиваясь на Милли враждебным ливнем, и я отдернула руки. Я уставилась на них, смотря, как по ним стекают блестящие капли, и не могла этому помешать.

Что ты натворила?

Из груди пыталось вырваться отрицание, но когда я встала перед Милли на колени, то увидела только широко раскрытый белесый глаз, увидела, как золото прижимает их с братом к полу...

И вот тогда меня захлестнула паника.

Царапая пол ногтями, я поскользнулась на влажной плитке и побежала. Закричала. Просила помочь, чтобы хоть кто-нибудь в этой деревне излечил ее, чтобы все это превратилось в кошмар, несмотря на то, что на горизонте показалось жаркое солнце.

Но когда я закричала, когда выбежала из ее дома во двор, золото последовало за мной. Оно бежало за мной, кусая за пятки, как дикая собака.

Первый человек, выбежавший на мои крики, остановился как вкопанный, бросив на меня один-единственный взгляд. Спотыкаясь, я бросилась к нему, вцепилась ему в руки, умоляя помочь, пока по щекам текли золотые слезы.

Не стоило к нему прикасаться. Не стоило его хватать. Потому что золото набросилось и на этого человека. Он упал, как и Милли с Фелтоном. Рухнул к моим ногам и умер у меня на глазах от одного моего прикосновения.

Деревня заполнилась криками. Из домов выбежали люди. Я дрожала, плакала, кричала, а проклятие накатывало на меня волнами, разливаясь у ног, изливаясь из рук.

- Она проклята! Она пришла, чтобы проклясть нас!

- Нам нужно ее сжечь!

Нет, нет, нет.

Я горела под этим непрекращающимся золотым потоком, а Милли...

Когда ко мне подбежали мужчины с зажженными факелами, я поняла, что они убьют меня. Я знала, что заслужила смерть. Но мне было нужно, чтобы они посмотрели. Они нужны мне, чтобы помочь Милли.

- Пожалуйста, пожалуйста.

Они бросились на меня, глаза их горели огнем, пламя отражалось от собравшегося вокруг меня золота. Почувствовав прилив страха, я попыталась повернуться и убежать.

Но мое проклятие этого не позволило.

Оно вырвалось из меня, хлынуло из дома Милли, потекло по улице как внезапное наводнение, поглотив деревню.

Совсем скоро золото затопило дома. Оно влетало в двери, окна и капало с крыш. Воздух сотрясали крики. А потом сдавленное бульканье и топот резко прекратились.

Чтобы убить целую деревню, мне понадобилось совсем немного времени.

Я застыла, стоя коленями на расплавившейся дороге, и смотрела на учиненные мной разрушения. У моих ног растеклась лужа, а вся деревня была покрыта пятнами, с домов стекало золото.

Меня осуждало пламя валяющихся на земле факелов. Восходящее солнце жарило обвинительными лучами.

Что ты натворила?

Золото высохло только вместе с моими слезами.

И к тому времени все были мертвы. Мужчины, женщины, дети.

Милли.

Оно не пощадило даже беднягу Сэла.

Мои ладони превратились в месиво из застывшего, липкого золота, которое мне пришлось отдирать, - ноги выглядели так же. Я чувствовала на щеках высохшие дорожки, когда бежала по деревне. Золотые пятна, словно брызги крови, заляпали все: лица, дверные проемы и оконные стекла.

Я убила всех в Карните.

Не знаю, как я потеряла сознание, но когда пришла в себя, уже была ночь. Меня окружали тени позолоченных мертвецов. В домах было слишком тихо, не горел ни один камин. Измученная, я побежала к дому Милли, рыдая и ступая по золотым разводам на полу, которые были такими же липкими, как мед, который собирала Милли.

Я знала, что не могу остаться. Знала, что должна бежать. Потому сняла липкую одежду и умылась, переодевшись в чистую рубашку и брюки, а также

накинув плащ. Я нашла рюкзак Милли и набила его едой и водой, а затем сбежала.

Я больше не могла оставаться в этом доме. В деревне. Потому побежала к следующей. На большее мои уставшие ноги были не способны. Я пряталась в переулке, не в силах уснуть, потому что перед глазами стояло золото, блестящее на губах и щеках Милли, и ее здоровый глаз молочного цвета, оставшийся нетронутым. Он смотрел и уже не видел все, как раньше.

Следующей ночью на эту деревню был совершен налет. Мужчинами, которые явились сюда с факелами и угрозами. Я думала, они нашли Карнит и поняли, что я натворила. Думала, они выследили меня, чтобы убить, а эту деревню наказывали за то, что она невольно укрыла проклятую девушку.

Конечно, тогда я не знала, что это был он. Не знала, что он интуитивно последовал за мной через весь океан и что он нашел Карнит, где воплотился его идеальный план. Ему не нужны были влияние или богатство, чтобы быть преступным главарем гавани Дерфорт в Ист-Энде. Уже нет. Поэтому он назвал себя вымышленным именем и приказал своим людям сжечь Карнит дотла и закопать золото, полностью спрятав улики.

Потом он меня выследил, приказал половине своих людей напасть на деревню, чтобы это выглядело как налет, а другая половина якобы пыталась спасти жителей. Вскоре он приказал убить своих людей. Никому нельзя было знать, кто он такой и откуда родом.

Никому нельзя было знать обо мне.

И я отправилась за ним. С проявившейся магией и несчастным, испуганным сердцем я отправилась за ним, видя в нем своего спасителя. Своего защитника. Когда он сказал, что у нас закончились деньги, с его помощью я научилась пользоваться своей силой. Ради него я должна была этому научиться, а еще должна это скрывать.

Когда я впервые попала во Второе королевство, то думала, что мне повезло.

Но оказалось, что жители деревни правы.

Я была проклята.

Глава 31

Царица Малина

Возможно, холод должен волновать меня сильнее, чем есть на самом деле, но, наверное, я просто окоченела.

Окоченела, когда мне пришлось бежать из собственного замка.

Окоченела, когда пришлось бежать из своего безопасного дома.

Окоченела, когда я бежала из своего королевства.

Возможно, поэтому я не чувствую метели, которая бурлит вокруг нас пузырьками инея, раздраженным круглым облаком, выплескивающим снежный туман.

А, может, окоченела от потрясения.

С тех пор как мы покинули Шестое царство, я потеряла счет дням. С тех пор, как мы ступили на проклятую землю, где когда-то находилось Седьмое королевство.

Здесь никто не живет. Во-первых, это запрещено, а во-вторых, здесь невозможно поддерживать жизнь. Здесь нет ни деревьев, ни птиц, а почву и воздух как будто что-то отравляет.

Или, возможно, здесь просто слишком холодно.

Когда я была девочкой, мне преподавали уроки истории о монархах, которые когда-то здесь правили. О том, каких огромных успехов они достигли в поисках неизведанного. Само королевство тоже когда-то было интригующим. Например, оно завораживало огромными ледяными озерами, на которые стекались посмотреть люди. Или айсбергами, торчащими из замерзшей воды, как зубы гигантского морского змея, прокусившего лед.

Когда-то это королевство было огромным, и, несмотря на более суровую стихию, его столица процветала. Сердце союза Ореи и Эннвина, врата между родственными мирами, где феири и ореанцы могли свободно перемещаться между двумя государствами.

А теперь одно из королевств пало.

Если бы не сэр Пруинн, я бы повернула назад, как только заметила расколотую и опустошенную землю. Теперь с полной уверенностью могу сказать, что учителя, рассказывавшие мне о разрушении Седьмого королевства, не преувеличивали. Феири просто уничтожили это место. Не уцелела ни одна пядь земли, и она так и не восстановилась. Спустя триста лет все здесь указывает на то, что это королевство никогда не возродится к жизни. Оно не просто уничтожено, оно... противоестественно. Иногда у меня возникает ощущение, будто в сером тумане, окутывающем трещины, пульсирует какая-то злодейская магия.

Там, где часть земли просто осыпалась, видны неровные полосы земли, похожие на зазубренные ножи. словно в королевстве случилось мощнейшее землетрясение, разнесшее его на части. Остались только рваные полосы на ровном горизонте, да серо-белая пустота, мрачная и опустошенная.

Пруинн едет вперед, а я не отрываю взгляда от горизонта. Однажды я допустила ошибку и глянула вниз, в эти пустые трещины в земле. В них я

увидела завитки тумана, от которых у меня закружилась голова. Потому что в этих огромных трещинах нет ничего – никакой тьмы теней, которая подсказывала бы, что внизу находится ядро земли. Вместо него только серая пустота, которой нет конца. словно вы будете падать бесконечно, потому что все, что здесь случилось, породила магия, а не природа. Эти трещины в земле – искажение разрушительной силы.

И они не прекращаются. Сколь бы долго ни держали мы путь, земля не меняется. Пруинн воспользовался картой и знает, когда нужно повернуть, чтобы не попасть в эти расщелины, а когда можно смело преодолевать узкие полосы земли. Пока что трудности миновали нас, хотя мне очень хотелось бы обратного. Хотелось бы, чтобы у нас не осталось выбора и пришлось повернуть назад.

Но куда?

Все это время меня мучает этот вопрос. Я ни капли не верю в магию шарлатана Пруинна, но карта может указать мне на желание моего сердца, так куда мне еще идти?

Мой супруг приказал наемнику меня убить. Мой народ восстал против меня. В Шестом царстве меня ничто не ждет.

Возможно, потому я окоченела.

Кто я, если не Малина Кольер, царица Шестого царства?

Потому мы продолжаем путь.

Я даже не уверена, почему лошади еще живы. Здесь Пруинну не достать еды, а я ни за что не поверю, что у него есть в запасе бочки с сеном. Это место не просто пустынное, как некоторые районы Шестого царства. Земля здесь пустая, бесплодная. Жуткая.

И все же, чем дальше мы продвигаемся, тем фанатичнее становится Пруинн.

– Мы ничего не найдем, – твердила я снова и снова.

На что он всегда отвечает:

– Доверьтесь карте.

Глупец.

Я сплю на ходу, укрывшись капюшоном и убаюканная покачиванием. С тех пор я перестала волноваться из-за того, что лошадь поскользнется на краю и мы упадем в серую бездну. Кажется, сейчас у меня хватает сил, чтобы волноваться за себя.

Возможно, именно в том и заключается желание моего сердца – в бесконечном конце.

Когда повозка внезапно останавливается, я резко просыпаюсь и слышу сквозь шум ветра голос Пруинна. Поворачиваюсь, чтобы понять, почему он

остановился до наступления темноты, но замираю, увидев вырисовывающийся перед нами силуэт.

Сначала мне кажется, что это один из старых айсбергов, о которых я читала, только намного больше тех, что себе представляла. Он утопает в море из белого снега, а его зазубренные кончики, острые, как клыки, устремлены к небу. Он неровный, словно на три четверти погружен в землю, а из нее торчит оставшаяся часть.

И все же, продолжая вглядываться в него сквозь серый туман, я понимаю, что это не совсем тот омертвевший айсберг с зубцами, каким я его себе представляла.

Это... замок.

Или то, что от него осталось.

- Это то, о чем я думаю? - шепчу я, не сводя с него глаз.

Пруинн свободно держит в руках вожжи, а его короткие светлые волосы кажутся тусклыми при дневном свете.

- Да.

Я неверующе качаю головой.

- Как это возможно? Я думала, замок полностью разрушен.

- Видимо, нет.

Меня столько лет учили, что город и сам замок поглотила магическая пустота, но смотря на его обветшалые очертания, понимаю, что мне говорили неправду. Седьмое королевство разрушено и уничтожено, но оно еще здесь. Как частично сохранившийся скелет.

Пруинн везет нас дальше, к цельному острову, который когда-то был безупречным дворцом. Когда подъезжаем к нему ближе, я вижу останки каменной кладки со сколами по бокам, и вижу то, что находится за ее пределами.

Мои глаза сыграли со мной злую шутку, потому что это не просто плоская, замерзшая земля, простирающаяся далеко-далеко.

Когда мы ехали сюда, мне казалось, что я видела огромные трещины, но все это не идет ни в какое сравнение с тем, что предстает передо мной теперь. Это не просто потрескавшаяся расщелина в земле. Нет, земли за замком больше нет.

Словно огромный кусок плоской земли оторвали, как лист бумаги, и выбросили прочь. Взбаламученные облака бесцветного тумана тянутся по отвесному краю, а за ним ничего нет. Внизу ничего нет.

Волосы на затылке встают дыбом, и у меня внезапно возникает чувство, что за мной наблюдают. Я оглядываюсь, но не вижу на снегу ни единого

пятнышка. Возможно, меня преследует магия, будто зная, что жизнь осмелилась нарушить пустоту.

Я не могу избавиться от этого жуткого ощущения, и тогда Пруинн подвозит нас к самому краю руин. Сооружение на холоде превратилось в окаменелость, сохранив изношенный временем камень. Я не могу разобрать, где могли быть окна или балконы, но еще сохранились очертания иссечённой крыши и стен.

Пруинн спрыгивает с повозки и, обойдя ее, протягивает мне руку.

– На этом ваша карта заканчивается, Ваше Величество, – говорит он и улыбается еще шире. – Посему давайте найдем желание вашего сердца.

* * *

Пруинну каким-то образом удалось найти проход в развалины замка. Сейчас это всего лишь затененная, местами обвалившаяся пещера.

Ощущение ужасное, словно оказываешься в чреве давно испутившего дух гигантского зверя. Здесь тоже клубится туман, и единственное, что отличает это место от внешнего мира – зловещее эхо наших шагов. Я снова чувствую, будто за мной наблюдают. Будто сам замок следит за мной, находя меня скверной.

Что ж, я тоже считаю его скверным.

– Мне жаль вас разочаровывать, сэр Пруинн, но это точно не то, чего желает мое сердце.

Мы останавливаемся посреди когда-то бывшего огромного вестибюля высотой не менее тридцати футов, который теперь покрыт инеем пепельного цвета.

Обернувшись к Пруинну, я складываю перед собой руки. Я устала от путешествия, чувствую себя грязной, и теперь еще с большим нетерпением жду возвращения обратно.

– Не знаю, чем я думала, позволив привести меня сюда, – говорю я тоном таким же холодным, что ледяная крошка под ногами. – Надеюсь, вы счастливы. Вы только что доказали, каким являетесь шарлатаном, а теперь мы безо всякого повода очутились на краю света.

Мой гнев становится леденящим и холодным.

– Не этого желает мое сердце, – снова говорю я и показываю на руины. – Зачем вы меня сюда привезли? Это раздробленная и отсеченная земля, которая никогда не станет тем, чем была когда-то.

Как и у меня теперь нет надежды стать той, кем я когда-то была.

За мной кто-то прочищает горло, и я напрягаюсь.

– Вот тут вы ошибаетесь, Ваше Величество.

Я резко разворачиваюсь и округляю глаза при виде двух стоящих передо мной мужчин.

Первое, что бросается в глаза, – насколько они не вписываются в эти заброшенные развалины, так как оба одеты с иголочки. Словно стоят не посреди руин, а находятся на королевском празднике.

Второе, что я замечаю, – мужчины почти одинаковые. Густые волосы лежат на плечах, они одного роста, и даже поза у них одна и та же. Единственное заметное различие между ними – родинки посередине щеки, которые у каждого располагаются на разных сторонах.

– Кто вы? – спрашиваю я, в испуге сделав шаг назад. Ощущение, что за мной наблюдают, возвращается в полную силу, отчего туман, клубящийся рядом, кажется еще гуще.

– Я Фриано, а это мой брат-близнец Фасса, – говорит стоящий слева мужчина с такой же родинкой на левой щеке. – Мы рады с вами познакомиться, царица Малина Кольер.

Я с опаской поглядываю на Пруинна, но он просто наблюдает за мной ободряющим взглядом, который мне сразу же хочется стереть с его физиономии.

– Откуда вы знаете, кто я, и что вы здесь делаете?

Фриано улыбается, демонстрируя ряд идеально ровных зубов.

– Вы правительница Шестого царства. Разумеется, мы знаем, кто вы. Рассказы о красоте Холодной царицы долетели даже до здешних мест.

Я удивленно приподнимаю брови.

– Хотите сказать, что вы живете здесь?

Они оба кивают в унисон, и на этот раз отвечает Фасса:

– Да.

– Как это возможно? Здесь нельзя жить. Земля совершенно пустынна.

– Ах да, – жизнерадостно отвечает Фасса. – Брат, не мог бы ты?..

– Конечно. – Кивнув, Фриано поднимает палец в воздух и вращает им, по руинам как будто проходит волна, и замок преобразается.

Через несколько мгновений руины исчезают, и на их месте возникает замок Седьмого королевства. Гладкие серые стены, ослепительно голубые окна и черный мрамор – цельный и блестящий. На месте того, что раньше было ободраным остовом пещеры, теперь восстановленный и элегантный холл.

Будто время повернуло вспять, устранило урон и вернуло этому месту его законную славу.

Мне остается лишь стоять, разинув рот и пытаюсь осознать увиденное. Разум не верит глазам.

– Как?

– Мы ждали вас, Ваше Величество.

Я отступаю назад, переводя взгляд между ними, а потом устремив его на Пруинна.

– Вы знали, что они тут ждут? Что это произойдет?

– Я знал, что мы что-нибудь найдем, – говорит он, хлопает по карману, где я вижу очертания свернутой карты. – Я всегда доверяю своей магии.

Сбитая с толку, я оглядываюсь на близнецов. Невольно провожу руками по мятому, испачканному платью. Близнецы выглядят свежо, а я грязная, неряшливая, и обычно идеально уложенные волосы теперь спутаны на затылке.

– Зачем вы меня ждали?

Они переглядываются, и на их лицах появляются одинаковые ухмылки.

– Потому что мы молили богов о законном наследнике Ореи, чтобы они помогли нам восстановить славу Седьмого королевства. И они привели нам вас.

Я цепляюсь за их слова, и в моем уставшем теле зарождается надежда.

– О чем вы толкуете?

Фасса подходит и осторожно берет мою ладонь, как сделал бы аристократ перед тем, как поцеловать руку в знак благосклонности. Однако он не подносит мою руку ко рту, а держит ее, и его ладони кажутся слишком теплыми.

Или, может, это я слишком замерзла.

– Ваше Величество, вы – ответ на наши молитвы. Вы – правительница, в которой нуждается эта земля. И ваше прибытие это доказывает.

– Что доказывает?

– Разве это не очевидно? – спрашивает он, и в его темных глазах загорается надежда. – Вы станете королевой, которая спасет Седьмое королевство.

Аурен

- Выглядит неплохо, миледи.

Ходжат легонько похлопывает меня по плечу, подсказывая, что я могу сесть, поскольку он уже застегнул на спине мою рубашку.

- Мне еще долго нужно накладывать мазь? - сев, спрашиваю я и чувствую лишь легкое неудобство в спине.

- Думаю, осталось недолго. Вы довольно быстро поправляетесь.

- Внешне, может, и да, - бормочу я. - Спасибо, Ходжат.

Он смотрит на меня краем глаза, и я вижу, как с мгновение мужчина колеблется, а потом поворачивается ко мне, перекинув через плечо кожаную сумку.

- Миледи, я знаком с вами не очень долго, но, думаю, знаю вас по вашим ранам.

Я не нахожусь что ответить на это. И тут он похлопывает себя по обвисшей коже, похожей на оплавленный воск.

- Люди со шрамами, мы знаем. Мы видим. Мы понимаем. - Потом касается своего опущенного глаза. - За ними кроется боль, да?

У меня пересыхает во рту.

- Да.

Он кивает и опускает руки.

- Я могу исцелить ваше тело, миледи. Но, боюсь, мои настойки и мази не исцелят ваш разум. Это зависит от вас.

- А тебе удалось? Удалось исцелить свой разум?

Он грустно улыбается.

- Мне нравится так думать и нравится полагать, что вы тоже исцелитесь. - Он протягивает высушенный цветок лотоса с ярко-фиолетовыми лепестками, которые окружены желтыми пучками. Это растение очень похоже на чудовище, выплывшее со дна океана. - Положите его под подушку.

Взяв цветок, я снова смотрю на Ходжата. Он оставлял пионы у меня под подушкой, как в лагере. Помнится, тогда он сказал, что там, откуда он родом, считается хорошей приметой класть их под подушку, если болеешь.

И я вспомнила его напутствия.

Пионы для крепкого здоровья. Верба на счастье. Хлопковые стебли для достатка. Мясистые листья нефрита приносят гармонию.

А лотос для стойкости.

Поверить не могу, что раньше не подумала об этом совпадении.

– Откуда ты узнал об этой традиции? – осторожно спрашиваю я.

– О, – отвечает он, и в его глазах появляется непонятный блеск. – Ее мне передали. Я научился своему ремеслу у очень хорошего целителя.

Целителя. Не лекаря.

Лекарь – это ореанское слово. А целитель...

– Ты.. то есть, ты не можешь быть, но.. – заикаюсь я и смотрю на него так, словно вижу впервые. Вспоминаю, как он не артачился, увидев мои ленты, мою силу, все, связанное со Слейдом. – Откуда ты родом?

– Меня выдал мой акцент? – шутит Ходжат, постучав по носу. – Я родился в Южной Орее. Хотя прожил здесь какое-то время. Обучался.

Я приподнимаю брови.

– Здесь? В..

– Да, в деревне Дролллард. Здесь холоднее, чем там, где я рос, – говорит он с улыбкой, от которой на его шрамах появляются морщинки.

Слейд мало рассказывал мне об этом месте. Знаю лишь, что оно для внешнего мира не существует. Полоса пустынной земли – это все, что он получил, решив не объявлять войну.

Но почему?

Почему именно это место?

Что здесь такого важного, что он захотел сделать деревню частью Четвертого королевства, когда она находилась за пределами его владений?

Возможно, из-за гнили. Я слышала, как его сила вырвалась за пределы его владений и распространилась до Пятого королевства. Но не могу отделаться от мысли, что здесь кроется что-то еще. Зачем прятать целую деревню?

В голове вертятся вопросы, но не успеваю задать Ходжату еще один, как он выходит из комнаты и закрывает за собой дверь. Я опускаю взгляд на лотос,

чувствуя, как в сознании пытаются запечатлеться обрывочные воспоминания. Они всего лишь жалкие кусочки, прилипшие друг к другу

Ветка вербы, свисающая со столбика кровати. Пионы, перевязанные лентой под подушкой. Я просыпаюсь и касаюсь засохших осколков, вдыхаю их аромат, пропитавший подушку.

Я осторожно кладу дар на кровать, чувствуя, как меня захлестывает волна ностальгии, а любопытство сковывает конечности.

Заставив себя встать, я иду в умывальную и мою руки, а потом зачесываю волосы назад и заплетаю простую косу, подходящую для тренировок. А потом понимаю, что в шкафу нет чистой пары чулок. Слейд хотел принести их из своей комнаты, но, похоже, забыл.

Мгновение я раздумываю, не проще ли сразу отправиться на тренировку с Джаддом, но мне нужно надеть брюки потолще, чтобы смягчить падение на колкое сено. Потому расправляю плечи и выхожу из комнаты, направившись к последней двери в конце коридора.

Я сжимаю пальцами дверную ручку, но проходит несколько секунд, прежде чем набираюсь смелости и поворачиваю ее. Я замираю на пороге и смотрю на кровать.

Золото покрывает ее полностью, толщиной около дюйма, оно растеклось от изголовья до изножья, а в центре жидкость застыла и стала неподвижной. Я медленно подхожу к нему и гляжу на свое позолоченное отражение.

С тех пор как Слейд привел меня в пещеру и я призналась во всем, что произошло в Карните, он отступил. Разговор пошел на пользу нам обоим, но я не готова еще иметь дело со своей магией. Для начала хочу сосредоточиться на физической выносливости, а тогда, может, почувствую, что смогу взяться за свое золото.

Может, Слейд прав. Может, я блокирую свою силу. Но отчасти так легче. Столько лет оно неудержимо лилось из меня. Если бы я только сорвалась раньше и обрела контроль, моя жизнь могла бы сложиться совсем иначе. Потому, может, мой выбор эгоистичен, но я не готова заканчивать с этой паузой. Не готова выпустить золото.

Даже сейчас, глядя на этот застывший пласт золота на кровати, я не хочу к нему прикасаться, соединяться с ним. Хочу еще немного побыть собой, без дара проклятого прикосновения.

Я бросаю последний взгляд на свое отражение и, отвернувшись, подхожу к шкафу Слейда, где, к счастью, нахожу пару чулок. Выходя, больше не смотрю на кровать. И, только закрыв за собой дверь, прерывисто выдыхаю.

– Вот ты где, – подходит Лу. – Я тебя искала.

– Зачем?

Она останавливается передо мной, одетая в привычную кожаную форму и без своих огромных тапочек.

- Потому что сегодня хорошая ночь, и я подумала, что ты, возможно, захочешь прогуляться. А то у тебя, наверное, уже раздражительность повысилась от сидения на одном месте.

У меня вырывается смешок.

- Я прожила в клетке десять лет.

- Ой, точно. - Лу пожимает плечами. - В общем, ты не против, если я отведу тебя в павильон и познакомлю с жителями деревни?

Я борюсь с сомнениями. До сих пор я выходила из Грота только со Слейдом, когда он отвел меня в другую пещеру на разговор. Между домом и тренировками с Джаддом у меня не было причин покинуть пещеру, и здесь я чувствовала себя защищенной. Будто остальной мир не сможет ко мне прикоснуться. Пока я здесь, мне не придется иметь дело ни с тем ни с другим.

- Не могу. Я должна встретиться с Джаддом на тренировке.

- Ты и так молодчина, пропусти сегодня.

Я натягиваю на лицо вымученную улыбку.

- Нет, лучше не надо. Не хочу подводить Джадда.

- Ладно, получаешь дополнительные очки за прилежность, - слышу я Джадда, а через секунду он появляется из-за угла с растрепанными волосами горчичного цвета и ухмылкой. - Думаю, тебе будет полезно выйти и погулять с Лу. Удели особое внимание походке. С ней тебе еще нужно попрактиковаться, а то пока хреново получается.

- Ха-ха, - сухо говорю я.

Он игриво подмигивает.

- Хочешь с нами? - спрашивает Лу, когда он подходит ближе.

- Нет, наслаждайтесь.

Она бросает на него скептический взгляд.

- Даже не думай об этом.

- О чем? - спрашивает он, и его голос звучит слишком невинно, чтобы это было правдой.

- Если зайдешь в мою комнату, пока меня нет, я все равно узнаю.

- Правда? - парирует он, сверкая глазами.

- Черт возьми, Джадд, я не крала то чертово вино!

- Угу, - говорит он так, словно ни капли не верит Лу.

Проходя мимо девушки, он толкает ее локтем и идет к своей спальне.

- Повеселись со Златовласой. Выпей за меня вина, раз уж я не могу, ибо у нас пропала бочка.

Лу закатывает глаза, и Джадд исчезает в своей комнате до того, как я успеваю убедить его, что лучше потренируюсь.

- Итак... - шепчу я, поглядывая на Лу. - Это ты украла вино?

Она фыркает.

- Конечно, я. Готова?

- Эм...

Она выгибает темную бровь.

- Золотце, ты уже не в клетке. Надо же иногда выбираться из дома.

Она права. Я знаю. Не могу же я прятаться вечно. Но что, если снова сорвусь? Что, если фейский зверь вырвется наружу и я затоплю деревню золотом, убив еще больше невинных людей?

- Моя сила...

- Ты справишься. А если нет, то, уверена, я смогу отвлечь тебя своей магией.

Я наклоняю голову.

- А твоя магия может?

- Понятия не имею. Пойдем.

Мне не удается скрыть в голосе неуверенность.

- Хорошо.

Она склоняет голову, пропуская меня вперед, и я иду в гостиную.

- Возьми пальто, - говорит Лу, и я повинуюсь. Жар из расположенного рядом камина проникает сквозь ткань, окутывая меня восхитительным теплом. - Еще не поздно, так что в павильоне есть люди.

Я киваю, застегнув последнюю пуговицу, а затем надеваю сапоги.

Лу натягивает капюшон на бритую голову.

- Готова?

- Не слишком ли поздно для тренировок?

Она закатывает глаза и тянет меня за руку.

- Пошли, Золотце.

Мы выходим из дома и проходим через пещеру Грота, - и с каждым шагом мое сердце бьется чаще. Я думаю только о том, как встал передо мной Слейд, когда я наконец пришла в себя и поняла, что убила людей и затопила целую залу.

Ночь стоит ясная, над снегом мерцает полная луна, отчего кажется, что все вокруг светится. И все же я не нахожу в этой картине утешения. Раньше ночь давала мне передышку. Раньше ночь сулила безопасность, потому что можно было не беспокоиться о своей магии. Но теперь я не могу ей доверять.

- У тебя получится, - говорит Лу, и я иду за ней налево. Заснеженная тропинка хрустит под ногами.

Засунув руки в карманы, я нащупываю ленту и обматываю ее вокруг пальцев, словно жду утешения от друга.

Воздух жесткий и ледяной - ни намек на ветерок - и от каждого выдоха изо рта вырывается пар. Я натягиваю капюшон, пытаюсь уберечь лицо и уши от холода, но он все равно проникает внутрь. И все же есть что-то целебное в свежем морозном воздухе. Только набрав его в грудь, понимаешь, как нуждался в нем.

Я пользуюсь моментом и оглядываюсь по сторонам, задрав голову к нависающим горам. В темноте они выглядят изогнутыми и острыми, по ним пробегают трещины, будто какой-то древний великан ударил по ним топором, снова и снова разрубая лезвием скалу.

Мы стоим у подножия самой маленькой горы, ее очертания сторблены, как у человека, защищающегося от холода. Над нами тянется выступ, опутывающий нас тенью, а вдоль склона растут тощие деревья.

- Взгляни на себя, - говорит Лу. - У тебя из задницы не льется золото, ты не натравливаешь бешеную золотую птицу на врагов, потому, думаю, ты справишься.

- Спасибо, - с невозмутимым видом говорю я.

Она улыбается и похлопывает по плечу.

- Расслабься, Золотце. Посмотри на небо и расслабься.

Я поднимаю глаза.

- Небо и выступ горы закрывают облака.

- Да ты меня поняла.

- Итак... что теперь? - спрашиваю я.

- А теперь я покажу тебе окрестности, - говорит Лу и поворачивается к большой горе. - В той стороне находится Вольер - гнездо тимбервингов. Видишь, тропинка немного петляет? Иди по ней. Ты уже проходила по ней, когда Рип на днях водил тебя на тренировку.

- Здесь много тимбервингов? - спрашиваю я, избегая темы тренировки. Эти существа довольно редкие и больше не живут в дикой природе. Монархи - единственные известные мне люди в Орее, которые ими владеют, используют во время войны и для личных нужд.

- У нас здесь трое, - объясняет Лу. - Но сейчас больше, так как наши вьют гнезда.

Я приподнимаю брови.

- У тебя есть свой тимбервинг?

- У каждого Гнева есть. А что, завидуешь? - ухмыльнувшись, спрашивает она.

Я борюсь с дрожью, вспомнив, как клацнул челюстями зверь королевы Кайлы, как его острые клыки, с которых стекала слюна, выделялись на фоне перьев.
- Нет. Точно нет.

- Эй, они не такие уж злые. Многие их боятся, но, если правильно выдрессировать, они станут большими мягкими зверятами.

- Поверю на слово.

Она смеется, а затем показывает еще выше.

- За Вольером - Нарост. Один из наших тайных наблюдательных пунктов, где несет дозор стража.

- Почему он так называется?

- Потому что похож на нарост на склоне горы. Подниматься туда чертовски тяжело. Нужно преодолеть около сотни шатких, скользких ступенек. А потом ты еще застреваешь на тесном посту, имея при себе лишь крошечный фонарь и увеличительное стекло.

- Кажется уютным местечком.

Лу поворачивается.

- Ладно. Дальше живут деревенские жители. Их дома стоят друг за дружкой под горным выступом. Это сделано специально, чтобы тимбервингам не было видно с высоты, - объясняет она.

Когда в поле зрения появляются дома, каждый из них ненамного отличается от соседнего. Все они словно высечены прямо в горе, с покатыми каменными крышами, а деревянные двери покрыты инеем. От одной двери до другой не

более нескольких футов. Почти каждый вход увит лозами с нависшими ягодами.

- Дома как будто совсем маленькие.

- Это обманчивое впечатление.

Мы проходим мимо первых домов, из крыш которых торчат крошечные каменные трубы. Через несколько минут тропинка, идущая вдоль домов, немного спускается, и я вижу впереди большое открытое пространство, где начинается основание горы.

- Это павильон, - объясняет Лу. - Место, где все торчат, когда им надоедает сидеть дома, а сейчас там почти все, потому что метель длилась слишком долго.

Павильон наполовину открыт, а другая половина спрятана в недрах горы. Скалистый выступ здесь довольно выдвигается вперед, но под ним горит оранжевое зарево большого костра. Я чувствую запах мяса и приковываю взгляд к селянам, что собрались в павильоне. Кто-то стоит у костра, кто-то сидит за столами под навесом, но большинство держат либо чашку, либо тарелку еды. Немного напоминает армейский лагерь Четвертого королевства, когда я увидела его впервые.

- Показала тебе мало, но, по сути, это весь Дроллард, - рассказывает Лу, когда мы останавливаемся под тремя деревьями за круглой каменной площадкой, очерчивающей павильон.

- Ладно, пойдем есть.

Я морщусь.

- А я должна?

- Да. Ты пойдешь туда, перекусишь мясом, выпьешь вина и познакомишься с людьми.

Я переминаюсь с ноги на ногу, чувствуя подступающую тревогу.

- Знакомство с новыми людьми редко приносит пользу.

Она фыркает.

- Говоришь как настоящий член Гнева. За исключением разве что Джадда. Он, к досаде моей, чересчур дружелюбен. - Когда Лу поворачивается ко мне, изучая взглядом, над ее губой поблескивает рубин. Наверное, она видит в моем лице страх, потому что спрашивает: - Что я говорила, Золотце?

Я выдыхаю.

- Что я справлюсь.

- Черт возьми, именно это ты и сделаешь. А теперь пойдем.

Глава 33

Аурен

Прошел уже час.

Целый час я застенчиво жалась к стене пещеры, не шевельнувшись. В нескольких футах от нас ярко горит костер, а от приготовленного мяса не осталось ничего, кроме костей и стекающего жира, из-за которого шипит и искрится пламя.

Одетыми в перчатки руками я держу кубок с вином, который мне сунула Лу. Выпила я всего пару глотков. Мне нужна ясная голова, чтобы моя магия не застала меня врасплох. Но я ничего такого не чувствовала.

Постепенно мне удалось расслабиться. И тогда я заметила, что жители Дролларда... странные.

На меня не пялились. Я к этому привыкла. К тому же в такой небольшой деревушке любое новое лицо вызвало бы интерес – неважно, золотое оно или нет.

Как только я подошла к костру вместе с Лу, все обратили на меня внимание. Сидящие за столом и толпящиеся у костра повернулись, чтобы взглянуть на меня. Человек, играющий на небольшом струнном инструменте, лежащем у него на коленях, даже издал небольшой визг.

Но когда Лу представила меня нескольким людям, они, казалось, расслабились, и их откровенные взгляды сменились незаметным подглядыванием. Потому дело не в том, что на меня пялились, не в неловкости в обществе незнакомцев. Здесь что-то другое. Чего я никак не могу понять.

Мы с Лу садимся у стены пещеры, которая выступает вперед, став идеальной скамейкой. Я довольно сидела там и смотрела, пока Лу подробно рассказывала о деревне – наверное, чтобы заполнить тишину и убавить неловкость ситуации.

– Ну что, уже чувствуешь себя золотой убийцей? – спрашивает она. – Испытываешь желание пустить золото по стенам?

– Эээ, нет.

– Видишь? Отлично справляешься.

Фыркнув, я пытаюсь устроиться поудобнее, но зазубренный край царапает один из обрывков ленты. Зашипев, я вздрагиваю, а спину пронзает боль.

- Все нормально?

С губ срывается вздох.

- Ничего, - выдавливаю я сквозь зубы.

Краем глаза вижу, как она смотрит на меня темно-кариими глазами, но без жалости или беспокойства.

- Больно?

Не веря своим ушам, я смотрю на нее, потому что это, конечно, больно.

- Да.

Она тычет пальцем в мое лицо, и этот жест застает меня врасплох.

- Но это значит, что ты чувствуешь. Что ты жива. - Ко мне обращается не вальяжная, дружелюбная Лу, а капитан армии Четвертого королевства.

К горлу подступает тяжелый комок.

- Только отчасти, - признаю я.

Без своих двадцати четырех лент.

- Ничего, - без тени сомнений говорит она, и в ее глазах появляется жесткий блеск. - Тогда сделай эту часть самой сильной.

Я приподнимаю уголки губ в улыбке. От ее слов спина немного выпрямляется, а боль притупляется.

- Так и собираюсь сделать.

Она снова ударяется со мной кубком.

- Чертовски хороший план, Золотце. Думаю, самый лучший, что у тебя был.

Я тоже так думаю.

- Спасибо, Лу.

Она не спрашивает, за что. И так знает.

Лу выставляет ногу вперед, рука свисает с ее колена, а тем временем я обвожу взглядом жителей деревни.

- Могу я тебя кое о чем спросить?

- Валяй.

К счастью, мы сидим достаточно далеко, и вряд ли нас кто-то услышит.

- Что... что-то кажется... не так.

Она мельком косится на меня.

- Это вопрос был?

Я разочарованно выдыхаю.

- Не могу объяснить, но в здешних людях, кажется, есть что-то странное.

Я жду, что Лу закатит глаза, или пошутит, или обругает меня за чрезмерную подозрительность или смутное описание, но она этого не делает. На ее лице появляется загадочное выражение, и она отворачивается, прижав голову к стене.

- Хм.

Лоб у меня морщится, как бумага.

- Почему у меня такое впечатление, что ты чего-то недоговариваешь?

- Наверное, потому что я чего-то недоговариваю.

Прежде чем я успеваю потребовать ответ, она качает головой.

- Это не мое дело.

Я сжимаю губы.

- Слейд, - говорю я, поняв и без вопроса.

- Он не без причины сделал Дэдвелл частью своей территории. Не без причины форпост Четвертого королевства находится прямо на границе, недалеко отсюда. Не без причины люди могут казаться тебе... странными.

От ее ответа вопросов у меня только больше становится. И все же в одном я уверена: Лу невероятно предана Слейду. И как ее ни упрашивай, если он велел ей молчать, то она точно ничего не расскажет.

- Похоже, нам со Слейдом нужно многое обсудить.

- Да, ему нравится драматизировать и слыть таким хмурым и задумчивым. В этом вся его суть.

У меня вырывается смешок, и я качаю головой, снова осмотревшись по сторонам. Когда мы с Лу пришли сюда, некоторые жители с ней поздоровались, а затем кто-то, передав тарелки с едой, поспешил нас оставить в покое. Сначала я была этому рада, но теперь мне интересно, почему так.

- Ты часто сюда приходишь?

Она пожимает плечом.

- Не очень. Только когда нужно поговорить с Райаттом, или помочь принести кое-какие припасы, или иногда я прихожу сюда с Рипом, чтобы он мог.. сделать то, что ему нужно.

Я не упускаю из виду этот расплывчатый ответ.

- А сколько здесь живет людей? Домов вроде не так много.

- Тридцать два дома, - сообщает она. - Не считая Грота. А в этих домах живет пятьдесят семь человек.

- Пятьдесят семь?! На вечерах наложниц и то было больше. - В ответ Лу хмыкает. - Учитывая, какое суровое засекреченное это место, думаю, логично, что населения здесь не так много. Но Ходжат упомянул, что переехал сюда жить. Как это случилось? - интересуюсь я. - Как люди очутились в деревне, которой не существует?

Лу пристально смотрит на меня и вместо ответа делает глоток вина.

Я вздыхаю.

- Да-да. Это не мое дело.

- Схватываешь на лету.

- Похоже, сегодня здесь почти все, - задумчиво произношу я, снова осматриваясь по сторонам.

- Похоже на то.

- А детей здесь не вижу, - замечаю я.

- Один тут есть - сейчас ему, наверное, около двух лет. Скорее всего, в столь поздний час спит вместе с матерью.

- Здесь всего один ребенок? - с любопытством спрашиваю я и обвожу жителей взглядом. Я бы не удивилась, если бы селяне выглядели старше, но все как раз наоборот - и мужчины, и женщины в самом расцвете лет.

- Был еще один, - говорит Лу, сделав большой глоток, и на губу ей стекает капля красного вина, которую она слизывает. - Ты с ним вообще-то знакома.

- Правда?

- Ага. Это Твиг.

Я тут же вспоминаю мальчишку из военного лагеря. Он принес мне еду, когда я впервые познакомилась с Рипом и Озриком.

- Он родился в Дролларде?

Лу кивает.

- Все родившиеся здесь дети, а их было немного, пошли служить.

- Зачем?

Она косится на меня.

Я разочарованно вздыхаю. С каждой минутой список вопросов к Слейду только растет.

В этот момент к Лу подходит симпатичная светловолосая женщина, приветствуя ее теплой улыбкой. И снова у меня возникает это странное ощущение. Женщина невероятно приветлива, в ее выражении лица или внешности нет ничего необычного, и все же...

И все же.

Я обвожу взглядом всех сидящих в павильоне, смотрю, как они общаются, ходят по грубому камню. Пара мужчин подбрасывают в костер поленья, от которых он начинает искриться. А другие, собравшись вокруг бочки с вином, наполняют кубки и курят трубку, форму которой я никогда раньше не видела.

Все это очень... приятно.

Так почему же тогда у меня волосы встают дыбом?

И в ту же секунду улавливаю повышенные голоса. Сначала думаю, что жители деревни просто хорошо проводят время, но через секунду становится ясно, что тон не веселый, а сердитый.

Я напрягаю слух, пытаюсь определить, откуда доносятся голоса, и осматриваюсь. Поворачиваю голову и понимаю, что звук доносится из глубины пещеры.

До сих пор единственное, на что я обращала внимание - столы, за которыми ели жители. А теперь вижу, что в конце пещеры есть пара туннелей. Точнее, один из них - туннель, а другой, скорее, трещина в горе, которая образует очень узкую тропинку. Отсюда их почти невозможно разглядеть, даже с висящими над входом фонарями.

Как только голоса становятся еще громче, несколько селян оборачиваются на звук. Когда в воздухе разносится густой баритон, у меня ползут мурашки, хотя слов разобрать не получается.

Но мне не нужны слова, потому что я знаю этот голос.

Я вскакиваю на ноги, оставив на скамейке кубок с вином, и ухожу глубже в павильон. Далее обхожу столы, прижавшись к стене пещеры и стараясь не привлекать к себе внимания, а затем оказываюсь в широком туннеле, где стоят ящики с припасами.

Когда голоса становятся громче, я прохожу и понимаю, что они доносятся из окутанной тенями расщелины в углу.

- Еще один? Сколько их теперь?

Я тут же узнаю голос Райатта, хотя он и шипит сквозь стиснутые зубы от ощутимого гнева.

- Шесть, - слышу, как ему отвечает Слейд.

- Шесть? Черт возьми. И долго ты будешь этим пренебрегать?

Я замираю, вытаращив глаза.

- У нас еще есть время.

У Райатта вырывается горький смешок.

- Продолжай убеждать себя в этом.

- А чего ты от меня ждешь? - внезапно сердито спрашивает Слейд.

- Жду, что ты защитишь Дроллард. Жду, что ты отодвинешь угрозу и будешь королем, черт возьми.

- Хватит упрекать в том, что я не защищаю Дроллард. Я всеми силами пытаюсь обезопасить его, - отгрызается в ответ Слейд.

Я вдруг чувствую себя неуютно, что подслушиваю их разговор. Поворачиваюсь к Лу и вижу, что она стоит вполоборота к той женщине и с интересом за мной подглядывает.

Хочу было повернуть обратно, как Райатт вдруг говорит:

- Будь это правдой, ты бы не привез ее сюда.

Я замираю. Он говорит обо мне?

- Аурен не представляет угрозы, - почти рычит Слейд.

Сердце теперь гулко бьется в груди.

- Мы все видели ее в той бальной зале. Если это не угроза...

- Здесь она этого не сделает. - Слейд говорит очень уверенно, а я вся покрываюсь испариной от тревоги.

- Ты этого не знаешь, - возражает Райатт. Слейд начинает спорить, но Райатт перебивает его: - Ты не знаешь. И я хочу, чтобы она ушла.

Меня пронзает острая боль, и я отворачиваюсь, но вместо Лу вижу жителей деревни. Вижу тех, кому могу навредить, если потеряю контроль.

Внезапно число «пятьдесят семь» перестает казаться таким уж незначительным.

Стыд ползет вверх по моей шее и сжимает горло.

– От тебя это не зависит, Райатт, – говорит Слейд, и я слышу в его голосе закипающий гнев. – И она делает успехи.

– Да? – огрызается Райатт. – Если она делает такие успехи, тогда почему ты не рассказал Аурен правду? Почему не рассказал о ней Аурен? Тебе стыдно?

Наступает долгая, тяжелая пауза.

Эта тяжесть падает в мой желудок, как камень в колодец, и звук удара отзывается в ушах эхом.

Почему не рассказал о ней Аурен?

Рассказал о ней Аурен.

О ней.

Камень приземляется и разлетается на щепки ужаса.

О ней.

Глава 34

Аурен

Фраза Райатта продолжает отзывать в голове эхом. Но тут кто-то кладет руку мне на локоть, и я подскакиваю. Обернувшись, вижу, что рядом стоит Лу и хмуро на меня смотрит.

– Расскажу, когда она станет сильнее. Не могу огоршить ее таким, – слышу я Слейда.

Лу прочищает горло. Громко.

Я бы бросила на нее свирепый взгляд, но, если честно, больше не хочу слушать.

«Почему ты не рассказал о ней Аурен?»

Наступает пауза, а затем за спиной слышатся приближающиеся ко мне шаги.

Я не оборачиваюсь. Мои плечи напряжены, а чувства похожи на мутные воды под водопадом: они затуманены пенящимся осадком и бурлят от мыслей, которые мне неподвластны.

- Парни, вы в курсе, что в проклятом богами туннеле разносится эхо? - тянет Лу.

Краем глаза замечаю движение, и мой взгляд падает на Райатта. Кажется, злость, которую он источал, опустошила его, и теперь вместо ненависти он выражает раскаяние. Райатт открывает рот, словно хочет мне что-то сказать, а потом качает головой и, отвернувшись, уходит.

Лу заглядывает мне через плечо.

- Кто нагадил ему в кашу?

Пытаясь забыть о выражении его лица, я поворачиваюсь.

- Ты не говорила, что сегодня вечером приведешь сюда Аурен, - говорит он Лу.

- Ей нужно было выбраться из Грота.

Все наше внимание приковано к костру, где Райатта окружили жители деревни. Глядя на него, ни за что не догадаешься, что всего парой мгновений назад он почти исторгал яд. Теперь он выглядит расслабленным. Счастливым. Никак не выказывает эмоций, которые наверняка еще в нем буйствуют. Нет, в товарищеской атмосфере он ведет себя совершенно непринужденно, смеясь и разговаривая с остальными.

До тех пор, пока резко не переводит взгляд на меня, отчего я стушевываюсь и отворачиваюсь.

«Я хочу, чтобы она ушла».

«Мы все видели ее в той бальной зале».

Пятьдесят семь человек.

Открываю рот, чтобы сказать... что-нибудь, но все беспокойные мысли утихают, когда я замечаю у Слейда что-то на щеке.

- Это кровь?

Он подносит руку к лицу и пытается стереть пятно, но только размазывает.

- Это твоя кровь? Ты ранен? - Может, до моего появления они подрались с Райаттом?

Но Слейд качает головой.

- Она не моя.

- Тогда чья? - На Райатте нет крови и не похоже, чтобы его ударили.

Слейд мечет взгляд направо. К туннелю, и у меня по спине пробегает холодок.

- Чья это кровь? - спрашиваю снова.

Он устремляет зеленые глаза на Лу, и они обмениваются многозначительным взглядом.

- Золотце, - встав рядом со мной, говорит она. - Может, пойдём и допьём вино...

Пока никто не успел меня остановить, я ныряю в расщелину, где только что были Слейд и Райатт. Слышу, как он зовет меня, но не обращаю внимания на него и на темноту, в которую резко погрузилась, - даже на стены, которые как будто давят на меня, пока я пробираюсь вглубь.

Что-то побуждает меня идти вперед. Я слышу, как шумит в ушах кровь и пролезаю через расщелину, а потом, споткнувшись, оказываюсь в тускло освещенной пещере. Первое, что вижу, - толстую железную дверь, бочку и стул, прислоненные к неровным стенам, и фонари, свисающие с крюка. Свечение здесь почему-то кажется более зловещим, будто горные прожилки стали зеленее.

Я слышу за спиной шаги, потому иду дальше. Подхожу к двери, заглядывая сквозь щели сверху. Сначала даже не могу разглядеть, на что именно я смотрю. Но этот запах...

- Аурен.

Слейд опускает свою руку на мою, осторожно пытаюсь оттащить, но я ее сбрасываю. Глаза привыкают к темноте, а разум, пусть и противясь, подсказывает, что именно я вижу. Но нет смысла отрицать, что на полу лежит человек.

Чем дольше я стою, тем сильнее ощущается запах, поэтому я сжимаю губы и пытаюсь задержать дыхание. И все же гнилостный запах словно проникает в поры, забивая кожу своей скверной, отчего внутри все скручивается в узел. А потом раздаётся звук, непрекращающееся жужжание, которое как будто резонирует в моих костях.

Я хочу отвернуться, спросить Слейда, кто это, но человек распахивает опухшие глаза, и их блеск отражается в слабом свете фонаря.

Я ахаю и, спотыкаясь, отступаю назад.

Как ему удалось выжить?

Этот человек - если его еще можно считать человеком - смотрит прямо, лежа на боку на грязном полу. Даже при слабом освещении я вижу, что под закатанными штанинами и рукавами его тело набухло. Кожа побурела и облезла, а от волос остались лишь пучки гнилых прядей, прилипших к скальпу. На губах и зубах у него запекшаяся кровь, а зубы...

- Великие боги...

Слейд обхватывает меня рукой и тянет назад, и теперь я не сопротивляюсь. Пошатываясь, я иду за ним по туннелю. Почувствовав дуновение ветра, поворачиваюсь к нему навстречу и делаю судорожные вдохи.

- Я не хотел, чтобы ты это увидела, - говорит Слейд, когда я опираюсь рукой о стену пещеры.

Я поднимаю на него взгляд.

- Кто это?

- А ты не узнала эту одежду?

- Я была занята его сгнившими на руках пальцами.

Слейд поджимает губы и отводит взгляд, его резко очерченный профиль окутывает воинственная тень.

Выдохнув, я стараюсь забыть поразившую меня картину и вспомнить одежду. Как только до меня доходит, я округляю глаза.

- Его камзол был позолочен.

Он поворачивается, взглянув на меня, и мрачно кивает.

- Да. Он был шпионом Мидаса. После того, как заключили сделку насчет Дэдвелла, его отправили сюда за информацией, - объясняет Слейд. - Когда я прибыл, они попытались сбежать, но Райатт всех выследил.

Я глотаю ком в горле.

- Они нашли Дроллард.

- Да, - подтверждает он. - Райатт разобрался с остальными, а этого поберег для допроса.

Все это имеет смысл. Я знаю, что в этом реальном мире людям приходится быть безжалостными, чтобы защитить своих близких. Но при виде такого...

- Ты получил от него нужную информацию? - спрашиваю я, хотя мой голос кажется мне чужим.

Слейд кивает.

- Да.

- И деревне ничего не угрожает?

- Да.

- Значит... все, кончено.

Слейд сводит брови на переносице.

- О чем ты?

Я показываю на дверь камеры.

- Твой допрос. Он окончен. Можешь избавить этого человека от страданий.

Наступает пауза. Слишком долгая пауза.

Я хватаю его за руку.

- Слейд. Ты не можешь оставить его в таком состоянии.

- Почему нет? - спрашивает он, расправляя плечи. - Он шпион. Он хотел обо всем доложить Мидасу. Все мои тщательно хранимые секреты были бы уничтожены.

Я вижу гнев у него на лице.

- Знаю. Но вы с Райаттом во всем разобрались. Так что просто прекрати. Ведь и так понятно, что он больше не в состоянии говорить. Ты жесток.

В его глазах вспыхивает блеск.

- Я совершал и более жестокие поступки.

В мыслях всплывают воспоминания о разлагающихся трупах и гнилой земле, и к горлу подступает тошнота.

- И это я тоже знаю.

- Да? - бросает он вызов, и в его глазах вспыхивает свирепость. - Потому что я сомневаюсь, что ты понимаешь.

Я опускаю руку, словно от его слов она вдруг потяжелела.

- Теперь я хотела бы вернуться в Грот.

Он обводит меня взглядом, а я продолжаю посматривать на ту дверь, за которой слышится жужжание. Жужжание крошечных мух, кишящих в плоти разлагающегося человека.

- Я тебя провожу, - бурчит Слейд.

Он кладет руку мне на поясницу, и мы выходим из этого места. Я задеваю руками стены, и мне даже начинает казаться, что мы идем дальше, чем когда я заходила сюда одна.

Наконец до нас доносятся голоса селян, и спустя минуту мы возвращаемся в павильон. Все осталось, как было до моего ухода. Все пьют и болтают, а тот мужчина в углу до сих пор играет на своем инструменте. Кажется, что я вышла в другой мир. Интересно, что бы они подумали, узнав, что внутри этой горы находится человек, у которого во рту разлагается язык?

Обратный путь проходит в тишине, и сколько бы вдохов я ни делала, все равно чувствую то зловоние.

Когда мы добираемся до пещеры, Слейд останавливает меня, положив руку на плечо.

- Поделись со мной мыслями.

Ох, мыслей у меня слишком много.

Слейда окутывает голубой свет, но я замечаю в его глазах опасение.

- Аурен, меня не просто так зовут королем Ротом.

- Знаю, - говорю я. И я понимаю. Понимаю, что он неспроста обрел такую репутацию, а еще знаю, что он пойдет на все, чтобы защитить своих людей и свои секреты.

Но Слейд прав: разница есть, когда видишь ее воочию. Как в тот день, когда я проехала через все Шестое царство и увидела связанные тела, которые были подобны мясу на вертеле. Как в тот день, когда я увидела тех стражников в Рэнхолде, рухнувших на пол и начавших разлагаться изнутри. Все это представляется совсем иным, когда знаешь, что человека подвергли страданиям только ради того, чтобы Слейд мог утихомирить свою силу

Потому что он король Рот.

А я...

У меня внутри тоже есть частичка этой гнили.

Глава 35

Аурен

Когда мы со Слейдом добираемся до Грота, я резко останавливаюсь. Потому что я не стану этого делать. Не буду туда заходить и терзаться вопросами. Будь я прежней, то так бы и поступила, поскольку в прошлом была слишком тревожной, чтобы поднимать такую тему. Но я изменилась, а Слейд не Мидас.

Он останавливается рядом.

- Что-то не так?

- В дом мы не пойдем, - решительно вздернув подбородок, говорю я.

- Нет?

- Нет. Разворачивайся и показывай дорогу, - говорю я.

- Показывай дорогу... куда?

- К ней.

- Аурен, то, что ты услышала... - В его словах слышится разочарование.

- Я знаю, что слышала. И у нас с тобой... еще много секретов. Мы многого друг о друге не знаем. Но я не стану заходить в дом и мучиться в ожиданиях, пока ты не решишь, что я готова узнать твои тайны. Так что веди меня к ней. Ты сказал: прошлое, настоящее и будущее, верно?

Он судорожно втягивает воздух, но я уверенно смотрю ему в глаза. Потому что единственный способ пройти по новому пути - это помешать себе снова споткнуться.

Даже если его настоящее шокирует так же, как восставший мертвец.

Даже если его прошлое может разбить мне сердце.

Даже если он не может ручаться за будущее.

Чувства прилипают к языку и густым потоком стекают по горлу.

- Я больше никогда не отдамся тому, кто сам не отдастся. Так что если у тебя есть другая... Мне нужно знать.

Я вижу, как у него подрагивает горло, а глаза мерцают. Пути расходятся. Это знает Слейд, это знаю я. Мидас бы на его месте выбрал один путь.

Но Слейд...

Слейд выбирает другой.

- Ладно, Золотая пташка. Пойдем.

* * *

Вместо того чтобы повернуть обратно к домам жителей деревни, мимо которых я шла на пути к павильону, Слейд выходит из Грота и поворачивает направо, к Вольеру и усыпанной золотыми брызгами тренировочной пещере. Я бросаю на него настороженный взгляд, но держусь рядом, пока он ведет меня по заснеженному склону, удаляясь от центра деревни.

Мы проходим мимо Вольера, о котором упоминала Лу. И я замечаю короткую шаткую лестницу из белого дерева с мелкими ступеньками. Задираю голову,

рассматривая ее, и замечаю над нами Нарост, прилепившийся к горе, в виде округлой смотровой площадки.

Она спрятана под каменной глыбой, а сверху ее накрывает тент, заваленный снегом. Отсюда я вижу лишь слабое свечение костра, а значит, что там сейчас, наверное, кто-то держит дозор.

Повернувшись, я иду за Слейдом, мы оба молчим. Я так разнервничалась, что живот сводит от напряжения, а к горлу подкатывает кислая тошнота. Тем временем натянутый как струна Слейд держит ровно руки по швам и идет, чеканя шаг.

Его беспокойство только добавляет мне лишних волнений.

Облака заслоняют лунный свет, и все вокруг кажется уже не таким ярким, как до этого. Мы огибаем гору, тени следуют за нами, подобно призракам, а по снегу ползет тусклый свет. С каждым шагом я устаю сильнее, и кажется, что поминутно становится еще холоднее. Я прячу руки в карманах пальто, но проносится холодный ветер и лишает меня тепла, за которое я так отчаянно пытаюсь ухватиться.

Впереди показывается тренировочная пещера, но Слейд не идет к ней, а резко сворачивает, исчезнув в расселине поменьше, почти полностью скрытой крутым краем скалы. Я бы ни за что не заметила там щель, если бы не увидела, как он в нее юркнул.

Я с запинкой иду за Слейдом, скользнув за скалу, и, повернув влево, тоже захожу в гору.

От того, насколько она большая, у меня отвисает челюсть. Эта пещера даже больше Грота и простирается так высоко, что я не могу точно определить, где у нее потолок.

– Зачем мы сюда пришли? – спрашиваю я и тут же вздрагиваю. Я произнесла эти слова тихо, но голос отдался эхом в пустом огромном пространстве. – Почему не вернулись в деревню, где остальные дома?

Слейд поворачивается ко мне, окутанный сапфировым светом.

– Она не живет с жителями деревни.

В груди как будто перехватывает дыхание, вокруг ребер обвиваются нити дурного предчувствия, не позволяя вдохнуть полной грудью.

– И... кто она? – Вопрос произнесен тихо, но в голове он у меня громко кричит.

Слейд отводит в сторону взволнованный взгляд, устремив его куда-то в глубь пещеры. Тревога у него на лице нисколько меня не успокаивает.

– Она... – Он шевелит губами, а потом смотрит мне в глаза. – Хотел бы я подготовить тебя получше, но... просто постарайся сохранять спокойствие, ладно? Это важно.

Сохранять спокойствие?

– Как, по-твоему, я могу быть спокойна, если даже не знаю, во что ввязалась?

– Я понимаю, – сочувственно говорит он. – Но раз уж мы здесь, будет лучше, если я тебе покажу.

От этого мне легче не становится.

И все же Слейд поворачивается, и я захожу за ним дальше в пещеру, у которой как будто нет ни конца ни края.

И пока мы идем дальше, я продолжаю прокручивать в голове слова Райатта. Воспоминание о том мужчине в камере настолько свежо в памяти, что я снова начинаю слышать жужжание мух.

Но потом у пещеры появляется ответвление, и посреди открывшегося пространства я вижу дом. Это миниатюрная версия дома в Гротте, вот только этот весь светится. Его окружают толстые светящиеся тяжи, которые извиваются и скручиваются, как волны в море. Они сверкают на фоне темной пещеры, как вращающаяся галактика в безлунном небе.

Сам дом довольно обычный: посередине дверь, сверху наклонная крыша с пятнами минеральных отложений, а на земле лужа, отчего кажется, будто под краем парапета каменный пол просел. Какого цвета кладка дома – мне не понять, но не удивлюсь, если он весь напитался этим сиянием и стал сам излучать свет.

Слейд дает мне минуту осмотреться, а потом мы идем напрямиком к дому. Разве что...

В ушах по-прежнему слышится то жужжание.

Либо меня травмировало увиденное за дверью камеры, либо...

Нет, это не жужжание мух, слетевшихся на испорченную еду. Этот гул непрерывный и низкий, и очень реалистичен.

– Что это за шум? – спрашиваю я, но обхожу дом, а не иду к нему. Шум доносится откуда-то сзади, но мне не видно источник. Он становится громче, и гул такой низкий, что пронизывает мои кости от макушки до самых пят.

Ближе. Мне нужно подойти ближе. Мне нужно дойти до...

Меня останавливает чья-то рука, выводя из оцепенения.

– Сюда, Аурен.

Когда я слышу голос Слейда, гул почти исчезает.

Я трясую головой и позволяю ему увести меня обратно к дому. И все же, чувствуя странное притяжение, оглядываюсь назад, и тогда странный звук снова немного усиливается.

Я поворачиваюсь вперед, ощущая, как громко бьется сердце.

– Что это такое? – спрашиваю я и растираю руки, чтобы прогнать охвативший мое тело холод.

– Не все сразу. – Мы подходим к двери, и Слейд смотрит на меня. – Готова?

– А это возможно? – без обиняков спрашиваю я.

– Не поспоришь, – соглашается он и берет меня за руку. От этого жеста внутри что-то сжимается, и я смотрю на наши переплетенные пальцы, словно желаю убедиться, что он и правда это сделал. Слейд не держал бы меня за руку, если бы мы пришли к дому его любовницы, жены или любимой наложницы..

Верно?

Пока желудок у меня не успел подскочить к горлу, Слейд открывает дверь.

Без стука. Без окриков. Просто поворачивает скрипучую ручку и входит в дом. Каблуки на сапогах словно прилипают от страха к земле, и я пытаюсь подготовиться. Стараюсь подавить чувства и воздвигнуть стены, дабы обязательно устоять, что бы на меня там ни обрушилось.

Первое, что замечаю, – это тепло и уютный свет камина. Он окутывает весь этаж, представляющий собой одно большое квадратное пространство, – потому мне видно здесь все.

В дальнем углу стоит кровать, на которую наброшено ярко-желтое вязаное одеяло – все это частично перекрывает резная ширма. Напротив кровати на коврике перед источником огня размещены два мягких кресла, а между ними небольшой круглый столик, на котором стоит чайная чашка.

Слева от нас открытая кухня с узкой столешницей-полкой и чугунной плитой, а рядом с ней – умывальник. Сразу за маленьким круглым обеденным столом висят полки, сплошь уставленные книгами.

На мгновение я настолько увлечена разглядыванием каждой мелочи в доме, что даже не замечаю, как в одном кресле перед камином сидит человек. Сначала я вижу только чей-то затылок, и с силой сжимаю руку Слейда.

Слейд прочищает горло, и голова наклоняется в знак приветствия, но без испуга.

– Прости, что я не навестил тебя.

Человек в кресле поворачивается, и я еще крепче сжимаю руку Слейда, когда женщина встает и поворачивается к нам лицом.

Я тарашусь на нее.

Она прекрасна.

Она молода – наверное, примерно одного со мной возраста, и миниатюрна. У женщины бледная кожа и большие глаза, а черные волосы собраны в хвост на затылке. Она смотрит на Слейда и расплывается в улыбке, от которой мне в грудь как будто вонзается нож, – настолько душераздирающе-радостной кажется эта улыбка.

Она идет через всю комнату и обнимает его, а я, воспользовавшись этой секундной передышкой, выдергиваю руку из его хватки.

Я смотрю, как они обнимаются, и чувствую себя лишней, словно наблюдаю за чем-то очень личным.

Она отстраняется, лучезарно ему улыбнувшись, а Слейд берет ее хрупкую руку в свои и поворачивается ко мне.

– Аурен, – начинает он, и мне кажется, что мое сердце сейчас или взорвется, или разобьется, – я бы хотел познакомить тебя со своей матерью.

Глава 36

Аурен

Возможно, я неверно поняла, потому я жду, когда в голове уляжется услышанное, или Слейд поправит себя, или же женщина рассмеется и отрицательно покачает головой.

Но ничего из этого не происходит.

«Я бы хотел познакомить тебя со своей матерью».

Когда я понимаю, что он не забирает слова обратно, то перевожу взгляд с нее на Слейда.

– Твоя... мать.

Он медленно кивает.

Я снова перевожу взгляд на нее, потому что не хочу показаться грубой и говорить о ней так, будто ее здесь нет. Я смотрю на женщину, но теперь внимательнее. Вокруг глаз у нее еле заметные морщинки, над ушами легкая россыпь серебристых волос, и это единственное, что могло бы придать ей возраста, но это не так – она кажется такой же молодой, как я.

Она улыбается мне, и меня поражает зелень ее глаз и форма рта. Теперь, когда беспокойства о любовнице отступили, признаю, что между ними прослеживается семейное сходство. Но она похожа на его сестру, а не на мать.

Прочистив горло, я мягко ей улыбаюсь.

- Приятно с вами познакомиться, леди...

- Ее зовут Элора, - говорит Слейд.

- Леди Элора, - говорю я. - Я Аурен.

Женщина лучезарно мне улыбается, изучая зелеными глазами. Через секунду она поворачивается к Слейду и похлопывает его по щеке, а затем протягивает руку и сразу же похлопывает и меня.

Я слегка вздрагиваю от этого жеста, но она, похоже, не замечает. Элора просто гладит меня по щеке, словно не испытывает никаких сомнений, никаких колебаний по поводу меня. Словно по одному взгляду понимает, кем я являюсь для ее сына.

Она опускает руку и снова смотрит на Слейда, и тогда между ними что-то мелькает, - и эта картина кажется слишком личной, отчего я отвожу взгляд, заметив в глазах Элоры блеск.

А потом она, как и любая заботливая мать, цокнув языком, протягивает руку, чтобы поправить торчащую прядь его волос и воротник. При виде этого жеста заявление Слейда кажется еще более правдоподобным.

Мысли путаются в голове, и я опускаю взгляд на свои растянутые чулки и позаимствованное пальто. Затем провожу рукой по растрепанным волосам, заплетенным в косу, и пытаюсь не паниковать из-за того, что во время знакомства с матерью Слейда выгляжу так неряшливо.

Как только я собираюсь вежливо продолжить разговор, Элора уходит на кухню. Я смотрю, как она разжигает плиту, от которой тут же начинается исходить тихое гудение.

- Как она может быть твоей матерью? - шепчу я Слейду. - Она выглядит ровесницей...

Он немного грустно улыбается.

- Давай присядем.

Мы подходим к обеденному столу и садимся на деревянные стулья. Элора заканчивает с плитой и принимается за работу: ставит на плиту чайник, а потом достает из подвесных шкафчиков тарелки.

- Позвольте, я вам помогу, - снова встав, говорю я, но она не отвечает и даже не оборачивается. И пока я все это время стою рядом сконфуженная, Элора просто высыпает печенье на тарелку, а затем нарезает сыр. В эти мгновения из ее уст звучит песенка.

Мелодия звучит знакомо.

Когда я бросаю на Слейда взгляд, он говорит:

– Все в порядке. Иди сюда.

Еще мгновение посомневавшись, иду к столу и сажусь. Продолжаю за ней наблюдать, хмурясь все сильнее. Сейчас я чувствую то же самое, что в павильоне, с жителями деревни.

Ощущение, будто что-то не так. Странное ощущение.

Я поворачиваюсь к Слейду.

– Не понимаю.

– Моя мать больше не разговаривает. Очень редко, – говорит он.

На языке вертится вопрос, почему его мать больше не разговаривает, но я глотаю его, потому что не хочу показаться чрезмерно любопытной.

Элора подходит и ставит тарелки, наклонившись передо мной, и у меня перехватывает дыхание. Приковав к ней взгляд, я замечаю то, что стоило понять с самого начала. У нее округлые уши.

– Она... не фейри. – Я тут же вспоминаю, как Слейд рассказывал, что он является им только наполовину.

Когда я произношу слово «фейри», она внезапно напрягается. Гул резко прекращается, а по ее телу пробегает дрожь.

Слейд вскакивает на ноги и обходит стол. Он берет ее дрожащие руки в свои и наклоняется, посмотрев ей в глаза.

– Все в порядке, – успокаивает он, поглаживая большими пальцами тыльную сторону ее хрупких пальцев. – С тобой все в порядке.

Она кивает, прерывисто выдыхая, но тут пронзительно свистит чайник, и Элора снова вздрагивает.

– Это только чай, – шепчет он. – Хочешь, я сам за ним схожу?

Элора медленно кивает, и Слейд сажает ее на свободный стул, словно она самое хрупкое существо на свете. Я смотрю на ее дрожащие пальцы, на ставшее еще более бледным лицо. Чувствую себя бесполезной, не зная, какими словами или действиями ей помочь.

А Слейд сохраняет спокойствие, уверенно шагая к чайнику. Он снимает с крючков на стене чашки и разливает чай, что-то напевая тем же нежным, успокаивающим тоном.

Когда он приносит горячие напитки и снова садится, Элора успокаивается и напряжение в ее глазах исчезает, а уголки рта приподнимаются. Она печально улыбается Слейду.

В течение следующего получаса я грызу крекеры, пью чай и просто за ними наблюдаю.

Это немного завораживает. Слейд тихо рассказывает ей о том, как выглядит снег, как сильно дул ветер во время метели. Рассказывает про своего тимбервинга, пообещав в следующий раз принести его перо, и о пряном вине из Погреба, которое он тоже ей подарит в следующий раз.

«Успокойся, – сказал мне Слейд перед тем, как мы сюда пришли. – Просто.. успокойся».

Но он говорил это не потому, что собирался меня расстроить – Слейд так сказал, потому что его матери явно нужно спокойствие. Дело не только в том, что она не разговаривает. В ее молчании есть что-то еще. Не знаю, о чем она думает, но меня поразила ее реакция на слово «фейри».

По тому, как терпеливо и спокойно обращается с ней Слейд, по тому, как пытается говорить тихим тоном на обидные темы, становится ясно, что он всеми силами старается сохранять непринужденную атмосферу.

Так и проходят следующие полчаса. Слейд говорит успокаивающим шепотом, а Элора смотрит на него с улыбкой. Неважно, что она молчит, потому что ее привязанность так же кристально чиста, как хрустальные чашки, из которых мы пьем чай.

Я стараюсь от любопытства, но сдерживаюсь, с уважением относясь к тайне, занавесу которой мне приоткрыл Слейд. Он дал посмотреть на свою жизнь под тем углом, каким ее еще никто не видел. Я проживаю часть его прошлого и настоящего, вижу нечто личное, уязвимое и дорогое. Потому что по его обращению с матерью понимаю, что она ему дорога.

От этой картины, от того, что сама я потеряла мать, сердце у меня болит.

Когда мы допиваем чай, а на тарелках остаются только крошки, Элора с улыбкой убирает со стола. Я снова пытаюсь предложить ей помощь, но Слейд качает головой и ведет меня к креслам у камина.

– Ей нравится заниматься бытом, – говорит он. – Она расстроится, если ты вмешайся – ей нравится, чтобы все шло по ее порядку.

Я устраиваюсь в кресле и пытаюсь собрать воедино все вопросы, выстроившиеся в кирпичную стену. Оглянувшись, убеждаюсь, что Элора занята делами, и поворачиваюсь к Слейду. Он слегка наклоняется вперед, поставив локоть на подлокотник и подперев подбородок рукой, как будто чего-то ждет.

– Даже не знаю, с чего начать, – вздохнув, говорю я.

– Понимаю, это непросто.

Я саркастично смеюсь.

- Это еще мягко сказано. Честно говоря, я думала, что войду сюда и столкнусь лицом к лицу с твоей любовницей.

Слейд тут же хмурится.

- Полагаешь, я проявил бы к тебе такое неуважение?

Я ерзаю.

- Я понятия не имею, что и думать. Мы не...

- Мы не знаем друг друга, - заканчивает он за меня, вспомнив мои же слова. Я киваю, и Слейд проводит рукой по своим черным волосам, легонько их взъерошив. По тому, как он дергает себя за пряди, понимаю, что он расстроился. - Признаю, не привык быть откровенным, но я постараюсь. Ради тебя.

- Твой Гнев знает.

- Мой Гнев знает все, потому что я был с ними в течение многих лет. За десятилетие все само по себе как-то открылось. С тобой... временные рамки иные. Не хочу заваливать тебя всем сразу.

- Как с тем... заключенным.

Он кивает, буравя меня взглядом.

- Я на твоей стороне. Просто, увидев, как...

- За моей силой нелегко наблюдать.

У меня в мыслях вспыхивает воспоминание, как мое золото целиком поглощало людей, будто хищная птица.

- Ты видел худшие стороны моей силы и даже не сомневался.

- Нет ничего постыдного в твоей реакции на мою силу, - отвечает он.

Однако мне стыдно, потому что меньше всего я хочу осуждать Слейда за его магию, особенно когда знаю, что он уж точно меня не судил.

- Почему ты оставляешь его в живых?

- Потому что я так хочу, - отвечает он, и в животе у меня что-то скребет. Слейд смотрит на меня так, словно хочет, чтобы я поняла каждое его слово, предугадывала каждое его намерение. - Я хочу, чтобы ты кое-что поняла, Золотая пташка. Я плохой. Я сгною любого, кто встанет у меня на пути, заражу каждый уголок мира, если потребуется.

Я качаю головой.

- Нет, ты бы этого не сделал. Ты хороший. Ты же...

– Нет, Золотая пташка, – перебивает он. – Я хорош по отношению к тебе. Но я тот самый злодей, о котором я тебя предупреждал.

В ушах звенят его прежние слова.

«Я стану злодеем ради тебя. А не по отношению к тебе».

Я вижу по его лицу, что он совершенно уверен, а судя по состоянию человека, которого он удерживает в плену... Но еще я вижу, как он храбрится. Будто собирается с духом, ожидая моего неминуемого отвращения. Ждет моего неприятия, возражений против его сущности.

И все же я не раздумывая отправилась к Слейду. Сказала, что хочу всего, а когда просишь у человека всего, не приходится выбирать и привередничать. Ты принимаешь его таким, какой он есть. Даже короля Рота.

Вот почему я не колеблясь беру его за руку и сжимаю ее. Вот почему я могу выдержать его взгляд. Вот почему я говорю:

– Если ты злодей... тогда я буду злодейкой вместе с тобой.

Его угрюмая улыбка медленно превращается в сексуальную.

– Но... – продолжаю я. – Я все равно хочу, чтобы ты избавил этого человека от страданий. Должен же быть предел твоему злодейству.

Он смеется, поглаживая пальцем мою руку.

– Хорошо, Золотая пташка.

Это мгновение между нами резко прерывает какой-то звук, и мы со Слейдом оборачиваемся. В дом заходит Райатт так же, как входил и Слейд. Без стука, оклика – просто взял и вошел без предупреждения.

– Эй, я принес тебе пироги от Джелмы, которые она... – Заметив нас в другом конце комнаты, он тут же осекается. С мгновение Райатт сомневается, а потом захлопывает дверь и поворачивается.

Слейд поднимается, и я следую его примеру, а Райатт наполняет весь дом многозначительной паузой.

Мы все видели ее в той бальной зале.

Тебе не стыдно?

Я хочу, чтобы она ушла.

Я отвожу взгляд. Он явно не рад видеть меня в месте, где находится его мать.

Райатт откашливается, и краем глаза я вижу, как он подходит к Элоре.

– Вот, – говорит он, с нежностью протянув ей пирог.

Я смотрю, когда Элора берет пирог, завернутый в клетчатую салфетку. Приподняв ее, она расплывается в улыбке, а затем встает на цыпочки и целует его в щеку. Райатт краснеет.

Она берет ложку и садится за стол, с аппетитом поедая прямо из формы. Райатт недолго смотрит на нее, а потом отворачивается и идет к нам.

Слейд напрягается, а почерневшие вены у него на шее пульсируют и вздуваются, – их острые кончики похожи на пасть разозленной змеи.

Райатт переминается с ноги на ногу.

– Так... ты привел ее.

– Да. – Голос Слейда прерывается, и я задаюсь вопросом, о чем еще они говорили там, в павильоне, до того, как я услышала их спор. Их отношения вызывают у меня неподдельный интерес. Похоже, между ними размылась грань между любовью и ненавистью, и я не уверена, понимаю ли, как это. Не уверена даже, понимают ли они сами.

Пока я раздумываю, Райатт переводит взгляд на меня.

– Приношу извинения за те слова, – произносит он, чем меня удивляет. – Я не хотел, чтобы ты их услышала. Думаю, ты достаточно хорошо себя контролируешь, чтобы не уничтожить весь Дроллард, – говорит он и показывает рукой на дом матери.

– Извинения излишни, – отвечаю я. – Твое волнение вполне оправданно.

Слейд впивается в меня взглядом, и я понимаю, что он готов встать на защиту моей чести, – но я не позволяю ему это сделать.

– Нет, Слейд, – продолжаю я. – Это правда. Моя магия вырвалась из меня почти неудержимо, а теперь она вообще не проявляется. Мы оба знаем, что я с ней не в ладах, потому понимаю, почему Райатт не хочет моего присутствия.

К чести Райатта, я вижу на его лице раскаяние.

– Я рада, что подслушала вас.

Они смотрят на меня так, словно не могут поверить своим ушам, но я говорю всерьез.

– Я не наврежу этой деревне. – Я перевожу взгляд ему за плечо, где за столом сидит Элора. – Особенно зная, насколько это место важно для вас.

Даже если мне придется навсегда заблокировать свою магию.

Райатт внимательно смотрит на меня, коротко кивает и переводит взгляд на Слейда.

– Когда вы пришли, как себя чувствовала мама?

- Хорошо. Она была счастлива, - еще немного грубым тоном отвечает он.

Райатт оглядывается назад.

- Она скучает, когда тебя долго нет.

Слейд молчит, но во взгляде, обращенном на мать, вспыхивает боль. Через секунду он замечает, что я за ним наблюдаю, и это выражение исчезает так же быстро, как и появилось.

- Почему твоя мать живет отдельно от остальных? И как она... здесь оказалась?

У него вырывается сдавленный, тяжелый вздох, который как будто бременем ложится ему на плечи.

- Похоже, пришла пора показать тебе остальное. Жаль, что я не мог рассказать тебе все сразу, но не хочу, чтобы ты думала, что я от тебя что-то скрываю.

Райатт тарашит на брата глаза.

- Ты хочешь показать ей... что? Сейчас?

От его тона чувствую, как в моем теле появляется какое-то напряжение.

- Что именно ты хочешь мне показать? - спрашиваю я, настороженно смотря ему в лицо, в котором читается смирение. Не знаю, как это возможно, но из-за этого я волнуюсь еще сильнее, чем от существования потенциальной возлюбленной.

Он берет меня за руку.

- Я наконец расскажу, почему меня на самом деле зовут Рипом.

* * *

Я выхожу из дома матери Слейда с чувством, будто иду по шелковым нитям паутины. Меня обволакивает неприятное, вязкое чувство, и от его шатких волокон не убежать, не спрятаться.

- Обязательно иметь столько чертовых секретов? - бурчу я в темноте.

Слейд усмехается.

- Извини. Я постараюсь тебе о них рассказать.

- Просто для ясности: у тебя точно нет запертой в клетке наложницы или бывшей возлюбленной, которая живет в этой деревне?

Он бросает на меня взгляд, в котором нет ни капли веселья.

- Нет.

- Хорошо. Хорошо.

Я пытаюсь заполнить тишину нервной болтовней, потому что понятия не имею, чего ждать. Все тайны Слейда были довольно значительными, и не думаю, что этот чем-то от них отличается.

Теперь, когда мы вернулись в самое сердце пещеры, я снова слышу жужжание. И хотя гул стоит низкий, от него у меня сводит зубы. Слейд ведет меня вокруг дома Элоры, а затем в глубь пещеры. Вскоре яркий, жизнерадостный голубой свет тускнеет, а огромные потоки свечения разделяются и становятся лишь маленькими ручейками, высеченными в камне.

Без света, смягчающего размеры помещения, кажется, что тени над нами смыкаются, а огромное пространство выглядит меньше, чем оно есть на самом деле.

И все же я кожей чувствую неизменный гул.

- Ты ведь тоже его слышишь?

- Да.

Кажется, его это ни капли не беспокоит, и Слейд не утруждается объяснениями, а значит, я должна верить, что этот гул не опасен. А еще он может быть связан с тем, что он хочет мне показать.

Я снова начинаю болтать от волнения:

- Мысленно я уже обозначила причину твоей клички - резко обрисованный пресс. Или потому что женщины хотят сорвать с себя одежду. Что-то в этом роде [6].

Он смеется, и его смех нивелирует жуткий гул и мое беспокойство.

- Приятно знать, что таится у тебя в голове. Но обрисую все предельно ясно: не хочу, чтобы с себя кто-то срывал одежду, кроме тебя.

- Да, ясность нам не мешает, - уверенно киваю я. - Давай продолжим в том же духе.

- Давай продолжим, - порочно ухмыльнувшись, отвечает он. Есть у меня ощущение, что Слейд подразумевает что-то иное.

Несмотря на то что я пытаюсь сохранить веселый настрой, сердце начинает тревожно биться в груди. Я прищуриваюсь, но из-за темноты ничего не вижу, кроме скальных образований и сталагмитов.

Гул становится громче. Он тянет меня к себе, как пламя притягивает мотылька. Источник звука проникает в уши и зовет меня. По рукам бегут мурашки, потому как я понимаю, что тело откликается не на то, на что следовало бы. Но я ничего не могу поделать с этим притяжением.

- Похоже, мы приближаемся... - тише произношу я.

Грот обрывается, и Слейд ведет меня по туннелю поменьше, стены которого покрыты каплями воды. Над головой на тонких линиях голубого света висят молочно-белые жуки, и чем дальше мы спускаемся по этому туннелю, тем сильнее становится дрожь. Сначала она такая же низкая и ровная, как гул, но через несколько секунд становятся сильнее, пока не заполняет пространство так, что хочется зажать уши руками.

Что вообще может издавать такой шум?

Но потом мы выходим из узкого туннеля, и я замираю.

Мы оказываемся в огромной пещере, которая затмевает все другие. Словно гора целиком была выдолблена изнутри.

И я могу понять причину. Посередине, вытянувшись вертикально на высоту ростом десяти человек, находится... разрыв в воздухе.

Я не знаю, как еще описать увиденное, и пытаюсь охватить взглядом все, что могу. Но не выходит.

Это не просто трещина в полу, стене или потолке пещеры. Не просто зазубренный разлом, который освещает естественный свет, проходящий через основание горы. Нет, это что-то совсем иное.

Этой расщелины вообще не должно было существовать.

Когда я смотрю на нее, у меня начинает кружиться голова, будто стою на краю пропасти, такой высокой, что взглядом нельзя оценить расстояние до земли.

Кажется, будто великан рассек воздух тупым топором. Края разлома рваные и облупленные и открываются в какую-то бездонную пропасть - и из нее доносится это жужжание, наполнившееся неведомой мощью.

В этом разломе в воздухе пробивается странный пятнистый свет. Правда, свет прерывистый, словно лежишь в полдень под деревом, а ветер треплет листья и тень смещается.

Волосы у меня встают дыбом. Кровь стынет в жилах. И по неведомой причине хочется подойти поближе.

Я даже не осознаю, что иду вперед, пока Слейд не хватает меня за руку, оттаскивая назад. Я отрываю взгляд от разлома.

- Что... что это? - спрашиваю я, затаив дыхание.

Из груди вырывается вздох.

- Это место, где я прорвался в мир.

Глава 37

Слейд 15 лет

Я резко просыпаюсь в своей постели и сажусь, наострив заостренные уши. Сперва показалось, что во сне я услышал какие-то звуки, пока до меня в реальности не донесся чей-то крик и бег по коридору.

Отбросив одеяло, я встаю с кровати, а затем быстро натягиваю рубашку, валявшуюся на полу. Просовываю ноги в сапоги, стоящие у двери, и спешно выхожу, затягивая шнуровку на брюках. Далее иду по коридору к лестнице.

Я слышу крики, а потом, как что-то разбивается, и тогда начинаю бежать. Увидев собравшихся у подножия лестницы слуг, я застываю. Они стоят в холле, не двигаясь и не разговаривая, и у меня начинает покалывать руки.

Я уверенно иду мимо них, не обращая внимания, потому что слишком сосредоточен на том, что ждет меня впереди. Мне приходится обойти еще нескольких людей, чтобы попасть в холл: они выбежали в рубашках для сна, желая посмотреть на переполох.

Обхожу всех и замираю.

Болезненно-серый свет заливают холл.

Поскольку эта комната находится в центре поместья, здесь открыты еще несколько дверей, и в каждой из них полно слуг. Словно отец специально созвал всех сюда, как это часто бывает, когда он устраивает публичные наказания.

Через окна слева на мраморный пол падает предрассветное зарево, и красные обои кажутся еще более насыщенными, как капелька крови, остающаяся на кончике пальца.

Перед этими унылыми полосами света стоит мой отец. Он вообще должен был отсутствовать еще как минимум пару дней, потому что король вызвал его по важному делу. Но отец здесь. В накрахмаленной красной рубашке, в черных сапогах на шнуровке и с яростью в глазах – даже в столь ранний час.

Он хватается мою маму за запястье и поднимает ее руку под неудобным углом. За ней стоят слуги. Все в холле будто стоит на осколках стекла и боятся пошевелиться, иначе нас разрежет на куски.

Из-за выражения лица моего отца...

Дело не только в гневе, проступившем у него на лбу и темнеющем в глазах. Дело не только в том, как он кривит рот. Это нечто большее. Лицо у него красное, на шее проступили пятна, которые я вижу даже в столь тусклом свете и стоя на другом конце. Мышцы руки, которой он держит мою маму, напряжены, а хватка такая крепкая, что из-под ногтей, которыми он впился в ее плоть, сочится кровь. А его глаза... в них не просто злость, раздражение или разочарование. Нет, он в ярости.

Мама, как и остальные, в ночной рубашке, а ее волосы свободно ниспадают на спину. Даже по ее внешнему виду я понимаю: что-то случилось. Мама никогда не выходила из комнаты, не надев хотя бы халат и тапочки.

- Я хочу знать, кому об этом было известно! - кричит мой отец, обводя всех взглядом.

Слуги смотрят широко открытыми глазами, их лица напряжены, а некоторые от страха дрожат. Но никто не произносит ни слова.

- Я хочу знать! - рычит он.

Когда моя мать морщится, я начинаю действовать и подхожу к ней, шлепя развязанными сапогами по плитке.

- Что ты делаешь?

Отец поворачивается ко мне, и в его глазах появляется какая-то жестокость. Мама бледная, как призрак.

- Что я делаю? - повторяет отец и раздражается смехом, который никак не связан со счастьем. - О нет, это все из-за того, что сделала твоя мать.

Я бросаю на нее взгляд, и тогда по ее щеке стекает слеза.

- Скажи ему.

Услышав приказ моего отца, она вздрагивает, но, не сводя с меня взгляда, плотно поджимает губы.

- Скажи ему! - кричит он, трясая ее за руку так сильно, что от того она вздрагивает всем телом.

Я сразу же мыслями переношусь в то время, когда мне было восемь лет, когда мое тело застыло, а крик остался только у меня в голове. Но на этот раз слово вырывается из горла.

- Хватит! Ей больно.

Он отпускает ее, но мне нет нужды притворяться, что отец поступил так, потворствуя мне. Он толкает мать к слугам, стоящим за ней, и Джак ловит ее прежде, чем она падает на пол.

Отец смотрит на меня.

– Раз уж она сама тебе не скажет, то это сделаю я, – выплевывает он эти слова, как яд, струящийся с клыков змеи. В ответ и в моих деснах начинают пульсировать клыки. – Что сделала твоя мать, подумав, что меня не будет дома всю ночь? Она пригласила другого в свою постель. Раздвинула ноги, как ореанская шлюха.

От потрясения у меня начинает покалывать спину. Мне нужна всего доля секунды. Беглый взгляд на мать, и я уже знаю. Поверить не могу, что не понял этого раньше. Сколько раз он приносил ей свежие цветы или для нее первой сервировал стол. Улыбки, которыми они мельком обменивались.

Джак держит ее за руки, прижимая к своей груди, будто он, лишенный магии ореанский слуга, может защитить ее от моего отца. Он – полная противоположность моему отцу. Джак молчаливый. Добрый. С пышными волосами. А его лицо покрылось морщинками от частых улыбок, а не от хмурого взгляда.

Мать смотрит на меня так, словно боится моей реакции.

– Вот, видишь? – говорит отец, показав на меня. – Слейд не знал. Видишь это отвращение у него на лице?

Мне больно от того, как судорожно вздыхает мама.

– Ты прав, я не знал, – отвечаю я и делаю шаг вперед. – Но если на моем лице и видно отвращение, то это не из-за нее. Мне отвратителен ты.

Отец замирает.

– Что ты сказал?

– С чего бы ей не искать любви у другого? – выплевываю я. – Ты обращаешься с ней как с отребьем.

Удивление в его глазах не сравнится с моим удивлением от того, что мне удалось высказать ему все в лицо. Каждое слово – правда, и если отец думает, что я когда-нибудь встану на его сторону, а не матери, то он меня совсем не знает.

Он резко оборачивается и зыркает на собравшуюся толпу.

– Я хочу знать, кому из вас было известно об их интрижке и почему не доложили мне! Я хочу знать, как долго она продолжалась!

Никто не произносит ни слова.

В бессильной ярости он бьет себя кулаком, отчего проявляется часть его силы, и в полу образуется трещина. По комнате разносится треск мрамора, дрожью перекинувшись на мои ноги.

– Держи себя в руках, отец, – издевательски бросаю ему в лицо его неизменный приказ.

Он щелкает пальцем так быстро, что я даже не замечаю, а только чувствую, как ломается пополам указательный палец – ровно в том же месте, где он сломал его в прошлый раз. С губ срывается стон, когда руку пронзает боль.

– Стэнтон, перестань! – кричит моя мать. – Слейд не имеет к этому никакого отношения!

Отец не отворачивается от меня, не сразу слышит ее слова. С каким-то садистским удовольствием смотрит, как я пытаюсь сдержать тошноту. Через несколько долгих секунд он снова щелкает пальцами, и мои кости соединяются, издав омерзительный щелчок.

Мне приходится с такой силой стискивать зубы, что челюсть трескается, но я сдерживаюсь, держу свою силу под контролем. Ведь именно этому отец и учил меня столько лет – учил держать все под контролем. Владеть своей магией.

– Ты права, Элора, – слышу я его слова, моргая сквозь боль. – Это имеет отношение к тебе... и к нему.

В следующий миг отец отталкивает маму и хватается Джака за горло. Джак пытается вырваться, но это бесполезно. Он не отставной зажиточный воин. Он ореанский слуга с кожей, загорелой от проведенного на улице времени, тело у него худощавое, а не мускулистое, как у отца за годы, проведенные в армии. Джак, может, и сильный ореанец, но ему не выстоять против магии моего отца.

В отцовском голосе появляются опасно низкие нотки.

– Я привел тебя в свой дом, впустил в Эннвин и позволил прожить здесь долгую жизнь. А ты соизволил забрать то, что тебе не принадлежит?

Джак скребет обветренными руками, но не может оторвать ни одного пальца от своего горла. Его лицо приобретает неестественный красный цвет, он хватается ртом воздух, которого ему все равно не хватает.

– Стэнтон, прекрати! – Мать пытается оторвать руку отца, но он отталкивает ее. И я подхватываю ее прежде, чем она успевает упасть.

– Я хочу знать, как долго это продолжается, – говорит он, отпустив шею Джака настолько, чтобы тот вдохнул воздуха и попытался выдать ответ. – Это было впервые?

Джак переводит взгляд на мать, чем злит отца сильнее, поэтому он трясет Джака, как тряпичную куклу.

– Это было впервые?

Все в комнате ощущается в сто крат сильнее. Как воздух перед ливнем, который вот-вот обрушится и всех нас утопит.

Хриплый ответ Джака – раскат грома.

– Нет.

Отец с силой швыряет Джака через всю комнату, и тот врезается в окно. Стекло разлетается вдребезги и обрушивается на него первыми осколками. Он падает ничком, и мать кричит, пытается к нему подбежать, но отец силой ее удерживает.

- Давно, Элора?

Она пытается вырваться из его объятий, но безуспешно. У него на лице появляется ярость, тогда как она демонстрирует чистую, неприкрытую ненависть. И эта ненависть похожа на ветер, который бурей кружит вокруг нас, доводя до исступления.

Она вздергивает подбородок и смотрит на отца зелеными глазами.

- Одиннадцать лет.

- Одиннадцать лет? - Отец в полном потрясении. У него даже вырывается удивленный возглас. Как матери удавалось так долго хранить эти отношения в тайне?

А потом я понимаю, что ни один слуга не охнул, не посмотрел на них с удивлением, и в том кроется ответ.

Они им помогали.

В черных глазах отца сверкает что-то безжалостное.

- Ты пожалеешь об этом, Элора, - грохочет он, как разгневанная туча.

Не знаю, хочется ли поблагодарить слуг за то, что помогли маме обрести частичку счастья, или отчитать их за то, что не побудили ее быть более осторожной. Потому что, похоже, теперь мою маму ни капли не волнует осторожность.

- Я любила его гораздо дольше. Жалею только о том, что не позволила себе обрести эту любовь гораздо раньше.

Отец выходит из себя.

В следующий миг он уже пересекает комнату, хрустя по битому стеклу. Джек встает, но отец щелкает пальцами и ломает Джаку ногу.

От треска я вздрагиваю, а у Джака вырывается мучительный крик. Мать подбегает к нему, но еще одним щелчком мой отец крушит всю комнату.

Все пошатываются от толчка, а когда дом сдвигается, я падаю на колени на мраморную плитку.

Шум стоит оглушительный.

Поместье начинает рушиться ровно посередине. Все кричат, падают, обломки сыплются нам на головы. Когда стены раскалываются, потолок трескается, а

из расщелины в полу брызжет грязь. Как только трещина становится слишком широкой, мне приходится отползти назад, чтобы не свалиться в нее.

Дрожь останавливается, и мне удается встать и потянуть маму за собой. Слуги тоже поднимаются на ноги, стараясь не наступать на разбитый пол. Мать смотрит на огромную щель, которая разделяет ее и Джака – она такая большая, что перепрыгнуть ее невозможно.

Они смотрят друг на друга, и от выражения на их лицах у меня болит сердце.

– Джак... – с мокрыми от слез глазами говорит моя мать срывающимся голосом.

Сидя на полу, он тяжело глотает, а его лицо покрыто потом и искажено болью.

– Все в порядке, Элора.

– Не смей произносить ее имя! – кричит отец, а затем ломает руку Джака так сильно, что кость разрывает кожу.

– Нет! – Воздух разрывает материнский крик, и она хочет перепрыгнуть, но я в последнюю секунду хватаю ее.

– У тебя не получится! Ты упадешь, – снова и снова говорю я ей, а она пытается вырваться.

– Это твое наказание за то, что выбрала ореанское отребье, – брызжет слюной отец. – Я хочу, чтобы ты запомнила, Элора: именно это тебя будет ждать, если ты снова предашь меня.

Она замирает в моих объятиях. Кажется, что в комнате резко заканчивается воздух. А потом мой отец поднимает руку и щелкает.

И у Джака ломается шея.

Мать даже не успевает закричать, а я даже моргнуть не успеваю. Шея Джака изгибается под неестественным углом, и в его широко раскрытых, полных мук глазах гаснет свет.

Когда он падает на пол, у матери тоже подкашиваются ноги.

Мне уже попадалось слово «причитания». Я не раз его слышал. Но никогда не слышал, чтобы кто-нибудь издавал такой пронзительный крик, как моя мать.

Он вырывается из ее тела с такой силой, что у меня по спине пробегают мурашки.

Он такой громкий, что я даже не слышу своего бешено бьющегося сердца.

Звук, который она издает, ужасающий. Неузнаваемый.

Я в таком шоке, что стою рядом с ней и задаюсь вопросом, как, черт возьми, все так быстро изменилось.

Отец непринужденно соединяет своей силой ту единственную трещину в полу и, минуя ее, встает напротив меня.

– Вот почему нельзя доверять женщинам, Слейд.

Я сжимаю руки в кулаки, чувствуя, как над бровями в кожу вонзаются шипы. На глаз стекает одна-единственная капля крови. Отец равнодушно смотрит на меня.

– Полное отсутствие контроля. Теперь мы знаем, от кого ты это перенял, – с омерзением говорит он.

Гнев потоком изливается из моей груди, и я чувствую, как шипы в спине напрягаются, готовые...

– Мама?

Я поворачиваю голову влево и вижу, как расступаются слуги перед моим братом. Одетый в пижаму и зажав в руке одеяло, он кажется бледным, испуганным и таким юным.

– Райатт! – кричит мать.

Он нерешительно стоит, переводя взгляд с пролома в середине дома на плачущую мать. А затем его взгляд падает на неподвижное тело Джака.

– Папа! – кричит он своим тоненьким голосом и бросается вперед, расталкивая слуг, которые пытаются его защитить. Сердце подскакивает у меня к горлу, но Райатт резко останавливается перед трещиной, когда моя мать успевает схватить его за рубашку до того, как он прыгнет. После этого он начинает рыдать у нее на плече.

А мой отец... Я вижу, как путаются его мысли. Смотрю, как они сворачиваются и сгущаются.

– Не может этого быть.

Если до этого моя мать была зла, то сейчас она испуганна. Особенно когда отец делает угрожающий шаг вперед.

– Нет, – выдыхает она. – К нему ты не прикоснешься, – говорит она, еще крепче цепляясь за Райатта.

А я просто стою, потрясенно переводя взгляд с Джака на моего младшего брата, и меня охватывает неверие.

И все же... фейри трудно зачать. Это всем известно. Вот почему для нашего вида так важна долгая жизнь. А у моего отца появился не один наследник, а двое, причем близкие по возрасту. Он всегда объяснял это тем, что моя мать ореанка, но дело не в этом.

Одиннадцать лет, сказала моя мать. У нее был роман одиннадцать лет, а моему брату десять.

Райатт не от моего отца.

Моя мать выглядит взбешенной. Ее черные волосы растрепаны, в прядях запутались кусочки штукатурки, упавшие с потолка, а на щеке красуется царапина. Сломав Джаку шею, отец разбил матери сердце, но она не позволит ему причинить боль и Райатту. Я вижу это в ее красных глазах.

Поняв, что Райатт не его сын, отец пошатывается, задев каблуком трещину.

Мое сердце как будто рвется, а от шума крови стучит в ушах. Райатт продолжает плакать, вцепившись в ночную рубашку матери, а она пытается заслонить его собой.

- Ты посмела зачать щенка от этого ублюдка? - Мрачный голос отца словно высасывает из комнаты первые лучи солнца.

У матери дрожит нижняя губа, когда она пытается загородить Райатта. Слуги будто хотят вмешаться, но слишком боятся противостоять моему отцу, и их страх оправдан.

- Стоило знать, что нельзя доверять ореанке.

Он снова щелкает пальцем, и земля сотрясается, раздается сильный треск. Я понимаю, что отец запер нас в этой комнате, окружив кольцом трещин.

Когда я снова обретаю равновесие, отец подходит ко мне сзади, и я вздрагиваю, почувствовав, как он опускает руку мне на затылок и легонько его сжимает.

- Но ты подарила мне могущественного наследника, - говорит он матери тем же грохочущим голосом, в котором сквозит невероятная ярость. - Так что ни ты, ни твой ублюдок мне больше не нужны.

Я холодею от ужаса.

Я знаю своего отца. Я уже семь лет с ним тренируюсь. И лично видел, каким он может быть безжалостным. Видел, как он разрушал дома и улицы. Горы и деревья. Сухожилия и кости.

Но не позволю ему сломать мою мать и брата.

Он может быть громким, как гром, но я быстрый, как молния.

Быстрее, чем я успеваю моргнуть, из кожи вырываются шипы, а из вен - гниль.

Я вскакиваю и со всех сил толкаю его назад. Отец врезается в стену, где пытаются карабкаться несколько слуг, пока другие окружают мою мать и брата, пытаясь их оттащить.

Хорошо.

Потому что теперь, напав на отца, я провел черту. Я должен либо убить его... либо смотреть, как убивают тех, кого я люблю.

Пятнадцать лет я позволял ему управлять нами. Позволял его жестокости диктовать нам, как жить. Смотрел, как моя мать уходит в себя, смотрел, как в настороженных глазах Райатта исчезает блеск всякий раз, когда отец обращался с ним так же плохо, как со мной.

Но я не зря мирился с его тренировками и жестокостью. Думаю, я мирился, зная, что однажды мы окажемся здесь – по разные стороны проведенной черты. Зная, что выживет либо он, либо мы.

И я выбираю нас. Потому что когда вырвется моя гниль, это станет возмездием, которое я сдерживал на протяжении семи лет.

Мраморный пол трескается, а земля между нами крошится от разложения. Из моей кожи изливаются струйки яда и растекаются по полу, подползая к нему, как змеи, готовые к нападению.

Отец выпрямляется, устремив на меня жестокий взгляд, словно тот удар о стену никак на него не повлиял.

– Думаешь, тебе под силу сразиться со мной? – кричит он. – Это я тебя создал!

Он вытягивает руки вперед и посылает в мою сторону силу. Я чувствую ее, словно воздух сотрясается от нанесенного удара. Повинуясь инстинкту, я тоже бросаю в него свою магию, и кажется, что воздух взрывается сам по себе.

Мы с отцом отлетаем назад, и я ударяюсь головой о разбитую плитку, а гниль продолжает просачиваться из моих пор. Слышу грохот и крики, но все не имеет значения. Все свое внимание я устремляю на отца. Я не знаю, как мне удалось заблокировать его магию, как удалось воспользоваться своей, но теперь, когда я уверился в своих силах, мою решимость подпитывает надежда.

– Больше ты ничего не уничтожишь, – говорю я ему, шумно дыша. По моей коже расходятся линии гнили. Краем глаза замечаю, как некоторые слуги пугаются не только от моего отца, но и от меня. Я понимаю, как сейчас выгляжу: фейри, покрытый шипами и управляющий гнилью. Я и чувствую себя этим коварным фейри – от щек, покрытых чешуей до сверкающих клыков.

Но мне плевать. Если понадобится уничтожить монстра, я сам им стану.

Он щелкает пальцем, но выбивает пол прямо у меня из-под ног. Когда я начинаю падать, слышу, как мать кричит мое имя, но, как только земля осыпается, вскакиваю, едва успев удержаться и откатиться в сторону. Не вставая, я посылаю в сторону отца поток гнили, отчего земля начинает разлагаться, гнилью обвиваясь вокруг его ног. Я вижу, как отец стискивает зубы, и понимаю, что травлю ему мышцы, разрушаю его кровь, разлагаю его кости.

С поразительной ясностью я осознаю, что могу его убить. Вот сейчас, на этом месте могу сгноить его заживо. Но по какой-то причине, за которую себя ненавижу, мешкаю.

Этого сомнения ему хватает, чтобы моя гниль дрогнула и отступила. Отец с безжалостной быстротой щелкает пальцами, и, хотя я готовлюсь отразить удар, его магия на меня не действует.

Я слышу за спиной, как кричит моя мать.

Резко обернувшись, вижу, как она почти лишилась чувств, потому что рука у нее сломана в том же месте, где была сломана рука Джака. Райатт плачет, и от их криков у меня закладывает уши.

Я чувствую покалывание в затылке и едва успеваю развернуться, как мне в лицо прилетает кулак. Я лежу, распластавшись на разбитой плитке, и кожа на руках трескается. Переворачиваюсь и понимаю, что надо мной нависает отец. По моим рукам безостановочно пульсируют шипы. Я заставляю себя встать, не собираясь показывать свой страх, не собираясь отступить, сколько бы мама ни звала меня по имени.

- Как же ты меня разочаровал, Слейд, - цокает он.

- Поверь, - выдыхаю я, - это чувство взаимно.

В его глазах что-то мелькает, и я понимаю. Понимаю, что это оно.

Оно.

Я призываю на помощь всю свою силу. Каждую частичку магии, которой я обладаю. Я вспоминаю каждый раз, когда отец толкал меня, унижал, причинял боль. Вспоминаю каждый случай, когда становилась напряженной спина матери, когда ее глаза наполнялись слезами, когда съеживался от страха Райатт. Я позволяю гневу затопить мой разум и позволяю ему меня подпитывать.

В венах бурлит сила.

Отец поднимает руку.

Время замедляется.

В комнате ревет буря. Или, может, это звук, вырвавшийся из моего горла - и из его тоже.

Отец внезапно накидывается на меня с такой мощной магией, что у меня покалывает кожу. Но я готов.

Если раньше мне казалось, что все в воздухе взорвалось, то это не идет ни в какое сравнение с тем, что происходит теперь. Наши силы сталкиваются. И воздух между нами пронизывает эта сильная, жестокая, убийственная магия.

Магия не должна так себя вести. Ни разу не слышал о таком раньше, но, возможно, поскольку в моих жилах течет кровь отца, наши силы реагируют друг на друга.

Поместье трещит по швам, образуя между нами расщелину. Но это не физический перелом или осязаемое гниение. Это что-то иное.

В воздухе возникает сверхъестественный раскол. Он изломан тьмой и гнилью, которая потрескивает, как грозовая туча, и издает оглушительные звуки. Затем из него вырывается ветер, отрывающий куски обоев и следом втягивающий их в разрыв.

Оторопев, отец смотрит на все это с бледным лицом. И меня должен был бы удивить легкий намек на панику в его глазах, но в эту секунду я слишком сосредоточен. Слишком увлечен.

Когда я вкладываю в разлом больше силы, он будто отвечает мне и начинает расширяться, наполняя хлещущий ветер зловонием разложения и ненависти. У меня дрожат руки, а на лбу отца выступает пот. Мы оба стискиваем зубы.

Кости пронзает боль, и на секунду мне кажется, что он мог что-то сломать, но нет. Моя магия слишком быстро, слишком сильно лишает меня сил. Мои шипы поднимаются и опускаются в неустойчивом ритме, а сердце как будто вот-вот разорвется.

– Слейд! – Рассеянно чувствую, как мать пытается меня оттащить, чувствую, как Райатт хватается за мою ногу. Но не останавливаюсь.

Не могу.

И в эту минуту отец все понимает по моему лицу. Видит, что я ни за что не сдамся. От гулкого вопля, сорвавшегося с его презрительно поджатых губ, у меня самого вырывается яростный крик.

Потому что я скорее умру, чем позволю ему победить.

Одежду рвет ветер, бросает грязь мне в глаза, в горле стоит запах гнили. Отцовская сила давит на меня так сильно, что все мое тело сотрясается.

Контролируй, Слейд.

Все эти уроки. Все эти наказания, нотации, часы изнеможения и боли. Я мирился с ними, зная, что мне нужно учиться, нужно стараться, чтобы у меня было столько же власти и силы, сколько было у отца.

Я обучил себя контролю, чтобы лишить его отца.

Я подавляю все, что у меня есть. Все, чем являюсь. Подавляю так сильно, что кажется, будто обе мои ипостаси разрываются на две части. И вот тогда этот сверхъестественный разлом наконец вспыхивает.

Когда магия взрывается, я чувствую все за секунду – чувствую, как она взрывается во мне.

Сила достигает апогея и с разрушительным грохотом отрывает нас с отцом друг от друга.

На секунду я оказываюсь в воздухе. Коченею. Замираю возле матери и брата.

Но затем время замедляется и возвращает все на свои места.

Внезапно разлом в воздухе становится похож на огромную открывающуюся пасть бестелесного зверя... Этот рот зависает в воздухе, готовый поглотить всех разом. Я даже не успеваю приземлиться, как эти зубы молниеносно смыкаются над нашей половиной комнаты. Пасть поглощает нас темнеющим штормом, после которого остаются лишь сильнейшая боль, падение и крики десятков людей.

Нас затягивает во тьму, которой подвластно время и магия.

А потом мы приземляемся в брюхе зверя, и мое разорванное тело и отравляющая сила цепенеют.

Спустя четыре дня, придя в себя, я узнал, что пробил в мире брешь. Узнал, что между делом разорвался пополам и утянул вместе с собой в Орех остальных людей, которые теперь зависят от меня. Узнал, что совсем скоро все изменится.

Беспмятство стало моей единственной отрадой, но тогда я этого не понимал.

Глава 38

Аурен

– Рип, – первое, что вылетает у меня, когда Слейд заканчивает рассказ.

Потому что теперь я знаю, что означает его прозвище. Знаю, что оно символизирует. Все это время его величайшие секреты таились в самом обычном прозвище.

Толком не помню, когда села, но, думаю, ноги у меня подкосились, когда Слейд поведал мне историю о том, как впервые проявилась в детстве его сила. Я сидела не шевелясь ровно до той судьбоносной битвы между ним и его отцом. Битвы, которая привела его сюда.

Я не произнесла ни слова. Слейд ворошит прошлое, которое скрывал годами, потому что вспоминать его слишком болезненно. Но мне он рассказал. Выложил передо мной все мгновения. Теперь у меня есть ответы на вопросы, которые я даже не подумывала задавать.

Когда он заканчивает, в воздухе повисает тишина. Несколько долгих секунд я задумчиво ерзаю на камне. Уложить это все в голове сразу слишком сложно. Из этой гробницы воспоминаний вырвалось слишком много событий, и только время поможет мне осознать ее истинные масштабы.

Я прочищаю горло, переводя взгляд на гигантскую прорезь в воздухе, и снова смотрю на него.

- Так вот как ты попал в Орею.

Он кивает, уставившись на грозовой разрез.

- Да.

- Думаешь... думаешь, я тоже попала сюда так? Кто-нибудь еще пробивал брешь в этот мир? - спрашиваю я.

Слейд устремляет на меня печальный взгляд.

- Не знаю. С тех пор, как ты сказала, что тебя сюда привезли нелегально, я много об этом думал. Это вынуждает задуматься, жили ли все это время в Орее еще какие-нибудь фейри, прячась у всех на виду.

- Но неужели ты думаешь, что я... - Я замолкаю и киваю в сторону разрыва.

Слейд качает головой.

- Нет. Когда меня нет, разлом всегда сторожат, и с того дня сюда больше никто не вошел. Иначе я бы почувствовал изменения, потому что моя сила связана с этим разломом.

Вся эта информация вызывает еще тысячи вопросов. Так в воздухе поднимается пыль, когда на землю падает что-то тяжелое. Но от одного взгляда на Слейда все вопросы стихают. Лицо у него напряжено, а взгляд мрачнее этой пещеры.

Он выглядит измученным, более уязвимым, чем раньше, будто на необработанных краях камня осталась поверхность, которую он не привык показывать.

- То, что ты пережил, ужасно, но я все же рада, что ты здесь, в этом мире, со мной, - тихо говорю я.

Его взгляд смягчается.

- О, Золотая пташка. Я найду тебя в любом из миров. В любой из жизней.

Мои губы растягиваются в мягкой улыбке, потому что я ему верю.

- Ты найдешь меня в каждой из них.

Когда он кивает, я медленно поднимаюсь и осторожно подхожу к нему. Ничего не говоря, просто кладу руку на его сжатый кулак. Он тут же расслабляет

пальцы, позволяя мне провести ладонью по его ладони, переплести наши пальцы. Из его груди вырывается прерывистый вздох.

Я осторожно беру его за руку, и лишь на мгновение он замирает, а потом идет за мной. Мы пробираемся по пещере и мимо дома его матери, а затем через небольшую выемку в горе, пока не оказываемся на заснеженной улице.

Я веду его вниз по склону к успокаивающему сиянию Грота. Но вместо того, чтобы пойти к дому, веду его дальше. Слейд, недоумевая, посматривает на меня, но, как только мы входим в Пасть, понимает, куда я его веду.

Только когда все затмевает запах серы, а холодный воздух сменяется паром и теплом, я наконец отпускаю его руку.

Слейд хмуро смотрит на меня.

– Что...

Он замолкает на полуслове, когда я снимаю сапоги и стягиваю чулки. Я вижу, как по его горлу поднимается и опускается кадык, стоит мне сбросить пальто и положить одежду на камень.

В одной рубашке, которая скользит по моим обнаженным бедрам, я обхожу его и осторожно снимаю с него пальто, положив рядом со своим. Когда снова смотрю на Слейда, он пронзает меня взглядом, замешательство в котором сменяется цепким вниманием.

Сердце гулко бьется в груди, но я подавляю тревогу и смотрю ему в глаза.

– Ты обнажился передо мной. Пришло время и мне сделать то же самое.

Он втягивает воздух, когда я оборачиваюсь и выжидающе смотрю на него через плечо. Замешкавшись всего на мгновение, вскоре он прижимается ко мне, и жар его тела проникает в мое.

Я чувствую, как он водит руками по моей рубашке, скользит пальцами по воротнику. Слейд замирает, словно давая мне шанс передумать, но мне это не нужно.

Когда он расстегивает первую пуговицу, я начинаю дрожать от предвкушения и волнения, пока Слейд окончательно не обнажает мою спину.

Он осторожно стягивает рубашку и кладет на камень. И теперь я обнажена полностью. Перед ним предстают моя изуродованная спина, моя уязвимость и болезненные воспоминания.

Тело у меня дрожит. Живот сводит. А глаза... глаза горят от воспоминаний о том, как меня прижимали к стене и разрубали две дюжины раз.

Но потом Слейд касается губами моей шеи. Мягко прижимается ртом, осыпая спину легкими, как перышко, поцелуями. Я со слезящимися глазами понимаю, что он прикладывает губами к каждой паре отрезанных лент. Кое-где еще торчат кончики, будто заусенцы, которые я не хочу выдирать. Синяки

полностью сошли, и я знаю: когда отвалятся последние обрывки, спина станет гладкой, будто и ничего не было.

Слейд постепенно спускается все ниже, и ниже, и ниже.

Я дрожу еще сильнее, а пещера начинает расплываться перед глазами, которые наполняются еще большим количеством слез. Потом Слейд поднимает руки и проводит кончиками пальцев, утешая истерзанные части моего тела, которых я больше не чувствую.

Он скользит пальцем вдоль спины, оставляя на ней мурашки. И пока осыпает меня нежными, любящими прикосновениями, стыд тает во мне, как снег на солнце.

Не говоря ни слова, он меня утешает. Исцеляет. Пока не опускается на колени, запечатлев последний поцелуй на порванных лентах на поясице, и не хватает за бедра, прижимая к себе.

Встав и развернув меня к себе, Слейд поднимает руки и смахивает слезы с моих щек.

- Я вижу тебя, Золотая пташка, - шепчет он. Его глаз полон такой нежности, что я до сих пор не могу поверить, что она обращена ко мне.

- Я тоже тебя вижу, Рип, - шепотом вторю я.

Я опускаю руки к завязкам на его брюках, и сейчас, в отличие от того раза в пещере, мои движения нежные, неторопливые. Потому что я хочу насладиться моментом. Не хочу торопиться.

Внешнего мира - всего, что находится за пределами пещеры Грота, - сейчас просто не существует.

Когда шнуровка ослабевает, Слейд снимает сапоги и помогает мне спустить с него ботинки. И вот мы уже оба обнажены и телесно, и духовно.

Я провожу взглядом по его мускулистым бедрам и смотрю на большой член, который уже начал твердеть. Не сводя с него глаз, я тоже медленно опускаюсь перед ним на колени.

Он резко втягивает воздух, когда я сжимаю рукой член. Я обхватываю его ладонью, вожу кончиками пальцев по нежной коже, и под моими прикосновениями он становится еще тверже. А потом наклоняюсь, облизав головку, и Слейд напрягается всем телом.

- Аурен...

Что бы еще он ни собирался сказать этим искаженным тоном, все забывается, когда я беру член в рот. Слейд тут же опускает руки мне на голову, зарывшись пальцами в волосах. Несколько секунд я изучаю его, вбирая в себя, облизывая, наслаждаясь его вкусом и тем, как он ощущается во рту.

- Ты меня дразнишь, - рычит он, и я пытаюсь улыбнуться ему, устремив на него взгляд. - Отсоси у меня, детка. Хочу это увидеть.

К низу живота приливает тепло, и я тут же выполняю его просьбу. Я беру его в рот, вода головой туда-сюда, и между бедер становится жарко от изданного им стона.

- Черт возьми, Аурен, - выдавливает он сквозь зубы. - Этот рот.

Возбуждение, которое я получаю от того, как он теряет самообладание, придает мне смелости, и я вбираю его в рот до тех пор, пока он не касается задней стенки горла. Я давлюсь, но Слейд слегка оттягивает мою голову. Я поднимаю взгляд, и он прожигает меня плотским голодом. Он ждет, внимательно наблюдая за мной и убеждаясь, все ли со мной в порядке. От этого искреннего доверия мне еще сильнее хочется заставить его потерять контроль.

Когда преклоняешь колени перед подходящим человеком, то всегда видна сила. Обожание вкупе с покорностью. Гармоничное сочетание с властью.

Вот почему я смотрю на него снизу вверх и говорю:

- Трахни меня в рот, Слейд.

В его глазах вспыхивает чувственный голод.

- Положи руки мне на бедра, - говорит он. - Хорошо. Похлопай по ним, если я буду слишком груб или тебе нужно будет передохнуть.

Я киваю, дав ему понять, что поняла инструкции, и он направляет мои движения. Несколько мгновений он позволяет мне привыкнуть к его доминированию, а затем начинает двигаться быстрее и жестче, трахая мой рот так, словно страстно этого жаждет. Он покачивает бедрами, и движения у него смелые, грубые и восхитительно чувственные.

- Да, - рычит он. - Этот чертов непристойный ротик так идеально принимает мой член. - Он сжимает мои волосы кулаком и дергает только для того, чтобы держать мою голову крепче, но не причиняя боль. - Вот какая ты, понимаешь? Чертовски идеальная.

Он снова касается членом задней стенки горла, и я давлюсь, а с губ стекает слюна.

- Правильно, увлажни мой член, детка. Пусть с него тоже капает слюна, потому что скоро я тебя трахну, и хочу, чтобы ты тоже была влажной.

Возможно, эти выражения непристойны, но мне они нравятся, и я не могу ими насытиться.

Слейд отталкивает меня, и я хватаю ртом воздух, а глаза немного слезятся.

- Ты великолепна, и я ужасно хочу кончить тебе в рот, но еще сильнее хочу быстрее оказаться в тебе.

С улыбкой я вытираю подбородок и встаю, а затем начинаю пятиться к горячим источникам. Слейд смотрит на меня, не двигаясь, а линии на его коже извиваются вокруг грудных мышц, будто желая дотянуться до меня.

Когда я касаюсь пяткой горячей воды, то начинаю заходить в нее и, подняв руку, маню Слейда пальчиком.

– Тогда идите ко мне, король Ревингер. Потому что именно этого я и хочу, и я излечилась для того, чтобы хорошенько намочнуть.

Не успеваю я войти в воду до пояса, как Слейд уже оказывается рядом и, подхватив меня за попку, приподнимает. Он входит вместе со мной в воду, и чем глубже мы в нее погружаемся, находясь в объятиях друг друга, тем приятнее она кажется.

Слейд останавливается у бортика и опускает меня, а я замечая, что плоскость здесь немного наклонена, отчего я оказываюсь на несколько дюймов выше.

– Повернись, детка, – говорит он. – Упрись руками в бортик.

Тяжело соглотнув, я поворачиваюсь и хватаюсь за гладкий камень пальцами.

– Хорошая девочка, – вкрадчиво произносит Слейд, одну руку властно прижав к моему лону, а другую положив на грудь.

– Богиня... – выдыхаю я, когда он обводит мой клитор двумя пальцами, как музыкант, идеально перебирающий струны. Мое тело поет для него всеми нужными нотами.

Когда он погружает в меня палец, другим лаская клитор, мы оба стонем. Слейд кусает меня сбоку за шею, а другой рукой сжимает мою грудь, покручивая соски и превращая их в твердые пики.

– Слейд, я хочу тебя, – стону я, запрокинув голову и прижимаясь к нему.

– И я буду твоим, – отвечает он, целуя меня в шею. – Перед тобой есть небольшой выступ – хочу, чтобы ты оперлась на него одним коленом.

Обезумев от переполняющего меня желания, я быстро поднимаю колено и ставлю его ровно на тот гладкий камень, о котором он сказал.

– Идеально, – говорит Слейд и убирает с моей груди руку. Потом вынимает из меня палец, отдавая место члену.

Он входит в меня мучительно медленно, и я охаю от того, как Слейд неспешно меня растягивает. Он погружается в меня дюйм за дюймом, и от его медленных движений я отчего-то чувствую себя наполненной. А в горячей воде становится скользить проще.

Ударившись бедрами о мой зад, он сжимает мои ягодицы, и из его груди вырывается стон.

– Чертовски хорошо. Такая тугая и готовая.

Я снова чувствую, как он касается губами моей спины, и понимаю, что Слейд специально поставил меня в такую позу. Хотя удивляться тут нечему – Слейд всегда все делает с каким-то умыслом.

Теперь он снова целует мою спину, заменяя насилие нежностью. Напоминает, что я не уничтожена. Что мы, несмотря на случившееся, вместе и что в наших мирах брешь появилась для того, чтобы мы обрели друг друга.

– Слейд, мне нужно, чтобы ты начал двигаться, – говорю я ему, пока он гладит, ласкает, заставляет мое тело млеть, а все мои сомнения растекаться ручейками.

С той же поразительной проворностью он возвращает пальцы на клитор, и у меня перехватывает дыхание, когда он начинает ласкать его быстро и решительно.

Одновременно он с силой выходит и снова входит в меня. Снова. И снова. И снова. Он двигается в ровном и жестком темпе, а другой рукой хватается за бедро и еще приподнимает, и тогда меня пронзает волна жара.

Я выгибаю спину и начинаю непристойно стонать, но мои стоны немного заглушает журчание воды.

– Да, да, – томно произношу я. Его прикосновение к клитору напоминает тысячи разрядов молнии, которые пробегают по моим ногам, по животу, – даже стопам становится жарко. Чувствую, как он задевает ту точку, от которой хочется громко взвыть.

– Быстрее, Слейд. Я хочу кончить. Хочу кончить вместе с тобой.

– Я дам тебе все, что хочешь, – говорит он голосом, в котором слышится пыл и голод, властность и желание защитить. – Держись.

Я выпрямляю руки, собираясь с духом, и Слейд начинает жестко и быстро трахать меня, отчего вода вокруг нас плещется. Плеск воды идеально дополняет эротические звуки, сопровождающие наши стоны.

– Ты так сжимаешь мой член, будто хочешь высосать все без остатка, – шипит он мне на ухо, задевая острыми зубами ушную раковину. – Ты уже готова, да, детка?

– Да! Пожалуйста!

Он ласкает мой клитор сильнее, быстрее, увереннее и...

Я вспыхиваю в горячей воде, которая волнами бьется о мои руки и грудь. От ступней до груди меня охватывает пламя удовольствия.

Слейд, дернувшись, издает мне на ухо самый сексуальный звук, что я слышала, и изливает в меня семя, а я, прильнув к нему, медленно отхожу от экстаза.

Тяжело дыша, мы прижимаемся друг к другу, и Слейд в последний раз целует меня в спину, а потом разворачивает и сажает к себе на колени. Он прижимает мою голову к своей груди, пока пар клубится вокруг нас, как занавес, призванный укрыть от всего.

Спустя время, когда тишина дарит успокоение, а булькающая вода просто звучит на фоне, я поднимаю взгляд на Слейда, и он наклоняет голову, смотря на меня.

- Это оно, да? - тихо спрашиваю я, чувствуя себя в его объятиях хрупкой и защищенной. - Это настоящая любовь? - Это слово. Важное, многозначительное слово просто срывается с моих губ, покрывая воду рябью, но я знаю, что это правда.

Раньше я считала, что меня любят, когда это было не так. Любовь Слейда совсем не похожа на его любовь. После сегодняшнего я вижу это четко и ясно. Вижу то, на что мне раскрыли глаза.

Слейд сжимает меня в объятиях, а потом целует в лоб.

- Да, Аурен. Это и есть любовь.

Глава 39

Аурен

Оставшуюся ночь мы со Слейдом проводим в постели. Он занимается со мной любовью еще дважды, и я засыпаю, а потом просыпаюсь, когда он опускается рядом между моими бедрами и вытворяет языком очень порочные вещи.

Я не знаю, сколько времени было, когда мы уснули, но, проснувшись, обнаруживаю, что нахожусь в постели одна. И тут нет ничего необычного, потому что я соблюдаю другой режим сна, боясь ненароком что-нибудь позолотить. И все же не могу прогнать колкое разочарование из-за того, что Слейда нет рядом.

Посмотрев на часы, стоящие на каминной полке, вижу, что спала, как обычно, не очень долго. Уже стоит поздний вечер, а значит, пока светло. Я бы перевернулась на другой бок, накрывшись одеялами и довольствуясь тем, что могу спрятаться до ночи, но именно в этот момент желудок решает тихонько заурчать, потому что с пиршества в павильоне прошло много времени. Особенно учитывая, какими... мы со Слейдом были активными прошлой ночью.

Нам это пошло на пользу - нужно любить друг друга, а не вязнуть во всех откровениях их прошлого. Но теперь, когда я одна и у меня есть время все

обдумать, в голову приходят только мысли об этой деревне. Обо всех долго живущих тут ореанцах.

В основном я думаю о его матери.

Я хорошо ее понимаю. Ее вырвали из привычного мира, заточили с жестоким человеком. Эту женщину воцелили из-за ее магической силы, держали в стороне как безделушку, которая должна принести желаемые результаты. Интересно, что произошло, когда она прошла через этот разлом, и почему больше не говорит?

Возможно, в тот день у нее сорвался голос от криков, которые она посвятила своему погибшему возлюбленному.

Теперь становится понятным, почему я заметила в селянах и Элоре что-то странное. Наверное, почувствовала их связь с Эннвином, какой бы тонкой она ни была.

Но в голове беспрестанно кружит один вопрос: а я-то как сюда попала? Если Слейд и его отец воспользовались своей магией и разорвали грань между мирами... мог ли еще кто-нибудь сделать то же самое? Меня тайком провезли сюда через какой-то разлом, который, возможно, до сих пор есть в Орее? При мысли, что еще одного фейри продали на рынке торговцев плоти и обращались с ним так же, как со мной, сердцу становится больно. И все же, если в Орее есть фейри... то где же они?

Мысли накатывают одна за другой, но вскоре желудок урчит громче, и я заставляю себя встать с постели.

- Все будет хорошо, - бормочу я, оставив теплые одеяла и отправившись в соседнюю комнату. Днем я ничего не позолочу.

Я должна двигаться мелкими шажками, и первый из них - научиться вставать с рассветом. Меньше всего хочу потерять над собой контроль и уничтожить эту деревню. За такое я никогда себя не прошу.

Посетив умывальную, я захожу в гардеробную. Теперь, когда спина почти зажила, я решаю отказаться от рубашек Озрика и взять свою. Я надеваю чистую одежду и возвращаюсь в спальню, но рука, одетая в перчатку, замирает на дверной ручке. Глубоко вздохнув, я поворачиваю ее и выхожу, идя по длинному коридору на кухню.

Когда почти подхожу к гостиной, то замираю, услышав за стеной голоса.

- Рип, мы больше не можем сбрасывать это со счетов.

Это голос Лу, и ее тон звучит... обеспокоенно.

- Знаю, - отвечает Слейд, и в его словах слышится обреченность.

Наступает пауза, а затем я слышу Дигби:

- Они идиоты, если действительно так о ней думают. Если хотите знать мое мнение, то это просто пустой вой.

- Не важно, - отвечает Джадд. - Они чувствуют угрозу. И слишком самонадеянны, чтобы считать Мидаса лжецом. А еще это в любом случае политика. Если в чем-то и можно быть уверенным, когда речь заходит о правителях, так это в том, что они всегда попытаются вывернуть ситуацию в свою пользу.

Я хмурюсь.

Внезапно распахивается входная дверь, и я подпрыгиваю, прижавшись спиной к затененной стене, когда в дом входит Райатт, громко топая. Если бы он был внимательнее, то заметил бы меня, но он сворачивает.

- Это правда? - рычит он, и всех замолкают. - Правда?

- Да, это правда, - слышу я голос Слейда.

У Райатта вырывается стон досады, и я отчетливо вижу это по его тени, что он начинает расхаживать по комнате.

- Черт.

В животе бурлит от беспокойства, заглушая голод и сменяя его тошнотой. Я знаю, что-то происходит, и Слейд со мной еще не поделился. Много стало ясно, когда я подслушала его разговор с Райаттом, и у меня возникло такое же чувство, когда Слейд получил того ястреба и не дал никаких объяснений. Конечно, это могло быть что-то незначительное, но я в этом сомневаюсь.

На секунду я подумываю о том, чтобы повернуть обратно. Вернуться в спальню и от всего спрятаться. Но я больше так не могу. Пришла пора сделать еще один шаг. Поэтому, несмотря на растущее беспокойство, я заставляю себя оттолкнуться от стены и пойти в гостиную.

Оказавшись в комнате, вижу, что все собрались за кухонным столом. Слейд сразу же устремляет взгляд на меня, и я вижу на его лице напряжение, а через секунду он его прячет.

- Аурен.

Остальные тоже поворачиваются ко мне, как и Райатт, который стоял в дверях кухни спиной ко мне.

Никто из них не сидит с бесстрастным лицом, как Слейд. А даже если бы и сидели, то я все равно бы почувствовала по напряженному молчанию, что здесь что-то случилось. Даже у Ходжата, который всегда хранит спокойствие, на лбу проступили морщинки волнения.

Мой взгляд падает на свиток, развернутый на столе. Похоже, его не раз передавали из рук в руки, и теперь из-за мятых уголков не видно некоторые надписи.

- Что происходит? - спрашиваю я, снова смотря на них.

Лу с Джаддом поглядывают на Слейда, и даже Дигби смотрит на него, выгнув бровь, словно ждет, когда тот во всем сознается.

Слейд не торопится, и тогда в разговор вступает Джадд с добродушной улыбкой.

- Привет, Золотце. Слышал, ты поняла, почему мы на самом деле зовем его Рипом. Немного пафосно ворвался в этот мир, тебе так не кажется? Я предпочитаю слухи, которыми мы объясняли его прозвище, - говорит он. - Забавно их было распространять.

- Как будто он получил бы прозвище за то, что отрывал во время битв головы людям.

Джадд кивает.

- Или надрывается, качая пресс - это объяснение нравилось женщинам

- Рухни И Помри.

- В клочья всех порви.

- Рви и мечи.

- Врага зубами рви.

У Джадда загораются глаза.

- Задницу надорви и...

- Хватит, - вздохнув, говорит Слейд.

Джадд хохочет.

- Спасибо, - говорю я им. - И да, это стало настоящим сюрпризом. Но я правда просто хочу знать, что происходит. - Я обвожу комнату взглядом. - С тех пор, как мы здесь, что-то происходит, верно?

К моему удивлению, отвечает Райатт:

- Да.

- Райатт, - рычит Слейд.

- А что? - огрызается он в ответ. - Она пришла в себя. Она выздоровела. И теперь она спрашивает. Ты напрасно тратишь время - время, которое принадлежит не только тебе. И не ей.

- Что это значит? - интересуюсь я, чувствуя, как сжимается все внутри от волнения. - Это из-за... Мидаса?

Ходжат ерзает. Джадд снова переводит взгляд на Слейда. Лу проводит языком по деревянному пирсингу в губе.

- О чем говорилось в послании? - опасно спрашиваю я.

От выражения лица Слейда у меня сжимается сердце, а в жилах стынет кровь.

- Что там было написано, Слейд?

Вместо ответа он встает, запускает руку в карман и вытаскивает горсть свитков. Я круглыми глазами смотрю на них, когда он высыпает их на стол.

- Монархи потребовали, чтобы ты ответила за смерть Мидаса и предстала перед судом королевского Слияния. Они заявляют..

Сердце безудержно бьется в груди.

- Что они заявляют?

Он устало вздыхает.

- Они заявляют, что ты украла у Мидаса силу. Что ты взревновала, когда он объявил о помолвке с королевой Кайлой, и убила его в приступе ярости. И.. что ты меня соблазнила.

Я потрясенно распахиваю рот, а ребра трещат от силы, с которой бьется сердце.

- И эти.. вот чем были эти послания? Чем-то вроде требования?

- Некоторые из них - да.

Я глотаю ком.

- А остальные?

Он сомневается.

- Слейд!

- Нам только что сообщили, что поставки продовольствия не будет. Мы полагали, что его хватит для форпоста и нужд армии, а еще для пополнения запасов в Дролларде, но груза не было. Я проверил, но, похоже, корабли в порт так и не прибыли.

Я хмурюсь сильнее, пытаюсь понять, какое отношение это имеет к случившемуся в Рэнхолде.

- Какие корабли?

Слейд не успевает ответить, потому что в разговор вмешивается Райатт, повернувшись ко мне.

- У моего брата хреново получается сказать, что другие королевства срывают нашу поставку, потому что мы тебя укрываем.

Я в изумлении смотрю на него.

Слейд бросает на него свирепый взгляд и пытается объяснить.

- Четвертое королевство - это по большей части болотистая местность, топи и горная руда. А за ней... гниль, - говорит он. - Отчасти как средство устрашения, отчасти, потому что я должен изгонять силу. Но в моем королевстве не очень хорошие сельскохозяйственные угодья. Помимо рыбы, мы вынуждены импортировать продукты питания по торговым соглашениям, заключенным с другими королевствами.

Он делает паузу.

- Значит, груз...

- Не доставят, Золотце, - отвечает мне Джадд. - Королевства вне себя от того, что Слейд не принял во внимание их указания и не отправил тебя, как они того требовали. Так они нас предупреждают.

Я устремляю взгляд на Слейда.

- А как же Дролланд?

- У нас есть резервы.

- Да, но они скоро кончатся, - говорит Райатт.

- Не говоря уже о войске, - добавляет Джадд, проводя рукой по горчично-желтым волосам. - Они в пути уже несколько месяцев. Когда они придут в Четвертое королевство, запасы у них будут на исходе. Это плохо для боевого духа.

- Как и отсутствие командира и короля, - многозначительно добавляет Райатт.

- Тебе нужно вернуться, - громко говорю я.

Слейд непоколебимо смотрит на меня, будто на его плечах не лежит ответственность за целое королевство.

- Мы отправимся, как только ты будешь готова.

Он не возвращается из-за меня. Потому что я тяну время, не могу взять себя в руки и предстать лицом к лицу перед переменами в моей силе и последствиями моих деяний в Рэнхолде.

- Я удерживаю тебя здесь, Слейд, - честно говорю я. - Тебе нужно вернуться в Четвертое королевство.

На его резко очерченном лице вспыхивает гнев.

- Думаешь, я брошу тебя здесь? Черта с два.

- Я и не хочу, чтобы ты меня оставлял, но другие правители знают, что я с тобой. Может, будет лучше, если я действительно останусь здесь.

- Нет.

Я вздыхаю.

- Слейд..

Он хлопает ладонью по столу.

- Ни за что. Мы не расстанемся. К тому же в своем королевстве я лучше тебя защищу. Ну и лучше, если я буду там на тот случай, если другие монархи решат, что хотят отомстить, поквитавшись не только задержкой поставки. Но перед тем как мы уйдем..

Я договариваю за него:

- Я должна разобраться со своей магией.

Он кивает.

- Верно, а значит, она может убить всех в Дролларде, - бурчит Райатт.

Слейд открывает рот, чтобы наброситься на него, но Дигби его опережает.

- Не смейте говорить о моей леди в таком тоне, - резко произносит он.

Удивительно, но Райатт и правда кажется немного пристыженным, но прячет это за ухмылкой.

- Разве ты не должен лежать в кровати и набираться сил?

- Следи за языком, - рявкает Слейд. - Ты будешь относиться к стражнику Аурен с уважением.

Дигби свирепо смотрит на него.

- Мне не нужна твоя защита, парень, - говорит он Слейду и снова поворачивается к Райатту. - Мои нога и ребра зажили, - парирует Дигби. - Я выздоровел и уже вполне могу надрать тебе задницу.

Джадд хмыкает.

- Что-то тебя позабавило? - вопрошает Райатт. - Извини, что мы не можем посмеяться все вместе и делать вид, будто все в порядке, как делаешь это ты. Дролларду, черт возьми, грозит серьезная опасность голода, если твой король не оторвет задницу от стула и что-нибудь не сделает, вашу мать!

Я широко распахиваю глаза, смотря на братьев, которые рычат и отгрызаются друг с другом, как стая голодных псов.

Лу закатывает глаза.

- Видишь, с чем мне приходилось мириться все это время? - говорит она мне и встает. Она живо запрыгивает на стол и быстро выхватывает кинжал - даже не знаю откуда, - и вонзает его в деревянный стол, пригвоздив послание.

Все тут же замолкают и смотрят на нее.

- Теперь, когда я привлекла ваше внимание, будь оно проклято богами... - Лу упирается кулаками в бока и смотрит на всех сверху вниз, как настоящий капитан. - Спрячьте-ка члены и попытайтесь мыслить рационально. Как женщины.

Несмотря на серьезность ситуации, я не могу удержаться от ухмылки.

- Очевидно, как нам надо поступить, - продолжает она и показывает на Райатта. - Тебе нужно перестать быть придурком. Слейд заботится о Дроллларде и всех, кто здесь живет, и ты прекрасно это знаешь. Как и мы знаем, что ты чертовски переживаешь за деревню, потому что это место - твой дом. Но, как я уже сказала, перестань быть придурком.

Райатт недоволен, но держит рот на замке.

Она тычет пальцем в Джадда.

- Перестань всех подстрекать.

- А ты, - говорит она, показав на Слейда, - тебя слишком долго не было в королевстве, и ты это знаешь.

- Ты... - говорит она Дигби, и тот настороженно глядит на нее. - Продолжай в том же духе. И тебе того же, Ходжатти, - добавляет она, и лекарь застенчиво ей улыбается.

- И, Золотце, - я осторожно посматриваю на ее палец и готовлюсь. - Тебе нужно уже стать взрослой девочкой и разобраться со своей магией. Потому что мы все прекрасно понимаем: Рип без тебя точно не уйдет, да и, если честно, пора бы тебе уже это сделать, пока не случилось еще одно событие, как в той бальной зале. Время пришло.

Я знаю, что она права. Я уже не смею тянуть время. Мне нужно стать сильнее физически и магически. Поэтому, несмотря на то, что это наполняет меня ужасом, я киваю.

- Знаю.

- Я знаю, что ты знаешь, - отвечает она. Лу опускает руку, и все как будто немного расслабляются. Я бы сочла это забавным, если бы не была так встревожена. - А теперь хватит спорить и впустую тратить время. Оз уже перебрасывает последнюю треть армии на нашу территорию. А это значит, что у нас будут тысячи уставших солдат, о которых нужно позаботиться, и письма, на которые нужно ответить. Нам нужно придумать план. Вместе.

Все дружно кивают.

Лу спрыгивает со стола, смотрит на Слейда, и я вижу, как меняется его поведение. Он выглядит так же, как и в своей обычной форме – коварный командир самой грозной армии в мире.

Он опирается руками о дерево, пробежав взглядом по свернутым свиткам.

– В других королевствах считают, что могут меня запугать, дабы я выдал Аурен, но у них ничего не выйдет, – говорит он, и я наконец-то слышу гнев, который он скрывал, и потребность действовать, которую он подавлял. Через мгновение Слейд поднимает голову, и на его лице расплывается коварная улыбка. – Может, пора напомнить им, почему никто не должен вмешиваться в дела короля Рота.

Глава 40

Аурен

Вчера, когда все поведали мне о политических событиях, случившихся после Рэнхолда, я поняла, как же меня оберегали. Сколь много они пытались от меня скрыть. Но теперь они включили меня во все переговоры. Несколько раз кто-нибудь обязательно поворачивался ко мне и интересовался моим мнением. Сначала я опешила, а потом поняла, что нахожусь в замешательстве и хмурюсь.

За все эти годы я была молчаливым наблюдателем сотен политических встреч, но ключевое слово – молчаливым. Меня никогда не приглашали высказать свое мнение, не разрешали задавать вопросы. Я была питомцем в клетке, на которого можно было только глядеть.

Мы проговорили несколько часов кряду, и, признаюсь, я чувствовала себя не в своей тарелке. Я не привыкла, чтобы у меня спрашивали мнение. Но вот еще одна причина, почему Слейд и его Гнев совсем другие. Они работают сообща. Даже во время споров. Слейд не присваивает себе заслуги и не выносит наказания. Он начинает обсуждение, слушает мнение каждого – от членов Гнева до лекаря, и даже спрашивает моего стражника. Он ко всем прислушивается, принимает все во внимание.

Мидас никогда бы так не поступил.

И несмотря на то, что мы обсуждали столь сложные темы, после Слейд как будто почувствовал облегчение. Словно скинул бремя, которое ташил за собой, прятал от всех остальных, молча взвалив ответственность на свои плечи. Но теперь все изменилось, и он выглядит еще увереннее и решительнее, чем прежде.

Ну а я? Мой разум превратился в кашу, в которую добавили слишком много овсяных хлопьев. У меня в голове слиплось чересчур много крупинок мыслей.

Не знаю, когда после собрания все разошлись по комнатам и легли спать, но лично мой сон той ночью был прерывистым, хаотичным и состоял из фрагментов грез.

Меня заваливала новая информация со всех сторон – даже когда я отдыхала.

Сперва мне снился отравленный гнилью узник. Затем Райатт, который кричал мне в лицо, чтобы я убиралась из его дома. После – Элора, вопящая до тех пор, пока у нее не пропал голос. Мне снилась королева Кайла, которая держала меня в заложниках, опутав шепотом. Мне виделось, как из меня изливается золото, накрывающее весь Дроллард.

С трудом открыв глаза после последнего сна, я решаю их больше не закрывать.

С меня довольно.

Не сна, а меня. Этого сильного подводного течения, когда я пытаюсь двигаться в одну сторону, но меня утягивает назад. И я сдерживаю не только себя, но и короля, которому нужно защитить свое королевство.

Я знаю, что должна сделать.

Я осторожно вылезаю из постели, хотя мы легли всего несколько часов назад. Тихонько одеваюсь и подхожу к двери, проверив, спит ли Слейд, а потом выскальзываю из комнаты. Снимаю с крючка возле камина пальто и натягиваю его, а затем влезая в сапоги. В доме тихо, безмолвно и холодно, но меня окутывает нервное тепло.

Обычно скрипучая дверь Грота не издает ни звука, когда я открываю ее и выскальзываю наружу. Впереди простирается пещера, и проступают слабые лучи рассвета. Я иду навстречу приглушенному свету, пряча руки под мышками.

Воздух безмятежный и сырой, такой холодный, что перехватывает дыхание и в груди становится прохладно. Я поворачиваюсь спиной к тихой деревне и поднимаюсь по склону. Шаги мои уверенные, я полна решимости.

Потому что собираюсь овладеть своей силой.

Если уж Слейду удалось сделать это в восемь лет, то я-то тем более смогу. Мне придется.

И потому я тащусь по ледяному склону в тени возвышающейся справа горы. Я прохожу мимо Вольера, мимо Нароста, чертыхаясь под нос, когда проваливаюсь в снег, а ноги ноют. Я и забыла, какой долгий предстоит туда путь. Но наконец добираюсь до пещеры, которую забрызгала золотом.

Глаза привыкают к тусклому свету, к застывшему золоту, скопившемуся в центре каменного пола. Однако, когда подхожу ближе, тень, которую я

приняла за одно из скальных образований, смещается. От неожиданности я отпрыгиваю, и с моих губ срывается крик.

Я круглыми глазами смотрю на тимбервинга, который расправляет крылья и поднимает голову, смотря на меня.

– Великие боги, ты меня напугал, – говорю я дрожащим голосом, положив руку на свое бешено колотящееся сердце.

Гигантский зверь шевелит носом, будто нюхая меня.

Я хочу протянуть дрожащую руку, и это недобрый знак.

Он слишком пристально наблюдает за мной, сидя на позолоченной земле, а я размышляю, что, черт возьми, делать.

– Когда я в последний раз находилась рядом с тимбервингом, он хотел откусить мне голову, поэтому просто уйди.

Он моргает светящимися глазами.

Это существо крупнее лошади, с огромными крыльями на пятнистом теле и когтистыми лапами. Если его и удивило мое появление, то он, разумеется, этого не показал, да я ему и не угроза. С чего бы? У него пасть, полная острых, как бритва, зубов.

Я убираю руку и взмахиваю ей.

– Давай. Брысь.

Честно говоря, я не думала, что у меня получится его прогнать, потому не удивляюсь, когда он остается на своем месте. У меня вырывается вздох, и я скрещиваю руки на груди.

– Послушай, мне пришлось пройти очень долгий путь, чтобы сюда добраться. Сквозь снег. В гору. Так что я не уйду. Мне нужно это пространство, чтобы попрактиковаться в своей магии. Мне нельзя являться в королевство, пока не овладею силой и не буду способна позолотить целый замок. Снова.

Зверь зевает.

– О, тебе скучно? – упираясь руками в бока, цежу я. – Тогда ладно. Если я позолочу тебя, пока буду тренироваться, не приходи потом ко мне плакаться. Это будет целиком и полностью твоя вина.

Тимбервит облизывает губы и прячет голову под крыло, будто я ему наскучила и он хочет вернуться ко сну.

– Упрямый зверь, – бурчу себе под нос.

Он издает звук, от которого я подпрыгиваю. Потому что да, я до сих пор очень его боюсь, но еще сильнее боюсь, что зря пришла сюда.

Хотя бы надеюсь, зверь не начнет меня кусать. – потому что, кроме этого, я все сумею преодолеть.

– Ладно, тогда просто начну, – окликаю я и иду в другой конец пещеры.

Он даже не шелохнется.

Выдохнув, я стараюсь держать его в поле зрения и отхожу подальше, стараясь сохранять между нами дистанцию. Я подхожу к лужице чистого золота, за которой находится стена, так же украшенная моей магией.

Я думаю, что это стена. Стена, где я почти набросилась на Слейда. Я вспыхиваю, вспомнив, в каком животном порыве мы сплелись.

Светлая сторона: тимбервинг здесь хотя бы не для этого.

Я осторожно опускаюсь на землю, скрестив ноги. Смотрю на застывшее золото, цвет которого тускнеет в предрассветном тумане, и вижу свое слегка искаженное отражение. Из-за того, как затвердело золото, мое лицо кажется более острым, глаза светятся почти так же, как у тимбервинга, а выражение лица выглядит более... фейским.

На секунду я застигнута врасплох, потому как мне кажется, что я смотрю на другую свою ипостась. На Аурен, которая была скорее зверем, чем человеком, на фейри, вырвавшуюся на свободу во имя мести и крови.

Или, возможно, это просто обман зрения.

Я смотрю на отражение, положив ладони на колени, и ищу в глазах блеск, злорадную искорку – что угодно, чтобы распознать ту мою половину, что вырвалась на свободу.

– Моя магия ведет себя странно, – говорю я вслух, смотря себе в глаза. – Она спит с тех пор, как я проснулась. И я почти уверена, что виновата та ночь в Рэнхолде.

Отражение наблюдает за мной, а я, наверное, просто им подпитываюсь, но, клянусь, вижу, как ухмыляюсь.

– Но это моя сила, – говорю я, подтверждая свои слова. – Я могу ее контролировать.

По-моему, мое отражение подзадоривает меня доказать, что это правда.

Я снимаю перчатку и бросаю ее на землю. Повернув руку, смотрю на ладонь, форму пальцев, линии на их кончиках.

Рассвет за мной становится чуть ярче, давая начало новому дню, а я надеюсь, что он пробудит мою магию. И все же, когда прижимаю руку к полу пещеры, ничего не происходит. Золото не сочится из кончиков пальцев, ладонь не покрывает жидкое золото.

– Ну давай, – шепчу я, прижимаясь кожей к холодному каменному полу. Забавно, как я готова была отдать все на свете за возможность прикоснуться

днем и ничего не золотить. Но теперь мне нужно хорошо постараться, чтобы вернуть силу золотого прикосновения.

Пришло время перестать блокировать свою магию.

Я прижимаю ладонь к камню, впиваясь в него пальцами, словно хочу проникнуть в него, но по-прежнему ничего не происходит. Я разочарованно вздыхаю, и тишину пререзает этот прерывистый звук. Краем глаза замечаю, что тимбервинг приподнял голову. Я замираю на месте.

Он не вскакивает и не решает меня сожрать, и я внимательно его разглядываю. Зверь смотрит на меня, не моргая, и по спине у меня пробегает холодок. Я снова опускаю взгляд на свое позолоченное отражение, а потом перевожу глаза на тимбервинга, и в голове проносится поразительное открытие. Я внезапно вспоминаю зверя, что прорвался сквозь мои барьеры и вырвался на свободу.

Слейд сказал, что я не монстр. Сказал, что этот зверь – моя фейская сущность. Я мало что знаю о том, как быть фейри, и уж совершенно ничего не знаю о зверях, но в одном уверена.

Зверя можно приручить.

– Вот оно, – слышу я свой голос, и тимбервинг наклоняет голову. У моего фейри нет никаких проблем с управлением силой, потому что это во мне заложено природой. Проблема заключается в том, что я всегда боролась или прятала магию и свою фейскую сущность. Я не принимала ее. Не принимала себя.

Возможно, я всегда обладала способностью управлять золотом, взывать к нему даже после заката. Возможно, раньше я просто никогда не находила в себе сил все это озвучить.

Но теперь у меня есть голос.

Снова посмотрев вниз, я прижимаю руку к камню, и меня пробирает холод.

– Это моя сила, – говорю себе под нос. – Она не исчезла. Не испорчена. Все просто изменилось. Я изменилась.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Выкидываю из головы все остальные мысли, полностью сосредоточившись на поиске той своей стороны, что горела и царапалась, кипела и вспыхивала. Я прижимаю руку еще сильнее и понимаю, что, возможно, у меня получится осуществить задуманное не сразу, но я хотя бы уже на шаг ближе к цели.

Просто жду.

Как хищник, притаившийся в тени моей души, он нетерпелив и насторожен. Пылающие глаза устремлены на меня, крылья из горящего золота прижаты к телу, напоминая языки пламени. Зверь смотрит на меня, а я – на него, и в какой-то момент кажется, будто иду по туннелю.

Я чувствую, как кривятся мои губы, как меня переполняет облегчение. Потому этого зверя – фейри – не стоит бояться. Это я. И так было всегда. Теперь я это чувствую.

А моя сила не иссякла, и я способна ее контролировать. Она здесь, как вечное позолоченное пламя, горящее в центре моей души. Я чувствую свою магию так же, как чувствую биение сердца. Она струится по моим венам, бурлит под кожей. Мне лишь нужно протянуть руку и взять ее под свой контроль.

Когда я снова открываю глаза, меня охватывает чувство спокойствия, потому что на этот раз я знаю, что делать. Это инстинкт.

Я разжигаю пламя в крыльях зверя, и золото стекает по мне. Я не тяну время и не паникую, не форсирую события и не загоняю себя в угол сомнениями, а просто взываю к силе своим найденным голосом, и она откликается.

Теперь улыбаюсь еще радостнее, почувствовав под кожей знакомое тепло. Спустя секунду ладонь становится влажной. Когда из моей руки вытекает золото и оно начинает покрывать пол, сливаясь с застывшей лужей, я вскрикиваю.

Я смотрю на тимбервинга с торжествующей улыбкой.

– У меня получилось!

Зверь смотрит в мою сторону. Его все это нисколько не восхитило, но меня такая ерунда не расстраивает, потому как я возбуждена тем, что мне наконец удалось воспользоваться своей силой, находясь в сознании и контролируя ситуацию.

Я торжествующе стаскиваю вторую перчатку, прижимаю ладони к чулкам, рубашке, носкам и ботинкам, ликуя, что впервые в жизни могу чувствовать свою магию.

Когда я золочу перчатки, сзади раздается хлопок, и я с удивлением оборачиваюсь. Слейд стоит, прислонившись к стене пещеры, и выглядит оскорбительно сексуальным. Никому не под силу выглядеть настолько хорошо на восходе солнца, не прикладывая притом каких-то особых усилий.

Но я очень рада, что ему удастся.

На нем сапоги без шнуровки, брюки с низкой посадкой и мятая рубашка с закатанными рукавами. На нем даже нет пальто, будто Слейд выскочил из дома, забыв его надеть.

Он перестает хлопать и просовывает руки в карманы, а от его улыбки и блеска в глазах внутри появляется какой-то трепет.

– Молодчина, Золотая пташка. Я знал, что у тебя получится.

Глава 41

Аурен

– Попробуй втянуть ее внутрь, – говорит мне Слейд.

Он опирается спиной на стену в пещере – стену, которая теперь позолочена широкими волнами, подражая окружающим нас прожилкам света.

Арго, тимбервинг Слейда, тоже здесь, как и последние четыре дня. Он вообще не приближается ко мне и не рычит, а просто пристально наблюдает за мной и моим золотом – или делает вид, что ему совершенно наскучило мое присутствие.

Сидя в задней части пещеры перед скальным образованием, я сосредоточенно хмурюсь, а мое золото стекает по темному камню, как капли краски. Я пытаюсь втянуть его в руку, которой опираюсь на заостренный кончик, но вопреки всем моим усилиям золото все равно из меня вытекает.

– Не могу, – с досадой говорю я Слейду, сжимая и разжимая над камнем пальцы, с которых капает вязкое золото.

У меня дрожит рука, да и за последние несколько часов тело устало от попыток удержать контроль. Пару дней назад, когда Слейд пошел за мной и увидел, как я наконец-то достигла успехов с магией, я притаскивала его сюда, и он помогал мне упражняться от рассвета до заката.

За короткий промежуток времени я многому научилась. Например, тому, что ночью изливать новое золото я не могу. Эта сила по-прежнему связана исключительно со светлым временем суток. Но ночью я могу контролировать золото, как случилось тогда, в Рэнхолде.

– Ладно, сделай перерыв. Дыши.

– Не хочу я делать перерыв, – упрямлюсь я, поджав губы и смотря на своенравное золото. – Я хочу, чтобы у меня все получилось.

Сидя напротив, Слейд кладет руку на колено, непринужденно источая сексуальность.

– Я знаю. У тебя получается. Ты уже проделала отличную работу, обучаясь контролю. Переведи дыхание и попробуй снова.

Кивнув и сосредоточенно вдохнув, я расслабляю напряженные пальцы и слегка встряхиваю ими. Слейд каждый день помогал мне осваивать новые грани моей магии. Я быстро уяснила, что для начала нужно укрепить в себе уверенность, чтобы снова вызвать силу золотого прикосновения. Мне еще

многому нужно научиться, многое нужно попробовать, а еще придется менять старые привычки и представления.

Я стараюсь давить на свою силу, чтобы понять, на что я способна. Но, несмотря на это, у меня пока не получается возвращать себе золото и разрушать то, что уже покрыла им. Тем не менее я полна решимости этому научиться.

Слейд заставлял меня двигаться постепенно. Первые пару дней я просто училась вызывать магию и, контролируя ее, прикасаться к предметам, а потом выключать ее как кран, чтобы не золотить ненужное.

Это нелегко. Трудно дается и то и другое. Но иного и не следовало ждать, если столько лет я безудержно золотила все, с чем соприкасалась кожей. Днем я еще стараюсь заблокировать эту силу – просто на всякий случай.

Но... где-то в подсознании сияет вспышка света, что однажды, возможно, у меня получится полностью контролировать золото, хотя это и кажется невероятным.

Именно эта мысль и подстегивает меня продолжать попытки.

Мысль о том, что однажды я смогу ходить босиком по залитой солнцем траве без риска погубить кого-то металлическим блеском. Что однажды, с наступлением дня, я смогу обнажить руки и ноги, не опасаясь того, что может со мной случиться. Что смогу есть и пить от рассвета до заката и вкушать пищу без горького привкуса металла. Что смогу в любое время суток ходить без перчаток, трогать, чувствовать и держать все, что захочу.

Как же отчаянно я желаю очутиться в этом однажды.

Выдохнув, я опять тянусь пальцами к позолоченному кончику камня. Прикоснувшись к нему, призываю золото сочиться из моих пальцев, и оно начинает стекать в медленном, ровном темпе.

– Хорошо, – шепотом подбадривает меня Слейд.

Я ищу в себе непринужденный контроль, который продемонстрировала тогда, в Рэнхолде. Если уж мне было по силам повелевать всем золотом в том замке, то и по силам контролировать этот позолоченный камень.

В том и заключается моя магия. Я ее контролирую. Она подчиняется мне, и только мне.

Мысленный образ, как я призываю золото вернуться, совершенно противоестественен, и мне еще предстоит с этим разобраться. И все же из-за случившегося в Рэнхолде я знаю, что способна на большее, потому что либо моя магия проявилась сама по себе, сорвав цепи, в которые я ее заковала, либо я всегда могла совладать с ней при помощи тренировок. Но этого я никогда не узнаю. Знаю лишь, что разберусь с этим, потому как не хочу продолжать жить в страхе перед своей силой. Я хочу жить, контролируя ее.

Я представляю, как затыкаю ее пробкой, подобно жидкости, льющейся из стеклянной бутылки. Этот образ помогает осознать, как совладать с магией, и я чувствую, как откликается моя сила, а золото, что стекает по камню, останавливается. Рука дрожит, но я держусь, изо всех сил оставаясь сосредоточенной. Теперь, когда я успешно остановила золото, нужно продвинуться еще немного вперед.

Продолжая с тем мысленным образом, я представляю, как кто-то открывает бутылку и опрокидывает ее, и золото собирается у меня на ладони.

– Хорошо, Аурен.

Где-то вдалеке слышу, как меня подстегивает Слейд, но от усилий голова начинает кружиться, когда я чувствую, что золото обратно скользит мне в руку. Я подавляю свое волнение, продолжая призывать золото, и когда на ладони скапливается приличное количество, представляю, как выливаю его обратно в бутылку через узкое отверстие горлышка.

Вместе с этим на меня накатывает очень странное ощущение. Золото, которое лежало на моей ладони, просто... впитывается в меня. Будто в лужу бросили кусок ткани. Вот только лужа – это мое движущееся золото, а я – та самая ткань.

Времени проходит немало, но постепенно я впитываю ее до конца. Почувствовав, что исчезла последняя капля, я открываю глаза и вижу, что теперь на камне не осталось ни одной золотой капельки.

Радостно улыбаясь, я резко оборачиваюсь к Слейду и торжествующе показываю на камень.

– Видел?

Он тоже улыбается, отчего вокруг глаз у него появляются морщинки.

– Получилось чертовски хорошо.

Заливисто засмеявшись, я вскакиваю и сажусь к нему на колени, положив руки ему на плечи и упираясь ладонями в стену.

Наши лица всего в дюйме друг от друга, мы прижимаемся друг к другу грудью, а уверенность бурлит во мне, придавая бодрости.

– Понимаешь, что это значит? – спрашиваю я.

Он сжимает мою талию, медленно вырисовывая пальцами круги.

– Что?

– Это все изменит, – выдыхаю я. – Если я смогу овладеть силой, то в любое время суток смогу прикасаться к чему угодно. Я могу быть беспечной и свободной. Мне больше не придется жить в темноте.

Во многих отношениях.

- Потому что даже если я что-то позолочу, то смогу и снять золото.

Из его горла вырывается низкий рык, и Слейд поднимает руку, будто желая коснуться моего лица, но я отшатываюсь и отталкиваю его руку локтем.

- Что ты делаешь?

- Я хочу прикоснуться к твоему лицу и поцеловать.

Меня наполняет трепет, потому как награда очень заманчивая, но потом я устремляю взгляд на выход из пещеры.

- Еще светло.

- Но ты только что доказала, что можешь снять позолоту, если понадобится.

Он снова пытается пошевелиться, и я вскакиваю с его колен.

- Давай не будем торопиться. У меня и получилось-то впервые.

Слейд встает, и от его взгляда у меня по телу разливается жар.

- Ты умеешь вызывать свою золотую силу и знаешь, как теперь заставить ее отступить, - говорит он и начинает идти ко мне с алчным блеском в глазах.

Я поднимаю руки перед собой, не подпуская его к себе.

- Я научилась всего три секунды назад!

Он не отвечает, продолжая ко мне приближаться, и, о Великие боги, как он на меня смотрит! Слейд обводит мою фигуру темно-зеленым взглядом, словно мысли у него самые что ни на есть непристойные.

- А вдруг я оплошаю? Еще рано испытывать мою силу, и уж точно я не хочу испытывать ее на тебе.

- С тех пор как проснулась, ты ничего не позолотила, - напоминает он, продолжая идти ко мне.

Я отступаю, качая головой.

- Давай оставим поцелуи до захода солнца. Все будет как в старые добрые времена. Еще слишком рано.

Я прижимаюсь спиной к стене пещеры, и Слейд тут же пригвождает меня к ней, даже не прикоснувшись.

- Напротив. Я ждал этого слишком долго.

Он загоразживает своей мощной грудью свет и наклоняет голову, чтобы посмотреть мне в глаза, а я не могу дышать. Меня разрывает от сомнений и страхов, а тело изнывает от желания, и я выгибаюсь ему навстречу.

- Слейд.

- Аурен. - Он наклоняется и овеивает мою щеку теплым дыханием. - Ты уже прикасалась ко мне днем.

- Но...

- Ты не позолотишь меня.

Одно дело - смотреть на него с расстояния в несколько футов. И совсем другое, когда мы буквально соприкасаемся грудью и я вижу каждую зеленую крапинку в его глазах. Мне сложно думать. Сложно сомневаться. Сложно бояться. Он настолько приковывает к себе внимание, что я тут же лишаюсь способности мыслить здраво.

- Поцелуй меня, - говорит он.

У меня перехватывает дыхание.

- Нам нельзя.

- О, еще как можно. - Он снова придвигается, оказавшись так близко, что я чувствую щекой его дыхание.

У меня пересыхает во рту, все мое тело горит от желания, которое я не могу подавить. Я прижимаюсь спиной к стене, словно это поможет мне удержаться от того, чтобы не прильнуть к нему, но сомневаюсь, что смогу сопротивляться.

Расплавленное золото вытекает из моих ладоней и золотит каменную стену.

- Моя сила выскользнула, - дрожащим голосом шепчу я, когда Слейд легонько дует мне на шею. От его умышленного выдоха по коже пробегают мурашки, и я чувствую холод и жар одновременно.

- Поцелуй меня, - снова приказывает он.

Я хочу.

- Ты хочешь, - говорит он, как будто читая мои мысли.

Я тут же качаю головой.

- Нет, не хочу. Мне даже не нравится с тобой целоваться. Хуже и быть не может.

У него дрожит уголок рта.

- Неужели?

- Да, - резко отвечаю я. - У тебя дурные манеры. Надо было раньше тебе сказать.

Он смеется и наклоняется, проведя пальцем по моей ключице. Меня хоть и прикрывает рубашка и пальто, от этого простого прикосновения хочется коснуться его кожей, но, думаю, этого он и добивается.

- Дурные манеры? Звучит прискорбно.

- Это... это так.

- Хм-м. - Слейд смещает палец ниже, на мой живот, а потом подцепляет им пояс брюк. - Я говорил, что мне нравится, как выглядит твоя задница в этих брюках?

- Это чувство взаимно.

У него вырывается еще один смешок, от которого живот приятно сжимается.

Слейд отстраняется, чтобы взглянуть на меня, и жар его тела напоминает о теплом одеяле, которым хочется накрыться.

- Поцелуй меня.

Я впиваюсь пальцами в камень и слышу, как на пол тихонько начинает капать золото.

- Моя магия...

- Ты ее контролируешь, - говорит он, в его тоне сквозит искренняя уверенность.

- Я могу не успеть...

- Этого не будет.

- На нас смотрит твой тимбервинг.

- Он спит.

- А если я...

- Аурен, - говорит он, - перестань в себе сомневаться и поцелуй меня, черт возьми.

Он не успевает произнести последнее слово, а я уже прижимаюсь губами к его губам настойчиво и отчаянно.

Слейд кладет руки мне на бедра и прижимает к своему твердому телу. У меня перехватывает дыхание, а когда его язык проникает в мой рот, распалая желание, я издаю стон, который он с жадностью вбирает в себя.

Через несколько минут я отстраняюсь, хватая ртом воздух, и сжимаю его руки.

- Я тебя не позолотила, - говорю я, задыхаясь. - Я целовала тебя, прикасалась к тебе днем и контролировала свою магию.

В его глазах сияет такая искренняя гордость, что я с удовольствием в нее окунаюсь.

Он поднимает руку, нежно заправив выбившуюся прядь мне за ухо. И затем, будто ничего не боясь и будучи полностью уверенным в моей новообретенной власти над магией, проводит пальцем по моим распухшим губам.

- Ты потрясающая, знаешь?

От его слов я смущаюсь.

- За столь малое время ты разобралась со всеми невзгодами. Посмотри, каких успехов ты достигла, Аурен.

- Хочу добиться еще больших успехов.

Хочу большего.

- И добьешься, - заверяет он.

Поцеловав, я с легкостью приникаю к нему. И наслаждаюсь этим. Боготворю. Меня захватывает искренность этого мгновения, и я просто потворствую себе. Потому что я нахожусь в деревне, которой не существует, рядом с королем фейри, которого не должно было тут быть, и целуюсь средь бела дня, когда мне всегда приходилось скрываться от света.

После стольких лет, проведенных в оковах солнца, я стою днем и целую Слейда. Прикасаюсь к нему. Чувствую.

От нахлынувших чувств по щеке стекает слеза, падая нам на губы, и наш поцелуй становится приправлен солью моих эмоций.

Слейд отстраняется, нахмурившись, и я отвечаю на его безмолвный вопрос:

- Просто... я не думала, что у меня будет все это. Не думала, что когда-нибудь смогу жить днем.

- Ты можешь, - говорит он. - И будешь.

Эта невероятная мысль кажется нереальной. Шмыгнув носом, я вытираю глаза и расплываюсь в улыбке.

- Что за улыбка? - спрашивает он, заметив блеск в моих глазах.

- Просто думаю, чем еще мы можем сейчас заняться. В любое время суток. Без моей одежды.

Слейд протягивает руку и хватается меня сзади за попу.

- Отлично подмечено.

Он придвигается, чтобы снова меня поцеловать и перейти к нечто большему, но рядом кто-то пыхтит, и мы отрываемся друг от друга. Смотрим на Арго, в пылающем взгляде которого читается осуждение.

- Я же говорила, что он смотрит.

Слейд что-то буркает под нос.

- Хватит на сегодня тренировок, - говорит он, берет меня за руку и тянет к выходу. Он поднимает мои перчатки и кладет их в карман.

Затем выводит меня из пещеры и идет так быстро, что я начинаю смеяться.

- Ох, что я с тобой сделаю..

Меня переполняет восторг, потому как я хочу воплотить в жизнь все, что придет ему в голову. Когда мы спускаемся по склону и возвращаемся к Гроту, я уже запыхалась. Слейд распахивает дверь, мы врываемся в дом, и я взрываюсь смехом.

Пока резко не останавливаемся в гостиной.

Здесь собрались все. Лица у них серьезные, и все стоят. Это не сулит ничего хорошего.

В один миг радость улетучивается, а улыбка меркнет, когда мы входим в комнату.

- Что случилось? - спрашивает Слейд, глядя на Гнев.

Райатт передает Слейду свиток.

- Похоже, королеве Кайле надоело ждать письменного ответа, поэтому она отправила своего советника в Четвертое королевство, - говорит Райатт с мрачным лицом. - Ее брат Ману прибудет через два дня.

Глава 42

Аурен

У нас нет времени.

Я это понимаю, и все остальные тоже.

Я нас всех задержала. Мы так долго пробыли тут только потому, что они проявляли ко мне терпение. Слейд меня поддерживал, позволив не спешить в ущерб своему королевству.

- Если Ману прибудет в Четвертое королевство и узнает, что тебя там нет, это вызовет вопросы, и они начнут поиски, и, вполне возможно, кто-нибудь обнаружит Дроллард, - заявляет Райатт.

- Мы можем задержать его максимум на несколько дней, но у него возникнут подозрения, где ты был, - вставляет Лу.

Я чувствую, как все переключают внимание на меня, и смотрю на Слейда.

- Нам нужно ехать.

Это не вопрос, но он все равно кивает.

- Ты готова?

Может, эта грань моего контроля над магией может казаться новой, но я смогу. Теперь, после того как я встретилась лицом к лицу со своей фейской сущностью, я ничего не боюсь. Я не взорвусь в припадке позолоченной ярости.

Если только сама этого не захочу.

Мне просто нужно продолжать тренироваться, и тогда я точно смогу овладеть магией. И овладею. Потому как только что впервые ощутила прикосновение при свете дня и не собираюсь от этого отказываться.

Потому мой ответ уверенный:

- Да. Я готова.

Я слышу всеобщие слова поддержки, а потом они начинают действовать.

- Отлично. Ходжат, Дигби можно отправляться в путь?

- Я останусь с ней, - упрямо говорит Дигби, и я улыбаюсь.

- У него еще не зажили ребра... - осторожно говорит Ходжат.

- Я остаюсь с ней, - хрипло повторяет Дигби. - И с ребрами у меня все в порядке.

Ходжат вздыхает, а затем неохотно кивает.

- Мне нужно вас перевязать, а вам потом осторожно пристегиваться. Как только доберетесь до Четвертого королевства, отдохните.

Дигби от него отмахивается.

- Ладно.

Слейд составляет планы вместе с остальными, а я сажусь на подлокотник кресла.

– Если будем лететь быстро и высоко, а также сделаем всего несколько привалов, то прибудем в Четвертое королевство через четыре дня.

Джадд качает головой.

– Тимбервинги к тому времени выдохнутся.

– Мы будем их подгонять, но не слишком сильно. Но если мы прибудем не через четыре дня... – Слейд замолкает.

Лу с задумчивым лицом скрещивает перед собой руки.

– Я напишу ответ – пусть знают, что мы в пути, но нужно задержать брата Кайлы.

Слейд кивает.

– Нам понадобится провизия, а еще всем четверым тимбервингам нужно поохотиться перед отлетом. И нужно предупредить Оза, он должен по прибытии знать, что мы находимся в замке.

– Четыре тимбервинга? – спрашивает Райатт. – Я думал, вы полетите вдвоем.

– Так и есть. Четвертый тимбервинг для тебя, – отвечает Слейд.

Райатт бледнеет.

– Я с вами не полечу. Я должен остаться здесь, убедиться, что Дроллард в безопасности, и организовать дополнительную охоту, чтобы сохранить запасы.

– Ты нужен мне рядом.

Бледные щеки Райатта заливают гневный румянец.

– Ах да, я же твоя долбаная замена! – огрызается он в ответ. – Если уж на то пошло, я должен вернуться в армию. Но мы знаем, что ты настоящий командир. А я просто должен перенять эстафету, когда ты уйдешь играть в короля.

Я мечу взгляд между братьями и вижу, как на скулах Слейда ходят желваки. Интересно, замечал ли он, что Райатт делает точно так же?

– И я буду играть короля, когда мы вернемся. А значит, нужно, чтобы ты был со мной рядом, а еще ты нужен мне среди солдат, когда они вернутся в королевство. Я смогу сделать это при первой появившейся возможности, но с Ману, который что-то вынюхивает, нужно быть осторожным. Может, он и не владеет магией, как его сестра, но нельзя его недооценивать.

Райатт усмехается и проводит рукой по заросшему щетиной подбородку.

- Прекрасно. Я покину Дроллард. Но я возвращаюсь с армией, а не в королевство, и я заберу Ходжата с собой. Наши солдаты слишком долго обходились без нашего лучшего лекаря и замены в качестве командира. К тому же смогу отправить сюда солдат, чтобы защитить деревню.

У Слейда вырывается вздох.

- Райатт...

- Я не вернусь с тобой в королевство, - огрызается тот, поворачивается и идет по коридору. - Если мне придется отсюда уехать, то я буду с армией, у которой, наверное, упал боевой дух, потому что их оставили капитаны, король и командир. Я лечу к ним и буду готов через час, и даже не спорю со мной. Я прибуду в замок играть твоего двойника, когда доберусь туда с остальными нашими солдатами.

Слейд щелкает челюстями.

- Отлично.

Райатт коротко кивает.

- И, черт возьми, не смей уезжать, не попрощавшись с ней.

Дверь за ним захлопывается.

С мгновение все молчат.

Оглядевшись, я прочищаю горло.

- Так... я так понимаю, ему не нравится быть фальшивым Рипом?

- Он от этого устал, - отвечает Слейд.

Лу фыркает.

- Если можно так выразиться. - Она смотрит на меня темными глазами. - Раньше ему это даже нравилось и шло на пользу, потому что позволило получить полезные навыки.

- Что изменилось?

- Его стала возмущать невозможность быть собой, - говорит Лу, пожав плечами. - Но не могу его винить.

Я резко перевожу взгляд на Слейда.

- Почему ты решил стать командиром своей же армии? Это же столько ухищрений.

- Я стал солдатом, чтобы научиться защищать Дроллард и узнать больше об Орее. Дополнительный бонус тоже был мощным стимулом, - говорит он, пожав плечами. - Нам нужны были деньги, а в Четвертом королевстве набирали рекрутов, и на возраст им было начхать. Вскоре я понял, что солдат из

меня вышел отличный. Более того, понял, что мне нравится им быть. Я быстро добился повышения, пользуясь только физической силой. В драках у меня всегда вырывались шипы, поэтому я сделал их частью своего солдатского образа. Они выделяли меня из толпы.

- Уверена, что так и было.

- Я никогда не пользовался своей гнилой магией. Даже желания такого не возникало, - говорит Слейд. - Но король Четвертого королевства был тираном, а когда мне исполнилось двадцать, я понял, как много инакомыслия было в королевстве. Король своими действиями на границе мог поставить под угрозу секретность Дролларада. Потому я решил принять другую форму и бросить ему вызов, поборолсь за корону с помощью магической силы. Я победил, и Ревингер стал королем, а Рип - командующим. Я подавил всевозможные сопротивления, пользуясь обеими своими формами и разделяя личности.

- И даже после этого хотел возглавлять армию?

- С Рипом армия непобедима, - вклинивается Джадд. - Он сильнее, быстрее и более бдителен. Его инстинкты фейри помогли нам выиграть больше сражений, чем можно сосчитать. А его шипы до смерти пугали. Он сам по себе приобрел дурную славу. Одних только слухов об этих двоих хватало, чтобы держать всех в страхе.

- Командир и король. Похоже, трудновато тебе было.

Слейд склоняет голову.

- Когда я занял трон, мне пришлось выиграть много сражений, потому что другие королевства пытались проверить нового короля на прочность. Но притом я не мог попросту стгноить этот мир, потому встречался с ними на поле боя. Репутация командира Рипа шла впереди него. Как только все осознали мощь нашей армии, нам перестали бросать вызов.

Я киваю.

- И потому, когда возникает необходимость, твой брат заменяет тебя как Рипа?

- Да.

- А чем хочет заниматься Райатт?

Все трое непонимающе смотрят на меня.

Я смотрю на них, разинув рот.

- Вы никогда его не спрашивали?

Теперь они выглядят немного смущенными.

- Ладно. Просто... отложим пока этот разговор. Но, может, когда-нибудь ты... отправишь Рипа в отставку? - предлагаю я. - А Райатт возглавит твою армию

сам по себе или займется тем, чего он действительно хочет... что ты узнаешь, когда у него поинтересуешься, – многозначительно говорю я Слейду.

Он улыбается мне.

– Принято к сведению.

– Ладно, я пойду к Вольеру, чтобы отправить послание, и распоряжусь, чтобы смотритель подготовил наших тимбервингов, как только они закончат охоту, – говорит Лу, направившись к входной двери. Она останавливается в проеме и оглядывается. – В этот раз не переусердствуй, Рип.

Слейд напрягается, но не отвечает. Она вздыхает и покидает нас, закрыв за собой дверь. После этого Джадд вскакивает.

– Пока ее нет, схожу за чертовым вином. Я знаю, что она его где-то спрятала. Свистни, если она вернется.

Я не могу удержаться от ухмылки.

Перед тем, как выйти в коридор, Джадд смотрит на Слейда.

– Я приготовлю сумки с провизией и начну закрывать дом. Иди и делай свое дело, но, как сказала Лу, не переусердствуй.

Когда он уходит, я хмуро смотрю на Слейда.

– О чем они?

Он стойко смотрит мне в глаза.

– Ну... я не все рассказал тебе о разломе.

* * *

Мы входим в пещеру, и нас окутывает непроглядной полночью тусклый синий свет. Я откидываю голову и осматриваю затененные впадинки и изгибы на своде. Сталактиты простирают свои пальцы, замерев в хватке, а небольшие матовые жучки собираются на светящихся прожилках, отчего тела их тоже начинают светиться.

Может, я и недолго пробыла в Дролларде, но буду скучать по этим пещерам. Буду скучать по тому, как они укрывали меня от мира последние несколько недель. Я пряталась в их пустотах, как бабочка в коконе, окутанная защитной оболочкой. Но теперь готова оставить укрытие и противостоять внешнему миру.

Я пока не стала крылатой бабочкой, но уже чувствую, словно родилась заново. Моя метаморфоза готовилась двадцать лет, но я готова превратиться в ту, кем и должна быть.

Моя прежняя жизнь должна закончиться, должна быть отрезана, сожжена дотла, превратиться в золотой пепел. И я могу либо оставаться в этом пепле, либо могу пустить в него корни и прорасти заново.

Я могу расцвести.

Но эти укрывающие пещеры.. по ним я буду скучать.

- Здесь так умиротворенно, - шепчу я.

Слейд кивает, но я вижу, что он не испытывает к этой тишине такого же почтения.

- Тебе здесь не нравится, да?

Он еле слышно хмыкает.

- Я виноват в том, что выдернул из Эннвина остальных вместе с собой. Резко призванный разлом некоторых убил, а кого-то тяжело ранил, в том числе и мою мать. Мы на несколько недель застряли в этих пещерах. У нас ничего не было. Ни еды, ни дома, только одежда. Один из ореанцев пытался прыгнуть в разлом, но это их чуть не убило морально.

Я пытаюсь представить, как он сражается за свою жизнь - за жизнь матери и брата, - а потом его внезапно выдергивают через разлом и запикивают сюда, в богами забытое место.

- Когда ты упал здесь, то знал, что находишься в Орее?

- Не сразу. Но довольно быстро понял, что мы больше не в Эннвине. Я это чувствовал.

В мысли просачивается старое воспоминание, как легчайшая первая капля перед дождем.

- Да. Я помню, какой странной казалась Орея в сравнении с Эннвином. Я не очень хорошо помню Эннвин, но помню, что мне здесь чего-то... не хватало.

Слейд кивает, он точно понимает, что я имею в виду.

В поле зрения появляется дом Элоры, крыша которого почти блестит.

- Как вы выжили? - спрашиваю я. - Это точно не лучшее место.

- Было неплохо, что никто здесь не заметил наше появление, не увидел разлом. А еще это означало, что мы застряли в замерзшей пустоши и нам некуда было идти. И в этом виноват был я.

- Ты же не знал, что так случится. Твой отец тоже отчасти виноват в разрыве. Да и кто знает, что бы он со всеми вами сделал, если бы ты их не забрал.

- Не все прошли через разлом, но те, кто прошел... воспоминания о тех днях еще преследуют меня в кошмарах.

Сердце ноет, когда я слышу его голос, полный боли - словно на открытую рану насыпали песок.

- Когда мы свалились сюда, болели все ореанцы. Все слегли, и всех тошнило. Моей задачей было обо всех позаботиться, убедиться, что больше никто не умрет, а еще отправиться на поиски еды.

Сердце у меня до боли сжимается.

- Мы оставались в этой пещере, рядом с разрывом, но адаптация проходила мучительно. Их тела уже отвыкли от Ореи и потеряли фейскую связь с Эннвином. Какое-то время я сомневался, что они выживут.

- Великие боги, - говорю я, тяжело сплотив. - Как ты поступил?

- К счастью, большинство выздоровели, а потом, там, где сейчас находится Нарост, я нашел гнездо тимбервингов. Стая была совершенно дикой, и дважды я чуть не потерял руку, но в итоге всех приручил. Думаю, это могли быть последние дикие тимбервинги в Орее.

Я с удивлением приподнимаю брови.

- Арго?

Слейд качает головой.

- Мать Арго. Без нее я не смог бы охотиться на крупную дичь, которая нас прокармливала. Не смог бы добраться до побережья, где я украл припасы. Первые пару месяцев мы жили впроголодь, но постепенно здесь освоились. Некоторые жители деревни тоже владели магией, и это помогло. Один мог формировать камень, и он помогал строить дома и скрывать существование Дролларда.

- Поверить не могу, что тебе все это удалось, - с восхищением говорю я. - Тем более в совершенно новом мире, в котором ты никогда раньше не был, тогда как тебя, по сути, разрывало надвое.

- Вначале я допустил много ошибок. Жаль, что не разобрался во всем раньше. Возможно, мы бы не потеряли некоторых. Но путешествие через разлом прошло для них утомительно, а условия здесь были ужасными. Многие из них винули меня.

- Тебе было пятнадцать! - напоминаю я.

- И я был фейри, - возражает он. - С матерью, которая больше не могла говорить или общаться, и десятилетним братом, напуганным до смерти.

Ореанцы не сразу возненавидели меня, но это случилось. Со временем. Особенно когда поняли, что я могу уйти, а они нет.

Я делаю паузу.

- То есть?

Он останавливается и поворачивается ко мне.

- Лу рассказала, что в павильоне ты почувствовала, что с ними что-то... не так.

- Да...

- Ты уловила, что их жизненная сила связана с Энн-вином.

Я округляю глаза.

- Что?

- Все, кто сейчас живет в Дролларде, сотни лет назад были вывезены из Ореи моим отцом, когда еще стоял мост Лемурии. Живущие в Эннвине фейри благословили их долгой жизнью. Но когда мы оказались здесь... Разлом - их последняя связь с Эннвином. Если они слишком далеко от него отойдут, то тут же погибнут.

Я закрываю рот ладонью.

- Значит, никто и никогда не сможет отсюда уйти.

- Только Райатт, я и немногие дети, что здесь родились.

- Твиг.

Он кивает.

- Твиг. Мы волнуемся, что если оставить ребенка здесь слишком надолго, то он тоже станет зависимым от разлома, потому, когда они подрастают, я забираю их с собой в Четвертое королевство.

- А Райатт? - спрашиваю я. - По рождению он не фейри, как ты, тогда почему он может покинуть Дроллард?

- Единственная теория, которая пришла мне в голову, заключается в том, что у нашей матери очень сильное родословное древо фейри - намного сильнее, чем у ореанцев, - а это логично, учитывая, какой могущественной силой она обладала. Наверное, поэтому его жизненная сила тоже не зависит от разлома.

Я провожу рукой по волосам, блуждая взглядом по расщелинам, хотя на самом деле их не вижу.

- Я знаю, что это трудно осмыслить.

Вздохнув, я киваю.

- Да, но я рада, что ты мне рассказал.

Теперь Слейд сжимает мою руку.

- Я уже говорил, что все тебе расскажу. Просто не хочу тебя перегружать.

Я нежно ему улыбаюсь.

- Как бы то ни было, я горжусь тобой. Тем, что ты всех спас. Тем, что защищал их. Тем, что ты все понял, когда тебе было всего пятнадцать лет, когда мог легко сдаться.

Слейд протягивает руку и проводит пальцем по моей щеке.

- Не в моих привычках сдаваться.

- Ты очень настойчив, когда обращаешь на что-то свой взор.

- Взор редко меня подводит, - отвечает он, когда мы снова продолжаем путь.

Мы подходим к дому Элоры, и я спрашиваю:

- Почему твоя мать не живет с другими жителями деревни?

- Падение в разлом сказалось на ней сильнее, чем на остальных, - тихо говорит он. Глядя на его лицо, я вижу уныние в глазах, бремя, под которым согнулись его плечи. - Ее магия, ее слова, ее свет - все будто разом погасло. С тех пор, как мы очутились здесь, она произнесла всего несколько слов. Иногда я даже не уверен, что она меня узнаёт.

- Сомневаюсь, что это правда, - говорю я, чувствуя, как сжимается мое сердце. - Я видела, как она смотрит на тебя. Она тебя обожает.

- Жаль, что она больше не говорит, - хрипло признается он.

У меня спирает дыхание.

- Наверное, вам с Райаттом было очень тяжело, когда вы сюда попали.

- С нами была целительница - она была наполовину фейри. Она пыталась помочь моей матери, но уже ничего нельзя было изменить. Потому мне трудно здесь находиться и видеть ее такой. Знать, что я несу ответственность за всех... Это так эгоистично...

- Это не так, - уверенно говорю я. - Я понимаю.

- Райатт точно не понимает, - говорит он с ноткой горечи.

Я задумчиво хмыкаю.

- Райатт любит вашу мать, и ты же видишь, как он душой болеет за местных. Он не чувствует той же вины, поэтому не понимает, почему ты избегаешь деревни. Возможно, по его мнению, ты ее попросту бросил.

- Я бы никогда не бросил это место, - остановившись перед домом матери, говорит Слейд. - Или ее.

- Знаю. Уверена, Райатт тоже это знает. В глубине души.

Слейд бросает взгляд на темную дверь, будто скользя взором по ее выступам.

Что-то сильно сжимает мою грудь.

- Ты будешь по ней скучать, - тихо говорю я, отметив едва уловимые признаки горя в его глазах.

- В том-то и дело, - отвечает он. - Я скучаю по ней еще сильнее, когда я здесь. Потому что, когда я разорвал мир, мою мать от меня оторвали, и с тех пор она больше не была прежней.

Сердцем впитываю печаль его слов, наполнившись ею, как облако, впитывающее пар.

Слейд прочищает горло и качает головой.

- Стою тут, жалею, как скучаю по человеку, который находится совсем рядом, тогда как ты лишилась родителей в совсем юном возрасте. Мне очень жаль.

- Почему? - отвечаю я. - Боль одного человека не нивелирует боли другого. Наши душевные страдания - это не соперничество, а мост к сопереживанию. Чтобы мы смотрели друг на друга и на каком-то уровне понимали. По-моему, это самое прекрасное, что может быть в горе. Порой нам удается найти в мире того, на кого можно посмотреть, стоя по другую сторону моста наших горестей, и понять, что мы не одиноки.

Слейд смотрит на меня таким незнакомым взглядом, что я даже не понимаю, что таится у него в мыслях. А потом он наклоняется и с такой нежностью целует меня в лоб, что у меня начинает ныть сердце.

- Ты замечательная.

Кожу покалывает там, где коснулись его губы.

- То же думаю и я о тебе.

Он снова качает головой, словно не может в это поверить, а затем открывает дверь. Мы входим, и Элора поднимает голову, сидя в кресле у камина, где шьет какую-то одежду. Заметив Слейда, она вспыхивает от радости, как в первый раз.

Спешно встав, она кладет одежду и встречает нас на середине комнаты. Элора оглядывает его с головы до ног, и, хотя Слейд ей улыбается, на ее

лбу появляются морщинки, будто она чувствует, что сын обеспокоен, несмотря на попытки скрыть волнение.

Она кладет руку ему на щеку и смотрит в глаза, поэтому я решаю оставить их наедине. Пока Слейд шепчет ей утешительные слова, я подхожу к книжной полке и провожу пальцами по корешкам. Без перчатки чувствую текстуру книг и наслаждаюсь этим ощущением. Тем, как не изливается непроизвольно мое золото.

Оттягивая время, я рассеянно провожу взглядом по названиям и думаю об Элоре, о том, что с ней произошло, как она прошла через разлом. Мне совершенно очевидно, что она знает, кем являются Слейд и Райатт, но, возможно, не всегда. Возможно, когда она прошла через разлом, эта хаотичная магия слишком сильно на нее повлияла, а поскольку ее сила прорицания была связана с речью, то она и подавила ее магию и способность говорить.

Слышу сзади, как они шевелятся, и, обернувшись, вижу, как она суетится вокруг Слейда, практически толкая его за стол.

- Ладно, ладно, - говорит он с улыбкой.

Элора поворачивается ко мне и указывает на место рядом с ним. Поняв намек, я быстро подхожу и сажусь. Она гладит меня по голове, а затем бежит к шкафам и начинает доставать из них продукты, раскладывая на клетчатой ткани.

- Что она делает?

- Собирает мне еду, - говорит Слейд с улыбкой. - Зная ее, наверное, соберет и для тебя.

- О, она не обязана этого делать, - говорю я, кусая губу. - Ведь поставка еще не прибыла...

- У нее полно продуктовых запасов, - тихо заверяет Слейд. - И она настойчиво делает это всякий раз, когда я отбываю, как бы я ни пытался переубедить ее.

Я смотрю на нее, пока она тихо напевает, сворачивает ткань и завязывает концы.

- Она твоя мать. И хочет о тебе заботиться.

Элора подходит и, тепло улыбнувшись, ставит передо мной еду.

- И, похоже, о тебе, - нежно говорит Слейд.

- Спасибо, - говорю я ей.

Я тянусь за свертком, но она берет меня за руку и садится справа. Наши взгляды встречаются, и мы просто смотрим друг на друга. Сначала я смущаюсь от того, как она беззастенчиво меня изучает, но вскоре успокаиваюсь. Я замечаю сильное сходство между ней и Слейдом. Она обводит

меня травянисто-зеленым взглядом, и мне интересно, что она видит. Интересно, о чем она думает.

Элора, безусловно, ничего не говорит, но когда она на меня смотрит, я слышу сотню слов по ее сияющим глазам. И тогда я задумываюсь, как выглядели эти глаза, когда она пользовалась своей силой прорицателя, что таилось в этих письменах.

Когда она поднимает руку, чтобы обхватить ею мою щеку, я замираю. Элора дарит мне самую мягкую, добрую улыбку, какую я видела. И, несмотря на то, что лицо у нее молодое, на нем виднеется нежность матери. Матери. Словно она видит перед собой маленькую девочку и хочет ее утешить. От этого мне хочется зажмуриться.

Она нежно поглаживает мою щеку мягкой ладонью, а затем убирает руку и смотрит на своего сына. Элора кивает ему, и он кивает в ответ. Они как будто общаются на своем безмолвном языке. Затем он бормочет:

- Я знаю.

Я перевожу взгляд с одного на другого, и на сей раз глаза у меня действительно начинают слезиться, потому что, по-моему, я только что получила одобрение от матери Слейда. До этого момента я даже не осознавала, насколько оно для меня важно.

Я выхожу первой из дома, чтобы Слейд и Элора попрощались наедине. Он выходит через несколько минут, и я беру его за руку. В ответ он сжимает мою ладонь. Так мы и отправляемся к разлому.

Глава 43

Аурен

Кажется, будто разлом увлекает меня вперед, как и раньше.

Свет и тьма сгущаются в центре, и в его мутноватых глубинах мерцают подобия звезд. Мы стоим перед разломом, и я, несмотря на холод в пещере, чувствую слабое тепло от ветерка.

Я подхожу к нему ближе и останавливаюсь, только когда Слейд опускает свою руку на мою.

- У него очень сильное притяжение, - говорю я.

- Это Эннвин. Мы с тобой всегда будем чувствовать этот зов домой. Но с тех пор, как мы очутились здесь, через разлом никто не появлялся. Думаю,

или магия неустойчива, или только с этой стороны теперь есть доступ туда. Это опасно. Вот почему мне пришлось отговаривать некоторых от попыток снова пройти через разлом.

- Ты говорил, что однажды разлом чуть не убил человека, который пытался вернуться в Эннвин.

Он кивает.

- Тогда разлом был еще неустойчивее, но еще причина могла крыться в том, что они ореанцы. С тех пор я всех разубеждал в этой идее.

- Почему они вообще хотели вернуться? - с любопытством спрашиваю я. - Я думала, им там не нравилось?

- В какой-то степени да. Но они прожили в Эннвине сотни лет. Они в нем освоились. Привыкнуть к Орее было нелегко, учитывая, что им никогда не удастся покинуть это далекое, тягостное место, и зная, что все их близкие давно умерли. А у некоторых родные остались с моим отцом.

Я слышу в его голосе вину, и меня гложет печаль, будто ломкие зубы зараженного существа прогрызают в груди дыру.

- Почему мы здесь?

Он говорит:

- Мы пробьли в Орее несколько недель, когда разлом начал иссякать.

Я перевожу на него взгляд.

- Тот шум... он походил на грозу, взбаламутившую море, а еще дул ветер. Он всех пробудил. Я сразу же понял, что магия слабеет.

Я тут же думаю о жителях деревни, о последствиях того, что произойдет, если разлом иссякнет.

- Как ты поступил?

- Исторг в разлом столько силы, что потерял сознание, - сухо хохотнув, говорит он.

- Великие боги.

Он проводит рукой по затылку.

- Да. Сначала ничего не происходило. Я только пустил всюду гниль. Со свода падало тысячи жуков, и на нас посыпалась их оболочка. Синее свечение погасло - думаю, даже грозила опасность, что на нас обрушится эта клятая гора. Но все равно ничего не помогало. А потом я понял, что разлому не нужна гниль. Когда мы с отцом схлестнулись, то создали вместе грубую, неограниченную силу. Я смог направить ту же самую магию в разлом. Она чуть не высосала из меня все силы, я чуть не погиб, но все

получилось, и разлом стал устойчивым. С тех пор мне не единожды приходилось так делать.

Голова кружится от его рассказа.

– Хочешь сказать, что все это время тебе приходилось подпитывать разрыв этой грубой силой, чтобы он не закрылся?

Слейд кивает, а я смотрю на него в полном потрясении.

– Я даже не подозревала, что феири это могут.

– Я тоже, – говорит он с невеселым смешком. – И в остальном я не могу пользоваться этой силой. Моей гнилью можно уничтожить целую Орею, и мне приходится ее изгонять. Неплохо, если бы разлому нужна была она, но это не так. Моя гниль на него совершенно не действует. И очень жаль, потому что меня бодрит, когда я исторгаю гниль, а вот исторжение грубой силы всегда утомительный процесс.

– Значит... тебе нужно бывать здесь, в Дэдвелле, чтобы изгнать свою силу разложения, но приходится и подпитывать грубой силой разлом?

Слейд кивает:

– Да.

– И часто тебе приходится это делать?

– Зависит от того, каким количеством силы я могу его подпитывать, но оставить разлом я могу лишь на восемь недель, не более.

Я с восторгом смотрю на него. Этот мужчина не только не имеет себе равных по своей разрушительной силе и контролю, но еще ему приходится каждые два месяца до изнеможения исторгать магию, чтобы поддерживать разрыв между мирами.

– Ого. Ты... очень-очень могущественный.

Теперь он смеется искренне и поворачивается, чтобы посмотреть на меня, подарив ту очаровательную улыбку, которую, кажется, приберегает только для меня.

– Я вас поразил, миледи?

Я вожу сапогом по полу.

– Может быть, самую малость.

– Подожди, когда покажу тебе свое королевство.

Меня переполняет волнение, потому что я еще не до конца осознала, что и правда отправляюсь в Четвертое королевство.

– Хорошо, – говорит он, потирая руки. – Хочу, чтобы ты отошла назад и стояла вон там, у того камня. Там безопаснее, – говорит он и кивает вправо.

Кивнув в ответ, я поворачиваюсь и отхожу на несколько шагов, а потом сажусь на камень. Складываю руки на коленях и дергаю ногой в нервном ожидании.

Слейд поворачивается к разрыву и подходит к нему так близко, что его черные волосы и концы пальто развеваются.

Он расставляет ноги и вытягивает руки, и, хотя мне не видно его лица, я чувствую, когда поднимается его сила, потому что каждый волосок на руках и затылке встает дыбом. Его тело напрягается, и, когда из него вырывается сила его грубой магии, я ударюсь спиной о камень.

И хотя моя спина почти зажала, от такого удара я шиплю от боли. Но сразу же о ней забываю, увидев рябь в воздухе, которая теперь струится из рук Слейда. Меня охватывает волнение, словно все мои чувства находятся в полной готовности от присутствия такой силы.

Ветер дует из разрыва, а потрескавшийся воздух толкается и прокладывает себе путь сквозь разорванную брешь. Кажется, все содрогается. Тьма и свет, что бурлят в разломе, начинают дрожать. Расколотые звезды вращаются так быстро, что я словно наблюдаю за миллионом светлячков, попавших в водоворот торнадо.

Слейд исторгает еще больше силы, и так мощно, что я чувствую себя прикованной к месту. Из его спины вырываются шипы, первый появляется вверху, ровно между лопаток, а потом и остальные пять, один за другим, пока не выскакивает самый короткий чуть выше бедер. Они прорываются и через его руки, и именно тогда я замечаю, что они у него дрожат.

Но он выталкивает из себя еще больше силы.

Я мечу взгляд между ним и разрывом, а сердце бьется в ускоренном ритме, словно хочет вырваться из груди и помешать мне дышать.

У Слейда заостряются уши, из силуэта вырывается аура густым черным паром. Это не спокойная, цепляющаяся тень, а неустойчивая зыбь, похожая на волны. Когда все его тело начинает трястись от льющейся через него магической силы, у меня пересыхает во рту и захлестывает волнение.

– Слейд...

Я знаю, что он меня не слышит, но его имя все равно слетает с моих губ. Я смотрю на него, не моргая. Величина магии, которую он проецирует, давит на мою кожу какой-то невидимой силой, будто за мои руки цепляется статическое электричество.

Его аура продолжает беспорядочно пульсировать, пока ее обычные чернильные глубины не становятся мелкими и бледными.

Я вскакиваю, противостоя толчку, который хочет отбросить меня назад. Стиснув зубы, подхожу, и каждый шаг – вызов. Ветер треплет мои волосы, одежда липнет к телу, ну а разрыв как будто пытается меня оттолкнуть.

– Слейд, остановись, – кричу я, замерев в нескольких футах от него. Он либо не слышит меня, либо слишком сосредоточен на своей магии, потому что не реагирует на мой голос. Но его аура замедляется от того, что он продолжает тратить силу.

Я не останавливаюсь, пока не оказываюсь рядом с ним.

– Слейд, тебе нужно остановиться, – говорю я, протянув руку и схватив его за запястье.

От моего прикосновения он удивленно дергается, и один из шипов на руке впивается в мою кожу. Прошипев от боли, я отпускаю его, глядя на золотистую кровь, которая сочится из пореза.

Слейд резко поворачивается ко мне, и черные глаза моргают, прогоняя рассеянность из сосредоточенного взгляда. Он тут же опускает взгляд на мой порез, и по его лицу пробегает осознание.

– Вот черт.

С огромным усилием, от которого дрожит все его тело, он стискивает зубы и напрягает мускулы. Слейду удастся сжать руки в кулаки, и сила в мгновение ока гаснет.

Потеряв столь внезапно притяжение, Слейд пошатывается вправо. Он почти падает, но я прижимаюсь плечом к его боку и удерживаю, обняв рукой за талию и осторожно стараясь не коснуться шипов на спине.

– Я держу тебя, – говорю я, хотя изо всех сил пытаюсь устоять на ногах, когда он наваливается на меня всем своим весом. Слейд пыхтит так, словно только что пробежал через всю Пустошь без остановки. Когда он принимает ко мне, я чувствую его изнеможение.

– Не хочешь присесть?

Слейд качает головой.

– Просто... дай мне... секунду.

Пошатываясь, помогаю ему добраться до стены пещеры, и он опирается на нее, продолжая втягивать в легкие воздух. Он стал бледно-серого цвета, аура обволакивает его, как капли сока на дереве.

Беспокойство липнет ко мне, изъедая и причиняя боль. Я стою рядом с ним на всякий случай, и мой пульс успокаивается, только когда Слейд наконец переводит дыхание и смотрит на меня.

– Ты в порядке? – спрашиваю я, и в моем тоне сквозит тревога.

Проигнорировав мой вопрос, он хватается меня за руку и, задрал рукав, оголяет порез.

- Черт, - шипит он. - Мне чертовски жаль.

Я опускаю взгляд на порез.

- Ничего. Рана не очень глубокая, и я сама виновата - не надо было тебя хватать.

Нахмутив брови, он лезет в карман и достает чистый носовой платок, аккуратно вытирая кровь, а потом повязывает его вокруг моей руки. Он ласкает пальцами мою кожу над тканью, а когда снова на меня смотрит, его измученные черные глаза становятся зелеными.

- Я причинил тебе боль.

- Неправда. Это всего лишь царапина, - говорю я, снова опустив рукав. - Но ты меня взволновал.

Он делает еще один глубокий вдох, а затем выпрямляется, отрываясь от стены.

- Я знаю, мне очень жаль. - Слейд проводит рукой по растрепанным волосам. - Я хотел вложить в разлом как можно больше силы, если не смогу вернуться в ближайшие пару месяцев. Толчок всегда ощутим, разлому не нравится, когда я останавливаю свою магию.

Я смотрю на разрез, в котором снова виднеется спокойный водоворот, мерцание сверкающих звезд и легкая молния, кипящая в клубящихся облаках.

Слейд берет меня за руку, заставляя обратить внимание на него.

- Ты правда готова? - спрашивает он, пристально на меня глядя. - Покинуть Дролланд, отправиться в Четвертое королевство?

Покинуть кокон.

Своим пронзительным взглядом Слейд проникает в мои мысли, как ему всегда удавалось.

- Потому что к черту остальной мир, Аурен. Если тебе нужно здесь остаться, мы останемся здесь.

Я улыбаюсь, хотя от чувств скребет в груди.

- Я готова.

Царица Малина

Кажется, что время на краю света в Седьмом королевстве течет совсем иначе.

Дни слились воедино, и замок Кауваль стал столь необходимой мне передышкой, о которой я и не подозревала; бальзамом, залечивающим раны, что врезались мне в душу и пытались лишить цели.

Я думала, что здесь одни руины, но Фасса и Фриано показали мне правду. Их, как и меня, призвали сюда сохранить замок и дожидаться, когда законная королева займет его трон.

Они ждали меня.

И хотя помимо Пруинна и меня здесь только близнецы, им каким-то образом удалось все восполнить. Серые и белые мраморные стены сверкают, напольная плитка голубая, как ледник, а мягкий свет как будто цепляется за фонари и всю сияет.

И хотя в замке, должно быть, превосходный штат служащих, я никогда никого не видела. И все же на столе всегда стоит горячая и идеально сдобренная специями еда, кровать у меня всегда заправлена, когда я возвращаюсь в свою комнату, а ванна наполняется всякий раз, когда я хочу понежиться и помыться.

Еще непременно играет музыка, песню, которую я слышу, даже когда сплю на пуховой перине на вершине башни. Мягкая и лиричная, как будто ее несет туман, липнувший к окнам. Воздух тоже приятно пахнет – он пропитан ароматом цветов с хрустальными лепестками, букеты которых расставлены по всему замку.

Я встаю с кровати, потянувшись, поднимаю руки над головой, поджимаю пальцы ног, и иду в умывальную, чтобы привести себя в порядок, а затем вхожу в гардероб. Все наряды точно моего размера, каждое платье состоит из двух цветов: белого, как принадлежность к роду Кольеров, и ледниково-голубого Седьмого королевства. Я выбираю платье с длинным струящимся шлейфом, который при ходьбе звучит как легкий звон колокольчиков, а кристаллы из бисера на подоле волочатся по плиткам и добавляют тихое журчание.

Перед зеркалом я заплетаю свои белые волосы в две густые косы и укладываю их в корону, а потом, опустив руки, внимательно себя разглядываю. Мои щеки и нос уже не трескаются под ледяным ветром, насыщавшим наш путь, а губы не шелушатся. Моя бледная кожа настолько гладкая, что я кажусь почти призрачной, а волосы мои стали еще более пышными и блестящими, каким бы мылом я ни пользовалась.

И все же на долю секунды, смотря в свои ледяные голубые глаза, я вижу вспышку темно-синего цвета, веснушки, которые усыпали мое лицо и красные, словно кровь, волосы.

Джео.

Я задерживаю дыхание, но сдерживать эмоции мне нет нужды. Я не испытываю чувства к нему или к его жестокой смерти. Вместо того я ощущаю внутреннее удовлетворение. Он пожертвовал собой, чтобы я смогла здесь очутиться.

Теперь, даже думая о Хайбелле, я знаю: хорошо, что мои люди меня предали, потому что это вывело меня на этот путь. Предательство Тиндалла больше не имеет для меня значения. Страх, ненависть, горечь – все это просто... ушло. Растаяло в этих исцеляющих стенах.

Поэтому я здесь неспроста. Впервые за долгое, очень долгое время я чувствую себя легко.

Подготовившись, я спускаюсь по лестнице и вхожу в зал для завтраков. Там уже сидят трое мужчин, а еда дымит в ожидании, как и обычно.

– Доброе утро, Ваше Величество, – близнецы так часто говорят и двигаются в унисон, что я уже привыкла.

– Доброе утро.

Они снова садятся, как только я занимаю место во главе выкрашенного в голубой цвет стола, в центре которого стоят хрустальные колбочки, удерживающие мягкий свет свечей... Я ем, чувствуя спокойствие от приятной музыки, наслаждаясь солнечным светом, который проникает сквозь окрашенные в синий цвет окна.

Мне давно следовало сюда приехать.

– Моя королева, как вы себя сегодня чувствуете? – спрашивает Фриано, на его левой щеке вырисовывается ямочка с родинкой.

– Очень хорошо. Это место именно то, что мне было нужно.

– Не меньше, чем вы того заслуживаете.

Фасса кивает и дергает за блестящий серый рукав рубашки. Его брат носит точно такую же, а их волосы свисают, как черные шторы, обрамляющие лица.

– И правда, – говорит Фасса. – Нам так повезло, что судьба предугадала ваше прибытие. Мы ничего не хотели сильнее, чем утешить вас после столь опасного путешествия.

– И после стольких предательств, – добавляет Фриано, цокнув языком. – От вашего мужа и подданных.

– Но это неважно, – подхватывает Фасса. – Вы здесь, и вам тут самое место.

- Точно, - соглашается Пруинн, и его глаза притягивают меня. Своей улыбкой он дает понять, что я должна была доверять ему с самого начала. - Вы добьетесь того, чего желает ваше сердце, Ваше Величество.

- Да, и мы думаем, что вы готовы, - в один голос говорят Фасса и Фриано.

Я нетерпеливо выпрямляюсь, чувствуя, как учащается мое сердце. С первого дня близнецы не говорили о моей роли в Седьмом королевстве. Они сказали, что сейчас мне нужно сосредоточиться на восстановлении после всех перенесенных невзгод. Чтобы со мной обращались как с королевой, которой я и являюсь.

- Я готова, - уверенно говорю я.

Близнецы ухмыляются.

- Тогда давайте прогуляемся.

* * *

Они ведут меня в атриум.

На мгновение я лишь могу оглядываться здесь, чувствуя, как на меня нахлынули воспоминания.

- Это... напоминает атриум в Хайбелле. Еще до того, как он был полностью покрыт золотом.

Меня не душат эмоции, потому что я чувствую себя довольной и восторженной, - особенно когда прогуливаюсь в этом месте. Здесь всюду расставлены горшки с растениями и вазы с букетами. Стены комнаты выкрашены в нежно-голубой цвет, а на стеклянном потолке сверкают цветы, серебристые стебли которых сочетаются с туманом, липнущим к окнам.

Я замечаю, что туманное облако просочилось и в атриум. Туман клубится возле одного окна, собравшись в плотную, большую тучу, будто тут есть трещинка, пропускающая его внутрь. Кожу слегка покалывает, и я отворачиваюсь.

- Мы подумали, что вам здесь может понравиться, Ваше Величество.

Кивнув, я иду по проходу, стуча низкими каблучками по голубой плитке, и осторожно провожу кончиком пальца по распускающимся лепесткам. Мягкий цветочный аромат проникает в мои легкие и под кожу.

- Здесь прекрасно, - говорю я, отвернувшись от цветов и посмотрев на близнецов, пока Пруинн стоит чуть в стороне, и блуждает серым взглядом по растениям, словно желая срезать несколько цветков и засунуть их в свою сумку, которая всегда висит у него на плече.

- Проходите, садитесь, - предлагает Фасса, и близнецы расступаются, показав изящную скамейку из серого камня, стоящую прямо посреди бутонов.

Сердце ненароком ухаает, и я втягиваю носом аромат. В нем я могла бы купаться или принести сюда свою кровать, чтобы спать в сладком благоухании. Запах успокаивает. Я сажусь, а близнецы занимают такую же скамейку, которую я почему-то сначала не заметила.

- Ваше Величество, - говорит Фриано, вернув мое внимание к себе. Оба близнеца начинают сверлить меня глазами и слегка наклоняются вперед, положив локти на колени и сцепив перед собой пальцы. Их гладкие волосы лежат на плечах. - Могущественное Седьмое королевство со временем было разрушено. Совсем как вы.

- Но вместе мы сможем все исправить, - говорит Фасса, сверкая темными глазами. - Мы сможем восстановить это королевство и вас на ваших законных местах. Мы сможем помочь сделать вас самой всесильной королевой в Орее.

Меня охватывает нетерпение. Краем глаза вижу, что Пруинн улыбается.

Потому что это и есть самое большое желание моего сердца. Я была нежеланной наследницей, нежеланной женой, нежеланной королевой. А если стану могущественной, со мной такого больше никогда не случится. Я в этом уверена.

- Да, - выдыхаю я. - Этого я и хочу.

Фриано улыбается.

- Тогда мы этого добьемся, - просто говорит он.

- Как?

Они переглядываются, и мое желание становится еще сильнее.

- Мы с братом обладаем уникальной магией, моя королева. Она работает только в тандеме. Я могу создать что-то новое.

- А я могу восстановить что-то старое, - заканчивает Фриано.

Я приподнимаю брови.

- Восстановить... как этот замок?

- Вполне.

- Но у нашей магии всегда есть цена, - объясняет он. - Она не только должна идти рука об руку, но еще и требует жертв.

- Да, - продолжает Фасса. - Не будем лгать: эта магия станет самым могущественным нашим деянием, но мы верим в эту цель - верим, что именно поэтому боги даровали нам силу.

Его брат вклинивается:

- Потому для того, чтобы восстановить королевство и преподнести подарок королеве, нам нужны две вещи. Во-первых, мы должны дождаться новолуния, когда боги благословят новые начинания и наши силы будут на пике.

- И во-вторых, кровь истинной ореанской знати, охотно отданная для восстановления Ореанского королевства, - заканчивает Фасса.

- Моя кровь.

Они оба кивают.

- Ваша.

Я с трудом сплываю.

- А сколько именно крови?..

- Не бойтесь, Ваше Величество, - учтиво говорит Фриано. - Достаточно всего несколько капель. И когда вы это сделаете - предложите ее нам, я верю, что магия моего брата привьет магию вам, давая то, что нужно для правления королевством.

Обдумывая услышанное, я смотрю на близнецов. Аромат цветов почти опьяняет, а дыхание учащается.

Мне вдруг вспомнилось кое-что. Мой семнадцатый день рождения, когда отец вызвал меня к себе в кабинет и сказал, как ему за меня стыдно. Каким я стала для него разочарованием.

Большинство ореанцев, унаследовавших магию, проявляли ее к пятнадцати годам. Я прождала еще два года, и не было ни одного утра, когда я не просыпалась и не молила о том, чтобы что-то - что угодно - у меня проявилось. Мне нужна была буквально толика магии, чтобы отец перестал меня так сильно ненавидеть, люди перестали обо мне судачить, а слуги - жалеть.

Я ждала, и ждала, и ждала. Но так ничего и не проявилось. Я до сих пор помню выражение отца, насмешливую ненависть. Без магии я была бесполезна и ему, и Хайбеллу. Испорченная наследница, которая не смогла удержать трон. Разочарование в роду Кольеров.

Всю мою жизнь это было моей ценностью - мой недостаток.

Потому... от того, что мне предлагают такой невероятный шанс, дыхание учащается, а сердце в груди сжимается от возможности.

Обладать силой - это все, чего я хотела.

- Моя магия проявляется загадочным образом, моя королева, - продолжает Фасса. - Я верю, что боги увидят всех, кто причинил вам зло, все предательства и трудности, и они позволят моей магии даровать вам что-то великолепное. Что-то... могущественное.

- Магия, - выдыхаю я. - Вы думаете, что сможете наделить меня магией.

- Разве не это желание вашего сердца, Ваше Величество? - тихо вмешивается Пруинн, прислонившись к серой колонне. - Моя магия никогда не ошибается. По этой причине она вас сюда и привела.

Мысли кружатся так же сильно, как и туман, устилающий стеклянную крышу атриума. У меня вырывается тихий смешок.

- Это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой.

- Вы это заслужили, - говорит он с мягкой улыбкой.

- Именно, - вмешивается Фасса. - Боги знали, что вы - королева, в которой нуждается эта земля и что линия Кольеров чиста. Когда вы прибыли, мы почувствовали, что вы идеально подходите. Вы - королева, которая приведет Седьмое королевство к славе. Вы. Больше никто.

Я.

Кажется, что кровь поет в жилах, а по венам растекается уверенность.

- Что я должна сделать?

Близнецы улыбаются и встают, подходя ко мне шаг в шаг. Каждый протягивает мне руку.

- Вам только нужно сказать, что вы согласны.

Никогда в жизни я не была настолько готовой.

Я беру их за руки, позволив им меня поднять.

- Я согласна.

Пруинн за ними шепчет:

- Итак, сделка состоялась.

* * *

Когда я выхожу из атриума, то кажется, что парю в облаках. Другие остались там, а я иду по коридору, до сих пор ощущая прекрасный аромат цветов. Я шагаю рассеянно, но резко останавливаюсь у окна и оборачиваюсь.

Туман.

Он просочился и сюда, смешавшись как со светом из окна, так и с тенями в коридоре. Туман такой густой, что я ничего не вижу, и снова возвращается это покалывающее ощущение в затылке.

Глупо, что я начинаю пятиться, хотя и пытаюсь убедить себя, что это всего лишь туман.

Сделав еще один шаг вслепую, я подворачиваю лодыжку, а когда от боли охаю и округляю глаза, туман кольшется и бурлит передо мной, а свет вокруг него преломляется.

Я застываю на месте, когда из тени выходит человек в капюшоне.

- Ты.

Поток страха обрушивается на меня проливным дождем, хотя он не полностью затапливает мое спокойствие.

Я знаю, кто это, хотя видела его всего раз. Я запомнила это затененное лицо, скрытое под плащом.

- Ты убил Джео. Ты пытался убить меня.

Мужчина поднимает руку в перчатке, откинув капюшон и открыв мне лицо, и я втягиваю воздух. Точно так же, как он манипулировал светом и тенью, его коричневая кожа стала мраморной, а вокруг носа, рта и подбородка появились бледные пятна, а еще одно - на шее. Его глаза полностью черного цвета - что радужка, что зрачок.

- Ты следовал за мной, чтобы убить?

В глубине души я понимаю, что должна почувствовать острый укол страха, но этого не происходит. Я не могу.

Мужчина наклоняет голову, а туман клубится по бокам от него.

- Да, - говорит он, и от его внезапно прозвучавшего голоса я резко выпрямляюсь. Его голос звучит хрипло. Натужно. Словно он не разговаривал очень долгое время. Лицо у него слишком гладкое, нет ни впалых щек, ни морщин вокруг губ. Возможно, он всегда выглядит каменным и пустым. - Так мне приказали.

Я напрягаюсь.

- И ты хочешь сделать это сейчас?

Я уже готова позвать остальных, но он качает головой.

- Сейчас это не имеет значения. Я наблюдал, царица Малина, и мне не нравится, что я вижу.

Я чувствую, как хмурюсь от оскорбления.

- Не поняла?

- Разве ты этого не чувствуешь? Магии в воздухе?

- Если ты не собираешься меня убивать, то этот замок, - огрызаюсь я. - Я должна была четвертовать тебя за то, что ты сделал с моим наложником и стражей.

- А ты попробуй, - говорит он. - У тебя ничего не выйдет.

Меня охватывает гнев.

- Ты портишь мне день, а он у меня был довольно хорошим.

- В том-то и дело, - говорит он, сделав шаг вперед, и его близость неуместна. Он стоит так близко, что я чувствую жар его тела и то, как туманные тени следуют за каждым его движением, почти поглаживая мою кожу и вызывая дрожь. - У тебя каждый день был хорошим с тех пор, как ты попала сюда. Ты вообще ни в чем не сомневалась.

- А в чем я могла сомневаться? - с презрением отвечаю я. - Я - царица, это замок. Они обращаются со мной как положено, особенно после тех испытаний, что я пережила.

Мужчина издает звук, похожий на смешок, хотя он звучит так, как будто гравий скребется о стекло.

- Я полагал, со всей этой стервозной хитроумностью ты должна быть хотя бы чуточку умной.

- Как ты смеешь...

- Отглянись, - говорит он. - Смотри. Наблюдай. Им нельзя доверять.

Я усмехаюсь.

- Говорит тот, кто явился меня убить.

Его темные глаза становятся пустыми.

- Может, мне стоит прикончить тебя на месте, раз ты упорно не желаешь слушать.

Я открываю рот, будто собираюсь ответить, но вместо этого как можно громче зову на помощь.

Мужчина не двигается. Даже не дергается. Убийца просто наблюдает за мной темными глазами, которые и сами могут являться тенью. Сердце колотится в груди, когда я слышу шаги в мою сторону, но не могу отвести от него взгляд.

- Проснись и хватит нюхать цветы, Холодная царица, пока не стало слишком поздно. Ты должна найти способ разорвать заключенную сделку, потому что теперь сомневаюсь, что твоя смерть положит ей конец.

Он натягивает капюшон и исчезает в клубах бездонного дыма, а когда ко мне подбегают трое мужчин, рядом ничего нет, кроме серого света, льющегося из окна.

- Что? Что случилось? - спрашивают близнецы с одинаковым беспокойством.

Понятия не имею, почему я лгу в ответ.

- Ничего, - отвечаю я, качая головой и натянув на лицо незамысловатую улыбку. Когда они рядом, мне уже лучше. - Я подвернула лодыжку и подумала, что мне понадобится помощь, чтобы дойти до башни, но все в порядке.

Они смотрят на меня с беспокойством.

- Вы уверены, моя царица?

- Да. Не могли бы вы распорядиться, чтобы позже мне подали завтрак? Думаю, я останусь в своих покоях до конца дня.

Они оба кланяются в накрахмаленных рубашках.

- Конечно, Ваше Величество.

Я киваю в знак благодарности и хочу было повернуться, но замечаю, что Пруинн хмуро за мной наблюдает. Я отворачиваюсь и ухожу, слегка прихрамывая и настороженно вглядываясь в туман за окнами.

Однако, когда я возвращаюсь в свои покои и нежусь в ванне, шок от встречи с убийцей стихает. Вдыхая ароматный пар, я удовлетворенно вздыхаю, и все тревоги улетучиваются вместе с мыльной пеной.

Он пытался меня напугать, пытался удержать от обретения силы, потому что не может убить, пока я нахожусь в этом замке. Фасса и Фриано слишком могущественны. Держу пари, убийца просто хотел меня выманить, чтобы закончить дело. Обмануть меня, чтобы я не стала могущественнее Тиндалла.

Он сказал, что наблюдал? Прекрасно. Наступит новолуние, и он увидит, как я поднимаюсь к славе и буду вознаграждена силой.

Тогда ему действительно не понравится увиденное.

Глава 45

Аурен

В небе парят три тимбервинга, прорезая облака и оставляя за собой дорожки пара.

Мы летели изо всех сил, днем и ночью, делая привалы лишь на пару часов, чтобы поспать, а тимбервинги – отдохнули и поохотились. Пребывание рядом с Арго, пока я практиковалась с силой, помогло мне немного унять страх к нему, но полет на высоте в сотни футов все равно немного ужасает. Хотя у меня легко получается. Слейд прижимает меня к груди, укрывая пальто и одеялами, и его сильное тело – идеальная опора, чтобы я поспала и отдохнула, пока он держит поводья.

Путь его немного измотал, поскольку он слишком много силы направил в разлом. И хотя Слейд ни разу не пожаловался, я вижу, как липнет к нему усталость всякий раз, как мы спускаемся. Я предлагаю взять поводья, чтобы он отдохнул, но он постоянно отказывается.

Упрямец.

Остальные тимбервинги всегда летят достаточно близко. Дигби сидит за Джаддом, а сразу за ним, на тимбервинге с большим количеством белоснежных перьев, чем у остальных, сидит Лу. Думаю, на всякий случай они присматривают за Слейдом.

Когда сегодня утром мы свернули наш скудный лагерь на вершине горы из камней и снега, Слейд сказал, что если поторопимся, то прибудем в Четвертое королевство сегодня вечером.

Несколько часов назад я почувствовала это – постоянную перемену в воздухе. За последние несколько дней медленно, но верно воздух стал не таким колким, а ветер – не таким пронизывающим. Сейчас, когда стужаются сумерки, погода почти... теплая. Украдкой я то и дело поглядываю вниз в отчаянной надежде увидеть пейзажи Четвертого королевства, но мы летим над слишком густыми облаками, чтобы можно было что-то разглядеть.

А потом наступает ночь.

Именно так это и выглядит. Нависающая тьма словно опускается на небо, врезаясь в затянувшиеся сумерки и превращая их во мрак. Но эта ночь совсем другая. Она не так холодна и не пронизана порывами ледяного ветра, ударяющего нас в спину.

Нет, под покровом ночи тепло, чего я не чувствовала уже очень давно. Десять лет я жила и дышала леденящим нескончаемым холодом. Ходила по хрустящему снегу, смотрела глазами, которые никогда не видели свободного солнца. Укрывала кожу от холодных погодных условий.

В моей части света, в Хайбелле и даже в Пятом королевстве, солнце не смело пробиться сквозь эти мерзлые облака. Не могло соперничать с метелями и мокрым снегом. Потому, пока мы летим сквозь ночь, я наслаждаюсь теплым воздухом, чувствуя, как на мне медленно тает слой вечного инея.

Почти заснув от его благоухающего утешения, я чувствую, как Слейд наклоняется к моей левой щеке.

- Мы на месте.

У меня перехватывает дыхание, и я оборачиваюсь, намереваясь спросить его, откуда он знает, и тут Арго издает громкий крик, от которого меня откидывает назад. Слейд крепче обхватывает меня за талию, положив на живот руку.

- Держись.

Может, я немного и привыкла летать на Арго, но не привыкла к его резким ныркам.

Я хватаюсь за ремень, сжав бедрами корпус зверя, и в этот миг он пикирует и начинает снижаться. Из рта грозит вырваться крик, но мне удается сдержаться.

От такого резвого полета моя коса хлещет меня по спине, а лица касается поток воздуха, из-за чего я жмурюсь. Слейд крепко прижимает меня к себе, и мы начинаем стремительно снижаться над облаками.

Желудок сжимается, а тело Арго устремляется вниз, вниз, вниз, и с его перьев, как дождь, стекают капли конденсата.

А затем, стоит мне подумать, что от такой скорости меня и впрямь может стошнить, Арго накрывается и раскидывает свои огромные крылья. Я резко втягиваю воздух в легкие, когда наш головокружительный спуск становится на удивление плавным.

Восстановив равновесие, я еще раз прерывисто вдыхаю, и в тот момент Слейд снова подносит губы к моему уху.

- Смотри, Аурен.

Я распахиваю глаза навстречу темноте.

И вижу...

Земля темная. Она не подсвечивается луной и снегом. Более того, в поле зрения ни одной снежинки. И одного этого факта уже хватает, чтобы я округлила в удивлении глаза. И только через мгновение до меня доходит.

Повсюду реки. Они сверкают внизу, как корни, тянущиеся от древнего дерева. Изгибаются дугами, зеркальной поверхностью отражая свет, который будто вшит в их извилистые края.

Сейчас ночь, и я вижу лишь затененные очертания зданий и стен, но по всему городу разбросаны огни, отчего кажется, что искры отражаются от мерцающей воды.

Тимбервинги, что летят по бокам от нас, тоже снижаются, и Слейд поднимает палец, показывая вперед. Я отрываю взгляд от земли, чтобы посмотреть, куда он показывает, и у меня отвисает челюсть.

Впереди виднеется огромная гора – она такая большая, что до рассвета мне не оценить ее истинных размахов. Но прямо у ее основания стоит замок Четвертого королевства.

Темно, хотя в окнах горит свет, а башни и парапеты тоже украшают огни. Сверху замок венчают остроконечные башенки, а на высоких гладких стенах – вертикальные выемки. Однако вместо крепостных валов или внешних оборонительных стен его окружает широкий ров. Замок похож на крепость – окружен рвом, а позади него возвышается гора.

Один из тимбервингов издает крик в воздух, а остальные откликаются, будто празднуя наше прибытие. Мне даже хочется закричать в унисон с ними, и я слышу, что именно так и поступает Джадд.

Я как никогда готова закончить полет, но откуда Четвертое королевство поистине прекрасно. Влажный воздух, сияющие реки, благожелательные огни, отбрасывающие блики на темный пейзаж – тут есть чем полюбоваться. И когда Арго вместе с остальными тимбервингами летит к замку, предвкушение во мне бурлит, как пена на озере.

Слейд скользит губами по моему уху.

– Добро пожаловать в Брэххилл.

* * *

Скрытая за высокими шпилями в самой задней части замка Брэххилл, плоская крыша открыта звездам.

Тимбервинги кружат над ней в синхронном танце. Арго первым приземляется посередине, скрежеща когтями по пепельному каменному полу. Крыша восхитительна, сзади открывается вид на горы, а перед нами раскинулось небо. Я забываю об усталости.

– Как красиво.

У моего уха раздается голос Слейда:

– Здесь наш личный вход в замок, когда мы возвращаемся на тимбервингах.

– Мне нравится.

Остальные приземляются рядом, и Слейд протягивает руку, чтобы отстегнуть нас от ремней. Пару секунд он топает ногами, а потом хватает меня за талию и поднимает. Как только я касаюсь ступнями пола, ноги начинают покалывать, и я издаю стон от боли, вызванной долгим путешествием.

– Для первого долгого полета ты очень хорошо справилась, – говорит мне Слейд. – Жаль, что нельзя было сделать больше привалов.

- Важнее было быстрее сюда добраться.

Джадд спрыгивает и разминает спину, поводя плечами.

- Черт. Как хорошо оказаться дома и выбраться из этого проклятого богами снега.

Лу ухмыляется, поглаживая своего тимбервинга и скормив ему кусочек из мешочка на поясе.

- Если думаешь, что мышцу свело от холода, то скоро тебя постигнет разочарование.

Слейд тихо смеется, а Джадд бросает ей в лицо перчатку. Она, безусловно, ее ловит.

- Ваше Величество, с возвращением.

Я почти подпрыгиваю, когда от гладкой стены отходит стражник и стибается в поклоне. Он одет в черную кожаную одежду, похожую на наряд солдат армии Четвертого королевства, только на левой поле жилета коричневой нитью вышит символ искривленного дерева, а сапоги не такие поношенные. Я обвожу взглядом стену, которая сначала мне показалась пустой, но быстро замечаю, что в тени прячутся еще трое стражников.

- Маркул, как я рад тебя видеть, - приветствует Слейд седовласого мужчину, с улыбкой похлопав того по спине. - Королевский посланник прибыл?

- Да, сир, - отвечает стражник. - Они получили разрешение и остановились на третьем этаже.

Слейд кивает, переглянувшись с Лу.

- Хорошо. Есть еще что-нибудь, о чем нам следует знать?

- Мне не о чем доложить.

- Спасибо, Маркул.

Мужчина кланяется и уходит обратно на свой пост, почти исчезнув в тени. Я замечаю, что фонари вдоль верхней части стены, окружающей эту открытую крышу, расположены очень точно. Ровно столько, чтобы осветить путь тимбервингам, но создавая достаточно тени, чтобы спрятать стражу, особенно две башни за нами.

Обернувшись, я ищу Дигби и тут же замечаю, как он побледнел и согнулся, а на лбу выступили капельки пота.

Я спешу к нему.

- Ты в порядке?

- Прекрасно, - хрипло говорит он. - Может кто-нибудь показать мне мою комнату?

- И пошлите за лекарем, - добавляю я, не обращая внимания на его сердитый взгляд.

Рядом с ним появляется Джадд.

- Давай, старина, - весело говорит он. - Получишь лучшую комнату в замке - ту, что рядом с моей.

Дигби фыркает, но ковыляет вместе с Джаддом, проходя через куполообразную арку посередине стены, ведущую к лестнице. Как только они отходят, я подхожу к Лу и Слейду.

- Не волнуйся, - говорит Слейд. - Джадд сразу же приведет к нему лекаря.

Я с облегчением выдыхаю.

- Спасибо.

- Тебе что-нибудь нужно? - повернувшись к Слейду, спрашивает Лу.

- Нет. Иди вздремни.

Она кивает, но затем вздыхает, глядя себе под ноги.

- Уже скучаю по своим тапочкам.

- Тогда почему не возьмешь здесь какую-нибудь пару? - спрашиваю я.

- Они не такие, - печально говорит она и, повернувшись, уходит тем же путем, что и Джадд с Дигби.

Слейд подходит к Арго и чешет ему шею.

- Иди поешь и устраивайся поудобнее на своем любимом насесте. - Зверь издает рык, словно все понимает, и толкает Слейда носом. Затем прыгает в воздух, и другие берут с него пример, полетев к горе.

На мой любопытный взгляд Слейд говорит:

- Их вольер встроен в гору чуть ниже.

- Умные создания.

- Очень, - отвечает он и встает рядом со мной. - Уже поздно, но я могу показать тебе замок, если хочешь размять ноги.

Я уже готова сказать «да», но потом замечаю усталость на его лице и морщинки, спрятавшиеся в уголках глаз.

- Нет, давай отдохнем. Завтра мне все и покажешь.

Кивнув, он кладет руку мне на пояс и ведет к арке. Всего три шага, и мы спускаемся по винтовой лестнице. Я скольжу руками в перчатках по изогнутым перилам, немного покачиваясь на ступенях. Когда мы спускаемся вниз, перед нами открывается коридор из потертого серого камня и длинным зеленым ковром, а на голых стенах мерцает свет в канделябрах.

Потолок здесь низкий, проход узкий, и у меня немного кружится голова, но потом Слейд проводит меня по другой лестнице – широкой и прямой. Когда мы спускаемся, кажется, что перед нами открывается весь замок. Я хватаюсь за перила, глядя вниз на три лестничных пролета, и вижу внизу большой зал.

Здесь доминируют темное дерево и гладкие белые стены. Открытые коридоры чем-то похожи на те, что были в Рэнхолде, поскольку я ясно вижу другую сторону.

Помимо этого, по колоннам, подпирающим лестницы, тянется искусная резьба. Огромное дерево напоминает внутренность музыкального инструмента, дополненного изогнутыми углублениями и тончайшими медными струнами. Они протянуты от точек в середине потолка и спускаются, как драпированный гобелен, к арочным окнам.

– Потрясающе, – говорю я, обхватив гладкое дерево.

Напротив и на этаж ниже я вижу остальных. Лу уходит в одном направлении, а Джадд с Дигби поворачивают направо и шагают по коридору напротив от нас.

– Ему больнее, чем он показывает, – взволнованно бормочу я.

Слейд идет бок о бок.

– Травмы у него были довольно серьезными, но лучшего лекаря, чем Ходжат, я не знаю. Если бы он сомневался, что Дигби выдержит полет, то так бы и сказал. Дигби крепкий орешек, и здесь у меня тоже есть отличный лекарь. О Дигби позаботятся.

– Он долгое время был моим стражником. Был единственным, кому я могла доверять. Я всегда видела в нем своего рода отца. Он не просто меня охранял, а защищал. Иногда даже от других стражников.

Я вижу, как Слейд поворачивает голову и смотрит на меня.

– Мидас всегда очень ревностно относился к моей страже в Хайбелле, но он не был настолько хорош в своих угрозах, как думал, – объясняю я. – Для некоторых стражников такое поведение... менее учтивое... было обычным делом.

Я вижу, он сжимает пальцами перила, а потом говорит чрезвычайно серьезным тоном:

– Если назовешь мне их имена, я стною им мозги.

От удивления у меня вырывается смешок, и я поворачиваюсь к Слейду.

- Начнем с того, что у многих и не было впечатляюще развитых мозгов, поэтому однажды они сами их стноят.

- Ладно, - говорит он, и в его голосе слышится легкое разочарование.

Я снова смеюсь, но тут же так широко зеваю, что трещит челюсть.

Слейд наклоняется и берет меня за руку.

- Давай-ка выспимся на нормальной кровати и с настоящими подушками и одеялами.

- Ты и впрямь умеешь убеждать.

Засмеявшись, он ведет меня вниз по лестнице, но вместо того, чтобы направиться в противоположную сторону, куда ушли остальные, мы продолжаем идти. По пути встречаем стражника, который наклоняет голову в знак приветствия и бросает на меня любопытный взгляд.

На этом этаже стены коридора обиты полосами того же резного и изогнутого дерева, отчего потолки кажутся выше. Через каждые несколько футов в выемках стены вделано окно, а пузырящееся стекло оплетено железными полосками. За окном еще слишком темно, чтобы можно было что-то разглядеть, потому пока в окнах отражаются только наши силуэты.

В конце коридора Слейд открывает дверь, а затем отходит в сторону, протянув мне руку. Я вхожу, и сразу возникает ощущение чего-то знакомого, потому что комната напоминает Слейда. Тут есть внушительный камин, украшенный черным выступом с замысловатой резьбой. Перед ним стоят три темных дивана и стол посередине.

В другой стороне дверной проем, и Слейд ведет меня туда. Я вижу там кровать на приподнятой платформе, с четырьмя каменными столбиками, выполненными из того же камня, что и пол. Оттого кровать кажется еще больше, а черное и темно-зеленое постельное белье выглядит таким шикарным, что я не могу дождаться, когда на него рухну.

- Хочешь поесть? - спрашивает Слейд, осторожно снимая с меня пальто.

- Думаю, я сейчас слишком устала, чтобы есть.

Он берет мое пальто и исчезает в другой двери, где я вижу одежду и оружие. Слышу, как он скидывает сапоги, а потом снова выходит уже без пальто. В руках у него рубашка, и он протягивает ее мне.

- Завтра найдем тебе одежду, а сегодня можешь надеть мою рубашку.

- Как интимно, - поддразниваю я, вырывая одежду из его пальцев.

Слейд смеется.

- Если ты это считаешь интимным, то, кажется, мне нужно тебя немного разубедить. - Он протягивает руку за спину и одним плавным движением снимает рубашку. Взгляд падает на его пресс, и рот наполняется слюной.

- Сюда смотри.

Я вскидываю взгляд по команде, и к щекам приливает жар.

- Я на тебя не пялилась, - говорю я.

- Нет, припоминаю, что тебе больше нравилось пялиться на мой зад.

Я прищуриваюсь, глядя на него, и хотя он прав, никогда этого не признаю.

- Не понимаю, о чем ты говоришь.

- Угу. Иди спать, Золотая пташка.

Я тычу в него пальцем.

- Давай-ка без соблазнов, Ревингер. Мы оба устали, а тебе еще нужно восстановиться после того, как ты исторг силу. Нам нужно поспать.

Он ведет взглядом по моему телу, будто желая поскорее им насладиться, хотя на деле со спутанными волосами и одеждой, которую не снимала три дня, я похожа на ветряного тролля.

- Прекрасно. Но завтра тебя обязательно соблазню. Специально надену узкие брюки.

Я закатываю глаза, хотя не могу сдержать улыбку.

- Удачи, - говорю я. - Могу я воспользоваться ванной?

- Конечно, - говорит он, подходя к кровати. - И тебе не нужно спрашивать. Все в этом замке принадлежит тебе. Можешь идти, куда захочешь, и делать все, что тебе заблагорассудится.

Он откидывает одеяло, а я стою и смотрю на него.

Заметив это, он хмурится.

- Что?

Я прихожу в себя.

- Ничего.

Развернувшись, быстро захожу через еще одну дверь и закрываю ее за собой.

Иди куда хочешь и делай все, что тебе заблагорассудится.

Он сказал это так небрежно. Будто это абсолютно нормально. Будто я и раньше слышала эти слова, хотя на деле это совсем не так.

Щеки болят от улыбки, с которой я стою все это время в умывальной. Мочевой пузырь, кажется, вот-вот разорвется, поэтому я быстро снимаю

перчатки и пользуюсь туалетом, а потом умываюсь. Снимаю свою старую одежду, надеваю рубашку Слейда, нахожу расческу и пытаюсь привести в порядок спутанные волосы. Затем иду к двери, снова зевая, но сомневаюсь, стоит ли снова надевать чулки и носки. В итоге решаю, что нет. Если не захочу, то ничего не позолочу.

Словно желая доказать это самой себе, я снова прижимаю пальцы к расческе, призывая магию, и улыбаюсь, когда по всей ее длине течет золото. Позолотив расческу, я утягиваю силу обратно и прижимаю пальцы к мраморной столешнице, удостоверившись, что не вытекла ни одна капля.

Поразительно, как мне это стало легче даваться.

С улыбкой выходя из ванной, я хочу сказать Слейду, что собираюсь спать в одной его рубашке, но останавливаюсь, увидев, что он уже крепко спит. Дыхание у него прерывистое, лицо расслабленное, а тело раскинулось на плюшевой кровати. Во сне он кажется таким спокойным, что я просто смотрю на него и мечтаю, чтобы, проснувшись, он чувствовал ту же беззаботность.

Ступая босыми ногами по полу, иду к другой половине кровати и как можно тише и аккуратнее заползаю под одеяло, чтобы не потревожить Слейда. По привычке стараюсь оставить между нами пространство, но как только оказываюсь в постели, он будто меня чувствует.

Слейд протягивает руку, обхватив меня за талию, и притягивает к себе так, словно я не тяжелее перышка. Я от удивления задерживаю дыхание, замерев, но он не просыпается. Только протяжно выдыхает, будто теперь, когда я лежу, прижавшись к нему, он может по-настоящему расслабиться.

Вздохнув и улыбнувшись, я засыпаю так же быстро, как и Слейд.

Глава 46

Слейд

Я резко просыпаюсь, сфокусировав взгляд на полоске света, проникающей через тяжелые черные шторы. А затем мой взгляд падает на кровать – пустую кровать.

Я сажусь и провожу рукой по лицу, понимая, что прошлой ночью не дождался, когда Аурен выйдет из ванной, и тут же отключился. Я не хотел ее беспокоить, но в этот раз я выдохся как никогда. Я увлекся, измотался сильнее, чем следовало – тем более, если учесть, что по пути домой мне нужно было защищать Аурен.

Думаю, возвращение в свою постель после нескольких месяцев отсутствия – то, о чем стоило мечтать. Вчера я спал самым крепким и спокойным сном за последние месяцы. Единственное, чего мне хотелось бы еще больше, – это просыпаться рядом с Аурен.

Интересно, она по-прежнему волнуется, остаться ли в постели после наступления утра? Я понимаю, что Аурен больше десяти лет приучала себя вставать до рассвета, приучала себя не есть, не пить и не прикасаться к предметам с восходом солнца. Но ей это больше ни к чему. Аурен обладает большим контролем, чем она считает, хотя от некоторых привычек порой очень трудно избавиться.

Встав с кровати, я иду в ванную и умываюсь, а затем направляюсь в гардеробную, чтобы одеться. Закончив, выхожу из спальни, в надежде найти Аурен в гостиной, но там никого. Я шагаю к двери, и стоит мне оказаться в коридоре, как вижу, что один из стражников, совершавших обход, идет в обратную сторону.

Оглянувшись через плечо и заметив меня, он останавливается, поворачивается спиной к стене и кивает мне.

– Ваше Величество.

– Доброе утро, Ваен. Ты видел леди Аурен?

Он качает головой.

– Нет, сир, но мы только что сменились. Могу спросить вчерашних стражников.

Я качаю головой.

– Ничего, я найду ее сам.

Я спускаюсь на этаж ниже и направляюсь в личный зал для завтраков, соседствующий с покоем Джадда. В обычное время мы всегда едим там и пользуемся официальным обеденным залом только в исключительно необходимых случаях. По пути иду мимо еще одного стражника и захожу в зал.

Лу поднимает на меня взгляд, попутно скинув со стола ноги Джадда.

– Ну, взгляните-ка, как гниль разленилась, – напевает она. – Ты проспал.

Я поднимаю брови, подходя к ним.

– Разве у королей совсем нет привилегий?

– Нет, – в один голос отвечают они с Джаддом.

Я обвожу комнату взглядом.

– Где Аурен? Она уже поела?

– Мы думали, она с тобой, – отвечает Лу.

- Да, утром мы ее не видели.

Меня переполняет ужас.

- Вы ее не видели? - Я снова оглядываюсь, заметив, что Дигби здесь тоже нет. - А к Дигби сегодня кто-нибудь заходил?

- Нет, но еще рано.

Я киваю и направляюсь к двери.

- Наверное, она с ним.

- Или решила прогуляться по первому этажу? - предлагает вариант Джадд.

Надо было показать Аурен замок вчера, чтобы она знала, где что находится, или хотя бы куда пойти позавтракать.

- Ты определил Дигби в серебряную комнату?

- Ага.

Я выхожу в коридор и быстрым шагом иду к покоям Дигби. Стучу в дверь, но ответа нет. Жду пару мгновений, а затем стучу снова и громче.

От волнения мне становится не по себе, и я расправляю плечи, краем глаза заметив, как ко мне идут Джадд и Лу. Только готовлюсь снова постучать в дверь кулаком, как слышу его просьбу подождать. Раздается шарканье, а потом дверь распахивается, и на пороге появляется Дигби. Взгляд у него сонный, а седые волосы торчат в разные стороны. Он смотрит на меня и переводит взгляд на тех, кто стоит за моей спиной.

- Да?

- Я так понимаю, Аурен не с тобой?

Он сводит брови на переносице.

- Нет.

Я круто разворачиваюсь, волнение сливается во что-то осязаемое, давящее на ребра и мешающее сделать вдох.

- Я проверю на кухнях и в обеденном зале, - говорит Лу и поворачивается.

- А еще библиотеку, - кричу я ей вслед, и она кивает. Затем в голову мне приходит мысль, от которой кровь стынет в жилах.

- Какую комнату отвели Ману?

Брови Джадда взлетают на лоб, как будто он об этом даже не подумал.

- Голубую комнату на третьем этаже. Думаешь...

- Не знаю. - Я уже шагаю прочь, чувствуя, как ребра продолжает сжимать. - Но если он хотя бы как-то попытался ей навредить, мать его..

Джадд догоняет меня с напряженным лицом.

- Предупредите стражу, - приказываю я. - Проведите полномасштабный поиск, спросите..

- Эй!

Мы с Джаддом замираем как вкопанные и резко оборачиваемся. Даже Лу, которая уже стоит на восточной лестнице, останавливается и смотрит вверх.

Дигби прислоняется к дверному косяку, сердито на меня смотря.

- Ты не знаешь, где Аурен.

От нетерпения у меня покалывает шею, но я все равно отвечаю на его фразу, которая звучит слишком утвердительно для вопроса.

- Нет.

Он идет ко мне, прихрамывая, а я терпеливо жду, хотя мысленно кричу себе поторопиться и найти ее.

Он смотрит на меня из-под кустистых бровей, поджав губы с явным неодобрением, и останавливается напротив, окинув таким взглядом, будто сейчас начнет отчитывать.

- А я считал тебя умным.

Я недоуменно смотрю на него.

- Что?

Он качает головой и вздыхает.

- Миледи нет ни на кухнях, ни в обеденном зале, ни в библиотеке.

Мы с Джаддом переглядываемся, и к нам подходит Лу.

- Ладно... а ты сам видел ее сегодня утром?

- Нет, - говорит он. - Но мне не нужно ее видеть, чтобы знать, где она. Как и тебе не пришлось бы, если бы на секунду выташил голову из задницы.

Я с такой силой скрежещу челюстями, что удивительно, как у меня не треснули зубы.

- Объясни.

- Миледи целых десять лет прожила на севере. И за эти десять лет не видела и не знала ничего, кроме снега, клетки, пещеры и ограничений. - Он скрещивает руки. - Если ты ее знаешь, то поймешь, где она. Так где же, по-твоему, она сейчас, мальчишка?

Он пронзает меня острым взглядом, и меня осеняет.

Дигби коротко кивает.

- Приятно знать, что ты не совсем безнадежен. - Он разворачивается и, хромая, уходит в спальню, закрыв за собой дверь, а я стою и смотрю ему вслед.

Джадд тихонько присвистывает.

- Кажется, тебе только что устроили разнос, Рип.

- Не знаю, оскорбиться мне или восхититься, - признаюсь я вслух.

- Давай просто перейдем ко второму, - говорит Лу. - Где нам помочь ее искать?

Я качаю головой и ухожу.

- Дигби прав. Думаю, я знаю, где она.

* * *

Я поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, иду по узкому коридору, а затем поднимаюсь по винтовой лестнице на крышу.

Я подумывал спуститься на первый этаж и проверить в садах, но у Аурен не было подходящей одежды, поэтому, думаю, она предпочла бы найти более уединенное место.

Поднявшись наверх, я замечаю, что вокруг арки расхаживают три стражника и каждый смотрит в одном направлении. Кажется, я знаю, за чем они наблюдают и почему торчат здесь, вместо того чтобы находиться на своих обычных постах на крыше.

Заметив меня, они кланяются.

- Сир.

Увидев ее, я тут же замираю. Она не просто поднялась на крышу. Нет, она забралась на одну из башен. Она лежит на черепице, и золотистая кожа светится на фоне черного камня.

Я просто смотрю на нее. Аурен похожа на залитую солнцем богиню, сияющую в свете, который от нее скрывали. В эту секунду она впитывает каждый лучик, как будто солнце светит только ради нее.

- Долго она здесь? - тихо спрашиваю я у стражников.

- С рассвета.

Кивнув, я несусь к ней.

- Сделайте перерыв.

Я слышу их удаляющиеся шаги, когда они спускаются по винтовой лестнице, оставляя нас наедине. Подхожу к другому концу крыши, устремив взгляд на позолоченную фигуру.

От мысли, как она карабкается по стене башни, пусть и та всего около десяти футов высотой, мне становится не по себе. Я останавливаюсь у основания сооружения, а потом забираюсь наверх с помощью вбитых гвоздей. Вместо того чтобы войти через отверстие в стене, где несут дозор стражники, я продолжаю взбираться, а затем перекидываю ногу на крутую крышу.

Я выпрямляюсь и подхожу к Аурен, увидев, как она опирается на локти. Голые ноги вытянуты и скрещены в лодыжках. Волосы струятся по спине, лицо поднято к небу.

Она нежится на солнце, и кажется, что дневной свет создан исключительно ради этого. Она лежит в одной моей рубашке, и от этого зрелища дух захватывает. Я почти готов оттащить стражников в сторону и потребовать, чтобы они вырвали себе глаза, а не пялились на ту, что принадлежит мне.

Но все эти одержимые мысли улетучиваются, как только я замечаю полосы у нее на щеках.

В тревоге быстро опускаюсь рядом с ней на колени.

- Золотая пташка, - тихо бормочу я, стараясь ее не напугать. Но, наверное, пролез сюда не настолько бесшумно, как думал, потому что она даже не вздрагивает. - Что случилось? Почему ты плачешь?

Аурен распахивает глаза, ресницы у нее слиплись от золотистых слез. Но она смотрит на меня, и у меня замирает сердце.

- Ты слышишь? - шепчет она.

Я замираю, напрягая слух, но слышу только отдаленный городской шум да водопад у подножия горы.

- Что слышу?

И она улыбается сквозь слезы, высохшие на ее щеках. Зрелище такое чертовски красивое, что становится трудно дышать.

- Солнце, - тихо отвечает Аурен, и в ее тоне слышна робкая, невинная радость. Та, которой боишься поделиться вслух, потому как боишься ее потерять. - Оно поет для меня.

От чувств у меня перехватывает дыхание, а она снова запрокидывает голову и закрывает глаза. Я провожу костяшками пальцев по ее нежной щеке.

- И что же оно поет, Золотая пташка? - шепчу я.

Ее улыбка пробивается, как солнечный свет.

- Песню о доме, - говорит она. - Солнце поет песню о доме.

Сердце переполняют эмоции, а когда Аурен протягивает руку и тянет меня за локоть, я ложусь рядом с ней на спину, и мы оказываемся рука к руке, нога к ноге.

- Послушай, - шепчет она.

Так я и делаю. Я переплетаю наши пальцы и слушаю.

Но моя песня о доме исходит не от солнца. Моя песня исходит от нее.

Глава 47

Аурен

Сложно сказать, сколько Слейд просидел со мной на крыше, но когда мы спускаемся, я готова порхать от прилива сил. Не важно, что проснулась я до рассвета, потому как чувствую себя бодрой. Обновленной. Живой.

- Хочу сегодня побыть на улице, - говорю я Слейду, когда мы идем к арке, где стоят стражники.

- Господа, смотрите вверх, - говорит Слейд, и с минуту я недоумеваю, зачем он так сказал, а потом опускаю взгляд и понимаю, что на мне только его рубашка... и больше ничего.

Стражники забавно вскидывают головы вверх и задирают глаза так высоко, что удивительно, как они не закатились у них в череп.

- Мне, наверное, нужна одежда? - говорю я.

- Было бы предпочтительно, если бы мне не хотелось вонзить кинжалы в глаза моих преданных стражников.

Один из упомянутых стражников сдавленно кашляет.

- Прошу отметить, что я с неодобрением отнесусь к выкалыванию глаз.

- Я учту.

Я останавливаюсь перед аркой и оглядываюсь, смотря на открытое чистое небо. На свободное солнце. Я так давно его не видела.

И уже забыла, каково это.

Как я могла просто закрыть глаза. Запрокинуть голову. Как красный свет пробивался сквозь веки, как разливалось по коже тепло – от лба до ступней. Как проникало оно в мои поры и отгоняло все воспоминания о холоде.

Оно меня звало.

Еще до того, как в небе встало солнце, я его услышала. Я вылезла из постели и побрела наверх, позволив заманить меня сюда беззвучному голосу. Я стояла на крыше возле горы и просто... чувствовала.

Десять лет. Прошло десять лет с тех пор, как я чувствовала на лице солнечный свет. Где его не заслоняли облака, не пятнала буря.

Ни разу, пока я стояла на той крыше, моя магия не пыталась непрошено излиться. Наоборот, я собираю ее в своей ладони, купаясь в лучах утреннего солнца, и на миг позволяю золоту погреться. Потом, когда призываю его снова погрузиться под кожу, оно слушается. Легко. Без усилий.

Думаю, моему золоту тоже не доставало солнечного света.

- Аурен?

Я отворачиваюсь от лучей и смотрю на Слейда, который наблюдает с непонятным мне выражением.

Я слегка улыбаюсь ему.

- Я лежала на спине и так наслаждалась солнечным светом, что даже не подумала хорошенько рассмотреть твое королевство.

Он продолжает изучать меня взглядом, и на секунду задумываюсь, не сказала ли я что-то не то. Но потом он говорит:

- Как относишься к тому, что я покажу его сегодня?

У меня замирает сердце.

- Ты хочешь... покинуть замок?

- А ты бы хотела посмотреть город?

- Хотела бы я? - повторяю я, затаив дыхание. - Я... - Я осекаюсь, словно настолько захвачена этой мыслью, что не могу произнести эти слова вслух. Если не брать во внимание путь из Хайбелла в Рэнхолд, то мне никогда не разрешали покидать укрытие, которое мне предлагали замки. - Просто взять и выехать в город? - спрашиваю я.

Он кивает.

- Но... - Я оглядываюсь на стражников. - Но я золотая, - замечаю я.

Слейд кривит губы.

- Ну да.

Я быстро шагаю к нему.

- Люди узнают во мне позолоченного питомца Мидаса, - говорю я тише, с презрением выплюнув это слово.

- Да, это возможно, - кивнув, отвечает он. - Это твоя жизнь, Аурен. Если хочешь держаться поодаль от посторонних глаз, то именно так мы и поступим. Но тебе не обязательно здесь прятаться. Ты не чей-то питомец, которого надо держать в клетке. Твоя жизнь принадлежит тебе, и выбирать исключительно тебе одной.

Выбор за мной.

Неслышанно. Мне никогда не предоставляли выбор, поэтому этот я не хочу упустить.

- Я больше не желаю сидеть в замке, - вырывается у меня признание, будто слова бояться, что если их не произнесут слишком быстро, то эту возможность у меня отнимут.

Он улыбается, и я отвечаю тем же.

- Это твой первый день, когда ты покинула снег и холод. Думаю, есть повод отпраздновать.

Я улыбаюсь так широко, что у меня болят щеки, но потом мое счастье гаснет.

- А как же Ману? Теперь, когда мы вернулись, тебе разве не нужно разбираться с делами?

- Ману и королевство могут подождать еще день. Ты важнее.

Мое сердце рвется из груди и одновременно с этим делает кувырок.

- Уверен?

Он кладет руку мне на спину - очень низко - и касается кончиками пальцев ямочки на пояснице, наклонившись к моему уху.

- Ну же, Золотая пташка. Давай пустимся в маленькое приключение.

Приключение.

Не смею отрицать, как от этого слова меня охватывает трепет. Улыбнувшись, я несусь к лестнице и чувствую порыв ветра, когда рубашка слишком высоко задирается. Я прижимаю руки к подолу, прикрывая попу, и оглядываюсь через плечо.

- Ой.

Взгляд Слейда прикован к моей заднице.

- Вы там еще наверх смотрите? - окликает он через плечо.

- Да, сир! - кричат в ответ три голоса. Быстро.

С лицом, на котором читается и раздражение, и веселье, Слейд идет ко мне, и вскоре я чувствую спиной тепло его тела.

- Пойдемте, леди Аурен, - почти урчит он. - Купим тебе какую-нибудь одежду, пока я не забыл о поездке в город и не решил прогнать всех из замка, чтобы пуститься немного в другое приключение.

У меня перехватывает дыхание.

- Честно говоря, второй вариант очень заманчив...

Он мрачно посмеивается, отчего по моему телу бегут мурашки, и легонько похлопывает меня по заднице.

- Вперед!

Я почти парю, спускаясь по лестнице.

* * *

В конце концов я надеваю простые коричневые чулки и черную тунику. Оба предмета одежды мягкие и удобные, а ткань намного тоньше, чем та, что я носила в Шестом и Пятом королевствах. Еще Слейд дал мне плащ, и по привычке, а еще из вопросов предосторожности я укрываю руки перчатками.

Остальные тоже вызвались с нами в город, но когда я пытаюсь уговорить Дигби остаться, он лишь сердито на меня смотрит, а потом уходит собираться.

Слейд ведет меня в большой открытый холл, где нас уже ждут. Лу одета в привычную армейскую кожаную форму, а Джадд - в ярко-оранжевую тунику,

которая соперничает с горчичным оттенком его волос, отчего он немного становится похожим на цветок мака.

Дигби, как и я, одет в позаимствованную одежду, и продолжает хмуриться, будто готов отмахнуться от очередных увещаний, что ему стоит остаться в замке и отдохнуть.

- Я удивлена, что вы тоже захотели поехать с нами, - говорю я, когда мы подходим к Лу и Джадду, стоящих у парадного входа.

- Конечно, хотим. Мы вечность не веселились как следует, - говорит Джадд.
- Король Рот постоянно таскает нас за собой по всему миру и заставляет уничтожать его врагов.

Слейд закатывает глаза.

- Когда я в последний раз сверялся с данными, то обнаружил, что в тот год, похоже, ты не уничтожил ни одного.

- Твоя правда, - отвечает Джадд, будто он этим разочарован. - Неудивительно, что мне так скучно.

- Именно потому нам нужна поездка в город, - вле-зает Лу.

- Ага. Напитки в пабе, - говорит Джадд, приподняв брови. - Если не бывал в таверне «Горелый кот», то, считай, жизни не повидал.

Я морщусь нос.

- Это же не одно из их блюд?

- Только по вторникам, - язвит Лу. - Готова?

Готова ли я?

Не уверена, потому что уже очень давно не оказывалась на публике.

- Это твой выбор, Аурен, - шепчет Слейд, и я знаю: если сейчас передумаю, он без лишних вопросов откажется от этой идеи и позволит мне остаться в его покоях.

- Я готова.

Через секунду рядом со мной оказывается Дигби, который сопровождает меня точно так же, как и несколько месяцев назад, когда я впервые покинула Хайбелл. Это стало переломным моментом. Моментом, который изменил направление моей жизни.

Когда распахиваются резные черные двери Брэхилла, в мыслях вспыхивает воспоминание о позолоченных дверях Хайбелла. Но вместо того, чтобы выйти в морозную ночь, я переступаю порог, и меня встречает дневное тепло.

Передняя часть вымощена темным гладким булыжником. Перед нами находится впечатляющий обелиск, колонна из оникса тянется к небу, а к ее идеальной поверхности цепляются вьющиеся лианы.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на замок, и поднимаю взгляд все выше и выше. С рифлеными черными стенами, арочными окнами и остроконечными крышами Брэкхилл выглядит устрашающе, величественно и красиво. Оттого, что он расположен перед горой, то кажется больше, чем есть на самом деле, а через ров с искрящейся водой, что окружает его с обеих сторон, перекинут темный изогнутый мост.

Слейд показывает на лошадей впереди и темную карету с готовым кучером.

- Если хочешь, можем поехать в карете. Отсюда немного под уклон, но как только мы минуем водопад, до города останется всего несколько минут.

Я смотрю на карету, потом на лошадей, к которым идут остальные. Лу закидывает ногу на рыжевато-коричневую лошадь, а Джадд показывает Дигби на пятнистую кобылу поменьше.

- Вообще-то, - начинаю я и отвожу глаза, - я бы предпочла проехать верхом.

- Правда? - спрашивает Слейд, выглядя приятно удивленным.

- Да. Я до сих пор помню, как в детстве каталась на лошадях, - говорю я.
- А потом я довольно часто ездила с Мидасом. Пока мы не оказались в Хайбелле, а потом...

А потом на протяжении десяти лет я больше ни разу не ездила верхом.

- В такой погожий день вряд ли мне хочется сидеть в душной карете. Во всяком случае, сейчас.

Он кивает, будто прекрасно меня понял.

- Тогда поедem верхом.

- Сомневаюсь, что Дигби можно ехать на лошади...

Мой стражник слышит и резко бросает в ответ:

- Я справлюсь.

Когда я смотрю на Слейда, он просто пожимает плечами.

- Ты же знаешь, что он слишком упрям, чтобы остаться.

Я вздыхаю.

- О да.

Почти сразу же конюхи Слейда выводят еще двух оседланных лошадей. Огромный жеребец Слейда с блестящим черным покровом и, наверное, добрых

восемнадцати ладоней[7] в высоту, очень статный и отчасти кажется норовистым.

А вот мне достается красивая буланая лошадь[8] с золотистой кожей и черной гривой. На вид она более покладистая. Я подхожу, чтобы получше ее рассмотреть.

- В ней смешались наши цвета, не находишь? - спрашиваю я Слейда.

Он ухмыляется и подходит, помогая мне сесть в седло.

- Ее зовут Душечка. Она милая, хоть и известна своим вспыльчивым характером.

Я провожу рукой по ее шее.

- Тогда мы отлично поладим. - Я продолжаю ее гладить, водя руками по темной гриве, но когда моя улыбка меркнет, Слейд это замечает.

- Что случилось?

- Из Хайбелла я выехала на жеребце. Его звали Крисп. Не знаю, что с ним случилось после нападения Красных бандитов, но он был хорошим конем.

Безусловно, вспомнив о Криспе, я думаю о Сэйле, а когда я думаю о нем...

- Я не знаю, осмыслила ли я вообще случившееся той ночью. Я думала, ты монстр куда страшнее, - невесело рассмеявшись, признаюсь я. - Какой же я была душой. Если бы тогда я только научилась пользоваться магией после наступления темноты, то ни за что не позволила бы капитану...

- Что бы ты не позволила капитану?

Я устремляю взор на Слейда.

- Ничего.

Его взгляд становится мрачным, и он делает шаг вперед, ограждая нас от конюхов и тех, кто садится на лошадей.

- Той ночью он причинил тебе боль?

В его тоне звучит жажда расправы.

- Не мне. Риссе. Я помогла ей слишком поздно. Когда взошло солнце... - Я замолкаю, покачав головой. - Он теперь золотая статуя где-то посреди Пустоши, и, надеюсь, к настоящему времени завален горами снега.

Мускул на подбородке Слейда дергается, а его поза становится напряженной.

- Мне жаль, что я заговорила об этом, - говорю я, качая головой. - Не знаю, зачем я это сделала. Давай просто... жить дальше? Я хочу насладиться сегодняшним днем и не думать об этом.

Он как будто собирается с силами, подавив гнев, который исчез из его взгляда.

- Хорошо. Но мне нужен список, Аурен.

- Список?

- Всех, кто причинял тебе боль.

У меня брови взлетают на лоб.

- Зачем?

- Думаю, ты знаешь зачем, - говорит он, смотря на меня пронизывающим взглядом. - И скоро, очень скоро мы это обсудим.

Я глотаю ком в горле, но не смею отрицать, какой меня охватывает трепет, потому что до Слейда у меня еще не было такого яростного защитника.

Защитник был, но лживый. Если бы я только знала, как выглядит настоящий, то, наверное, меня бы вообще не удалось так легко одурачить.

Прочистив горло, я пытаюсь разрядить обстановку.

- Да, нам многое нужно обсудить. Например, почему здесь носят такие узкие брюки, - говорю я, оглядывая стражников. - Не то чтобы я жаловалась.

Слейд приподнимает бровь, но оставшийся в его глазах гнев развеивается.

- Я хочу, чтобы ты пялилась только на мой зад.

Я вальяжно пожимаю плечами.

- Ничего не могу обещать, - беззаботно говорю я, а потом вставляю ногу в стремя и лезу на лошадь. Когда я перекидываю другую ногу, меня резко щиплют за ягодицу. Я удивленно подсакиваю, слегка встряхнув лошадь, и с удивлением оглядываюсь на Слейда. - Ой!

Он пожимает плечами и идет к своему жеребцу.

- Это мы тоже еще обсудим.

Я ухмыляюсь, взявшись за поводья.

Как только мы впятером рассаживаемся, то начинаем идти по мосту в сопровождении нескольких стражников.

Дигби преданно держится справа и чуть позади, а Слейд слева. Джадд и Лу едут впереди, а за нами следуют стражники. Наша группа небольшая в сравнении с обычной королевской свитой. Сомневаюсь, что Мидас путешествовал без сопровождения гурта стражников, потому что все, что ему принадлежало, было позолочено, а защитить украденное богатство он не мог, поскольку в действительности не владел силой.

А Слейд сам по себе – сила.

Мы едем по мосту, минуя длинный ров, а потом поднимаемся на вершину зеленого холма, где перед нами открывается идеальный вид на город. Здесь повсюду петляют реки, впадающие в озера – как большие, так и маленькие.

Еще я вижу лодки и несколько речных доков и мостов. Дома построены так близко к воде, что жители разбили на помостах садики, а вместо лошадей используют лодки. Какие-то дома построены на опорах прямо над водой. И земля здесь всюду зеленая, а воздух теплый и влажный, и я никогда еще не окуналась в подобную атмосферу.

Когда мы начинаем спускаться, я вижу, что вдоль извилистой дороги растет трава, а вдоль холмов пестрят, широко раскинувшись, деревья. Справа и довольно далеко находятся водопады, низвергающиеся с вершины горы на высоте не менее ста футов. Вода обрушивается вниз белой пеной, вырисовывая изломанные радуги в липком сером тумане.

Я не вижу нижнюю часть водопада, поскольку ее закрывают деревья, но вода сама несется ко мне, а река простирается навстречу дороге. Всего в двух шагах отсюда она вьется вдоль тропинки, а потом разделяется на две части. Вижу, как она разветвляется у подножия холма и питает все огромные русла, врезанные в землю.

– Вряд ли я видела столько зелени или воды. – Я оборачиваюсь и смотрю на Дигби. – Ты видишь, Диг?

– Вижу, миледи.

Просияв, поворачиваюсь к Слейду и замечаю, что он уже за мной наблюдает.

– Такой красивый вид.

– Рад, что тебе нравится, – говорит он.

Чувство, когда солнце припекает тебе голову, а легкие наполняются свежим воздухом, – великолепно.

Когда мы подходим к нижней части склона, земля становится ровной, а дорога и река сворачивают к самому большому озеру.

– Это место называется Компас-лейк, – говорит Слейд. – Видишь, какая она круглая, кроме этой точки?

Я провожу взглядом линию, тянущуюся как зубец, от озера к замку.

– Компас всегда указывает нам дорогу домой, – отвечает Лу.

Я с любопытством смотрю на Слейда.

– Брэкхилл для тебя дом?

На мгновение он становится задумчивым.

– Сомневаюсь, что в Орее можно было бы хоть где-то почувствовать себя как дома.

Прекрасно его понимая, я киваю, потому что всегда испытывала те же чувства. Но, думаю, это место могло бы показаться мне почти домом. И, полагаю, этого вполне достаточно.

Хотя ничто и никогда не сравнится с Эннвином. Да, меня увезли оттуда в детстве и я почти все забыла о том месте... Но почти... Потому что чувства и ощущения все равно со мной.

Чем ближе мы подходим к реке, тем больше там людей. Сначала мимо нас проезжает несколько повозок и лошадей, но вскоре мы оказываемся в гуще событий, где кипит жизнь.

Рыбаки вытаскивают на пристани сети. На улице одна за другой, перед озером, расположились торговые лавки: их фасады выполнены из гладкого камня сливочного цвета, а крыши покатые. Почти во всех лавках двери распахнуты настежь – видимо, чтобы впустить свежий ветерок. Влажный теплый воздух без мягкого ветра, дующего с воды, казался бы более душливым. И потому здесь сейчас царит идеальный баланс тепла и прохлады.

Когда жители понимают, что среди них находится их король, город оживляется. Люди, как рябь на воде, начинают кричать, кланяться, приветствовать одобрительными возгласами или выстраиваться в очередь. Они окликают не только короля Ревингера. Видимо, о Джадде и Лу тоже ходит немалая слава, потому что люди уважают их так же, как своего правителя.

Но я подмечаю другое. В какой-то момент их волнение при виде капитанов и их короля сменяется чем-то иным. Это происходит, когда они замечают меня. В толпе явственно ощущается оцепенение. Взгляды становятся напряженными, жители сжимают рты, еле ими шевеля, и я слышу обрывки этих сказанных сквозь зубы фраз, пока мы едем по городской дороге.

«Это она – золотая наложница».

«Она убила царя Мидаса».

«Она украла его магию».

«А если она украдет и магию нашего короля?»

Я так дергаюсь на лошади, что слишком сильно натягиваю поводья Душечки, и она резко останавливается. Два стражника тут же окружают нас со Слейдом, будто образуя барьер между нами и толпой, которая продолжает меня обсуждать. Я ослабляю поводья, и Слейд подъезжает поближе, пока я натягиваю капюшон плаща.

– О чем они? – спрашиваю я, смотря по сторонам. Я все равно чувствую себя уязвимой перед этим потрясением от непримиримого осуждения, хотя впереди нас прикрывают Джадд и Лу, а по бокам и сзади стражники. – Почему они говорят, что я украду магию?

Я вижу, как Слейд крепче сжимает поводья, вижу его нерешительность по тому, как на его скулах ходят желваки.

- Эти слухи исходят из Пятого королевства, - признается он. - Слухи, которые разошлись с помощью королевы Кайлы.

- И ты не подумал сказать мне? - почти шиплю я сквозь зубы.

- Я не думал, что эта сплетня получит такое массовое распространение.

Я оглядываюсь на настороженных людей, которые пытаются рассмотреть меня, когда мимо них проходят наши лошади.

- Слейд, замечу, что они чертовски хорошо разлетелись.

Он не смеет возразить.

- Хочешь, вернемся? - спрашивает он.

Сначала я киваю, но потом останавливаю себя.

Я всегда была вынуждена дичиться толпы, всегда была вынуждена подстраиваться под байки Мидаса. И теперь, даже будучи мертвым, он продолжает заправлять моей сложившейся в народе репутацией.

Десять лет он забирал мою силу и притворялся, что она принадлежит ему, а теперь... Он продолжает ее у меня отнимать. И все же они называют воровкой меня.

Моя сила никогда мне не принадлежала, и впервые, когда я наконец-то стала ею гордиться, когда наконец-то ею владею, он опорочил и это. Создал впечатление, будто это я отняла у него силу.

От этой мысли кровь в жилах так закипает, что начинает жечь глаза.

- Нет, - решительно говорю я с невозмутимым лицом. - Я не воровка и прятаться не намерена.

Не позволю Мидасу использовать мою силу, чтобы оправдать собственную смерть.

На лице Слейда мелькает гордость, когда я откидываю капюшон, и он ниспадает назад.

- Я не стану убегать так, словно я и правда виновна, - заявляю я и сажусь прямее. - Пусть смотрят.

Аурен

– Ты был прав, – говорю я, сидя на другом конце длинного стола. – «Горелый кот» действительно вкусный.

Джадд лучезарно мне улыбается и салютует пивной кружкой.

– Я же говорил. Лучшее вино в Орее.

Кивнув, я хочу снова отпить, а потом понимаю, что в кружке пусто. Я хмуро смотрю на дно деревянной кружки, словно надеюсь, что она вновь наполнится вкусным напитком. Когда этого не происходит, я оказываюсь очень разочарованной.

– У меня вино кончилось.

– Хочешь еще? – спрашивает Слейд, хотя не понимаю, как мне удастся расслышать его в этой шумной таверне.

– Да, пожалуйста.

Джадд предложил отправиться напрямик сюда, и хозяин таверны быстро отвел нас в закрытую зону. Освещение здесь приглушено, из окна за мной дует свежий ветерок, а наш круглый стол огорожен винными бочками, от которых исходит потрясающий аромат.

Вынуждена признать: вино подняло мне настроение.

Слейд поднимает руку, и хозяин таверны спешно мчит к нам. Это невысокий и полный мужчина по имени Барут, с редкими волосами и еще более тонкими губами. Барут вытирает руки о перепачканный фартук.

– Чем я могу вам услужить, сир?

– Не мог бы ты принести к столу еще кувшин вина? И еще хлеба и сыра, Барут.

– Конечно! – хлопнув в ладоши, говорит он и улыбается мне так, что я вижу, как два его передних зуба немного торчат и едва не скрещиваются. – А как вам остальное?

– Как всегда, идеально, – отвечается Джадд.

Щеки мужчины покрываются застенчивым румянцем.

– Очень рад это слышать, сир Джадд.

Когда он уходит и мы снова остаемся впятером, я пристально смотрю в кружку. Пока мы ехали по улице, я старалась не падать духом, но разлетевшиеся слухи о том, что я украла у Мидаса магию, смешны и одновременно с этим приводят в бешенство. Само собой разумеется, что у

меня резко упало настроение. Остальные по-прежнему пытаются держаться на позитиве, но я вижу, что эти толки их тоже беспокоят. А вот Дигби они ничуть не забавляют. Когда мой верный стражник услышал, что обо мне судачат, я думала, что он тут же спрыгнет с лошади. Наверное, единственное, что ему помешало, – это боль в ребрах.

– Ты в порядке? – положив руку на спинку моего стула, спрашивает Слейд.

– В полном, – киваю я. Поняв, как грубо прозвучали мои слова, перевожу на него взгляд. – Спасибо, что сводил меня в вещевую лавку – кстати, вовсе необязательно было покупать мне столько вещей.

– Тебе нужна одежда, – пожав плечами, возражает он. – К тому же мои мотивы были сугубо эгоистичны.

– Почему?

Он наклоняется ближе.

– Я хочу сорвать ее с тебя полностью. Так что я будто сам выбирал оберточную бумагу для своего подарка.

Я вспыхиваю и оглядываю собравшихся за столом, но Джадд болтает с Лу, а Дигби сердито смотрит в свою кружку.

– Уверен, что это хорошая идея? – шутя, спрашиваю я. – Я ведь могу украсть у тебя магическую силу.

Слейд бросает на меня многозначительный взгляд.

– Перестань обращать на них внимание.

– Это очень сложно, ведь я не была готова.

Он проводит рукой по лицу.

– Извини, ты права. Я должен был рассказать тебе об этих сплетнях. Просто хотел, чтобы ты хорошо провела тут день.

– Знаю, – вздохнув, говорю я. – Просто меня жутко злит, что из-за него моя магия все равно мне не принадлежит.

Слейд сжимает губы в тонкую линию.

– Если люди и правда хотят в это верить, тогда они идиоты.

В этот момент возвращается Барут и ставит перед нами поднос.

– Готово, Ваше Величество. Приятного аппетита.

Слейд с благодарностью кивает Баруту, а затем наливает мне вина. Сделав первый глоток, я одобрительно хмыкаю.

Светлая сторона: вино не распускает сплетни.

Я беру в рот кусочек сливочного сыра и, переминая мысли, как и еду, спрашиваю:

- Тебя не беспокоит, что люди думают, будто я соблазнила тебя ради твоей магии?

- Мне плевать, что думают остальные.

- Только мужчина может так ответить, - отвечаю я, закатив глаза и откусив еще. - В этом мире женщинам приходится быть более осторожными. Сформировавшаяся вокруг нас репутация может стать вопросом жизни и смерти.

- Это правда, - признает он, смотря, как я делаю еще глоток. - А еще репутация может нести силу.

- Говорит король.

Он наклоняется ближе и почти касается губами моего уха.

- Говорит король женщине-фейри, которая его полностью покорила.

Я облизываю испачканные вином губы.

- Я никого не покоряла.

- Золотая пташка, если бы ты только открыла глаза, то могла бы покорить мир одним взглядом.

- Опасный совет, учитывая случившееся в Рэнхолде.

- В этом все веселье.

Я смеряю его взглядом.

- Кажется, начинаю понимать, что ты такой же ненормальный, как заявлялось в некоторых ореанских слухах.

Его бесовская улыбка становится только шире.

- О, любимая, я еще хуже.

Когда Слейд называет меня любимой, сердце начинает биться быстрее.

- Ты себя недооцениваешь. Ты добрый. По отношению ко мне, к твоему Гневу, к твоему народу.

- Если бы ты знала, о чем я сейчас думаю, то уж точно не стала бы называть меня добряком.

Я краснею и прячу румянец за кружкой, сделав еще один глоток. Пылкость его заявления и взгляд заметно меня воодушевили. Но мой отклик можно связать с вином.

- Так что, Золотце, куда хочешь отправиться после?

На вопрос Лу я резко вскидываюсь.

- О, эмм... - Все выжидающе смотрят на меня. - Не знаю.

- Мы могли бы провести ее мимо водяной мельницы, - предлагает Джадд. - Или, может, в лавку с парфюмом. Многим дамам там нравится. Или в шляпную мастерскую.

Лу закатывает глаза.

- А что, похоже, что она хочет шляпку с оборками?

- Можем сходить на рынок в доках, - вместо этого предлагает Джадд. - Но там будет многолюдно.

Я бросаю вопросительный взгляд на Слейда, доедая сыр и хлеб.

- Очень многолюдно?

- Мы все с тобой, - говорит он мне. - К тому же ты сама сказала, что ты не воровка и не собираешься прятаться. Пусть увидят, что эти слухи ошибочны.

Кивнув, я смотрю на Дигби.

- Что скажешь, Диг?

- Я еду с вами, - без обиняков говорит он и осушает кружку до дна.

- Тогда ладно. Давайте сделаем это.

Слейд встает и протягивает мне руку, и, допив вино, я берусь за нее.

Когда мы выходим из таверны через черный вход, я благодарю Слейда за обед.

- Еда здесь намного вкуснее, чем в Рэнхолде.

Лу за моей спиной издает звук отвращения.

- Им должно быть стыдно за то, что они все обливают сиропом. Соль намного лучше сахара.

- А, так вот почему ты со всеми такая грубая. Даже вкусовые рецепторы у тебя отвергают сахар, - говорит Джадд, когда мы выходим на тропинку. Лу пытается подставить ему подножку, но он ловкий и потому перепрыгивает через появившееся препятствие.

Я вдыхаю свежий воздух. Озеро всего в нескольких шагах отсюда, отделенное деревянным причалом и перилами. Вдоль причала привязано множество маленьких лодок, и они слегка покачиваются на воде.

Слейд подходит к стражникам, ждущим у кареты, и вручает им свертки с едой, которую попросил у Барута для них. Мужчины с благодарностью кивают ему, а я поражаюсь тому, насколько здесь все по-другому.

Мидас никогда бы не стал кормить стражников. Это даже не пришло бы ему в голову. Его бы и волновать не стало, ждали ли они часами в здании или торчали на жутком снегопаде. И все же он приобрел репутацию Золотого царя, а имя Слейда несло только гниль и разрушения.

После того как Слейд помогает мне взобраться на Душечку, мы направляемся к рынку, объезжая таверну и снова спускаясь к оживленной дороге. К счастью, она довольно широкая и на ней вполне помещается наша процессия, да стоящие вдоль дороги кареты с лошадьми. Как и в замке Брэххилл, дороги вымощены черным потертым камнем, а тротуары выложены кирпичом, по которому ходят посетители лавок.

Как и раньше, я стараюсь не падать духом и не натягиваю капюшон. На солнце мои волосы и кожа блестят, потому, когда все устремляют на меня взгляды, становится ясно, что мне никак не скрыться.

Воздух стал тяжелее, а от теплой влажности ладонки у меня потеют даже без перчаток. Но Джадд ведет нас к рынку в доках, и мне в лицо дует свежий ветерок, обдувая прохладой.

Стражники первыми слезают с лошадей, и один из них подходит, чтобы отвести мою лошадь к коновязи[9]. Как только мы все слезаем с лошадей, люди на рынке останавливаются и, обернувшись, смотрят на нас.

Когда они приветствуют своего короля и капитанов, раздаются крики и возгласы, их окликает владелец почти каждой лавки. Покупатели тоже останавливаются и расступаются, когда мы начинаем идти по тропе. Вдоль всего рынка стоят телеги, а некоторые продают товары прямо с покачивающихся на воде лодок.

Джадд и Лу идут к лавке с оружием, а Дигби остается со мной. Слейда окружает толпа, но люди держатся на почтительном расстоянии, а за ними приглядывают стражники.

Я провожу взглядом по лавкам, смотря, что продается на рынке. Шали и одеяла, сапоги и пряжки, украшения и плащи. Многие лавки рассчитаны на рыбаков: здесь можно приобрести весла с причудливой резьбой, усовершенствованные рыболовные сети и опоры высотой со здание. Товаров и вещей так много, что все отметить невозможно, как и невозможно расслышать все голоса разом.

Но один я все-таки слышу. Этот голос будто прорезает толпу стрелой, натянутой на тетиву и нацеленной прямо на меня, и поражает цель со смертоносной точностью.

- Видишь, кто это? Та, золотая? Ты слышал о ней! Она - позолоченный питомец и любимая наложница царя Мидаса. Та, что украла его силу золотого прикосновения и убила его из ревности.

Я устремляю взгляд налево и вижу мужчин, которые жмутся к стене ларька, в котором продают рыбы хвосты. Мужчина средних лет вглядывается в меня карими глазами из-под широких полей коричневой шляпы.

- Позолоченная дама!

Я отрываю взгляд от мужчин и вижу женщину, которая машет мне рукой, показывая на свою телегу, где она продает браслеты.

- Позолоченная дама, у меня есть для вас идеальные браслеты!

Я с улыбкой иду к ее ларьку, но меня неотступно преследуют те мужские голоса.

- Я думал, это просто слухи о том, что она золотая, - говорит другой мужчина, и я слышу характерное пыхтение трубки.

- Нет, мой кузен бывал как-то в Хайбелле. Говорит, что видел ее в окне во время одной из публичных казней. Это точно она.

- Как думаешь, что она здесь делает?

Улыбающаяся хозяйка ларька вытаскивает для меня браслет за браслетом, но я не вижу ни одного из них, слишком увлеченная тем разговором мужчин.

- Мидас ведь умер, - говорит мужчина. - Сдается, она уже успела обзавестись новым королем. Ишь, как быстро вцепилась в другого.

- Чертовы бабы, - презрительно хмыкнув, говорит второй. - Всегда готовы вонзить когти в вещь подороже. Прыгают от одного мужчины к другому. Это все, на что они способны.

- Да. Слышал, что она перерезала ему горло, а потом украла его магию. После этого его золотоносная сила вырвалась из-под контроля, охватила весь Рэнхолд и убила сотню человек в замке, а сама девушка сбежала.

- Вот почему я не доверяю наложницам, - говорит другой, его скрипучий голос перемежается с кашлем. - Им на все начхать - только бы им платили за секс.

Раздаются ехидные смешки.

Я почти подпрыгиваю, когда Слейд кладет мне руку на поясницу.

- Ты что-то хотела?

Моргнув, я сосредотачиваю внимание на разложенных передо мной браслетах, вдруг почувствовав вину за то, что эта дама показывала товар и разговаривала со мной, а я совсем не обращала внимания.

- Нет, - покачав головой, говорю я. - Они красивые, но мне не нужны украшения.

- Миледи, украшения вообще никому не нужны, - говорит женщина. - Но приятно иметь что-то красивое. - Она протягивает простой ободок с черным камнем.

Я провожу пальцами по серебристому металлу.

- Очень красиво.

- Мы его возьмем, - говорит Слейд и протягивает женщине деньги. Ее лицо тут же озаряется светом.

- Видишь? - слышу я снова того мужчину. - Теперь она запустила когти в нашего короля.

- Наверное, трахается как богиня и во время оргазма брызжет золотом.

Снова слышу издевательский смех. Хриплому мужчине наконец удалось побороть судорожный кашель.

Я сжимаю руки в кулаки, и на моих ладонках начинает пениться золото.

Дигби за мной резко выпрямляется и бросается вперед. Я разворачиваюсь и вовремя хватаю его за руку, чувствуя, как золото на моей ладони впитывается в его рукав.

- Не надо, - покачав головой, прошу я.

- Миледи... - выдавливают он сквозь зубы.

- Все нормально.

Он краснеет так, что хотя бы исчезают синяки у него на лице.

- А вот и нет.

- Что-то случилось? - спрашивает Слейд, подходя ко мне с завернутым браслетом, и переводит взгляд с меня на Дигби.

Я опускаю руку и засовываю ее в карман, однако Слейд подмечает на рубашке Дигби отпечаток руки.

- Все в порядке, - говорю я с улыбкой, хотя она, наверное, выглядит неуверенной, потому взгляд Слейда становится более внимательным. Он оглядывается, словно ищет то, что могло меня расстроить.

Но бросив взгляд через плечо, я вижу, что мужчины разбежались, как крысы из сточной канавы. Золото в моей ладони твердеет, как сердитый взгляд.

- На самом деле, - повернувшись, говорю я, - думаю, теперь я бы хотела вернуться в замок.

- Правда? - спрашивает Слейд.

Я киваю, и с мгновение он внимательно на меня смотрит, а потом отходит сообщить об этом остальным. Я оглядываюсь на Дигби, заметив, что лицо у него напряжено, брови нахмурены. В карих глазах тенью повисает разочарование.

- Надо было позволить мне им ответить.

От его ворчливо сказанных слов тяжкий груз, свалившийся мне на грудь, почти спадает.

- Можешь спорить с ними до посинения, но это не приведет ни к чему хорошему. Люди редко меняют мнение, когда с ними спорят. Они склонны прислушиваться только к тем, с кем уже согласны.

- Это неправильно. То, что они о вас говорят.

Я оглядываюсь по сторонам, заметив, что на меня смотрит большинство. Под их настойчивыми взглядами мое тело покрывается зудом, похожим на то, будто по нему царапают своевольные пальцы.

- Или, возможно, они совершенно правы, - говорю я себе под нос.

Дигби устремляет на меня взгляд, но Слейд возвращается прежде, чем он успевает сказать еще что-нибудь.

- Думаю, на обратном пути я хотела бы сесть в карету, если ты не против,
- говорю я.

Слейд резко останавливается и смотрит на меня пристальным взглядом, словно хочет проникнуть в мою душу и найти то, что скрывается в ее глубинах.

- Что случилось?

- Ничего, - снова говорю я, пытаюсь натянуть на лицо фальшивую улыбку.

Он оглядывается через плечо на остальных, которые садятся на своих лошадей.

- Вы езжайте вперед. Мы догоним.

Меня охватывает удивление, но я молчу. Дигби бросает на меня взгляд и идет за Джаддом и Лу к лошадям, а Слейд ведет меня к карете. Вижу, как стражники отвязывают Душечку и жеребца Слейда, привязывая поводья к своим лошадям.

И все это время за мной наблюдают, а в сознание врываются и другие голоса.

- Это позолоченный питомец. Она убила Мидаса. Застала его с другой любовницей и в приступе ревности зарезала.

- Думаешь, на ее коже краска или это действительно золото?

– Как думаешь, сколько стоит прядь ее волос? Наверное, неплохо разгуливать, имея на голове целое состояние?

– В ней нет ничего особенного. Отними у нее золото – и что останется? Брошенная наложница, которая забыла свое место.

– Что она тут делает? Ей одного короля было мало? Она решила заманить и нашего?

– Надеюсь, он раскусит ее и сгноит на месте.

– А что, золотая девка может сгнить?

Я закрываю глаза, чтобы не слышать этих слов. Но слова все равно обрушиваются на меня, как град на окно, желая пробить брешь.

Кучер открывает перед нами дверь, и я первой устраиваюсь на плюшевом сиденье из зеленого бархата. Эта карета больше той, в которой мне приходилось ездить, когда я была всего лишь предполагаемой пленницей войска Четвертого королевства, а еще более продуманная. На деревянных стенах и потолке вырезан тот же узор из концентрических ромбов и кругов.

Когда Слейд тоже залезает в карету, дверь за ним захлопывается, и внутри становится тише и темнее. Кучер занимает свое место, и карета трясется, а потом я слышу, как он резко выкрикивает, и лошади начинают идти вперед.

Слейд садится напротив, широко расставив ноги. Дневной свет едва ли просачивается через прозрачную зеленую ткань штор.

На фоне цокота лошадиных копыт, шума и возбужденных голосов, когда жители замечают на карете королевский герб, громче всего для меня становится голос Слейда.

– А теперь я хочу, чтобы ты рассказала, что случилось на самом деле. И не вздумай лгать, Золотая пташка. Я все равно пойму, если ты мне соврешь.

Глава 49

Аурен

Он смотрит на меня таким пронизывающим взглядом, от которого я еще не научилась изворачиваться. Он проникает в меня, пробивая мои стены и улыбку. Сначала щеки начинают подрагивать, а потом уголки губ опускаются, больше не в силах сдерживать ложь.

- Так-то лучше, - говорит Слейд, когда моя улыбка полностью меркнет. - А теперь признавайся, что случилось.

- Это не важно.

- Прекращай. Мы не лжем друг другу.

Я фыркаю.

- Вполне очевидно, что начало наших отношений было полно лжи.

- Может, в самом начале, до того, как поняли, что можем друг другу доверять, но сейчас мы уже это прошли.

Он тянется вперед и, взяв меня за руку, переворачивает мою ладонь вверх, и только потом я понимаю, что должна была ее спрятать. Когда Слейд замечает золотые пятна, то тут же начинает пристально на меня смотреть.

- Твое золото изливается вместе с твоим гневом. - Большим пальцем он касается липкого металла, высыхающего на моей коже, проводит по каждой линии и впадинке.

- Они говорили обо мне, те мужчины на рынке. Но они, возможно, были правы.

Слейд останавливается, проводит большим пальцем по подушечке прямо под моим указательным пальцем.

- Что они сказали?

Я поднимаю взгляд и отвечаю, глядя ему в лицо, чтобы оценить его реакцию:

- Они сказали, что я скачу от одного короля к другому.

Его хмурые брови чуть приподнимаются, когда он в удивлении смотрит на меня, выжидающе наблюдая.

- Разве не так я и поступала? - возражаю я и убираю руку. - Я сбежала от Закира к Мидасу, а после - к тебе. Я позволяю мужчинам обо мне заботиться. - Я качаю головой, поражаясь тому, как это выглядит со стороны. - Я думала, что изменилась, стараюсь стать независимой, но что, если это не так? Если я снова и снова совершаю те же ошибки?

Он резко отстраняется и прислоняется спиной к резной стене.

- Считаешь наши отношения ошибкой?

Я раздраженно всплескиваю руками, потому что чем больше говорю, тем сильнее расстраиваюсь.

- Нет. Но если я и правда прыгаю от одного короля к другому? Я только что покончила с односторонними отношениями, полными насилия. Наконец-то освободилась от всего этого, могу свободно жить, а такого у меня раньше

никогда не было. Никогда. Может, я зря пыталась сегодня показать свое лицо?

Признаваясь, я тяжело дышу, а Слейд сидит рядом тихо и недвижимо, как безветренный воздух.

– Двадцать лет я подчинялась чужой воле. Но если я просто захочу... уйти? Сбежать от всей этой чертовщины и укрыться в небольшой хижине посреди леса, где никто не сможет меня найти? Если я захочу объездить всю Орею, не задерживаясь долго на одном месте, чтобы не пользоваться оказанным мне гостеприимством? Я могла бы... познать что-то новое. Всколотиться на гору. Заниматься музыкой. Найти работу. Что-нибудь построить. Завести домашнее животное. Могла бы пофлиртовать с кем-нибудь в кабаке. Купаться голышом в море. Танцевать. Найти друга. Поцеловать незнакомца. Может, этого я хочу.

На последних словах я кидаю на Слейда взгляд, готовясь к его реакции.

Долгое время он молчит.

Я раскачиваюсь вместе с каретой, или, может, это эмоции качают меня.

Понятия не имею, как он может сидеть так неподвижно. Особенно когда во мне все бурлит. Особенно когда в голове у меня кружатся слова так быстро, что причиняют мне боль.

– Ну? – требую я ответа. – Ничего не ответишь? – Золото скользит по запястью, выплескиваясь с ладони. – Я сказала, что хочу поцеловать другого. Я схожу с ума от того, что, возможно, вся моя вновь обретенная зависимость даже не является настоящей. Жители называют меня соблазнительной воровкой, прыгающей по королям, а ты просто сидишь и молчишь!

Лицо у меня горит, а грудь сжимает.

Он наклоняется вперед, поставив локти на колени и опершись подбородком на сцепленные руки.

– Хочешь, чтобы я наорал на тебя? Чтобы разозлился?

– Нет... не знаю, – говорю я, чувствуя себя все более неуверенно из-за того, что, черт возьми, вообще несу и что чувствую.

Полностью застав меня врасплох, Слейд внезапно подхватывает меня со скамьи и сагает себе на колени. От удивления я подскакиваю, но он крепко удерживает меня.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, пытаюсь выпутаться из его объятий, и бросаю взгляд на окно. Занавеска хоть и закрывает стекло, но все равно слегка просвечивает.

– Твоя аура сейчас довольно неустойчива, – непринужденно говорит Слейд. Будто совершенно естественно, что я сижу у него на коленях. Будто вообще не существует людей, чьи голоса доносятся с улицы. – Обычно она спокойная, как лучи утреннего солнца, когда оно поднимается над

горизонтом. – Слейд двигает бедрами, и у меня перехватывает дыхание, когда я чувствую, как он напрягается. – Но, когда ты элишься или потрясена, твоя аура начинает прыгать и кружиться, как сверкающая буря, готовая заманить тебя в ловушку и ослепить.

– Ну и что?

На мой резкий ответ Слейд улыбается и сжимает пальцами мою талию. Я вдруг вспоминаю, какая тонкая на мне одежда и как мало между нами ее слоев.

– Хочешь стать независимой? Хочешь прожить жизнь так, как считаешь нужным?

Я вздергиваю подбородок.

– Да. Это проблема?

Его глаза темнеют, как тени, пробивающиеся через травяной покров.

– Наверное, я не ясно выразился. – Он поднимает руку, обхватив мое горло – не для того, чтобы причинить боль или придушить, а чтобы удержать. Чтобы подтянуть к себе.

Слейд наклоняет мою голову влево и опускается.

– Хочешь путешествовать по миру? – шепчет он, отчего кожа покрывается мурашками, и я тянусь к его прикосновениям. – Тогда я буду твоим сопровождающим. – Он прижимается ко мне губами – сначала сомкнутыми, и я едва ощущаю его дыхание. – Хочешь спрятаться? Я построю для нас хижину в самом дальнем лесу, какой ты выберешь.

Слейд открывает рот, и мою шею накрывает его теплое дыхание. Но я чувствую, как это тепло спускается все ниже и ниже, пока не превращается в водоворот страсти, разгорающийся у меня в животе.

Я поднимаю руку и запускаю пальцы в его густые волосы, стиснув черные пряди. С силой тяну за них, отчего он дергает головой и тоже наклоняет ко мне шею. Слейд смотрит на меня с улыбкой, от которой пламя разгорается еще сильнее.

– Кто сказал, что ты приглашен? – бросаю я вызов с чопорным подстрекательством.

Он издает смешок.

Низкий, чувственный смех, который меня погубит. Он вырывается у него из груди, и я выгибаюсь ему навстречу только ради того, чтобы его почувствовать. Так его смех передается мне, и я смогу понежиться в чем-то, совершенно отличном от солнечного света. Внутренний жар, возникший от этих мыслей, согревает меня.

– О, Золотая пташка.

О, Золотая пташка.

Пальчики на ногах поджимаются. Я поворачиваю голову настолько, насколько позволяет его хватка.

- Ты не обращала внимания. Совсем.

Я втягиваю воздух от его слов и от того, как он прикусывает кожу под моим ухом. Глаза закрываются, а дыхание учащается от прикосновения его зубов и горячего языка.

Он кусает сильнее, чем я того ожидала, но не прокусывает кожу, хотя я открываю глаза. Колеса кареты стучат по ухабистой дороге, и при легком повороте мы немного смещаемся на сиденье. Голоса людей просто звучат на фоне какофонией.

Слейд сжимает пальцы, большим приподняв мой подбородок, и отстраняется, чтобы посмотреть на меня, а затем смещает руку и обхватывает ею мою шею сзади.

- Между нами не будет легкомысленного развлечения. Не будет временной связи, - вкрадчиво шепчет он, повторив мне свои предыдущие слова. - Я получу твою душу.

Прижимается к моей щеке поцелуем.

- Твой разум.

Другим поцелуем - к моему лбу.

- Твое тело.

Он слегка отклоняет меня назад, вынуждая выгнуться, и я откидываю голову ему на руку, когда Слейд третьим поцелуем прикладывается к моей груди. Он смыкает губы вокруг пуговицы под ключицей.

Не знаю, как ему удастся, но Слейд вытаскивает пуговицу из прорези, и ткань распаивается всего на дюйм. Он совсем чуть-чуть обнажает мою кожу, но тело уже покалывает так, словно Слейд только что раздел меня догола.

- Я получу твоё прошлое.

Еще одна пуговица.

- Твое настоящее.

Еще один дюйм.

Теперь, когда расстегнуты три пуговицы, я задыхаюсь. Мою грудь прикрывает только тончайшая повязка, отделанная черным изящным кружевом.

- Твое будущее.

Он передвигает руку с моей шеи на спину и заставляет меня выгнуться еще сильнее. Его внушительный член прижимается к моей заднице.

- Разве не это ты мне обещала, Золотая пташка?

Я опираюсь на его руку всей верхней частью тела, согнув колени и обхватывая его бедрами. Чувствую на груди обжигающее дыхание, когда он подцепляет зубами ткань. От этого движения я вот-вот воспламенюсь.

Я молчу, слишком поглощенная действиями Слейда, и упиваюсь страстным желанием, когда он покусывает мою грудь, отчего я подпрыгиваю. Слейд удерживает меня на коленях – на своем каменном члене, – крепко обхватив талию.

- Я прав? – вопрошает он.

- Да.

Он ласкает кожу, которую прикусил, поцелуем и снова наклоняется.

- Так-то лучше, – говорит Слейд. – А теперь протяни руку вверх.

- Что?

Он кивает наверх.

- Видишь ту деревянную петлю? Это молоточек для кучера, но я хочу, чтобы ты за него ухватилась.

Я перевожу взгляд на потолок, на подвешенный на петлях обод.

- Слейд...

- Ну же.

От его распоряжений внутри у меня что-то сжимается, и я с трудом глотаю ком.

- Какой ты властный.

- Я же король, – напоминает он.

Протянув руку, я нащупываю деревянную петлю и, обвив ее пальцами, тяну вниз. С поднятыми руками почему-то чувствую себя более незащищенной, более уязвимой.

Более возбужденной.

- Теперь счастлив? – дерзко парирую я.

Слейд не отвечает. Он тянется пальцами к оставшимся пуговицам на моей рубашке и протягивает их через прорези.

- Что ты делаешь?

Люди на улице болтают так громко, что разобрать невозможно. А Слейд и вовсе молчит.

И его молчание отчего-то кажется громче.

Обеими руками, теплыми и мозолистыми, он распахивает полы моей рубашки, будто открывая страницы книги. Опускает ткань, обнажая живот и грудь, тяжело дышащую под повязкой.

Кожу покалывает, я всем телом напрягаюсь в ожидании его следующего действия. Но я не ожидала, что он опустит руки к завязкам на моих брюках. Потянет за ниточку и распустит их.

Я опускаю руку и обхватываю его своенравное запястье указательным и безымянным пальцами.

- Что ты делаешь?

Он замирает, приподняв черную бровь.

- Я разрешал отпустить петлю?

У меня замирает сердце.

- Слейд...

Другой рукой он шлепает меня по заднице - да так быстро и резко, что я вздрагиваю

- Эй!

- Я хочу, чтобы ты подняла руки и взялась за петлю.

Я не знаю, что это обо мне говорит, но когда Слейд смотрит на меня таким жадным взглядом, когда произносит рокошущим голосом чувственные приказы, я поддаюсь. Киплю. Горю.

Я поднимаю руку и берусь за петлю, прогнувшись в груди и наклонившись к нему.

Он удовлетворенно кивает.

- Итак, на чем мы остановились...

Он ведет рукой вниз, к поясу моих брюк, и проскальзывает кончиками пальцев, отчего кожа на животе покрывается мурашками.

- Захочешь вскарабкаться на гору - я буду рядом, чтобы убедиться, что ты не упадешь, - продолжает он, коснувшись моих трусиков.

- Хочешь что-нибудь построить? Я передам тебе инструменты.

У меня кружится голова, нервы на пределе, а когда Слейд прижимает ко мне руку, когда я понимаю, что он почувствовал скопившуюся там влагу, меня начинает трясти.

– Ммм, какая ты влажная для меня, Золотая пташка.

Я не могу сдержать прерывистое «да». Двигаю бедрами, побуждая его коснуться меня там, где я уже изнываю.

Он отвечает на мой безмолвный призыв. Подносит пальцы к моему клитору, потирает и кружит, и с моих губ срывается стон. Я еще сильнее цепляюсь за петлю, пытаюсь устоять и приподнять бедра навстречу его прикосновениям.

– Хочешь пофлиртовать в пабе? – спрашивает Слейд, прижавшись губами к моей груди, к тонкой полоске прямо над затвердевшим соском. Он обхватывает его губами, намочив ткань языком, и пальцем проскальзывает под край трусиков.

Вырвавшийся из моего горла стон отдается эхом в этом замкнутом пространстве.

– Можешь флиртовать и играть сколько угодно, – вкрадчиво шепчет Слейд, облизнув другой мой сосок и окутав его таким же влажным теплом. – Можешь заставлять мужчин и женщин желать, воцелеть тебя, и я буду воцелеть вместе с ними.

Сердце гулко бьется в груди, отчего я не могу перевести дыхание. Слейд начинает вводить в меня палец. Сгибает его. Ласкает большим пальцем клитор. Заставляя меня изнывать от желания.

– Слейд...

Другой рукой он обхватывает мое лицо и тянет на себя, чтобы поцеловать, на что я с готовностью откликаюсь. Он резко кусает меня за губы и ласкающе проводит по этому месту языком, прижимаясь ко мне мягкими губами.

Идеальный танец.

– Хочешь друга? Я буду очень дружелюбным по отношению к тебе до конца наших дней.

Он смотрит на меня, проводя большим пальцем по моей нижней губе, а другим еще сильнее прижимаясь к моему клитору, заставляя меня извиваться.

– Великие боги...

Слейд берет меня за подбородок и поворачивает к себе щекой.

– Хочешь поцеловать незнакомца? – добавляет он, и его дыхание ласкает меня темной дымкой. – Вперед. – Он еще сильнее прижимает палец к моему лону, вводя второй палец. Большим пальцем двигает быстрее. Так упоительно.

Я не могу думать, а могу лишь слышать его. Чувствовать его. Его слова и его прикосновения, и все во мне хочет вспыхнуть и лопнуть.

- Если тебе нужно целоваться, трахаться и играть, чтобы почувствовать себя свободной, тогда так и делай.

Я выгибаюсь еще сильнее, тело умоляет, ищет... а голова кружится от его слов. Он касается ртом моего уха, держа рукой за талию, а другой создает трение, от которого я начинаю воспламеняться.

- Но помни, Аурен. Свое тело, свое наслаждение - ты подарила их мне. Потому я буду рядом, куда бы ты ни решила отправиться. В паб. В море. В постель. Я буду с тобой. Буду смотреть на тебя. Ты моя, а я твой, и какого бы удовольствия ты ни искала, я буду рядом. Буду наблюдать за тем, как ты его получаешь, и потом сделаю в десять раз приятнее, потому что ты моя, а мне важно, чтобы ты получила то, что тебе нужно.

Его слова. Его пошлые, восхитительные слова.

Они - бальзам против бурных сомнений, покрывающий меня соблазнительным согласием.

- Слейд...

- Кончи для меня, Золотая пташка.

И я кончаю. Мое тело пронзает такое жаркое удовольствие, что кажется, будто меня окунули в ледяную воду. Я выгибаюсь другой и вскрикиваю от удовольствия, которое доставляют его прикосновения, его слова.

Я вспыхиваю, когда на меня накатывает ослепительное наслаждение, и с головы до ног меня пронзает дрожь.

Туман блаженства, застилающий глаза, развеивается через несколько секунд. Болит все мое тело, как обугленная земля, в которую только что ударила молния, и я почти обмякаю в объятиях Слейда.

Но он смеется.

А мне знаком этот смех.

- Не расслабляйся. Мы только начали.

Глава 50

Аурен

Мое удовольствие медленно сходит на нет, и через секунду я осмысливаю его слова. В глазах Слейда мелькает озорной огонек, от которого у меня сводит живот.

Вынув руки из петли, я ерзаю у него на коленях.

- Что?

- Мы вели очень серьезный разговор и пока не совсем его кончили.

- Правда? Потому что я-то точно кончила, - ухмыльнувшись, говорю я.

На его красивом лице расплывается улыбка, а на шее покачиваются темные линии.

- К тому же, может, я хочу поцеловать одного из тех незнакомцев, о которых мы говорили, - подначиваю я.

Чертовски меня удивив, Слейд протягивает руку и отодвигает уголок занавески.

- Выбирай.

Я тут же оказываюсь прижатой к его груди и, вытаращив глаза, смотрю через приоткрытое окно на людей, мимо которых мы проезжаем по улице.

- Слейд, - шиплю я.

- Не волнуйся, им тебя не видно. Только если ты сама этого захочешь.

Наверное, есть во мне что-то порочное, потому что в жилах закипает кровь.

Слейд заправляет нижний угол занавески в оконную раму, и она остается отогнутой на дюйм.

- Я трахну тебя в этой карете, Золотая пташка.

Прижав руки к его плечам, я чувствую, как мое тело охватывает дрожь.

- Но на улице люди, - говорю я, даже сейчас часто дыша, и поворачиваюсь, смотря через занавеску. - Зря я вообще позволила тебе то, что ты уже сделал. А если кто-нибудь увидит? Услышит?

- Да, и что тогда?

Я и не подозревала, что он может вести себя еще более постыдно, чем до этого, но Слейд ничего не делает наполовину. А когда вопрос касается витающей между нами страсти, Слейд всегда раздувает ее пламя еще сильнее. Он застает меня врасплох, лишая разума нахлынувшим вожделением и заставляя жадно приникать к нему.

- Мы в самой оживленной части города. На улицах полным-полно людей. И все же ты сидела у меня на коленях и извивалась, пока я ласкал твое влажное лоно.

Я касаюсь руками его твердых мускулов.

- Слейд.

Он вжимается в меня, касаясь чувствительного местечка твердым членом, и я вздрагиваю. От одной только мысли, как он погружается в меня, когда нас отделяет от толпы людей всего лишь тонкая стена кареты, у меня учащается пульс. Даже сейчас я слышу неразборчивые крики и речь, стук копыт и скрип; слышу, как хлопают дверьми и ходят десятки людей, шаркая ногами.

От этого мое сердце пускается вскачь.

Слейд ухмыляется, словно читая мои мысли.

- Если хочешь что-то испытать, то давай так и сделаем. Для начала давай посмотрим, возбудишься ли ты еще сильнее, если мы займемся этим почти на людях.

Он снова прижимается ко мне, вынудив громко выдохнуть.

- А если захочешь испытать это с другим, тогда скажи одно только слово, и я отведу тебя в ближайший бордель, и ты сможешь выбрать сама.

Он сжимает пальцами мою талию, раскачивая на своем члене. Снова. И снова. И снова. Неважно, что я только что испытала оргазм, потому что от того, как Слейд ласкает мое тело и медленно пробуждает во мне похоть, снова становится жарко, а между ног - влажно.

Мое лицо словно парит над дымящейся чашей, оставляя с румяным блеском.

- Как ты можешь с такой легкостью это говорить? - спрашиваю я срывающимся голосом.

- Нам нечего стыдиться. Особенно в постели.

В доказательство он разворачивает меня, и я прижимаюсь ягодицами к его паху. Он широко раздвигает свои бедра, а заодно и мои. Пояс на моих штанах распахнут и свисает на бедрах, как разорванный конверт с приглашением.

- Фейри - существа развратные. Чувственные. - Он опускает руки, с легкостью вернувшись на прежнее место. Он скользит четырьмя пальцами по моему лобку, надавливая и разжигая медленно тлеющее пламя. - Твои желания не поддаются контролю, их нельзя сдержать. Меня не пугает твое любопытство, потому что оно естественно - а еще потому, что тебя слишком долго сдерживали. Я не стану подрезать тебе крылья, Золотая пташка.

Меня опутывают его порочные слова, и я откидываюсь назад, прижавшись к его груди и дыша с ним в унисон, но продолжаю смотреть в окно на ходящих

мимо людей. От того, что на улице столько народа, пока Слейд ласкает мое тело, это действие становится гораздо соблазнительнее.

Слейд проводит рукой по моей щеке, и мы смотрим друг другу в глаза.

– Когда я говорю, что ты моя, я не пытаюсь подло привязать тебе к себе. Я не смотрю на тебя как на игрушку, которую буду скрывать от остальных.

Я понимаю лишь слово «моя».

– Что именно ты хочешь сказать? – спрашиваю я, прерывисто дыша.

– Я говорю, что ты моя, и я могу сделать тебе приятно. Доставить удовольствие. – Подтверждая свои намерения, он двигает рукой, прижимая ладонь к моему клитору, и из глаз у меня почти сыплются искры. – Ты моя, и я должен тебя защищать. Обожать. Слышать. Видеть. Пробовать с тобой новое. Любить.

К горлу подкатывает комок.

– Ты моя, Аурен. И принадлежишь мне так же безраздельно, как я принадлежу тебе. Если ты чего-то жаждешь, если хочешь опробовать свободу, тогда ты ее опробуешь, а я буду рядом с тобой. Буду смотреть, как ты удовлетворишь свои желания. А потом я удовлетворю тебя.

Я поворачиваюсь к нему лицом, чтобы лучше разглядеть его резко очерченный подбородок, искренность в его глазах.

– Ты правда отправишься со мной куда угодно и пойдешь ради меня на все? Даже отойдешь в сторону, если я захочу поцеловать другого?

– Не заблуждайся. Я буду с жадностью наблюдать за тобой и упиваться твоим возбуждением. Но после того, как ты его утолишь, я подойду к тебе и вгоню член в твоё влагалище, стирая с твоей кожи следы других мужчин. Снова и снова. Пока ты не вспомнишь, что меня ты жаждешь сильнее остальных. Что я всегда дам тебе то, в чем ты нуждаешься. Пока снова не вспомнишь, что ты моя.

Великие боги.

– Так что теперь, Золотая пташка? – мурлычет Слейд мне на ухо. – Что ты выберешь?

Такие невинные слова. И такой порочный смысл.

Грудь сжимается от резких вдохов, по телу пробегают миллионы мурашек. Голова кружится от мыслей.

Что ты выберешь?

Я медленно привстаю на его коленях и поворачиваюсь. И встаю на колени в луче солнца, падающем из этого приоткрытого окна. Встаю на тесном полу между его раздвинутыми бедрами.

И, смотря Слейду в глаза, произношу самую настоящую правду:

- Я выбираю тебя.

В его глазах вспыхивает огонь. Слейд сжимает руки по бокам в кулаки, словно только так может удержаться от того, чтобы не подхватить меня. Потому что он прекрасно понимает, о чем я говорю. И, судя по его напряженному лицу, он знает, что я говорю всерьез.

Это всегда будет он.

Разместившись между его ног, я развязываю шнуровку на его брюках, вытаскивая ее из петель. Смотрю на него и тяну за веревку, когда Слейд прожигает меня взглядом. Он приподнимает бедра ровно настолько, чтобы я спустила брюки, ровно настолько, чтобы увидела краешек темных волос.

Когда я поднимаю на него взгляд, он кивает.

- Продолжай, Золотая пташка. Обхвати мой член и заяви права на то, что принадлежит тебе.

От его слов меня охватывает восторг, и потому я протягиваю руку и дергаю его за ширинку. Нырью под ткань и, взявшись за член, вытаскиваю.

Он стонет. Слегка приподнимает бедра в самой сексуальной позе, которую я видела в жизни.

Не сводя с него взора, сжимаю его достоинство, медленно водя по нему кулаком. Один раз. Второй. Третий.

- Если тебя не пугает все, чем я поделилась, если ты поддерживаешь любые мои решения и желания... вынуждена признать, это очень заводит, - признаюсь я.

- Да? - спрашивает Слейд и, наклонившись, берет меня за подбородок. - Покажи.

Меня пронзает новое удовольствие, воспламенив все мое тело. Когда Слейд демонстрирует мне это доминирующее желание, оно перекидывается на меня, как лесной пожар, и я хочу только одного - гореть.

И хочу, чтобы Слейд горел вместе со мной.

Я опускаю голову, провожу языком по капельке, выступившей на кончике. Я возбуждаюсь от его мускусного вкуса и, кружа языком вокруг головки, дразню Слейда. Облизываю его. Смачиваю слюной. Провоцирую до тех пор, пока член не дергается у меня в руке.

- Ммм, хочешь поиграть?

В ответ, а может, просто чтобы застать его врасплох, я приоткрываю рот и втягиваю головку его члена. Выдыхаю сквозь стиснутые зубы и пытаюсь спуститься ниже, пытаюсь принять его как можно глубже.

Но член у него крупный. Длинный. И невероятно твердый. Челюсть ноет, но, двигая ртом вверх-вниз, немного привыкаю и стараюсь вобрать чуть больше.

- Какой у тебя совершенно бесстыдный ротик, - говорит он и берет в руку мою косу. Дай-ка взгляну, - говорит он. - Открой рот. Высунь язык.

Я отстраняюсь и приоткрываю губы, выполняя его просьбу, как можно сильнее высовывая язык. Он кладет руку поверх моей, лежащей на основании его члена.

- Да. Взгляни на это, - говорит он, постучав головкой по моему языку. - Шаловливый язычок. Непристойно пухлые губы. И ты, с готовностью вставшая на колени между моих ног, не сводишь глаз с моего члена. Идеальная в своей порочности девчонка.

Внизу живота появляется трепет от его слов, и меня охватывает невероятное вожделение.

Слейд ослабляет хватку и не мешает мне сжимать его член.

- Я хочу, чтобы ты похлопала меня по бедру, если будет слишком, хорошо?

- Слишком не будет, - быстро говорю я.

Он ухмыляется.

- Не искушай меня. Пока мы едем в карете, лучше не выходить за рамки дозволенного тобой.

Я глотаю подступивший к горлу ком, задаваясь вопросом, о каком дозволенном он говорит.

Но я не успеваю спросить, потому как он сильнее зарывается пальцами в моих волосах и наклоняет мою голову вниз. Я с радостью поддаюсь и снова вбираю его в рот. Но теперь он направляет меня рукой, положив ее на голову.

Сначала он двигается медленно.

Позволяет привыкнуть к его объемам, довольствуется тем, что я облизываю и кружу языком снизу, а потом поднимаюсь и опускаюсь, продолжая рукой сжимать основание.

Но когда я поднимаюсь, слишком долго задержавшись на головке, Слейд снова толкает меня вниз.

- Теперь глубже, Аурен.

Я расслабляю челюсть. Беру его в рот. А Слейд вводит член все глубже и глубже, пока я не начинаю давиться. Пару секунд он держит меня, хотя, возможно, тем самым проверяет, но я не хлопаю его по бедру. Я хочу доставить ему удовольствие. Может, я и стою на коленях, но управляю сейчас всем я. Вот где настоящая сила.

Он сильно оттягивает мою голову назад, позволяет глотнуть немного воздуха, а потом снова засовывает член мне в рот.

- Расслабь горло, детка, - хрипло шепчет Слейд. - Дай прочувствовать, как ты меня принимаешь.

Я преодолеваю желание тела подавить рвотный позыв или задохнуться, горло сжимается, пытаюсь сглотнуть, как у человека, умирающего от жажды.

И тут карета внезапно накреняется, и я подпрыгиваю, а потом жестко, быстро и грубо опускаюсь, и член касается задней стенки горла.

- Черт, - шипит Слейд. Свободной рукой он тянется к моей шее и нежно, с благоговением надавливает большим пальцем. - Я чувствую себя здесь, черт, прямо здесь.

Я снова сглатываю, к глазам подступают слезы и стекают по щекам, а дышать становится трудно от прерывистого дыхания.

Слейд снова ведет меня наверх, и я выравниваю дыхание, но теперь не жду, когда он будет медленно меня вести. Нет, я пылко опускаюсь ртом на его член, посасывая и двигаясь так быстро, что у него вырывается злобный рык, а сам Слейд до боли стискивает пальцами мою голову.

И вот тогда я даю себе волю.

Сжав кулак вокруг основания, я выпускаю золото на волю.

Оно вытекает устилающим жаром, жаждущим наслаждений жидким металлом, которым я покрываю его член, скольжу вокруг него, покрывая скользким блеском, отчего Слейд дергается на скамье.

- Черт...

Золото просачивается наружу и покрывает его, как масло, пока Слейд практически не отрывает меня от пола. Я наклоняюсь над ним, любясь диким, свирепым взглядом - тем, как его глаза из зеленых становятся черными.

- Очень порочно ты воспользовалась своей силой, - говорит он, срывая с меня брюки, и они повисают на лодыжках. Слейд хватается меня за руку, еще влажную от золота, и крепко прижимает ее к моему влагалищу, отчего я охаю.

Поскольку там уже скопилась влага, жидкость на моей ладони делает меня такой скользкой, что я чуть не падаю на скамейку.

- Вот и все, - проникновенно говорит Слейд. - Теперь садись на мой член. Хочу, чтобы ты села лицом к окну. Хочу, чтобы ты в него смотрела. Хочу, чтобы ты видела тех людей на улице, пока я буду тебя трахать. Заявлять на тебя права.

С моих губ срывается стон, и я разворачиваюсь. Слейд хватается мое дрожащее тело и опускает на себя. Мучительно-медленно. Головка его члена

проникает в меня, растягивает, входя дюйм за дюймом. Он опускает меня все ниже и ниже, но так медленно, что я чувствую каждую его частичку.

Он широко раздвигает мои колени, а затем резко опускает на себя полностью, и я открываю рот, издав удивленный возглас, эхом отразившийся от стен.

- Богиня...

Слейд прижимается губами к моей шее, надавливает, дышит, облизывает. Одной рукой он обхватывает мою грудь, проникает под ткань и крутит сосок, разминая мою разгоряченную плоть.

- Трахни меня, Аурен. Скачи на моем члене.

Я упираюсь руками в его колени и приподнимаюсь вверх-вниз - сначала неуверенно и немного неуклюже. Но потом Слейд крепко держит меня за талию и помогает попасть в ритм. Я наклоняю бедра так, чтобы он коснулся того самого местечка во мне.

У меня вырывается первый стон.

Я резко перевожу взгляд на окно. На эту пробивающуюся полоску света, к движущимся телам. Головы, ноги, лавки, витрины.

Они могут увидеть. Услышать. Могут увидеть, как я трахаюсь с их королем, могут услышать, как он стонет мое имя, когда я заявляю на него права за этими стенами толщиной с бумагу. Все слухи, все обвинения в том, что я соблазнила его ради его магии, сейчас кажутся почти смехотворными.

Потому что это он искусно меня соблазнил.

- Ты смотришь, детка? - шепчет Слейд. - Смотришь на людей за окном, пока трахаешь меня? Пока мы занимаемся этими непристойностями у всех на виду? - Он вонзается в меня снизу, и, клянусь, по моему телу молнией проносится удовольствие.

Я стону. Слишком громко.

- Слейд...

- Тише, Золотая пташка, - говорит он и накрывает мой рот рукой. Я прогибаюсь в спине и прикусываю его палец.

Мне нужно. Мне нужно это удовольствие так сильно, что я сама скольжу на нем, внимательно наблюдая. Я двигаюсь быстрее, опускаюсь сильнее, стремительно поднимаясь на пик, который оказывается все выше и выше.

- Не шуми, - вкрадчиво произносит он, хотя в его словах слышится вызов. Словно он хочет, чтобы я кричала.

И наверное, так и есть, потому что Слейд опускает другую руку на мой клитор и начинает поглаживать его в ритм наших тел.

Мы делаем это громко.

Слишком громко.

Он ударяется головой о стену за его спиной. Мои стоны звучат еще громче. В тесной карете звучат шлепки кожи о кожу, но мне все равно.

Мне все равно, что нас увидят или услышат.

На самом деле мне нравятся эти острые ощущение. Эти «что, если». Вульгарность этого дикого секса. Что эта порочная тайна может быть обнародована.

– Я чувствую, как сжимается твоя киска, – шепчет Слейд. – Хочешь кончить, детка?

Я бормочу ответ ему в ладонь:

– Да...

Этот ответ – мольба.

– Я хочу, чтобы твоя влага стекала по моему члену. Хочу, чтобы ты сжала мышцами меня так сильно, что я кончу вместе с тобой. Хочу брать тебя, пока не потечет моя сперма и твое золото из этого горячего... – Толчок. – Узкого. – Толчок. – Влагалища. – Толчок.

Неудержимой волной меня накрывает удовольствие.

Слейд с такой силой вскидывает бедра, что я чувствую его член глубоко внутри и воспаляюсь от истинного блаженства. От оргазма я трясусь всем телом и кричу ему в ладонь.

Я чувствую, как он порывисто вонзается в меня, а слышу невозможно чувственный стон, когда Слейд изливается в меня, выполнив свое обещание.

Совершенство.

Чистое совершенство в его порочном обольщении.

Когда оргазм сходит на нет, я прижимаюсь к груди Слейда, а он держит меня у себя на коленях, и мы оба прерывисто дышим.

И тут я понимаю, что те мужчины на рынке не ошиблись.

Я действительно прыгала от одного короля к другому – от одного мужчины к другому.

Но в чем разница?

На сей раз я сделала правильный выбор.

Аурен

По возвращении в Брэкхилл мы узнаем, что остальные уже вернулись, поскольку Слейд, по-видимому, попросил кучера поехать более длинным путем.

Он не впервые проделывает со мной такое. Когда мы отправились в Пятое королевство, Слейд точно так же выбрал путь длиннее.

Светлая сторона: сейчас я не должна объяснять свой неряшливый вид. Да даже если бы причесалась пальцами или попыталась вести себя как можно естественнее, все равно бы это не привело меня в порядок.

Я помылась, хорошенько отмокнув в теплой ванне, и вышла, благоухая жасмином и медовыми сотами. После Слейд усадил меня перед креслом у окна и мягкими, томными движениями расчесал мои волосы.

От этого мне захотелось свернуться калачиком и замурлыкать.

Теперь, заплетя простую косу и распустив несколько прядей вокруг лица, я решаю надеть одно из тех платьев, что мы купили в городе. Возможно, оно сшито не совсем по моему размеру, но оно подходит, а цвет напоминает мне о грозных тучах.

Слейд широкими шагами выходит из гардероба, застегивая пуговицу на запястье. Он как обычно одет в черную рубашку с длинными руками, но в плечевые швы вдеты толстые коричневые нитки, а спереди ее украшают остроконечные медные пуговицы. Рубашка заправлена в черные брюки, которые очень красиво облегают его бедра. В сапогах и формальном камзоле он выглядит грозным и сексуальным, а его волосы еще слегка влажные.

Он обводит мою фигуру взглядом и снова подходит, обняв меня за талию и притянув к себе. Слейд прижимается губами к моей макушке.

- Ты очень красива.

- Ты тоже, - говорю я, когда он отстраняется.

Порывшись в кармане, он достает изящный браслет, который купил на рынке, и надевает его мне на запястье.

- Тебе стоит как можно скорее его позолотить, - говорит он.

- Почему? - с любопытством спрашиваю я, проводя пальцем по темному драгоценному камню.

- Ночью ты не можешь создать новое золото, но еще можешь его призвать. Я хочу, чтобы у тебя всегда было что-нибудь при себе, чтобы ты смогла себя защитить.

Я улыбаюсь.

- Разумно.

Он наматывает на палец прядь моих волос, а затем нежно дергает за нее, пристально на меня глядя.

- Готова к ужину?

Я переплетаю пальцы в замок. Не совсем готова, но мы со Слейдом подробно обсудили, как будем вести себя с Ману, когда он поднимет определенную тему. И все же я на иголках оттого, что знаю, чего они хотят.

Вместо того, чтобы озвучить свои опасения, я говорю:

- Я очень часто была в тени непременным атрибутом во время политических переговоров.

- Но сейчас ты не будешь непременным атрибутом и не будешь сидеть в тени. Ты будешь со мной.

Это и пугает меня и вместе с тем вдохновляет.

- Как думаешь, что скажет Ману?

Слейд пожимает плечами.

- Он советник своей сестры. Все, что он скажет сегодня вечером, будет исходить из его политических стремлений укрепить позиции Кайлы. Интересно посмотреть, на чьей стороне они решат сыграть.

- Они вызывают меня на Слияние. Я бы сказала, что их интерес заключается в том, что они меня ненавидят.

- Ненависть не имеет к этому никакого отношения, - отвечает Слейд. - Когда дело доходит до игр монархов этого мира - включая меня, - речь идет о стратегии. Здесь не замешаны чувства, речь идет только о власти. Как ее получить, как удержать, как достичь большего. И самое главное - как сделать так, чтобы у других не было больше власти, чем у них.

- Например, слухи о том, что я украли магию у Мидаса, - задумчиво произношу я.

- Именно.

- Эти политические интриги утомительны.

- Иногда да, - говорит он. - Но защитить Дэдвелл я мог, лишь став королем, а захватить Пятое королевство тогда было невозможно. К тому же я ненавижу холод.

Я хмыкаю.

- Пойдем? - спрашивает он, протягивая руку.

Я беру с изножья кровати новые перчатки длиной до локтя и натягиваю их, а потом беру Слейда руку.

Мы выходим из его покоев и начинаем спускаться на первый этаж. Я веду свободной рукой по изогнутым перилам и бесшумно ступаю по плитке в туфлях на плоской подошве. Мы направляемся в заднюю часть замка, и пространство сужается, превратившись в коридор. Половина стен обита панелями из темного дерева, каждая вырезана в виде идеально симметричного квадрата и оклеена сверху обоями с листьями.

Слейд ведет меня мимо железной стены слева, металл которой стал искривленным деревом, а его корни тянутся вниз, словно исчезая в этих деревянных панелях.

- Сир. - Стоящий на дозоре у двери стражник кивает Слейду, когда мы подходим к нему.

- Посол из Третьего королевства уже спустился?

Стражник качает головой.

- Пока нет, Ваше Величество. Он еще в своих покоях.

- Хорошо.

Перед нами проворно распахивают дверь, и я вижу в обеденной зале такие же деревянные панели, хотя обои здесь темно-зеленого цвета, обрамленные высокими остrokонечными окнами. Я сразу же устремляю взгляд на деревянную люстру, висящую посреди комнаты. Шириной она не менее десяти футов и кажется, будто у дерева срезали крону и перевернули ту вверх тормашками. Древесина гладкая, давно лишившаяся листьев и коры и оставившая лишь ствол с кольцами и сучками. С ветвей разной длины свисают маленькие фонарики не больше моей ладони. Их не меньше четырех дюжин, и они отбрасывают на стол теплый свет.

За обеденным столом сидят три человека, и на наше появление они замолкают. Однако, подняв головы и увидев, кто вошел в залу, они отодвигают стулья и расплываются в улыбках.

- Ты вернулся, - приветствует Слейда низкий голос.

Слейд ухмыляется, когда нам навстречу встает мужчина. У него темно-коричневая кожа и яркие глаза цвета сепии, в уголках которых появляются морщинки, когда он улыбается. В его коротко стриженных волосах виднеются серебристые пряди, а одет он в точно такой же наряд, что и Слейд.

- Рад тебя видеть, Уоркен.

Мужчина хлопает Слейда по плечу.

- И я тебя. Мы уже было подумали, что ты наконец-то решил смыться и навсегда повесить свою корону.

- Не искушай меня, - улыбнувшись, отвечает Слейд. - Вы все прекрасно знаете, что справитесь с этой работой гораздо лучше меня.

- В политике - да, но твоя гниль очень действенна в своей угрозе, - говорит женский голос.

К нему подходит женщина, сидевшая рядом с Уоркеном. Рубиново-красное платье облегает ее фигуру и шуршит у ног, а свет красиво переливается на ее смуглом лице. На плечи ей ниспадают завитки волос, в которых смешались серебристый и черный цвета.

- Мы слышали, что ты решил улизнуть в город, даже не поздоровавшись, - ласково упрекает она и обнимает Слейда.

- Хотел еще немного потянуть время, - отвечает он.

К нам подходит и третий человек, но эта женщина намного моложе, и лицом она точно напоминает пожилую женщину. Я разглядываю ее идеально гладкое лицо, покрытое бронзовым румянцем. У нее пышная фигура, а еще в ней чувствуется та же теплота, что и в первой женщине.

- Давно пора, - подтрунивает она и с интересом смотрит на меня темно-карими глазами.

Слейд поворачивается ко мне.

- Друзья, это Аурен, как я уже рассказывал вам в своих письмах. Аурен, это Уоркен и Исали Стрея и их дочь Барли. Уоркен и Исали - мои министры. Пока меня нет, они всегда управляют королевством. Они единственные хранители Четвертого королевства и разбираются с его делами в мое отсутствие... и в моем присутствии, - добавляет он с ухмылкой. - Они гораздо лучшие правители, чем я. Может, я и занимаю трон, но всю тяжелую и нудную работу выполняют они.

- Только потому, что он это ненавидит, - хохотнув, говорит Уоркен. - Он плохо разбирается в политике, поэтому на помощь приходим мы.

Слейд пожимает плечами, нисколько этого не отрицая.

- Очень приятно со всеми вами познакомиться, - говорю я им с улыбкой.

- Великие боги, ты еще прекраснее, чем он описывал, - говорит Исали, пожилая женщина, и подходит ко мне. Лучезарно улыбнувшись, она нежно сжимает мои руки.

- Описывал? - спрашиваю я, бросив взгляд на Слейда.

- Он сказал, что золотой стал его новым любимым цветом, - улыбаясь, говорит она. - Могу понять почему.

Я вспыхиваю.

– Какой приятный переход от коричневого цвета гнили и зеленого с плесенью, – острит Барли.

Я прыскаю, а потом Исали подводит меня к Уоркену, чтобы тот взял за руку.

– Если этот тебе надоест, у нас есть двое сыновей, – с озорным блеском в глазах говорит он.

– Отец, – закатив глаза, говорит Барли. – Перестань при каждом новом знакомстве женить моих братьев.

Уоркен вздыхает.

– Я скорее в могилу слягу, чем у кого-нибудь из вас появятся дети.

– Тебе всего пятьдесят. Ты еще вполне молод, – парирует она. – Кроме того, Дис чаще проводит время в обществе мужчин и всегда занят на пивоварне.

Я округляю глаза.

– Погодите... – Я смотрю на них и вспоминаю.

«Моей семье в Четвертом королевстве принадлежит пивоварня. Но я легко отделался. Моего старшего брата вообще зовут Дистилл. Вот не свезло. Но мы оба завидуем нашей сестре, Барли. У нее-то самое красивое имя».

– Вы – родные Кега! – взволнованно выпаливаю я. Теперь, когда до меня дошло, я замечаю семейное сходство, хотя Кег больше похож на отца – особенно глазами.

– Ты знакома с нашим сыном? – с нежностью в голосе спрашивает Исали.

– Когда я спросила, как его зовут, он ответил, что вы владеете пивоварней. – Я резко перевожу взгляд на сестру Кега. – Он сказал, что из вас троих лучшее имя заполучила ты.

Они смеются, а Барли довольно улыбается.

– Потому что так и есть.

– Имена им дал отец, – закатив глаза, говорит Исали, но нежно улыбается супругу.

Уоркен перекатывается на пятках, явно довольный собой.

– Пивоварня принадлежала моей семье нескольких поколений. Подумал, что это будет уместно.

– А еще тебе принадлежит большая часть земель в Четвертом королевстве. И ты ведешь самую успешную торговлю специями. А еще купальни. И водяные

мельницы. Мог бы назвать нас в их честь, – говорит Барли. – Хотя я не жалею, ведь у меня действительно самое лучшее имя.

Он отмахивается от дочери.

– Пивоварню люблю сильнее остальных. – Наклоняясь ко мне поближе, говорит: – Очень прибыльное дело.

– Уорк, – вмешивается его жена. – Невежливо говорить о деньгах.

Я улыбаюсь.

– Я золотая. Все в полном порядке.

Уоркен смеется.

– О, а ты мне нравишься, – говорит он, погрозив мне пальцем. – А теперь расскажи, как поживает наш Кег? Ты знала, что он должен был заняться политикой вместе с остальными членами семьи?

– Да, и он не занялся ею. Самый умный из нашей семьи, – сухо говорит Барли.

Уоркен показывает большой палец Слейду.

– Вместо этого он присоединился к войску этого мужчины, решив, что лучше будет готовить, чем заниматься играми во власть и составлять делегации.

– Ну... варево у него очень вкусное, – шучу я. – Лучший повар в армии, если хотите знать мое мнение.

– Значит, вы хорошо друг друга знаете? – спрашивает Исали.

Я киваю.

– Да. Он с самого начала был очень добр ко мне. И накормил меня, потому сразу же стал моим любимчиком.

– Что ж, давай и с нами ты поешь, – тепло отвечает она. – Нам нужно кое-что обсудить до официального начала ужина. – Она смотрит темными глазами на Слейда. – И мы должны поговорить до того, как прибудет советник Третьего королевства.

Мы идем к столу, и Слейд выдвигает для меня стул рядом с собой. Уоркен, Исали и Барли садятся напротив нас, оставляя место во главе стола свободным.

– Разве тебе не стоило сесть там? – говорю я Слейду, когда он садится рядом со мной.

– Я бы предпочел сесть с тобой, – подмигнув, говорит он.

- А еще ему нравятся игры разума, - усмехается Уоркен. - Если посадить туда Ману, это будет неожиданно и поставит его в затруднительное положение.

Стол представляет собой толстую деревянную плиту, такую темную, что кажется почти черной. Края необработанные, из-за чего поверхность кажется неровной и шероховатой. На столе уже расставлены маленькие тарелки, а еще полированное серебро и деревянные кубки, и Слейд быстро подает мне свежий хлеб и вино, а потом наливает себе.

Как только мы рассаживаемся и я делаю первый кусочек, Слейд смотрит на них.

- Итак, выкладывайте.

Исали, кивнув, ставит кубок на стол.

- С тех пор как ты отправился с армией к Пятому королевству, мы распорядились, чтобы восстановили форпост в Клиффхельме, а солдат сменили на посту. Разумеется, когда не прибыл груз с припасами, мы отправили запасной, который должен был прибыть туда в течение недели. Затем, как ты знаешь, у нас появились новобранцы для войска, которые сейчас находятся в тренировочном лагере в Фарнкрофте.

- Хорошо, - говорит Слейд. - А шахты?

Теперь отвечает Уоркен:

- Три недели назад они пробрили очень производительную скважину. Мы убедились, что они справились, сменили рабочих, поддержав моральный дух поднятием платы, пока они трудятся в трещинах ради добычи нефти.

- А северные горы?

- На месторождениях полезных ископаемых идут с опережением графика - этот пласт было невероятно легко добыть. Мы управились с ним как можно быстрее, чтобы подготовиться к возможным конфликтам с другими королевствами, - объясняет Уоркен, задумчиво потирая рукой подбородок. - Итак, резервов у нас много. И с оружием, новыми арсеналами и продовольственными складами достаточно средств, чтобы сделать все необходимое.

- Но в этом-то и заключается проблема, - добавляет Барли, посмотрев на Слейда. - Мы только что получили послание из другого нашего порта. Поставка к нам задерживается.

- Откуда?

- Из Третьего королевства.

Слейда напрягается.

- Сколько прибыло грузов?

Барли переглядывается с матерью и отвечает:

- Три.

Он резко вскидывается.

- Три?! - Слейд обводит всех троих взглядом. - Как такое возможно? Я знаю, вы отправили послание, что груз для Клиффхельма, похоже, исчез не просто так, но это...

- Единственное, что мы можем сказать, - мрачно начинает Уоркен, - что это не единичный случай. Это уже не похоже на саботаж. Похоже, Третье королевство резко сократило нам поставки.

Слейда сжимает в кулаке нож для масла, будто представляя, как вонзает его кому-нибудь в глаз.

- Так вот в чем заключается их игра. Мы можем добывать все камни и самоцветы в мире, чтобы оплачивать поставки, в которых нуждается наше королевство, но это ничего не даст, если не будут соблюдаться действующие торговые соглашения.

У меня сводит живот.

- Почему они не остановили те три корабля, что успели прибыть? - спрашиваю я.

- Эти три корабля были в длительных рейсах, - поясняет Исали. - Один корабль чуть не затонул во время шторма и какое-то время ждал ремонта у нас на границе. Два других отсутствовали несколько недель, сбрасывая и забирая груз по своим торговым маршрутам. Мы считаем, что единственная причина, по которой все три корабля пришвартовались в нашем порту, заключалась в том, что с ними не удалось связаться, чтобы отрезать нам поставки.

- Что было на кораблях? - спрашивает Слейд.

- На одном зерно, в другом - соленое мясо, а в третьем - ткани.

На мгновение за столом воцаряется тишина, пока Слейд осмысливает известия, а меня терзает неприятное чувство внизу живота.

- Значит, они блокируют Четвертое королевство, - тихо говорю я.

Уоркен мрачно кивает.

На шее Слейда извиваются линии силы, спускаясь под бороду на подбородке.

- Гребаные ублюдки.

- Они играют, - говорит Исали. - Королева Кайла хитра и действует быстро. Мы знали, что ее путешествие в Пятое королевство было демонстрацией силы. Ей пришлось приспособливаться. Теперь, после того, что случилось с царем

Мидасом и принцем Нивеном, она продвигает версию о том, что Четвертое королевство укрывает предателя.

Я глотаю подступивший к горлу ком.

- Меня.

Она кивает.

- Хочу сразу вам сказать, что я не воровала у Мидаса силу и уж тем более не буду красть силу Слейда.

- О, тебе не о чем беспокоиться, - говорит Уоркен. - Слейд редко доверяет людям, но если кому-то и доверяет, то мы понимаем, что этот человек благонадежен. Это касается и тебя.

От комплимента теплее в груди, а скованность в плечах немного тает.

- Другие королевства всячески будут распространять эти слухи среди народа, поэтому нам надо предложить другие толки, - говорит мне Исали. - Вот почему я считаю, что тебе будет полезно съездить в город и показаться людям.

- Именно, - добавляет Барли. - Выйди и покажи им, что ты вовсе не та вероломная женщина, какой тебя представляют. Это ты стала жертвой царя Мидаса, а не наоборот. Нам нужно опровергнуть их версию, рассказать людям правду и дать повод объединиться вместе с тобой.

- Думаете, получится? - осторожно спрашиваю я.

- Мы уже начали распускать эти толки. Во всяком случае, это даст людям повод задуматься, а не принимать на веру то, что поют в уши, - говорит Исали.

Я бросаю взгляд на Слейда и киваю.

- Тем временем, - продолжает Исали, глядя на Слейда, - королева Кайла оказывает серьезное давление на Четвертое королевство, чтобы... убедить леди Аурен присутствовать на Слиянии.

- Сильный ход, учитывая, что у нас общая граница, - задумчиво произносит Слейд. - Должен отметить, я не ожидал, что она остановит поставки. Богатство Третьего королевства очень повязано на наших рудниках. Полагаю, вы уже остановили наши поставки к ним?

- Конечно, - кивает Исали.

- Но наши резервы полны?

Барли допивает из кубка вино.

- У нас солидные запасы. Мы готовились к войне с Пятым или Шестым королевствами. Мы справимся с Третьим королевством и отсутствием поставок от них при некоторых доработках.

– Хорошо, – отвечает Слейд. – Армия должна скоро вернуться в столицу, и когда они это сделают, мы предложим выплату тем, кто добровольно увеличит производство продовольствия. – Он смотрит куда-то вдаль. – Вам принадлежит самая большая доля земли, пригодной для обработки. Ты сможешь продать королевству свой урожай?

– Уже продал, – отвечает Уоркен. – И если пришлешь больше рабочих, в этом году соберем урожай раньше.

– Хорошо. Отправим добровольцев на границы Четвертого королевства. Возможно, у нас не так уж много пригодных земель для выращивания сельскохозяйственных культур, но мы, черт возьми, можем ловить рыбу – как в реках, так и в океанах.

Все трое кивают.

– Советнику уже пора бы и прибыть на ужин, – отмечает Исали. – А мне, например, очень интересно посмотреть, как Третье королевство планирует склонить тебя на их сторону.

Лицо Слейда становится жестче.

– Пусть отправляются к черту. Я не отправлю Аурен на долбаное Слияние.

От его хриплого ответа по моей шее бегут мурашки.

– Конечно, нет, – тут же отвечает она. – Давайте поговорим с ним. Я убеждена, что можно выйти из этой ситуации дипломатично и так, чтобы это не привело к голоду или войне. Нам просто нужно найти способ.

– Будем на это надеяться, – мрачно говорит Слейд. Корни расползаются по тыльной поверхности его ладоней, как паутина, собирающаяся заманить в ловушку. – Ради их же блага.

Глава 52

Аурен

Когда распаивается тяжелая дверь, я перевожу взгляд наверх и вижу, как в комнату входит Ману Иоана. Он оглядывается по сторонам, а потом поворачивается к мужчине, который, похоже, является его стражником, и отпускает его. Как только за ним закрывается дверь, Ману идет к нам, и мы все встаем из-за стола.

Его длинные черные волосы собраны на затылке, а темно-синие рукава рубашки шуршат при ходьбе. Ткань такая блестящая, что, когда на нее попадает свет, она становится похожей на первые лучи дневного света, отражающиеся от поверхности воды.

Стук его сапог звучит в такт стуку моего сердца, потому что, как бы сильно ни понравился мне Ману в Рэнхолде, теперь его сестра считает, что я ворую магию, и хочет, чтобы я предстала перед каким-то официальным судом.

- Король Ревингер, - остановившись перед нами, говорит Ману.

Слейд ничего не говорит и только наклоняет голову.

Он обводит нас пронизательным карим взглядом.

- А, вы, должно быть, семейство Стрея, - говорит Ману в знак приветствия.
- Приятно сопоставить лица с именами, подписывающими послания.

- Взаимно, - добавляет Уоркен.

Слейд показывает рукой на место во главе стола.

- Прошу, садитесь.

Все ждут, что Ману сядет во главе стола, - он понимает это, поэтому медлит. Но как только замечает, что я наблюдаю за его мысленной дилеммой, подмигивает мне и опускается на стул.

Думаю, работники в замке подглядывали в щелочку в двери в заднем конце зала, потому что, как только мы все снова садимся, выходят слуги и ставят полные тарелки еды. Парное мясо, посыпанное зеленью, пюре с маслянистой мясной подливкой и корнеплоды аккуратно разложены на стоящих перед нами тарелках.

- Спасибо, - говорю я женщине, которая подает мне тарелку.

Затем мы принимаемся за еду, и первые десять минут ужина становятся ложью.

Они наполнены любезностями и пустыми беседами, а я вожу вилкой по тарелке и слушаю, как Уоркен и Исали ведут с Ману разговор, сыпля добродушно-веселыми остротами.

А вот Слейд молчит. Держится настороженно. И оттого кажется намного более пугающим, но есть у меня ощущение, что это и входило в его намерения.

Я тянусь, чтобы откусить от мяса, когда Ману переключает внимание на меня.

- Леди Аурен. Должен признать, что встреча с вами разительно отличается от того первого ужина. Верю, что это к лучшему.

Я не совсем понимаю, какой дать ответ, поэтому говорю только одно:

- Да.

- Не то чтобы мне не понравилась ваша игра на арфе, - улыбаясь, добавляет он.

- По правде говоря, я больше не играю на том инструменте.

В его пронизательных глазах появляется блеск.

- Уж не сомневаюсь, куколка, и нисколько вас не виню.

Сердце замирает, и я украдкой бросаю взгляд на Слейда, но он с отстраненным выражением лица внимательно смотрит на Ману.

- Ужин восхитителен, - говорит тот, окуная хлеб в соус. - Намного вкуснее того сахарного сиропа, к которому, кажется, тяготеют в Пятом королевстве.

- Да, - говорит Слейд, впервые заговорив. - И все же ваша сестра-королева решила разорвать торговое соглашение и замедлить поставки в наше королевство. Меня это не устраивает.

Тишину нарушает скрежет вилки, которой Ману царапает тарелку.

Проходит одна секунда. Две, три, четыре.

Пауза затягивается, поглощая пространство между нами, и атмосфера накаляется.

Ману откладывает в сторону столовые приборы. Потом свой дружелюбный настрой. За долю секунды из веселого гостя, приглашенного на ужин, он превращается в королевского советника. В нем чувствуются разительные отличия с того первого ужина, когда я с ним познакомилась. Непринужденные шутки, почти заразительный дух товарищества. Королева Кайла - это сила, в присутствии которой всегда нужно осторожно подбирать слова. Но я задаюсь вопросом, все ли, включая меня, недооценили ее брата. И не хочет ли он именно этого.

- Хорошо, король Ревингер, вижу, мы добрались до серьезной стороны нашей беседы. Хотя я ценю, что для начала вы почти позволили мне доесть ужин.

- Возможно, мне не стоило этого делать, учитывая, что ваше королевство не оказывает моему народу той же любезности.

Черт.

Я устремляю взгляд на Слейда, почти застыв от холода, сквозящего в его словах. А вот Ману, похоже, нисколько не обескуражен. Хотя, догадываюсь, что, будучи советником королевы, ему часто приходится вести трудные переговоры и приучать себя не откликаться на провокации. Хотела бы я обладать той же совершенной способностью не проявлять свои чувства и скрывать мысли.

Ману не поддается на провокацию. Он сцепляет пальцы перед собой и спокойно смотрит на Слейда.

- Вы не отвечали на послания королевы. Она пытается привлечь ваше внимание.

- И о каком послании пойдет речь? - ровным голосом отвечает Слейд. - В нем будут требования или угрозы? Потому что могу сразу же заявить, что не потерплю ни того, ни другого.

Это вызов.

Допрос.

Намеренное заявление, сделанное, чтобы нарушить покой Третьего королевства.

Ману хмурится.

- Дело в том, Ваше Величество, что вы укрываете предательницу и убийцу, - говорит это, он не смотрит на меня.

- Вы заявляете, что леди Аурен убила царя Мидаса, - отвечает Слейд. - И все же вас там не было, когда он лишился жизни.

Ману переводит взгляд со Слейда на меня и обратно.

- У нас есть свидетели, которые утверждают, что она украла его магию. Всем в той зале было ясно, что он не управляет золотом.

Кровь стучит в ушах.

- Повторю еще раз: вы видели, как леди Аурен убила его? - настаивает Слейд.

- Неважно, видел я или нет, потому что в том и заключается весь смысл Слияния. Ее вызывают во Второе королевство, чтобы она предстала перед судом, где будут приняты во внимание все доказательства и показания свидетелей, - объясняет Ману.

- И все же, - вмешивается Исали, - в ту ночь произошла не одна насильственная смерть члена королевской семьи, а две. И потому как вы поступите относительно смерти принца Нивена?

Ману поворачивается к ней.

- Леди Аурен будет допрошена и относительно его смерти.

Я округляю глаза.

Из груди Слейда вырывается рык.

- Вам, как и мне, прекрасно известно, что она не имела никакого отношения к смерти Нивена. Вообще-то человек, которого и правда стоило расспросить о смерти принца, вскоре и сам оказался в могиле.

- То есть вы намекаете, что принца убил царь Мидас? - спрашивает Ману.

- Именно так. А еще хочу заявить, что он приложил руку и к смерти короля Фулька. И все же его не подозревали ни в том ни в другом.

- Да, это довольно подозрительно, - говорит Уоркен.

- Как раз поэтому вы и должны привезти ее в Слияние, - отвечает Ману. - Вы будете заседать в совете и ответите на любые вопросы, а мы сможем допросить ее по всем правилам.

Уоркен выгибает бровь.

- Вы ведь, разумеется, не заставите короля Ревингера присутствовать на Слиянии, чтобы ухитриться допросить и его?

- Никаких уловок. Но народ верит, что леди Аурен соблазнила короля Ревингера, чтобы тот отравил принца гнилью. - Ману переводит взгляд на Слейда. - Ваше подробное пояснение может быть занесено в протокол, чтобы правильно представить факты общественности.

Барли издает смешок.

- Эта общественность верит в эти домыслы, потому что так их изложила королева Кайла.

- Моя сестра сделала все необходимое, чтобы сохранить незыблемость Пятого королевства после столь ужасного события.

- Да, не сомневаюсь, что вам стоило немалых трудов короновать нового правителя Пятого королевства, - говорит Исали.

Ее заявление поражает скрытой остротой.

Ману дарит ей в ответ льстивую улыбку.

- Дело в том, что погибли два монарха, и народ требует ответов. Мы должны созвать Слияние. - Он смотрит на Слейда. - Я здесь ровно для того, чтобы официально призвать на него вас и леди Аурен.

Слейд наклоняется вперед, и я вижу, как под кожей извивается его сила.

- Мы отказываемся.

На лице Ману мелькают первые проблески эмоций - он разочарованно поджимает губы.

- Уверен, что вы хотели бы отказаться, король Ревингер, но из-за случившегося той ночью в Рэнхолде погиб правитель. Вы не хуже меня знаете, что обстоятельства сами того требуют.

- И все же, как указал мой премьер, суда не было, когда убили короля Фулька.

Судя по выражению лица Ману, он меньше всего хотел, чтобы Слейд об этом упоминал. Однако он хорошо скрывает свои чувства, насмешливо скривив губы.

- Смерть короля Фулька, тоже трагическая, произошла совершенно иначе. Его предал собственный народ. Его убийца уже был приговорен к смерти за свои преступления.

- И это заявил царь, который только выиграл от смерти Фулька.

Ману смеется.

- Да бросьте, Ревингер. Царь Мидас был давним союзником короля Фулька.

Слейд, ни капли не впечатлившись, смотрит на него.

- Союзники постоянно друг друга предают. Разве нет?

Еще один колкий вопрос.

На лице Ману застывает улыбка, в которой нет ничего приятного.

- Похоже, сегодня вечером мы не придем к консенсусу, Ваше Величество, потому позвольте я скажу вам прямо. - Он лезет в карман и, достав свиток, протягивает ему. Слейд не разворачивает его, и тогда Ману говорит: - Там все изложено для вас. Первое и Второе королевства согласны с нами. Леди Аурен должна предстать перед судом.

- А я уже сказал, что мы отказываемся.

- На вашем месте я бы хорошенько призадумался, король Ревингер, - показав на свиток, отвечает Ману. - Потому что в зависимости от вашего ответа Первое и Второе королевства готовы отказаться от торговли с вами. Мы оба знаем, что ваше королевство, усеянное болотом и гнилью, не сможет обеспечить продовольствием ваш народ. Ваше королевство без нас не выживет. Потому, если вы не согласитесь ее отправить, все торговые соглашения будут официально расторгнуты.

Если я раньше считала повисшую в комнате тишину ненасытной, то теперь она совершенно неутолима. Она пожирает нас, поглощая каждое слово, каждое движение, пока мы не оказываемся полностью ею поглощенными.

Уоркен - первый, кто ее пробивает.

- Понимаю. А готовы ли ваши королевства жить без поставок из Четвертого королевства? Насколько знаю, в частности Третье королевство очень стремилось скупить больше прав на наши поставки нефти, поскольку в их районе не так много древесины для розжига, для восьмидесяти процентов масла для факелов им понадобится наша нефть.

- Монархи решили, что справедливость превыше всего.

Слейд встает из-за стола. Когда он опирается руками о стол, Ману судорожно глотает, и это единственный предвестник его опасений.

- Передайте своей сестре, что не только она может уморить королевство голодом, - почти рычит Слейд. - Я отравлю ее землю гнилью от пограничной области до самого берега. Или, может, здесь и сейчас просто стгною вас и тем самым тоже отправлю послание.

Я вздрагиваю от его угрозы, видя, как на его шее пульсируют линии.

Ману отодвигает стул, и от пронзительного скрипа у меня закладывает уши.

- Вижу, на сегодня мы закончили, - холодно говорит он. - Я останусь на одну неделю, король Ревингер, а на седьмой день должен получить ваш окончательный ответ. - Он обводит взглядом остальных. - Я предлагаю вам дать своему королю мудрый совет - в особенности, относительно угроз по отравлению гнилью целых королевств. Мы все прекрасно знаем, что ваша армия самая могущественная в Орее, но еще знаем, что ваше войско утомилось от путешествия в Пятое королевство и обратно. Может ли уставшая армия даже под руководством вашего извращенного командира Рипа победить целых четыре королевства?

Посмотрев снова на Слейда, он напевает себе под нос и расправляет рубашку, отчего переливающаяся синяя ткань оседает, как накатывающие волны.

- Мы просим лишь о справедливом суде по праву наших объединенных союзов. Не спешите объявлять войну Орее, король Ревингер, если не хотите отвечать за сотни тысяч погибших. И помните, вы и ваша гниль не сможете быть сразу везде.

Ману на долю секунды переводит взгляд на меня, а потом поворачивается и уходит. Дверь за ним закрывается ударом приливной волны, которая вот-вот поглотит нас без остатка.

* * *

Когда Слейд все выкладывает Лу, Джадду и Дигби, в ответ раздаются суматошные гневные выкрики и проклятья. За исключением разве что Дига - он не шумит, но хмурится.

- Чертова королева Кайла, - говорит Лу, покачав головой. Вырезанный в ее волосах кинжал выглядит еще отчетливее в теплом свете камина.

Мы сидим на верхнем этаже в комнате, в которой я еще не была, и ее разделяет всего несколько дверей от личных покоев Слейда. Здесь стоит только большой стол посередине, а слева маленькая стойка с бутылками и

кубками, которые только и ждут, когда их наполнят. На столе стоят стаканы, которые либо сжимают руками, либо о них забывают.

- Долго? - спрашивает Джадд.

Слейд делает большой глоток и отвечает.

- Уоркен и Барли сверились с цифрами. Если мы немедленно введем нормирование по всему королевству, то прокормим наших людей исключительно за счет запасов примерно... примерно четыре недели без поставок.

Всего месяц?

Я смотрю на Слейда, который сидит, упершись локтем в стол, и задумчиво водит пальцами по подбородку. Я увязла в неуверенности и задаюсь вопросом, как монархи оправдывают голод невинных людей. В мыслях слипается воспоминание о том времени, когда я ехала по столице Хайбелла и угодила в трущобы. В каждом обветшалом доме виднелись лишения, на худых людях висели невесомые лохмотья. Я всего раз взглянула на мытарства этих людей, на то, как они с ними справляются.

- Четыре недели? - Джадд присвистывает. - Ну, не лучший вариант.

- Я думала, они слишком зависят от нашей нефти и драгоценных камней, чтобы отважиться на такое смелое противостояние, - добавляет Лу.

Слейд допивает.

- После такого настроения людей ухудшатся. А значит, будут беспорядки и всплеск преступности. Нам понадобятся патрули. Нелегкая задача для армии, которая возвращается после долгих недель странствования по долбаной замерзшей Пустоши. - Он качает головой. - Мы выдержим осаду от другого королевства. В бою наша армия победит любую другую. Но мы не сможем победить их всех сразу, потому что у нас ограничены запасы продовольствия и наша армия уже устала.

- Они наносят удар, когда мы наиболее уязвимы. И перекрывать доступ к еде... Это довольно суровое наказание за то, что я не согласился привезти Аурен на этот дурацкий суд.

- Они ее боятся, - говорит Дигби. Когда все поворачиваются к нему, он пожимает плечами. - Если они верят этим слухам, то думают, что она может украсть и их силы. Они этого не хотят.

- Чего они действительно не хотят, так это нажать врага в моем лице, - почти рычит Слейд. - От голода умирают чертовски дольше, чем от гнили.

На моей коже скапливается холодный пот ледяными каплями. Его мрачная угроза напоминает плотный туман, сквозь который я ничего не вижу и не могу дышать. Я чувствую в рядом сидящем Слейде напряжение, будто эта струна тянется от его груди к моей. Натянутая леска гудит от напряжения, сковывая меня.

Целое королевство. Четвертое королевство сможет прожить всего один месяц, питаюсь резервами, иначе им грозит голодная смерть. И это только подданные Слейда. Если он нанесет ответный удар по другим королевствам, пострадает не только Четвертое королевство, но и все остальные.

- Слейд..

- Не надо, - огрызается он. - Даже не предлагай.

- Но, может, мне лучше уйти. Не хочу, чтобы страдал твой народ и любой невинный человек.

Он устремляет на меня злой зеленый взгляд.

- Ты туда не пойдешь.

Я опускаю глаза, чувствуя на плечах бремя вины.

Лу протягивает руку и похлопывает меня по тыльной стороне ладони.

- Слейд прав, Золотце. Это самый худший план. Мы не можем поддаваться на угрозы и шантаж. Четвертое королевство сильно, как и Рип. Они слишком его боятся, чтобы затыгивать со своими угрозами. Мы обязательно с этим разберемся, и Слейд нанесет ответный удар, чтобы они отступили.

Вот об этом я и беспокоюсь.

Глава 53

Озрик

Армия чертовски устала.

Я слишком сильно их подгонял, пытаюсь скорее убраться из Пятого королевства. Наша цель состояла в том, чтобы быстрее добраться до Клиффхельма. Поскольку форпост находится прямо на нашей границе, я собирался пополнить запасы армии, дать им отдохнуть несколько дней, а потом в более медленном темпе дойти до Четвертого королевства.

Но все полетело к чертям собачьим.

Поставка в Клиффхельм так и не прибыла, поэтому вместо того, чтобы восстановить силы, я оказался вынужден как можно быстрее гнать солдат, потому что припасов нам действительно не доставало.

К счастью, чем ближе мы к Четвертому королевству, тем сильнее меняется местность. На лысеющих вершинах рудничных гор лежит последний слой снега. Пыль ореолом поднимается вокруг их оснований, потому что наши люди трудятся на рудных жилах и добывают драгоценные камни и нефть.

Перед тем как попасть в более благоприятную местность Четвертого королевства, где наконец-то появились деревья, дикая природа и вся эта хрень, нам пришлось преодолеть слой гнили. Меня она уже не так сильно беспокоит, потому что я к ней привык. Границы Четвертого королевства покрыты гнилью, поэтому я не единожды проходил мимо погибших растений и проваливался прямо в осыпавшуюся, чахлую почву.

Эта гниль – явление, которое противно не только глазу. У нас здесь часто идут дожди, и потрескавшаяся, опустевшая земля имеет скверный запах. Когда наступает теплая погода, от гнили, напитывающей влажную почву, в воздухе витает запах протухшего мяса и заплесневелых фруктов.

Пахнет домом.

Однако сегодняшний день в пути становится тем еще испытанием, и все повязывают вокруг лиц толстые куски ткани. Но эта гниль чертовски хорошо устрашает наших врагов. Никто не хочет ее преодолевать – даже наша армия.

Как только мы минуем последний участок болотистой, плесневелой земли, я разрешу армии сделать привал. К счастью, ветер дует с нашей стороны, разгоняя зловоние. Но сегодня ни у кого нет аппетита, к большому неудовольствию Кега. Хотя это неплохо для наших истощающихся запасов.

В лагере тише обычного. Лейтенанты пытались всем поднять настроение, посему разговоры о завтрашней охоте на свежее мясо становится чертовым бальзамом на раны боевого духа.

Мы прошли снег и гниль и вернулись в наше королевство. Теперь нужно лишь добраться до Брэка – замка Брэкхилл и столицы, – и солдаты наконец смогут отдохнуть и вернуться домой к своим семьям после отсутствия на протяжении долгих месяцев. Это уж точно поднимает дух.

Я сижу у большого костра вместе с солдатами и, даже не пряча ухмылку, слушаю, как вояки из правого и левого фланга болтают всякую чушь.

– Джадд и Лу гордились бы, – говорит сидящий рядом Райатт. – Их соперничество процветает.

– Отличный способ скоротать время.

Райатт кивает и поворачивается влево к компании, где играют музыку, а среди них торчит Кег. Сзади пасутся лошади, а нас укрывает скудная рощица.

Сделав глоток какого-то дерьмового вина, которое мне притащил Химинн, мысленно возвращаюсь к Риссе.

В последнее время я часто этим занимаюсь.

Черт возьми, она меня поцеловала. Это случилось несколько недель назад, но с тех пор я чувствую себя загнанным зверем. Я учуял ее аромат, попробовал на вкус ее губы, и каждый раз, оказываясь рядом с ней – или даже нет, – мечтаю о том, чтобы схватить ее за пышную попку, прижать к ближайшему дереву и оттрахать ее.

Но она еще не пришла в себя, потому я оставил ее в покое.

Но ее тело, черт возьми, все чувствует. Когда она оказывается рядом со мной, я вижу, как расширяются у нее зрачки или как мило розовеют щеки. Но если откликается ее тело, это не означает, что она согласна. Я хочу познать ее свирепый нрав, когда эта распутная чертовка будет кончать на моем члене, царапая мне спину, но только если она захочет этого.

Поцеловав меня, она сбежала, сверкая пятками, и два дня не выходила из палатки, и тогда я понял, что она еще действительно не готова.

Я отвечаю за свои слова: никогда не стану пользоваться женщиной. Между мной и Риссой, без сомнений, есть притяжение, но чутье подсказывает, что она пытается с ним бороться. Врать не стану: такая роскошная женщина точно не привыкла к обществу угрюмого солдата вроде меня. Для такой, как она, я чертовски груб, но все равно ее хочу.

Меня жутко заводит, когда она схлестывается со мной в словесном поединке. Женщины, с которыми я спал в прошлом, были покорными, и мне это нравилось. Но темперамент Риссы разжигает мою кровь, как никогда раньше. Он вынуждает меня представлять, как она принимает то, что я готов ей дать, и вернуть все в десятикратном размере. Споры – это наша прелюдия.

Но когда она не вышла из палатки, я получил столь необходимый мне ответ и с тех пор ее избегаю. Не еду рядом с ее каретой, стараюсь не высматривать ее каждый раз, когда обхожу лагерь, и держусь на расстоянии.

Я всегда слежу за тем, чтобы вход в ее палатку оставался чистым, а на столе была вкусная еда – только теперь обо всем этом не я лично забочусь, что меня чертовски волнует. Я никогда не пойму, как эта женщина так быстро умудрилась вскружить мне голову.

– Ладно, я пошел, – говорит Райатт и встает. – Надоело носить этот чертов шлем.

– Зато мне так больше нравится. Не приходится так часто смотреть на твою мерзкую морду.

Даже не видя, я знаю, что он закатывает глаза.

– Ага, отвали.

– Просто признай, что ты по мне скучал, – говорю я. – Поэтому-то ты и вернулся. А Ходжатом воспользовался в качестве предлога.

Я смеюсь, когда Райатт показывает мне средний палец, а потом уходит к своей палатке. Солдаты расступаются перед ним и почтительно кивают. Его

возвращение тоже отлично подняло моральный дух. Присутствие Райатта очень воодушевляло, пока мы преодолевали последний участок гнили.

Мне тоже скоро пора ложиться, но я делаю глоток вина, слушая, как Кег вместе с остальными солдатами бренчат и дуют в инструменты. Но когда я вытираю с бороды капли вина, до меня доносится легкий цветочный аромат.

Помяни чертовку, и она тут как тут.

Я поднимаю взгляд на темный силуэт, который загоразивает мне пламя. Маленькая демоница стоит в моих огромных рубашке и пальто, которые на ней висят, почти скрывая фигуру. Я мог бы дать ей чужой комплект, например, Химинна, размер которого подходит ей гораздо больше, но мысль, что она наденет одежду другого мужчины, а не мою, действует мне на нервы.

– Добрый вечер, Желтый колокольчик, – с подчеркнутой медлительностью произношу я.

Она испепеляет меня взглядом, уперев руки в бока, а потом осматривает солдат. Я кидаю на них взгляд, и они тут же бросаются врассыпную. Теперь, когда у Риссы появляется небольшой укромный уголок, она садится на освободившееся бревно и поджимает под себя ноги.

Бесстыжая женщина протягивает руку, выхватывает у меня из рук кубок и делает глоток вина. На ее лице появляется божественно-очаровательная ухмылка, но меня больше привлекает вид ее розового язычка, которым она проводит по губам.

– Ты меня сторонишься, – говорит она.

Я приподнимаю брови.

– Мне казалось, это ты хотела, чтобы я тебя сторонился.

Она открывает и закрывает рот, будто не зная, что ответить. Только благодаря своему зоркому взгляду я подмечаю ее еле заметные сигналы. Обычно Рисса очень неплохо скрывает свои чувства. Большинство бы, наверное, даже не обратили внимания, как она сгибает указательный палец, почесывая им бедро, когда волнуется. Но я заметил.

– Ты поцеловала меня, а потом ушла. Полагаю, ты все-таки не хотела повторять ошибку, – говорю я с ухмылкой и, забрав у нее кубок, пью с того же угла, с которого только что пила она. По тому, как потемнели у нее глаза, понимаю, что она тоже это заметила.

– Ну, это и было ошибкой, – наконец отвечает она.

– Да? Что ж, зависит от того, хочешь ли ты совершать эти ошибки или нет, Колокольчик.

Она поворачивается ко мне, и одну половину ее лица освещает мягкий оранжевый свет от костра, а уложенные волосы напоминают созревший на солнце персик.

- С чего бы у меня возникло такое желание?

- Разве в юности у тебя не было периода бунтарства? - спрашиваю я. - Ты не пробиралась тайком, чтобы выпить? Не затевала драку, зная, что не выстоишь против четверых, но все равно их провоцировала, поскольку хотела кому-нибудь врезать? Не хотела переспать с кем-то, зная, что потом об этом пожалеешь, но все равно это делала, потому что тебе было невмоготу? Некоторые ошибки чертовски приятно совершать.

Рисса фыркает и качает головой, но не отрицает.

- Почему меня не удивляет, что ты затеял драку с четырьмя мужчинами?

- Я стал капитаном не потому, что уклонялся от драк. Или убийств.

- Чем ты занимался до того, как стал капитаном?

- Был наемником в Первом королевстве.

Она тарашится на меня.

- Не задавай вопросов, пока не будешь готова услышать ответы, - говорю я.
- Я убивал ради денег и был в этом мастак. Мне это даже нравилось. Тебя это беспокоит?

Я смотрю, как она пытается осмыслить услышанное, вижу по задумчивому взгляду голубых глаз, как кружат у нее в голове мысли.

- Некоторые утверждают, что секс с наложницами такой же грех, что убийство, потому, думаю, не мне тебя судить.

- Мир может судить нас сколько угодно, но это не значит, что нас должно это волновать.

- Убедительно, - сухо говорит Рисса, но уголки ее губ немного приподнимаются, и это зрелище подобно удару под дых. Как бы она выглядела, если бы улыбнулась по-настоящему?

Мне не следовало задавать такие вопросы. Вот почему я должен ее избегать.

- Никогда не заявлял себя поэтом.

Встав, я оставляю кубок на бревне, и выпрямляюсь.

- Грейся.

Я начинаю идти к своей палатке, но слышу за спиной легкую поступь.

- Почему ты уходишь? - спрашивает она, поравнявшись со мной.

- Уже поздно. Нужно встать до рассвета, чтобы снова разобраться со всем этим дерьмом, как и каждое утро.

Я почти слышу ее громкие мысли, но только когда добираюсь до палатки и останавливаюсь, повернувшись к Риссе, она набирается смелости и заговаривает:

- Я тут подумала. Скоро мы доберемся до столицы Четвертого королевстве, и... что ж. Ты в курсе, что я планирую уехать, но я подумала...

Никогда еще не видел, чтобы она так неуверенно лепетала и нервно оглядывалась по сторонам.

- Ты подумала... - побуждаю ее продолжить.

- Возможно, ты был прав. О том, что надо совершать хорошие ошибки.

Я выгибаю бровь, но ничего не говорю.

На ее лице вспыхивает раздражение.

- Мне обязательно произносить это вслух? Я хочу трахаться.

От ее резких слов я удивленно отшатываюсь и тут же возбуждаюсь, чувствуя, как в кожаных штанах становится тесно.

Я скрещиваю руки.

- Ты не знаешь, чего хочешь на самом деле.

Ее раздражение трансформируется в настоящую злость.

- Не поняла? Не смей говорить так, будто знаешь, о чем я думаю. Я же стою здесь. Я сама к тебе пришла.

- Да, а еще ты поцеловала меня и потом об этом пожалела. Я только рад получать удовольствие от некоторых потрясающих ошибок, но меня не интересуют сожаления. Это совсем другое, и мы оба знаем, что ты на это об- речена.

Она даже не смеет возразить. Я понимаю по ее лицу, и меня это чертовски терзает. Ее недоумение и молчание говорят сами за себя.

- Так я и думал, - вздохнув, говорю я. - Возвращайся в свою палатку, Желтый колокольчик.

На ее лице мелькает смущенная обида, от которой мне в живот как будто вонзает клинок, но я стою на своем.

- Тебе только кажется, будто ты знаешь, чего хочешь, но это не так. Ещё нет. Потому найди меня, когда во всем разберешься.

На ее щеках появляются красные пятна, а из горла вырывается горький смешок.

- Знаешь что? Ладно! Я думала, мы скоротаем время, избавимся от неприязни друг к другу. Но ты выжил из ума, если думаешь, что теперь я когда-нибудь вернусь к тебе с подобным предложением. Я знаю себе цену.

Я смеряю ее взглядом.

- Я тоже.

Она слегка округляет глаза и глотает. Меня терзает чувство вины, ведь я знаю, что смутил ее, знаю, что, наверное, забил последний гвоздь в крышку гроба до того, как он успел открыться. Но еще знаю, что будет неправильно, если позволю ей подтолкнуть меня к этой ошибке. А мне нужно, чтобы все произошло в свое время – ради нас обоих. Потому что, кажется, между нами что-то происходит, и я не хочу все испортить, позволив ей попытаться избавиться от неприязни ко мне. На хрен.

- Ты – худшая ошибка, и я рада, что не успела ее совершить, – шипит она.

- А ты по-прежнему лучшая ошибка, которую я с радостью совершу в будущем, – ухмыляясь, парирую я. – Когда ты будешь готова это признать.

Рыкнув, Рисса поворачивается и уходит, и как только она исчезает из виду, мое веселье как рукой снимает.

Проклятие.

Надеюсь, я принял верное решение. Потому как если я ошибся, то только что навсегда ее оттолкнул, а значит, что сожалеть придется мне.

Глава 54

Слейд

Через десять минут я добираюсь на Арго до городской военной базы.

Если встать на западной башне замка, у подножия Полосатой горы можно заметить края зданий. Это пестрящее скопление кварталов, укрывшееся за лесом, обнесенное стеной и предназначенное для размещения нескольких тысяч солдат.

И сейчас там готовятся принять намного больше.

Подлетев к нему, я вижу марширующих солдат, и с высоты птичьего полета они кажутся текучей рекой из черной кожи. Тысячи женщин и мужчин ступают по земле, часто сворачивая, минуя длинные мосты и срезая путь мимо замка, продвигаясь к нависающей над ними горе.

Это последние из тех, что уже прибыли, потому Озрик и Райатт тоже будут там. Им понадобилось три дня, чтобы привести остальных, а когда последние войска минуют стену, база будет набита битком. Обычно, когда я приказываю большей части армии явиться сюда, они остаются на базе совсем недолго. Но при нынешней ситуации не могу быстро распустить их, чтобы они вернулись домой.

Эту новость плохо воспримут.

Они отсутствовали несколько месяцев, а путь был сложным. Однако, когда они узнают, что надвигается война и пока они не смогут вернуться домой, их возвращение будет омрачено, как пролитый горький сок.

Когда мы подлетаем к стене базы, я побуждаю Арго спуститься еще ниже. Снизу доносятся крики и приветствия солдат, которые узнают с неба Арго.

Я не заслуживаю их приветствий.

Опустившись, Арго рассекает воздух крыльями, проникая между ветвями деревьев. Я натягиваю поводья, и он поворачивает направо, к зданию, обнесенному с четырех сторон балками. Его крыша покрыта сосновой смолой, и темные деревянные стены сливаются с деревьями.

Когда Арго описывает круг, показывая, что готов опуститься, солдаты расступаются, и зверь приземляется, вонзив когти в траву.

Солдаты склоняют головы, когда я отстегиваюсь от седла и спрыгиваю. Похлопав Арго по заду, даю ему понять, что он может отправляться на охоту, а потом, кивнув солдатам, направляюсь к зданию.

Я поднимаюсь по трем ступенькам, ведущим к двери, и как только захожу в здание, в мою сторону поворачиваются четыре головы. Джадд и Лу сидят за столом слева, а Райатт и Озрик – справа. Длинная борода, волосы Озрика стали еще длиннее и растрепаннее.

– Хреново выглядишь, Оз, – говорю я в знак приветствия.

Он хмыкает, скрестив на груди мощные руки.

– Извини, что не навел красоту. Был занят тем, что тащил твою армию через все части света по охренеть какому мерзлomu снегу.

Я ухмыляюсь и сажусь рядом с ним.

– Ценю твои усилия. Проблемы были?

– Кроме ожидаемого бурчания и нескольких драк? Нет.

– Хорошо. – Я перевожу взгляд на Райатта. Он положил шлем на стол, хотя броню еще не снял. – А ваше с Ходжатом возвращение прошло нормально?

- Конечно. Что тоже хорошо, потому что нет ничего приятного в частых обморожениях в лагере. Мы потеряли слишком много пальцев на руках и ногах, - говорит он недовольным тоном.

- Ходжат волновался об этом.

Райатт смеряет меня взглядом.

- Что происходит, Слейд? - спрашивает он. - Почему мы до сих пор не уволили тех, кто не служит в регулярной армии? Почему ты держишь всех здесь?

Я смотрю то на него, то на Озрика, а затем рассказываю о случившемся, в том числе и об ужине с Ману, состоявшемся три дня назад. Пока я объясняюсь, Оз несколько раз раздражается чередой проклятий, а Райатт молчит. Я знаю своего брата. Чем тише он становится, тем больше приходит в ярость.

- Ну, твою мать, - говорит Оз, когда я заканчиваю. Он потирает затылок. - Это плохо.

- И это еще мягко сказано, - бурчит Джадд, ковыряя сухой край деревянного стола.

- Мы знали, что они попытаются форсировать события, но такого не ожидали. Королеве Кайле и остальным придется нелегко.

Джадд отрывает от края щепку и с ее помощью ковыряет деревянную столешницу.

- Я только не понимаю, почему они так стремятся разозлить короля Рота.

- Нужно же кого-то обвинить в смерти двух монархов за одну ночь, - отвечает Лу. - Они избрали своей жертвой Аурен.

- Они ее боятся, - говорит Озрик. - Эти гребаные слухи. Неудивительно, что другие правители в штаны наделали. Они обеспокоены, что она снова украдет чью-то магию.

- Эти слухи и убеждения укоренились сильнее, чем я предполагал, - признаюсь я. - Народ требует, чтобы Аурен привлекли к суду. А Кайла тем временем тихонько пытается запустить коготки в Шестое царство.

Озрик резко смотрит на меня.

- Что?!

Я киваю.

- В последнем докладе говорилось, что она отправилась в Хайбелл. Объявила о том, что они с Мидасом обручились перед его смертью, и устроила хренову церемонию, чтобы почтить Мидаса. Она пытается заручиться поддержкой.

Джадд качает головой.

- Пытается захватить больше земель с благословения народа, черт бы ее побрал.

- Она им нравится, - вмешивается Лу. - Она отточила свое умение очаровывать публику.

- И тем временем они пытаются уморить нас голодом, - говорит Оз. - Резервов хватит на гребаный месяц, и мы будем разорены.

Я перевожу взгляд с одного на другого, даже на Райатта, который не сводит взгляда со стола.

- Мне нужно набрать добровольцев из армии. Понадобятся огромные усилия, чтобы доставлять в королевство наше же продовольствие.

- Мы все знаем, что Четвертое королевство состоит в основном из болот. Не лучшие сельскохозяйственные угодья, вот почему мы всегда полагались на другие королевства. И можно ли вообще так быстро собрать урожай? - спрашивает Джадд.

- Немного, - вставляет Озрик. - Редис, зеленый лук, шпинат, репа - все это мы сможем собрать примерно через месяц.

Все смотрят на него.

Заметив, он пожимает плечами.

- А что? Ублюдки, вы же знаете, что я из Первого королевства.

- Да, и служил там наемником, - приподняв брови, отвечает Джадд. - Черт возьми, откуда тебе знать о сельском хозяйстве?

Озрик ерзает на стуле, и под тяжестью его тела дерево протестующе скрипит.

- Меня наняли убить фермера, который однажды не заплатил налоги. В итоге вместо того, чтобы убить беднягу, я помог ему, и он смог заплатить налоги.

Лу улыбается.

- Оу, Оз, да у тебя такое доброе сердце!

- Отвянь, - бурчит он. - Мое сердце твердое, как скала.

У Джадда почти загораются блеском глаза.

- Нет, твердое не твое сердце, а твой..

- Давай не будем, - вклиниваюсь я.

Джадд только смеется.

- Ладно. Итак, мы пошлем солдат сажать семена и делать прочую хрень, но нам понадобятся настоящие работники фермы, которые смогут руководить этим делом, а еще нам нужна для этого земля, - говорит Оз.

- Да. Я поговорю с Барли, - отвечаю я. - Она знает земли Четвертого как свои пять пальцев. Если есть какая-то пригодная для жизни земля, которую мы еще не использовали, то Барли ее найдет. И я уже попросил ее и Уоркена составить план по расширению рыбной ловли и охоты.

- Но хватит ли этого? - спрашивает Лу.

Я смотрю в ее обеспокоенные глаза, потому что в моих видно то же волнение. Именно над этим мы и работаем денно и ночно с министрами.

- Не знаю. Исали изучает данные. Но пока мы разработали план, как заключить тайную сделку с Первым королевством. Им нужно больше нефти для фонарей, поэтому мы отдадим ее в обмен на припасы.

- Согласится ли на это король?

- Нужно так его очаровать, чтобы ему ничего не оставалось, кроме как согласиться на сделку. - Я многозначительно смотрю на Джадда.

Он ерошит рукой волосы.

- Вот черт. Хочешь, чтобы я отправился в Первое королевство и умаслил короля Толда?

- Мои министры слишком заняты, а из нас всех ты самый очаровательный.

- Это еще ни о чем не говорит. Но ладно, я попробую уболтать его, чтобы он обменял продовольствие на нефть и драгоценные камни.

- Спасибо.

- А если он откажется? - спрашивает Джадд.

Я провожу рукой по лицу. Иногда я чертовски ненавижу быть королем.

- Тогда попытаемся найти другой способ не умереть с голоду.

Краем глаза вижу, как Райатт поднимает голову. Он медленно опускает плечи, выпрямившись, смотрит мне в глаза и наконец перестает молчать:

- Твою мать, ты что, издеваешься?!

Я не отшатываюсь в удивлении только потому, что с самого приезда готовился к подобной реакции.

Когда я ничего не говорю, он оглядывается на остальных и качает головой.

- Вы серьезно будете просто сидеть сложа руки и ничего не скажете?

- А что тут скажешь? - спрашивает Лу.

Райатт в отчаянии всплескивает руками.

- О, да брось! Это же очевидно! Как вы можете мириться с тем, что скорее всего все королевство умрет с голоду? - Он смотрит на меня свирепым взглядом. - Аурен должна предстать перед Слиянием.

Ярость пробирается под мою кожу. Она тычет и скребет, пытаюсь вырваться из меня и просочиться на пол. Я испепеляю брата взглядом, чувствуя, как атмосфера в комнате накаляется от моего гнева.

- Как ты можешь так говорить? - спрашивает Лу. - Мы же прекрасно понимаем, что этот суд - полный абсурд.

- Да, - соглашается Джадд. - Если она предстанет перед ним, добром это не кончится.

Райатт качает головой.

- Нет, они просто хотят устроить показуху. Им нужно разыграть спектакль, дать нагоняй Аурен и отправить ее восвояси. Им известно, что они не могут слишком сильно напирать на Слейда. Если они его разозлят, то он стноит их королевства до основания. Ей просто нужно прибыть, позволить им немного продемонстрировать силу, и она вернется. Тогда война и голод не придут за нами...

- Послушай меня очень внимательно, - проговариваю я низким и жутким голосом. - Я не повезу к ним Аурен, и, если предложишь подобное еще раз, у нас с тобой возникнут очень серьезные проблемы.

Он бросает на меня такой пронзительный взгляд, что я почти чувствую, как он буравит мою кожу.

- А ты хотя бы задумайся об этом. Если ты будешь там, они ни хрена не смогут ей сделать. Ты должен ставить королевство на первое место. Должен защищать своих людей.

Меня ослепляет ярость.

- Что мы вообще обсуждаем? - спрашиваю я. - Что я пытаюсь...

- Нет, - перебивает он. - Ты пытаешься защитить Аурен. Ты готов позволить своему народу голодать из-за нее.

- Никто не будет голодать, - рычу я.

Он издевательски фыркает.

- Откуда тебе знать? Это скажется на всех в Четвертом королевстве. А армия этого не заслужила. Они только что прошли через целое замерзшее королевство просто так. Ты дважды протащил из через Пустошь, и теперь, когда они только вернулись, заставишь их остаться здесь, на забитой базе,

или отправишь трудиться на фермах? Это не лезет ни в какие ворота, Слейд, и ты это, черт возьми, знаешь!

Лу смотрит на нас.

– Эй, думаю, нам всем нужно просто успокоиться..

– Да к черту все! – говорит Райатт и вскакивает со стула, как извергающаяся лава. От его выпада остальные тоже вскакивают и напряженно замирают, будто только и ждут, когда мы начнем драться.

Совершенно не обращая на них внимания, Райатт тычет пальцем в мою сторону.

– У тебя уже изменились приоритеты. Ты предан не тому делу! Веди себя как чертов король и позаботься о своем чертовом народе, как и обещал!

– Да, я король, и пекусь о своем народе. – На первый взгляд мой голос звучит ровно, но под ним таится острая и едкая колкость, пропитанная закипающей яростью. – Именно поэтому ты наденешь шлем. И соберешь армию. И будешь выполнять мои приказы.

– Иди нахрен! – выпаливает он и бьет ногой по стулу, отчего тот пролетает через всю комнату и врезается в стену.

Я даже не вздрагиваю. Остальные с тревогой наблюдают за происходящим.

Я медленно встаю. Опираюсь руками о стол. И мы стоим, склонившись голова к голове, и в ярости смотрим друг другу в глаза.

– Брат, должно быть, для тебя это так легко, – тихо говорю я, но в моем тоне подспудно чувствуется ярость. – Закатывать истерики. Выносить суждения. Очень легко. Знаешь почему?

Он багровеет от гнева, но молчит.

– Потому что тебе никогда не приходилось принимать трудных решений, – говорю я. – Их всегда принимал я. Можешь и дальше устраивать истерики и осыпать меня праведным гневом, говорить, как я хреново со всем справляюсь, но тебе никогда не приходилось нести то бремя, которое возложено на меня. Вот поэтому-то тебе и не понять. Ты никогда меня не поймешь.

В его глазах вспыхивает блеск, но его нетерпеливому гневу никогда не победить мою непреходящую ярость.

– Я не стану жертвой шантажа. Не отправлю Аурен на сцену, чтобы мир разорвал ее на части ради политической выгоды. Я не собака, которую можно подозвать к ноге, и если однажды ты снова усомнишься в моих мотивах в отношении моего королевства, то я без колебаний поставлю тебя на место.

Райатт тяжело дышит. Смотрит на меня с гневом, сжав руки в кулаки, словно хочет перепрыгнуть через стол и нанести первый удар.

Черт возьми, надеюсь, он так и поступит.

– Можешь и дальше нести подобную чушь, ведь ты мой брат. Но все же я твой король, и ты будешь выполнять мои приказы.

Молчание между нами – это меч.

Меч, наставленный на нас обоих. Он парит в воздухе, удерживая нас на острых кончиках и готовясь пронзить насквозь. Мы оба замираем в ожидании, кто падет на него первым, кто первым истечет кровью.

У нас с братом всегда были сложные отношения. С тех пор, как из невинного мальчишки он вырос в мужчину, состоящего из обиды и негодования.

И я всегда их приму.

Черт возьми, я всегда приму его гнев, его возражения. Потому что чаще всего этого и заслуживаю. Я уничтожил разум нашей матери. Заточил ее в пещере, которую она никогда не сможет покинуть. Отправил его в забвение, спрятал под шлемом, чтобы он играл роль моего двойника.

А мой отец убил его отца.

Но когда вопрос стоит о ней, я не стану мириться с его гневом.

Потому что он прав. Мои приоритеты изменились. И, чтобы защитить Аурен, я позволю миру обрушиться. Но это не значит, что я не пойду на все, чтобы защитить свой народ.

На несколько минут все замирают. Лу, по-моему, вообще не дышит. Мы все ждем, взорвется ли Райатт в приступе гнева, ударит ли наконец меня кулаком, который сжимает.

Но он этого не делает.

Не знаю, кто удивлен сильнее.

Вместо этого Райатт поворачивается и покидает комнату, громко хлопнув дверью. Как только она закрывается, мои напряженные плечи тут же опускаются, и я убираю руки со стола.

– Ну что ж, – говорит Джадд, нарушив неловкое молчание. – Все прошло не так уж хорошо.

Лу вздыхает.

– Ты же знаешь, какой он. Он защищает армию.

– Мы все ее защищаем, – отвечает Оз. – И остальное королевство. Это не значит, что он может вести себя как мелкий засранец.

Она бросает взгляд на дверь.

– Он изменит свое мнение.

Оз хмыкает.

- Так... кто-нибудь еще чувствует себя немного Гневливым? - провоцирует Джадд и, улыбнувшись, поворачивается на каблуках. Я ценю этот жест - ценю, что он пытается поднять настроение. - Когда ты дашь Ману ответ, они, наверное, нанесут ответный удар, - говорит он. - Значит ли это, что мы должны разнести другие королевства?

- Безусловно.

Его улыбка становится шире.

- Я надеялся, что ты так скажешь.

- Пока ты будешь стараться заключить ту сделку в Первом королевстве, мне нужен шпион в Шестом царстве. Хочу понять, что собирается сделать королева Кайла.

- Я могу, - вызывается Лу.

Я киваю ей в знак благодарности, а потом перевожу взгляд на Озрика.

- Можешь выделить несколько лучших солдат для защиты границ?

- Конечно.

- При первых признаках приближения к нашим границам, хочу незамедлительно об этом знать, - говорю я.

- Обрушишь на них всю злость короля Рота? - потирая руки, спрашивает Джадд, словно эта мысль приводит его в восторг.

Я задумчиво киваю.

- Если они будут на меня давить, то именно так я и поступлю.

Глава 55

Аурен

Я отработывала навыки в своей магии.

Сегодня утром я золотила колонны в спальне, упражнялась в том, чтобы золото поднималось кручеными узорами, а потом впитывалось в кожу. С каждым разом у меня получалось все лучше и лучше, и теперь я начинаю

испытывать гордость за свою магическую силу, чего раньше за собой не наблюдала. Это тихое чувство самоуважения наполнило меня силой духа и подкрепило уверенность, которую я пытаюсь в себе взрастить.

Спустя пару часов я решила подышать свежим воздухом. Тогда на крыше я заметила сады, и теперь, оказавшись здесь, думаю, что это станет моим новым любимым местом. С восточной стороны замка сад защищен высокой стеной, поэтому он кажется уединенным – особенно со стоящей за ним на дозоре горой.

Примерно каждые полчаса во время обхода здесь проходит только один стражник, но я все равно соблюдаю осторожность, прячась за кустарниками. Меньше всего я хочу выставить себя на посмешище или дать повод бояться меня, учитывая, как сильно распространились новые слухи о том, что я украла золотую силу Мидаса.

К тому же мне нравится тренироваться на солнце.

Трава усеяна стеклянным камнем, похожим на плоский голубой мрамор; он больше моей ноги и между каждым осколком расстояние примерно в шаг. Камешки тянутся от дверного проема, мимо первого ряда цветов, отгибают кусты и ведут мимо стен из кустарников к самому центру сада, где расположились фонтан и кованая железная скамейка.

Железное изделие довольно красиво, но скамейка не очень удобна, поэтому я сажусь на траву. Прислонившись стеной к основанию фонтана из оникса, я упражняюсь с золотом, экспериментирую с разной плотностью. Я леплю золото как тесто, раскатываю его в руке, а потом превращаю в гнущийся шар.

Слейд занят обсуждениями с министрами, со своим Гневом и войском, потому все свободное время я работаю над своей магией. Дигби тем временем вызвался помочь мне с физической подготовкой, потому как Джадд тоже занят и отправился по заданию Слейда. Дигби еще выздоравливает и не выполняет упражнений, но учит меня новым стойкам и нескольким блокам, а также помогает выполнять силовые упражнения.

После нашей поездки в карете я оставалась наедине со Слейдом лишь на несколько минут. Не могу по-настоящему осмыслить даже толики тех обязанностей, что лежат на его королевских плечах, но могу отметить, что он делает все иначе, чем это делал Мидас.

Лично для меня главное отличие в том, что он рассказывает мне обо всем. Вовлекает меня в происходящее. Отвечает на мои вопросы. Даже их поощряет. Так странно к этому привыкать.

Но завтра он должен дать Ману окончательный ответ. Слейд уже ввел обязательное нормирование. Даже здесь, в замке, когда мы с Дигби ужинаем вдвоем, порции стали меньше, ингредиенты проще. Но даже при виде этих разделенных на части порций, живот у меня сводит от чувства вины, и я пытаюсь оставить что-то про запас.

На прошлой неделе я каждую ночь просыпалась в холодном поту – вернулись мои кошмары. Порой мне снятся лачуги, мерзлая нищета, затерянная в искривленных расщелинах Хайбелла.

А иногда мне снятся ленты.

Звук опускающегося меча. Агония, которая пронзала меня насквозь, от шелковистого обрывка за обрывком. Мне снится, как я падаю без лент, готовых меня подхватить.

Но вчера ночью мои кошмары изменились. Мне снился не Хайбелл, а Брэкхилл. Те самые улицы, по которым я ехала вместе со Слейдом, вот только люди плакали. Они отошала и обезумели от голода. А в конце улицы стояла королева Кайла, и мой голос разносился вокруг нее журчащим ветерком, которым могла повелевать только она.

Этот сон не покидал меня на протяжении всего завтрака, отчего внутри все ныло. Сон не покинул меня и во время тренировки с Дигби, пока он не скрестил на груди руки и не сказал, что на сегодня мы закончили, потому что я слишком рассеянная.

Кошмар по-прежнему цепляется за меня, дергает за плечи, как уличный попрошайка

Я чувствую, что мне нужно что-то сделать, но Слейд и слышать об этом не хочет. Те пару мгновений, что я провела с ним, были полны его настойчивой веры, что все будет хорошо. Что его планы осуществляются, как было задумано, а нормирование и дополнительное производство продовольствия окажутся действенными.

А если нет?

Я прижимаю пальцы к подаренному им браслету. Теперь он сияет чистым золотом, хотя я оставила камень черным и обвила его позолоченным узором.

Я прислоняюсь спиной к фонтану, слушая тихое журчание воды. Оно успокаивает, как и прохладная трава под босыми ногами и солнечные лучи, согревающие макушку. Будь у меня такая возможность, я бы разделась догола, чтобы каждый дюйм моей кожи почувствовал прикосновение солнца.

Но, наверное, это воспримут в штыки.

Я срываю небольшой цветок и кручу его между пальцами. Бутон пурпурного цвета, и его желтая сердцевина напоминает цвет волос Джадда. Я добавляю немного золота на зеленый стебель, и оно впитывается в прожилки листьев.

Отбросив цветок, я откидываюсь назад и погружаю босые ноги в траву. Чувствую, как моя сила прижимается к своду и пальцам, желая вырваться наружу. Я позволяю золоту медленно растечься, и его тепло сосязается с прохладой травы.

Когда я убираю ноги, чтобы рассыпать золото, то, замерев, смотрю на траву. Наклоняюсь поближе и свожу в недоумении брови.

Сначала мне кажется, что я вижу отражение или пятнышко грязи, но потом замечаю, что это не так. Оно напоминает мне кусок хлеба, который слишком долго пролежал в печи, и его корка обгорела от пламени. Вокруг моего

золота виднеется один пятнистый краешек, который чуть темнее остальных, и он кажется обугленным.

Подвинувшись, я поджимаю под себя ноги и провожу ладонью по позолоченной траве, призывая золото вернуться ко мне. Потираю руки и с довольным вздохом поднимаю голову навстречу солнцу.

– Леди Аурен?

Я резко открываю глаза и вижу идущего ко мне Ману. Он одет в жилет цвета морской волны, под который надета голубая рубашка и галстук в тон, а длинные черные волосы рассыпались по плечам.

– Рад застать вас в такой.. неформальной обстановке, – говорит он, глянув на мои босые ноги с улыбкой, от которой весь светится и напоминает мне Ману из Рэнхолда.

Я быстро хватаю туфли и, натянув их, встаю.

– Не ожидала увидеть вас здесь, – говорю я.

Он оглядывается по сторонам, и у него на лице появляется непринужденное выражение.

– Я нашел этот сад в первый же день. Здесь это мое самое любимое место. Днями и ночами коротаю тут время, – признается он. – Здешнее тепло дает приятную передышку от Пятого королевства. Хотя здесь не так тепло, как дома, в Третьем королевстве. Должен сказать, я очень скучаю по берегу.

Ну хоть один из нас скучает.

Ману, может, сейчас и добродушен, но я на взводе.

Наверное, он замечает это по тому, как я вся подбираюсь, потому что тихо вздыхает и говорит:

– Послушай, куколка, в этой истории со Слиянием нет ничего личного. Ты мне нравишься. Но у монархов свои законы, которым они должны следовать, и когда за одну ночь умирают двое...

– Вы ведь знаете, что я не имею никакого отношения к смерти принца Нивена, – говорю я. – Его убил Мидас. Он хотел занять трон Пятого королевства. Он сам мне об этом сказал.

Ману становится задумчивым. Он срывает лист с одного из самых высоких кустов и начинает вертеть его между большим и указательным пальцами.

– Тогда именно это ты и скажешь на Слиянии, если решишь туда отправиться.

– Слейд... король Ревингер, – быстро исправляюсь я, – никогда на это не согласится.

Он наклоняет голову.

- Ты же знаешь, что такое Слияние?

На мгновение я мнусь, потому что Слейд мало о нем рассказал.

- Я знаю, что это своего рода судебный процесс, который члены королевской семьи устраивают в особых случаях.

- Да, но если окунешься в его историю, то увидишь, что на самом деле это вовсе не судебный процесс. Это зрелище.

Я растерянно смотрю на него.

- То есть?

- Слияние - это то, что созывают представители королевской власти либо для другого монарха, либо для членов королевской семьи, либо для человека, занимающего высокий статус. Тех, кого вызывают на Слияние, являются исключениями в обычных законах Ореи. Слияние возникло, потому что подданным Ореи нужно видеть, что даже с теми, кто приближен к монархии, обращаются по закону. В данном случае, с позолоченной фавориткой, которая, по слухам, украла силу у своего короля и помогла убить принца, - многозначительно говорит он.

Я вспыхиваю.

- Зачем вы мне это рассказываете?

Он отбрасывает лист в сторону, и тот падает на землю.

- Потому что, как я уже сказал, ты мне нравишься. И думаю, что король Ревингер, возможно, морочит тебе голову, потому что вся Орея тебе не враг. Я тебе не враг. Позволь Второму королевству выполнить свою волю, то есть вызвать тебя на допрос. Ты объяснишь, что невиновна, а они вынесут тебе мягкий приговор.

Я закатываю глаза.

- Да, именно так и будет.

- Это правда, - пожав плечами, говорит Ману. - И это доказывает история Слияния. Думаю, за последние сто лет самым суровым наказанием был штраф в размере ста тысяч золотых монет.

- Правда или нет, это на меня не распространяется.

- Подумай об этом - никто не хочет идти против Ревингера. Мы знаем, насколько он могущественен. Но если мы оставим смерть царя Мидаса без внимания, то люди будут возмущены. Им в голову придут опасные идеи. Будь то убийство другого члена королевской семьи без последствий или принятие на себя ответственности за вынесение приговора, мы не хотим ни того ни другого. Это точно будет для тебя небезопасно.

Я чувствую в его словах скрытую угрозу, которая режет мне кожу, как острый лист бумаги.

Ману подходит ближе и умоляюще смотрит на меня.

– Мой тебе совет, куколка: никогда не позволяй людям придумывать байку за тебя, потому что тебе мало понравится то, что они скажут. Но если сейчас ты возьмешь это под свой контроль, если сделаешь заявление, тогда монархи смогут устроить спектакль, который всем нужно увидеть. Мы забудем об этом, и все разговоры о войне канут в прошлое.

Беспокойные мысли кружат вихрем в голове. Понятия не имею, что сказать, что и подумать.

К счастью, я не успеваю ответить, потому что к нам подходит стражник.

– Миледи? – Заметив Ману, мужчина резко останавливается, а затем неуверенно смотрит попеременно на нас обоих.

Я натягиваю вымученную улыбку.

– Да?

– С вами хочет кое-то увидеться.

Я мешкаю, чувствуя, как меня переполняет удивление.

– Ладно.

– Не буду вам мешать, леди Аурен, – говорит Ману. – Просто... подумайте о том, что я сказал.

Мы со стражником смотрим, как он уходит, и я напряженно выдыхаю, а потом поворачиваюсь.

– Со мной и правда кто-то хочет увидеться? – спрашиваю я. – Или ты это выдумал?

– Мне передали, что кто-то запросил с вами встречу.

Я хмуро смотрю на него.

– Кто?

– Не знаю, миледи. Меня только послали за вами. – Он нервно оглядывается по сторонам. – Простите, что вы оказались наедине с советником из Третьего королевства. Я предупрежу других стражников и прослежу, чтобы этого больше не повторилось.

– Никто в этом не виноват, – говорю я, потому что меньше всего хочу, чтобы Слейд разозлился на свою стражу. – Веди.

Он кивает, и я иду за ним в замок, вытирая руки о коричневое платье и надеясь, что ко мне не прилипла трава.

К моему удивлению, он ведет меня не наверх, а к парадной двери замка.

- Они не позволили войти гостю? - спрашиваю я.

- Нет, миледи. Без вашего разрешения нельзя.

Это застаёт меня врасплох. Что они, должно быть, подумали? Что я обладаю здесь каким-то влиянием? Это даже для меня звучит дико.

Когда мы добираемся до передней, у открытой двери нас ждут трое стражников, и сначала я не могу разглядеть, кто за ними стоит. И все же, когда звук наших шагов эхом разносится по большому открытому пространству, стражники оборачиваются, а я округляю глаза при виде двух стоящих там фигур.

Рисса и Полли.

Я замираю как вкопанная, слегка приоткрыв рот от удивления.

- Ну что, ты так и собираешься там стоять? - спрашивает Рисса, приподняв тонкую светлую бровь. - Или пригласишь нас в замок?

* * *

Я не была уверена, куда их отвести, поэтому остановилась на гостинной на втором этаже. Я тут еще не была, но в комнате есть где присесть, а из окна открывается прекрасный вид на реку.

Полли, сидя рядом с Риссой в кресле, смотрит на меня волком. Подол ее черного платья покрыт грязью, словно она шла к дверям Брэкхилла прямо по горным рекам. Платье как будто висит на ней, а ее округлые формы уже не такие заметные, как раньше. Светлые волосы, заплетенные в косу, потускнели, но больше всего удивляют налитые кровью глаза. А еще ее обкусанные губы и ободранная кутикула. Полли словно ковыряла кожу, снимая полоску за полоской. Она всегда была красивой, но сейчас она выглядит изможденной и почти зачахла.

- На что уставилась? - отгрызается она, и я резко отвожу от нее взгляд.

Я поворачиваюсь к Риссе, и хотя тоже кажется, будто она немного похудела и измучена странствиями, хуже она не выглядит.

- Я не ожидала вас увидеть, - признаюсь я ей.

Рисса осматривает комнату, задержав взгляд на обоях в зеленую полоску.

- Да, когда мы покинули Рэнхолд, я твердо намеревалась взять повозку и убраться из города прочь, но Полли было плохо.

Полли прищуривается и, повернув к ней голову, рычит:

- Со мной все было в полном порядке.

Рисса поджимает губы.

- Вовсе нет.

- Ну, я не хотела уезжать! - брюзжит Полли. - Ты не имела права...

- Я вытащила тебя оттуда до того, как ты успела убить себя той росой. И имела на то полное право, будучи твоей подругой.

Полли отворачивается, ее щеки заливают румянец, она кипит от гнева.

Я с тревогой и восхищением наблюдаю за их перебранкой. Они много лет были неразлейвода, всегда смеялись и болтали друг с другом, всегда потрясали изумительной красотой. Были совершенно другими людьми.

И все же я могу им только посочувствовать. Всем нам нелегко дались последствия бегства от Мидаса. У меня скручивает живот от вспыхнувшего в памяти фрагмента той ночи, когда Рисса пришла забрать Полли.

- Я забыла, - признаюсь я. - Я забыла сказать тебе, чтобы ты шла к армии. Как ты узнала?

- Мне встретила какая-то женщина с выбритыми в волосах кинжалами, - рассказывает Рисса. - Она и помогла нам выбраться из замка.

Меня захлестывает облегчение. Нужно обязательно поблагодарить Лу при следующей нашей встрече.

- Значит, вы остались в армии Четвертого королевства? - спрашиваю я. - Они не доставили вам хлопот?

Рисса стискивает руки, лежащие на коленях.

- Ничего такого, с чем я бы не смогла справиться. Время от времени заходил волосатый гигант и что-то бурчал, но помимо него все было в порядке.

- Волосатый ги... Подожди, ты говоришь об Озрике?

Рисса фыркает.

- Да.

У меня невольно вырывается смешок.

- Пожалуйста, не говори, что ты так называла его в лицо.

Она с недоумением смотрит на меня кристально-голубыми глазами.

- Конечно, называла. Ему нравится вести себя как неотесанный хам, потому так я его и буду называть.

Я прикрываю рот ладшкой, пытаюсь скрыть веселье.

- Могу только представить, как вы пытались ужиться вместе.

Щеки Риссы по какой-то причине окрашиваются румянцем, и она отводит взгляд.

- Да, ну... Мы только что прибыли, а это странствие было долгим, очень долгим.

- Конечно, - сдержанно говорю я. - Ты хотела бы.. здесь отдохнуть?

Рисса отвечает согласием, а Полли в тот же момент поворачивается и резко говорит «нет».

Я смотрю на них.

У Риссы вырывается сдавленный, усталый вздох.

- Полли...

- Нет, - говорит та, вскочив на ноги. - С меня хватит. Хватит, Рисса! Ты только что вытащила меня из Пятого королевства, потом протащила через Пустошь, по отвратительным, гниющим болотам к этому дурацкому королевству, и с меня хватит!

Она тяжело дышит и пронзительно кричит.

- Я пыталась тебе помочь...

- Ну что ж, - негодует Полли с блеском в глазах. - Мне не нужна была твоя помощь.

Рисса явно ошеломлена.

- Вот именно! - подхватывает Полли и тычет ободранным пальцем ей в лицо. - Ты не понимала этого на всем пути по этому богами проклятому месту. Ты не спасала меня. Я была там счастлива.

- Ты была одурманена!

- И что? Мне это нравилось. Мне нравились эти ощущения от дурмана. И это был мой выбор.

В глазах Риссы вспыхивает гнев.

- Я бы ни за что не оставила тебя там, чтобы ты накачала себя дурманом до смерти!

- Я и не собиралась, - огрызается Полли. - Но ты бы, конечно, мне не поверила. Но знаешь, в чем разница между нами? Каждый раз, когда ты упоминала, что хочешь откупиться от своего договора, то ни разу не

заметила, что я-то этого не желаю. Ты думала, что все, и я в том числе, хотели покинуть гарем, но ты ошиблась.

- О чем ты?

- Мне нравится быть наложницей, Рисса. Это тебе вдруг стало подобное претить. Но знаешь что? Может, внешне мы и похожи, но цели у нас разные. Потому что я чертовски хорошая наложница и хочу ею оставаться. Мне нравится быть желанной. Мне нравится сила, которую дает секс. Став наложницей, я получила то, на что и не надеялась, а ты без моего согласия меня оттуда вытащила. Потому с меня хватит!

Между ними возникает напряженный клубок тишины, а я мечу взглядом между ними. Чувствую себя сейчас третьей лишней и потому стараюсь не издавать ни звука.

Спустя минуту Рисса поникает, словно Полли своими словами вонзила ей в спину иголку и выпустила из нее воздух.

- Извини, Полли, - шепчет она хриплым от чувств голосом. - Я не понимала. Я не слушала.

- Ты права. Ты не слушала меня, - огрызается Полли. - Ты всегда думаешь, что я веду себя глупо, Полли. Незрелая Полли. Взбалмошная, безответственная, стервозная Полли. Может, я действительно такая и есть, но еще я чертовски хорошая наложница, и в этом нет ничего постыдного.

- Конечно, нет, - умоляюще говорит Рисса. - Я тоже стала наложницей по собственному желанию. Я об этом даже не подумала.

- Хорошо. Потому что ты тоже была чертовски хорошей наложницей, и мне нравилось, что мы были командой. Но мы больше не можем ею быть. Наш король мертв, и теперь мы здесь, и обе хотим разного.

Глаза Риссы блестят от слез, и она слегка опускает голову. Я никогда не видела Риссу такой печальной.

- Ты права. Мне очень жаль.

Полли резко кивает, и затем, кажется, тоже немного успокаивается. Она переводит взгляд на окно, скрещивает руки перед собой и вздыхает.

- Ну, во всяком случае, здесь не так холодно, - задумчиво произносит она.

Похоже, Рисса воспринимает ее слова как своего рода утешение и мягко ей улыбается.

- Да. Больше никакого холода.

Женщины смотрят друг на друга, и враждебность немного развеивается.

Но потом Полли поворачивается и пристально смотрит на меня.

– А теперь мне нужна ванна, чтобы смыть с моего тела грязь от нескольких недель странствия, и новое платье, чтобы я великолепно выглядела. А потом хочу немного монет и карету, чтобы отправиться в самый лучший и дорогой бордель в городе и устроиться туда работать. Если, конечно, королю Роту не нужна новая королевская наложница, – высокомерно скривив губы, говорит она.

Последнюю часть ее фразы я не замечаю, переводя взгляд на Риссу.

– Немного монет?

Она пожимает плечами.

– Я сказала Полли, что раз уж ты здесь с королем Ротом, то могла бы нам немного помочь. Как наложница наложнице.

– Она пыталась накачать меня наркотиками, – сухо говорю я.

– По приказу Мидаса, – парирует Полли. – И что я должна была сделать? Я не могла его послушаться. Женщины должны делать то, что должны.

Я вздыхаю, но испытываю к ней сочувствие, хотя этого и не хочу. После случившегося не хочу отдаваться таким людям, как Полли и Мист. Но она права. Женщины должны делать то, что должны. Просто считаю, что наши представления об этом сильно разнятся.

– Я принесу тебе несколько перед твоим отъездом.

На мгновение кажется, что в ее глазах мелькает удивление, но она быстро гасит его.

– Итак, – заводит она, отглядев комнату и проводя пальцем по одному из мягких кресел с высокой спинкой. – Ты быстро сменила королей.

Я холодно смотрю на нее.

– Напротив. Я меняла слишком долго.

На это она ничего не говорит.

Я встаю и сокращаю расстояние между нами.

– Как бы то ни было, Полли, надеюсь, ты сможешь быть счастлива здесь, в Четвертом королевстве.

Она прищуривается, словно не веря мне.

– Конечно, я буду счастлива, – вызывающе отвечает она, словно пытается доказать свою правоту любой ценой.

– А ты? – задаю я Риссе вопрос. – Ты хочешь покинуть это королевство? Потому что вынуждена тебя предупредить: не уверена, где сейчас в Орее будет спокойнее всего.

- Вообще-то я подумывала... остаться здесь.

Брови у меня взлетают на лоб.

- Остаться? - Для меня это неожиданно. Рисса только и говорила о своем отъезде. О том, что хочет путешествовать. Держаться поодаль от всего, что напоминает ей о жизни в качестве королевской наложницы. Может, она хочет остаться, чтобы присматривать за Полли, но мне отчего-то кажется, что за ее желанием скрывается нечто другое.

- Да, - кисло говорит она, закончив беседу таким кратким ответом, и встает. - Теперь мне тоже нужны ванна и платье, а еще комната, где я могла бы поспать. Даже передать тебе не могу, как мне осточертело спать в палатке и каждую ночь оказываться в тени этого волосатого олуха.

Рисса уже второй раз его упоминает.

- Между... тобой и Озриком что-то произошло? - осторожно спрашиваю я.

В ее глазах вспыхивает такое испепеляющее раздражение, что я удивленно вскидываю брови.

- Чтобы я с этим мужланом? Ни за что! - с жаром отвечает она.

С таким жаром, что на ее щеках снова вспыхивает румянец.

Занятно.

- Точно, - медленно произношу я. - Давай... подготовлю тебе ванну.

- Честно, - ворчит за спиной у меня Рисса, когда они с Полли выходят за мной из комнаты. - Я и он. Ты только подумай!

Да, тут и впрямь есть о чем задуматься.

Глава 56

Аурен

Такое ощущение, будто внутри у меня все сжалось от тревоги.

Сегодня вечером Слейд должен дать Ману официальный ответ. Ночь уже спустилась с неба и окутала землю, медленно стирая оставшееся время.

Я стою на крыше, распустив волосы, и некоторые прядки щекочут мне щеки. Небо испещрено облаками, которые несут с собой запах теплого дождя, но пока ощущается лишь прохладный ветерок.

Я вдавливаю пальцы в стену, смотря в сторону армейского лагеря. Отсюда мне почти ничего не видно, поскольку гора и деревья загораживают большую его часть, а сам замок скрывает остальное. Но я его слышу.

Слышу внизу тысячи солдат – то же самое я слышала, когда шла вместе с ними к Пятому королевству. Среди деревьев то тут, то там пробивается несколько костров, горящих на земле как маленькое оранжевое солнце.

Военная база так переполнена, что для того, чтобы разместить столько солдат, возвели грубые здания, а оставшаяся часть отряда либо осели в городе на постоянных дворах, либо здесь, в замке, который теперь переполнен.

Гнев тоже каждую ночь спит на базе. Думаю, солдатам там приятно знать, что их капитаны и командир не оставляют их ради роскошных комнат замка. Слейд разрывался на части, но остался здесь, со мной.

Услышав наверху шум, я устремляю взгляд в небо и от неожиданности подпрыгиваю и взвизгиваю, когда надо мной кружит огромная темная фигура, а рядом приземляется Арго.

Я хмуро смотрю на него.

– Вот засранец. Напугал меня.

Он облизывается, проводя длинным языком по острым, как кинжал, зубами. Некоторые из них кажутся темнее – наверное, от крови животного, на которого он охотился. Когда зверь снова облизывает пасть, я морщусь.

– Мерзость какая. Может, сначала умоешься, а потом будешь показывать мне свои зубки?

Он наклоняет голову, сверкнув переливающимися глазами. В его присутствии я нервничаю только от одних его размеров, хотя, признаюсь, он начал мне нравиться.

Но я все равно вздрагиваю, когда Арго внезапно подходит ко мне и толкает в плечо.

Я вытягиваюсь в струнку, чувствуя, как замерло сердце.

– Ты чего-то хочешь? – с тревогой спрашиваю я.

Слышу за спиной шаги и поворачиваюсь, увидев идущего ко мне стражника.

– Прошу прощения, миледи, но мы разбаловали зверя Его Величества. Он прилетает сюда ради этого. – Мужчина запускает руку в карман и протягивает кусок.

Взяв его, я смотрю на руку и вижу, что эта еда не вяленое мясо, как я ожидала увидеть, а что-то вроде большого печенья.

- Хотите сказать, что тимбервинги любят сладкое?

Стражник пожимает плечами и застенчиво улыбается.

- Не знаю, как насчет остальных тимбервингов, но этот точно сладкоежка.

Засмеявшись, я поворачиваюсь и вижу, как Арго нависает надо мной, не сводя взора с печенья в моей руке.

- А, так ты печенье хочешь?

Он издает чавкающий звук и с невинным щенячьим взглядом смотрит на меня.

Я фыркаю.

- Хм, отличная попытка, - говорю я ему, а потом произношу более суровым тоном: - Если откусишь мне руку, я очень рассержусь.

Я кладу печенье на ладонь и даже не успеваю протянуть руку, как Арго подходит и выхватывает угощение. Я вздрагиваю, крепко зажмурившись, но вместо того, чтобы почувствовать, как он терзает меня острыми как бритва зубами, зверь на удивление смирен. Я чувствую только легчайшее прикосновение огромных губ, за которыми исчезает печенье.

Когда я снова открываю глаза, он радостно проглатывает сладость и выглядит чрезвычайно довольным собой. Теперь он облизывает зубы от крошек.

- Лучше всего заедать кровавую охоту печенкой, да? - спрашиваю я у него.

Он издает звук, похожий на хриплое чавканье, и я протягиваю руку, чтобы его погладить.

Слышу, как стоящий рядом стражник резко охает.

- Леди Аурен, я бы...

Он не успевает предупредить меня, поскольку я провожу пальцами по перьям цвета коры на шее Арго. Я приготавливаюсь к тому, что зверь может меня цапнуть, но, к моему удивлению, он поворачивает голову, словно показывая мне, где его почесать. Я осторожно провожу пальцами по его шее, осознав, что его перья намного мягче, чем я думала.

Стражник с облегчением выдыхает.

- Ого. Он никому не позволяет его гладить, кроме Его Величества.

Меня переполняет удовольствие, и я снова провожу рукой по шее Арго.

- Хороший мальчик, - воркую я. - Спасибо, что не растерзал меня заживо.

Я глажу его еще несколько секунд, и стоит мне опустить руку, как он щелкает на меня зубами. Это единственное предупреждение, после чего он припадает к земле, а затем подпрыгивает и с порывом воздуха поднимается все выше и выше.

Я убираю волосы, упавшие мне на лицо, и улыбаюсь, смотря, как он исчезает в темноте. Повернувшись к стражнику, говорю:

- Спасибо за печенье.

Он склоняет голову.

- В любое время, миледи.

Когда я спускаюсь, удовольствие от пребывания на крыше медленно, шаг за шагом, улетучивается. Вернувшись к дверям, ведущим в покои Слейда, я чувствую, как снова внутри все сжимается от грузной и сильной тревоги.

Сделав вдох, я захожу в комнату и закрываю дверь. Вижу, что в спальне открыто окно, впускающее прохладный ночной воздух, от которого медленно колыхаются зеленые занавески.

- Вот ты где, - говорит Слейд.

Он встает со стула у темного камина, держа в руках стопку бумаг. Слейд бросает их на стул и выпрямляется. Я провожу взглядом по его телу: черные брюки заправлены в сапоги, а кожаная куртка подпоясана на талии. Еще он побрился, и черная борода, которая с каждым днем становилась гуще, теперь стала едва заметной тенью вдоль подбородка. Волосы он зачесал назад.

- Прекрасно выглядишь, - говорит Слейд, когда я подхожу к нему

Я приподнимаю юбку платья рубиново-красного цвета.

- Ты сам его выбрал.

Слейд проводит темными глазами по округлому вырезу на груди.

- Тебе идет этот цвет.

- Так приятно не носить каждый день золото. Приятно и не видеть его, - признаюсь я и оглядываю комнату, отметив темные доски на полу, а также темно-зеленое белье на постели. Для меня все равно необычно видеть истинный цвет дерева или нитки в ткани. Вырвавшись из Хайбелла, где все было позолочено моей рукой, где золото окружало меня повсюду, я почувствовала, будто глотнула свежего воздуха.

Жизнь, проведенная в золотых тонах, отбрасывает такую же тень.

Слейд проводит пальцами по золотому браслету на моем запястье.

- Но золотой всегда будет моим любимым цветом.

Я улыбаюсь ему, но моя радость быстро развеивается, когда снова всплывают беспокойные мысли, а живот сводит от сковывающей меня тревоги. Я опускаю руку в потайной кармашек на платье и достаю ленту. На миг накручиваю ее на большой палец, а потом кладу на прикроватный столик.

Я снова поворачиваюсь к Слейду.

– Мы можем поговорить?

– Разумеется.

Я подхожу к кровати и сажусь на нее, упираясь беспокойными руками. Стараясь унять эмоции, я слегка покачиваю ногами.

– Не думаю, что сегодня стоит отвечать Ману отказом.

На его лице мелькает разочарование.

– Стоит, – решительно заявляет он. – Они пытаются запугать нас, загнать в угол.

– Но армия устала. И нехватка продовольствия...

– Говоришь как Райатт.

Я замираю.

– Выходит, он согласен?

У него вырывается вялый смешок.

– Когда дело касается моих решений, Райатт всегда считает, что я должен поступить иначе.

Я царапаю зубами нижнюю губу.

– Просто я волнуюсь.

Лицо Слейда смягчается, а затем он подходит ко мне, остановившись прямо перед моими коленями. Он поднимает руку и проводит ею под моим подбородком, заставив приподнять голову, а потом наклоняется.

– Я не хочу, чтобы ты волновалась. Четвертое королевство сильное. Я силен.

– Я знаю, что ты силен, но твои люди...

Внезапно он сгибает колено и ставит его на матрац между моими ногами – так он прижимает своим весом ткань моей юбки.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, и мой голос срывается на вдохе.

Он наклоняется, и я отклоняюсь назад, отчего Слейд ухмыляется.

- Я не хочу, чтобы ты волновалась. У нас все будет прекрасно.

- Но...

Держа мой подбородок, Слейд наклоняется и скользит своими губами по моим, а мои слова меркнут, и изо рта у меня вырывается прерывистый вдох.

Это не вполне можно назвать поцелуем, но даже на такое легкое прикосновение мое тело откликается, и я таю в его объятиях.

Слейд отстраняется, и я вижу, как в его темно-зеленых глазах вспыхивают искорки желания.

- У тебя доброе сердце, Аурен, - говорит он, обводя большим пальцем мой подбородок. - Я просто хочу, чтобы ты мне доверилась. Поверила, что я смогу уберечь тебя и свое королевство.

- И я тебе доверяю, - искренне отвечаю я. - Но ты сам сказал, что, если они станут на тебя давить, ты отплатишь тем же.

Не пытаюсь это отрицать, Слейд ставит второе колено на кровать - теперь справа от моего бедра. Если мне казалось, что моя юбка была узкой, то теперь она стала еще уже, и я не могу пошевелить ногами вовсе. Слейд упирается руками в матрац по обе стороны от меня, и, когда я легонько отклоняюсь назад, он следует за мной.

- Я отплачу тем же, - говорит он, замерев в паре дюймов от моего лица. - Я не стану воздерживаться и применю свою магию. И не стану испытывать угрызений совести из-за мести. Я сделаю все, что от меня требуется, потому что никому нельзя угрожать моему королевству или пытаться навредить тебе.

Я глотаю подступивший к горлу ком. Мне нельзя сейчас так заводится. Нельзя, ведь мы обсуждаем серьезную проблему, ведь Слейд рассказывает, что не почувствует вины за то, что распространил гниль ценой жизни и земли.

Но я завелась.

Между нами неизменно присутствует притяжение, которое можем почувствовать только мы.

- Не хочу, чтобы из-за меня тебе пришлось убивать.

Слейд улыбается и трется своей щекой о мою. От ощущения его шершавого, гладко выбритого лица мою щеку покалывает от прилившего жара.

- Для этого уже слишком поздно, - мрачно произносит он. - Мои фейские инстинкты не успокоятся, пока не будет устранена последняя угроза тебе, а король во мне не будет сидеть сложа руки, пока другие угрожают моему народу. Я не стану это терпеть. Никому нельзя угрожать тому, что принадлежит мне. Я не стану безропотно это терпеть.

Он наклоняется еще сильнее, заставляя сдвинуться вместе с ним, и теперь безропотно лежу я. Услышав это слово в другом контексте, я чувствую, будто мое тело колют тысячи булавок. Пылкость его взгляда подсказывает, что Слейд именно этого и добивался.

Когда он нависает надо мной, мышцы на его руках становятся напряженными. Слейд опускает взгляд на мою грудь, и между бедер скапливается влажное тепло.

- Но... это плохо, - неубедительно говорю я, хотя пытаюсь приподнять бедра. Пытаюсь и терплю неудачу, потому что он удерживает мою юбку коленями. От того, что я оказалась полностью в его власти, прижимаюсь к нему всем телом, по спине пробегает дрожь.

Безропотно принимая.

- Я и ты, - произносит он, наклонившись вперед, и это притяжение становится еще более мощным. - Нет ничего постыдного в том, чем мы являемся.

Какая опасная мысль.

Он покусывает мою нижнюю губу, облизывает ее. Я не открываю рот, и тогда Слейд кусает сильнее, и от легкой, но резкой боли мое тело наполняется предвкушением. Я высовываю язык, нащупав капельку крови, но Слейд снова прижимается к моим губам и крадет это ощущение.

- Мы могущественные, - говорит он и опускает руку, проведя ею от ключицы до ложбинки груди, разжигая во мне пламя и распространяя это воспламеняющее желание.

Я не должна этого желать. Я должна оттолкнуть его, обсудить это его решение, не отвлекаясь на попытки меня соблазнить. Но я не могу. Не могу, потому что каждым своим прикосновением Слейд вызывает во мне неукротимое желание.

Потому я прогибаюсь в спине, безмолвно умоляя его просунуть руку под ткань, обхватить мою грудь, коснуться меня везде. Я выгибаюсь, и выгибается он - и это все, что нам сейчас нужно.

- Скажи это. - Он касается губами затвердевшего соска прямо сквозь ткань платья и втягивает его в рот. Я хныкаю и запрокидываю голову назад. Слейд опускается к другому соску, а затем принимается облизывать его, потягивая и дразня.

- Прикоснись ко мне, - наоборот требую я.

Он стискивает зубы, прикусив с силой, как пару мгновений назад губу. Сосок простреливает восхитительной болью, и я вскрикиваю.

- Скажи.

Я снова пытаюсь приподнять бедра. И снова. Борюсь со стискивающей меня тканью и чувствую себя застрявшей и стиснутой. Чувствую себя полностью скованной и оттого еще более возбужденной.

Я хочу прижаться к нему, хочу, чтобы он прижался к моему пульсирующему лону, держал меня в объятиях и не выпускал, пока не доставит мне удовольствие.

- Мы могущественные, - сбивчиво и учащенно дыша, повторяю я, уступив его требованиям.

- Правильно, - говорит Слейд, не сводя с меня взора и удерживая им так же сильно, как и руками. - С помощью золота и гнили мы защитим все, что принадлежит нам. Мы станем хуже остальных, когда придет время, и будем во всем лучшими. А потом, черт возьми, уничтожим наших врагов. - Слейд опускается бедрами - наконец-то - и прижимается ко мне. Я издаю стон и дрожу всем телом.

- А почему, Аурен? - спрашивает он соблазнительным напевом.

Слейд прижимается ко мне каменным членом, задев клитор, и я вспыхиваю.

- Потому что... - стону я, смотря ему в глаза, и тянусь к завязкам на его брюках.

Вместо того чтобы бояться этого мира, я могу заставить весь мир бояться меня.

Я просовываю руку в его брюки и обхватываю член, говоря:

- Потому что мы станем злодеями ради друг друга.

Слейд улыбается. Медленно и выразительно..

- Совершенно верно.

Глава 57

Аурен

Есть что-то освободительное и волнующее в этом обоюдном порочном признании. Возможно, за меня говорит моя фейская сторона. Возможно, гниль, что укоренилась в моей душе. Но что бы это ни было, оно обращается к тому зверю, что живет у меня в груди.

Я с силой сжимаю член Слейда, срывая стон с его порочных губ.

- Заставь меня кончить, Слейд.

В его глазах вспыхивает огонек, и он цокает языком:

- Ты – моя пара. Моя женщина. Мой партнер. Но когда вопрос стоит о твоём лоне, то я здесь главный.

Я надменно вскидываю бровь, хотя от его слов внутри все переворачивается.

- А если я захочу распорядиться твоим членом?

У него вырывается мрачный, хриплый смешок.

- А ты хочешь?

Я киваю и провожу пальцем по пульсирующей венке на его члене. Уже почти прикасаюсь к головке, но убираю руку и, смело смотря ему в глаза, облизываю ладонь, хорошенько ее смочив. Когда я снова обхватываю ладошкой его член, Слейд резко зажмуривается. Я вожу по нему рукой, массируя.

- Черт. Побери.

Я даже не пытаюсь скрыть улыбку, но потом чувствую, как из щели вытекает смазка и капает мне на живот. Снова и снова вытекает несколько капелек, и не знаю почему, но от этого вида, от того, как сильно я его возбуждаю, чувствую себя еще более могущественной, и совершенно по иной причине, нежели той, о которой упоминал Слейд. Из головки просачивается еще несколько капель, впитываясь в платье, и ткань прилипает к моей коже.

На сей раз языком цокаю я.

- Король Рот, взгляните, что вы натворили, – говорю я и, подняв палец, смахиваю несколько собравшихся на кончике капелек. Слейд смотрит на меня горящим взором, когда я подношу палец ко рту и всасываю его. Чувствую на языке его соленый привкус и втягиваю щеки, а потом, чмокнув, вытаскиваю палец.

У него вырывается еще одно проклятие.

- Пытаешься меня прикончить?

Я снова улыбаюсь и обхватываю его член.

- Прикончить тебя? Учитывая то, чего я желаю, это будет мне точно не на руку.

Он сдавленно хихикает.

- Тебе-то уж точно на руку.

Я смеюсь, но вскоре осекаюсь, когда Слейд наклоняется и прижимает там ко мне свою ладонь.

- Я могу дать ровно столько же, сколько получу. Ты просто помни об этом, Золотая пташка.

Я вздрагиваю и сбиваюсь, отчего мои плавные поглаживания становятся сумбурными. А вот Слейд продолжает кружить и прижимать ко мне ладонь, не сбившись с ритма.

Юбка, которую он крепко прижимает коленом, ограничивает мои телодвижения, и от того его настойчивые ласки кажутся еще более яркими. Словно я чувствую все до мельчайших деталей: рубиновая ткань, пригвоздившая меня к кровати, жар его ладони, влажные пятна, оставленные им у меня на животе, и прохладные метки на сосках от его рта.

Вся эта теплая влага оседает на мне, как медленно скапливающийся конденсат. Он покрывает меня всюду: покрасневшие щеки, удерживаемые тканью бедра, руку, которой продолжаю ласкать его член, и на нем выступает еще одна капелька смазки, как капля росы.

Жаль, что я не могу наклониться и слизать ее.

- Не дразни меня, - говорю я, снова пытаюсь приподнять бедра, чтобы он надавил сильнее. - Я хочу кончить.

- Правда? - говорит он столь же неторопливо.

- Да, - пытаюсь выдавить я, хотя это больше похоже на хныканье. Слейду удается так быстро вызвать у меня отчаяние, что это напоминает заклинание, которое может наложить только он. Я никогда так не терялась в вожделинии, как сейчас, с ним. И вдруг, как по волшебству, он начинает двигать рукой быстрее и сильнее. Я стону, выгнувшись дугой, чувствуя, как подхожу к пику...

- Нет!

Внезапно он убирает руку, и вместе с ней меркнет мой оргазм.

Я испепеляю Слейда взглядом, шумно дыша, словно только что пробежала пять лестничных пролетов.

- Почему ты остановился? Я уже готова была кончить.

Несносный мужчина встает с кровати, и мое платье больше не пригвозждает вес его тела. От облегчения ноги покалывает, и я приподнимаюсь на локте, а потом сразу же провожу рукой по груди. Я задираю юбку, скольжу пальцами вниз, готовая коснуться изнывающего клитора...

И под платьем мое запястье решительно перехватывают за секунду до того, как я успеваю дотянуться до нуждающейся в прикосновениях плоти.

- Отпусти.

Не обращая внимания на мою просьбу, другой рукой Слейд спускает штаны и кладет мою руку обратно на свой член.

Вместо того чтобы погладить его, я сжимаю. С силой. И не с настойчиво-чувственным намерением. Нет, я стискиваю его иначе – грубо и зло, посылая ему предупреждение. Но этот подонок даже не вздрагивает. Нет, он просто стонет. Будто то, что я сжимаю его, словно хочу выдавить из лимона сок, доставляет ему удовольствие.

– Ммм, такая агрессивная, – мрачно говорит он, двигая бедрами вперед, будто прося большего. – Пытаешься меня наказать?

– Да. – Теперь я пытаюсь дотянуться до его кошонки. Посмотрим, понравится ли ему, если и с этой частью его тела обойдутся так же жестоко.

Но он как будто просекает мои намерения, потому что снова хватает меня за запястье, а затем, не успеваю я моргнуть, как оказываюсь лежащей на спине с прижатыми над головой запястьями.

– Миледи, вы потеряли привилегию пользоваться руками.

По моему телу разливается возбуждение, вплоть до низа живота. Может, мы похожи благодаря нашей фейской природе, ибо мне тоже нравится, когда Слейд ведет себя агрессивно.

Но я все равно смотрю на него волком.

– Если не доставишь мне оргазм, я сама это сделаю.

– Нет, – покачав головой, говорит он. – Не выйдет. Пока я нахожусь в этой комнате, только я и буду доставлять тебе удовольствие. Только я решаю, когда ты кончишь.

Я слегка приподнимаю голову.

– Тогда сделай это, – бросаю я вызов.

Если бы тело могло за меня говорить, то это прозвучало бы как мольба.

Он бросает на меня мрачный взгляд и окидывает взором мой растрепанный вид.

– Держи руки над головой. Не двигай ими.

Я с трудом сплываю и киваю, а он отпускает мои запястья.

Слейд встает надо мной и ведет пальцем вниз, не отрывая взгляда.

– Только взгляни на это, – шепчет он, коснувшись другой рукой влажного пятна на моем животе. – От тебя мой член стал совсем мокрым. Как же он хочет тебя.

Я побуждаю его к действиям, вскинув бедра.

Он сжимает член в кулаке, пару раз неспешно проведя по нему рукой, и это движение кажется таким сексуальным, что ниже пояса у меня все пылает.

- Ммм, может, мне стоит просто заставить тебя смотреть. Я мог бы пролить оставшуюся сперму на твое красивое платье. Смотреть, как ты извиваешься и хныкаешь, пока я держу член, который ты так сильно хочешь.

У меня перехватывает дыхание.

- Нет, - говорю я и качаю головой.

Комнату освещают канделябры, но в ней все равно царит полумрак, а Слейд возвышается надо мной. Он поглаживает свой член, и я чувствую себя еще более развратной, будто темнота - надежный хранитель всего похотливого и порочного.

Слейд продолжает двигать рукой.

- Ты даже не представляешь, на что меня подстегнула, позволив запачкать свое красивое платье, - говорит он, замедляя движения. Словно он не истязает меня этим эротическим поддразниванием. - У меня возникло желание вонзить зубы тебе в шею и оставить след на твоей коже. Мне хочется раздеть тебя догола, хочется, чтобы ты открыла рот, высунула язык, и я кончил на твою грудь, киску, лицо. Мне хочется размазать сперму по твоей груди, провести членом по пухлым губам, смотреть, как ты глотаешь ее, пока я размазываю ее по твоему изнывающему лону.

От приятного возбуждения я округляю глаза, чувствуя, как бешено забилося сердце.

- Великие боги...

- Я бы так покрыл тебя своим семенем, что почувствовал бы свой запах, - рычит он, словно уже воделеет этой идеи, уже хочет воплотить ее в жизнь.

Я почти хочу позволить ему.

Затем Слейд без предупреждения наклоняется и задирает юбку, обнажив мое тело. В следующее мгновение он срывает с меня мокрые трусики и оказывается на коленях, уткнувшись лицом в мое лоно.

Когда он проходится языком по нежной коже, настойчиво облизывая меня так, словно я его любимое лакомство, тело начинает неудержимо дрожать.

- Ммм, вся эта сладость только для меня.

Его голос грохочет надо мной, посылая дрожь, которая распалает меня так, словно я голодный зверь, отчаянно стремящийся насытиться.

Слейд вонзает в меня язык, начиная трахать им, а я хнычу и извиваюсь, пытаюсь приподнять бедра, чтобы заставить его обратить внимание на мой пульсирующий комочек нервов, но он снова прижимает меня к постели задранной юбкой.

- Слейд, - кричу я. - Оближи мой клитор.

Он отрывается, сидя между моими ногами и смотря на меня с влажным подбородком.

- Черт возьми, моя шаловливая девчонка хочет, чтобы ей полизали клитор?

- Да! Заставь меня кончить! - Я почти рыдаю от желания, извиваясь и дико дергаясь из стороны в сторону, пытаюсь высвободиться из его хватки и вместе с тем наслаждаясь, как он контролирует меня, ограничив движения.

- Хм, мне нравится, когда ты извиваешься от желания.

Он снова опускается и обхватывает ртом мой набухший клитор, посасывая его и покусывая, пылко облизывая меня, по моему телу проходит молниеносная дрожь.

Я опускаю руки на его голову, запустив пальцы в густые волосы. Дергаю и тяну за них, передвинув его туда, где нуждаюсь в нем сильнее всего. Хочу, чтобы он продолжал жадно ласкать мой клитор, потому что я скоро...

Он обхватывает мои запястья руками и отводит их, а потом и отстраняется сам.

У меня вырывается самый постыдный вопль:

- Нет, я была так близка, ублюдок!

Он прижимает мои руки к кровати.

- Я же говорил тебе не двигать руками, - говорит он с порочным укором. - Очень неприлично не подчиняться правилам.

Кажется, будто пульсирует все мое тело вплоть до того комочка нервов, который до сих пор не получил того, чего я так хочу. Слейд подводит меня к вершине, а потом бросает на самом краю. Чувствую, что от одного-единственного движения его языка я могла бы зайти за край.

- Ты должен закончить начатое, - умоляю я. Потому что слишком взвинчена. Слишком желаю поскорее прочувствовать то удовольствие. И в этом виноват Слейд, а теперь мне кажется, что если я не получу разрядку, то останусь опустошенной и лишенной.

Вот почему я веду себя как обезумевшее животное, когда он отпускает мои руки и встает, ухмыльнувшись и сказав:

- Нет.

Я даже сама удивлена тому, как подрываюсь с места.

В одну секунду я лежу на кровати, а в следующую вскакиваю и толкаю его с такой силой, что он отшатывается. Я не знаю, может, потому что я применила силу, либо потому что застала его врасплох, но Слейд отшатывается на несколько шагов.

Пока он не успел вернуть равновесие, я прыгаю на него, и у меня из горла вырывается утробный звук.

– Трахни. Меня. Сейчас же, – требовательно рычу я, схватив его за член. – Если не дашь мне желаемое, то я с такой силой вдарю тебе по яйцам, что еще неделю будешь давиться спермой, которой ты хочешь украсить мое тело.

Большинство мужчин, услышав подобную угрозу, разинули бы рот и отшатнулись.

Но Слейд?

Черт возьми, он слетает с катушек.

Он подхватывает меня под попу, задрав спереди платье, и прижимает спиной к ближайшей стене. Но я даже не чувствую силы удара, потому что смеюсь над тем, как легко на него надавила и вынудила потерять контроль.

– Я хотел тебя еще немного подразнить. Ласкать, пока ты не закричишь. Но сейчас ты зашла слишком далеко. Сейчас вас, леди Аурен, жестко трахнут у стены.

Я прижимаюсь губами к его губам, прикусив их до крови, отчего он шипит, а потом отстраняется и ухмыляется.

– Хорошо.

Он вонзается в меня с такой силой, что мир как будто раскалывается надвое.

Или, быть может, только я.

Я выкрикиваю его имя, впившись ногтями в его кожаную рубашку, и чувствую себя такой наполненной, что наслаждаюсь каждым дюймом его члена.

– В этом ты нуждалась, Золотая пташка? – рычит он мне в ухо.

– Богиня, да. – Потому что я правда этого хотела. Чтобы мне не нужно было думать. Не нужно было волноваться. Я хочу, чтобы все мои помыслы свелись к чувственному, неистовому и дарящему необыкновенное удовольствие действию.

Слейд медленно выходит, а потом начинает трахать меня. Каждое его движение быстрое и сильное, и стена скрипит и дрожит от того, с какой яростью он вонзается в меня снова и снова.

Вдруг он протягивает одну руку вверх и прижимает два пальца к моим губам, прося доступа.

– Соси.

У меня тут же вырывается стон. Я стону и провожу языком по его пальцам, засасывая их в рот.

Он касается этими влажными пальцами моего клитора, потирая, кружа, пощипывая, и я уже готова взорваться удовольствием, уже готова...

Он убирает пальцы. Ровно в то же мгновение, когда я готова была сжать его член мышцами, готова была подойти к пику.

Из горла вырывается яростный всхлип.

- Нет...

- Да, - мурлычет он в ответ, его член пульсирует во мне, и я чувствую, как он становится еще тверже, еще толще.

- Мне это нужно, - умоляю я.

- Ты очень плохо себя вела. Толкала меня, предъявляла требования. - От его мрачного голоса по моей разгоряченной коже пробегают мурашки. - Я должен снова и снова подводить тебя к краю. Должен продолжать терзать твоё лоно, дразнить клитор, сводить тебя с ума от этой потребности. Возносить тебя выше и выше и не давать соскользнуть с этой вершины.

Я и без того чувствую, как уже теряю голову, и если он продолжит дразнить меня, то попросту умру.

- Нет. Пожалуйста.

Может, дело в моей хриплой просьбе, но Слейд набрасывается на мои губы и принимается целовать так, как никогда раньше. Без медленных ласк языком. Без легких покусываний. Поцелуй сумбурный, доминирующий и чертовски сексуальный. Слейд овладевает моими губами так, как овладевает и телом - полностью и властно. Но притом сохраняет между нами тот уровень доверия, который позволяет мне полностью отдаться этой дикой страсти и вернуть ее в десятикратном размере.

Он отстраняется, только когда я поворачиваю голову, чтобы перевести дыхание, а затем отрывает меня от стены, умело насаживая на свой член, словно держать меня на руках проще простого. И сейчас он входит в меня еще глубже, чем был до этого.

Он продолжает плавно двигаться. Это блаженство. Это агония. Все это слилось воедино, и мир перед глазами у меня расплывается.

Потому что мне это нужно.

Нужно, нужно, нужно.

Я подпрыгиваю, ударившись спиной о кровать, и он подтягивает мои колени к груди, трахая, как одержимый.

- На сей раз я позволю тебе кончить, - говорит Слейд, и я почти плачу от облегчения и потребности. Моя грудь непристойно подпрыгивает от того, как грубо он меня берет. - И когда ты кончишь, выкрикивая мое имя, то будешь благодарить меня за то, что я так долго подводил тебя к пику. А все потому, что такого сильного оргазма у тебя точно никогда еще не было.

Думаю, он слегка преувеличивает.

Но нет.

Слейд опускает руку на мой клитор, но вместо того, чтобы провести по нему пальцем, он легонько по нему шлепает. Этот шлепок отзывается во мне, а от резкой боли я будто оказываюсь в ванне, полной воды, которая приглушает мои ощущения и приятно обволакивает. А потом Слейд ласкает клитор, превратив эту боль в удовольствие, и он рычит только один приказ:

– Кончай.

Оргазм пронизывает меня насквозь, разрывая на части.

Я кончаю, и кончаю, и кончаю, а он продолжает ласкать меня и трахать.

Когда удовольствие достигает пика и начинает стихать, Слейд окунает меня в еще одну волну страсти, словно теперь бросает не в ванну, а в реку, и ее опасно быстрое течение уносит меня прочь до того, как я успеваю понять, что вообще происходит.

И когда я снова кончаю, не успев оправиться от последствий, он продолжает.

Он продолжает, и я не уверена, умру ли я, потеряю сознание или просто утону в удовольствии.

Но как же приятно чувствовать, что тебя сносит водоворотом наслаждения.

– Хорошая девочка, – говорит Слейд, и удовольствие становится еще сильнее. – Ты такая восхитительно сексуальная.

Меня охватывает дрожь. Кажется, я даже плачу. Я так взвинчена, так возбуждена и чувствительна, что мотаю головой и умоляю, умоляю.

Но прошу о большем, одновременно с этим умоляя его прекратить безумную эйфорию.

– Тебе нравится, да, детка?

Я даже сказать ничего не могу, потому что у меня вырываются только вялые стоны.

Слейд касается губами моей шеи и облизывает линию челюсти, а потом захватывает мои губы в поцелуе.

– Ты чертовски великолепна. Возбуждаешься еще сильнее, когда я тебя трахаю. – И это правда. Я слышу, какой становлюсь влажной по звукам, с которыми соприкасается наша кожа, когда он входит в меня. – Я хочу, чтобы ты сжала меня своим сладким лоном, Аурен, – вкрадчиво произносит Слейд. – Сожми мой член и заставь кончить вместе с тобой.

Я неразборчиво бормочу мольбу, но, конечно, не могу снова это сделать.

– Еще раз. Подари мне еще один раз, потому что ты моя чертовски идеальная женщина, которой нравится то, как сильно я трахаю. Тебе нравится дразнить меня, сжимать мои яйца, слизывать смазку с моего члена. Да, Золотая пташка? – Я схожу с ума от безумной потребности, от блаженного изнеможения, от пика, который, кажется, никогда не кончится. – Так дай мне. Еще. Один. Раз.

Мое тело охотно подчиняется его требованию. Я чувствую, как выгибается моя спина, как дрожит мое тело. И тогда даю ему еще один клятый оргазм.

Меня пронзает упоительная мука, и я не понимаю, как у меня хватает дыхания, чтобы выкрикнуть его имя, но я кричу. Я сжимаю мышцами его член, и Слейд входит в меня глубже, вгоняя горячее семя.

И мое тело просто рассыпается на части. Разум полностью затуманен блаженством. Потрясенно вздохнув, я опускаюсь на кровать в таком изнурительном восторге, что в глазах темнеет, а веки непроизвольно закрываются. Потому что второй оргазм уничтожил меня самым лучшим из возможных способов.

Последнее, что я помню, – теплую ткань, которой вытирают мои липкие бедра, и нежное прикосновение, когда убирают волосы от моего лица. Меня легонько сдвигают на кровати, подложив под голову подушку, накрывают одеялом и нежно целуют в лоб.

А потом я проваливаюсь в сон.

Глава 58

Аурен

Я просыпаюсь, с трудом открыв глаза, будто их склеило. В теле ощущается истома, словно так хорошо я еще не высыпалась.

И тогда я вспоминаю причину.

Оргазмы.

Оргазмы и то, с какой силой брал меня всемогущий король Ревингер.

Я пришла, чтобы поговорить с ним о Ману, спросить о том, насколько серьезная угроза нависла над его королевством. Узнать о Слиянии, действительно ли они выносят мягкие наказания или Ману пускал пыль в глаза, чтобы затушить огонь.

Но вместо разговора Слейд меня соблазнил.

Каков подонок.

Окинув взглядом пустую комнату, я откидываю одеяло и, вскочив с кровати, иду в гардеробную. Кажется, я уснула всего на несколько минут, поэтому мне нужно спуститься на ужин к Ману, – вот только я, безусловно, не могу надеть это платье. Нет... ведь на нем остались пятна, которые уже подсохли и застыли.

Я срываю с себя красивую ткань рубинового цвета, радуясь, что Слейд не пускает в свою комнату служанок, потому что я бы ни за что не позволила кому-нибудь оттирать эти пятна. Позднее сама этим займусь.

Я натягиваю пару черных чулок и рубашку. Надо было надеть брюки раньше. Тогда, возможно, я бы не позволила себя соблазнить и не отвлеклась.

Глупая.

Просто... этот мужчина.

Он всего лишь ухмыляется, смеется, шевелит магическими линиями на покрытом щетиной подбородке, говорит непристойные словечки, а я млею. Каждый раз.

А еще его член. Он у него тоже хорош.

Окинув взглядом гардеробную, я взываю к золоту, которым украсила колонны в его спальне, и оно тут же приливает ко мне из другой комнаты. Как только оно оказывается рядом, я направляю его, похлопав ладонью по любимой кожаной куртке Слейда. Золото мгновенно обволакивает ткань, и она становится блестящей и броской.

От этого зрелища мне сразу же становится лучше.

То же самое я проделываю с его любимыми брюками. Не с моими любимыми брюками – теми, которые идеально обтягивают его ягодицы, делая их поистине привлекательными, – а с другими. Затем золоту его сапоги. Пальто. Даже кинжалы, которые висят на стенах. Вещи, которые он больше не сможет носить.

Когда я расходую все золото с колонн, то встряхиваю руками и с удовольствием оглядываюсь.

Это просто мелочи.

Лично я считаю, что он того заслуживает. Слейд, по сути, сексом довел меня до бессознательного состояния, чтобы отправиться на ужин и дать Ману окончательный ответ, не поделившись со мной возможностью для начала все подробно обсудить. На карту поставлено слишком много жизней, не только моя. И как бы он ни был уверен в исходе, стоило для начала все обговорить.

Я уже собираюсь выйти из гардеробной, как мой взгляд падает на пальто с перьями. То, которое я надела после того, как покинула Красных бандитов. То, которое хранилось у Слейда в гардеробной Рэнхолда. Но ему каким-то образом удалось раздобыть не только пальто. Из его кармана я вытаскиваю книгу о фейри, которую принесла ему еще в Пятом королевстве. Книгу, о которой мне так и не довелось его спросить, потому что он снова отвлек меня сексом.

Похоже, схема у него одна и та же.

Я добавляю ее в список тем для обсуждения и иду в ванную. Умывшись и расчесав спутанные волосы, заплетаю их в косу и выхожу из покоев Слейда, спеша в обеденный зал.

Вот только когда я туда прихожу, комната уже пуста. Со стола убрали приборы. Я замираю на пороге и чувствую, как сердце начинает биться все быстрее и быстрее.

Увидев, как в дальнем конце залы заходит слуга, окликаю его.

– Извините?

Юноша замирает, вытаращив глаза.

– Прошу прощения, но когда кончился ужин? Тот, с советником из Третьего королевства?

– Примерно час назад, леди Аурен.

Черт, я все пропустила.

Я пропустила ужин, а Слейд даже не попытался меня разбудить.

Я плотно поджимаю губы.

– Ты случайно не знаешь, куда отправились король Ревингер и советник?

– Его Величество отправились на военную базу. Сир Иоанна, полагаю, должен скоро отбыть.

Меня затапливает разочарование.

– Спасибо.

Юноша кивает и спешит прочь, будто боится, что я могу задать ему еще какой-нибудь вопрос. Или, может, боится, что я действительно краду магию и накинусь на него этим золотом.

Я смотрю на темную комнату, на миг сомневаясь, как поступить. Слейд оставил меня возлежать в блаженстве от оргазма, и пока я посапывала в постели, спустился в залу один, чтобы снова заявить, что отказывается от Слияния. Он даже не разбудил меня, чтобы сказать об этом, и сбежал на военную базу в лунном свете.

Надо было больше ему вещей позолотить.

Я зла. Я взволнована. И так боюсь того, что может произойти, а теперь, когда дан ответ, последствия не заставят себя ждать. Все произошло слишком быстро, и я не успела разобраться во всем сама, потому что такая возможность буквально выскользнула у меня из рук.

Развернувшись, я уйду, гадая, смогу ли перехватить Ману до его отъезда. Я направляюсь к его покоям, бесшумно ступая по коридору. Если у меня получится снова с ним поговорить, возможно, смогу убедить его сказать своей сестре, чтобы она не прекращала поставки Четвертому королевству, подстегивая желание Слейда отомстить.

И все же, обнаружив еще одну служанку, я спрашиваю у нее, где находятся покои Ману, но она отвечает, что он буквально несколько минут назад вышел из комнаты в сопровождении своей стражи, а затем уехал.

Сердце обрывается.

На мгновение я подумываю, не спуститься ли мне к военной базе и не поговорить ли со Слейдом, но для этого сейчас я слишком взволнована. Потому направляюсь в сторону садов. Стражник открывает мне дверь.

- Хотите подышать свежим воздухом, леди Аурен?

- Да, благодарю.

Меня захватывают тревожные мысли, но свежий воздух и впрямь помогает. Я вдыхаю его сразу же, как выхожу на улицу, и прохладный воздух немного меня успокаивает. А мне нужно немного успокоиться, потому что внутри все переворачивается. Сейчас Ману, наверное, уже едет к своей сестре.

А из-за меня Четвертое королевство может погибнуть от голода.

Неважно, что Слейд пытается создать у народа положительное впечатление обо мне – стоит им понять, что причина их голода – я, они отвернутся от меня сильнее, чем им того хочется.

Стражник тихонько идет за мной, пока я погружена в свои мысли. Но успеваю пройти всего несколько футов, когда замечаю, что на скамейке возле роз кто-то сидит.

- Рисса?

Она поднимает белокурую голову, ее белое платье почти светится в лунном свете. Я подхожу к ней, и она встает.

- С тех пор, как ты приехала, мы почти не виделись, – говорю я, встав напротив нее.

- Потому что мне не хотелось покидать постель, – говорит она, заправив за ухо выбившуюся прядь волос. – После столь долгого странствия в палатке я с удовольствием лежала на пуховом матрасе без ощущения, что от мороза у меня вот-вот отвалятся пальцы.

– Мне жаль, что тебе пришлось выдержать столь долгий и изнурительный путь.

– Да. Ведь теперь мы не можем внушать безрассудную страсть королям и лететь на тимбервингах через всю Пустошь.

Оглядывая сад, я издаю тихий смешок. Если не считать зажженных фонарей вдоль внешней каменной стены, здесь темно, но в то же время спокойно, а луна отбрасывает столько же теней, сколько и света.

– Хочешь прогуляться? – спрашиваю я Риссу.

Она кивает, и мы идем к живой изгороди неспешным шагом, а стражник держится чуть поодаль, предоставив нам возможность уединиться.

– Как дела у Полли? Надеюсь, она получила монеты, которые я ей отправила.

– Получила. И сразу же отправилась в бордель.

Судя по тону, это ее беспокоит.

– Я знаю: ты не хочешь для нее такой участи, но, кажется, она сама этого хотела, – мягко говорю я, вдыхая аромат жасмина, когда мы проходим мимо его вьющихся по причудливому трельяжу стеблей.

– Я знаю, – говорит Рисса, покосившись на меня. – Теперь знаю, – исправляется она. – Просто... я буду по ней скучать.

Меня удивляет уязвимость, которую она не скрывает, и тогда понимаю, какой грустной она выглядит. Рисса всегда тверда, как сталь. Соблазнительна. Умна. Резка. Но бывала ли она раньше грустной? Никогда.

Я оглядываюсь на стражника, жестом попросив его отстать на несколько шагов, и мы с Риссой останавливаемся у первого ряда живой изгороди.

– Я знаю, что Полли немного... злилась на тебя за то, что ты забрала ее из Рэнхолда, – осторожно начинаю я. – Но, думаю, в глубине души она знает, что ты спасла ей жизнь. Сейчас она не хочет это признавать, но от росы Полли, наверное, в конечном итоге умерла бы.

– И лучше бы ей больше никогда ничего подобного не пробовать, – со злостью говорит Рисса, уставившись на кустарник так, словно его листья лично нанесли ей оскорбление. – Потому что, если она снова доведет себя до такого состояния, я не стану ее спасать. Не стану смотреть, как она неделями слезает с дурмана.

Я вздрагиваю, просто представив, каково это. Я ведьать не ведаю, что чувствует тело, когда ему отказывают в росе, но, судя по изможденному виду Полли и тому, через что ей пришлось пройти, направляясь с армией по замерзшей пустоши, удовольствие, наверное, не из приятных. Могу только вообразить, сколько тягот пришлось вынести Риссе.

- Полли одумается, - мягко говорю я и, наклонившись, беру Риссу за руку. На миг она вздрагивает, и я жду, что она отстранится. Но, к моему удивлению, Рисса сжимает мою руку.

И почти сразу же ее отпускает, но все же.

Увидев, как я расплываюсь в улыбке, она хмуро на меня смотрит.

- Нет.

- Что «нет»? - продолжая улыбаться, спрашиваю я.

- Я знаю: ты думаешь, что теперь мы стали закадычными подругами. Я пожалала твою руку только в качестве утешения, не более того.

- Не знаю, - говорю я, легонько пожав плечами. - Это напомнило мне дружеское пожатие.

Она фыркает и идет вперед.

- Ты разве не должна сейчас заниматься чем-нибудь романтическим со своим королем?

- В данный момент у меня нет романтических порывов, - признаюсь я. - К тому же он снова вернулся на военную базу.

- Им и впрямь нравится проводить там все свободное время? - отвечает она, выглядев расстроенной. - Капитан Олух тоже постоянно там торчит.

Я приподнимаю бровь, в этот момент мы подходим к фонтану и скамейке, где на днях я упражнялась с золотом.

- А это... тебя беспокоит? Что Озрик часто бывает на базе? - Я пытаюсь задать вопрос безразлично, но, похоже, терплю неудачу, потому что Рисса напрягается.

- Почему это должно меня беспокоить? - с вызовом спрашивает она, встав у фонтана и скрестив руки. - Он грубиян и хам. И ему самое место на военной базе.

- Хм.

Она поворачивает ко мне голову, прищуривает глаза и открывает рот, чтобы что-то возразить.

Но что бы Рисса ни хотела сказать, она не успевает, потому что сзади доносится шум. Я поворачиваюсь и вижу, как мой стражник падает на колени. Бросаюсь к нему, подумав, что он задыхается или потерял сознание, но вижу за ним вторую фигуру. Ту, что держит нож.

Широко раскрыв глаза, я смотрю, как стражник ничком падает, издав булькающий звук, от которого у меня сводит живот. Кровь в жилах шумит от страха, а потом я слышу:

- Аурен, смотри...

Услышав предупреждающий оклик Риссы, я оборачиваюсь и столбенею. Незнакомый мужчина одной рукой зажимает Риссе рот, а другой направляет кинжал прямо ей в сердце. Ее голубые глаза широко раскрыты от ужаса, а от лица отхлынула кровь.

Когда я бросаюсь к ней, меня что-то ударяет в висок. Недостаточно, чтобы я потеряла сознание, но меня пронзает боль, а голова начинает кружиться, и я, спотыкаясь, отступаю назад.

Я призываю золото, но сейчас ночь, и могу воспользоваться только своим браслетом. Он тает у меня на запястье, стекает по руке и собирается на ладони. Его мало, слишком мало, но это все, что у меня есть. Если я смогу направить его на ударившего меня человека, заточить его, как иглу, и вонзить в глаз, то тогда...

Внезапно мне на нос и рот надевают пахнущую гнилью тряпку. Я отплевываюсь и кашляю, вдыхая что-то острое, горькое и всепоглощающее. Этот запах обволакивает язык, прилипает к горлу, обжигает глаза, разгорается в груди.

Нет, нет, нет!

Я теряю голову от страха, он гремит в ушах, пульсирует в венах. Но от удара по голове и опьяняющего дурмана, который прижимают к моему лицу, тут же оседаю на землю, не в силах удержаться на ногах, не в силах что-либо предпринять.

Я не могу пошевелить ногами. Не могу контролировать руки. Моя сжатая в кулак рука безуспешно пытается вытянуть золото, чтобы помочь себе. Оно замедляется и, слишком густое и вязкое, прилипает к ладони, как грязь из болота.

Кто-то подхватывает меня прежде, чем я успеваю упасть. Мне удастся только держать голову и не смыкать веки. Я будто смотрю сквозь вихрь, где все яростно кружит, расплываясь перед глазами. Ткань тонкая, и я могу дышать, но паника душит меня, отчего учащенно бьется сердце.

Однако мысли как будто замедляются. Я почти перестаю моргать. Пытаюсь оставаться в сознании, осознавать, что происходит. Золото капает из руки, как высыхающая краска. Такое же одурманенное и обездвиженное, как я, оно бесполезно стекает с пальцев на пышную траву.

Рисса пытается оказать сопротивление, приглушенно кричит в ткань, приковав ко мне полные ужаса глаза. А я ничем не могу ей помочь. Здесь нет золота, которое могло бы нас спасти – мою магию слишком испортил тот яд, и пользоваться ею не было бы смысла, даже если бы мое золото не оказалось таким бессильным.

А затем к нам выходят двое мужчин. Один из них – в длинной белой мантии со свисающим крупным ожерельем, которое украшает эмблема Второго королевства. Сердце разрывает страх, но затем я устремляю взгляд на второго человека, вышедшего из тени.

Ману.

- Ничего личного, куколка, - тихо говорит он. Его синяя одежда такая темная, что кажется почти черной, руки обнажены, а волосы туго стянуты. - Но я верен своей сестре.

- И закону богам, - говорит мужчина в мантии.

Ману кивает.

- Поехали. Нам нельзя тут находиться, когда вернется Ревингер.

Я пытаюсь закричать в ткань, но выходит лишь хриплый вздох.

- А как поступить с этой? - спрашивает мужчина, удерживающий Риссу. - Она всего лишь наложница.

Мне с трудом удастся не закрывать глаза. С трудом удастся удерживать голову. А вот Рисса не сводит с меня взгляда. Потому я тоже не свожу взгляда с нее.

- Просто выруби ее и оставь, - говорит Ману.

По моему телу разливается облегчение, хотя и на него влияет дурман, отчего оно становится едва различимым в отражающемся эхом клокотании.

Но затем мужчина в мантии качает головой, и все мое тело напрягается.

- Нет. Мы не можем оставить дело нерешенным. Убей ее.

У меня сводит живот. Легкие будто плавятся, продолжая втягивать отравленный воздух, но язык, покрытый горькой пленкой, налился свинцом, и я не могу даже протестующе вскрикнуть.

Когда я вижу, как держащий Риссу мужчина наставляет на ее грудь кинжал, время ускоряется, тогда как я замедляюсь.

Я пытаюсь закричать, но у меня вырывается только слабый всхлип, в глазах начинает темнеть, а в голове стучать.

Я смотрю, как Рисса вздрагивает от боли и потрясения, когда ей наносят удар кинжалом.

Быстро. Слишком быстро, чтобы я могла этому помешать. Слишком быстро, чтобы я смогла сделать хотя бы что-то.

Лезвие входит в ее тело так же легко, как вертел в кусок мяса. От удивления она открывает рот, не сводя с меня взора, а потом ее потрясение сменяется чем-то иным.

Неотвратно смертельным.

Она падает, и я падаю вместе с ней.

Ее тело небрежно отбрасывают на траву. На ее белом платье расплывается кровавое пятно, а из груди торчит клинок.

А мне кажется, будто этот кинжал вонзается и в мое сердце, и в голове раздается беззвучный крик.

А потом все погружается в темноту.

Глава 59

Слейд

Всего за неделю база пропиталась запахом дерьма и кожи. Отхожие места засорились, поэтому пришлось копать новые. Продовольственное нормирование тоже стало сущим кошмаром. Некоторые солдаты еще спят, хотя на базе быстро возводят новые здания, а Ходжат и другие армейские лекари лечат почти две сотни солдат от болезней и ран, полученных во время пути.

Из-за сокращения продовольствия настрой в армии тоже оставляет желать лучшего, как и из-за тесной жилой зоны и того, что в ближайшее время домой никого не отпустят.

Королева Кайла и другие правители хотят добавить трудностей. Хотят распространить байку о том, что Аурен – злодейка. О том, что я укрываю предательницу. А Мидаса хотят представить мучеником.

Это все чертова ложь.

Но пусть распускают эти слухи, сколь им будет угодно. Может, королева и властительница слов, ну а я мастерски пренебрегаю шумихой. Я не из тех мужчин, на кого может повлиять сенсационная шумиха, с помощью которой хотят изменить мнение народа.

Гниль безмолвна.

Так что пусть кричат, сколько хотят, но я все равно безмолвно их уничтожу, если понадобится.

Сидящий напротив Райатт заканчивает отчет. Отношения между нами были напряженными, но, несмотря на его бахвальство, он выполнял все мои приказы. Однако брат выглядит усталым: глаза красные от недосыпа, брови насуплены больше обычного. Волосы у него еще влажные от пота, поскольку на улице ему пришлось надеть шлем, пока он сверялся со списком добровольцев, согласившихся оставить Брэкхилл, чтобы добыть больше еды.

Может, Райатт и не согласен с моим решением, но делает все необходимое. В критической ситуации он всегда так поступает.

Помимо него, Озрик – единственный, кто присутствует на этом собрании. Джадд и Лу отбыли неделю назад. Лу полетела в Шестое царство, чтобы я лучше разобрался в том, что там происходит, а Джадд отправился в Первое королевство.

– ...и еще сорок отправятся на участок земли, предложенный Барли, – заканчивает Райатт.

– Как скоро можно ожидать их прибытия?

– Я послал людей облететь земли на тимбевингах. Они летят на десяти зверях – половине нашего Вольера, не считая наших личных. Когда они вернуться, мы заменим их, отправив следующую десятку, и так далее, чтобы тимбевингам хватило времени отдохнуть перед следующим вылетом.

– Хорошо.

– Но этого недостаточно, – предупреждает Райатт.

Я киваю, потому что это правда. Или так оно и было бы, если бы..

– Первое королевство согласилось на сделку.

Он округляет глаза.

– Правда?

– Только что получил ответ от Джадда, – объясняю я, похлопав по посланию, лежащему в кармане. – Правитель Первого королевства согласился перенаправить свои корабли, идущие во Второе королевство, в наше. Как только они прибудут, мы получим запасы продовольствия, а он – чертову тонну нефти по очень хорошей цене.

Райатт тяжело выдыхает.

– Черт, ну наконец-то хорошие новости.

Кивнув, я говорю:

– Нам они были нужны.

– Безусловно это пополнит наши запасы провизии, но проблемы у нас еще есть, – предупреждает он. – Армия сильно недовольна. Хорошо, что мы всегда обучали их принимать вызов, выдерживая суровые условия, но это все равно ударило по их моральному духу.

– Я знаю.

Райатт бросает взгляд на Озрика, сидящего напротив него, а потом снова обращается ко мне.

- Они заслуживают лучшего, чем это, - говорит он и наклоняется вперед так, что металлическая пластина на его груди брэнчит о стол. - Их протащили через гребаный материк, чтобы пустить пыль в глаза, а теперь им приходится готовиться к еще одной войне, которую ты можешь разжечь.

- Ничего я не разжигаю.

- Ты понимаешь, о чем я, - отмахнувшись, говорит Райатт. - Они верны королевству. Ты это знаешь. И наша армия самая сильная, свирепая и внушающая страх во всей Орее. Но они теряют веру в своего лидера.

- Об этом мне тоже известно, - говорю я, и мы переглядываемся с Озом. - Именно поэтому я хочу официально назначить тебя новым командующим армии Четвертого королевства.

Мой брат отшатывается, и на его лице отражается потрясение.

- Что?!

Я киваю.

- Все уже готово. Я заполнил документы, а Оз передал их лейтенантам. Возможно, тебе стоит подготовить речь.

Райатт ошарашен.

- Черт возьми, да ты шутишь.

- Ты готов, - говорю я. - И, откровенно говоря, уже давно. Пришло время официально передать тебе бразды правления.

- Ты и правда откажешься от этого? Ты позволишь мне возглавить войско, доверишь это дело? Мы постоянно спорим.

- Я тебе доверяю.

Он настороженно смотрит на меня, словно не совсем верит.

- Без сомнений, иногда между нами будут возникать разногласия, но еще я уверен, что тебе дороги интересы этой армии, как и всего Четвертого королевства, - говорю я.

Райатт не ведется на комплимент, но, кажется, немного воодушевляется.

- Я полагал, тебе больше нравилось быть командующим, чем королем.

- Да. Но этой армии я больше не нужен.

- А как же Рип? Эту армию страшатся благодаря громким слухам, что о тебе ходят.

Я непринужденно пожимаю плечами.

- Я частенько буду появляться в облике Рипа, чтобы выступить с солдатами единым фронтом, и буду сражаться, если понадобится, но во всех отношениях командир Рип уходит в отставку, чтобы в грядущие дни мы привлекли новую силу. А что касается моей дурной славы.. уверен, ты сделаешь себе имя.

Он фыркает и качает головой, но больше не высказывает сомнений.

- А что насчет Дролларда?

- Ты сам волен выбирать, как часто будешь там бывать. Но, как у истинного командира, обязанностей у тебя станет больше, а значит, и часто приезжать в Дроллард не сможешь.

- Хорошо, - говорит он быстро и нетерпеливо. И большего ответа мне не нужно, чтобы понять: я принял правильное решение - Райатт действительно готов.

Он показывает на Оза.

- Почему Оз или кто-нибудь из других ублюдков не получит эту должность вместо меня?

- Думаешь, кто-то из нас ее хочет? Черта с два! - Оз разражается смехом.

- Лучше уж мы останемся твоими капитанами и будем сообщать тебе, когда ты обгадишься.

- Ну спасибо, - сухо говорит он.

- Значит, ты принимаешь должность? Официально? - для надежности уточняю я.

Он встает, и я встаю вместе с ним, и, к моему удивлению, он протягивает руку, и мы обмениваемся рукопожатием. Как же эта картина отличается от той, когда мы в последний раз стояли за этим столом.

- Спасибо.

Я киваю, и брат опускает руку, а я похлопываю его по плечу.

- Не облажайся.

Райатт закатывает глаза, но в этом жесте нет ни капли присущей ему язвительности.

- Знаешь, я ведь буду приставать к тебе по поводу любых твоих решений, которые могут отразиться на армии, - предупреждает он меня.

- О, я в курсе, - ухмыляясь, говорю я.

Еще одна причина, благодаря которой я знаю, что сделал верный выбор. Райатту это нужно - нужна его собственная личность, его собственная цель, и это мне показала Аурен. Я должен был предоставить ему эту возможность еще давным-давно.

В ту же минуту раздается стук в дверь, и Оз, громко топая, идет ее открывать. Вижу, как один из гонцов передает запечатанный пузырек, отдав Озу честь, и тот его отпускает.

- Что там? - спрашивает Райатт.

Оз откручивает крышку и вытаскивает свиток, а потом протягивает его мне.

Я быстро его разворачиваю, пробежавшись взглядом по содержимому, и у меня сводит живот.

- Черт!

- Что случилось? - резко спрашивает Озрик хриплым голосом.

- Одна из шахт. Твою мать, она рухнула.

Они с Райаттом вытягиваются в струнку.

- Которая?

Я отрываю взгляд от послания, едва сдержавшись, чтобы не смять его в кулаке.

- Нефтяная.

Оз чертыхается:

- Черт возьми, как вовремя.

- Слишком вовремя, чтобы это было совпадением, - негодует Райатт, глядя на меня. - Что будет со сделкой с Первым королевством?

- Провалится, если в порту не будет нефти, когда придут его корабли, - рычу я ответ.

- Мы сможем доказать, что это был саботаж? - спрашивает Оз.

- Бригадир уже этим занимается.

- Это плохо, - говорит Райатт и проводит рукой по лицу. - Что, черт возьми, с ней такое? Королева Кайла никогда раньше так на тебя не давила.

Моя гниль колет и извивается под кожей, корни дергаются под челюстью и хотят вонзиться в руки.

- У нее появился шанс сделать нас слабее, и она им пользуется.

Я засовываю послание в карман и иду к двери. Райатт снова надевает шлем, и они с Озриком следуют за мной. Как только мы оказываемся на улице, шум на базе усиливается, а нос чует запах дыма от кострищ.

Я знаю, что вместо свежего мяса, приготовленного на огне, солдатам, наверное, приходится довольствоваться походной кашей. Мне повезло, что

они верны мне и своим капитанам, иначе драк и брюзжания было бы не избежать. То, как они сладят со сложившейся ситуацией, станет настоящим испытанием их верности.

Солдаты, расхаживающие вокруг, обходят нас стороной, но чаще уважительно кивают, чем настороженно и раздраженно смотрят. Наверное, потому что я всем повысил плату. Но если шахты на другой стороне тоже обрушились...

Будем решать по одной проблеме зараз.

Как только мы добираемся до загона, где содержат несколько лошадей, к нам галопом приближается другая лошадь, и из-под ее копыт разлетается грязь. Завидев нас, всадник резко ее останавливает и почти спрыгивает. Я мгновенно настораживаюсь, и мы с Озом и Райаттом останавливаемся, когда человек спешно направляется ко мне. По его форме сразу понимаю, что это один из стражников в замке.

- Сир, - говорит он, подбежав с раскрасневшимся лицом. - Возникла проблема.

Мои плечи сковывает напряжение.

- Что случилось?

- В саду было совершено нападение на женщину.

Все во мне обращается в хаос: в ушах раздается резкий гул, в груди стучит, а из глаз будто сыплются искры.

- Леди Аурен? - В голове проносится миллион мыслей, но стражник качает головой.

- Нет, сир. Леди Рисса.

Озрик резко вскидывается.

- Что? - рычит он. - Что, черт возьми, ты имеешь в виду, говоря, что на нее совершено нападение?

Большинство людей испугались бы, столкнувшись с яростью Озрика, но этот мужчина держится стойко.

- Ей нанесли удар кинжалом, сир. Стоявшие на дозоре стражники нашли ее и еще одного стражника со смертельными ранами.

Озрик отпихивает стражника и вскакивает на своего коня прежде, чем я успеваю осмыслить сказанное.

Мы с Райаттом бежим к нашим лошадям и мчимся в замок, пытаюсь не отставать. Втроем мы возвращаемся за рекордно короткие сроки, оставив лошадей в подворье. Когда мы бросаем поводья погонщикам, Оз уже выходит через боковую дверь и бежит кратчайшим путем к садам.

Как только мы оказываемся в замке, я чувствую несомненное потрясение в воздухе. Слуги, сбившись в кучки, шепчутся и быстро разбегаются, заведев нас.

Когда мы выходим в сад, то видим, что он освещается сильнее обычного – в землю воткнули дополнительные факелы, а пространство заполняют дюжины стражников.

– Где она? – гаркает Озрик на первого попавшегося стражника.

– Сюда, Оз! – Он резко поворачивает голову на зов Уоркена, и мы втроем бежим мимо кустарников, топчем цветы и траву, пока не добираемся к центру сада, где журчит фонтан.

Здесь стоят Уоркен, Исали и Барли. Даже Кег стоит возле фонтана, и у всех мрачные лица. Они стоят над телом павшего стражника, и нам приходится их обойти.

Я встаю рядом с ним на колени. Над ним навис один из лекарей в замке и осматривает рану на горле кюши. У лекаря на руках кровь, а еще больше осталось на траве. Слышу, как Райатт бранится себе под нос.

– Где... – Озрик осекается, когда люди смещаются, и его взгляд падает на лежащую за фонтаном фигуру.

Я вижу только края белой юбки и босую ногу, а сброшенная туфля валяется в футе от тела.

Оз летит к ней и падает на колени.

– Черт!

Обойдя фонтан, вижу Ходжата, склонившегося над телом Риссы. На ее груди расплывается пятно крови и торчит серебряный кинжал.

Я не раз видел, как Озрик теряет самообладание.

Видел, как он рычал и вопил, наказывал и убивал. Видел, как он устраивал беспощадную резню, наносил оскорбления и, не проявляя эмоций, равнодушно сыпал угрозами.

Но никогда не видел его таким.

Он будто пытается привыкнуть к тому, что из ее груди торчит кинжал, будто не может поверить, что ее платье пропитала кровь.

Он останавливает взгляд на ее бесцветном лице и закрытых глазах, затем хватается девушку за плечи.

– Рисса. – Голос у него сдавленный. Хриплый. Будто ее имя вырвалось у него из горла и разнеслось по ветру.

Не двигаясь, он легонько встряхивает ее.

- Рисса!

- Сир Озрик, - мягко попрекает Ходжат и тянется, чтобы убрать его руку. Я вижу, как руки Озрика на долю секунды напрягаются, а потом он позволяет Ходжату его оттащить.

- Нет. Нет, черт возьми! - буквально в лицо рычит ей Оз, в его голосе сражаются отрицание и ярость. - Ты очнешься, упрямая женщина. Ты не можешь умереть, черт побери. Слышишь, Желтый колокольчик? Ты не можешь умереть, твою мать, потому что нам еще предстоит совершить ошибки.

Он давится слезами, а я стою и потрясенно смотрю, как Озрик внезапно наваливается грузным телом на ее хрупкую фигурку и прислоняется к ней лбом, зажмурив полные муки глаза.

Мы с Райаттом застываем, наблюдая за ним, у Исали влажно поблескивают глаза, а по щеке Барли стекает слезинка.

Как мне рассказать об этом Аурен?

- Сир Озрик? - осторожно говорит Ходжат. - Леди Рисса не умерла.

Меня пронзает удивление, а Озрик так быстро поднимается, что чуть не ударяет головой нашего лекаря. На его лице застывает неверие, и он снова смотрит на Риссу.

- Кинжал только задел ее сердце, и, поскольку он остался у нее в груди, у нее не идет кровь, - объясняет Ходжат. - Но мне нужно немедленно доставить ее в лазарет в замке, чтобы провести операцию. Я просто жду, когда принесут переносную доску. - Как по заказу, пара помощников лекаря с красными повязками на плечах бегут по саду и несут доску.

- Я сам ее отнесу, - рычит Озрик, встав с земли.

Ходжат морщится.

- Не уверен, что...

- Я же сказал: сам ее отнесу!

- Оз... - Я делаю шаг вперед, но Ходжат машет рукой.

- Все в порядке, Ваше Величество, - говорит он и снова смотрит на Озрика. - Несите ее очень осторожно. Двигайтесь медленно, поддерживайте ее шею и старайтесь не давить на грудь. Она жива, но едва держится. Не уверен, что с ней все будет хорошо, когда я удалю кинжал. Вам на всякий случай нужно подготовиться.

Сдавленно кивнув и стиснув зубы так сильно, что еще чуть-чуть - и сломает челюсть, Озрик наклоняется и берет ее на руки. Никогда не видел от него столь нежного поступка. Он будто берет в руки тончайшее стекло, и одно неверное движение - и оно разлетится вдребезги.

Направившись за Ходжатам, он несет Риссу из сада в замок и исчезает из виду.

– Какого хрена произошло? – спрашиваю я, когда он уходит. На траве осталось пятно крови и отпечаток тела Риссы. Замечаю, что вдалеке что-то блестит, но рабочий проходит по этому месту, поставив рядом ведро, и начинает смывать кровь. Когда я, снова прищурившись, вглядываюсь в темноту, то, что я увидел ранее, исчезает.

Уоркен смотрит, как лекари поднимают тело мертвого стражника и уносят его в замок, а потом отвечает:

– Меня предупредили дозорные, проходившие через сад. Придя сюда, мы нашли стражника и женщину. Я сразу же отправил за тобой.

– Пока мы склоняемся к тому, что сюда за ней проследовал этот стражник. Возможно, он приревновал ее и потому убил, а потом перерезал себе горло, – говорит Исали.

– С женщинами не впервые случается подобное. Особенно с красивыми, – говорит Барли.

– Да, но здесь? – покачивая головой, говорит Кег. Я знаю, что после своего возвращения вместе с остальными солдатами он проводил время с семьей, и держу пари, не ожидал увидеть подобное насилие вне армии.

– Вы знаете стражника лично? – спрашиваю своих министров.

Исали качает головой.

– Только в общих чертах. Мы просмотрим его личное дело, но, как ты знаешь, к службе не допускаются лица, ранее устраивавшие жестокие нападения или склонные к агрессивному поведению.

– Эта дама пробыла здесь не так уж и долго, – отмечает Райатт. – Как стражник мог так быстро ее увлечься?

– Такое случается, – говорит Кег. – Мне с братом пришлось отбиваться от нескольких мужчин, которые не смогли принять отказ Барли.

К нам протискивается стоящий рядом стражник.

– Холман бы никогда так не поступил! – говорит он, и от чувств на его лице проступают пятна. Он молод – наверное, лет двадцати, – и так шмыгает носом и вытирает его рукавом, что я сразу понимаю: он лично знал павшего стражника.

– Откуда ты знаком с Холманом? – спрашивает Исали.

– Он был моим лучшим другом, – снова шмыгнув носом, говорит стражник. – Я понимаю, каким это все представляется, но это не он. Он бы никогда такого не сделал. Конечно, ему нравилось несколько здешних дам, но про эту леди он ничего не говорил. А он бы мне рассказал.

Я киваю и перевожу взгляд ему за спину, и Маркул, мой главный стражник, подходит и уводит мужчину.

- Что думаете? - тихо спрашиваю я Исали и Уоркена. - Вам нужна помощь, чтобы во всем разобраться?

- Нет, мы сами справимся, - отвечает Исали.

Кивнув, я говорю:

- Я должен рассказать Аурен. Я оставил ее спящей. Она захочет быть рядом с Риссой, пока Ходжат будет ею заниматься.

Райатт уходит со мной в замок, и, когда мы поднимаемся наверх, я хмурюсь.

- Ты же не веришь в то, что это сделал тот стражник? - тихо спрашивает он, чтобы нас никто не услышал.

- Нет, не верю.

Не знаю почему, но есть у меня нехорошее предчувствие.

- Я тоже. Что-то не вяжется. - Мы молчим, пока не поднимаемся до этажа, где остановился Райатт. - Я отмокну и переоденусь в Фальшивого Рипа, - говорит он, и мы расходимся. - Встретимся внизу, в больничном крыле.

Кивнув, я поворачиваюсь и поднимаюсь на еще один лестничный пролет, а затем иду по коридору к своим покоям и распахиваю дверь. Но, добравшись до спальни, вижу, что Аурен в кровати нет. С нарастающим волнением беру с прикроватного столика ее отрезанную ленту и кладу в карман. Вижу в гардеробной ее смятое рубиновое платье. Вижу, что моя черно-коричневая одежда теперь блестит золотом.

И понимаю.

Не сходя с места. Это тошнотворное ощущение давит на меня, от него мутит. Блеск одежды тут же вынуждает меня вспомнить о том блеске, который я видел на траве в саду. Мысль, которую я столь скоро откинул.

Сердце стучит так, словно вот-вот разорвется от страха и ярости.

Я захожу в умывальную. В переднюю гостиную. Столовую. В библиотеку. На кухню. На крышу. И оказавшись там, наверху, и чувствуя, как ветер бьет в лицо, я задыхаюсь, меня колотит. Я, черт возьми, в панике. Потому что ее здесь нет. Проклятие, ее здесь нет.

- Сир?

Я оборачиваюсь и вижу Маркула вместе с другими стражниками, включая Райатта.

- Что происходит? - спрашивает брат, выйдя вперед.

- Она пропала.

Эти два слова вызывают такую жгучую панику, что горло обжигает кислотой.

Случившееся в саду не имело никакого отношения к стражнику. Он не был убийцей, он стал такой же жертвой, как Рисса.

Глаза застилает пелена, кожа чешется, шипы пытаются вырваться из рук и спины, а десны болят, когда опускаются мои клыки.

Я резко оборачиваюсь, и, увидев выражение моего лица, брат широко открывает глаза.

- Они забрали Аурен. Проклятие, они забрали ее!

Я засовываю два пальца в рот, издав пронзительный свист, такой громкий, что стражники вздрагивают. Но Арго охотится по ночам. Он может быть за много миль отсюда и не услышит мой клич. Леди Риссу и стражника Холмана нашли минимум через полчаса, а стражнику понадобилось еще больше времени, чтобы меня найти...

- Что нам сделать? - подойдя ко мне, спрашивает Райатт.

- Думаю, твое желание исполнилось, - с горечью в голосе рычу я. - Думаю, этот подлый урод похитил Аурен, чтобы отвезти ее в Слияние.

У Райатта кровь отливает от лица.

Развернувшись, я быстро ухожу, потому что мне нужен тимбервинг. Если понадобится, возьму тимбервинга Райатта, потому что он второй по скорости, и если придется сдергивать зверя с насеста, то я...

В воздухе разносится смертельно громкий крик, и спустя секунду слышу скрежет острых когтей по черепичной крыше. Арго кидается на стражников, и те отскакивают назад, а потом он переводит взгляд переливающихся глаз на меня.

Я не теряю времени даром. В мгновение ока оказываюсь у него на спине, а в следующую секунду он взмывает в ночное небо.

- Подожди! - Ветер уносит голос Райатта, когда я хватаюсь за поводья.

Мне плевать.

Ждать я не стану.

Потому что они забрали ее.

Черт возьми, я этого не потерплю. Меня не волнует, сколько потребуется времени, чтобы нагнать их. Я буду лететь день и ночь, пока не доберусь до Второго королевства.

И когда я туда доберусь, они все пожалеют, что забрали ее.

Аурен

Я с трудом открываю глаза, словно отрываю кусок кожи. Веки слипаются, не желая разделяться, пока я не прикладываю чуть больше усилий, из-за чего чувствую жжение.

Но, оглядевшись, тут же жалею, что вообще открыла глаза.

Я сразу же понимаю, что уже не в Брэкхилле. Не только из-за той комнаты, в которой очутилась, а потому, что чувствую, как изменился воздух. В Четвертом королевстве жарко и влажно, будто тепло сливается с речной влажностью. Однако в здешнем воздухе вообще отсутствует влажность. Он кажется разреженным. Пустым, засушливым, жарким, будто иссушает любого рода осадки.

Я помню, что, когда мимолетно приходила в себя, меня прижимали к чему-то, пока мы летели по воздуху. Помню, как к моим рту и носу снова и снова прикладывали ту вонючую тряпку, а между делом в горло вливали воду и бульон.

Но теперь я здесь, наконец выбралась из бездны беспамятства и знаю, где нахожусь, даже не глядя в зарешеченное окно. Комната песочного цвета, а стены выглядят так, словно плотник соскреб штукатурку. Я сажусь на узкой кровати и касаюсь ногами пола, покрытого плиткой ржавого цвета.

В углу размещен небольшой столик, а на нем лежит бурдюк странной формы и стоит еда. Не знаю, как долго они тут пролежали. Но во рту стоит отвратительный привкус, поэтому я отваживаюсь отпить воды. Я осторожно делаю первый глоток, но, не почувствовав в воде никакого странного привкуса, выпиваю ее до конца, осознав, насколько у меня пересохло в глотке, когда на язык попадает первая капля.

Я пытаюсь призвать золото, но, несмотря на дневной свет, проникающий в окно, тело кажется выжатым как лимон. Я будто дерево, едва способное выдавить каплю сока. Я чувствую последствия растекшегося по телу дурмана, от которого меня тошнит, а голова кружится и болит.

Потому, хотя настороженно отношусь к еде, а желудок не проявляет к ней никакого интереса, заставляю себя проглотить лепешку и фрукты. Надеюсь, еда в желудке поможет усвоить дурман, еще ощущаемый в теле. Чувство, будто я покрыта песком, а живот скрутили.

Немудрено, ведь меня похитили и увезли в пустыни Второго королевства.

Уверенность в том, где я нахожусь и что меня окружает, наваливается, будто грома камней. На меня накатывают воспоминания, а страх и ярость отступают.

Это сделали со мной Ману и другой человек из Второго королевства. Опоили меня, похитили, бросили в этом месте и...

Я закрываю рот рукой.

Рисса.

– Великие боги... – У меня вырывается сдавленный всхлип. Они ее убили. Убили прямо у меня на глазах, будто она была всего лишь помехой, о которой не стоило и беспокоиться.

Мои глаза наполняются слезами, и им становится больно. Словно тот кинжал вонзили в грудь мне. Они могли бы воспользоваться тем же дурманом, чтобы отключить ее. Могли ее пощадить. Однако проткнули ей грудь кинжалом и бросили на землю.

У нас с Риссой были непростые отношения, бравшие начало из многолетней обиды. Но... я ее понимаю. Она пользовалась своим острым умом, довела до совершенства навыки соблазна, научилась добиваться успеха в мире мужчин, а потом захотела проложить себе новый путь, пойдя на все, чтобы защитить себя и получить желаемое.

Я это уважала. А в отношении наложниц уважение – последнее, что может даровать им общество.

Наложницы удовлетворяют чужие желания, чувственные влечения. Они играют и доставляют удовольствие, реализуя потребность иных, получая богатство и ощущение собственной власти.

А что потом? Люди презирают это ремесло. Называют его греховным, порочным. Они подавляют его. Заявляют, что наложницы – жалкие и мерзкие низы общества, пустое место в сложившейся иерархии. Вот только вдали от чужих глаз эти же люди ждут удовлетворения своих желаний и потребностей. Ждут, что им доставят удовольствие и блаженство.

И все же жизнь наложницы ничего не стоит.

Она всего лишь наложница.

Словно это делало ее пустым местом. Словно она настолько ниже их, что даже ее смерть не имела значения.

Но Рисса имела для меня значение.

Хотела бы я рассказать ей об этом. Тогда в саду, когда она сжала мою руку в редком проявлении доброты, я должна была сжать ее ладонь сильнее. Потому что Рисса была сильной и умной, а еще – достойной новой жизни, о которой мечтала. Той, которой она так стремилась достичь, а теперь никогда ее не обретет. А все из-за меня. Потому что я попросила ее прогуляться со мной.

Слезы градом стекают по щекам, словно мое горе непосильно. Мне будто сдавило сердце, и не знаю, долго ли я буду оплакивать ее, но надеюсь, я буду не единственной. Да, она была наложницей, вместе с тем обладала многими другими качествами, но это не означало, что она была не достойна жизни.

Когда мои слезы останавливаются, я чувствую себя выдохшейся. Не знаю, то ли дело в моем горе, то ли это последствия того дурмана, но все мое тело трясется. Должно быть, они продержали меня без сознания несколько дней, чтобы добраться до Второго королевства. Мысль, что я оказалась в таком уязвимом положении перед ними, вызывает у меня дрожь.

Возможно, я не была здесь более десяти лет, но помню эту жару. Помню песок, который будто лип ко мне, помню, как путешествовала по дюнам, как меня обдувал грубый ветер и прожигало солнце.

Забавно, что, когда я впервые здесь очутилась, из моей спины только начали расти ленты.

Они прорастали с такой болью..

Тогда я ненавидела их, но сейчас все бы отдала, чтобы они вернулись.

Я рассеянно вожу пальцами по пустой спине, где теперь только гладкая кожа.

Они все до единого исчезли.

У меня было столько общего с моими лентами, и я это не ценила. Будто они сопровождали весь мой путь.

Мое и их начало ознаменовалось именно во Втором королевстве. Потом я прятала их так же, как пряталась сама. Злилась на них, как злилась на себя. А затем, когда наконец стала смелее, они поступили так же. Только от одних воспоминаний о том, как они подхватывали меня, заигрывали со Слейдом, обвивались вокруг его лодыжки..

Такого у меня больше никогда не будет.

Я становилась сильнее, и они тоже.

А потом меня изрезали на части, и с каждым ударом резали и их.

Та ночь положила конец мне и моим лентам. И все же я нуждалась в подобном трагичном исходе. Все это помогло обрести мне опору и начать надеяться только на себя. Меня должны были искромсать, чтобы я восстала, как феникс из пепла.

Хотела бы я, чтобы и мои ленты сделали то же самое. Но феникса нет, а единственное, что напоминает пепел, – песок в Пепельных дюнах, которые находятся где-то в этом проклятом богами королевстве.

Из мыслей меня вырывает звук, я опускаю руку и оборачиваюсь, увидев, как распахивается дверь и заходит женщина. На голову накинута белый платок, ткань плотная, жесткая и с обеих сторон помята. Он полностью покрывает ее волосы, и видно только квадратное отверстие для лица, окаймляющее ее щеки и середину лба.

Бесформенное платье почти такое же, с той же драпировкой из крахмально-белой ткани, закрывающей ее от подбородка до пят. Сзади за ней волочится легкий шлейф, а рукава длинные и широкие на концах. Они скрывают ее руки так, что не видна даже эта часть тела.

У женщины острый подбородок, а брови отсутствуют, будто она их сбрила. Ресницы такие тонкие и светлые, что их почти не видно. Однако внимание привлекают ее глаза. Половина радужки, которая находится ближе к внешнему уголку глаза – зеленая, а та, что внутри – коричневая. Из-за этого ее взгляд кажется каким-то жутким.

– Добро пожаловать в замок Воллмонт, – говорит она спокойным голосом с легким акцентом, и ее губы растягиваются в приятной улыбке. – Слияние скоро начнется. Я пришла, чтобы тебя подготовить.

– Я его пропущу, спасибо, – говорю я, прислонившись к стене.

Она продолжает приятно улыбаться, но поворачивает голову, оглядываясь назад, и в этот момент в дверях появляются двое крупных мужчин. На них тоже что-то вроде платков, только серого цвета, а ткань короче и тоньше, но такой же формы, как кольчужные капюшоны на солдатах. Они одеты в туники кремового цвета, но не такого ослепительно-белого, как на женщине, а серые брюки свободные и заправлены в сапоги до колен.

Мужчины молоды: у одного смуглая кожа, а у другого белая и усеяна веснушками, и оба равнодушно смотрят, сделав шаг вперед. Я прижимаюсь к стене, чувствуя, как меня заливают гнев. У меня есть доля секунды, дабы принять решение, что для меня важнее: скрыть свою магию или выбраться отсюда.

Я выбираю второй вариант.

Сжав руки в кулаки, я призываю золото. Когда чувствую, как оно снова собирается в ладонях, сердце трепещет от радости. Я позволяю драгоценной жидкости собраться, пока она не начинает капать между пальцами. Медленно, но уже хоть что-то.

От первой капли, что падает на пол, веснушчатый мужчина округляет глаза. Я вытягиваю руки перед собой, растопырив пальцы, и позволяю выплеснуть остатки. Побуждаю золото скользнуть к ним и обвиться вокруг их ног тонкими змеями. Липкая жидкость извивается по их ногам, растягиваясь и затвердевая. Я вырываю из ладоней еще золото, и следующая небольшая струйка тянется к женщине...

И внезапно меня пронзает боль.

Эта боль не похожа ни на одну ту, что я испытывала прежде. Она не поражает как молния, не обжигает как огонь. Не пронзает насквозь и не вызывает ощущение, будто у меня отрезают конечность.

Возникает ощущение, будто меня ущипнули. Будто невидимые руки проникли мне в живот и схватили изнутри. Будто призрачные пальцы вцепились в вены и сжали с такой силой, что кровь остановилась.

Мои сердце, желудок, легкие, мускулы, горло – все это сжимают эти пальцы, и все вокруг застывает. Эта ужасная, давящая боль пронзает меня насквозь, и я падаю на четвереньки, отчего золото отсекается и, растекаясь по пальцам, капает на штаны.

Я не могу дышать, не могу пошевелиться, поскольку эти жуткие пальцы сжимают меня все сильнее и сильнее...

А потом боль внезапно останавливается. Будто все щипки прекратились одновременно. Меня трясет, я вся в испарине и давлюсь хриплым кашлем.

Перед глазами все плывет, но я смотрю, как женщина незаметно проходит вперед и останавливается ровно до того, как жидкое золото испачкает ее безукоризненно чистые одежды.

– Ну вот, теперь ничего этого не осталось, – говорит она, и ее благодушный тон совершенно не вписывается в происходящее.

Я с яростью смотрю на нее и снова пытаюсь призвать золото, хотя эхом отзывающиеся удары, нанесенные мне изнутри, усложняют задачу. Мне едва удастся выпустить из ладоней струйку, когда она поднимает руки, и ее рукава опускаются ровно настолько, что я вижу, как она прижимает указательный палец к большому.

И в точности, как до этого, во мне вспыхивает эта щемящая боль.

Теперь я сразу же падаю на пол, задыхаясь, когда мне сдавливают горло, а внутри все корчится в агонии, будто органы во мне вот-вот лопнут и начнут кровоточить.

– Перестань... – хриплю я, извиваясь на полу.

– Больше не пытайся использовать эту магию, Леди Обманщица, – говорит она. – Так будет происходить всякий раз, когда ты попытаешься воспользоваться тем, что тебе не принадлежит.

Пошипывание прекращается, и я корчусь на полу с ощущением, словно изнутри покрыта миллионом синяков. Мне нужно мгновение, чтобы прийти в себя, а потом я осознаю, что она сказала.

– Как ты меня назвала? – спрашиваю я, тяжело дыша.

– Леди Обманщица, – говорит она тем же благодушным голосом. – Позолоченная наложница, которая обманом проникла в сердце Золотого царя, а потом украла и его, и его силу, и его жизнь. Ты обманщица и Золотая шлюха, и большего ты не достойна.

Я только могу смотреть на нее, разинув рот.

Она смотрит на меня так, словно ждет ответа. Я молчу, и она подсказывает:

- Ну? Ты обманула, украла и убила, Леди Обманщица?

- Думаю, именно по этой причине меня опоили и похитили, да? - парирую я.
- Чтобы я предстала перед судом и мне задали этот самый вопрос?

Ее изумленные глаза блестят.

- Именно.

Я вынуждаю себя сесть, согнувшись, но дрожащие мышцы почти обессилены, когда я заставляю свое тело держаться. Комнаты покрывают золотые брызги, лужицы уже начинают подсыхать. На брюках мужчин и их сапогах остались золотые пятна, но золото не реагирует на мой зов. Оно, вялое и выжатое, лежит бесполезными полосами на полу, - такой чувствую себя и я.

- Теперь пойдешь со мной, если только не хочешь снова воспользоваться своей украденной магией? - дружелюбно спрашивает она, и ее бледные губы напоминают о белых песках побережья этого королевства. - Ореанцам, которые сдаются Слиянию, запрещено использовать силу.

Поморщившись, я сажусь прямее.

- Ну, я вообще-то не сдавалась, так что иди нахрен с этим своим правилом, и я никуда с тобой не пойду.

На сей раз, когда она сжимает пальцы, кажется, что у меня вот-вот расплывется череп. Я кричу и падаю, схватившись руками за голову, чувствую, что глаза скоро лопнут, как виноградины. Агония пронзает меня до такой степени, что я уверяюсь: череп расколется, а мозг превратится в кашу.

Но когда из носа течет кровь, боль проходит.

Прислонившись к стене, я с такой ненавистью смотрю на женщину затуманенным взором, что удивляюсь, как она не вспыхнула. Тело словно уничтожили, и меня будто запихнули в сжимающую комнату, в которой стены начинают движение, сдавливая меня.

Но я истекаю золотой кровью. Плачу золотом. Потому я использую эти драгоценные жидкости, пытаюсь сделать из них булавки. Ими я хочу проткнуть ужасные пальцы этой женщины, а также вонзиться в ее горло, но она снова использует силу, мешая мне совершить задуманное.

- Я ведь и целый день могу этим заниматься, Леди Обманщица.

Я поднимаю на нее взгляд, на ресницах собрались слезы боли.

- Тогда сделай это, - бросаю я вызов. - Потому что я не сдамся на милость Слияния. Можешь высосать из меня золото и проваливать в ад.

Впервые с тех пор, как эта женщина вошла сюда, ее притворная улыбка меркнет. Мужчины за ней переминаются с ноги на ногу. Когда она прижимает руки к груди, я вздрагиваю, подумав, что она снова применит ко мне свою ужасную магию, но она переплетает пальцы и склоняет голову.

– Великие боги, умоляю вас изгнать это богохульство из нашей памяти и вернуть свет нашему духу.

Стражники в унисон бормочут:

– И очистите мир от тьмы.

– И осветите нашу самую непорочную суть, – заканчивает она.

У меня по спине пробегает холодок.

– Значит, ты можешь пытаться силой боли, но считаешь, что грешно произносить слово «ад»? – с издевкой выпаливаю я.

Женщина опускает руки и смотрит на меня, и в ее расколотых глазах появляется жесткий блеск.

– О, не тебе говорить о жизни после смерти. Теперь у меня есть наглядное доказательство, что ты украла силу Золотого царя.

– Я никогда ничего у него не крала! – рычу я. – Эта магия всегда была моей. Он меня использовал. Это он был вором, и я рада, что он мертв.

Она легонько вздыхает.

– Похоже, к твоему имени мы можем добавить и «лгунья». Воры и обманщики не имеют права ссылаться на загробную жизнь духа, и уж точно на это не имеют права лжецы и убийцы.

– Но у тебя есть право пытаться и держать меня в плену? – парирую я.

Она расправляет плечи, смотря на меня сверху вниз.

– Я Изольта Меревен, правительница Второго королевства и первая матрона Общества Воздержанности. Боги даровали мне силу причинять боль, чтобы я могла наказывать безнравственные души. Это не грех, миледи, а мой долг как покровителя святости.

Я сжимаю губы. В Орее всем известно, что во Втором королевстве придерживаются очень строгих религиозных взглядов. Однако самой известной ветвью являются Обожествленные. Они безмолвно живут в Зеркальной пустыне, потому что им вырезали языки и выбросили, будто их речь была заразой, принесенной в жертву богам. О Воздержанности я тоже слышала, но мало. Но я точно не знала, что эта незапоминающаяся женщина была королевой, возглавляющей целое королевство и секту пуританского учения.

– Теперь ты отправишься на Очищение.

Я вздергиваю подбородок.

– Никуда я не пойду.

Я готова к боли, но теперь она просто кивает мужчинам. Я брыкаюсь, когда они набрасываются на меня, но мои движения замедленные, несущественные. Я будто котенок, бесполезно болтающийся в воздухе. Мужчины поднимают меня и начинают тащить из комнаты. Золото размазывается под моими волочащимися туфлями, а королева идет впереди, будто настолько не воспринимает меня как угрозу, что не боится стать ко мне спиной.

Я пытаюсь заставить золото вытекать из ладоней, но оно вялое и тяжелое, как плотное желе, липнущее к коже. Оно не может стекать. Не может даже пошевелиться.

Королева Изольта смотрит на меня через плечо и говорит:

– Боль – это пирамида, миледи. Она копится, выстраивается пластами. Ты думаешь, что сможешь выстоять, думаешь, что сможешь вскарабкаться на ее вершину, но ошибаешься. Могу заверить: ты не захочешь, чтобы эта боль скопилась внутри тебя, ибо тогда ты не выживешь на этом остром пике. Это я тебе обещаю.

Внутри у меня все кипит. Среди разбитых костей и раздавленных органов во мне кипит гнев.

Меня вытаскивают из маленькой комнаты в узкий коридор. Вместо окон потолок песочного цвета украшают мансардные окна, через каждые несколько футов отбрасывающие свет.

Мужчины тащат меня по нескольким широким ступеням, и затем мы оказываемся в широком куполообразном помещении с арками, из которых открывается вид на улицу. Я вижу пальмы, толстые листья которых колышутся на легком ветерке. Выложенный белой плиткой пол покрыт слоем песка, но в центре нарисовано ярко-желтое солнце. Его лучи окружает лазурное небо – совсем как на парусах того корабля, на котором я сбежала из гавани Дерфорт.

Мы проходим мимо него к арке слева. Меня несут по обожженным солнцем камням. Когда они продолжают меня тащить, я ощущаю ноющую боль в лодыжках, которые приходится стигать к густым зарослям пальм присоединяются кактусы и оливковые деревья, а воздух наполняется ароматом апельсинов. Мы проходим мимо цитрусовых деревьев, на которых висят тяжелые плоды, созревшие для сбора.

Мужчины несут меня по короткой дорожке в другую часть этого огромного здания. Меня проносят по очередному узкому коридору и наконец бросают в темную комнату. Как только меня опускают, ноги подкашиваются.

Опершись на дрожащие руки, я заставляю себя сесть и привыкнуть к тусклому свету. Комната имеет форму круга, в ней совсем нет окон. Свет проникает только через арку, а еще помогает огонь, горящий в котле у дальней стены. Плитка, стены и потолок здесь цвета ржавчины, и, несмотря на духоту, по спине пробегает холодок, потому что в этой комнате стоит деревянный стол с прикованными к нему железными кандалами. Часть стены увешана плетками и

еще более зловещими вещами, которые я не могу разглядеть, потому что обзор мне загораживают плотно обступившие женщины.

Они собрались тут, как жуткий хор, готовый разразиться песней. Женщины одеты под стать своей королеве, только ее одеяния белые, а в их вшиты серые ленты. У некоторых их так много, что они достают до самых подолов, а у других обвязаны только вокруг талии. Как и у королевы Изольты, волосы у них покрыты белыми платами, а руки спрятаны под воронкообразными рукавами.

– Вы свободны, – говорит королева мужчинам, и я смотрю им вслед. Есть у меня предчувствие, что я предпочла бы остаться с ними.

Когда я оглядываюсь на королеву Изольту, выражение ее лица подсказывает мне, что я совершенно права. Повернувшись к женщинам, она говорит:

– Дамы из Общества Воздержанности, пришло время совершить обряд Очищения.

Глава 61

Аурен

Я узнала, что полосы на их одеждах отражают количество грехов, которые матронам Воздержанности еще предстоит изгнать из своих душ.

Для столь благочестивого общества они разговорчивы, болтают со мной о своем праведном порядке, о том, как многие из них грешили, пока их не привели к свету. Они говорят, насколько я благословлена оказаться здесь и что это зов Богов, что моя смертная душа в опасности, и только они могут мне помочь.

Они очень высокого мнения о себе.

– Мы рады видеть вас здесь, – говорит одна из них. – Провести Очищение – это милость богов, и они считают нас достойными этой роли. Это дар, который помогает и нашему внутреннему очищению.

Когда они начинают приближаться ко мне, я отползаю назад и упираюсь спиной в стену.

– Не прикасайтесь ко мне.

Та, что стоит ближе всех, округляет голубые глаза.

– О, миледи, нам не позволено так пачкать кожу, – говорит она, и на ее лице появляется жалость и ложная нежность. – Рукава наших платьев сохраняют нашу чистоту. Наша кожа не соприкоснется с вашей.

Я с недоумением смотрю на нее, и им хватает этой сиюсекундной заминки, чтобы схватить и уволочь меня в другой конец комнаты. И хотя они тащат меня на руках, та женщина была права – они не прикасаются ко мне обнаженными руками.

Не знаю, должна ли я чувствовать себя оскорбленной или нет.

Мое тело словно раздавили изнутри, но я пытаюсь бороться с ними, пытаюсь вырваться из их хватки. Вот только я все равно что младенец, пытающийся отпугнуть ястреба, и у меня ничего не выходит, только голова начинает кружиться от отголосков боли.

Они запикивают меня в такую узкую бадью, что я не могу свободно опустить обе ноги. Вместо этого мне приходится закинуть одну ногу на другую, а поскольку бадья еще и короткая, то согнуть колени. Задняя стенка тоже узкая, поэтому я наклоняюсь вбок, упираясь в грубую древесину только одним плечом.

Сколько бы я ни брызгала слюной и ни сопротивлялась, их много, и им удается меня удержать. Вода чуть теплая, и у меня мурашки бегут по коже, отчего я съеживаюсь.

Одежда миглом промокает насквозь, а хвостик растрепанной косы прилипает к груди. Слово мне мало лежать в самой неудобной бадье на свете – Матроны выливают мне на голову кувшины с теплой водой. Трое из женщин поочередно занимаются этим, пока другие хватают меня за руки и ноги, а затем начинают тереть щетками с болезненно жесткой щетиной.

Я кричу, пытаюсь вырваться, пытаюсь воззвать к их праведности, убеждая, что меня взяли в плен. Но все тщетно. Меня окружают белые покрывала и благочестивое безумие.

В чем же тут светлая сторона? Они хотя бы настолько противятся прикосновениям, что пользуются этими ужасными щетками, не раздевая меня. Думаю, в противном случае кожа бы слезла кровавыми полосами.

Мыло, которым они пользуются, пахнет резко и терпко. От него кожу головы жжет, оно забивает поры. И все это время, грубо со мной обращаясь, они проповедуют мне о своих богах. Тех, кто вознаграждает чистоту плоти и послушание разума. Тех, кто требует самоограничения и самопожертвования.

Они ничего не говорят о богинях. О материнской любви или женской стойкости.

Вытащив из бадьи, они бросают меня возле огромной чаши с горящим пламенем. С моей одежды стекает вода, пока мне не кидают колючее одеяло, чтобы немного ее подсушить.

Кто-то расчесывает мне волосы – да так нежно, что та жесткая чистка щеткой кажется еще большим потрясением. Я все равно пытаюсь оттолкнуть

женщину, но другая Матрона ударяет меня по руке скребком, и я шиплю от боли.

- Сядьте, миледи, и замрите. Воспользуйтесь этим временем для подготовки к молитве.

- Я воспользуюсь этим временем, чтобы наполнить эту комнату силой, пропитаю тебя ею насквозь, а затем стану скоблить твою кожу, пока она не покроется ранами, - рычу я в ответ.

Если они хотят сделать из меня злодейку, то я, черт возьми, ею стану.

Она резко охает, и я чувствую легкое торжество из-за того, что мне удалось ее поразить. Мое чувство контроля ускользает после того, как меня опоили дурманом и похитили, пытали и приволокли сюда, и я чувствую себя загнанным в угол зверем. Больше всего на свете мне хочется применить свою фейскую сущность, выпустить зверя и переплавить мир в чане с золотом, но магия королевы Изольты просто сокрушительна.

Но это не останавливает меня от желания попытаться снова. Мне нужно немного времени, чтобы восстановить силы. Нужно выждать время и притвориться бессильной. Много золота мне не нужно. Нужно просто устранить эту королеву-стерву. Может, я заставлю золото сжать ее металлическими тисками. Могу поспорить, тогда она растеряет свое самодовольство.

К слову, о нем...

- Леди Обманщица ничего подобного не сделает, - заявляет королева Изольта, появившись в поле зрения. Она стоит, прислонившись спиной к фреске, изображающей священника во всем белом. Он возглавляет дюжину Матрон, стоящих перед ним на коленях. Серые полосы на их одеяниях равняются количеству ударов плетью по спине предполагаемого «грешника», привалившегося к столбу. От священника исходит свет, отражающийся от хлыста, словно он - дар божий этому миру, а назначенное им наказание - то, чему следует поклоняться.

У меня сводит живот.

- Она достойно покорится оставшейся части своего Очищения, - продолжает королева. - Эти угрозы не имеют смысла в этой комнате, потому что исходят от ее греховности, от которой мы должны помочь ей избавиться.

Другие Матроны что-то бормочут в знак согласия.

Я смотрю на нее, прищурившись.

- Скажи же, как ты избавишься от своей греховности, королева Изольта?

Я скорее чувствую, чем вижу, как замирают остальные. Матрона за мной прекращает расчесывать мне волосы.

- Мои грехи уже отпущены, - грубо отвечает королева. - Мы тоже проходим ритуал Очищения. Мы выдерживаем не один ритуал, а еще совершаем наши

служения богам и нашим священникам. Вот почему мои одеяния не марает ни одна полоска, вот почему я вознеслась над недостатками своей души. Меня избрали главой Стражей Воздержанности.

- Но на самом деле ты ими не руководишь? - спрашиваю я, кивнув на фреску.
- Женщины не могут быть священниками? - рискнув, спрашиваю я.

Она сжимает челюсть, и я чувствую легкий восторг от того, что мне удалось ее разозлить. Мне плевать, что она королева. Плевать, что она обладает магией, способной раздавить мое тело. Она жестокая фанатичка, которая процветает, властвуя над другими и называя свои жестокие деяния священными.

- Матроны являются важнейшим элементом в Воздержанности, - отвечает она, и ее ответ настолько отрететирован, что я понимаю: она слышала и произносила эти праведные слова сотни раз.

Я ухмыляюсь.

- Ну разумеется.

Она поворачивается к остальным.

- Выступите свидетелями, сестры. Ее язвительность всего лишь порок, бунтующий против Очищения.

- Нет, - отвечаю я, вытерев с лица воду. - Причина моей язвительности связана исключительно с тем, как ты решила обращаться со мной. Золотая шлюха? Разве не так ты меня назвала? - Я не даю ей возможности ответить.
- Тебе не нужно следовать какому-то выдуманному ритуалу и беспокоиться о богах, которым на тебя начхать. А вот беспокоиться тебе стоит обо мне. Потому что эта золотая шлюха может очистить тебя быстрее любого Очищения. И, поверь, ты станешь золотой и сияющей.

Она смеряет меня взглядом, и в животе у меня чувствуется легкое надавливание, вызывающее рвотный позыв. Но я не морщусь. Ни за что.

Она скрипит зубами, выдавив:

- Знаешь, что поистине золото? Твое молчание. - Несмотря на боль, я хмыкаю. Спустя секунду она отпускает меня. - Все это совершенно обыденно, Леди Обманщица. Ты не первая женщина, вошедшая в эту комнату, в духе которой укоренилась порочность. Зло не хочет, чтобы его изгоняли. Наша задача - добиться этого.

Я киваю в сторону стены из плетей.

- Так вот для чего они нужны? Так ты и твои Матроны уклоняетесь сами и принуждаете других? С помощью избиений? С помощью порок, Очищений, пыток, неудобной жизни без прикосновений, в этих жутких ваннах и неудобных одеялах? На этом завязана ваша жизнь? Мне жаль вас, - говорю я, обводя взглядом комнату. Может, я и не смогу призвать свою магию, но произнесу слова, которые могут посеять в их умах сомнения.

Она приподнимает бесцветную бровь.

– Мы храним себя чистыми. Боль заставляет нас сосредоточиться на наших заблуждениях, а кровь – способ избавиться от этих заблуждений. Мы не ждем, что нас поймет такая земная женщина. Твое прикосновение запятнано, а душа – порочна. Мы приложим силы, чтобы Очистить тебя и ты предстала бы перед теми, кто стоит выше тебя, и перед твоими богами, но если ты не сдашься, тогда, возможно, тебя исцелят учения о Воздержанности.

– Воздержанность тебя спасет, – бормочут Матроны.

Я наклоняюсь вперед, позабыв о том, что хватка той женщины больно дергает меня за волосы.

– А я не хочу, чтобы Воздержанность меня спасала.

Она наклоняет голову, и на ее лице снова появляется эта глупая, безмятежная улыбка.

– Тогда что, скажи на милость, по-твоему, произойдет?

Я улыбаюсь. Добавляю к своему ответу еще больше язвительности.

– Я сама себя спасу, – говорю я, а потом осматриваю остальных, глядящих на меня вытаращенными глазами. – А если не сумею, меня спасет король Рот.

Несмотря на то что лицо у нее бесцветное, она почему-то бледнеет еще сильнее, и в комнате воцаряется красноречивая тишина.

– Ты забыла о нем? – спрашиваю я с ухмылкой. – Потому что, когда он сюда доберется, даже твои боги не смогут тебя спасти.

* * *

Мой выплеск эмоций привел к еще одному приступу боли, от которого я потеряла сознание на несколько минут. Я пришла в себя, когда мне на ноги выливали масло, чтобы «очистить стопы, которыми я прикасаюсь к святой земле». Затем в меня швыряют одежду. Я раздумываю, возможно ли и в этом оказать им сопротивление, но королева явно ищет любую причину, чтобы воспользоваться против меня своей силой. Если я не стану хорошо себя вести, то я точно не справлюсь с той болью, которую она причиняет мне.

Потому осторожно снимаю с себя мокрую одежду, и как только она падает на пол, одна из Матрон спешно подбирает ее и кидает в огонь, отчего тот шипит и испускает пар.

Мне дают ткань, похожую на сетку, чтобы обвязать грудь, но я не обращаю на это внимания. Еще у меня не один, а три слоя нижнего белья разного вида. К их огромному разочарованию я выбираю один. Потом надеваю темно-

серое платье с капюшоном и рукавами, которые неудобно стянуты на запястьях. Весь этот наряд закрывает меня от шеи до лодыжек. Цвет платья, видимо, указывает на испорченность моей души.

Прелестно.

Наверное, я должна бояться, но я, скорее, злюсь сильнее, чем когда-либо в жизни. Мне осточертело, что монархи используют меня в своих играх, тогда как я просто хотела, чтобы меня оставили в покое.

Теперь, когда я одета, Матроны окружают меня и выводят из комнаты. Я ковляю вперед, чувствуя оставшуюся боль, сторбившись и пошатываясь. Не стану отрицать: королева нанесла мне серьезные увечья. Мою магию словно растянули и сжали, закупорили в слишком узкую трубку. И все же я должна что-то сделать. Остается надеяться, что я смогу восстановиться, и моя сила сработает. Наверное, не стоило так смело им перечить, но я ничего не могла с собой поделать.

Я говорю себе, что больше не стану открывать рот. Выжду время, чтобы оправиться. И все же, когда прохожу через арку на улицу, магия королевы снова набрасывается на меня.

Словно зная, что я запланировала, она внезапно нападает. Ее сила стягивает меня как слишком тугой корсет, лишая возможности сделать вдох. Сердце словно сжимает чья-то жестокая рука.

Я охаю и падаю на Матрон, идущих справа, но они стоят прямо и незыблемо, пихая меня в тесный круг локтями и плечами. Удивительно, как мне удается устоять. Я делаю судорожные короткие вдохи, и кажется, будто вот-вот задохнусь. Этой боли хватает, чтобы начать паниковать, но между тем она так слаба, что позволяет оставаться в сознании.

Боль – это пирамида, сказала она. И сваливает на меня кирпичик за кирпичиком, словно видит в моих страданиях некое святилище для своей силы.

Удушающая жара не помогает. Она давит на мои мокрые волосы и тело, покрытое мурашками, а плитка обжигает босые ноги, когда мы идем под открытым небом. Я не обращаю внимания, куда меня ведут. Просто иду за бело-серым полосатым стадом, пытаюсь сосредоточиться и превозмогая боль.

Хотя жара стоит почти невыносимая, кажется, будто солнечный свет меня бодрит. Будто он проникает под мою кожу и освещает этого зверя во мне.

Потому что для меня солнце всегда было равносильно силе.

А в этом мире, если у тебя нет силы, не выжить.

Меня десять лет прятали от него. Ограждали, удерживали в заснеженном царстве, где небо всегда затягивали давящие тучи. До этого я жила в гавани, где лил дождь, затапливающий улицы. И все же... здесь проявилась моя магия. Здесь впервые появилось мое золото и проросли ленты. Тут-то все и началось. Да, пребывание во Втором королевстве оказалось

травмирующим во всех смыслах, но, возможно, именно тогда здесь, под солнцем, и проявилась моя фейская сила.

Несмотря на то, что королева удерживает меня болью, я иду на этот солнечный свет. Думаю только о нем, о том, как он напитывает меня и придает силы. Потом пытаюсь собрать золота, пытаюсь воспользоваться им и забыться.

К радости моей, на кончиках пальцев скапливается несколько капелек, и я перекаत्याю шарики между большим и указательным пальцами, находя в них утешение. И неважно, насколько мало этого золота, какое оно густое и липкое.

Я полностью сосредотачиваюсь на золоте, мучительно медленно собирающемся каплями. Надеюсь, Матроны отведут меня в мою комнату или продолжат свои ужасные ритуалы в другом месте, предоставив мне время, чтобы собраться с силами и скопить золото.

Но вместо этого мы сворачиваем на выложенную плиткой дорожку, испещренную прерывистыми тенями от растений, а в воздухе разносится непрерывный стрекот цикад. На затылке у меня скапливается пот, вьющиеся мокрые волосы прилипают к коже, а затянутые рукава становятся на запястьях влажными.

Ноги горят. Единственное мое спасение – липкое масло, к которому прилипает мелкий песок, образуя тончайший защитный слой. Я пытаюсь сосредоточиться на стопах, чтобы пробудить магию и заставить золото покрыть их. Но у меня не получается, потому надеюсь, что отравлю им жизнь хотя бы отпечатками ног на полу.

Видимо, королеве надоедает мое безмолвное страдание, потому что она отпускает мое сердце, и возникает ощущение, будто что-то вцепилось мне в спину, вонзив в нее острые когти.

На этот раз я хныкаю, слегка выгнувшись дугой, а ноги подкашиваются. Сзади меня снова толкают, но каждый шаг отзывается в спине иглами и укусами.

Я знаю, что королева у меня за спиной наблюдает за каждым моим движением, получая, наверное, извращенное удовольствие от звуков, которые я издаю. Я перекалдываю маленький золотой шарик из левой руки в правую, добавив его к уже скопившемуся золоту, и, хотя он размером всего лишь с ягоду черники, это уже что-то.

Но, сосредоточившись на том, чтобы вытерпеть боль и уберечь комочек в руке, я запоздало осознаю, что больше не иду по песчаной плитке. Я иду по глиняной лестнице, и шум, который я слышу, больше не похож на стрекот цикад.

Это люди.

Много людей.

Я оглядываюсь назад и вижу одноэтажный замок. Он раскинулся на мягких, как перышко, песчаных дюнах и сливается с буйной растительностью вокруг сверкающей воды оазиса.

Но передо мной, внизу этой крутой наружной лестницы, раскинулся крупный город. На горизонте я вижу лишь полоску моря. Она тянется по краю, разделяя небо и землю. Отсюда видны кварталы из домов с плоскими крышами, которые простираются в таком количестве, что мне сложно представить, сколько здесь живет людей.

Здания того же цвета, что и песок, но с вкраплениями ярко-желтой и синей краски. Улицы похожи на сплетенные медные реки, и здесь развеваются флаги с гербом в виде желтого солнца, а также официальный символ Второго королевства – два concentрических круга, один внутри другого, представляющих великое Божество, охватывающее все сущее.

Но ближайшее к нам здание, к которому ведет эта дорожка, окружено людьми. Они собрались под натянутыми между колоннами огромными брезентами. Напротив стоит круглое здание, и сверху я вижу короткую стену, что его окружает. Эта конфигурация отчетливо напоминает символ королевства.

Теперь я не могу сделать ни шагу, не поморщившись и не прошипев. Масло и песок не идут ни в какое сравнение с жестокой жарой и обожженной солнцем плиткой. Я даже ускорить шаг не могу, потому что темп задают Матроны, и им либо плевать на состояние моих ног, либо все это часть моего жгучего пути позора.

Когда я дохожу до нижних ступенек, меня даже люди уже не волнуют, которые плятятся в мою сторону и выкрикивают что-то неразборчивое. Кажется, будто с ног содрали слои кожи, словно я шла целую милю по раскаленным углям.

А боль, насылаемая королевой, не прекращается. Она непреклонно наказывает меня ею. Ощущения настолько постоянные, что я не могу вдохнуть полной грудью, а сердце не может сделать четкий удар.

Я обливаюсь потом. Все внутри меня дрожит и отдается эхом от агонии, которая высасывает все силы, пока меня ведут по узкой тропинке. Матроны обступают меня теснее, как только мы приближаемся к зданию. Я вижу море людей, они кричат, поднимают руки, будто происходит какое-то безумное событие.

Потом меня ведут наверх по обугленным ступеням куполообразного здания. Когда я оказываюсь на вершине, женщины расступаются, словно волны, и я вижу, что нахожусь на открытой сцене. За моей спиной здание, а впереди – покрытая брезентом городская площадь. На ней столько людей, что я даже не вижу края. А они не теряли времени даром.

Меня толкают в круг из тонких колонн на сцене, и, как только я оказываюсь там, магия королевы внезапно исчезает. Они так спешно запикивали меня, что я ударяюсь плечом и рукой о столбы, и золотой шарик выпадает. Но я не смею привлекать к нему внимание.

У меня не получается насладиться освобождением от шиплющей боли королевы, потому что я оказываюсь в ловушке. Я выставлена напоказ, страдаю от боли и заставляю себя не терять сознание.

Я пытаюсь встряхнуть окружающие меня столбы, но они не поддаются. Либо же я стала слишком слабой. Они простираются ввысь по меньшей мере футов на десять, а толщиной не больше моего запястья, – промежуток между ними такой же. Пространство внутри ограды представляет собой небольшой круг, а за спиной у меня захлопнулась такая же дверь. Единственное, что меня радует – теперь я стою в тени под навесом здания, потому что плитка дарит благословенную прохладу моим обожженным ногам.

Но затем я поднимаю глаза и вижу за спиной семь стульев, обращенных как к толпе, так и к моему ограждению, и все они заполнены монархами Ореи.

Они должны располагаться по порядку, от Первого до Шестого Царства.

Стул для Четвертого королевства пустует.

В конце, на стуле Первого королевства, сидит король Юден Толд, мужчина со смуглой кожей и змеиной короной на голове, сверкающей зелеными и черными драгоценными камнями. Я тут же вспоминаю его силу, потому что та окутывает его со всех сторон. У него на плечах змея. Кобра обвивается вокруг его руки. Еще одна гремучая змея у лодыжки, а на коленях петлей лежит ярко-зеленая змея.

Так, словно ее нисколько не беспокоит близость змей, королева Изольта невозмутимо сидит рядом с ним, а по другую сторону от нее расположился другой мужчина. Должно быть, это ее супруг, усатый и рябой король Нил Меревен.

А справа от него сидит королева Кайла.

Желудок скручивает так, словно я схватила его двумя кулаками и выжала, как тряпку. Рядом с Кайлой стоит пустой стул, предназначенный для Слейда, отчего желудок скручивает уже совсем иначе.

Где он?

Рядом, на месте Пятого королевства, сидит мужчина, которого я раньше не видела. Он кажется слишком молодым и тревожным, чтобы управлять целым королевством. Но, полагаю, в том и заключается смысл. Это недавно коронованный король Хаган Фульк.

Одна из змей короля Толда лежит на подлокотнике кресла новоиспеченного короля. Хаган пытается держать лицо, но у него не получается, потому что ему явно не по себе от присутствия змеи, хотя он слишком нервничает, чтобы что-то с этим поделать.

Хотя следовало бы, потому что в мгновение ока змея молниеносным движением вонзает зубы ему в руку, и он отшатывается. Король Толд усмехается и призывает змею. У короля Хагана, по идее, рука должна истекать кровью, но на месте укуса ничего нет. Может, он и робкий человек, но, похоже, его кожа невосприимчива к клыкам.

Рядом с королем Хаганом пустует последний в ряду стул, предназначенный для правителя Шестого царства. Предназначенный для Мидаса. Но его здесь нет, и это дарит мне хотя бы легкое удовлетворение.

Но остатки этого скудного удовлетворения рассеиваются, когда встает король Нил Меревен. Его голос грохочет над площадью, отражаясь эхом от круглой стены.

– Монархи Ореи собрались, чтобы судить обвиняемую и сохранить честь Ореанского Закона. – Он поворачивается ко мне, и я вижу в его глазах порицание. Его редкие гладкие волосы зачесаны назад. – Будучи правителем Второго королевства и исполнителем королевского указа, я объявляю о начале королевского Слияния.

Глава 62

Слейд

Я лечу уже несколько дней. Столько, что с каждым ступающим сумраком, пронизывающим небо, эти дни сливаются воедино.

Арго быстр, но ему приходится делать перерыв на сон и охоту. Обычно такое расстояние можно преодолеть, либо сменив на побережье тимбервинга, либо с большими перерывами.

Но у меня нет такой возможности.

Нам приходилось сражаться со штормом, неоднократно обрушивающимся на нас потоком воды и сильным ветром, а также менять маршрут. Но труднее всего было пересечь море Уэйвик. Я выбрал самый короткий путь по воде, остановившись на самом далеком острове Третьего королевства, но даже там нам почти не удалось его пересечь.

Приземлившись на берегу Второго королевства, Арго рухнул на землю. Я остался с ним у крошечного канала, впадавшего в море, и мне чертовски повезло, что он проснулся и у него хватило сил поохотиться на рыбу.

Но каждая минута, которая продлевает наш путь, ощутимо на меня давит. Каждая секунда промедления означает, что я не успею нагнать Аурен. Я знал, что Ману по меньшей мере дважды менял тимбервингов, пока я загонял Арго сильнее, чем имел на то право.

Но у меня не было выбора.

Я улетел поспешно, и потому у меня не было припасов: только одежда, лента в кармане и кинжал на поясе. Этот кинжал я продал рыбаку в обмен на новую одежду и несколько дорожных пайков. Однако, увидев ползущие по моим рукам магические линии, он побледнел и убежал, хотя у него хватило ума оставить кинжал при себе.

От изнуряющей жары пустыни Второго королевства я уже взмок в кожаной одежде, а Арго потребуются целые день и ночь, чтобы восстановиться. Но он быстрый. Быстрее любого тимбервинга, которого я видел. Если бы не привал, который ему пришлось сделать, не сомневаюсь: мы бы их догнали.

Мы должны были догнать их в ту ночь, когда похитили Аурен, но эти ублюдки от меня ускользнули. Наверное, форы у них было больше, чем я предположил. И хотя я пытался заставить Арго выследить их, путь продолжал меняться, будто они намеренно запутывали нас и выбирали чертовски странные маршруты. Да, наверное, так оно и было.

У Арго почти не осталось сил. Его крылья устали. Скорость почти равна нулю. Это хуже, чем в ту ночь, когда мы мчались к Дэдвеллу, потому что эта изнуряющая жара высасывает из него оставшиеся силы.

Что до меня, то солнце обрушивается на меня, как разъяренно бьющие кулаки. Воды и еды слишком мало, а краткие перерывы на отдых доводят до чистой ярости.

Ярости и несомненного страха, вызванного чувством вины.

Потому что они забрали ее, а меня рядом не оказалось. Знаю: Аурен сказала, что рада случившемуся в Рэнхолде, что ей нужно было спасти себя. Знаю, что она сильная. Что может о себе позаботиться, вызволить себя.

Но, черт возьми, я должен был находиться с ней рядом тогда и должен, черт возьми, сейчас.

Потому я обязательно до нее доберусь.

Ее лента почти прожигает карман, напоминая о той боли, которую она уже однажды испытала, когда меня не было рядом.

На этот раз мне нужно быть там.

Я приближаюсь. В течение этого дня я должен добраться до Уоллмонта. Все зависит от того, отвезут ли они ее туда. Потому что если они увезли ее в другое место... то она снова от меня ускользнула...

Нет. Даже думать о таком не стану.

Возможно, сейчас мы в нескольких часах от столицы, и меня охватывает новый прилив надежды.

Я почти рядом, Аурен.

Надери им задницы, пока я не доберусь туда, но когда я прилечу, сам займусь этими ублюдками.

Мы мчимся над дюнами на таком расстоянии, что моя сила извивается и накапливается, а корни впиваются в кожу, желая погрузиться в эту засушливую землю и прогнать ее насквозь. Когда мы пролетаем над небольшим городком рядом с побережьем, я понимаю, что мы приближаемся, и это сильнее подогревает мой энтузиазм.

Вот тогда-то это и происходит.

На окраине, когда Арго спускается ниже облаков. Если бы он не был так измучен, если бы я был более сосредоточен, возможно, мы смогли бы этого избежать.

Но вдруг из ниоткуда прилетает стрела. Я слышу свист за долю секунды до того, как она пронзает крыло Арго. Он издает самый пронзительный визг, который я слышал. Его кровь разносится по ветру, заляпывая меня красными пятнами. Арго заваливается на бок, пронзительно крича и пытаясь взмахнуть крыльями, взлететь, но его упрямство и мастерство не идут ни в какое сравнение с железной стрелой, застрявшей в мышцах и костях его крыла.

Мы падаем.

Я держусь за ремни седла и наклоняюсь вперед, накрывая его собой и давая возможность двигаться так, как ему нужно – не указывая ему направление и не пытаясь подтолкнуть вперед. Когда он падает, я лишь могу прижаться к его спине. Вопреки боли и стремительному спуску, Арго еще пытается замедлить наше падение, пытается найти лучшее место для жесткого приземления.

С абсолютной уверенностью могу сказать, что песчаные дюны выглядят гораздо мягче, чем есть на самом деле.

Арго принимает на себя основную тяжесть падения, в последний момент поджав лапы и здоровое крыло, и, когда мы ударяемся о землю, он отклоняется в сторону.

Мелкий песок разлетается вокруг нас, и Арго издает еще один пронзительный крик, отзывающийся эхом в моем черепе, отдающий такой же болью, что удар о землю.

Я как можно скорее отстегиваю ремень и соскальзываю с его непострадавшей стороны. Увязая сапогами в песке, спешно обхожу Арго к его раненому крылу. Стрела большая и тяжелая, наверное, ее выпустили, как только заметили нас на вылете из города. Мы упали довольно далеко, и между нами и городской стеной, наверное, целая миля, но это еще хуже, потому что я хочу сгноить ублюдка, который это сделал.

Я осматриваю повреждение на крыле Арго, не прикасаясь к нему, и ко мне приходит мрачное осознание. Железная стрела застряла в центре правого крыла, обогрив кровью его пестрые перья. Конец слишком толстый, чтобы я мог его вытащить, не причинив еще больше вреда и боли.

Единственный луч надежды в том, что металл подвержен коррозии.

Арго кричит, но теперь это больше похоже на всхлип, и мне чертовски больно его слышать. Этот зверь – стойкое и выносливое создание, и видеть, как он сломлен...

– Я с тобой, – шепчу я ему, и он смотрит на меня огромными карими глазами, словно понимая, что я собираюсь сделать.

Как можно реже прикасаясь к нему, я медленно распространяю гниль по металлу. Сначала кажется, что железо ему не поддается, но потом оно начинает медленно ослабевать. Цвет становится грязным от ржавчины, по всей длине появляются вдавления. Когда он начинает отслаиваться проржавевшими полосками и металл кажется древним, я протягиваю руку и отламываю конец.

Арго дергается, клацнув на меня зубами, но я быстро выдергиваю прут, откинув его за спину. Арго тут же прижимает к себе крыло и начинает слизывать кровь, и я воспринимаю это как хороший признак – значит, он еще может двигать крылом.

Он тяжело дышит, в пасти у него собралась пена, и, когда я обхожу его, чтобы проверить лапы, он снова предупреждающе клацает клыками.

– Полегче, зверь, – говорю я, хотя если бы в меня пустили стрелу и я с силой рухнул на землю, то тоже бы на всех кидался.

Когда я нажимаю ему на грудь и наклоняюсь, чтобы проверить состояние лап, у меня сводит живот. Левую ногу он держит под странным углом, подогнув ее под себя, и, даже не прикасаясь к ней, вижу, что она сломана.

– Черт.

Сломанная нога и раненое крыло. Он полностью обессилел и никак не может двигаться, не говоря уже о полете.

Я встаю, оглядев бесплодную землю, но здесь негде укрыться от солнца, негде спрятать его или защитить от непогоды.

Мы оба – легкая мишень.

Когда Арго прижимается пытящей мордой к раскаленной земле, у него из ноздрей вылетает песок. Он снова издает сдавленный крик, который проворачивает клинок вины, застрявший у меня в горле.

Я срываю с пояса бурдюк с водой и капаю ему на пасть. Арго тут же открывает рот, и я вливаю в него почти всю воду. Он облизывает губы, пристально глядя на меня, а потом проводит шершавым языком по моей руке, словно в знак благодарности, и закрывает глаза.

Допив воду, я сажусь, прислонившись к здоровому боку Арго, подтянув колени и устремив взгляд в сторону Воллмонта.

Мили, которые еще тянутся до столицы, всего несколько минут назад казались такими незначительными. Теперь они кажутся непреодолимыми.

Так близко.

И так далеко.

Арго не может лететь. Не может идти. Здесь он умрет из-за меня. Мне придется идти пешком в город, откуда в него выстрелили, украсть лошадь и мчаться через пустыню, чтобы добраться до Аурен. Но тогда будет слишком поздно. Я потратил слишком много времени, и теперь не могу лететь...

В тот момент, когда я ухожу в возвышающийся за спиной город, я выношу Арго смертный приговор. Стиснув руки в кулак, сжав зубы. Единственный выбор, что у меня есть: либо оставить его здесь одного, чтобы он медленно умирал от травм и непогоды, либо стгноить его тем же самым прикосновением, которому он научился доверять. Прикосновением, которое сейчас оставляет на коже яростные линии, которое волнообразными изгибами бежит по моим рукам, дотягиваясь до костяшек пальцев. Гнев, вырвавшийся из глубин моей души, просачивается в землю и расплзается венами, которые в наказание прочесывают землю, пока я снова их не вытащу.

Я бы не удивился, если бы моя ярость достигла самого Воллмонта. Меня так и подмывает попробовать. Пусть моя ярость поглотит и город, пусть все истлеет и покроется плесенью.

Арго на протяжении многих лет был моим верным зверем, и вот моя ему благодарность. Могила в пустыне, где он страдает от боли, жары и уязвимости. Я поднимаю руку и глажу мягкие перья на его шее, и, когда он почти беззвучно урчит, в груди скапливаются эмоции.

- Прости, - шепчу я.

Ему. Ей.

Черт возьми, прости.

Глава 63

Аурен

На заявление короля вместо рукоплескания на площади воцаряется тишина, все замирает в ожидании, что скажут после. Напротив сцены, на слегка приподнятом помосте, сидят несколько дюжин человек. Все эти люди знатного происхождения изысканно одеты, но я сразу же нахожу взглядом одного человека, который сидит рядом со своим другом.

Ману.

Он мельком кидает на меня взор и отворачивается. Может, я не права, но замечаю на его лице легкую тень вины. Он пытался убедить меня, что Слияние всего лишь вынесет мягкий приговор, но все это действие говорит об обратном.

«Ничего личного, Куколка».

Вот только это не так.

Все это очень даже лично.

Я хочу было отвернуться, но тут мое внимание привлекает мальчик, сидящий точно напротив. На нем почти такое же белое одеяние, что на Изольте, вот только голова у него не покрыта, и я вижу темно-русые волосы. Он совсем юн – быть может, лет десяти, и, судя по стражникам, стоящим у него за спиной, полагаю, этот мальчик – наследник Второго королевства.

Хотела бы я знать, скольким Слияниям он был свидетелем.

– Давайте огласим притязания к обвиняемой.

Я резко перевожу взгляд на короля Меревена.

Стоя перед своим креслом, он оглядывает собравшуюся толпу. Волоски в его длинных серых усах слегка завиваются, а кончики будто окунули в яичный желток.

– Обвиняемая находится здесь, потому что свидетели заявляют, что видели, как леди Аурен убила царя Мидаса.

Толпа не ропщет, не издает ни звука – наоборот, становится тише. Эта тишина почти зловещая, я чувствую, как они переводят свое безмолвное внимание на меня и сотни глаз шарят по моему телу взглядом.

Глубоко дыша, я набираю в грудь воздуха и думаю о последних отголосках боли, которой меня удерживала Изольта. Я не верю в бездумные убийства. Но в отношении нее? Ее бы я, черт возьми, с радостью позолотила только за одно злоупотребление силой. Потому как, если она поступила так со мной, кто знает, сколько еще людей становились ее жертвами?

«Это мой долг как покровительницы святости».

Что за чушь собачья! Я смотрю на нее сквозь прутья кле...

Нет. Мой разум рушит защитные стены. Я не стану ее так называть. Я не в клетке. Я просто огорожена колоннами. На Слиянии здесь оказываются все. Это просто камень. Мое золото могло бы обрушить его в мгновение ока.

Крошечный золотой шарик, который я уронила, укатился, но, к счастью, один из каменных стержней не дал ему улететь слишком далеко. Я исподволь вытягиваю ногу и касаюсь шарика кончиком мизинца. Есть один положительный момент в этом одеянии – он прячет от посторонних глаз этот шарик. Если бы могла, я бы наступила на него, но уж слишком болят у меня ступни. Возможно, я ослабла от жестокого обращения Изольты, пытаюсь воссоздать

новое золото, потому, если мне удастся хотя бы просто заставить шарик подняться по ноге и вернуться в руку, это будет маленькой победой. И все же, только я подумываю о том, чтобы использовать свою силу, на кончиках пальцев внезапно скапливается золото. На миг я прихожу в замешательство от жидкости, которая начинает собираться на ладони, и сжимаю прутья перед собой, позволяя золоту впитаться в камень. Золото копится быстрее, чем раньше, несмотря на муки моего тела, будто мне даже не нужно стараться. И что-то здесь... не так.

Но я должна действовать быстро. Пока королева Изольта не применила ко мне свою силу снова. Пока не выбила у меня из-под ног почву, обезвредив мою магию. Потому я даю возможность золоту накопиться, не выдавая себя. И чем больше драгоценной жидкости я собираю, тем увереннее и сильнее начинаю чувствовать себя.

Пока не понимаю, что не могу остановиться.

Меня будто превратили в прорвавшийся кран: теперь капли неудержимо стекают с моей кожи. Я пытаюсь сжать пальцы и ладони, пытаюсь спрятать капли, когда они выскальзывают и текут по рукам, пытаюсь не привлекать внимание Изольты, но золото не останавливается.

Я не только не могу его остановить, но и не могу направить. Я вообще ничего не контролирую. Моя сила стала неудержимой, будто дождевое облако, внезапно решившее пролиться дождем.

Что-то не так.

Я крепко сжимаю руки в кулаки, не смея ими пошевелить. К счастью, золото, стекающее с ладоней на предплечья, скрыто под рукавами платья. Но часть его прилипает к ткани и оставляет пятна. А потом оно снова проливается с края моей ладони. Когда на пол падает первая капля, я слежу за ее падением. И вот тогда замечаю символ, выгравированный на плитке под моими обожженными ногами.

Что это?

Я так увлечена странными круглыми узорами, выгравированными на полу, что не замечаю, как ко мне подходит король Меревен. Услышав рядом его голос, я снова поднимаю голову. Судя по морщинам на его смуглой коже и седым волосам, он старше своей супруги не меньше чем на пару десятков лет. Я судорожно пытаюсь вспомнить, в чем заключается его сила, а потом вспоминаю, что он умеет находить источники воды. Для королевства, находящегося в пустыне, это довольно полезная особенность.

– Обвиняемая находится здесь, потому что свидетели заявили, что леди Аурен – воровка силы, – заявляет он, указав в мою сторону.

Другие монархи смотрят на меня, испепеляют взглядами, будто хотят пронзить насквозь.

– Как вы ответите на это обвинение?

Я с трудом глотаю ком в горле, на лбу, на висках и под грудью собираются капельки пота.

– Отвечу, что здесь нет ни одного человека, который мог бы засвидетельствовать его смерть. – С ладоней падает еще несколько золотых капель. Но я ничего не могу с этим поделать. Не могу им управлять. Не могу собрать его воедино, сделать твердым или заставить выйти за пределы этой ограды.

Какого черта происходит?

Я крепче сжимаю руку, пытаюсь позолотить прут, но у меня не выходит даже это. Заметив мое движение, король опускает взгляд на мои скользкие ладони и в удивлении открывает рот. Изольта тоже смотрит на меня, и я задаюсь вопросом, не начнет ли она снова мучить меня своей силой.

Мне нужно мое золото. Оно здесь, продолжает капать, а я начинаю дрожать от тревоги и прикладываю усилия, чтобы заставить магию подчиниться. Я пытаюсь воспользоваться единственным своим преимуществом, но не могу.

Король Меревен переводит взгляд с моих стиснутых пальцев на напряженное лицо и улыбается.

– О, понимаю. Позволь рассказать тебе небольшую историю, девочка, – тихо говорит он. – Мой прадед обладал силой рун. А та, на которой ты сейчас стоишь, высасывает из человека магию, как краску из тюбика, но, находясь внутри нее, ты не сможешь воспользоваться силой. Руна только ее раскрывает.

Я округляю глаза.

С довольным видом он снова поворачивается к другим правителям и говорит:

– Итак, обвиняемая упомянула, что больше свидетелей не было. Королева Кайла, поскольку вы единственная из выживших правителей той ночью в Рэнхолде присутствуете на Слиянии, каков будет ваш ответ?

Я смотрю, как она встает, и платье без рукавов струится по земле водной рябью. Ее густые, волнистые локоны венчает корона.

– Мой ответ такой: с помощью своей силы я предоставлю Слиянию истинные слова, сказанные той ночью, – говорит она, и у меня в жилах стынет кровь, когда она поворачивается и из уважения уступает право королю. – Безусловно, с одобрения собравшихся монархов.

Все представители королевской власти приподнимают руки, давая разрешение.

Король Меревен кивает.

– Продолжайте, королева Кайла.

Несмотря на то, что я готова услышать те слова, меня поражает удивление, когда с ее губ, будто струйка пара, вырываются мои слова. Магия парит в

воздухе, когда я возвращаюсь в ту ночь, мои слова эхом разносятся по площади, заполняя пространство и доносясь до всех собравшихся.

«Не прикасайся к нему».

В моем голосе слышится ярость, отчего нескольких человек в толпе отшатываются и оглядываются, будто пытаюсь понять, кто говорит.

«Что ты делаешь, Аурен? Сейчас же отойди от него и подойди ко мне».

Услышав голос Мидаса, я вздрагиваю. Крепче хватаюсь за прутья.

Он мертв, убеждаю я себя. Его больше нет. Но когда я снова слышу его, так по-настоящему, а его голос изливается на меня, то хочется припасть к земле и исторгнуть содержимое желудка.

«Иди ко мне», – приказывает его голос.

Потом раздается мой ответ. Разъяренный и резкий:

«Никогда».

До этого толпа была безмолвна и неподвижна, но атмосферу меняют эти бестелесные взволнованные голоса.

«Отведите мечи от моей фаворитки!» – слышен голос Мидаса. Он кажется моим защитником. Будто спасает меня.

«Я не твоя фаворитка», – мой ответ звучит пылко. Сквозь стиснутые зубы.

«Вывести всех из зала!» – раздается крик Мидаса.

Она намеренно опустила, что я сказала до того, как он отдал тот приказ. Когда я сказала всем, что это он убил принца Нивена, а не Слейд.

Кайла снова выдувает магию. Больше слов.

Теперь звучат мой голос и голос Лу, но совершенно из другой ночи.

«Спасибо, что вывела меня из замка и вернула. Было приятно провести время с Ревингером».

В ту ночь я назвала его Рипом. Не Ревингером. Выходит, сила королевы Кайлы может не только хранить слова, но и манипулировать ими. Вырезать их и навешивать на тех, на кого ей заблагорассудится. Живот скручивает, рот наполняется слюной.

«Уж точно. С ним веселее, чем с золотым придурком, да?» – звучит эхом голос Лу.

«Намного».

Толпа больше не может молчать. Среди них слышится шорох, они собираются, скапливаются, выносят свои суждения.

«Это был он?» – От звучащего в голосе обвинения Мидас выглядит отвергнутым любовником.

«Мы уходим».

Люди кидают в мою стороны острые, будто кинжалы, взгляды, их лица искажают презрительные ухмылки.

Еще один выдох, и теперь звучит голос самой королевы Кайлы:

«И без того очевидно, что она предана Четвертому королевству. Пусть лишится твоей благосклонности. Она это заслужила».

Затем звучит умоляющий голос Мидаса:

«Аурен, сейчас же подойди ко мне».

«Ни за что».

Еще одно вырванное из контекста слово, используемое в ее интересах.

«Хочешь уйти? Хочешь быть шлюхой короля Рота?» – со злостью выплевывает Мидас.

«Лучше быть шлюхой для стоящего за мной мужчины, чем быть твоей фавориткой, – раздается мой ответ. – Мы уходим. С твоей стороны было бы разумно поступить так же».

Она так это проигрывает, будто мои слова несут угрозу.

«Хочешь уйти, Аурен? Тогда уходи. Да покинет это королевство скверна Ревингера».

Бедный, отвергнутый король, отказывающийся от своей фаворитки.

Кайла не сообщает, что произошло дальше на самом деле, не дает понять, что мы действительно пытались уйти. Нет. Она преподносит все так, будто Мидас был отвергнутым, преданным королем, который позволил мне уйти.

Что, конечно, совсем не соответствует действительности.

Королева Кайла останавливается и смотрит на толпу.

– Леди Аурен отказалась уйти. Она у меня на глазах напала на Мидаса, а когда он попытался воспользоваться золотом, чтобы защититься, то не смог. – Она качает головой и печально шмыгает носом, вызвав у настороженных зрителей еще больше сочувствия. – Леди Аурен была недовольна нашим обручением. Яростно желая ему отомстить, она соблазнила короля Ревингера, а затем напала.

Я стискиваю зубы. Сердце бешено колотится в груди. Не знаю, что сильнее: мой гнев, страх или усталость.

– В следующих словах будет много насилия, – продолжает она. – Предостерегаю всех, кто чувствителен или у кого есть дети: прикройте уши.

Затем она делает еще один вдох.

На этот раз она издает не голоса, а крики. Они разносятся по площади, ударяясь о стены, заставляя людей отшатываться, съеживаться и с ужасом смотреть на меня. Звуки звенят у меня в ушах, воспоминания выстраиваются один за другим. Я вижу, как стражников поглощает золото, как они расплавляются, как их режут, кромсают и душат.

И это сделала я.

Я виновата в этом, как виновата за бойню в Карните.

Затем раздается голос Мидаса. В нем звучит мольба.

«Аурен».

Я чувствую, как толпа отворачивается от меня. Я вижу жалость, которую они испытывают к царю Мидасу. Я уже злодейка, по их мнению. Но если я чему-то и научилась, так это тому, что не всегда плохо быть злодейкой.

– Спасибо вам, королева Кайла, – заявляет король. – Но вынужден спросить: находились ли вы в той зале, когда был убит царь Мидас? Вы видели все воочию?

Кайла делает паузу, а потом отвечает:

– Нет, король Меревен. Мне пришлось бежать.

– Бежать? Почему?

– Потому что леди Аурен не только обманула и убила царя, – заявляет Кайла. – Еще она обладает темной силой, о которой никто из нас не знал.

– Какой силой?

Она смотрит вперед зорким взглядом, а затем, словно заранее заготовила каждую фразу, говорит:

– Я была свидетельницей, как леди Аурен украла золотую силу Мидаса. И убила его ею, как пыталась убить и меня.

Толпа охает и начинает шептаться.

Толпа раздражается вздохами и шепотом.

Король Меревен смотрит на меня.

– Что ответит обвиняемая?

– Я ничего не крала, – цезу я.

Я не доверяю этим монархам. Что, если они будут держать меня здесь и заставляя золотить предметы, как это делал Мидас? Они что-то задумали ради этого Слияния, иначе не стали бы заходить так далеко и похищать меня. Если я буду защищаться, они воспользуются этим против меня?

- Нет?

- Нет, - отвечаю я сквозь стиснутые зубы. - Я не краля магию Мидаса.

В самый неподходящий момент, какой только можно вообразить, золото, которое скопилось у меня в руках, начинает стекать густыми потоками по прутьям.

Толпа разражается восклицаниями, вытаращив глаза и показывая на меня пальцами.

- Это правда!

- У нее сила царя Мидаса!

Я смотрю на толпу, пытаюсь закричать в ответ: «Это не его сила! Она никогда не принадлежала ему!» Но мой голос малозначим. Он тонет в море, которое вот-вот меня утопит.

- Она воровка, обманщица!

- Виновна! Виновна!

Я отдергиваю руки от тонких колонн, но сила притяжения не на моей стороне. Золото теперь не стекает медленно с рук. Оно льется из моей кожи, стекает с пальцев и собирается лужей на полу. Оно пропитывает мои обожженные ступни, пачкает подол платья, собирается выше, но его сдерживает какой-то невидимый барьер, который не позволяет ему проникнуть через столбы.

- Виновна!

Мне словно режут запястья и смотрят, как я истекаю золотом. Я не могу остановить поток, но чувствую, как он вытекает из меня, делая еще более слабой.

И тогда я замечаю, что в золоте появляются черные нити.

Сначала это всего лишь одна струйка, которая стекает вниз тяжелой, плотной каплей и разбрызгивается у ног. Затем их становится больше, пока они не растекаются ручейками, будто кто-то плеснул чернил и закружил их в водовороте.

Что это?

Теперь золото льется из меня, и я знаю, что монархи что-то говорят, знаю, что толпа кричит, но у меня звенит в ушах, сердце колотится, потому что эти темные линии... они похожи на...

- Великие боги!

Услышав голос королевы Кайлы, я вскидываю голову. Она показывает на меня, и на лице у нее отражается такое потрясение, что его, без сомнений, видят все.

- Она украла силу и у короля Рота!

Она кричит.

А толпа кричит вместе с ней.

Но я слишком потрясена, чтобы что-то сказать, потому что она права. Это те самые нити, которые Слейд прокладывает по земле, те же вены, которые извиваются под его кожей.

По какому-то жуткому повороту судьбы эти линии гнили расплзаются, проникают в мое золото, будто извивающиеся корни, желающие прорасти гнилыми сорняками здесь, у всех на глазах. Гниль прорастает из того единственного фрагмента, оставленного во мне Слейдом, которое, как мы полагали, дремало.

- Она украла силу золотого прикосновения! Теперь она украла гниль! Она может украсть снова!

- Виновна! Виновна! Виновна!

Мой мир накреняется. Спотыкаясь, я иду по скопившемуся жидкому золоту и натываюсь спиной на столбы. Мне нужно остановить это притяжение моей магии, нужно погасить ее, но я не могу.

Меня несколько дней поили дурманом, я обезвожена. Мне жарко. Я измучена. Ноги обуглены. Везде, где меня пыталась королева Изольта, ощущается одна сокрушительная рана. Моя магия изливается из меня смертоносной и неудержимой силой, и я в ловушке.

Я в ловушке.

Я начинаю дрожать всем телом, дико вращая глазами. Сердце будто не помещается в грудной клетке и слишком громко стучит.

- Монархи, вынесите свой вердикт!

Каждый из них присоединяется к голосам толпы.

Виновна, виновна, виновна.

Король Меревен обращается к своему народу:

- Королевское Слияние постановило, что она виновна!

Надо мной разносятся крики толпы.

- Приговор будет немедленно приведен в исполнение.

И все вокруг меня разлетается вдребезги.

Виновна, виновна, виновна.

Глава 64

Аурен

Когда случается то, что приводит в смятение, мозг начинает по-своему реагировать. Так яростно и мучительно, что все мысли меркнут и улетучиваются. Слово разум становится как заботливая мать, закрывающая ребенку глаза и приглушающая пугающие звуки, когда происходит резня. Она знает, что произойдет после. Мозг подавляет отклик, притупляет последствия – и это последнее, чем он может помочь, предоставляя защиту.

Последнее, что он может сделать, чтобы смягчить надвигающийся удар.

Потому я слышу, как продолжает скандировать толпа.

Виновна.

Я вижу, как кричат люди и ходят монархи, как проливается мое запятнанное золото.

И, тем не менее, все это притупляется. Смягчается. Становится монотонным. Медленным, словно я сплю. Слово это только лишь ночной кошмар, и разум напоминает мне, что важно сохранять спокойствие.

Только я знаю, что это не сон. Самые ужасные события в моей жизни всегда происходили, когда я бодрствовала. И в этот раз все именно так.

«Где ты был?»

Я задала Слейду этот вопрос еще в Дэдвелле, сидя в надежном укрытии пещеры. Кажется, это было так давно. То, что я тогда ему сказала, навсегда останется для меня истиной. Я рада, что спасла себя.

Но теперь я думала, что он будет здесь.

Я думала, он придет.

Где ты?

Я сильная. Я многое пережила, пытаюсь обрести силу и контроль над магией. Над своими эмоциями и мыслями. Даже стала сильнее физически благодаря

регулярным тренировкам. Но ничто из этого не поможет мне вырваться из этого заточения.

На сей раз мне нужна помощь.

А у меня ее нет.

Я не знаю, где он и почему не пришел. Но если что-то и помешало, то, наверное, нечто ужасное, потому как я без тени сомнения знаю, что Слейд пошел бы на все, чтобы быть здесь. Чтобы выследить меня и спасти. И все же его здесь нет, потому я могу лишь предполагать самое худшее.

С ним что-то случилось.

Приложила ли к этому руку королева Кайла? Они что-то сделали со Слейдом? Наверняка, иначе он бы уже пришел. Да Слейд вообще бы не позволил им вывезти меня из Четвертого королевства.

Это осознание обрушивается на меня как валун, падающий в океан. Он оказывается на дне, и земля дрожит под моими ногами, а пеннистая волна вздымается, затуманивая мне обзор.

- Приговор Слияния должен быть немедленно приведен в исполнение.

Я устремляю взгляд на короля.

- Вас признали виновной в преступлениях: вы убили царя Мидаса и украли не одну силу, а две.

- Я ничего не крада! - выкрикиваю я. - Сила золотого прикосновения всегда была моей!

Никто мне не верит. Никто меня даже не слышит. Я шарю взглядом по другим монархам, но они смотрят на меня так, словно я пиявка, которую им нужно сжечь; словно они не хотят даже близко стоять ко мне, боясь, что я и у них украду магию. Зеваки на площади тоже не питают ко мне никакой симпатии, на их лицах застыла неприкрытая ненависть.

Для них я всего лишь лживая воровка и убийца, которая заслуживает такого приговора.

- Пожалуйста!

Я снова сжимаю прутья, влажные от золота, которое не затвердевает. Лужа у моих ног становится намного глубже, доходит почти до середины голени. На ее глубине крадутся черные жидкие корни, заостренные концы которых тянутся во все стороны, будто пытаюсь вырваться из ограждения.

Я не могу выбраться.

Не могу контролировать свою магию.

На спине нет лент.

А он не придет.

Сквозь дымку в сознании прорывается мой беззвучный всхлип, возвращая меня в реальность. Без заглушающего мысленного щита я увязаю в хаосе собственного порицания.

Теперь стоят все правители, а мою ограду окружает стража. Я даже не заметила их приближения. На них нет доспехов, но их форма кристально-белая, а клинки воткнуты за серые пояса.

– К оружию! – приказывает король Меревен.

Каждый стражник вытаскивает меч. Всего их шестеро – трое стоят напротив меня, а трое сзади.

Какая жестокая ирония, что их шестеро.

– Пожалуйста! – снова кричу я, но никто не обращает внимания на мою мольбу.

Сердце стучит так, словно пытается пробить брешь в груди и вырваться на свободу, но ни одна моя частичка не сможет покинуть ограду.

Неужели все происходит по-настоящему? После всего, что я пережила? После всего, черт возьми, таким будет мой исход? Меня приговорят к смерти из-за Мидаса?

Жестокая ирония заключается еще в том, что меня казнят, поскольку считают, я украла у него силу золота.

– Поднять!

Стражники поднимают мечи. Сквозь прутья проходят все шесть клинков, и их острые кончики направлены на меня.

Ограда настолько тесная, что стоит им воткнуть сюда эти лезвия, как они вонзятся в меня со всех сторон. Мне некуда деться.

Выхода нет.

По лицу текут слезы, тщетные капли, которые едва ли выдают охвативший меня ужас.

Я кручусь, пытаюсь толкнуть зарешеченную дверь, но она не поддается.

– Пожалуйста!

Приложив столько усилий, чтобы обрести свободу, я все равно умру за решеткой, запертая в клетке, из которой не выбраться. Вот насколько жестока жизнь.

Я почти чувствую, как за плечом у меня смеется Мидас.

Я погружаюсь в себя, пытаюсь вытащить своего фейского зверя, пытаюсь пробиться через руны, раздвинуть столбы, что меня окружают.

Не выходит.

Мой зверь свернулся калачиком, а его перья от усталости выцвели. Золото ничем не может мне помочь, только вытекает из моей кожи. Сооружение, что меня окружает, будто сжимается.

Я в ловушке.

Король Меревен встречается со мной взглядом поверх голов стражников.

- Леди Аурен, теперь я приговариваю вас к смерти.

Лезвия сближаются.

А я закрываю глаза.

* * *

Первые уколы мечей ощущаются, будто кончик пальца протыкает швейная игла. Остро. Легонько.

И я дышу. Со скорбью моего сердца объединилась лишь одна фраза, сдавленно произнесенная на выдохе.

Найди меня в другой жизни.

Найди меня в каждой них.

И тогда для слов уже не остается места. Ни одной связной мысли, потому что первый меч вонзается глубже, и боль все стирает.

Мое тело крепится. А разум исчерпан.

А потом... мир вспыхивает.

В один миг я ничего не понимаю. Земля трясется. Раздаются крики. Я не могу осознать, что вонзающиеся в мое тело клинки уже не такие твердые и не острые. Оцепенев, замечаю, что что-то не так, только когда мечи падают.

Я резко открываю глаза и вижу густую, как туман, пыль, клубящуюся в воздухе. Посмотрев вниз, вижу, что мечи не сверкают серебром, а покрыты янтарной ржавчиной. Через мгновение они полностью распадаются. Чувствую, как они превращаются в песок там, где вонзались в мое тело.

А стражники...

Я смотрю, как меняется тело стоящего передо мной мужчины. Глаза, в которых застыл ужас, становятся мутными, проваливаясь в глазницы. Челюсть отвисает, будто мускулы больше не в силах ее держать. Губы шелушатся, обнажая ряд потемневших зубов. Вены гноятся и лопаются, на шее появляется сыпь. Он пытается ухватиться за прут, но его руки иссушаются до костей.

Когда он падает, его тело дергается, раздуваясь до непостижимых размеров, а потом все как будто погружается в него, съезжившись и сморщившись, пока от него не остается только груды костей и пыли.

Я оборачиваюсь, услышав, какой вокруг меня стоит грохот и лязг, и вижу, что остальных стражников постигла та же участь.

Я вскидываю голову и начинаю искать глазами, пока сердце гулко ударяется о ребра...

И тут я вижу его.

Не знаю, испытывала ли я когда-нибудь такую бурную радость. Она возникает стихийно, обволакивает меня, как тепло его тела. При виде него сердце срывается с ритма, а из самой глубины моей души вырываются всхлипы.

Он пришел.

Он пришел за мной.

Ровно посреди площади со свирепым ревом садится тимбервинг, и толпа бросается врассыпную, но убегают люди не слишком быстро.

Как только Слейд спрыгивает со зверя, как только касается ногами камня, во все стороны разлетается гниль. Она поглощает зевак, и гнилые корни растут и раскидываются, заражая все на своем пути. Люди падают один за другим, тела вянут и гниют, а окружающих толпу стражников поражает та же участь.

Пытаясь устоять на ногах, я цепляюсь за прут, а из моего горла и с губ срываются крики. Мы встречаемся глазами, и мое сердце замирает.

Я чувствую ярость, которая вырывается из него бесконечными волнами, и силу, пробивающую воздух, но от этого у меня не сжимается желудок, не появляется тошнота.

Он идет ко мне, яростно чеканя шаг, и земля крошится под его ногами. Площадь рушится в тишине, пока он отравляет гнилью все на своем пути, идя прямо по разложившимся телам и превращая их в пыль. Пока крики не прекращаются. Бежать больше некому. За ним следует лишь тихая гибель.

Я стану для тебя злодеем.

Он – воплощение смерти и мести. Олицетворение ярости.

Он, не раздумывая, уничтожает все и вся рядом с собой, а я упиваюсь этим, не обращая внимания на хаос и побоище.

Может, из-за гнили во мне. Может, из-за того, что я фейри. А, может, потому что человек, которого я люблю, готов разрушить мир, чтобы меня защитить. И это тоже сила, которую не по силам иссушить даже этому ограждению.

Пока мы вместе, все будет хорошо. Потому что ради него я буду сражаться, а ради меня он будет убивать, и если нам суждено стать злодеями, то так тому и быть.

Слейд идет вперед, предвещая взглядом расправу, а вокруг предплечий и шеи извиваются и скручиваются корни его силы, отражая гниль, которая расползается по земле. Остановившись всего в десяти футах от сцены, он останавливает взгляд на монархах, дворянах и стражниках.

Они жмутся друг к другу, и на мгновение я задаюсь вопросом, не пытается ли королева Изольта подавить силу Слейда. Если это так, то она с треском терпит неудачу.

Она ему в подметки не годится.

Никому не сравниться с ним.

Потому я удивляюсь, что никто не воспользовался дарованными последними секундами, дабы сбежать. Они кричат на короля Меревена, велят ему поторопиться. Не понимаю, почему, а потом замечаю маленького мальчика – наверное, это принц Второго королевства. Отец держит его за плечи и ставит перед собой.

На меня с силой обрушивается негодование. Неужели, закрывшись невинным ребенком, они надеются, что Слейд их пощадит?

Это вызывает презрение, но они должны понимать, что в отношении своей магии Слейд продумывает все до мельчайших деталей. Он мог бы отравить всех гнилью и сделать так, что ни одна капля силы не прикоснется к мальчику – в точности, как он уничтожил окружавших меня стражников.

А потом король Меревен что-то резко говорит сыну. Мальчик кивает, лезет в карман одеяния и достает катушку ниток. В мгновение ока он продергивает нитку между пальцами, а затем, сосредоточившись, закрывает глаза, вытягивая размотанную нить в тугую линию. В воздухе искрится магия, будто кто-то только что подлил масла в огонь.

Слейд стоит всего в трех футах от сцены и уже взбегает по ступеням, когда магия мальчика вступает в действие.

Если бы я не держалась за прутья, то точно упала бы. Скопившееся золото плещется у моих ног. Но я не свою взгляда со сцены, которая теперь покрыта какой-то завесой из ткани такого же цвета, что нить мальчика. Меня заключают во второй слой, отделив от них. Окружая мое ограждение, завеса становится немного толще.

Она вздымается и колышется, как белье, подвешенное на бельевой веревке. Завеса простирается над нами куполом, но она не совсем прочная и при движении становится полупрозрачной, поблескивая на солнце.

Слейд влетает в нее, и ткань изгибается вокруг него, а потом туго натягивается и отталкивает назад.

– Тебе не пройти, – с чванливым торжеством выкрикивает король Меревен, сжимая плечи сына. Мальчик стоит, крепко зажмурив глаза и держа пальцами нитку.

Слейд поднимает обе руки и упирается ими в барьер. Он упирается ногами, напрягая мускулы, и гниль с разъяренной силой изливается из его рук. Я вижу, как растягиваются прожилки по куполообразной ткани, заражая ее.

Но гниль не рушит вздымающийся щит, а разъедающие капилляры будто потеряли свою силу. Слейд рычит, навалившись еще сильнее, да так мощно, что у меня покалывает кожу.

Но это никак не отражается на развевающейся ткани.

Вдруг сила отсекается, у меня перед глазами появляется пелена, а Слейд, с волос которого капает пот, начинает тяжело дышать, в гневе скрежеща челюстью.

– Король Ревингер, повторю: вам не пройти. Завеса моего сына непроницаема. Но позвольте сказать, – говорит король Меревен, протянув руки, будто он самый великодушный и просветленный на свете человек, – мы вам не враги.

Слейд скалится в его сторону, бросив такой взгляд, что даже у меня в жилах стынет кровь.

– Любой, кто причинит вред Аурен – мой враг.

– В том-то все и дело, король Ревингер. Враг – это она, – говорит королева Изольта.

Королева Кайла кивает и проходит мимо своего брата.

– Именно так. Мы только что доказали это здесь, на Слиянии, вот почему нам было так важно забрать ее у вас. Она опасна. Она обманывает королей и отнимает у них силу. Мы не хотели молча смотреть, как это происходит и с вами.

От ярости золото, льющееся из моих рук, расплавляется. Оно падает дымящимися каплями, которые шипят при падении.

– Нужно вырвать из вашего разума ее когти. Взгляните сами, – говорит король Меревен и показывает на меня. – Она украла силу золотого прикосновения, а теперь еще украла и вашу гниль. Вам следовало раньше предать ее суду.

Слейд резко переводит взгляд на меня, на золото, теперь плещущееся у моих бедер, на корни, плавающие в его глубинах. Золото меж тем с противоестественным притяжением изливается из моих рук. Веки наливаются свинцом. Сердце замирает.

- Она ничего не крада, - рычит он. - Отпустите ее. Сейчас же.

- Боюсь, мы не можем этого сделать, - говорит Меревен. - Вам известен закон. Как только обвиняемая признана виновной, решение должно быть незамедлительно приведено в исполнение.

Слейд почти дрожит от силы своей ярости.

- Если вы хотя бы пальцем коснетесь ее, я стною каждого из вас, не сходя с этого места.

Король Толд переминается с ноги на ногу, а его змеи возбужденно шипят.

- Меревен, возможно, нам стоит обсудить...

- Нет, - огрызается тот, и пятна на его щеках становятся краснее. - Решение было вынесено. Хочешь, чтобы она и твою силу украдала? - спрашивает он, а потом переводит взгляд на нового правителя Пятого королевства. - А вы? Хотите, чтобы она и вас соблазнила, а потом украдала силу?

Оба мужчины молчат.

- Она убила короля. Мы не можем смотреть на это сквозь пальцы, - вмешивается королева Изольта. - Она испорченная женщина, которой нужно предстать перед уготованной ей судьбой.

Слейд смотрит на них жутким взглядом - таким, будто, если он просто моргнет, то разорвет их на части.

- Опустите барьер и выпустите ее. Сейчас же. Или то, что я сделал сегодня на этой площади, будет мелочью в сравнении с тем, что я сделаю потом.

Он произносит угрозу отрывисто и так тихо, что мне приходится напрячь слух, чтобы его расслышать.

- Можете прятаться за щитом, пока вашему сыну по силам его удерживать, но, уверяю, я умею ждать. Как только завеса спадет, я сорву с вас кожу и высушу ваши кости. Я буду медленно травить вас гнилью изнутри, пока от вас не останется только труп, разлагающийся на солнце. Потом я уничтожу в ваших королевствах всех до последнего и не успокоюсь, пока вся Орея не перестанет существовать.

Остальные монархи бледнеют от страха.

Королева Изольта качает головой, будто не верит услышанному.

- Король Ревингер, мы пытаемся помочь...

- Сейчас же опустите щит. Я больше не стану просить.

- Но...

- Хватит, - перебивает супругу король Меревен.

Она выглядит потрясенной.

- Правление Слияния свято.

- Закрой рот, женщина, - выходит он из себя и поворачивается к сыну. - Опустит завесу, мальчик.

Но мальчик не открывает глаз. Не издает ни звука.

Отец раздраженно оборачивается к нему.

- Ты меня слышал? Я сказал опустить! - Король хочет встряхнуть сына, но только касается его плеча, как мальчик падает на землю и начинает биться в конвульсиях.

- Хамус! - Королева Изольта спешит к сыну и опускается возле него на колени. Она обхватывает его щеки, пытаясь остановить сильную судорогу, но у нее ничего не выходит. Она набрасывается на своего мужа: - Это ты виноват! Зачем ты заставил его пользоваться таким количеством магии!

Я покачиваюсь.

Я и раньше проливали много золота, но сейчас моя магия мощнее и необузданнее - и это лишает меня сил.

- Аурен?

Я моргаю несколько раз, и только тогда мне удастся увидеть Слейда.

- Я...

Что бы он ни увидел на моем лице или не услышал в моих словах, от его лица отливает кровь. Он снова поворачивается к остальным.

- Отвалите от нее нахрен!

- Меревен, опусти барьер, или он, черт возьми, убьет нас, - шипит король Толд так же сильно, как и его змеи.

Королева Кайла, похоже, разрывается между желанием увидеть мою смерть и желанием спасти свою голову.

Но принц не приходит в себя, его тело продолжает дергаться, а нить запуталась в руках. Его отец чертыхается и бросается к нему, пытаясь вырвать нить, и Изольта кричит. Но даже это ничего не дает.

А я... я падаю назад.

Я натывкаюсь плечами на прутья и смотрю вниз на золото, которое теперь брызжет вокруг моей груди и отчасти попадает на следы, оставленные мечами. Когда вижу их, меня со всех сторон окружает боль.

- Слейд... - еле слышным шепотом произношу я, и он меня слышит.

Он всегда меня слышит, даже если я молчу.

С выражением, полным животной ярости, Слейд выхватывает из-за пояса меч, поднимает его и обрушивает на ткань. И хотя кажется, что завесе не выстоять против меча Слейда, нити принимают удар, а острое лезвие оказывается совершенно беспомощным против барьера, невосприимчивого к этому удару.

Но он наносит удар снова, и снова, и снова.

Он обрушивает на ткань всю свою грубую силу, пытаюсь пробиться сквозь нее телом, пытаюсь излить столько гнили, чтобы ядовитые вены охватили барьер полностью, почти заслоняя мне Слейда.

- Держись, Аурен! Держись!

Но колени у меня дрожат, ноги подкашиваются. Однако я не тону в золоте, потому что черные жидкие корни подхватывают меня, удерживая на плаву.

На его лице появляется паника, и именно тогда я понимаю, что надежды нет.

Слейду до меня не добраться.

В его глазах чистая агония, а моя душа просто раскалывается.

У меня дрожит нижняя губа. Моя любовь к нему, желая добраться до него, истекает из меня так же сильно, как и моя сила.

Но это невозможно.

Я не могу.

Он пришел за мной, но не может до меня добраться.

По моим дрожащим щекам стекают жгучие слезы. Но я стараюсь их спрятать. Пытаюсь ему улыбнуться.

- Найди меня в другой жизни.

- Нет! - Боль, вырвавшаяся из его горла, словно падает к моим ногам.

Я смотрю на него, прислонив голову к решетке, и вижу, как он внезапно поднимает обе руки. И тогда чувствую, как на затылке у меня ползут мурашки.

В следующее мгновение магия выплескивается с такой силой, что перехватывает у меня дыхание и стискивает его своей хваткой.

Из тела Слейда вырывается грубая магия и изливается в барьер.

Как только его сила соприкасается с завесой, купол начинает дрожать. Несколько монархов хватаются за головы, отпрянув назад, а принц недвижимо лежит без сознания.

Сила Слейда главенствует в воздухе.

Он полностью направляет ее на двойной щит, окружающий меня. Кожа моя покрыта мурашками, в ушах звенит, даже прогнившее золото плещется беспорядочными волнами. Оттуда, где Слейд пытается пробиться сквозь барьер, дует чудовищный ветер, и я оказываюсь в свирепой буре.

Слейд дрожит всем телом, а его вены расширяются с пугающей скоростью. Я вижу, как он сжимает челюсти, вижу в его глазах яростную решимость, когда из его рук вырываются шипы, хотя сама становлюсь все слабее и слабее.

- Просто держись!

Я пытаюсь, хочу сказать, но не могу выдать из себя ни слова.

- Держись... - вырывается у него утробно, и в это самое мгновение внезапно в воздухе появляется разрыв.

Я смотрю, как ткань напротив меня рвется, будто кто схватил ее и разодрал. Мои волосы развеваются от порыва сладко пахнущего ветра, и я в потрясении смотрю на разрыв высотой в двенадцать футов. Он разрывает столбы, раскалывает землю, отчего мое золото отчасти начинает в него стекать.

В зияющем разломе, в его звездных заряженных глубинах клубятся черно-белые облака. Он кажется бездонным, неземным, и как только я вдыхаю воздух, зверь внутри меня поет.

Потому что от разлома веет ветром из дома.

Кажется, будто я впервые за двадцать лет начала дышать по-настоящему. И от этого затаенного вдоха кожа согревается, а мое золото светится.

Для родителей я была маленьким солнышком. И когда мир раскалывается, я и впрямь чувствую себя солнцем, ощутив внутри этого разрыва дом. Будто если я просто упаду в зияющее небо, то буду сиять вечно.

А когда отвожу взгляд от разрыва, от пестрого воздуха, то вижу измученное лицо Слейда.

Вижу в его темных глазах ужас и понимание.

Блеск, тепло, свет - все это притупляется, сдавливает мне горло как кулак.

- Аурен...

И когда он произносит мое имя, я понимаю.

Слейд глотает и качает головой.

- Я пытался прорваться сквозь барьер, чтобы добраться до тебя, но...

Но вместо этого прорвал брешь в Эннвин:

- Аурен. Ты должна туда прыгнуть.

Я округляю глаза, жидкое золото волнами разливается по моим плечам. Если меня не убьют руны, заставляющие меня исторгать силу, то я утону в своем золоте.

- Аурен.

Я перевожу взгляд с разрыва на Слейда, и мне становится ужасно страшно. Но я знаю, что другого выхода нет, потому что Слейд все перепробовал и там мой дом. Эннвин - это дом и...

А потом я понимаю.

Вижу истину.

- Разлом... ты не можешь добраться до разлома.

Он сжимает губы в тонкую линию, и глаза полны безмолвной муки.

- Ты должен пойти со мной, - говорю я, охваченная паникой, ужасом, отчаянием.

Он качает головой, и моя опора рушится.

- Я не могу. Ты должна прыгнуть в него, детка. Ты должна. Я не могу до тебя добраться, а ты не выдержишь там. Ты гаснешь.

Я трясусь головой, из глаз текут слезы.

- Я не могу. Не могу. Без тебя - ни за что, - умоляю я. Спорю. Рыдаю.

- Посмотри на меня, - просит Слейд, хотя сам тяжело дышит. - Ты должна туда войти. Ты сильная. Сдерживай свой гнев, чтобы набраться храбрости и снова себя спасти.

Всхлипы рвутся из моей груди, душевная боль меня душит.

- Но...

- Я найду тебя. Я найду тебя в той жизни. Черт возьми, я тебе обещаю. Но ты должна идти. - По его щеке стекают две слезинки, и от этого сердце у меня раскалывается от горя. - Пожалуйста, детка, - молит он дрожащим голосом. Бьет меня прямо в сердце.

- Слейд...

Он кивает мне. Пытается передать свою силу. Его темные глаза и еще более темная аура проникают в меня, окружают.

– Я найду тебя, Золотая пташка. Клянусь. А теперь лети.

Всхлипнув и задохнувшись от слез, я закрываю глаза. Поднимаю руки. Делаю вдох, желая вдохнуть аромат Слейда. А потом погружаюсь в эту бездонную, знакомую неизвестность.

Сквозь брешь в мире и с брешью в сердце я бросаюсь из Ореи в бушующие глубины Эннвина.

Одна.

Глава 65

Слейд

Я смотрю, как она падает.

Смотрю, как она бросается в бурлящее, штормовое небо, прорвавшись в Эннвин. Смотрю, как она исчезает в разорванной мною брещи.

Я должен как можно дольше держаться за рваные, истрепанные края. Дать ей столько времени, сколько могу. Я с такой силой сжимаю кулаки, что не чувствую пальцев. Сила покидает меня слишком быстро. Но я жду, дрожа, изливая до изнеможения магию. Шипы вонзаются в спину, а клыки – в щеки.

Еще рано.

Я чувствую, как хрустят костяшки пальцев, как дрожат ноги. Но продолжаю удерживать разрыв, отсчитывая каждую секунду, потому как не знаю, должен ли разлом быть открытым, чтобы Аурен смогла благополучно добраться до Эннвина. Но если так, то мне нужно терпеть.

Так я и делаю.

Так я и делаю, ударившись коленями о потрескавшуюся, прогнившую землю.

Так и делаю, склонив голову и чувствуя, как дрожат руки.

Так и делаю, когда дышать становится больно, когда шелкает челюсть, спина выгибается дугой, когда сердце вот-вот разорвется, расколов пускающие гниль вены.

Я удерживаю разрыв гораздо дольше, чем может выдержать мое тело, трачу больше сил, чем у меня есть. Удерживаю, пока тело не сдастся перед этой грубой, невоздержанной силой. Силой, которой я вообще не должен был пользоваться и – уж тем более – разрывать в мире брешь.

Когда я отдаю последнюю частичку силы, разрыв захлопывается.

Когда он исчезает в воздухе, раздается почти оглушительный звук.

Когда он смыкается, будто отваливается огромный кусок горы, моя сила трещит. Зубчатое очертание разрыва стремительно летит в море, которое поглощает его без остатка. Слова разрыва не было вовсе.

Я падаю на землю.

Мир кружится перед глазами, в груди – пустота, и я сомневаюсь, что мне по силам собрать хотя бы каплю силы или гнили, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Я чувствую себя, как при смерти. Будто только повернусь – тут же окажусь в могиле.

Но я дал ей обещание.

Поэтому, не позволяя себе поддаться тьме, в которую меня хочет утянуть сознание, я переворачиваюсь на другой бок. Заставляю себя подняться.

Снова падаю на колени. Качаюсь, как дерево на ветру, и приваливаюсь к барьеру, который так и не рухнул. Молча обругав себя, пытаюсь пригрозить ногам, чтобы они удерживали меня, но они, черт возьми, не слушаются.

Только я начинаю волноваться, что и впрямь скоро потеряю сознание, меня подхватывают чьи-то руки и поднимают на ноги. Я поворачиваюсь, снова чуть не упав, но руки поддерживают меня в вертикальном положении.

– Спокойно! Это я.

Я смотрю помутневшим взглядом на Райатта.

– Черт. Выглядишь... – Райатт замолкает, видимо, не найдя в себе сил высказать, как ужасно я выгляжу. – Ты только что сделал то, о чем я думаю? – Ты прорвал еще одну брешь в мире, чтобы спасти Аурен?

– Да.

– Черт, – говорит Райатт. – Я не должен был говорить, что Аурен обязана сюда прибыть. Я, черт возьми, ошибался.

Если бы я не чувствовал себя при смерти, то, возможно, отпрянул бы от удивления.

– Не помню, чтобы ты когда-нибудь признавал себя неправым.

– Вставай, я должен тебя отсюда вытащить, – мрачно говорит он. – Ты не в том положении, чтобы так защищаться. Когда этот барьер рухнет, эти ублюдки попытаются тебе отомстить.

Я оглядываюсь через плечо на монархов и дворян, на их стражников.

Им чертовски повезло, что я слишком слаб и больше не могу пользоваться силой. Повезло, что они подняли щит, не позволивший мне стгноить их. Потому что если все было иначе, если бы сейчас я не был так разбит, то они уже были бы мертвы. И, судя по выражению их лиц, они это знают.

Королева Кайла выглядит взволнованной. Король Меревен просто в ужасе. А новоиспеченный король Пятого королевства, возможно, наложил в штаны.

Это доставляет мне лишь малую толику удовольствия.

Я свирепо смотрю на них, и они, черт возьми, знают. При нашей следующей встрече я убью их.

Ребенок еще лежит на полу, задыхаясь и кашляя. Он начинает приходить в себя, и барьер колыхается как одеяло, которое треплет ветер.

- Пора уходить, - подталкивает меня Райатт. Отвернувшись, он закидывает мою руку себе на плечи и почти тащит меня к тимбервингу. - Сам лететь можешь? Если сядешь на своего, мы доберемся быстрее.

- Я смогу.

- Уверен? - с сомнением спрашивает он.

- Я же сказал, что смогу, - цежу я сквозь зубы.

- Ладно, ладно, дубина. Пойдем.

- Как ты тут оказался? - спрашивая я, ковыляя к зверю. Неприятно признавать, но, если бы меня не поддерживал Райатт, вряд ли я смог бы пройти даже такое короткое расстояние. - Чей это тимбервинг? Где Арго?

- Меня догнали наши солдаты, когда я нашел вас в той пустыне. Арго возвращается в Четвертое королевство, - говорит брат. - Наверное, уже на корабле. Обещаю, он в надежных руках. Один из них - лекарь для животных.

Меня переполняет облегчение.

Райатт решительно заталкивает меня в седло сидящего на корточках тимбервинга и быстро пристегивает.

- Мы сможем нагнать остальных, уплыть на том корабле. Сомневаюсь, что эти ублюдки попробуют что-нибудь предпринять, как только мы окажемся на своей территории.

Но я качаю головой и, протянув руку, хватаю Райатта за запястье.

- Я не полечу в Четвертое королевство.

- О чем, черт возьми, ты говоришь?

- Я лечу в Дэдвелл.

Он хмурится, открывает рот, чтобы что-то сказать, но затем его осеняет.

- Ты летишь к разрыву.

Я киваю.

- Я должен ее найти, а у меня не хватит сил, чтобы воспользоваться той грубой магией. Сейчас я не могу открыть еще одну брешь.

Райатт качает головой.

- Дэдвелл далеко отсюда. Нам придется сменить тимбервингов.

- Ты полетишь со мной? - удивленно спрашиваю я.

- Я твой брат. Конечно, я полечу с тобой, черт возьми.

Я внимательно смотрю на Райатта и вижу решимость и яростную преданность, - поэтому киваю. Какими бы порой трудными ни были отношения между нами, сколько бы споров мы ни устраивали, мы все же братья. Он меня поддерживает, а я поддерживаю его - большего и не надо.

- Не падай, - приказывает он, а потом бежит и запрыгивает на своего тимбервинга, которого одолжил мне, чтобы я мог прилететь сюда.

Если бы он с группой не нашли меня в пустыне, если бы я не появился здесь вовремя, Аурен была бы мертва. От одной мысли об этом я холодею.

Мы легонько постукиваем каблуками, и звери взывают в воздух. В то же мгновение барьер падает, как рубашка, сорванная с прищепки, подхватываемая ветром. Правители других королевств смотрят, как я лечу вверх, и разбегаются, будто муравьишки, опасаясь, что я прилечу снова и поймаю их.

Они и должны бояться. Надеюсь, они будут шарахаться от каждой тени. Вздрагивать от каждой темной линии, появившейся в поле их зрения. Надеюсь, они будут постоянно оглядываться назад и ждать, когда я на них нападу.

Мой тимбервинг рычит, и правители вздрагивают, а я кривлю губы в жестокой улыбке. В следующее мгновение мы взмываем к облакам, и они исчезают из виду.

Мы летим наперегонки к Дэдвеллу.

* * *

Путь оказывается долгим, и я в полной мере ощущаю каждый его миг, как тогда, когда мчался из Четвертого королевства за Аурен. К счастью, мне удалось удержаться в седле, хотя первые сутки почти провел без сознания. Я был слишком слаб, поэтому Райатт вел нас вперед и составлял планы.

Когда приходила пора приземляться, я спал и ел, когда он впахивал мне в руку еду, а также крепко держался за поводья, медленно восстанавливая иссякшие силы.

Но что-то ощущалось по-другому.

На третий день я снова смог воспользоваться своей привычной магией, заставив траву под ногами вянуть и гнить. Однако спустя два дня, когда моя гниль восстановилась, я попытался воспользоваться грубой силой, попытался проверить, смогу ли пробить еще одну брешь, не пользуясь той, что находилась в Дэдвелле.

И не смог.

Дело не в том, что я утратил возможность воспользоваться хотя бы ее крупницей. Нет, я вообще не мог призвать свою грубую магию. В глубине души – там, где раньше находился источник этой необузданной силы, образовалась пустота.

Как будто я и впрямь иссушил этот источник, и от него осталась лишь выжженная земля и неприрученная гниль.

Я не стал рассказывать об этом Райатту. Даже не упомянул. Просто убедил себя в том, что мне нужно время. Нужно заглушить свой страх, мысленно подпитывая решимость. Я подавляю сомнения, засунув руку в карман и нащупав ленту. Я нужен Аурен и доберусь до нее во что бы то ни стало.

Ну и что, если моя необузданная сила сейчас бесплодна? Она вернется. Должна вернуться, потому что в противном случае я не хочу даже думать о том, что может произойти с жителями деревни, с моей матерью.

Я спас Аурен, и это самое главное. Мне просто нужно добраться до Дэдвелла, чтобы последовать за ней.

Весь путь меня снедает неизвестность. Не знаю, ранена ли она, когда упала в брешь. Не знаю, где она и в безопасности ли. Пока сам ее не увижу и не прижму к себе, не успокоюсь.

Потому, когда мы наконец прибываем в Дэдвелл, в самое сердце деревни Дролллард, я чувствую себя так, словно вот-вот сорвусь. Прошло слишком много дней.

Мне нужно ее найти. Нужно очутиться на верной звездной стороне и в том же мире, где сейчас существует она.

Я стучу сапогами по снегу, мчась по тихой деревне. Я так стремлюсь побыстрее оказаться у разрыва, рядом с ней, что даже не замечаю, насколько тихо в деревне. Не замечаю, что на улице никого нет даже посреди бела дня.

Райатт кричит мое имя, когда я бегу к пещере, но я не сбавляю скорости и продолжаю взбираться на пологий холм, поскользываясь на снегу. Я добираюсь до пещеры, прохожу мимо дома матери, и мои шаги эхом отдаются в залитых голубым светом расщелинах.

Уже почти.

Свернув за угол и подбежав к пещере, я должен бы прочувствовать облегчение, но резко останавливаюсь.

С недоумением смотрю. Снова и снова. Оглядываюсь налево и направо. Потому что, безусловно, вижу не то. Или свернул не туда. Или... но нет. Нет, потому что я знаю эту пещеру, знаю точное расположение, и..

- Слейд! - Догнав меня, Райатт тяжело дышит. Он почти влетает в меня, и мы произносим одновременно.

- Всё... - начинает он.

- Разрыв... - начинаю я.

- Исчезло.

Наши слова сливаются воедино с гулким ударом, который как будто пронзает меня изнутри.

Разрыв исчез.

Исчезли люди.

Исчезла Аурен.

А моя чертова сила, с помощью которой я мог до нее добраться..

Тоже исчезла.

Эпилог

Царица Малина

- Пора.

Я медленно отворачиваюсь от окна и вижу близнецов. Не знаю, долго ли я тут просидела, бездумно смотря на клубящийся плотный туман. Порой мне даже кажется, что я почти разглядела то, что скрывается за ним. Но сейчас

стоит непроглядная темень, потому я знаю, что ночь давным-давно наступила.

Улыбаясь, я встаю и бросаю взгляд на свое бело-голубое платье. Не помню, как надевала его, но оно толстое и тяжелое – наверное, сшито специально для сегодняшнего ритуала.

Я иду за братьями, и будто в мгновение ока мы оказываемся на улице. Как бывает во сне, когда с легкостью переходишь из одного места в другое за один миг.

Ночь стоит такая темная, что я шла бы вслепую, если бы в мерзлую землю не воткнули факелы. От того возникает ощущение, будто снег горит, и я сторонюсь пламени, чувствуя, как на затылке собираются капельки пота.

Фасса и Фриано ведут меня за замок, прямо на край света.

Встав возле самой пропасти, я вижу там лишь тьму, серый туман и кусочек земли, а дальше ничего.

– Сюда, Ваше Величество.

Я поворачиваюсь и иду на их голоса, а потом замечаю, что у какой-то колонны прямо на краю земли стоит Пруинн.

Нет, это не колонна, это почти похоже на...

– Вы готовы, моя царица? – спрашивает Пруинн. Он полон радости, и его серебристые глаза притягивают мой взгляд.

Я вдыхаю свежий холодный воздух.

– Да.

Тихая музыка, что звучала у меня в голове с тех пор, как я здесь очутилась, будто становится громче. Я слышу ее, чувствую, как она отзывается в моих костях эхом. Свет факелов тоже как будто становится ярче, хотя эта жара мне не нравится. Жаль, что я не могу сесть на снег, чтобы он пропитал мое платье и охладил меня. И я не могу это сделать, потому что Фасса и Фриано берут меня за руки, а потом Пруинн достает из кармана небольшой клинок. Музыка очень громкая, а огонь такой жаркий...

По моим ладоням проводят кинжалом линию, которая тянется от одной руки к другой, пересекая их и обливая красной кровью.

– Повторяйте за мной, Ваше Величество.

И я повторяю:

– Я, царица Малина Кольер из королевского рода Кольеров, охотно отдаю свою кровь, чтобы восстановить утраченное и обрести новое.

Я не знаю, как ощущается магия.

Я никогда ничего не чувствовала с Мидасом, и только тогда, с наемным убийцей почувствовала, что за мной наблюдают.

И все же теперь я ощущаю магию.

Фасса и Фриано хлопают своими ладонями по моим, переплетая пальцы, поворачивая руки так, что моя кровь покрывает их кожу и затем капает на снег.

И магия рычит.

Мы словно разбудили дремлющего в самом чреве земли зверя, и он когтями пробил себе выход. Каждая капля крови, что падает на землю, что-то вытягивает из меня.

Мир вращается.

Магия воет, как волк в безлунном небе.

Затем налетает ветер, и земля начинает дрожать.

Земля дрожит так сильно, что я исполняю свое желание и падаю на землю. Больно ударяюсь коленями об лед, и там, где снег уже обогрела моя кровь, появляются новые брызги.

Все дрожит так сильно, что волк теперь как будто скрежещет клыками по костям своей жертвы, сжимая их и кроша в пыль.

Я понятия не имею, где близнецы или Пруинн. Вокруг слишком шумно, чтобы я стала их звать, а мир качается, как корабль на бурных волнах, потому я не могу их найти.

Я цепляюсь за землю, как за защитную сетку, и снег рассыпается у меня под пальцами. Меня откидывает в сторону, и я качусь, пока не врезаюсь спиной в колонну, которую заметила раньше – единственный стоящий каменный столб с выбоинами.

Спину и плечо пронзает боль, а потом появляется новое неприятное ощущение. Но не от удара – эта боль проходит через мою кровь, от лодыжки к виску, замораживая ее.

Сердце становится липким, а пульс – слишком медленным.

И теперь жар от факелов меня больше не беспокоит, потому что, к счастью, я очень замерзла. Лед теперь будто стучит в моем сердце и застывает в жилах.

Я не знаю, когда земля перестанет дрожать. Когда эта боль утихнет. Но подтягиваюсь, хватаюсь руками за колонну и, встав, оборачиваюсь, чтобы посмотреть на землю.

Но... Седьмое королевство не восстановилось.

Заснеженная земля не залечила трещины и не заполнила расщелины. Земля, освещенная сотнями факелов, выглядит точно так же, как и раньше.

- Получилось.

Услышав близнецов, я оборачиваюсь и вижу, что они с Пруинном стоят рядом. Но вместо того чтобы смотреть на землю, они устремляют взгляды на бесконечную пропасть.

И тогда я понимаю, что держусь не за сломанную колонну. Это перила. И теперь здесь появляются еще одни. Оба стиснуты полосой серой бесконечной земли, которая тянется, как мост. Я смотрю на него, смотрю вдаль, где туман цепляется за веревочные перила вдоль наклонной тропинки, которая тянется над вечной бездной.

Меня пронзает острое и холодное осознание.

Будто я спала, а потом упала в ледяное озеро и резко проснулась.

Проснись и хватит нюхать цветы, Холодная царица, пока не стало слишком поздно.

Королевство не восстановило свою былую славу. Свет факелов показывает, что королевство такое же рассыпающееся и ветхое, как когда я только пришла сюда. И я не чувствую аромата цветов и не слышу музыку.

Вижу кровь, а тем временем мост, как сердце зверя, гулко пульсирует.

Я хватаюсь руками за перила, и под кончиками пальцев по восстановленной каменной колонне растекается лед. Я отдергиваю руки и смотрю на прилипшие к ладони осколки льда.

А тот шум продолжает звучать из-под земли.

Я смотрю на близнецов, и мое сердце застывает от страха.

- Что вы наделали? - шепчу я.

Близнецы поворачиваются ко мне и почему-то кажутся еще более пугающими. Черты их лиц заостряются, доброта исчезает из глаз. Отпугивает даже Пруинн, чей взгляд всегда меня притягивал. Теперь он улыбается, обнажив острые клыки.

- Хотите сказать, что мы все сделали? - Они и их голоса звучат так, будто по стеклу проходятся бритвой. Но их уши. Их уши...

- С помощью вашей крови и нашей магии мы восстановили то, что было разрушено.

Я устремляю взгляд на мост. К этой барабанной дробь, которая проходится по всей его длине. Потому что я знаю историю этого моста. Ее знает каждый ореанец.

Это мост Лемурии.

У меня пересыхает во рту. Я снова смотрю на их заострившиеся лица, на кончики ушей.

– Вы – фейри.

Меня охватывает ужас, и я, пошатываясь, отступаю, но они равнодушно за мной наблюдают. Будто я снежный кролик, и они так меня отвлекли, что я неосознанно попала в их силки.

– Я же говорил вам, что у нее чистая королевская кровь, – говорит им Пруинн. – Я это чувствовал.

– Молодец, – хвалят близнецы.

– Что вы натворили? – повторяю я, и мой голос дрожит так же сильно, как и земля. – Я соглашалась не на это.

– О нет, вы согласились. Вы заключили сделку, Ваше Величество. Нам нужна была кровь ореанской королевской семьи и разрешение на восстановление моста, и вы его дали.

Гул на мосту становится громче, но слишком поздно я понимаю, что это не барабаны. Это... шаги. Будто по узкому участку бегут тысячи человек.

Я дрожу всем телом от зловещего ощущения.

– Что это? Кто сюда идет?

Мне не нравится, какими жестокими становятся их улыбки. Но от их одновременного ответа мое сердце пронзает ужас:

– Фейри возвращаются. И на сей раз Орея будет нашей.

Три Королевы

Жили-были три королевы, сколь же разными были они. Одна лишь приманка, другая – невинна, А третья – луч света в кромешной ночи.

Королева по крови и королевой ставшая волею судьбы.. И золотистая лоза, что сверкала в тени.

Одна была подобна ночи, другая – тлеющий закат. Так непохожи друг на друга, полны сомнений и утрат. Последняя сияла, словно солнце на свежей утренней заре. Что общего у них? Спешу я дать ответ: Трех королев здесь больше нет.

Закат уж скрылся под мостом, а Ночь приказано убить. И лишь Рассвет все золото свое на землю смог пролить.

Средь самых ярких звезд богини поведали им линии судьбы. Но жизнь столь переменчива, видения бывают неточны. Познать придется королевам свои могущественные силы, Чтоб избежать трагичных поворотов жизни впереди.

Когда-то жили три королевы, сколь же разными были они. Одна была неприступна, другая – храбра, А третья, конечно, тепла и добра. Но жажда людская все крепла, росла.

В столь озлобленном мире зависть очень страшна, Поэтому никто не ведал, во что взойдут посаженные ими семена.

Все три королевы вонзили в землю свой корень, Который был вскормлен обилием крови. Каждая правительница выбрала свой путь, С которого не в силах уже повернуть.

Но сердце, кровь и золото должны быть непоколебимы. Ведь лишь они отныне властны над судьбой неотвратимой.

Продолжение следует...

Благодарности

Здесь я объясняю, как решила написать эту книгу и кого мне посчастливилось поблагодарить. А людей, которые мне подарили такую возможность, очень много.

Но если я искренне признаюсь, как создавалась эта книга, то опишу это не словами. Это минуты, которые я проводила в панике, сплетающейся узлами в животе, когда я была уверена, что делаю все недостаточно хорошо. Это слезы, которые лились каждый раз, когда я понимала, что терплю неудачу. Это тихая тревога, которая застыла в глубине моего сознания. Это надежда в руках, давление которой я чувствовала, занося палец, чтобы напечатать букву. Ночи, когда просыпалась в холодном поту. Долгие многочасовые голосовые сообщения с мозговым штурмом. Это вздохи облегчения, когда я пересекала финишную черту каждой главы. Это предложения, написанные в глючном режиме. Это голоса героев, которые я слышала у себя в голове, сцены из каждой главы, проигрывающиеся как фильм. Это взгляды на календарь, когда дата дедлайна подкрадывалась все ближе и ближе. Это количество вкладок с поиском синонимов, антонимов, определений, картинок, терминов. Это чувство вины каждый раз, когда я садилась за работу и

ничего не делала. Это мелодии песен и звуки дождя, которые я включала на фоне. Это десятки оберток, оставленных на тумбочке возле кровати для ночного перекуса, когда я задерживалась за работой допоздна, уложив дочку спать. Это десятки тысяч шагов, которые я прошла, пытаюсь понять путь этих персонажей.

Все это и помогло мне написать эту книгу. И, несмотря на все это, в моей жизни есть люди, которые меня поддерживали, напоминали, почему я люблю эту историю и что хочу рассказать. Люди, которые безоговорочно любят и поддерживают меня, и я совершенно искренне говорю, что без них бы у меня ничего не вышло.

Моему мужу и дочери: вы – мое повседневное счастье, и я очень вас люблю. Моим родителям и сестре: я бы вообще не начала писать без вашей поддержки, так что именно благодаря вам я не отказалась от своей мечты.

В книжном мире очень конкурирующая среда, но мне повезло найти группу очень умных людей, которые меня поддерживают. Сара А. Паркер, спасибо за то, что помогала мне с каждой главой, помогала сосредоточиться в этой гонке, за то, что бесчисленное количество раз разрешала мне ходить по комнате и обсуждать процесс. Айви Ашер и Энн Дентон, я всегда очень нервничаю, когда вы читаете мои рукописи, но без сомнений знаю, что вы поможете сделать каждую историю лучше, и эта книга не исключение. Вы вернули мне уверенность в себе и всегда понимаете, что я пытаюсь сказать на пути Аурен. С. Р. Джейн и Кэндис, я очень благодарна за ваше видение и за то, что вы нашли время прочитать книгу как можно быстрее, когда меня поджимали сроки.

Хелайн, спасибо за то, что исправила мои ошибки и придала этой книге блеск.

Эми и Бекс, спасибо за то, что дополняете эту книгу особыми штрихами и делаете каждое издание особенным. Обри, я очень благодарна за твой прекрасный, творческий взгляд. Я знаю, что мне понравится все, что ты создашь для этой серии.

Моему агенту, Ким Уэйлен: ты рискнула создать независимый проект с уже изданными книгами, и вывела эту серию на новый уровень. Я очень благодарна за всю работу, что ты делаешь.

Ребекке Хилсдон и Йорги Вейну из Penguin Random House Uk: ваше увлечение этой серией много для меня значит, и я очень взволнована тем, что будет дальше!

Но больше всего хочу поблагодарить читателей. Без вас этой серии бы не было. Я до сих пор поражена вашей поддержке и неиссякаемому восторгу. Благодарю всех БукТокеров и Букстаграмеров, которые рассказывают о книгах. Вы заставляете меня улыбаться и плакать. Ваше творчество и искренние слова лишают меня дара речи.

Потому спасибо всем за то, что позволили мне рассказать о пути Аурен. Я благодарю каждого из вас. Спасибо за все видео, посты, отзывы и

рекомендации. Все хорошее, что произошло с этой серии, случилось благодаря вам.

* * *

notes

Примечания

1

Передняя – часть жилого помещения, располагающаяся сразу за входом в него.

2

Стазис – это ограниченная область пространства, в которой время остановлено или содержимое обездвижено.

3

Сталактиты – хемогенные отложения в карстовых пещерах в виде образований, свешивающихся с потолка (сосульки, соломинки, гребёнки, бахромы и т. п.).

4

Сталагмиты – натечные минеральные образования, растущие в виде конусов, столбов со дна пещер и других подземных карстовых полостей.

5

Портик – прилегающая к зданию крытая галерея с колоннадой.

6

Rip – в переводе с англ. «рвать, отрывать».

7

Мера для измерения высоты лошади, равная 10 см.

8

Буланями называют лошадей с песочно-желтым окрасом туловища и черными гривой, хвостом и нижней частью ног.

Кóновязь – место для привязывания лошадей в виде столба с кольцами, кольев с протянутой по ним верёвкой или закреплённой в горизонтальном положении поперечины.